

В. Л. ЯНИН, А. А. ЗАЛИЗНЯК, А. А. ГИППИУС

**НОВГОРОДСКИЕ
ГРАМОТЫ
НА
БЕРЕСТЕ**

**ИЗ РАСКОПОК
2001–2014 годов**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В. Л. ЯНИН, А. А. ЗАЛИЗНЯК, А. А. ГИППИУС

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕЕСТЕ

(ИЗ РАСКОПОК 2001–2014 гг.)

ТОМ XII

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2015

УДК 351.852.14“11”
ББК 63.3(2)л6
Я 62

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-04-16166

Я 62 **Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.**

Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 288 с.

ISBN 978-5-94457-237-0

В XII томе издания публикуются новгородские берестяные грамоты № 916–1063, найденные в ходе раскопок 2001–2014 гг., а также берестяные грамоты № 37–45 из раскопок в Старой Руссе. Большинство публикуемых грамот происходят с Троицкого раскопа и относятся к раннему периоду, преимущественно к XII в. Среди грамот тома немало полностью сохранившихся документов, представляющих большой исторический и лингвистический интерес. Центральное место в томе занимают грамоты, происходящие с усадьбы Ж, на которой зафиксирована самая высокая концентрация берестяных грамот из всех исследованных до сих пор усадеб средневекового Новгорода. Наиболее значительные комплексы составляют хозяйственные документы, написанные рукой Якима, — самый большой из блоков берестяных грамот, написанных одним писцом, а также грамоты, объединенные именами Луки, Ивана и Сновида, представляющие собой замечательные образцы древнерусской купеческой переписки. Тексты грамот снабжены историческим и лингвистическим комментариями. Помимо новых грамот, в настоящем томе публикуются, в соответствии с уже установившейся традицией, накопившиеся за истекшие годы поправки, замечания и дополнительные комментарии к ранее опубликованным грамотам, а также полученные на основе анализа новонайденных грамот коррективы к таблицам внестратиграфического датирования, помещенным в X томе НГБ. Прилагается также словоуказатель к грамотам настоящего тома и список условных дат этих грамот.

УДК 351.852.14“11”

ББК 63.3(2)л6

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-237-0

9 785944 572370 >

© В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус, 2015
© Языки славянской культуры, 2015
© М. Н. Толстая, оригинал-макет, 2015

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий том включены берестяные грамоты, найденные в XXI веке. Первое десятилетие нового столетия охарактеризовалось расширением охранных раскопок в Новгороде, что связано с широко развернувшимся строительством. За прошедшие годы было исследовано 26 участков (общая площадь — около 10 тысяч кв. м) в разных районах города. Однако основным поставщиком берестяных грамот остается постоянно действующий с 1973 г. Троицкий раскоп, где было найдено 108 грамот, из которых одна (№ 929) датируется XIV в., 12 экз. найдены в слоях рубежа XII–XIII вв. и XIII в. и 95 экз. в слоях XII в. Такое хронологическое распределение берестяных грамот характерно для всего Троицкого раскопа, где наибольшее количество берестяных писем обнаружено в слоях XII в.

Часть грамот была найдена на охранных раскопах (Никитинский, Кремлевский, Борисоглебский, Рогатицкий-2, Воздвиженский), а также в траншее на Михайловой ул. и при расчистке фундамента дома В. С. Передольского. В 2003 г. впервые была найдена грамота на Городище. Два обрывка бересты с буквами и фрагментами надписей из раскопок прежних лет на Троицком раскопе получили номера грамот 960 и 961.

Количество грамот, найденных на раскопах Новгорода в 2001–2014 гг.

Годы	Раскопы						Городище	Шурф	Дом Передольского	Всего
	Троицкий	Никитинский	Кремль	Борисоглебский	Рогатицкий-2	Воздвиженский				
2001	2								1	3
2002	10	5								15
2003	10	6					1			17
2004	3									3
2005	3									3
2006	3									3
2007										
2008			7	4				1		12
2009										
2010	42									42
2011	3									3
2012	32									32
2013										
2014					10	3				13
Всего	108	11	7	4	10	3	1	1	1	146

В Новгороде в 2001 г. были найдены грамоты № 916–918; в 2002 г. № 919–933; в 2003 г. 934–950; в 2004 г. 951–953; в 2005 г. № 954–956; в 2006 г. № 957–959; в 2008 г. № 962–973; в 2010 г. № 974–1015; в 2011 г. № 1016–1018; в 2012 г. № 1019–1050; в 2014 г. № 1051–1063.

Троицкий раскоп (2001–2014 гг.). После завершения в 2000 г. Троицкого раскопа XII на соседнем участке в 2001 г. были заложены вплотную друг к другу два новых участка, которые раскапывались одновременно: Троицкий-XIII площадью 408 кв. м (руководители: А. Н. Сорокин, с 2009 г. — В. К. Сингх) и Троицкий-XIV площадью 432 кв. м (руководитель А. М. Степанов)¹.

Эти раскопы объединили в единый массив уже изученные участки Людина конца: Троицкий-VII раскоп (1983–1987 гг.) и Троицкий-XII (1995–2000 гг.). В границы новых раскопов попало сразу несколько средневековых усадеб. С севера — усадьба Ж, часть усадьбы Е, основная часть которой изучена на раскопе XII. Центральную часть раскопа занимала усадьба У, ограничивающаяся на юге безымянным переулком. К югу от него прослежена часть усадьбы Т. Кроме того, вдоль восточной границы раскопа исследована небольшая часть усадьбы С (ранее частично вскрыта на XII раскопе).

В 2001 г. на обоих раскопах с помощью экскаватора были сняты верхние слои, датируемые XIX–XX вв. Вручную были вскрыты слои XVI–XVIII вв., и к концу сезона новый участок был доведен до уровня XV столетия; тем самым находка берестяных грамот на первоначальном этапе работ исключалась. Однако методика вскрытия влажных, постоянно заливаемых дождями и почвенными водами культурных напластований делает необходимой прокладку по периметру раскопа траншей-водосборников, позволяющих вести нормальное вскрытие основной площади изучаемого участка. Дно таких траншей достигло в 2001 г. уровня XIII в., и в двух из них были обнаружены берестяные грамоты № 916 и 918, которые как бы были посланы из будущего полевого сезона.

В 2002 г. на обоих участках исследовались напластования до уровня начала XIII в., в которых были найдены грамоты № 919–927, 929.

В 2003 г. были пройдены напластования второй половины XII в. и найдены грамоты № 934–936, 940, 941, 943–947.

В 2004 г. исследовались слои середины XII в., в которых были обнаружены грамоты № 951–953.

Начиная с 2005 г. работа на участках XIII и XIV велась на разных уровнях. На Троицком-XIII раскопе были пройдены напластования первой половины XII в. и найдена грамота № 954. На Троицком-XIV раскопе исследовались слои второй половины XII в., в которых были найдены грамоты № 955 и 956. Грамоты № 954 и 955 — целые, относительно большие документы, представляющие чрезвычайный интерес как для историков, так и для лингвистов.

В 2006 г. три грамоты (№ 957–959) были найдены только на участке XIV, где исследовались напластования конца XI – первой четверти XII в. На соседнем участке XIII вскрывались слои второй половины XI в., в которых находки грамот маловероятны.

В 2007–2009 гг. на Троицком раскопе грамот не обнаружено, поскольку на обоих участках работы велись в нижних напластованиях, которые датировались сер. X – XI вв. Троицкий-XIII раскоп в 2009 г. был завершен, а на Троицком-XIV исследовались слои второй половины XI в.

Среди выявленных усадеб особый интерес представляет усадьба Ж, частично исследованная на Троицком-VII раскопе (1984–1986 гг.) и основной площади Троицкого-XIII раскопа. На этой усадьбе зафиксирована самая высокая концентрация берестяных грамот из всех исследованных до сих пор усадеб средневекового Новгорода².

¹ Троицкий-XIII раскоп был завершен в 2009 г., Троицкий-XIV — в 2011 г. Предварительные итоги работ см. Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сорокин А. Н., Степанов А. М., Сингх В. К. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 гг. // Вестник РГНФ. 2010. № 4 (61). С. 115–128.

² По расчетам А. А. Зализняка, плотность грамот на усадьбе Ж составляет 20,5 грамоты на 100 кв. м при средней общей плотности на Троицком раскопе — 6,3 грамоты на 100 кв. м. На Неревском раскопе средняя плотность грамот составляет лишь 4,5 грамоты на 100 кв. м.

В связи с этим для полноценного изучения усадьбы Ж Троицкий-ХІІІ раскоп (участки А–В) был расширен к северо-западу. В 2008 г. был добавлен участок Г (площадь 92 кв. м), работы на котором начались в 2009 г. (руководитель В. К. Сингх), в 2011 г. — участок Г-1 площадью 172 кв. м (руководитель В. К. Сингх), в результате чего усадьба Ж полностью вошла в пределы раскопа.

В 2010 г. на участке Г в слоях второй половины ХІІ – начала ХІІІ в. было найдено 42 берестяных грамоты, большая часть которых делится по содержанию на две основные группы. Грамоты первой группы происходят из слоев конца ХІІ – начала ХІІІ вв., из них 19 текстов написаны одним почерком и имеют одинаковые стилистические и графические особенности. Автором двух грамот из этой группы (№ 979, 989) был Яким, что дало основание установить авторство остальных 17 документов, написанных тем же почерком.

Другую группу грамот составляют письма торгового содержания, датированные второй – третьей четвертью ХІІ в., т. е. периодом, предшествующим грамотам Якима. Этот комплекс имеет исключительное значение для изучения новгородской торговли раннего периода (внутрирусской и международной), поскольку в традиционных письменных источниках сведений о ней практически нет. Судя по текстам, даже обрывочным, где упоминаются одни и те же имена, мы имеем дело с группой складников, т. е. новгородских купцов, совместно занимавшихся торговлей. Особый интерес представляют пять грамот (№ 999, 1004, 1005, 1006, 1012), у которых один и тот же автор — Лука и один и тот же адресат — его отец. Письма Луки разнообразны по содержанию, насыщены исключительной информацией, иногда, несмотря на деловой тон, весьма эмоциональны. В грамотах речь идет о торговле зерном, кожей, скородами, о расчетах с покупателями, о поездках в Луки и о покупке там товаров; в них содержатся яркие примеры складничества и живые детали торговой деятельности.

На Троицком-ХІV раскопе в 2010 г. исследовались слои первой половины ХІ – конца Х в., в которых берестяные грамоты отсутствовали.

В 2011 г. начались работы на участке Г-1, в то время как участок Г был законсервирован с тем, чтобы в дальнейшем раскапывать оба участка единой площадью. На участке Г-1 были пройдены напластования ХІІІ в., в которых на усадьбе Ж обнаружались грамоты № 1016–1018. Работы на Троицком-ХІV раскопе в 2011 г. завершились исследованием слоев второй половины Х в., исключая находки берестяных грамот.

В 2012 г. на участке Г-1 исследовались слои конца ХІ – начала ХІІІ в., где был найден 31 документ: № 1019–1049. Все они, кроме грамоты № 1020, происходят с усадьбы Ж. В их числе оказалось еще 17 документов, написанных рукой хорошо знакомого нам по 2010 г. Якима, который оказался самым пишущим новгородцем. Всего ему принадлежит 37 грамот, среди которых почти нет частных писем с адресной формулой. Подавляющее число грамот Якима являются деловыми записями, содержание которых свидетельствует о том, что Яким был управляющим крупным боярским хозяйством. Комплекс торговых грамот в 2012 г. пополнился несколькими документами (№ 1045–1047), в которых пересекаются одни и те же имена: Лука и Сновид, знакомые по 2010 г., а также Домка и Уец. Луке, автору пяти писем отцу из находок 2010 г., принадлежит целиком сохранившееся письмо (№ 1045), в котором он сообщает о неудачной поездке со своим компаньоном на север за пушниной. К концу сезона 2012 г. участок Г-1 вышел на уровень участка Г, и в дальнейшем они исследовались одновременно. На участке Г в слое рубежа ХІ–ХІІ вв. была найдена грамота № 1050.

В 2013 г. на Троицком раскопе были продолжены работы на участках Г и Г-1 в напластованиях второй половины ХІ в., в которых находки берестяных грамот редки. В этот же год вплотную к участку Г-1 с западной стороны был заложен Троицкий-ХV раскоп общей площадью 232 кв. м. В течение полевого сезона здесь были сняты напластования мощностью 40 см (2 пласта), которые предварительно датируются первой половиной – серединой ХІV в. Сохранность органики в этих слоях, как и на большинстве Троицких раскопов, очень плохая, что сделало невозможным находки берестяных грамот.

В 2014 г. на участках Г и Г-1 были пройдены слои первой половины ХІ – второй половины Х в., в которых находки грамот исключаются. Работы на Троицком-ХV раскопе были приостановлены из-за необходимости довести до материка участка Г и Г-1 Троицкого-ХІІІ раскопа.

Никитинский раскоп (2002–2004 гг., руководитель Г. Е. Дубровин). В 2002 г. в связи со строительством жилого дома по ул. Оловянка (территория древнего Плотницкого конца) к западу от церкви Никиты-мученика был заложен Никитинский раскоп, работы на котором продолжались в течение трех лет. Площадь раскопа составила 640 кв. м, мощность культурного слоя, датирующегося концом XIII–XV вв., не превышала 2,5 м. Материалы этого раскопа оказались чрезвычайно важными для изучения истории и топографии Плотницкого конца времени расцвета Новгорода. На раскопе были исследованы три усадьбы, которые, судя по берестяным грамотам (11 экз.), печатям (23 экз.), их заготовкам (5 экз.) и другим находкам (всего более 6300 предметов), принадлежали правящей элите Новгорода³.

В 2002 г. в слоях рубежа XIV–XV – первой половины XV в. было найдено пять грамот (№ 928, 930–933). Шесть грамот (№ 937–939, 942, 948, 949) было обнаружено на Никитинском раскопе в 2003 г., когда снимались слои второй половины XIV в. В 2004 г. на раскопе были пройдены слои XIII – первой половины XIV в., работы в этот год были завершены, но берестяных грамот на этом раскопе больше не было.

Борисоглебский раскоп (2008 г., руководитель А. М. Степанов)⁴. В 2008 г. в Плотницком конце на участке, отведенном под строительство, был заложен Борисоглебский раскоп, получивший свое название от расположенной неподалеку церкви Бориса и Глеба в Плотниках. Площадь раскопа составила около 450 кв. м, мощность средневекового культурного слоя на разных участках была различной — от 0,5 м до 1,2 м. Культурные напластования датировались XIII–XIV вв., в слое XIII в. было найдено четыре грамоты (№ 966, 967, 970, 973).

Кремлевский раскоп (2008–2010 гг., рук. М. А. Родионова). В связи с начавшейся в 2007 г. реконструкцией Грановитой палаты к западу от нее на территории Владычного двора в 2008 г. был заложен раскоп площадью 60 кв. м⁵. В течение полевого сезона 2008 г. здесь исследовались напластования XIII–XV вв., в которых были обнаружены грамоты № 963–965, 968, 969, 971, 972, часть которых, несомненно, связана с владычным хозяйством. Первой находкой на этом раскопе стала сохранившаяся целиком берестяная грамота № 963, адресованная новгородскому архиепископу Семену, занимавшему Новгородскую кафедру в 1416–1421 гг. Благодаря этому грамота № 963 датируется коротким промежутком в пять лет.

Рогатицкий-2 раскоп (2014 г., руководитель О. М. Олейников). Раскоп заложен и исследован в мае – сентябре 2014 г. в южной части Плотницкого конца Новгорода на участке, отведенном под строительство (ул. Большая Московская, 30). Расположен внутри средневекового городского квартала, образованного улицами Рогатица (с севера), Пробойная-Плотенская (с запада), Лубяница (с юга) и Большая Московская дорога (с востока). Свое название раскоп получил от расположенных неподалеку улицы Рогатицы и Рогатицкого раскопа, работы на котором велись в 1971 г. Площадь раскопа составила 300 кв. м, мощность культурного слоя достигает 6,5 м. Влажные насыщенные органикой культурные напластования датируются первой половиной XI – началом XV в. На раскопе найдено десять грамот, стратиграфически датируемых концом XI в. (№ 1056), 2 четвертью XII в. (№ 1062), 2 пол. XII в. (№ 1057, 1058), концом XII в. (№ 1063), 2 пол. XIII в. (№ 1054, 1055) и 1 пол. XIV в. (№ 1051, 1052, 1053).

Воздвиженский раскоп (2014 г., руководитель О. М. Олейников). Раскоп заложен в 2014 г. в южной части Людина конца Новгорода на участке, отведенном под строительство (ул. Воздвиженская, 3). Расположен в непосредственной близости к средневековой улице Воздвиженская, по имени которой и получил свое название. Площадь раскопа составила около 150 кв. м. В сезон 2014 г. вскрыты культурные напластования

³ Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010.

⁴ Степанов А. М., Павлов Г. Ю., Шуреев А. В., Тянина Е. А., Покровская Л. В. Исследования на Борисоглебском раскопе в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 62–79.

⁵ Родионова М. А. Итоги археологических исследований на Владычном дворе в новгородском Кремле (Кремлевский раскоп 2008–2010) // ННЗИА. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 44–57.

мощностью более 2 м, датирующиеся второй половиной XII – началом XV в. В 2015 г. работы на раскопе предполагается продолжить. В слое 2 пол. XII в. найдено три грамоты (№№ 1059, 1060, 1061).

В 2003 г. была найдена первая берестяная грамота на Новгородском («Рюриковом») **Городище**, где с 1975 г. ведутся археологические исследования под руководством Е. Н. Носова. Здесь впервые были вскрыты напластования с органическими остатками, и над двумя бревнами с дендродатами 1099 г. и 1105 г. была найдена берестяная грамота, получившая номер 950.

Одна грамота (№ 917) была обнаружена в 2001 г. при расчистке фундаментов дома Передольского на ул. Знаменской. Стратиграфической даты эта грамота не имеет; внестратиграфическое датирование определяет ее дату в промежутке между концом XIV – первой половиной XV вв.

В 2008 г. в шурфе под канализационный колодец на северо-восточном углу Никольской и Михайловой улиц (археологическое наблюдение вел С. В. Трояновский) была найдена грамота № 962. Глубина шурфа составила около 3 м, на отметке 2 м зафиксирован культурный слой со щепой и навозом мощностью до 1 м, в котором обнаружена керамика XV–XVI вв. В этом слое и была обнаружена грамота № 962, составленная из двух фрагментов.

Принятые в настоящем издании датировки берестяных документов усадеб Ж, У и Т основаны на предварительных стратиграфических оценках и могут быть уточнены при последующем совокупном анализе археологических данных со всех участков Троицкого раскопа.

Внестратиграфическая оценка не дается для тех грамот, где для нее слишком мало материала и в результате она оказывается слишком широкой.

В качестве приложения в настоящий том включены берестяные грамоты № 37–45 из Старой Руссы (из раскопок 2001–2012 гг.).

Реставрация включенных в том берестяных грамот из раскопок 2001–2008 гг. осуществлена В. И. Поветкиным. Грамоты № 1023 и 1034 из раскопок 2012 г. реставрировала И. В. Бегунц.

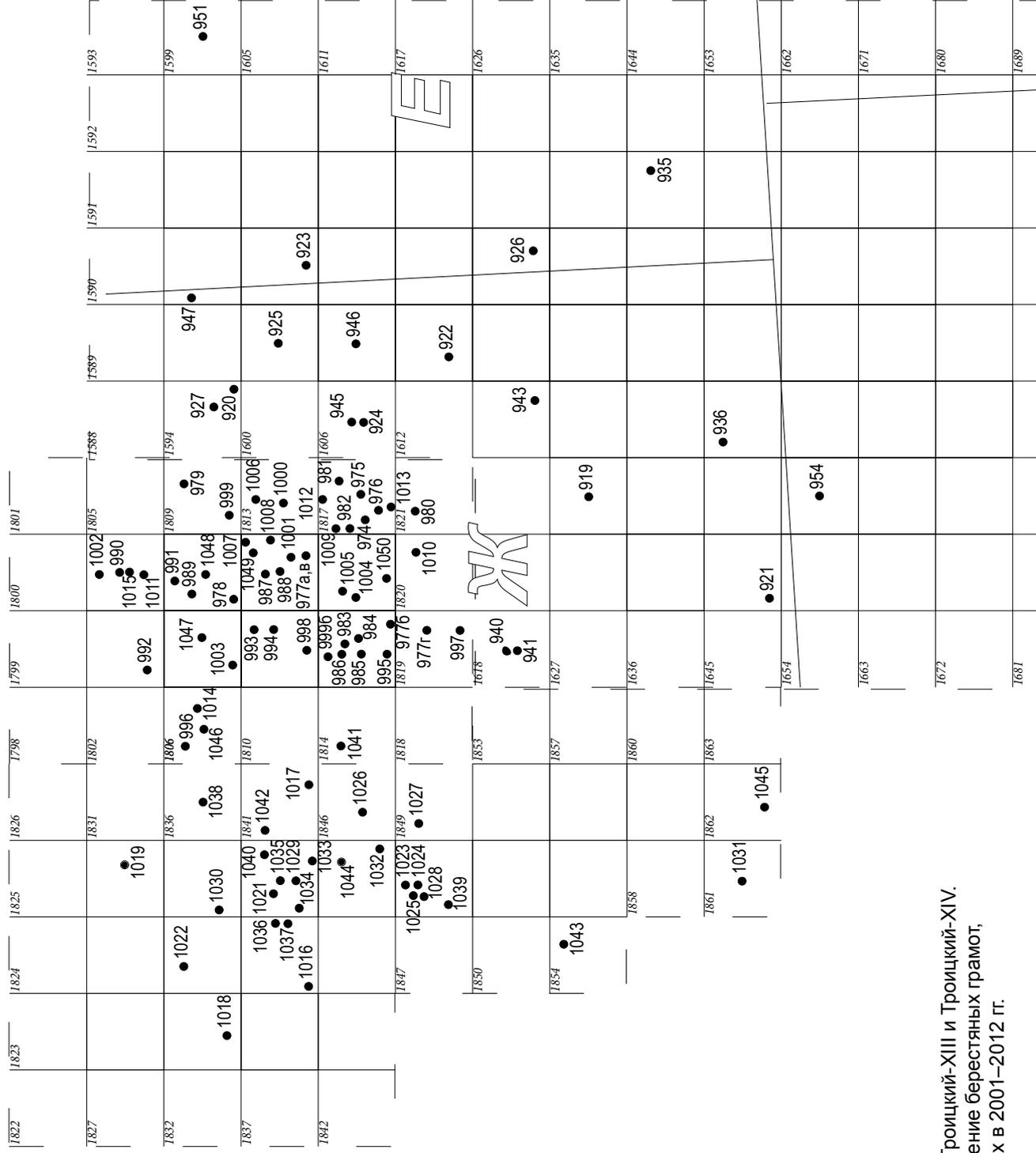
Публикуемые прорисы грамот выполнены С. А. Шаповаловой и В. В. Солдатенковой.

Помимо новых грамот, в настоящем томе публикуются, в соответствии с уже установившейся традицией, накопившиеся за истекшие годы поправки, замечания и дополнительные комментарии к ранее опубликованным грамотам, а также полученные на основе анализа новонайденных грамот коррективы к таблицам внестратиграфического датирования, помещенным в X томе НГБ.

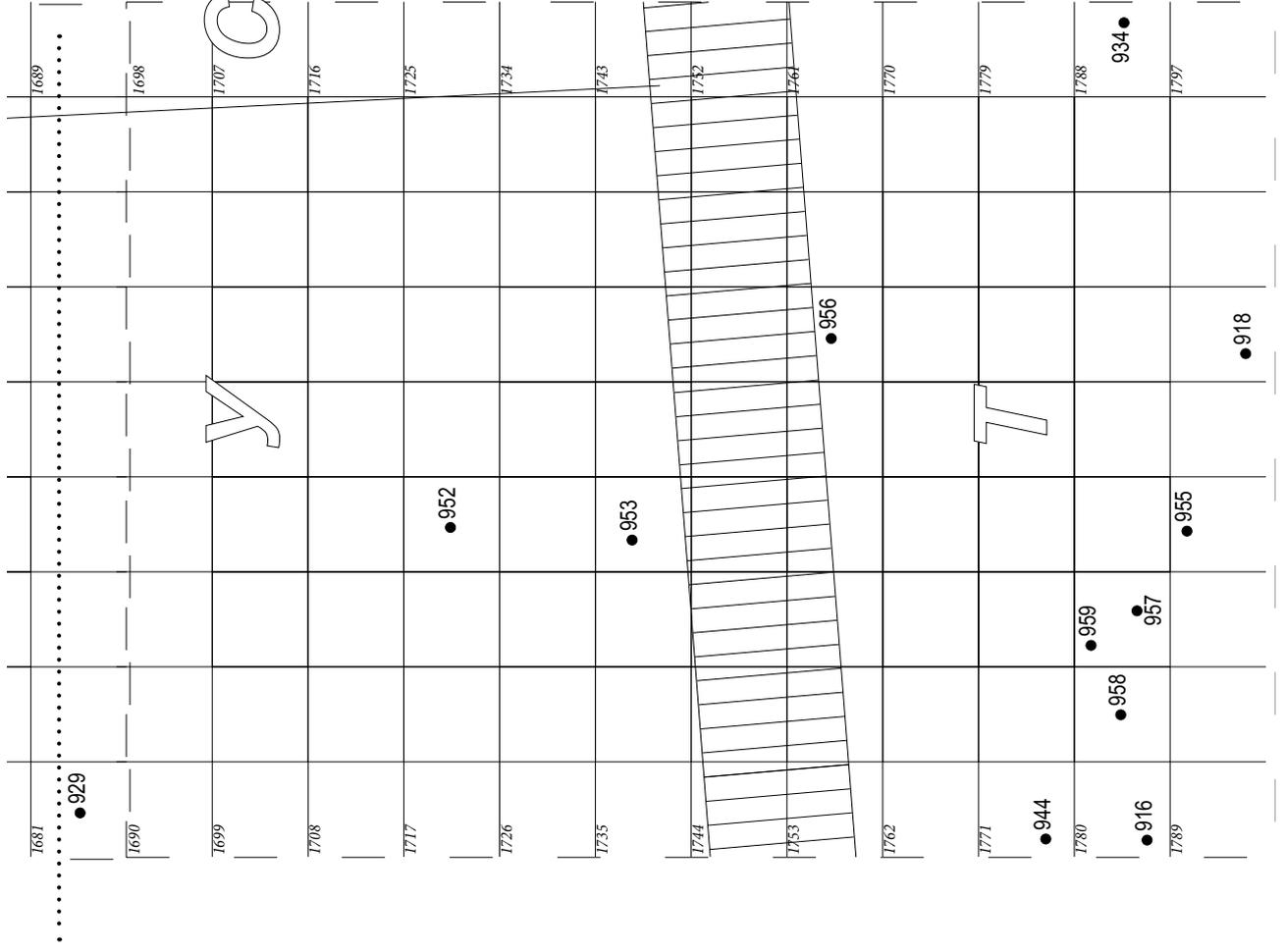
Прилагается также словоуказатель к грамотам настоящего тома и реестр условных дат этих грамот.

По сравнению с предварительными публикациями берестяных грамот из раскопок 2001–2012 гг. в «Вопросах языкознания» (2002–2013 гг.) комментарии к новым грамотам дополнены и в отдельных случаях исправлены. При этом учтены многочисленные замечания А. А. Гиппиуса.

На прилагаемой ниже схеме показано расположение берестяных грамот, найденных на Троицком-XIII и Троицком-XIV раскопах в 2001–2012 гг. Для грамот, найденных в виде нескольких фрагментов, показано только расположение основного (самого крупного) фрагмента. Грамоты, точное расположение которых внутри квадрата не установлено, изображены на схеме светлыми кружочками.

Раскопы Троицкий-ХIII и Троицкий-ХIV.
Расположение берестяных грамот,
найденных в 2001–2012 г.

С 2007 г. берестяные грамоты представлены в сети Интернет на специальном сайте gramoty.ru («Древнерусские берестяные грамоты»).

Основу сайта составляет база данных, включающая фотографии берестяных грамот, их прориси, древнерусские тексты, переводы на современный русский язык и основную информацию о документах.

Цифровая съемка и обработка цифровых изображений берестяных грамот были произведены ЗАО «Группа ЭПОС» (www.eposgroup.ru). Дизайн и программная разработка сайта сделаны А. В. Санниковым. Сайт был создан в рамках проекта INTAS «Birchbark Literacy from Medieval Rus: Contents and Contexts» (№ 03-51-3867, координатор — Йос Схакен, Лейденский университет).

Материалы сайта не представляют собой самостоятельной электронной публикации, но основываются на существующих основных изданиях берестяных грамот. На момент открытия сайта они отражали состояние изучения корпуса, зафиксированное во 2-м издании книги А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (М., 2004).

Обновление сайта, пополнение его данными берестяных грамот, обнаруженных в ходе раскопок 2004 и последующих годов, а также внесение накопившихся поправок в транскрипции и переводы будут произведены по выходе в свет настоящего тома.

С 2010 г. текстовый корпус берестяных грамот с полной морфологической разметкой доступен в составе исторического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Тексты берестяных грамот в составе НКРЯ интерактивно связаны с их представлением на сайте gramoty.ru.

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ
НА БЕРЕСТЕ

916–1063

(из раскопок 2001–2014 гг.)

[2001]

Грамота № 916

Найдена на Троицком раскопе в дренажной траншее, в квадрате 1780, на уровне пласта 5 (глубина 0,80–1,02 м). Усадьба Т, где обнаружена эта грамота, расположена на древней Рядятиной улице Людина конца; по данным писцовых книг XVI в., она традиционно принадлежала клирикам расположенной рядом Троицкой церкви, существовавшей с XII столетия (Майков 1911: 179).

Это целый документ из пяти строк:

[си]глтѣ еси ѿ [о]--дѣвць маріе: что дѣло се ежѣ тѣ
бѣви: жюнь доумь и дивлюся и змомь ѡ жаса
юса: та ѿ мнь бѣди скоро. И бы: ѿ цѣркви и ѿ ери ако
Господню та приахоу хлѣм и приньсла еси за цѣсть
срамѣтѣ за вьсьлье скорѣ за нь хвалитиса

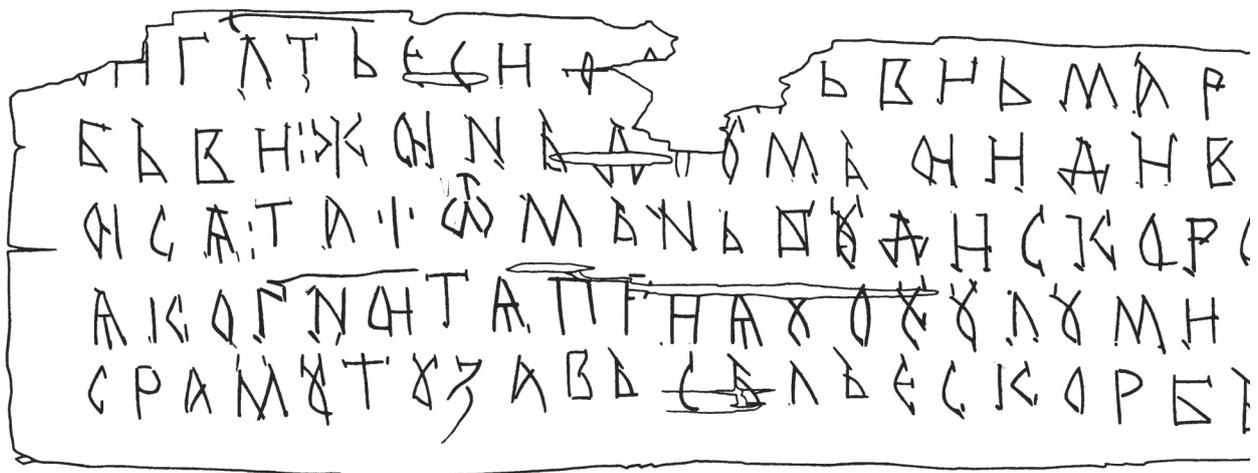
Длина 29,5 см, ширина 6,3 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XIII–XIV вв.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно вторая половина XIII в.

Текст делится на слова так:

Си гл(аголеть) Есиѿ (ко) дѣвць: Маріе, что дѣло се, ежѣ тѣбѣ вижю? Нѣдоумью и дивлюся и змомь ѡ жасаюся, та ѿ ѿ мнь бѣди скоро. И бы: ѿ цѣркви и ѿ ери ако Господню та приахо. Хлѣм и приньсла еси за цѣсть, срамѣтѣ за вьсьлье, скорѣ за нь хвалитиса.

Прорись грамоты № 916

Так же как и найденная несколькими днями раньше новоторжская грамота № 17, это не бытовой и не деловой текст, а литературный — в данном случае литургический.

Источник текста — Часы в Навечерие Рождества Христова, час 1-й, тропари перед чтением паремии, тропарь «на Славу», глас 8. Современный текст здесь таков:

Сия глаголет Иосиф к Деве: Марие, что дело сие, еже в тебе зрю? Недоумею и удивляюся, и умом ужа-саюся, отай от мене буди вскоре. Марие, что дело сие, еже в тебе вижу? За честь срамоту, за веселье скорбь, вместо еже хвалитися, укоризну мне принесла еси. К тому не терплю уже поношений человеческих: ибо от церей из церкви Господни непорочну тя приях, и что видимое?

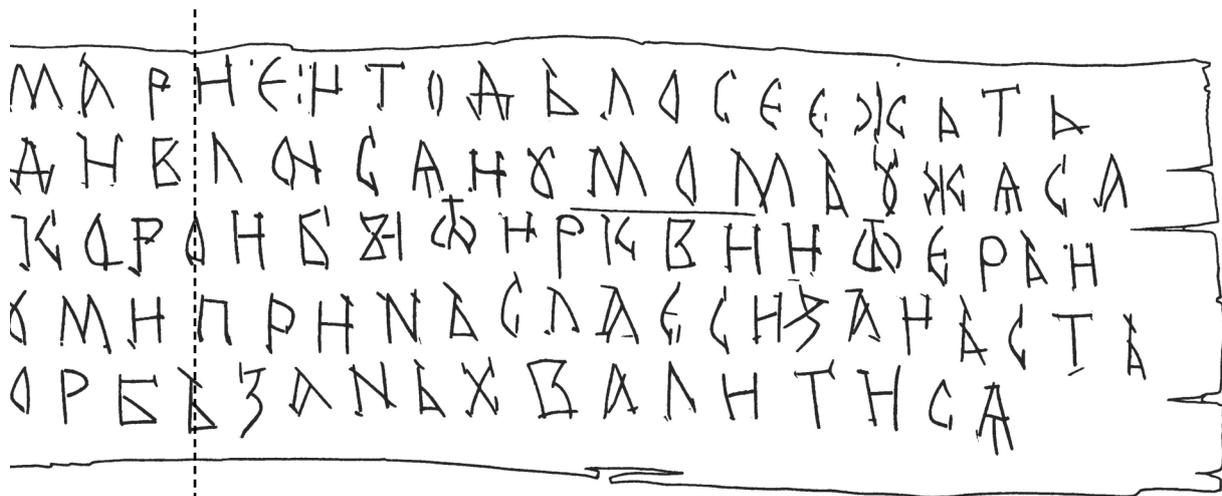
Евангелие от Матфея очень кратко излагает представленный в приведенном тексте сюжет. Обрученный с Девой Марией Иосиф обнаружил, что она ждет ребенка, и решил тайно, без огласки отправить ее прочь. Однако явившийся ему ангел возвестил о том, что она «имеет во чреве от Духа Святого». Сцена упреков Иосифа в каноническом тексте Евангелия отсутствует, но она содержится в тропаре «на Славу», который исполняется перед чтением паремии в навечерие Рождества Христова¹.

Язык грамоты — церковнославянский; но в записи отражено новгородское цоканье (*цто, цьсть*). В Д. ед. *дъвиць*, если это вместо *дъвиць*, употреблено диалектное окончание <-ѣ>.

Несомненная описка — *срамѣтѣ* вместо *срамотѣ* (с предвосхищением *ѣ*). По-видимому, *дъвиць* — тоже описка (вместо *дъвиць*); маловероятно, чтобы писавший подменил в тексте слово *дъвица* народным словом *дѣвка*: тогда он скорее всего написал бы *дѣвкъ*, а не *дъвиць*.

Тѣбѣ вместо *во тѣбѣ* — по-видимому, фраза переосмыслена здесь так: «Мария! Что это за дело, что я тебя [такою] вижу?». *И бы* вместо *ибо* — замена смысла «потому что» на смысл «и было».

При этом, однако, как показала в специальной работе, посвященной данной грамоте, М. А. Бобрик (2008), текст здесь содержит существенно меньше искажений, чем предполагалось в предварительной публикации. В частности, *за нь* «вместо того, чтобы» представлено также в ряде стихирарей; то же верно в отношении эпитета «Господню», отнесенного к Марии, а не к церкви. Общий вывод М. А. Бобрик таков: «В грамоте 916 текст стихирь сокращен; опущены повторы и второстепенные в смысловом отношении элементы текста; в некоторых случаях пропуску или замене подвергнут книжный оборот или грецизм. <...> Берестяная версия стихирь лишена <...> таких грубых ошибок, как нарушение согласования или аграмматизм конструкции. <...> В результате переделок мы имеем грамотный текст, записанный по бытовой системе и представляющий собой краткую версию гимнографического текста».

¹ Степанов А. М., Павлов Г. Ю., Шуреев А. В., Тянина Е. А., Покровская Л. В. Исследования на Борисоглебском раскопе в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 62–79.

Следует заметить, что самой ранней русской рукописью, в которой воспроизведен текст тропаря «на Славу», является «Студийский устав» конца XII века (Устав студ., л. 111 об.). Как видно из приписок, она была предназначена для библиотеки новгородского Благовещенского монастыря, находящегося в ближайших окрестностях Людина конца. Монастырь основан в 1170 году архиепископом Илией и его братом, будущим архиепископом Гавриилом. В дальнейшем он стал главным людинским монастырем. Первая приписка (об основании монастыря и строительстве в нем каменной церкви в 1179 г.) внесена еще при жизни Илии, следующие, выполненные одни почерком, повествуют о смерти Илии в 1186 г. и Гавриила в 1193 г. Последняя его приписка призывает милость Господню монастырю и его братии (Столярова 2000: 562–568).

Именно в росписях Благовещенского монастыря (они исполнены в 1189 году), в сюите Богородичного цикла, сохранилась фреска, передающая сюжет «Упреков Иосифа и плача Марии». Исследовательница этих росписей Т. Ю. Царевская так описывает интересующую нас композицию: «Иосиф с “упрекающим” движением поднятой руки изображен стоящим слева; плачущая Мария, со скорбным жестом руки, горестно прижатой к щеке, помещена справа. Статический характер фигур, а также значительная цезура между говорящими придают жестам особое эмоциональное звучание» (Царевская 1: 55). Этот сюжет достаточно широко распространен в средневековой храмовой живописи средиземноморских стран, но на Руси аналогий ему нет (возможно, правда, что подобная несохранившаяся композиция имелась в Богородичном цикле фресок псковского Мирожского монастыря).

Остается добавить, что Илия до своего избрания на архиепископскую кафедру был священником церкви Власия на древней Волосовой улице (ПСРЛ III: 125, 180, 215), а этот храм расположен в непосредственной близости к месту находки берестяной грамоты № 916. Не был ли сюжет тропаря «на Славу» одним из излюбленных Илией? И не это ли обстоятельство связывает воедино Людин конец, архиепископа Илию, благовещенскую фреску и запись тропаря «на Славу» в берестяной грамоте № 916?

Грамота № 917

Найдена в процессе археологического контроля за земляными работами на территории бывшего дома В. С. Передольского на Нутной улице. Это целый документ из двух строк — запись на обрезанном куске толстой бересты.

сидоре
калики

Длина 8,2 см, ширина 5,1 см.

Стратиграфической даты нет.

Внестратиграфическая оценка только широкая:
XIV – первая половина XV в.

Текст делится на слова так: **Сидоре Калики.**

Документ представляет собой владельческий ярлычок с именем Сидора Калики.

В форме *Сидоре* следует видеть не И. ед. от самого имени (поскольку в этом случае была бы необъяснима форма *Калики*), а притяжательное прилагательное ‘Сидорово’ (или ‘Сидоров’ — род в данном случае устанавливается неоднозначно). *Калики* — Р. ед. от *Калика* (или *Калѣка*), с окончанием *-и*, восходящим скорее к *-ѣ*, чем к *-ы*. Конструкция с притяжательным прилагательным в первом члене и родительным падежом во втором для этого времени совершенно правильна.

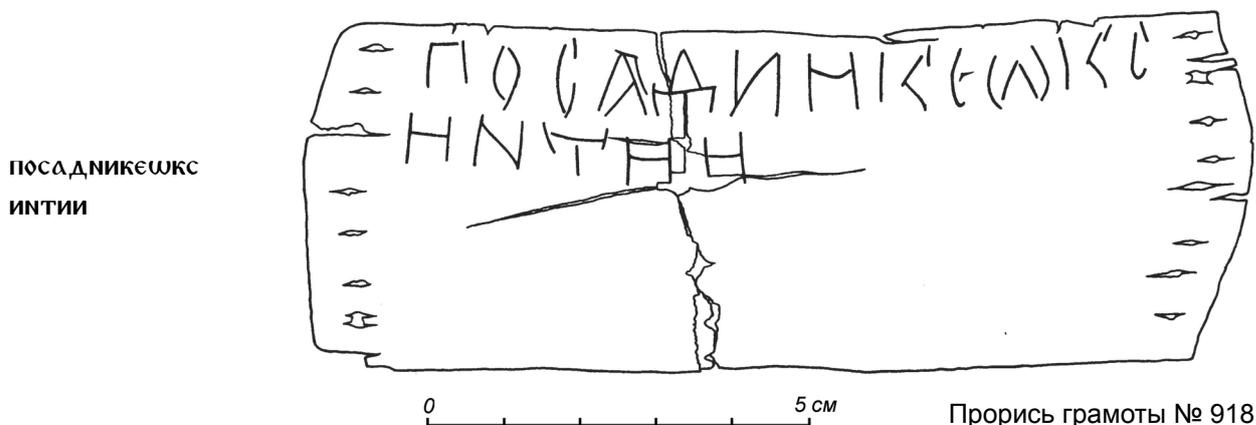
Прозвище *Калика* (*Калѣка*) хорошо известно по знаменитому новгородскому архиепископу 1331–1352 гг. Василию Калике.

Прорись грамоты № 917

Грамота № 918

Найдена на Троицком раскопе в дренажной траншее, в квадрате 1794, на уровне пласта 5 (глубина 0,80–1,00 м), в напластованиях усадьбы Т. Это целый документ из двух строк — запись на донце берестяного тусека:

Длина 12,5 см, ширина 4,8 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XIII–XIV вв.

Внестратиграфическая оценка только широкая: не ранее XIII в.

Текст делится на слова так: **Посаднике Оксинтии.**

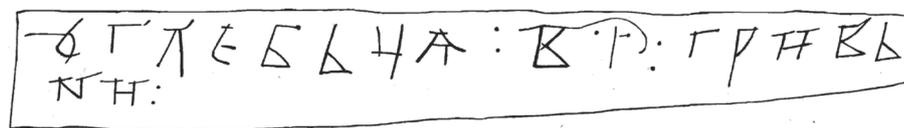
Документ представляет собой владельческий ярлычок с именем посадника Оксинтия. Поскольку в списках новгородских посадников такого имени нет, можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело с одним из двинских посадников.

[2002]

Грамота № 919

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1629, на уровне пласта 5 (глубина 0,90–1,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целый документ из двух строк:

У ГЛЕБЬЦА: ВѢ: ГРИВЬ
НИ:

Длина 11,5 см, ширина 2,0 см.

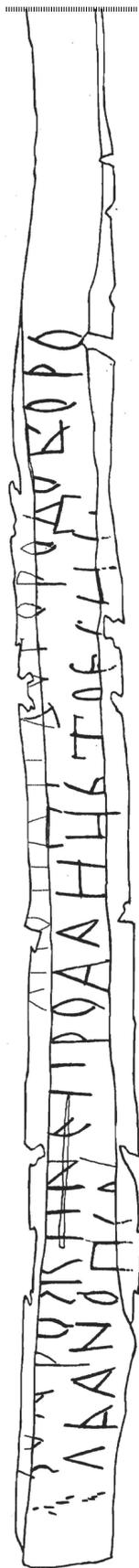
Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка (с учетом корректировки таблиц): середина – вторая половина XII в.

Текст делится на слова так: **У Глебца 12 гривьни.**

Это долговая запись: ‘У Глебца [долга] 12 гривен’.

Глебец — уменьшительное к *Глеб*. Имя Глеб в качестве не княжеского встречается редко.

Прорись грамоты № 920

Грамота № 920

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1594, на уровне пласта 6 (глубина 1,17 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент средней части письма; частично сохранились три строки:

...[апои]д[иво]городоборо
з[о]арожинепродаицетоес[ис]...
лъано[п]є[рє]...

Во 2-й строке после *цето ес[и]* стояло *с* или *е*.

Длина 24,6 см, ширина 1,6 см.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее середины XII в. (мало материала).

Текст делится на слова так:

... **А поиди во городо борозо. А рожки не продаи. Цето еси с...ль, ано пере...**

Перевод: ‘... А поиди в город срочно. А ржи не продавай. Что (*или*: Если что-то) ты ...л, то ...’ (но конъектура ‘если что-то ты продал’ не проходит — из-за буквы *с* или *е* после *цето ес[и]*).

Грамота № 921

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1646, на уровне пласта 5 (глубина 0,99 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент строки из средней части письма:

...[и]цоу:а азо...

Длина 8,4 см, ширина 1,4 см.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Текст делится на слова так:

...ицоу, а азо ...

Фрагмент ...[и]цоу — конец какого-то отчества или слова типа *пшеницоу*. Далее стояло: ‘а я ...’

Прорись грамоты № 921

Грамота № 922

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1613, на уровне пласта 6 (глубина 1,01 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент строки из средней части документа:

...[и:]в:гривньводано:Ѡ:кнои...

Длина 13,7 см, ширина 1,4 см.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Текст делится на слова так: ... **и 2 гривнь, водано 9 к(у)но и ...**

Первоначальная грамота представляла собой некий приходо-расходный документ. Перевод: ‘... [столько-то кун] и 2 гривны; дано 9 кун и [столько-то гривен] ...’.

Прорись грамоты № 922

Этой грамотой, найденной в 2002 г., в настоящем томе открывается самый большой известный ныне блок берестяных грамот, написанных одним почерком (37 документов). В том же году на той же усадьбе Ж были найдены еще две грамоты этого блока (№ 923 и 927), в 2003 г. — грамота № 943, а в 2010 г. на соседнем участке усадьбы Ж была обнаружена большая серия грамот данного блока: № 974, 976–979, 982, 983, 986, 989, 992, 994–996, 998. Отождествить почерки всех этих грамот удалось только в 2010 г. И тогда же было установлено, что к данному блоку относится также еще одна грамота (№ 621), найденная на вскрытом ранее участке усадьбы Ж в 1984 г., т. е. на 26 лет раньше. В 2012 г. эта серия получила мощное продолжение в виде грамот № 1021, 1023, 1024, 1027–1030, 1032–1042, найденных на еще одном участке усадьбы Ж.

Как можно предполагать на основании грамот № 979 и 989 (см. ниже), весь этот комплекс грамот написан человеком по имени Яким. Соответственно, мы именуем ниже этот комплекс «блоком Якима».

Характеристику данного блока в целом (в частности, внестратиграфическую датировку, разбор графической системы и языковых особенностей) см. ниже при грамоте № 1042 — последней из входящих в этот блок. Там же о предполагаемом авторе и характере его деятельности.

Комментарии при отдельных грамотах данного блока касаются только частных особенностей рассматриваемого документа.

Грамота № 923

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1602, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент первой строки документа:

...[о]вича возато на...

Длина 8,5 см, ширина 1,1 см.

Поскольку почерк совпадает с почерком предыдущей грамоты и оба фрагмента найдены практически на одной и той же глубине в 4 м друг от друга, вполне возможно, что это части одного и того же первоначального документа. Содержание фрагментов вполне согласуется с таким предположением.

Прорись грамоты № 923

Таким образом, грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Текст делится на слова так: (Уо) ...овича возато на ... 'У такого-то (названного по отчеству) взято...'

Уникальное начертание имеет в этом почерке буква ч: фигура типа У продолжена в ее верхней части двумя почти смыкающимися усиками, т. е. выглядит приблизительно как ромбик на вертикальном стволе (см. также грамоту № 927). Единственное отчасти сходное начертание отмечено в надписи № 47 на стене новгородского Софийского собора (известной ныне только по ретушированной фотографии, см. Мединцева 1978: 64, 225), где буква ч выглядит просто как кружок на вертикальном стволе (но издательница считает возможным, что здесь была допущена ошибка при ретушировании).

Грамота № 924

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1606, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это конец предпоследней и большая часть последней строки документа:

...[оуженен]а

...[етожепопор]адилашеломынапослоухы

Длина 55,3 см, ширина 2 см.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Текст (с конъектурами) делится на слова так:

...оуже не на(добе ниц)ето же. Попо, Радила, Шеломына послоухы.

Вместо чтения (ниц)[ето же] возможно также чтение (ниц)[его же].

Первоначальный документ представлял собой некий акт.

Перевод: ‘... нет дела ни до чего. Поп, Радила [и] Шеломына послухи (букв.: послухами)’. Но возможно также и иное понимание: ‘поп Радила’. Ср. а бра^{тѣ} не надѣби в грамоте № 274.

Отрезок ...[оуже] (если следы букв интерпретированы правильно) допускает различные реконструкции: *никому же, братоу же, Иваноу же* и т. п.

Имя *Радила* известно; в корпусе берестяных документов оно встретилось в грамоте № 442. Имя *Шеломына* ранее не встречалось; оно построено по той же модели, что, например, *Льбына* (в грамотах № 5 и 20 из Старой Руссы); ср. также *Добрына, Бѣлына* и т. п.

Грамота № 925

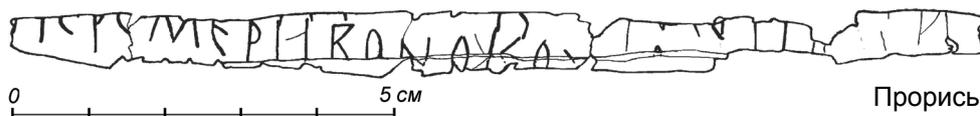
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1601, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент строки из средней части документа:

... [п]ер[е]мер[и]воно[жо]...

Длина 12,8 см, ширина 0,7 см.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

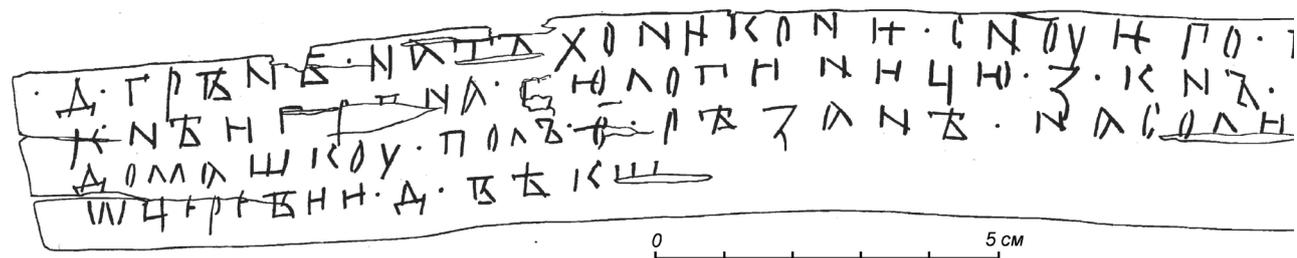
Вычленяется только словоформа **перемери** ‘перемерь’ или **перемериво** ‘перемерив’. Для последующих букв надежного толкования нет.

Прорись грамоты № 925

Прорись грамоты № 924

Грамота № 926

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1623, на уровне пласта 6 (глубина 1,14 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целый документ из четырех строк:

·д·грвнѣна т[ѣ]хоникони·сѣоуѣго·грвна·микиѳороу полъ·з·
 кнѣигрвна·гюлопиницю·з·кнѣ·пльсковитиноу полъ·ѳ·кнѣ
 домашкоу·полъ·ѳ·рѣзанѣ·на соликна·нарѣбахъ·в·кнѣ·на салѣ·ѳ·
 щцеревиѣ·д·вѣкш

Длина 36 см, ширина 3,1 см.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120-е–1210-е гг., предпочтительно 1160-е–1190-е.

Текст делится на слова так:

4 гр(и)внѣ на Тѣхони кони. С(ы)ноу ѣго гр(и)вна. Микиѳороу полъ 6 к(о)унѣ и гр(и)вна. Гюлопиницю 7 к(о)унѣ. Пльсковитиноу полъ 9 к(о)унѣ. Домашкоу полъ 9 рѣзанѣ. На соли к(о)уна. На рыбахъ 2 к(о)унѣ. На салѣ 9. Ѡ церевии 4 вѣкш(и).

Грамота написана уверенной рукой человека, привыкшего писать много и красиво. Графическая система — последовательно книжная.

В написании *Ѡ церевии* буква *Ѡ*, по-видимому, стоит вместо *ѡ*. *Гривна* и *коуна* регулярно пишутся сокращенно — с *грвн-* и *кн-* (без титла); по-видимому, сокращением является также написание *вѣкш*. В *пльсковитиноу* начальное *п* переправлено из *о*.

Перевод: ‘Четыре гривны за Техонова коня. Сыну его гривна. Микифору пять с половиной кун и гривна. Гюлопиничу семь кун. Псковитину восемь с половиной кун. Домашку восемь с половиной резан. За соль куна. За рыб две куны. За рыбий жир девять. От [цены] рыбьих внутренностей четыре векши’.

Это смета расходов — уже произведенных или предстоящих. Наряду с крупными суммами (до четырех гривен) фигурируют и мелкие расходы в одну-две куны и даже совсем маленькая сумма в четыре векши. Заключительная часть списка связана с заготовкой рыбы: названы соль (необходимая для засолки), рыба, рыбы внутренности (т. е. икра и молоки), ср. грамоты № 893, 882, 219, 349. Названо также «сало», которое в данном контексте естественно понимать как рыбий жир, ср. приписку писца в псковском ирмологии 1344 г.: *сѣсти оужинать клюкованиа съ саломъ съ рыбьимъ* [Столярова 2000: 269]; см. также Слов. XI–XVII [23: 25], статья *сало*, где отмечены, в частности, *белужье сало*, *акулье сало*, *трескино сало*.

Имя *Тѣхонь* ранее не встречалось; вероятно, оно образовано от широко представленного в антропонимах корня *тѣх-* с помощью суффикса *-он-*, ср. имена *Славонь* на Воймерицком кресте (см. ДНД₂: 457) и *Страхонь* в грамоте № 348 (XIII в.).

Прорись грамоты № 926

Отчество *Гюлопиничь* неотделимо от имени *Гюлопа*, выступающего в грамоте № 729, найденной на усадьбе И того же Троицкого раскопа в слоях 2 половины XII в. Уникальность имени и хронологическое соотношение грамот позволяет предполагать, что мы имеем здесь дело с отцом и сыном.

Попытки найти для имени *Гюлопа* прибалтийско-финскую этимологию не дали удовлетворительного результата. А. А. Гиппиус выдвинул предположение, что имя *Гюлопа* имеет тюркское происхождение, а именно, разлагается на элементы *гюл* и *опа*, которым (с учетом варьирования глухих и звонких согласных в древнерусской передаче тюркских имен) может быть поставлен в соответствие ряд тюркских корней (*kiil* ‘славный, мудрый’, *oba* ‘род’, *ora, ara* ‘уважительное обращение к старшему’); допустимо также сопоставить имя *Гюлопа* с реально засвидетельствованным половецким именем *Кулоба* (подробнее см. Гиппиус, Михеев 2011: 46, сноска 30).

Имя *Домашко* почти совпадает с именем *Домачко*, представленным в грамоте № 657, найденной на усадьбе Г Троицкого раскопа в слоях 2-й половины XII в. Но имена с начальным *Дома-* были вообще довольно часты в Новгороде этой эпохи.

Упоминание псковитина находится в одном ряду с другими свидетельствами деловых связей жителей троицких усадеб со Псковом; ср. грамоты № 776 (усадьба Р, середина XII в.), № 656 (усадьба И, вторая половина XII в.), № 781 (усадьба Е, первая половина XIII в.).

Грамота № 927

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1594, на уровне пласта 6 (глубина 1,17 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целый документ из двух строк:

: + а с ь н а в о д м о л ь ч ь п л о : [ѣ] : к у о
н ь н а ѣ н о ч ь ь м о

Длина 11,5 см, ширина 2,2 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042). Совпадение с почерком грамоты № 923 проявляется, в частности, в том, что буква **ч** имеет то уникальное начертание, о котором см. выше при № 923.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Текст делится на слова так: + **А сь на водмолчь п(о)ло б куонь на ѣночььмо.**

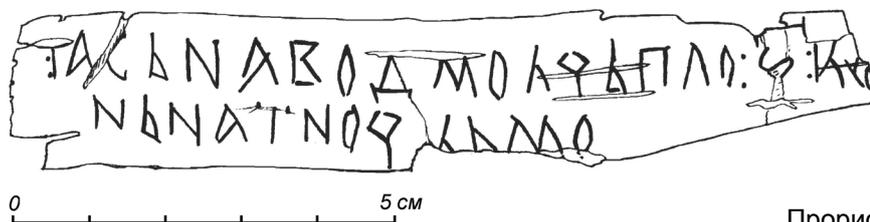
Перевод: ‘А вот за водмолец монашеский пять с половиной кун’.

Водмол — род небеленого сукна. Слово *водмоль* (заимствованное из шведского *vadmal*) ранее встретилось в берестяной грамоте № 130 конца XIV в. В грамотах настоящего тома это слово встретилось также еще несколько раз (см. ниже № 1023, 1032 и 1057); все эти примеры относятся ко второй половине XII в., это самые ранние ныне известные упоминания данного слова.

Это первая из серии однотипных записок Якима, где указывается стоимость определенного товара; см. полный их перечень при № 1042. Во всех этих случаях перед нами памятная записка о расходе или поручение доставить продавцу деньги за товар. В данном случае речь идет о деньгах за сукно, либо предназначенное для монашеского одеяния, либо изготавливаемое монахами.

Пло — неоднократно встречающееся в берестяных грамотах сокращение для *поло* (= *поль*).

Уникально написание *ѣночььмо*, с двумя *ь* подряд.

Прорись грамоты № 927

Грамота № 928

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 148, на уровне пласта 19 (глубина 3,64–3,80 м), в напластованиях усадьбы В. Это средняя часть документа, от которого сохранилось пять полных строк и три неполных:

ю[гр]аницю-[ол]...

ивыѣловуюиузыѣловоинапутьинаѡстровескоиѡстрове
скимъпутемъдоѡстровескоимежиѡстровескоиме
жисмаѡновескоимежинавеликеипутьстароимежеи
влубьнициувруцеиверх{о}ънаболоцеэзболоцьцанаверхо
выѣдубницкогоруцьадубницкимъруцьемъвнизъдоим

...[цѡа]сменовимъруцьемъвсменова^{нова}руцьаналогъ

...-----[л]уговоюелан[ь]

В 3-й строке перед *по ѡстровескои* зачеркнуто *ѡс* (т.е. автор вначале пропустил предлог *по*). В 5-й строке после *верх* автор вначале написал *о*, потом попытался исправить его на *ъ* (или *ь*), но получился нечитаемый клубок штрихов, и он просто оставил его и написал рядом *ь*. В той же строке в *з болоцьца* у второго *ц* левый вертикальный штрих прочерчен вниз дальше, чем нужно, и буква выглядит как *и*.

Длина 28 см, ширина 5,8 см.

Стратиграфическая дата — 30-е–50-е гг. XV в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее 10-х гг. XV в.

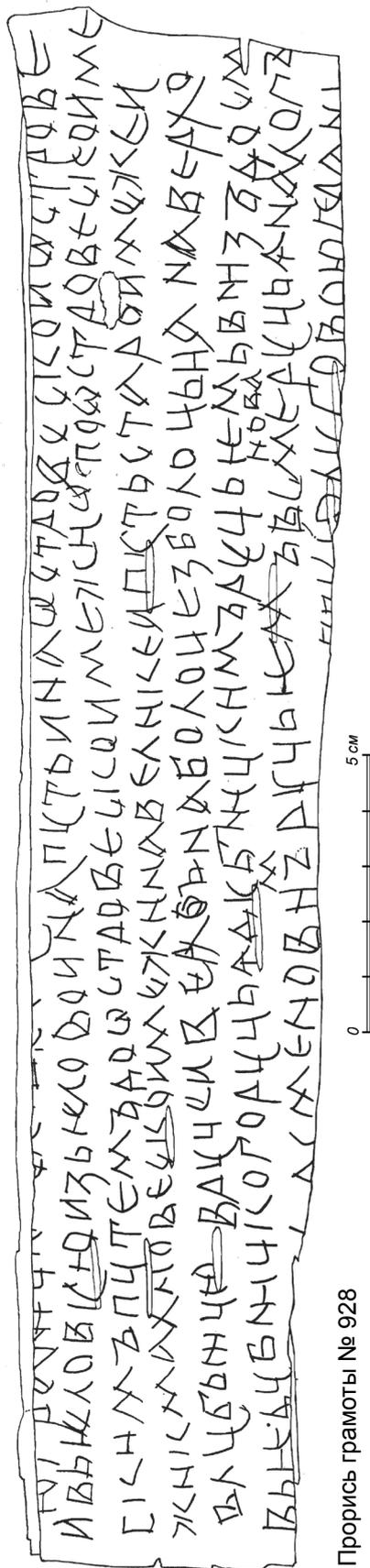
Во второй строке в слове *ѣловои* буква *в* переправлена из *о*, в слове *ѡстровескои* буква *ѡ* переправлена из широкого *о*, буква *в* — из *с*. Сочетание букв *ни* во всех случаях записано в виде лигатуры. Вместо двойной буквы писец обычно пишет одиночную: *в руцеи верхъ*, *болоце*, *Сменова* — вместо *в руцеи и вверхъ*, *болоцце*, *с Сменова*; но в написании *з болоцьца* он все же поступил иначе.

В нескольких местах писец начинал писать не то слово, которое нужно, но, написав одну-две буквы, сам замечал это. Тогда он либо зачеркивал ненужные буквы, либо просто бросал их, не зачеркивая, и писал далее правильное слово. Ниже такие «брошенные» буквы показаны фигурных скобках.

Текст делится на слова так:

...ю границу ... После разрыва: ... и въ ѣловую. Изъ ѣловои на путь {и} на ѡстровескои. Ѡстровескимъ путемъ до ѡстровескои межи. По ѡстровескои межи с маѡновескои межи на великеи путь, старои межеи в Лубьнициу в руцеи (и) верх{о}ъ на болоце. З болоцьца на верховыѣ Дубницкого руцьа. Дубницкимъ руцьемъ внизъ до См(енова руцьа. Сменовимъ руцьемъ, {в} Сменова руцьа на логъ. После разрыва: ... луговою елань(ю).

Это фрагмент отдельной грамоты: указывается, как пролегает граница некоего земельного владения.

Прорись грамоты № 928

Перевод: ‘... [по такую-то] границу ...’. После разрыва: ‘... в еловую. Из еловой [границы] на островскую дорогу. Островской дорогой до островской межи. По островской меже с махновской межи на большую дорогу, старой межей в ручей Лубницу и вверх на болотце. С болотца на верховье Дубницкого ручья. Дубницким ручьем вниз до Семенова ручья. Семеновым ручьем, с Семенова ручья на лог’. После разрыва: ‘... луговой еланью (прогалиной)’.

В предпоследней строке автор, по-видимому, сперва имел в виду формулировку ‘Семеновым ручьем в лог’ и дошел до предлога *в*, а потом решил выразиться точнее: ‘с Семенова ручья на лог’.

Между *в* и суффиксом *-ск-* регулярно пишется *е*: *островескою* (3 раза), *островескимъ*, *махновескою*. Ввиду отсутствия других примеров замены *ь* на *е* допустимо предположение, что в этих случаях действительно произносилось [e] (ср. *ь* в случаях бесспорного обозначения мягкости: *въ*, *изъ*, *Лубьницу*, *болоцьца*).

Отметим диалектное окончание *-еи* в В. ед. муж.: *на великеи путь*.

Показательно новое окончание *-ои* (*-еи*) в Т. ед. ж. *старои межеи* (при сохранении старого окончания *-ою* в [луговою]).

Елань — ‘обширная прогалина’, ‘луговая или полевая равнина’ (Даль, I: 518). По данным СРНГ (8: 336–337), слово широко распространено в центральных и северных областях и в Сибири.

По своей структуре близким аналогом настоящей грамоты может служить следующий фрагмент пергаменной грамоты, относящейся, по Янину, к 1460-м–1470-м гг. (ГВНП: 180, № 122), из которого, в частности, хорошо видно употребление слова *граница* (и словосочетаний типа *еловая граница*, *березовая граница*) в документах данной категории: *А ободъ той землѣ Матфѣевы от Мѣкитиныхъ дѣтей землѣ межи по Велкасьи рѣки внизъ до Клѣментиевыхъ дѣтей межи до Босоволковыхъ, изъ Велкасьи рѣки на березовую границу от Овинцева села, от Федоровѣ землѣ, из березовой границы на каменую границу, с каменои границы в грановитую и березовую границу, из березовой границы [на березовую границу, з березовой границы] на вязовую границу, с вязовой границы на орелеи дубъ межи бортеи и вязовой границы, с вязовой границы к двѣ-имя бортеи, а двѣ бортеи в Федорову половину, а от дву бортеи въ еловую границу, изъ еловой границы в каменую границу, с каменои границы да в улицу межи полъ черезъ лющикъ на осиновою границу, с осиновою границы на березовую границу, на дубовую границу, з дубовой границы на осиновою границу, с осиновою границы на еловую границу, с еловой границы на березовую границу, з березовой границы дрянъ к мостку...*

Грамота № 929

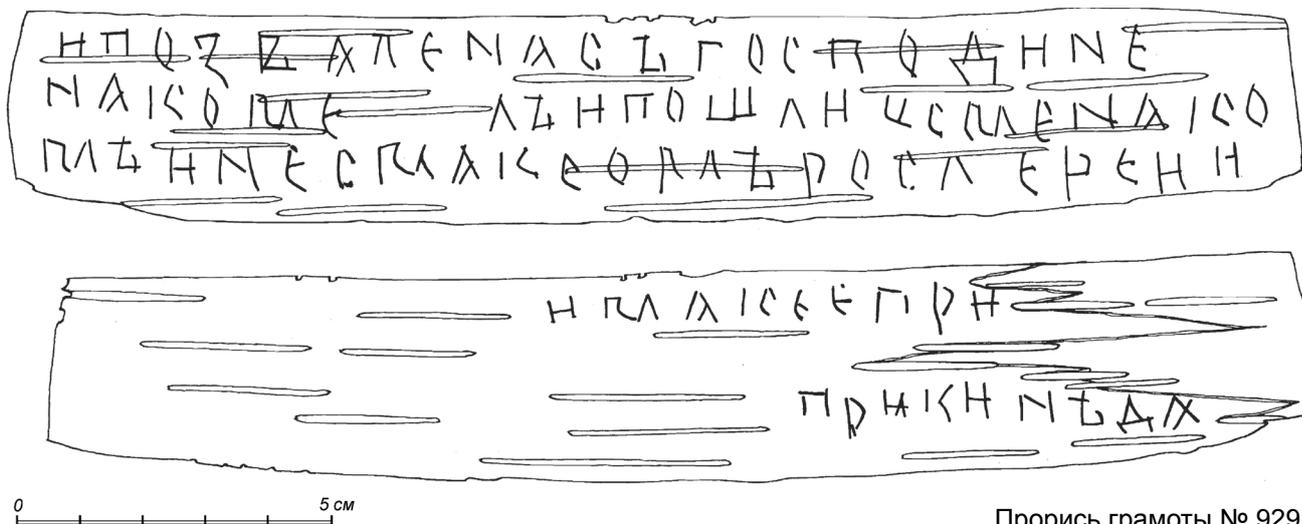
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1681, на уровне пласта 6 (глубина 1,10–1,20 м), в напластованиях усадьбы У. Это целый документ из пяти строк, написанный на обеих сторонах берестяного листа.

**ИПОЗВАЛЕНАСЪ-ГОСПОДИНЕ
НАКОМЕЛЪИПОШЛИЕСМЕНАКО
МЪИНСМАКСОМЪРОСЛЕРЕ[Ц]И**

Оборот

**ИМАКЕПРИ
ПРИКИНѢДА**

Необычное расположение текста на обороте грамоты (т. е. на внешней стороне листа) определяется тем, что автор предпочел здесь не писать поверх чечевичек (которые на этой стороне листа особенно велики и темны).

Прорись грамоты № 929

Длина 20,6 см, ширина 3,3 см.

Грамота происходит из квадрата при стенке раскопа, и точное ее положение внутри квадрата не установлено. Она залегала на глубине, соответствующей 2-й половине XII века, но эту стратиграфическую датировку нельзя считать надежной, поскольку грамота могла происходить и из осыпи стенки.

Внестратиграфическая оценка из-за сложной и отчасти противоречивой комбинации показаний недостаточно определена; в отличие от ДНД₂, ныне наиболее вероятной датой следует признать последнюю четверть XIII – первую четверть XIV в.

Анализ документа представляет значительные трудности.

Даже деление текста на слова и предложения неоднозначно:

И позвале нась господине на Комель, и пошли есме на Комѣине с Максомъ; но далее возможны две версии: а) **росле реци. И Макее {при} прикинѣ да**; б) **Росле реции Макее {при} прикинѣ да**.

Заметим, что версия «а» в большей степени соответствует расположению текста на бересте, тогда как в версии «б») необходимо допустить необычный перенос на оборот листа одной буквы от слова, хотя ее легко можно было бы уместить в той же строке.

В тексте явно имеются буквенные ошибки. *Росле* — по-видимому, описка вместо *после* (предвосхищение начального *р* следующего слова). *Макее* — описка вместо *Максе* (преждевременно вписан язычок). Первое из двух *при* после *Макее* (показанное выше в фигурных скобках) — лишнее: автор начал писать слово *прикинѣ*, но продолжать ему помешала большая чечевичка, и он перенес все слово на следующую строку, но уже написанное *при* не зачеркнул. В *ре[и]и* третья буква написана практически неотличимо от *и* (ср. выше такую же погрешность в слове *болоцьца* в № 928).

Поскольку текст не имеет адресной формулы и начинается с «и», следует полагать, что это конец двухлистового письма.

Господине — либо именительный падеж («И позвал нас господин на Комель»), либо это звательная форма, а подлежащее к *позвале* стояло на предыдущем листе («И [он] позвал нас, господин, на Комель»). Контекст допускает обе эти синтаксические возможности.

Позвале, судя по употреблению этого слова в целом ряде других берестяных грамот, означает вызов на какое-то разбирательство (судебное или административное); ср. непосредственно сходную с настоящей грамотой фразу в № 531 (нач. XIII в.): *и позвало мене во погосто и азо прехала*.

Названия *Комель* и *Комѣине*, судя по контексту, обозначают практически одно и то же. Возможно, например, что *Комель* — это более общее название местности, а *Комѣине* — название находящегося там села.

Комѣине — по-видимому, фонетический вариант к *Комельне*, с такой же вариантностью [л'] и [j], как, например, в *горносталь* — *горностаѣ*, *хрусталь* — *хрустаѣ*. Существующая поныне деревня Комель (бывшего Крестецкого уезда) находится в 90 км к востоку от Новгорода.

Написание *Комель* (с ъ) либо отражает морфологический вариант, отличный от *Комель*, либо принадлежит к тому же ряду, что отмеченные в берестяных грамотах написания *хомела* 'хмеля', *лоудие* 'люди', *рубель* и т. п. (см. ДНД₂, § 2.44); вероятнее второе.

Рѣчь или *рѣчи* (мн. число) может означать либо просто речь, заявление, либо судебное разбирательство.

Два варианта интерпретации заключительной фразы определяются прежде всего тем, что можно делить отрезок *реции* на *реци* и или не делить. Вариант *⟨послѣ рѣчи⟩*, вероятно, следует понимать как 'после [этой] речи (т. е. после устного извещения о вызове)'; вариант *⟨послѣ рѣчиѣ⟩* — как 'после разбирательства'.

Прикин⟨е⟩ (букв.: 'прикинет', 'подкинет', 'подбросит') скорее всего означает здесь 'прибавит', 'добавит' (чего именно, было ясно из утраченной начальной части документа; вполне вероятно — денег); ср. у Даля: *прикидывать*, *прикинуть* 'прибавлять, придать, кинуть или дать на прибавку' (см. также ниже грамоту № 1045, где встретился глагол сходной формальной и смысловой структуры *присунути* 'подсунуть').

Конечное *да* — диалектный северновеликорусский постпозитивный союз (равносильный более обычным *и*, *а*); ср. *а лежи ни ѿ ного не ѿжде да* 'а сиди и не смей от него отъехать' в грамоте № 370 (XIV в.).

Неполнота контекста не позволяет в точности восстановить ситуацию. Автор явно участвует в каком-то имущественном споре. Макс — либо его противник в этом споре, либо, напротив, принадлежит к той же тяжущейся стороне. Некое административное лицо вызывает обоих в Комель для разбирательства. Автор сообщает о таком повороте дела и заявляет, что Макс что-то прибавит (вероятно, к той сумме, которую он рассчитывал заплатить вначале).

Перевод документа в версии «а»: 'И позвал нас господин на Комель (*или*: И [он] позвал нас, господин, на Комель), и мы пошли на Коейне (Комельне) с Максом после [этой] речи (т. е. после устного извещения о вызове). И Макс подкинет'.

Перевод документа в версии «б»: 'И позвал нас господин на Комель (*или*: И [он] позвал нас, господин, на Комель), и мы пошли на Коейне (Комельне) с Максом. И после разбирательства (*букв.*: речей) Макс подкинет'.

Гипокористическое имя *Максъ* (от *Максимъ*), которое кажется неправдоподобно современным, в действительности построено в полном соответствии с древнерусскими правилами: ср. встречающиеся в берестяных грамотах имена *Климъ*, *Сидъ*, *Харль*, *Кондръ* и т. п.

Следует отметить встретившийся в грамоте ранний пример перехода *кы* в *ки* (*прикинѣ*).

Словоформа *Комѣине* может представлять собой В. ед. сред. рода *⟨Коеине⟩* (ср. в НПК, например, *Городне*, *Тушине*, *Владычне*) или В. *⟨Коеинѣ⟩* от названия (во множ. числе) на *-нѣ* или *-ни* (ср. в НПК, например, *Перни*, *Доровни*, *Хвошни*).

В *позвале насъ* представлено уже полноударное *насъ* (а не энклитическое *ны*).

Грамота № 930

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 4, на уровне пласта 21 (глубина 4,00–4,20 м), в напластованиях усадьбы Б. Это верхняя половина листа, вырванного из берестяной книги. На левом краю следы шва, т. е. лист был оторван прямо по шву. Сохранилось девять полных строк и одна неполная:

сѣѣисисинѣиисихаилъсѣдаш--[а]горахъси
 наистиисмотрашенаморе-и[бѣ]шюмъсне
 бесѣвелико-и^нстрашно-ивидианг^ллаета
 шаснѣсѣстгосисиниа-исиха---[н]ару
 циимущеледанъ-авруку-д[ѣ]---шаѠ
 ружьяпламена[.]ноаби-[вѣ]змути
 саморе-изиидоша-з-женъ-простовла
 сыхъ-Ѡканиивидѣниемъизым
 анъбъшасилоюневимагоцѣра-ирѣ
 шасѣты[исис----и]сихаилъѡ...

В строке 6 после *ружь* зачеркнуто *к*. В строке 7 перед *женъ* начата и брошена какая-то буква. В строке 8 в начале было написано *сыхъхъ*, но затем лишнее *хъ* было затерто. В строке 9 в *невимаго* пропущено *ди*. В строке 3 в *велико* и *страшно* союз *и* вписан над строкой.

Длина 19,5 см, ширина 7 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. – первая половина 1420-х гг.

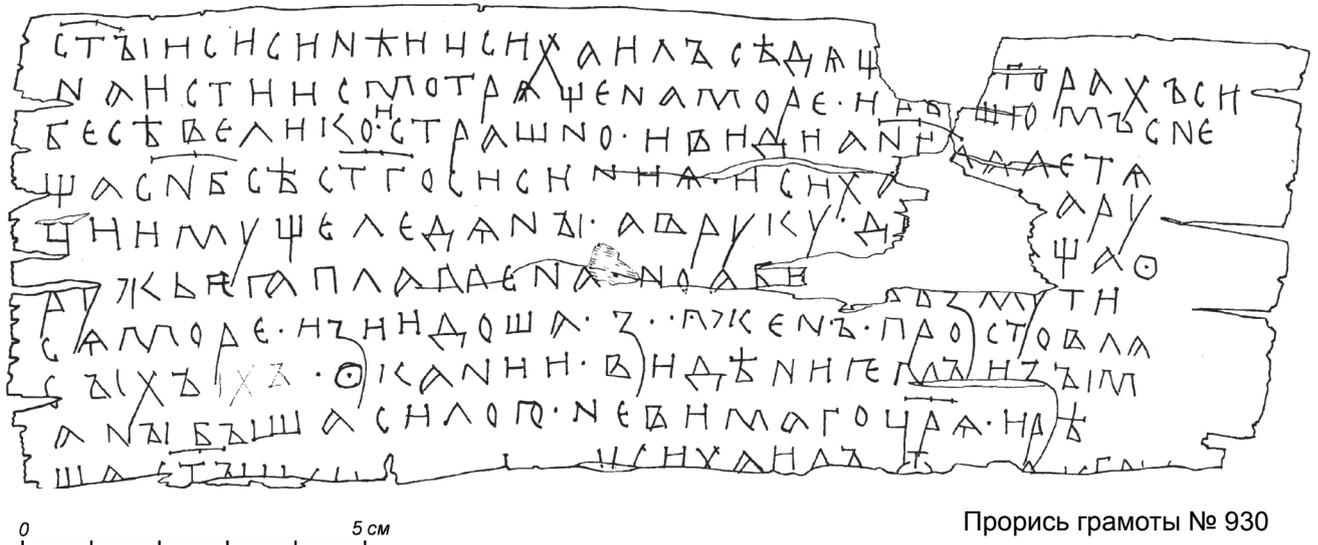
Внестратиграфическая оценка: не ранее 1380-х гг., предпочтительно 1380-е –1400-е.

Текст делится на слова так:

С(в)а)тыи Сисинѣи и Сихаилъ сѣдаш- (н)а горахъ Синаистиисмотраше на море. И бѣ шюмъ с небесѣ велико и страшно. И види ан(г)ела летаща с н(е)б(е)сѣ с(в)а)т(а)го Сисиниа и Сиха(ила), наруци имуше леданы, а в руку дѣ(р)жаща Ѡружья пламена. Но аби(е) възмутиса море, изиидоша 7 женъ простовласыхъ, Ѡканиивидѣниемъ, изыманы быша силою невидимаго ц(а)ра. И рѣша с(в)а)тыи Сис(инии) и Сихаилъ ...

Это один из вариантов распространенного в средние века в славянских странах (но известного также в греческой, армянской, сирийской и других традициях) заговора против лихорадки — так наз. Сисиниевой молитвы (см. Пыпин 1862; Познанский 1912; Рындина 1962; Топоров 1993 и специально о данной грамоте Гиппиус 2005). Данная его запись на несколько веков старше самых ранних из известных донныне славянских записей.

Сюжетная схема этой легенды, известной во множестве вариантов, такова: некий святой (двое, трое святых), идя по дороге (спускаясь с горы, сидя у моря), встречает женское демоническое существо (семь,

двенадцать сестер, иногда дочерей Ирода). Он один (они одни) или при помощи посланного Богом ангела заставляет его (их) открыть свои имена. Композиционный центр текста как раз и составляет перечисление демоном своих имен (двенадцати с половиной, двенадцати, семи) или, если их несколько, открытие каждой из сестер своего имени (список имен, естественно, также варьирует, в славянской традиции он включает имена Трясея, Огня, Ледея, Гнетя, Пухнея, Коркуша, Желтея, Невея и т. д.). На этом повествовательная часть заканчивается, и следует заклятие поименованных демонов именами Бога, ангелов, четырех евангелистов и т. д.

Фигура ангела (архангела) Сихаила немедленно заставляет вспомнить берестяную грамоту № 734 с заговорным текстом, найденную в 1991 г. на Троицком раскопе: *Сихаїль Сихаїль Сихаїль аньгѣль аньгѣль аньгѣль Г{и}(оспо)днь, гѣ има аньгѣла*. А в 2012 г. этот ряд пополнился грамотой № 1022 (см. ниже): *+ Христо)сь въскрь(сь), смъртию на смърть настоупи. Сихаиль анг(е)ль, Сихаиль анг(е)ль, Сихаиль анг(е)ль. Проганаеть та Г(осподь, злаа болѣзни трасавице!* Ясно, таким образом, что в русской народной традиции (возможно, даже специально новгородской) Сихаил занимал некое повышенно значимое место.

В данном варианте заговора произошло слияние фигур Сисиния и Сихаила в цельный парный образ (типа Петра и Павла, Козьмы и Демьяна, Бориса и Глеба). В первоначальном сюжете на горе сидит Сисиний и видит, как к нему слетает с неба (арх)ангел Сихаил. В данном тексте герой уже везде парный, отсюда явная алогичность текста (которая, однако, в составе заговора, очевидно, не ощущалась как дефект).

Перевод: ‘Святой Сисиний и Сихаил сидели (букв.: сидя) на горах Синайских, смотря на море. И был шум с небес, велик и страшен. И увидел ангела, летящего с неба, — святого Сисиния и Сихаила, носящего на ручни (части воинского доспеха) ледяные, а в руках держащего оружие пламенное. И тут взволновалось море, и вышли семь жен простоволосых, окаянные на вид; они были схвачены силою невидимого царя. И сказали святой Сисиний и Сихаил ...’

Простоволосые жены — трясавицы, олицетворения лихорадки.

Язык заговора — церковнославянский с ошибками (*Синаистии* вм. *Синаискихъ* или *-скихъ*, *имуце* вм. *имуца*). Элементы живого древнерусского языка: *зы* в *изыманы* (в отличие от *зи* в *изиудоша*); окончание *-ии* (вм. *-ыи*) в И. мн. жен. *окании* (скорее смешение муж. и жен. родов во мн. числе, чем древненовгородский И. мн. жен. *-(ѣѣ)*); сред. род сказуемого в *и бѣ шюмъ велико и страшно* (§ 4.25).

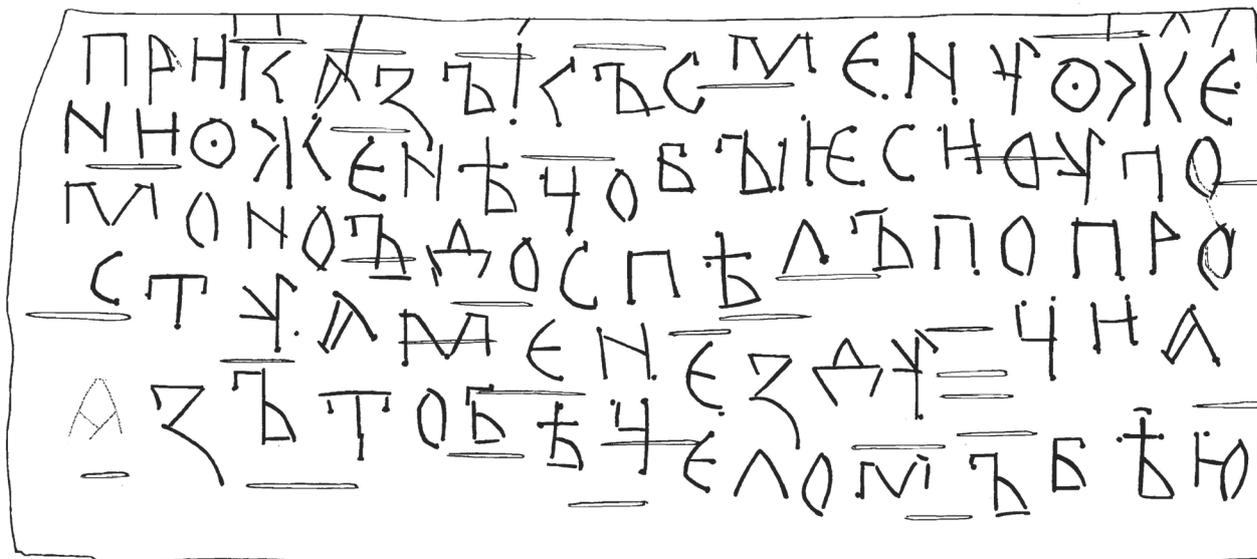
Види вм. *видѣ* может иметь не фонетическое, а морфологическое происхождение — осмысление словоформы как презенса.

Грамота № 931

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 109, на уровне пласта 21 (глубина 4,16 м), в напластованиях усадьбы В. Это целое письмо из пяти строк:

приказъкъсменуоже
ниоженѣцобѣнѣсиуго
моноздоспѣлъпопро
стуаменездущи
азътобѣцеломъбѣю

Каждая буква грамоты выведена очень старательно, но явно не очень опытной рукой. В слове *оугомон{о}ъ* буква *г* написана зеркально (скорее всего просто по нетвердости навыка, поскольку других примеров зеркального *г* в берестяных грамотах нет). Вместо *ѡ* (или *Ѣ*) использовано просто *о*. Писавшая исправляла то, что она воспринимала как ошибку (*о жени* заменено на *о женѣ*, в *оугомоно* конечное *о* заменено на *ѣ*), но при этом оставляла ненужное незачеркнутым.

Прорись грамоты № 931

В предварительной публикации и в ДНД₂ в начале 5-й строки дано *зь* (без *а*). Однако позднее было установлено, что перед *зь* эта буква *а* всё же имеется, только она по какой-то причине продавлена слабее прочих и сейчас почти незаметна; но на высококачественной фотографии она всё же видна. Эта буква занимает правильное место в начале строки, тем самым 5-я строка начинается строго под началами предшествующих строк (а не с непонятным отступом вправо, как казалось до обнаружения буквы *а*). Таким образом, в грамоте нет необычного слова *а|зь*, а имеется совершенно обычное для бытовых текстов сочетание *а азъ*.

Как и ряд других (№ 239, 246 и др.), эта грамота была отрезана от предыдущей: на верхнем обрезе видны нижние части нескольких букв.

Длина 16,8 см, ширина 7,5 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. – первая половина 1430-х гг.

Внестратиграфическая оценка только широкая: не ранее 40-х (предпочтительно не ранее 80-х) гг. XIV в.

Текст делится на слова так (ненужные отрезки, оставленные незачеркнутыми, показаны в фигурных скобках): **Приказъ къ Семену {о жени} о женѣ. Цо бы кси оугомон{о}ъ доспѣлъ по просту, а мене здуци. А азъ тобѣ целомъ бѣю.**

Понимание *о женѣ* как ‘о жене’ дает неправдоподобный смысл: приказ о жене поступает к Семену от неназванного лица. Берестяных грамот со словом *приказъ*, построенных по такой модели, нет. Соответственно, *о женѣ* здесь следует понимать как ‘от жены’, усматривая в *о* такое же отсутствие надстрочного *т*, как, например, *ω Сидора* ‘от Сидора’ в № 275 и т. п. (около десятка грамот).

Слово *угомонъ*, от которого зависит понимание всей грамоты, имеет много значений. По Далю, *угомонять*, *угомонить* — ‘успокаивать, унимать или смирять, утишать, укрощать; утешать, уговаривать, убеждать, или смирять силою’; *угомонь* — ‘покой, тишина, замолканье; отдых, роздых, успокоенье; сон’. Ср. также псковское *гомон* (из *угомон*) ‘довольно, хватит, конец’ (Пск. обл. слов., 7: 77; например, *Гамон, больша я тибѣ ничо́х ня дам*), рязанское *угомону не знать, угомону нет* — об отсутствии меры в чем-либо (Деул. слов.: 572; например, *Там вѣжрал, з’д’ес’ вѣжрал, ууаману н’ет, н’йут’и н’йут’*).

Доспѣти — ‘сделать, устроить, достичь’; ср., в частности, *уговор доспели* Томск. (СРНГ, 8: 142); см. об этом слове также «Поправки и замечания...», № 589.

По-видимому, до Семеновы жены дошло, что в ее отсутствие возник некий конфликт или внутрисемейная ссора, и она требует от мужа утихомирить конфликтующих «попросту», т. е. без полного выяснения того,

кто прав и кто виноват, и ждать ее возвращения. Она считает, что сумеет лучше справиться с ситуацией, чем он. (Возможно, впрочем, что муж и сам был участником конфликта.) Вежливая концовка призвана несколько смягчить повелительный тон записки.

Перевод: 'Наказ Семену от жены. Утихомирил бы ты [всех] попросту и ждал бы меня. А я тебе челом бью'.
Отметим эффект шоканья: з вместо ж в *здуци*.

Грамота № 932

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 153, на уровне пласта 21 (глубина 4,13 м), в напластованиях усадьбы В. Это целое письмо из пяти строк, написанное вопреки обыкновению на внешней стороне берестяного листа:

КОСТАНИНА ОСТА
ФНИНАСАМСОНА
ИВАНОВОБАКУЗМ
УЗДИТМИСИЛВНА
НОВА

Длина 11,6 см, ширина 3,7 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. – первая треть XV в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: не ранее 1320-х гг., предпочтительно не ранее 1410-х.

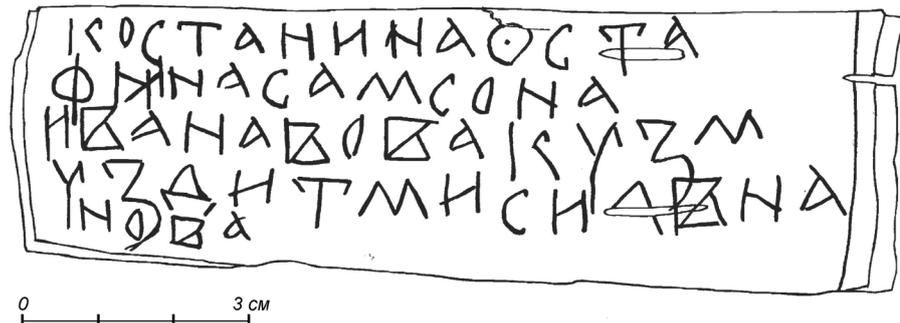
Текст делится на слова так (ненужные отрезки, оставленные незачеркнутыми, показаны в фигурных скобках): **Костанина Остаф{н}ина, Самсона Иван{ав}ова, Кузму з дитми Силв{н}анова.**

В *Костанина* пропущено второе *т*. В *Остаф{н}ина* после *ф* автор написал *н*, а затем «приклеил» к нему *и*, используя правую мачту от *н*. В *Иван{ав}ова* и *Силв{н}анова* написанные по ошибке буквы оставлены незачеркнутыми.

Самсон Иванович — внук Василия Игнатьевича, которому была адресована берестяная грамота № 135 конца XIV – начала XV в., найденная в Неревском конце. Он фигурирует в НПЛ в списке посадников XV века и упоминается как посадник в актах 1434 и 1448 гг. (ГВНП, № 64, 73). Кроме того, он упоминается в летописи под 1417 г. как участник похода на Устюг.

Выписывание отчетств показывает, что грамота № 932 — это официальный документ. Он очевидным образом однотипен с грамотой № 298 (30-е – сер. 40-х гг. XV в.), найденной 45 годами раньше на усадьбе И-1 Неревского раскопа: **Костка** (над строкой вписано **сѣа**) **Лукѣна Офрѣмова сѣа Купра Иванѣва сѣа Онишѣва Купра Фомѣя сѣа Игнѣтъя Юрьѣва сѣа**. Назначение грамоты № 298 было предметом длительной дискуссии. Были высказаны предположения, что это: 1) избирательный бюллетень; 2) список заседателей в суде — по два с каждой стороны; 3) «костка» (вид подати), взимаемая с указанных в грамоте лиц.

Прорись грамоты № 932

Настоящая грамота, однако, не дает возможности принять ни одну из этих версий. Версии 1 и 2 не проходят, поскольку они исключают участие детей, а в № 932 назван «Кузьма с детьми». Версия 3 не проходит, поскольку она исходит из того, что все имена стоят в родительном падеже; но в № 932 *Кузьму* стоит не в родительном, а в винительном падеже.

Для установления вероятной функции грамот № 298 и 932 необходимо обратиться к юридическим актам XV–XVI вв. Приведем выдержку из правой грамоты 1495–99 гг. о тяжбе попа Григория с Родюкой и Нестериком (АСЭИ, I, № 58, список сер. XVI в.), ясно показывающую ту ситуацию, в которой возникали документы типа берестяных грамот № 298 и 932:

«И судья спросил попа Григорья: Кому то ведомо, кое та земля монастырская...?»

И поп Григорей тако рекл: Ведомо, господине, людем добрым Матфею Семенову, да Михаилу Ваганову, да Еске Кучину, да Июдке Степанову, да Михаилу Межакову... — на тех ся, господине, и шлю.

И судья спросил Родюки да Нестерика: А вы шлете ли ся на поповы знахори...?»

И Родюка и Нестерик тако ркли: Шлемся, господине.

И судья спросил Родюки да Нестерика: А у вас кому то ведомо, что та земля станова Михайловского стану...?»

И Родюка и Нестерик тако ркли: Ведомо, господине, людем добрым Данилку Ивашкову, да брату моему Ивашку Дешевкину, да Микифорику Турабову, да сыну его Степанку, да Бориску Воронцову, да Карпику Самсонову ... — на тех ся, господине, шлем.

И судья спросил попа Григорья: А ты шлешь ли ся на Родюкины да на Нестериковы знахори?»

И поп Григорей тако рекл: Шлюся, господине.

И послалися оба исца на обои знахори. И праведчик обоих исцев и обоих знахорей перед судьей поставил».

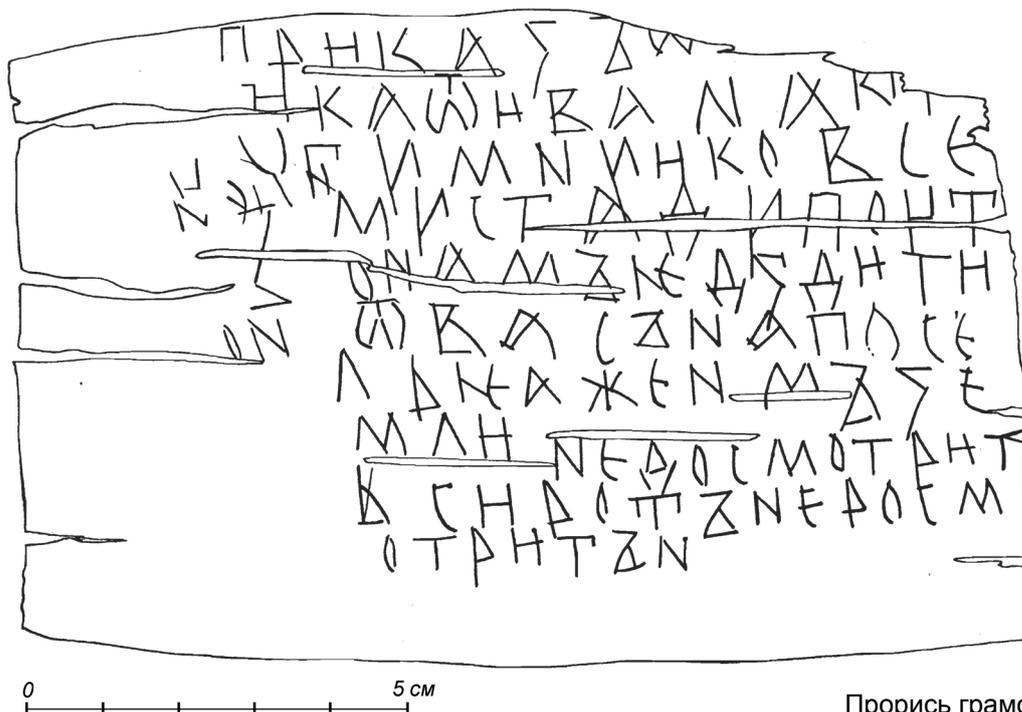
Для нашей проблемы здесь существенно, во-первых, что тяжущийся называет своих свидетелей по имени и отчеству, во-вторых, что один из свидетелей назван вместе с сыном (*Микифорику Турабову, да сыну его Степанку*). Понятно, что праведчик (пристав), который шел по домам, чтобы вызвать к судье всех названных свидетелей, должен был иметь список вызываемых. Такими списками, очевидно, и являются грамоты № 298 и 932. Писал скорее всего писец судьи («секретарь суда»).

Винительный падеж имен в этих грамотах определяется, таким образом, подразумеваемым «вызови» («приведи», «поставь»).

Грамота № 933

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 57, на уровне пласта 21 (глубина 4,20 м), в напластованиях усадьбы А. Это сохранившийся практически в целости, но недописанный документ из десяти строк:

приказъ[ѿ]-----
икаѿивана[и]
гумнуиковсе
мустадуоцт
онамъѣдздити
ѿвасънапосе
лъѣажемъзѣ
млинедосмотрит
ьсиротънеросм
отритън

Прорись грамоты № 933

На левом поле тем же почерком написано, с поворотом на 180°, несколько букв (но, з и др.). По-видимому, автор счел возможным взять для этого письма лист бересты, на котором уже были какие-то «пробы пера». Он перевернул его вверх ногами и стал писать, обходя исписанный участок; для этого ему пришлось оставить слева очень большое поле. Возможно, перед нами черновик письма, чем и объясняется незаконченность текста и запись на уже частично использованном листе.

Длина 13,5 см, ширина 8,5 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XIV/XV вв. – первая половина 1420-х гг.

Внестратиграфическая оценка (с учетом корректировки таблиц): 1340-е – 1410-е (предпочтительно 1360-е – 1410-е).

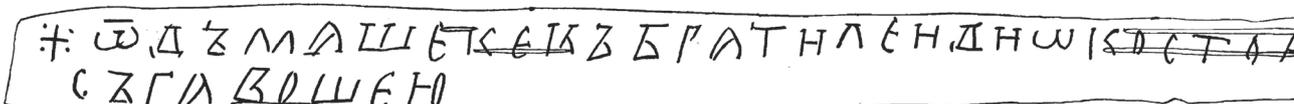
Текст делится на слова так:

Приказъ ѿ (посадника) ѿ Ивана к игумну и ко всему стаду. По цто намъ кѣдздити ѿ васъ на поселыѣ, аже н(а)мъ земли не досмотритъ, сироть не росмотритъ, н...

Грамота, по-видимому, недописана: автор остановился, написав всего одну букву очередного слова. В тексте есть опiski: в слове *намъ* пропущена буква *а*, вместо *кѣдити* написано *кѣздити* (т. е. автор сперва написал *кѣ*, пропустив букву *з*, затем исправил *д* на *зд*, но лишнее *д* не зачеркнул).

Перевод: ‘Наказ от посадника Ивана игумену и всей пастве. Зачем нам ездить от вас на село, если нам [всё равно] земли не досмотреть и крестьянских [дел] не рассмотреть?’

По-видимому, игумен предлагал посаднику для разрешения какого-то спорного дела направить своих людей (или даже съездить самому) в монастырское село.

Поскольку грамота представляет собой автограф некоего посадника Ивана, возможно высказать предположение о личности ее автора. В первой половине XV в. три посадника Ивана были избраны одновременно около 1421–1423 гг.: Иван Васильевич, Иван Данилович и Иван Яковлевич. Источники умалчивают об их территориальной принадлежности. Еще один Иван — Иван Лукинич Щока — был в 1435 г. тысяцким, а к 1438 г. избран в посадники (ГВНП: 114, № 69; о датировке этого акта см.: Янин 1991: 112, № 46), оставаясь в этой должности до начала 1470-х гг. Анализ актовых свидетельств о пятикончанском представительстве (ГВНП, № 22, 25, 26, 27, 73) позволяет заключить, что он был представителем Плотницкого конца; соответственно, он в принципе мог быть автором грамоты № 933.

По мысли Г. Е. Дубровина (2010: 122), автором грамоты мог быть славенский посадник Иван Александрович (умер в 1417 г.). Он был связан с Василием Есифовичем Носом, проживавшим на соседней с усадьбой А усадьбе Б, и мог оставить или потерять черновик письма к игумену, зайдя к нему. Адресатом же грамоты мог быть, как считает Дубровин, преподобный Савва Вишерский, основатель Вознесенского Вишерского монастыря, которому около 1417 г. посадниками Иваном Александровичем и Федором Тимофеевичем был передан участок кончанской земли Славенского конца (ГВНП, № 91), в связи с чем и могла возникнуть спорная ситуация, отраженная грамотой.

Посельк — здесь ‘село, селение’; *сироты* — ‘крестьяне’ (см. ДНД, § 5.14).

К [и]гумену — по-видимому, самый ранний в истории русского языка пример уподобления слова с исконным *e* (*игумень*) словам с беглой гласной.

[2003]

Грамота № 934

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1788, на уровне пласта 10 (глубина 1,80–2,00 м), в напластованиях усадьбы Т. Это целое письмо из двух строк:

ⳚДѣмашекекъБратилеИди ѿко стоа во гъродь: выправиле ти есмѣ сыно
съГавошею

В начале грамоты крест с четырьмя точками по углам.

Длина 44,6 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: возможно, 40-е–50-е гг. XII в. Но, учитывая датировки других грамот с участием тех же лиц (см. ниже), следует признать возможной для грамоты № 934 также и немного более позднюю дату.

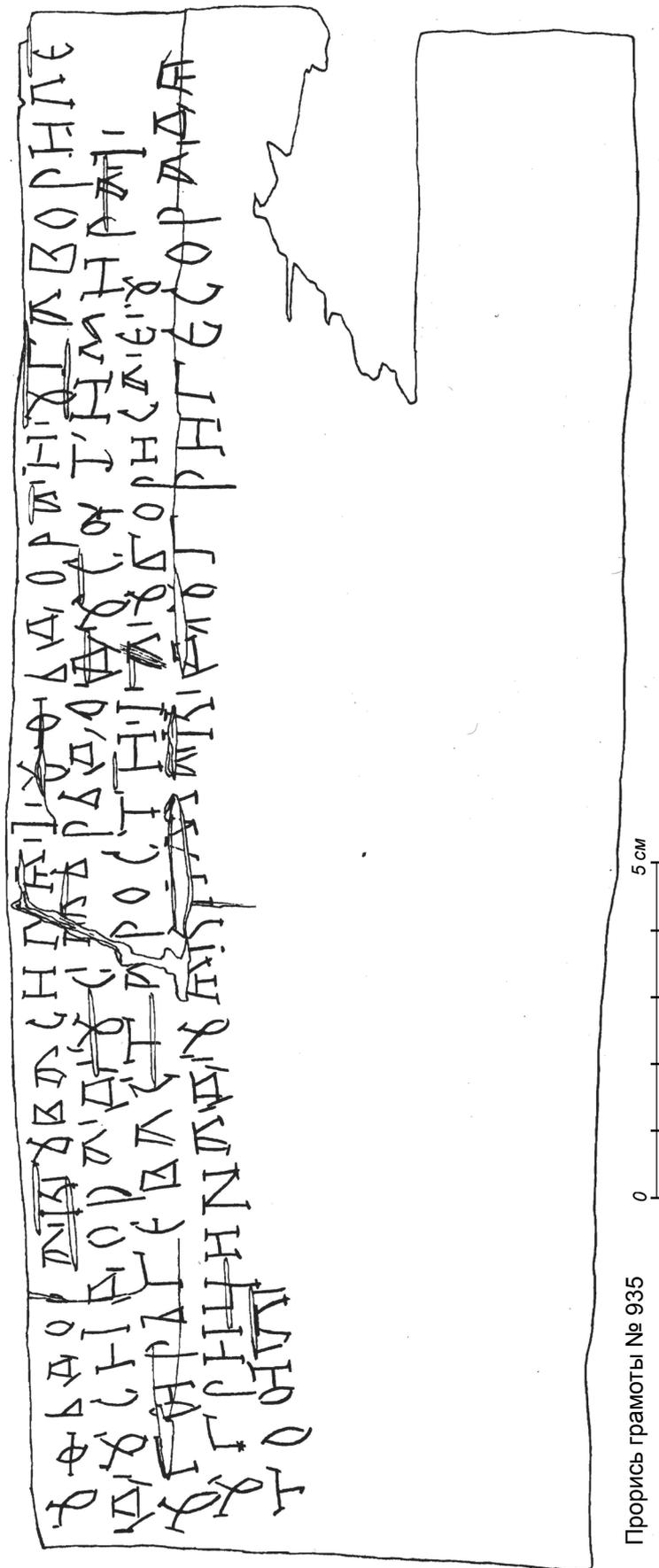
Внестратиграфическая оценка уточнить датировку внутри XII в. не позволяет.

Текст делится на слова так:

+ Ⳛ Дѣмашеке къ Братиле. Иди ѿко стоа во гъродь: выправиле ти есмѣ сыно съ Гавошею.

Перевод: ‘От Домашки к Братиле. Иди немедленно в город: я выручил твоего (букв.: тебе) сына с Гавшей’. По-видимому, Домашка заплатил за Братилова сына какой-то штраф или выплатил его долг (или, может быть, доказал на некоем судебном разбирательстве его невиновность). Роль Гавши не вполне ясна: он либо обвинялся вместе с Братиловым сыном, либо действовал вместе с Домашкой.

Прорись грамоты № 934

Внестратиграфическая оценка: 1180-е – 1210-е гг.

Текст делится на слова так:

У **О**дора 20, 8 **В**асила 10, 8 **О**дора 8, 8 **Г**авориле 4, 8 **С**идора 4, 8 **с**мърдо 4, 8 **С**оутимира 10, 8 **Г**юргьева старости 10. **А** 8 **Б**ориса 5, 8 {8} **Г**рицина 4, 8 **А**кима 24, 8 **Г**риге со **Р**адатою 30.

Перевод: 'У Федора 20, у Василя 10, у [другого] Федора 8, у Гаврилы 4, у Сидора 4, у смердов 4, у Сутимира 10, у Гюргиева старосты 10. А у Бориса 5, у Гречина 4, у Якима 24, у Григи с Радятой 30'.

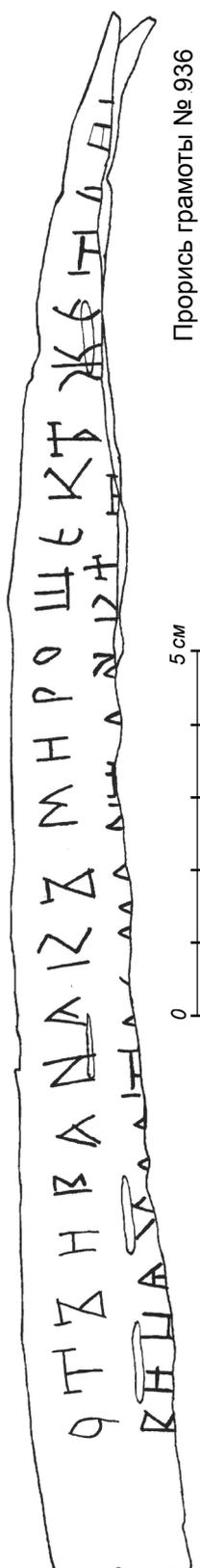
На первый взгляд, это малоинтересный список то ли должников, то ли вкладчиков в какое-то общее дело. Однако привлекает внимание вторая часть документа, начинающаяся союзом *a* и включающая ряд имен, неоднократно промелькнувших в других берестяных текстах.

Особенный интерес в этом списке для нас представляет Гречин. Он практически надежно отождествляется с Олисеем Гречином, хорошо известным нам по серии грамот с троицкой усадьбы А, найденных в 1973–1982 гг.; см. (Колчин, Хорошев, Янин 1981).

Другим важным для нас персонажем является Яким. С высокой вероятностью он отождествляется с Якимом, написавшим блок грамот с той же усадьбы Ж, указанный при № 922 и подробно рассмотренный при № 1042.

Менее очевидна возможность отождествления этого Якима с тем Якимом, который был одним из двух авторов берестяной грамоты № 735, найденной на усадьбе И Троицкого раскопа в слоях середины – второй половины (предпочтительно середины) XII века.

У Мирошки Несдинича, как сообщает летопись, был сын Борис. Не исключено, что в грамоте № 935 фигурирует именно он; но это может быть и какой-то другой Борис: это имя встречено в грамотах № 581, 671, 806, 819 Троицкого раскопа, найден-

Прорись грамоты № 936

ных в напластованиях последней трети XII в. (а также в несколько более поздней грамоте № 714). В связи с тем, что в № 935 упомянуты как Яким, так и Борис, отметим, что Борис выступает также в грамоте № 1021 (см. ниже), писанной Якимом.

Радята — почти наверное тот же, что в грамотах № 799 и 879 (середина – вторая половина XII в.), найденных на усадьбе Е. Имя Радяты ассоциируется также с Радятиной (Рядятиной) улицей, на которой расположена раскапывавшаяся в 2003 году усадьба. Многие улицы средневекового Новгорода назывались по именам живших на них первопоселенцев. В этой связи уместно заметить, что Радятина улица в летописи впервые упоминается под 1211 (6719) годом (НПЛ: 52, 250).

В Новгороде существовали три Георгиевские церкви. Одна из них расположена в Неревском конце, другая — около Торга; обе они никак не связываются с усадьбами Троицкого раскопа. Но третья, находящаяся в Юрьевом монастыре и бывшая его соборным храмом, стала в 1204 году местом почетного погребения Мирошки Несдинича. Не является ли грамота № 935 списком участников торжественного поминания умершего посадника и их вклада в этот поминальный обед? Даже если это предположение и не подтвердится, очевидно, что мы имеем дело с документом, происходящим из того же комплекса, что и другие грамоты, упоминающие Мирослава и Олисея Гречина.

Грамота № 936

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1648, на уровне пласта 7 (глубина 1,33 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент начальной части письма, сохранивший левые половины двух строк:

ОТЪ ИВАНА КЪ МИРОШКѢ ЖЕ ТО [ПЬ]...
ВИЦА [ХО] - Т [ОЕ] МОНЪ [А] ОУКЪ Т...

Во второй строке между [ХО] и Т [ОЕ] стояло [А] или [А].

Длина 21,7 см, ширина 2 см.

Уточненная стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно середина – вторая половина.

Текст делится на слова (с учетом наиболее вероятной конъектуры) так:

Отъ Ивана къ Мирошекъ же. Топьрьво)вицахо, [а] то е (или: [А]тое) монъ, Лоукъ, Т... (или: т...).

Адресная формула необычна: ‘От Ивана к Мирошке же’. Это значит, что перед нами второе письмо к Мирошке, а первое либо было послано Иваном Мирошке раньше, либо было направлено Мирошке (может быть, с тем же посланцем) кем-то еще.

Судя по месту и времени, Мирошка — почти наверное Мирошка Несдинич (хотя в это время еще не посадник).

От основного текста письма, к сожалению, осталось очень мало. Можно предполагать, что этот текст начинался словом *топьрьво* ‘теперь’. Стоящее после разрыва ... *вицахо* — скорее всего конец какого-то топонима типа *Кречевицахъ*. Далее стояло либо *а то е* ‘а это есть ...’, либо *атое* ‘взятое’.

Отрезок *монъ Лоукъ* нельзя понимать как ‘мне, Луке’ (= ‘мне, то есть Луке’), поскольку автор письма — Иван. Возможны только: а) перечисление: ‘мне, Луке, Т... [и, может быть, кому-то еще]’; б) конструкция типа ‘мне Луке [надлежит передать *и т. п.*]’.

Таким образом, допустимо несколько разных интерпретаций, в частности: ‘в ...вицах взятое мне, Луке, Т...’ [надлежит принять (получить, раздать) *и т. п.*]; или: ‘в ...вицах взятое мне Луке т[еперь надлежит передать]’; или: ‘а это мне, Луке, Т... [положено, обещано *и т. п.*]’.

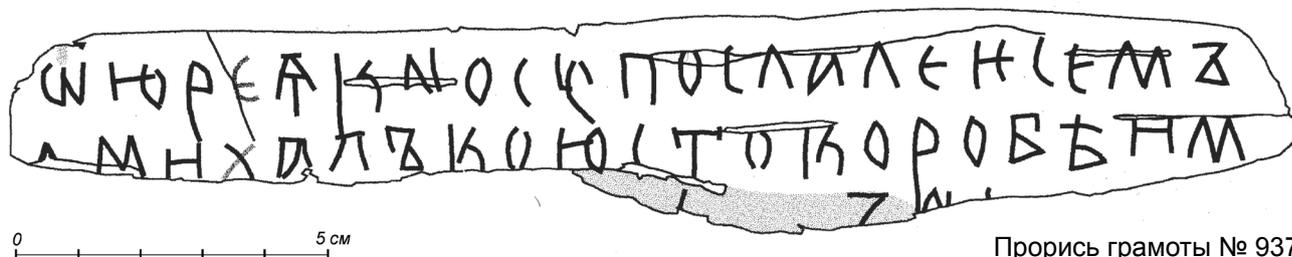
В предварительной публикации (Зализняк, Носов, Янин 2004: 6) было выдвинуто предположение, что автором письма является тот самый Иван, который фигурирует в грамоте № 502 как арестованный посадником. Основанием идентификации служило упоминание Луки. Человек, носящий такое имя и связанный с Мирошкой, упомянут в летописи под 1200 годом в рассказе о сражении новгородцев с литовцами. Среди погибших в этом сражении назван Лука «Мирошкин отрок» (НПЛ: 45, 239). «Отроком» в средневековом Новгороде называли судебного исполнителя.

Но после открытия в 2010–2012 гг. на территории усадьбы Ж существовавшего в XII веке купеческого гнезда (см. ниже при № 1045), где главными действующими лицами были Лука и Иван (вероятно, братья), Луку и Ивана из грамоты № 936 ввиду совпадения сразу двух имен стало предпочтительно отождествлять именно с этими братьями. Если это так, то Мирошка здесь почти наверное еще не посадник (каковым он стал только в 1189 г.), поскольку основное время деятельности Луки и Ивана — это вторая четверть — середина XII века. Соответственно, убитого в сражении 1200 года «Мирошкина отрока» Луку нельзя отождествить с тем старшим Лукой, которому в момент этого сражения было бы примерно от 70 до 90 лет.

Грамота № 937

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 78, на уровне пласта 23 (глубина 4,54 м), в напластованиях усадьбы Б. Это начало письма (первые две строки):

Щюреакносупослалексемъ
[с]михалькоюсторобъим

Длина 20,6 см, ширина 3,5 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Текст делится на слова так:

Щ Юреа к Носу. Послале ксемъ с Михалькою сто коробъи м...

Перевод: ‘От Юрия к Носу. Я послал тебе с Михалкой сто коробей ...’

После *коробъи*, возможно, стояло *м(олодога)* ‘солоду’; ср. слово *молодогъ* ‘солод’ в грамотах № 689, 847 и 863.

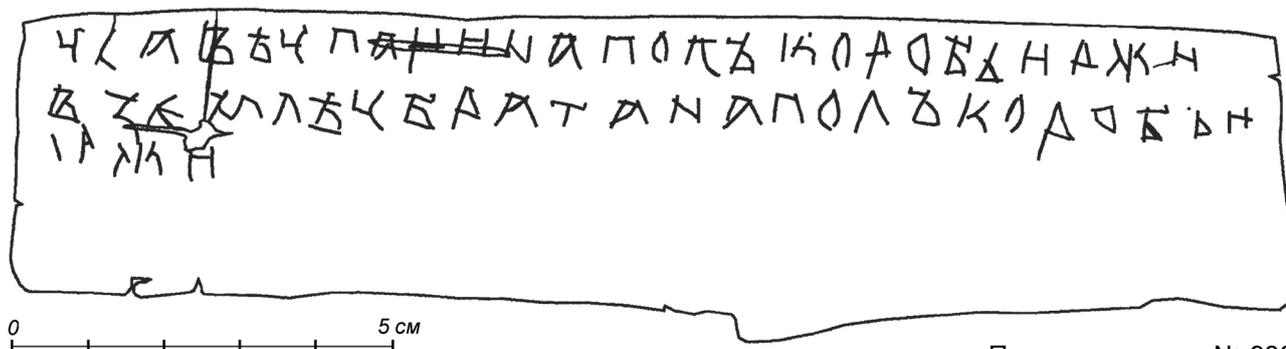
В прежних публикациях адресат грамоты был предположительно отождествлен с тысяцким (с 1405 г.), позднее посадником (с 1418 г.) Василием Есифовичем Носом.

Г.Е. Дубровин (2010: 119) видит больше оснований отождествлять адресата грамоты с отцом Василия Есифовича, Есифом Захарьевичем Носом, упоминаемым в летописи с 1384 по 1409 г., что лучше соответствует стратиграфической датировке грамоты. Он отмечает также, что именно Есифа Захарьинича источники прямо связывают с Плотницким концом, в котором найдена грамота.

Грамота № 938

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 26, на уровне пласта 23 (глубина 4,40–4,53 м), в напластованиях усадьбы А внутри сруба 6-го яруса. Это целый документ из трех строк:

у савѣу пацина поль коробы ржи
в землѣ у братана поль коробы
ржи

Прорись грамоты № 938

Длина 16,5 см, ширина 4,2 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 1360-е – 1400-е гг.

Текст делится на слова так: **У Савѣ у Пацина поль коробы ржи в землѣ, у братана поль коробы ржи.**

Это запись о размерах подати или недоимок.

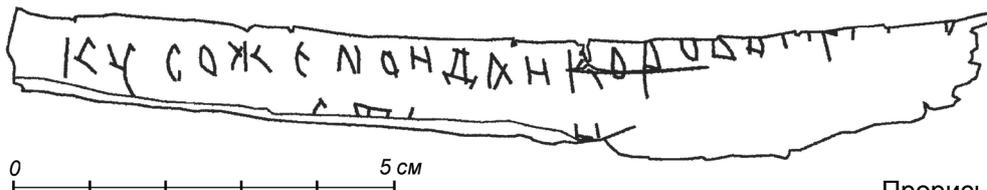
Перевод: ‘У Саввы Пачина за землю полкоробы ржи, у племянника [его] полкоробы ржи’.

Имя *Пача* и отчество *Пачинъ* в новгородских документах отмечены: см. Писц. и перепис. книги 2003: 331, 463. Отметим также топоним *в Па́цинѣ* в Воронцовском списке Софийской первой летописи (БАН, 34.2.31, л. 435 об.). Имя *Пача* — очевидно, гипокористическое от *Павель* (как *Паша*); ср. *Олуча* в № 959, *Лихоча* в № 412.

Грамота № 939

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 100, на уровне пласта 23 (глубина 4,46 м), в напластованиях усадьбы В. Это левая часть строки из средней части документа (на обороте много штрихов, но букв, по-видимому, нет).

ку соже ноидикоро [бъ] юрж [и] а

Прорись грамоты № 939

Длина 14,7 см, ширина 1,5 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Текст делится на слова так: **...ку со женои. Даи коробью ржи, а ...**

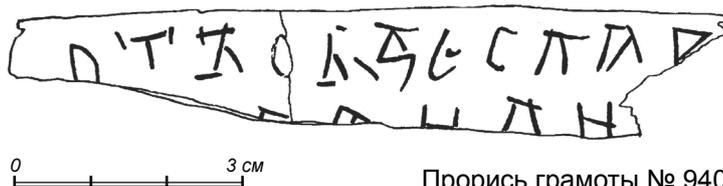
Отрезок **...ку** — конец гипокористической формы какого-то мужского имени в Д. падеже; **...ку со женои** — скорее всего конец адресной формулы; менее вероятно, что это конец указания, кому следует дать коробью ржи.

Для истории русского языка значительную ценность представляет окончание **-ои** в **со женои**. В берестяных грамотах это один из самых ранних надежных примеров утраты [у] в окончании Т. ед. жен.

Грамота № 940

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1620, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это маленький фрагмент, включающий начало первой и несколько букв второй строки:

ОТЪСЪДЕСЛАВ...
...[В]И[Л]И...

Прорись грамоты № 940

Длина 9,5 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Текст делится на слова так: **Отъ Съдеслав...; ...вили ...**

В тексте стояло либо *отъ Съдеслава*, либо *отъ Съдеславѣ* (или *-славе*) (с женским вариантом того же имени).

Имя *Съдѣславъ* — то же, что древнепольское *Zdzieslaw*; ср. близкое по структуре имя *Съдославъ*, встретившееся в грамоте № 412. Буква *ь* в *Съде-*, по-видимому, отражает лишь мягкость предшествующей согласной (которая смягчилась после падения *ь* в *Съдѣславъ*).

Грамота № 941

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1620, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы Ж. Вероятно, это одна из средних строк документа:

[цъшл]ко[ръ]...

Прорись грамоты № 941

Почти все буквы записи опознаются лишь предположительно.

Длина 15,2 см, ширина 0,7 см.

Стратиграфическая дата: середина – третья четверть XII в.

Для разделения на слова и интерпретации данных недостаточно. Не исключено, что здесь *ко* — это предлог в составе адресной формулы «от X-а ко Y-у».

Грамота № 942

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 153, на уровне пласта 23 (глубина 4,52 м), в напластованиях усадьбы В. Это фрагмент письма, от которого сохранился конец первой строки и полностью вторая и третья строки.

...[ѣкъ]

ЖЕНИСВОЮИУЛЬЯНИЮ

ИДЬСИМЬКАКЪСТОЮ

Прорись грамоты № 942

Ниже последней строки видны верхушки нескольких букв следующей строки (не замеченные при предварительной публикации). Но это едва ли означает, что грамота словами *какъ стюя* не кончалась: нижний край грамоты аккуратно обрезан ножом, и это был бы странный способ уничтожения документа — скорее всего это сделано, чтобы отделить данное письмо от другого письма, написанного на том же большом листе бересты.

В слове *стюя* буква *я* переделана из *ю*.

Длина 17,3 см, ширина 3 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: не ранее 60-х гг. XIV в.

Текст делится на слова так: ...*ѣ къ жени своѣи Ульяни. Пойдь симь какъ стюя*.

В утраченной части первой строки почти наверное стояло *приказъ ѿ -----я* (например, *ѿ Василья, ѿ Игнатья* и т. п.).

Перевод: '[Наказ от] ...я к жене своей Ульяне. Пойди сюда немедленно'.

В *какъ* и *симь* (из *како* и *сѣмо*) отразилось отпадение конечной гласной. Примечательно, что тот же эффект представлен и в *пойдь* из *пойди* (где конечная гласная первоначально была ударной); ср. современное просторечное и диалектное *подь сюда*.

Симь вместо *симъ* похоже на простую опisku; менее вероятно, что это гиперкорректное написание (связанное с тем, что вместо *имь*, *своимь* и т. п. обычно писалось *имъ*, *своимъ*) или элемент южнославянской орфографии.

О выражении *како стюя* 'немедленно', 'сразу же' см. выше, при № 934. Отметим, что в составе этого выражения *стюя* не согласовано в роде (фраза относится к женщине).

Грамота № 943

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1621, на уровне пласта 7 (глубина 1,38 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент двухстрочного письма; утрачен левый край и конец второй строки:

...ОЖЬКУОПИТИТОКУОПИТАМОАСЬМОСАНЬНАДЬИ

...[В]АТИРЬЗААЖИТОПОДВЬНОГАТЬ[АВ]ОХОТИ...

Вместо *куопити* автор вначале по ошибке написал *туопити*, но затем переправил у на *к*, а *о* на слитное *уо*. Лишнее *т*, по-видимому, зачеркнуто: поверх него видны два слабых длинных штриха.

Слева утрачено довольно много: в первой строке должна была стоять адресная формула и, вероятно, *что* или *что ти* перед сохранившимся *(р)ожь куопити*. В конце второй строки недостает 8–10 букв.

Длина 25,6 см, ширина 3,4 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Текст делится на слова так:

... **(р)ожь куопити, то куопи тамо, а сьмо са нь надьи; ... (по дь)вати рьза, а жито по двь ногать, а вохо ти ...**

Перевод (с коньектурами): '[От X-а к Y-у. Что касается того, чтобы] купить рожь, то купи там, а здесь не надейся'. После лакуны (где, вероятно, указывалась цена на рожь): '... [по] девяти резан, а ячмень по две ногаты. И всё [это] тебе [следует] ... (может быть: привезти)'.
 Выражение «а здесь (*или*: отсюда) не надейся [достать]» явно было в древнерусском языке устойчивой формулой: ср. *а ѿтоселе са не надеи* в грамоте Ст. Р. 30, *а сдисе не надиса* в № 354.

Выражение «а здесь (*или*: отсюда) не надейся [достать]» явно было в древнерусском языке устойчивой формулой: ср. *а ѿтоселе са не надеи* в грамоте Ст. Р. 30, *а сдисе не надиса* в № 354.

Отметим очередной пример характерного древненовгородского *вохо* 'всё' (см. ДНД₂, § 2.9 и 2.15^б).

Грамота № 944

Найдена на Троицком раскопе, в западной траншее, в квадрате 1771, на уровне пласта 11 (глубина 2,04–2,17 м), в напластованиях усадьбы Т. Это три заключительные строки письма (и кончик предшествующей строки).

...[п]р

**ооживотоатобѣговиитобьнаруциип
роселаапроселасамавесиаанато
бѣго**

В конце автор сперва написал сокращенно *Бо*, но затем решил выписать слово целиком; при этом титло осталось: *Бѣго*. Начиная от слов *на руци* в грамоте, по-видимому, меняется почерк (но для окончательного решения данных всё же недостаточно).

В начале первой из двух основных строк автор по какой-то причине написал *о* дважды; возможно, ему помешал хвост от *р* из предыдущей строки.

Длина 19,2 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: 30-е–40-е гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка (с учетом корректировки таблиц): 1140-е–1210-е гг., предпочтительно вторая половина XII в.

Текст делится на слова так:

... **про{о} живото, а то Бѣгови и тобь на руци, и про села. А про села сама веси. А на то Бѣго.**

В таком словоделении использована догадка А. А. Гиппиуса, что отрезок *наруци* следует понимать как *на руци и*. (В предварительной публикации и в ДНД₂ было

Имя *Гостата* встретилось также в грамотах № 9, 527 и, вероятно, 380 (в том числе один раз [в № 9] в качестве женского). Но для отождествления соответствующих персонажей специальных оснований нет.

Грамота № 946

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1607, на уровне пласта 8 (глубина 1,40–1,60 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это крохотный фрагментик:

...а--немоги...

После буквы *а*, возможно, стояло [цю] или [рю].

Длина 11 см, ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Понятно лишь, что в письме имелся императив **не моги** (приблизительно ‘не вздумай’).

Прорись грамоты № 946

Грамота № 947

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1596, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м), в напластованиях усадьбы Е. Это правая часть трехстрочного письма:

...бранѣвъзъ[ми]

...-олъгривнѣгюрѣти

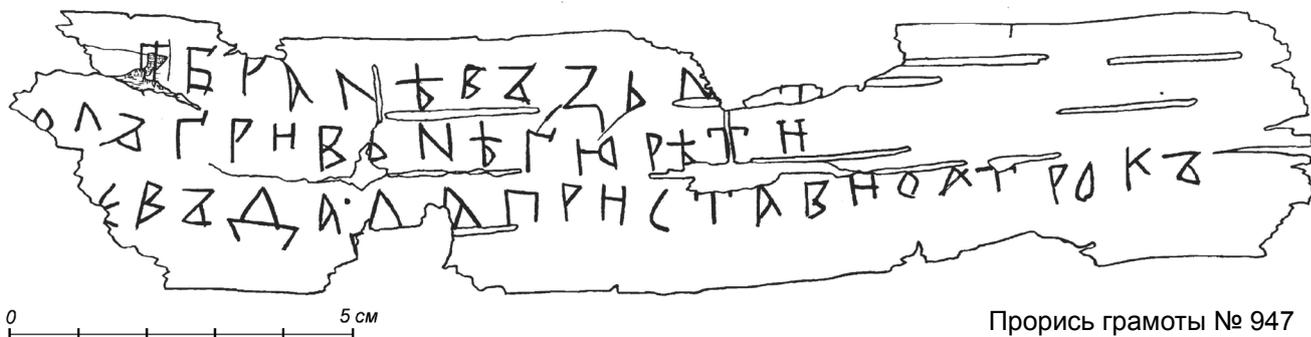
...евъда·даприставиотрокъ

Перед *бранѣ* какая-то буква зачеркнута. В слове *отрокъ* между *о* и *т* стоит еще одна буква (не вполне ясная), которую автор, по-видимому, недописал и зачеркнул.

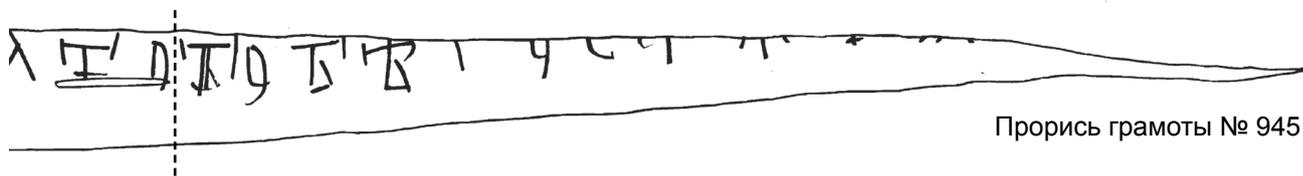
Длина 19,2 см, ширина 3,8 см.

Стратиграфическая дата: вторая-третья четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: не позднее 50-х гг. XII в.

Прорись грамоты № 947

Прорись грамоты № 945

Текст делится на слова так: ...бранѣ възми ... (п)оль гривнѣ Гюрѣти... ... (н)е вѣда, да пристави отрокъ.

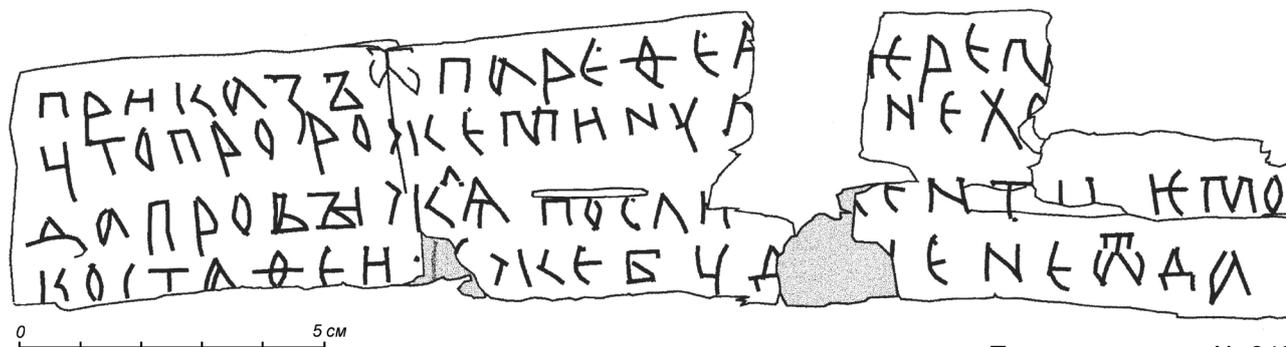
Перед (н)е вѣда явно стояли слова со значением 'если же' (например, *оже ли* или *оже ти*). *Гюрѣти...* — явно начало какой-то формы слова *Гюрѣтинъ* или *Гюрѣтиничь* (с представляющей интерес для фонетики заменой *а* на *ѣ*).

Несмотря на то, что утраты велики, общий смысл документа достаточно понятен. Адресату предписывается взять с лица *X* полгривны. Эта сумма либо принадлежит Гюряте (или Гюрятиничу), либо взимается в его пользу. Если *X* ее не отдаст, следует вызвать отрока (судебного исполнителя). Ср. заключительную фразу берестяной грамоты № 15 из Старой Руссы: *али ти не дастъ, а пристави на нь отро(к)ъ*.

Грамота № 948

Найдена на Никитинском раскопе в виде четырех фрагментов в напластованиях усадьбы Б. Основной фрагмент найден в квадрате 82, на уровне пласта 25 (глубина 4,91 м); прочие фрагменты найдены на уровне того же пласта в квадратах 82 (один фрагмент) и 88 (два фрагмента). Это первые четыре строки письма с частичными утратами в правой части:

приказъ ѿ пареѣ [л] -- юрем --
что про роже мину [л] --- не хо -- (--)
да про възж^ла посл [ю] - (к)сент [и] юмо
коста ѣи [ѣ] же буде [ш] е не ѿ да

Прорись грамоты № 948

В *выжла* буква *л* вписана над строкой. В *-(к)сент[и]юмо* первая буква была *ω* или *о*. В *[ѣ]же* чтение *к* более вероятно, чем *о*.

Длина 21 см, ширина 4,5 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 20-е–90-е гг. XIV в., предпочтительно 60-е–70-е.

Текст делится на слова так:

Приказъ ѿ Пареѣа (къ) Юрем --. Что про роже, минул ---, не хо(ди). Да про възжла: пошлю (ѿ)к-сентиюмо к Остаѣи. Юже будеше не ѿда(л)...

Перевод: 'Наказ от Парфея Еремею (или: Еремье). Что касается ржи ...' Конец второй строки надежно восстановить не удастся; можно предполагать, в частности: *мину[л](оса) не хо(ди)* '[то эта нужда] миновала — не ходи'. Далее: 'А насчет гончего щенка: я пошлю [его] с Оксентием к Остафье. Если (или: Что) ты не отдал ...'

Менее вероятна интерпретация 'А насчет гончего щенка я пошлю [грамоту] с Оксентием к Остафье'. Маловероятно также, что *[ѣ]же буде[и]е не ѿда(л)*- относится к щенку, т. е. означает 'если ты [его] не отдал',

Прорисъ грамоты № 949

— прежде всего потому, что в берестяных грамотах придаточные условия, за ничтожным числом исключений, являются препозитивными.

В отношении текстовой структуры грамота отчасти сходна с грамотой Пск. 6 (см. ДНД₂: 515): основная часть письма состоит из маленьких разделов, начинающихся с объявления того, про что пойдет речь.

Вышла, согласно Далю, — ‘гончий щенок’ (слово встретилось также в грамоте № 135). Вероятно, так назывались не только маленькие щенки, но и просто молодые гончие.

Для имени *Парфеи* ср. *ПарѠѣ* в грамоте № 307; для имени *Оксѣнтии* ср. *Оксинтии* в № 918. Об имени *Юремеи* см. следующую грамоту.

Грамота № 949

Найдена на Никитинском раскопе, в квадрате 114, на уровне пласта 25 (глубина 4,80–5,00 м), в напластованиях усадьбы Б. Это начальные четыре строки письма (и кончик пятой строки).

поклонъ ѿ потра ко смону и ко юкову
и ко еремъи и степану что бы ма
есте жаловалъ про свое коунѣ и нынѣ
[н]ѣ [ма] жалоуите въ взмите двароу
...и [поуз]|...

Перед *и [поуз]* видны верхи еще нескольких букв (возможно, *еса*).

Длина 21,8 см, ширина 3,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее 40-х гг. XIV в., предпочтительно 40-е–50-е гг.

Текст делится на слова так:

Поклонъ ѿ Петра ко Смену и ко Юкову и ко Еремъи и Степану. Что бы ма есте жаловалъ про свое коунѣ. И нынѣ ма жалоуите, взмите два роу(бла) ...; ... и поуз|...

Перевод: ‘Поклон от Петра Семену, Якову, Еремье (Еремею) и Степану. Жаловали бы вы меня за ваши деньги. Вот теперь [так] меня пожалуйте: возьмите два рубля ...’ В дальнейшем тексте упоминался *пузь* — мера сыпучих тел, в основном зерна. По-видимому, Петр занимался сбором долгов или податей в пользу своих адресатов и теперь просит за это вознаграждения.

Отсутствие предлога *ко* перед *Степану*, если только это не случайный пропуск, может определяться тем, что Еремья и Степан чем-то объединены (скажем, это братья или компаньоны).

Еремья — очевидно, то же лицо, что адресат предыдущего письма. Вариант *Юремья* — закономерное народное соответствие каноническому *Икремиа* (ср. вариант мужского морф. рода *Юремеи*, а также усеченное *Юрема*).

Отметим написания *Петра* и *Смону*, где [п’о], [м’о] переданы через *по*, *мо*. Написание *мъ* в *Юремья*, вероятно, отражает отвердение [м’] в данной позиции.

В морфологии представляет интерес поздняя форма сослагательного наклонения (в которой помимо *бы* выступает еще и связка, см. ДНД₂, § 3.38): *что бы ма ксте жаловалѣ*.

Судя по контексту, *жаловалѣ* в данной фразе имеет значение совершенного вида.

Грамота № 950 (= Городище № 1)

Найдена на новгородском Городище (так наз. «Рюриковом») Новгородской областной экспедицией Института истории мировой культуры под руководством Е. Н. Носова. Квадрат 68 (сев.-вост. угол), глубина +0,55 м (темно-коричневый слой с органикой). В 3 м по горизонтали и немного выше — бревна с дендродатой 1099 и бревна с дендродатой 1105.

Это фрагмент письма, написанного на обеих сторонах берестяного листа:

...[ц]оувѣдалъбъкъназоу
...[ити]а]поп[ъ]ти[сам]о[л]и[л]ъ

Оборот

...асеньникъпроданауѣтотинаемь
...[с]апоапоаазъв[ы]правлоуемоуине(--)
...(а)[зъ]т[и]са^к[ла]н[аюпо]сторовоуваесмы

В 1-й строке оборотной стороны в слове *сеньникъ*, возможно, была попытка переправить букву *e* на *ѣ* (но это устанавливается ненадежно); над *что* надписаны буквы *чь* (по какой-то причине писец снова стал писать слово *что*). Во 2-й строке между *a* и *оно* зачеркнута буква *n*; в слове *в[ы]правлоу* не удается точно установить, что стояло после *в*: *ы* или просто *ѣ* (заменяющий *ы*). В 3-й строке в *са покланяю* буквы *по* надписаны над строкой: писец вначале написал *азъ ти са кланяю*, а потом решил заменить *са кланяю* на *са покланяю*.

Буквы на лицевой стороне мельче, чем на оборотной, но почерк, по-видимому, всё же один. Начало письма находилось, как обычно, на внутренней стороне листа, конец — на внешней. Последней строкой оборота письмо, возможно, заканчивалось; но не исключено также, что имелось еще короткое продолжение (из одного или нескольких слов) на дополнительной строке в несохранившейся левой части грамоты; в частности, фраза *по сторовоу ва есмы* могла содержать еще какой-то глагол в л-форме, скажем, *по сторовоу ва есмы дошьли*.

Длина 14 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XI–XII в. (см. об этом выше).

0 5 см

Прорись грамоты № 950

Внестратиграфическая оценка: первая – третья четверть XII в., предпочтительно первая.

Текст делится на слова так: ...цоу. Вьдалъ бы къназоуити. А попь ти са молиль ...

Оборот: ...а сеньникъ продаи. А что ти на немъ ...сано, а оно азъ выправлю емоу; и не ве(--)...
(А)зъ ти са покланю. По сторовоу ва есмы (...).

Отрезок ...сано — возможно, конец от *записьано* или *отъписьано*.

Связный перевод из-за утраты левой части невозможен.

Как видно из позиции энклитики *бы*, словом *вьдалъ* начиналась новая фраза. Соответственно, отрезок ...[ц]оу — возможно, конец наименования адресата; это могло быть, в частности, *къ отьцоу*.

Далее сказано: ‘Дал бы (ты [?]) князю ...’. После разрыва: ‘А поп-то молился...’ (*ти* — усилительная частица) или ‘А поп тебя просил...’ (*ти* — ‘тебе’).

На обороте: ‘... сеник продай. А что (*или*: а что тебе) на нем (*или*: за ним; *или*: за него) ...’, то я ему выправлю ...’ После разрыва: ‘А я тебе кланяюсь. Мы у вас (двойств. число, *dativus ethicus*) благополучны (т. е. у нас все в порядке)’. Если последняя фраза имела продолжение, то она могла значить, например, ‘Мы у вас благополучно дошли’ *или* ‘Мы вам благополучно товар доставили’ и т. п.

Что означает здесь многозначное слово *с(ѣ)ньникъ*, из-за отсутствия контекста неясно; вероятно, это сеновал или участок сенных покосов.

Пропуск после *а что ти на немъ*, судя по первой строке лицевой стороны, не мог быть очень коротким. Могло быть сказано, например: ‘а что за ним (неким X-ом, названным в утраченной части текста) [из такой-то суммы (*и т. п.*) запи]сано, то я ему выправлю (т. е. урегулирую долговые отношения = выплачу или получу должное, в зависимости от ситуации)’; вместо ‘за ним записано’ могло быть и ‘ему отписано’ и т. п. Но возможны и совсем другие варианты, где *на немъ* относится не к человеку, а к сенику.

По сторовоу — то же, что *по съдоровоу* (*по здоровоу*) ‘благополучно’, ‘невредимо’, ср., например: *допрывадимъ с куплю ихъ по здоровоу* (Договор Олега с греками — Ипат. [911], л. 14); доньше сохраняется выражение *подобру-поздоровоу*. *Быти по здоровоу* — ‘жить благополучно’, ‘пребывать в благополучии, в добром здоровье’, ср. например: *Великий государь, божиею милостию царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, дал Бог, по здоровоу* (из деловых документов XVI в., старорусский подкорпус НКРЯ).

Неожиданное двойственное число в конце (‘у вас двоих’) после единственного числа (‘тебе кланяюсь’) согласуется с гипотезой о том, что письмо адресовано отцу, а именно, в заключительной фразе сын уже имеет в виду обоих родителей. Множественное число *есмы* показывает, что в этой фразе он объединяет себя с кем-то еще — очевидно, с братьями или другими родственниками, вместе с которыми он отправился из дому для выполнения какого-то дела.

Написание *къназоу* (с *оу*) — такое же, как в грамоте № 745 (того же времени). Написание *в[ы]правлю* (с *лоу*) примыкает к ряду других аналогичных примеров (см. ДНД₂, § 2.44).

Местоимение двойственного числа *ва* выступает в очень редкой для него роли *dativus ethicus*.

Местоимение *оно* означает здесь ‘то’, ‘оное’. Заметим, что зачеркнутая буква *н* между *а* и *оно* — это скорее всего след того, что писец начал писать *а но* (с эффектом $a + o > a$, о котором см. ДНД₂, § 2.32), но, написав *а н*, решил исправить это на «полное» *а оно*.

Словоформа *сторовоу* — один из двух самых ранних примеров *ст* в этом слове и единственный элемент древненовгородского диалекта в этой грамоте (если не считать возможного эффекта $a + o > a$); в остальном она ориентирована на наддиалектные нормы.

[2004]

Грамота № 951

Найдена на Троицком раскопе, в северной траншее (квадраты 1592–1593), на уровне пластов 11–13 (глубина 2,00–2,60 м), в напластованиях усадьбы Е. Это длинная полоска бересты, на краю которой сохранился фрагментик текста:

...[ок]а~~заль~~п~~лоу~~то

Длина 29,9 см, ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: вероятно, первая половина XII в.

Отрезок ...оказаль — вероятно, конец от *показаль* ‘показал’ или конечное -о какого-то слова и *казаль* ‘говорил, приказывал’ (менее вероятны *оказаль*, *доказаль*). Отрезок *п~~лоу~~то* надежной интерпретации не имеет.

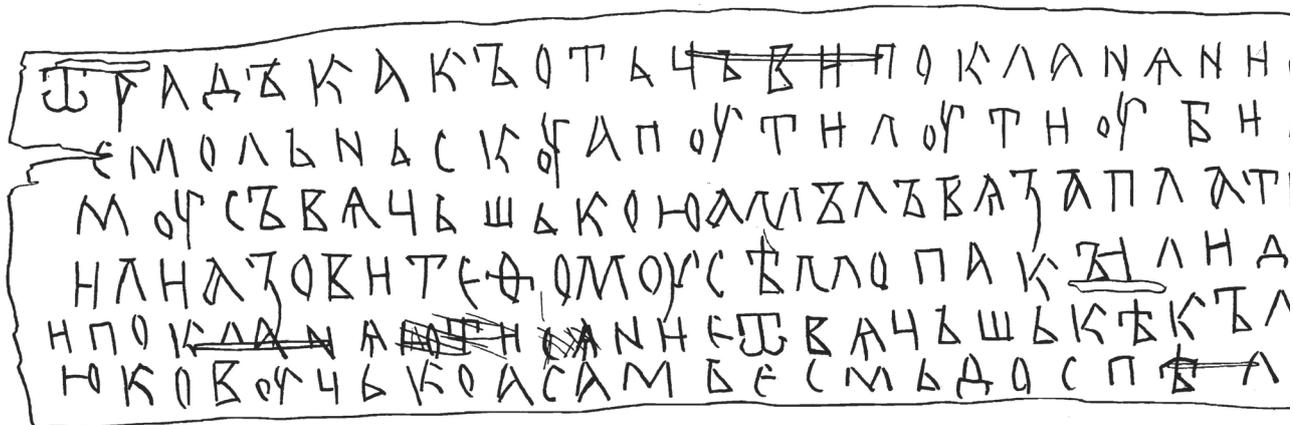

Прорись грамоты № 951

Грамота № 952

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1720, на уровне пласта 9 (глубина 1,74 м), в напластованиях усадьбы У. Это целый документ из шести строк; он содержит два разных письма, написанных, однако, одним почерком:

Ѡрадъкакъотъцьвиноклананиетоварьцьесъмопосълалъ
 смольньскоуапоутилоутиоубилиахотатънѣативъѠ
 моусъвацьшькоюамълъвазаплатитеѠетъырисътагривнъ
 илиа зовитеѠомоусъмопакъилидавъсадимовъвъпогрьбо
 иноклананиеѠвацьшькъкълазорьви послалъесмьконъ
 юковоуцькоасамъесмьдоспѣлъ

В предпоследней строке **ПОКЛАНАНИЕ** переправлено из **ПОКЛАНАЮ ТИ СЯ**, а именно, аккуратно заштрихованы буквы **ЮТИСА**, после чего выписано **НИЕ**. Ясно, что писавший закончил первое письмо этикетной формулой ‘и кланяюсь тебе’. Но когда он начал записывать второе письмо (что могло произойти и не сразу), он, по-видимому, сбился, приняв уже стоящее в тексте **ПОКЛАНАЮ ТИ СЯ** за написанное с ошибками **ПОКЛАНАНИЕ**, и произвел соответствующее исправление (менее вероятно, что он сознательно решил переделать заключительную формулу первого письма в начальную формулу второго).

Длина 29,2 см, ширина 5,1 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е –70-е гг. XII в.

Текст делится на слова так:

Ѡ Радька къ отьцьви покланание. Товарьць есьмо посълалъ Смольньскоу. А Поутилоу ти оубили. А хотать ны ати въ Фомоу съ Вацьшькою, а мльва: Заплатите четыри съта гривнь, или а зовите Фомоу сьмо. Пақы ли, да въсадимо вы въ погрьбо.

И покланание Ѡ Вацьшькъ къ Лазорьви. Послалъ есмь конь юковоуцько, а самъ есмь доспѣль.

Перевод:

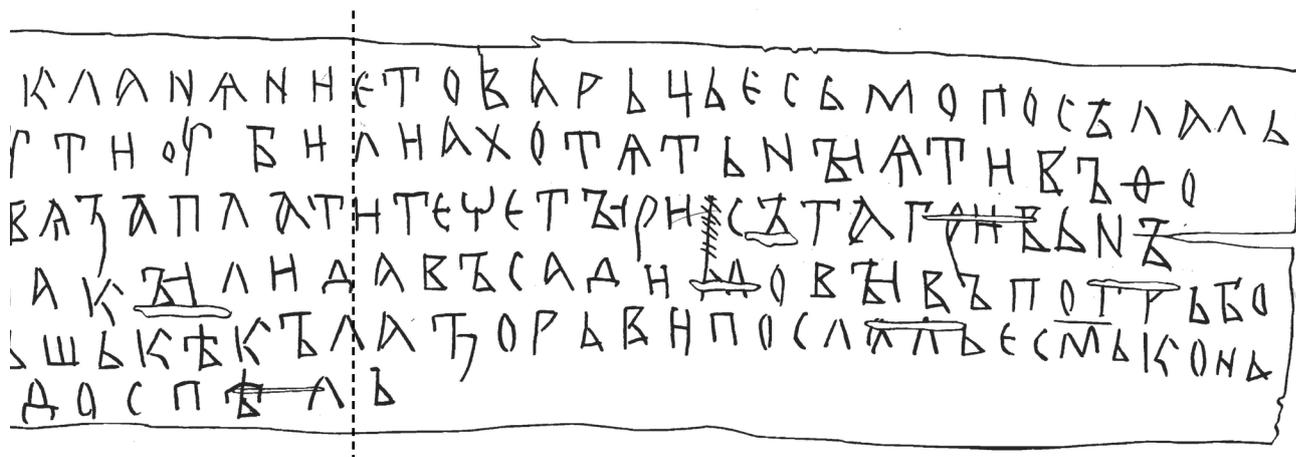
‘От Радка поклон отцу. Товарец я послал в Смоленск. А Путилу-то убили. А нас с Вячешкой хотят арестовать за Фому — говорят: «Заплатите четыреста гривен или же зовите сюда Фому. Если же нет, то всадим вас в погреб (темницу)».

И поклон от Вячешки Лазорю. Я послал коня вьючного, а сам готов (приготовился)’.

Адресат второго письма — возможно, тот же, что и адресат первого (т. е. отец Радка).

В грамоте отразилась драматическая ситуация, представляющая чрезвычайный интерес. Группа новгородцев — Радко, Вячешка (Вячеслав), Путила и еще какие-то лица (возможно, их слуги или домочадцы) — прибыли в чужой город со своим товаром. Здесь у них возник конфликт с кем-то из местных людей, в ходе которого Путила был убит. Остальных же не выпустили из города, хотя в момент написания данного письма они еще не арестованы — арестом им только угрожают.

Речь явно идет о так называемом «рубее» — конфискации имущества (или штрафе) за вину третьего лица, происходящего из того же города, — в данном случае некоего Фомы. При этом, правда, требуемая от авто-

ров сумма неимоверно велика: если речь идет о гривнах кун, то это около 20 кг серебра, если о гривнах серебра — то около 80 кг. Возможно, сумма названа без расчета на реальную выплату, а просто как средство давления или устрашения (ср. в этом отношении берестяную грамоту № 30 из Старой Руссы, где автор угрожает адресату неправдоподобно большим штрафом в сто гривен в случае, если тот не доставит два воза сушеной рыбы).

Автору письма Радку удалось, однако, переправить свой товар в другой город (в Смоленск). Об успехе такого же рода пишет и второй автор (Вячешка): он отослал вьючного коня — очевидно, с грузом.

Авторы сообщают о постигшем их бедствии в Новгород — видимо, рассчитывая на то, что новгородцы смогут им как-то помочь в их положении.

Слово *товарьць* древнерусским словарям неизвестно, но смысл его ясен: это уменьшительно-ласкательная форма от *товарь*, несущая, судя по контексту, тот же фамильярный оттенок, что и *товарец* в современном языке.

В выражении *ати въ Фомоу* предлог *въ* выступает в значении ‘за вину’ — как в выражениях типа *рути кого (А) въ кого (В)* ‘подвергнуть лицо А конфискации имущества за вину лица В’ (см. НГБ-VIII: 168–174).

Во фразе *а хотать ны ати въ Фомоу съ Вацьшькою* роль Вячешки еще неясна: в принципе можно понимать эту фразу как ‘хотят нас арестовать за вину Фомы и Вячешки’ или как ‘хотят арестовать нас с Вячешкой за вину Фомы’. Но дальнейший текст уже ясно свидетельствует в пользу второго понимания.

Местоимение *ны* (множ. число), а не *на* (двойств. число) в этой фразе (а также *вы*, а не *ва* во фразе *въсидимо вы въ погръбо*) показывает, что угроза ареста распространяется не только на Радку и Вячешку, но и на каких-то сопровождающих их людей (возможно, слуг или домочадцев).

Мльва формально может быть причастием (деепричастием) или словоформой 3-го лица множ. числа презенса. Но нормам древнерусского синтаксиса несомненно больше соответствует первое. Ср. фразу *а хотать ны ати ...*, а *мльва* с такими однозначными с данной точки зрения фразами, как, например: *оже оно поехало проце, а река тако* (берестяная грамота № 531); *а еще мене зазва(ль) ...*, *а рка такъ* (№ 697); *или иметь и, а река тако* (Правда Русская, ст. 85); *и одариши князь роусьскихъ, а рекоуче тако* (НПЛ [1224], л. 97); *оже жены наиболѣ кланяются въ соуботу до земля, тако молва* (Вопрошание Кириково, ст. 9). То же и с глаголами других семантических групп, например: *а како досъво буду, а борьць оставиво* ‘я, как только управлюсь, приеду, оставив [вместо себя] сборщика’ (берестяная грамота № 68).

Добавим к этому, что при интерпретации *мльва* как презенса пришлось бы признать присутствие в одной и той же фразе словоформ 3-го лица множ. числа с *-ть* (*хотать*) и без *-ть* (*мльва*), при том что никаких семантических оснований для такого различия в данном случае нет.

Признав *мльва* причастием, мы должны констатировать, что оно не согласовано в числе со сказуемым *хотать*. Тем самым перед нами один из самых ранних примеров несогласованного причастия в оригиналах (а не списках) древнерусских текстов.

Отметим *или а* ‘если же нет, то’, где *или* еще сохраняет свою древнейшую способность играть роль целого предложения (‘а если дело обстоит иначе’). Вот пример из Ипат. (под 1155 г.) с таким же *или а*: *хощеши ли к намъ прити оу миръ, или а се мы к тобѣ*. Практически то же значение, что *или а*, имеет и *пакы ли да* в настоящей грамоте.

Отметим *-ите* в императиве *зовите* — один из ранних примеров древненовгородского диалектного окончания в данной форме.

Значительную трудность составил анализ отрезка *коньюковоуцько* в последней фразе, где неочевидно даже словоделение. Из разных гипотетических интерпретаций этого отрезка безусловно предпочтительной оказывается следующая: это словосочетание *конь юковоуцько*, где второе слово — это сложное прилагательное *юк-о-вуч-ьк-ъ* (В. ед. муж.), являющееся определением к слову *конь*.

Элемент *юко-* здесь принадлежит слову *юкь* ‘вьюк’, встречающемуся, в частности, у Афанасия Никитина (см. Срезн., III: 1626) и сохранившемуся в архангельских говорах (см. Даль, IV: 667); известно также

древнерусское производное *ючьнии* ‘вьючный’ (*товара ючного* — Лавр. [1295], л. 171). Фонетический вариант *юкъ* непосредственно соответствует своему тюркскому первоисточнику *jük* (Фасмер, I: 373, статья *вьюк*), тогда как современное *вьюк* — результат позднейшей адаптации иноязычного слова с созданием «русскообразного» начала, сходного с *вью*, *вьюга* (ср. такой же эффект в простонародном варианте *вьюноша* у слова *юноша*).

Элемент *вуч-*, очевидно, представляет собой корень *выч-* с таким же переходом *вы > ву*, как в *вудра* из *выдра* в берестяной грамоте № 713 или *буть* из *быть* в № 68 (см. ДНД₂, § 2.35). Другой теоретически возможный вариант состоит в том, что *вуч-* — это корень *уч-* с протетическим *в*. Но по смыслу корень *выч-* (ср. *выкнуть*, *привыкнуть*, *привычка*) здесь уместнее, чем *уч-* (*учить*, *учиться*). В самом деле, прилагательные с суффиксом *-ък-* (*-ьк-*) в большинстве случаев означают свойство субъекта непереходного глагола (часто возвратного), например: *зябкий* (‘который зябнет’), *пылкий* (‘который пылает’), *качкий* (‘который качается’), *вёрткий* (‘который вертится’) и т. п. (Заметим, впрочем, что для установления смысла слова *юковучькыи* между корнями *выч-* и *уч-* большой разницы нет, что неудивительно, поскольку с исторической точки зрения это просто алломорфы одного и того же корня.)

Все слово в целом имело, таким образом (до перехода *вы > ву*), вид *юк-о-выч-ьк-ыи* ‘вьючный’ (букв. «вьюкопривычный»). Оно построено в точности по той же модели, что, например, современные *труд-о-ём-к-ий*, *огн-е-стой-к-ий*, *вод-о-стой-к-ий*, *яйц-е-нос-к-ий*, *дальн-о-зор-к-ий* и т. п. Использование в данном контексте краткой формы (*юковучькъ*) вполне соответствует древнерусскому узусу: ср. *конь полоубоуивъ* (в берестяной грамоте № 735), *конь рыжь* и т. п. (в актах), *конь блѣдь* (в Апокалипсисе).

Слово *доспѣти* многозначно (см. Срезн., I: 710, Слов. XI–XVII, 4: 331, а также СРНГ, 8: 142); наиболее подходящим к контексту представляется значение ‘приготовиться, изготовиться, быть готовым’. Ср. в Повести временных лет (в эпизоде с поиском богатыря для единоборства с печенегом): *и наоутриа придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа, се нашъ доспѣль* (Лавр. [992], л. 42 об.; в Радзивилловском и Академическом списках *се нашъ готовъ*). Очевидно, Вячешка сообщает Лазарю о том, что ему удалось послать коня с грузом и он сам приготовился к побегу.

Грамота № 953

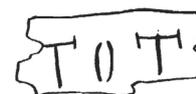
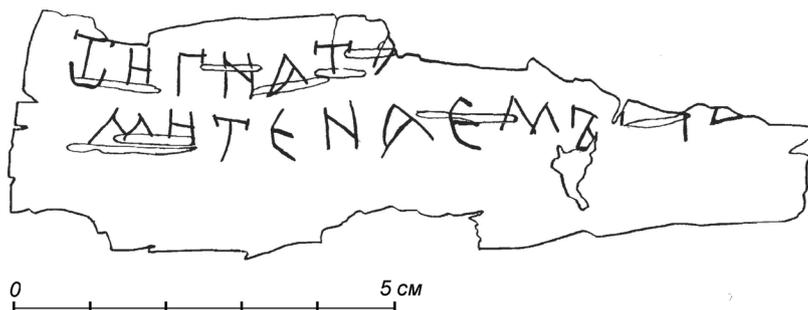
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1738, на уровне пласта 9 (глубина 1,74 м), в напластованиях усадьбы У. Это начальная часть двух первых строк письма.

ЎИГНАТА... ..ТОТ...
МИТЕНАЕМЫ...

Длина 10,5 см, ширина 3 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Можно выделить слова: а) **Ў Игната ...** б) ... (**взь**)**мите (?) наемы ...** ‘возьмите арендную плату’.

Прорись грамоты № 953

[2005]

Грамота № 954

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1656, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20 м), в напластованиях усадьбы У, близ южной границы усадьбы Ж. Это целый документ из семи строк:

грамота·ѿжирочькаиѿтѣшька
къв[ъ]дѣвиноу·млвишильцеви·це
моупошибаешисвиньѣцюжѣ·ап[ъ]
неслап[ъ]дрька·аесипосоромилъко
ньцьвъхълюдинь·сооногопо^аоу
грамата·прокънижетабы^сожее
ситако сътворилъ·

Длина 17,8 см, ширина 6 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка (с учетом корректировки таблиц): середина – третья четверть XII в., предпочтительно середина.

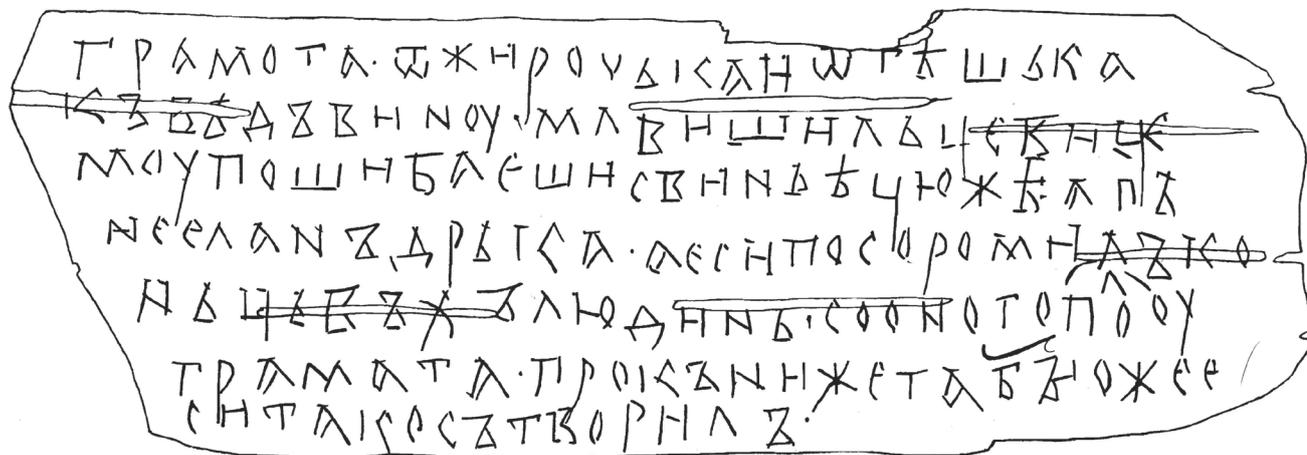
В строке 2 возможно также чтение в[ъ]дѣвиноу вместо в[ъ]дѣвиноу. В строке 4 начальное *н* написано поверх *и*. Над буквами ѣд в слове *нѣдрька* усматриваются слабые следы буквы з; очевидно, автор вписал здесь пропущенную букву над строкой.

Текст делится на слова так:

Грамота ѿ Жирочька и ѿ Тѣшька къ Вѣдѣвиноу. Млви Шильцеви: Цемоу пошибаеши свиньѣ цюжѣ? А пьнесла Нѣдрька. А еси посоромилъ коньць въхъ Людинь: со оного полоу грамата. Про къни же та быс(тъ), оже еси тако сътворилъ.

Колетание между *грамота* и *грамата* — не ошибка: *грамата* есть старый вариант этого заимствованного слова, ср. *Къснатина грамата* в берестяной грамоте № 397.

Написание *млви* — не встречавшийся ранее в берестяных грамотах (но изредка представленный в рукописях) вариант записи сочетания типа *Тьлт*. Ныне в берестяных грамотах отмечены уже все теоретически возможные варианты реализации слогового *л*: *мьльви*, *мьлви*, *мльви* и *млви*.

Прорись грамоты № 954

Конечное *-и* (вместо ожидаемого *-ѣ*) в В. мн. *про к(о)ни* ныне следует расценивать как одно самых ранних проявлений фонетического перехода *ѣ* в *и* (в данном случае в конечной позиции).

Специфическая древненовгородская словоформа В. ед. муж. *въхъ* ‘весь’ — ценнейшее подтверждение гипотезы о том, что здесь еще до падения редуцированных произошло ассимилятивное изменение корневого *ь* в *ѣ*. До сих пор мы располагали на этот счет только свидетельством грамоты № 806 — менее показательным, поскольку эта грамота, во-первых, очень сильно повреждена (она состоит из разрозненных фрагментов), во-вторых, относится к несколько более позднему времени (60-м–80-м гг. XII в.). В грамоте № 954 словоформа *въхъ* выступает в полностью сохранным и не вызывающем никаких сомнений контексте.

Примечательно, что этой диалектной древненовгородской формы (как и формы *млви*) автор не сумел избежать, хотя он явно старался писать официальным языком: это видно из того, что он употребляет наддиалектное окончание *-ъ*, а не новгородское *-е* в *посоромиль* и *сътвориль* (этим же стремлением, вероятно, объясняется и употребление аориста *бысть*).

Не соответствует обычным нормам порядок слов в словосочетании *а еси посоромиль*: ожидалось бы *а посоромиль еси*. Вопрос о причинах данного эффекта составляет непростую проблему. Она обсуждалась в предварительной публикации настоящей грамоты (Зализняк, Янин 2006: 4), и это обсуждение заканчивалось словами: «Для решения вопроса о том, допускал ли древнерусский язык проклитико-энклитические группы такой структуры, необходимо накопление дополнительного материала». В настоящее время такой материал появился — это грамота № 1050; см. разбор данной проблемы ниже при этой грамоте.

Окончание *-ь* (а не *-ѣ*) в В. ед. муж. *Людинь* — отражение древнейшего варианта данного наименования; ср. *Людинь коньць* в Синод. НПЛ под 1220 г., *съ Людинемь коньцемь* под 1218 г., также *Людинь конець* в Комисс. НПЛ под 1194, 1425, 1433 гг.

Фраза с *цемоу* (‘почему?’) лишь по форме является вопросом. Реально это вполне обычная для древнерусских источников форма выражения обвинений или юридических претензий. Ср. в НПЛ: *чему хотель еси сести Переяславли* (под 1136 г.); *чему еси отъяль Волховъ гогольными ловци* (под 1270 г.); *чему взять еси Олексинь дворъ Морткиничча* (там же); *чему поималь еси серебро на Микифорѣ Манускиниччи* (там же); *а иное, чему выводилъ отъ насъ иноземца* (там же). Также в берестяных грамотах: *цому молотилъ безъ нашихъ сиротъ*; *а намъ в земѣ половина а верьши часть* (в № 755); *цемоу, бра(те, -- Бѣ не бѣишиса* (в № 548); *цему ма еси погубилъ* (в № 272) и др.

Для *понести* здесь следует предполагать значение ‘заявить (о чем-то порочащем человека)’, ‘разнести (дурную славу)’, ‘опозорить’. Хотя в словарях такое значение прямо не отражено, оно легко выводится из хорошо засвидетельствованных *поносити* ‘ругать, позорить, поносить’, *поношение* ‘позор, поношение’. Близки по значению также *донести* ‘сообщить о преступлении, проступке’, *проносити* ‘разносить (дурную славу)»; ср. *а нинеце проноситса ѿ Кюрѣака* в берестяной грамоте № 538.

Общий смысл документа достаточно ясен: авторы Жирочко и Тешко поручают некоему Вдовину предъяснить человеку по прозвищу Шильце обвинение в том, что он «пошибает» чужих свиней. Основанием для этого послужили рассказы некоей Ноздрьки. Это дело означает позор для всего Людина конца, поскольку оно приобрело общегородскую огласку — с Торговой стороны пришла грамота, где сообщается, что то же самое Шильце проделал и с конями.

Шильце — несомненно житель Людина конца. Но к Людину концу, очевидно, принадлежат также и авторы документа, и его непосредственный адресат Вдовин. В авторах естественно видеть представителей администрации Людина конца, в адресате — администратора более низкого ранга, например, уличанского старосту.

Ноздрька (уменьшительное от *ноздря*) — очевидно, вариант к прозвищу *Ноздрьца* (*Ноздрьча*), которое носил новгородец, живший в Неревском конце и упоминаемый в НПЛ под 1118 г., после того как его дом был разграблен во время некоего внутригородского конфликта. Судя по времени, к которому относится грамота № 954, женщина по прозвищу Ноздрька могла быть какой-то его родственницей. Если это так, то она жила

в Неревском конце; в этом случае обвинения против Шильца поступили сразу с двух других (чужих) концов города — Неревского и Славенского.

Наиболее сложный вопрос состоит в том, что в точности означает в данном случае словоформа *пошибаеши*.

Самым общим значением глагола *пошибати*, если судить просто по входящим в его состав морфемам, должно было быть ‘наносить удар, ушиб’, ‘ушибать, подшибать’. В памятниках такое значение отмечено только применительно к удару молнии (см. Слов. XI–XVII, 18: 84, статья *пошибити*, знач. 1)². Сюда же примыкает древнерусское *пошибеньи* в переносном смысле: ‘безумный, лишенный рассудка’ (характер переносного значения здесь такой же, как в современном разговорном *ушибленный*).

Древнерусское *пошибати* известно в первую очередь из уставов Владимира и Ярослава о церковных судах и из новгородской договорной грамоты 1190-х гг. Контексты таковы: *аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену* (Устав Ярослава, ст. 3; в одном из списков в совершенном виде: *а кто пошибеѣт женѣ боярскѣ*; см. Княж. уставы: 92 и др., 104), *оже пошибает мужеску жену либо дочь* (ГВНП, №28) — в обоих случаях следует указание о размере штрафа за это преступление. В уставе Владимира в список преступлений, подлежащих церковному суду, входит *пошибание* (в части списков *пошибение*; см. Княж. уставы: 15 и др., 67) — в составе группы, начинающей весь список: *ропусты, смильное заставание, умыкание, пошибание*.

Все словари — Срезн., Слов. XI–XVII, СДРЯ — переводят *пошибати* в этих контекстах как ‘(из)насилловать’; при этом, правда, СДРЯ помечает данный перевод знаком «?». Сомнение здесь связано с тем, что в уставе Ярослава есть также и термин *насилити*: *аще кто оумчить дѣвку или насилить* (ст. 2, см. Княж. уставы: 91 и др.; отметим, что размер штрафа за причиненный *соромъ*, указываемый в статье с глаголом *пошибати* и в статье с глаголом *насилити*, в точности одинаков). Весьма важен здесь латинский перевод уставов Владимира и Ярослава, сохранившийся в списках XVIII в. (Княж. уставы: 60–62, 125–127). Слово *пошибание* (из устава Владимира) здесь соответствует *stuprum* ‘бесчестье, позор, срам, разврат’; слову *пошибаетъ* (из устава Ярослава) — *vitiaverit* (от *vitiare* [virginem] ‘осквернять, бесчестить’); слову *насилить* (из устава Ярослава) — *stupraverit* (от *stuprare* ‘осквернять, бесчестить, позорить’, т. е. практически то же, что *vitiare*). В особенности существенно то, что в переводах слова *пошибание* и слова *насилити* выступает одна и та же основа *stupr-*. Таким образом, глаголы *насилити* и *пошибати* либо обозначали просто одно и то же, либо различались лишь какой-то деталью³.

Другой круг данных здесь составляют показания современных говоров. Из многочисленных значений, которые может иметь в говорах глагол *пошибать* и его производные (см. СРНГ, 31: 31–32), для нас представляют интерес прежде всего те, где объектом действия могут быть домашние животные, а именно:

пошибать, знач. 9: ‘испортить, изуродовать, искалечить’. *Вот тут он (бедняк) и заревел, пошиб коня*. Арх.; знач. 6: ‘уничтожать, убивать’. *Зверь пошиб собаку. Пошибали зверье лошадей*. Смол.;

пошибка, знач. 1: ‘инфекционная болезнь домашних животных’; ‘эпизоотия’. Перм., Tobol.; знач. 2: ‘болезнь, порча, напускаемая колдуном’. Перм.

Какое же из всех этих значений следует предполагать для грамоты № 954?

² Но сюда не относится глагол совершенного вида *пошибати* ‘нанести удары многим’, построенного так же, как *побросать* (всё, многое), *поубивать* (всех, многих) и т. п., который выступает во фразе из Жития Стефана Пермского: *воеводы нѣс(т)ь, иже бы их порокомъ дѹховнымъ пошибаль и разгналъ* (Слов. XI–XVII, 18: 84, статья *пошибати*, знач. 1; к сожалению, в этой статье ошибочно объединены глаголы разного вида: «значением 1» назван глагол совершенного вида, «значением 2» — несовершенного).

³ Одна из возможных гипотез состоит здесь в том, что статья 3 устава Ярослава первоначально касалась только посягательства на замужнюю женщину (как она и читается в некоторых списках, см. Княж. уставы: 104, 126). Если это так, то различие между *насилити* и *пошибати* лишь в том, что первое относится к девице, а второе к замужней женщине. Согласно другому предположению, *насилити* означало реальное насилие, а *пошибати* — соблазнение; при этой версии зоофилическая интерпретация фразы *пошибаеши свинѣ цюжѣ* отпадает.

Наименее вероятно первичное значение глагола *пошибати* — ‘ударять, ушибать’: столь незначительная провинность не могла быть причиной позора для всего Людина конца.

Ущерб, который Шильце наносил чужим свиньям и коням, был явно более серьезным. Следует полагать, что он их как-то «портил» (и именно как «портишь» уместно переводить спорное слово *пошибаеши*); но конкретный смысл этой порчи мог быть различным. Это могла быть зоофилия; статьи, предусматривающие данный вид преступления, имеются во многих древнерусских уставах, в частности, в уставах Владимира и Ярослава; и такое поведение действительно могло быть позором для целого квартала. Но это могла быть и порча, напускаемая на скот колдовством — сглазом, наговором и т. п.⁴ Это был, вероятно, еще больший позор и вместе с тем источник тревоги и страха. Самым сильным аргументом в пользу этого последнего решения является диалектное *пошибка*, приведенное выше. Сам факт, что эпизоотия до сих пор называется термином *пошибка*, т. е. наведенная кем-то порча, ярче всего свидетельствует о том, что народное сознание в случае падежа скота немедленно начинало искать конкретного виновника.

Итак, можно предложить для грамоты № 954 следующий перевод: ‘Грамота от Жирочка и от Тешка к Вдовину. Скажи Шильцу: «Зачем ты портишь чужих свиней? А разнесла [это] Ноздрька. Ты осрамил весь Людин конец: с того берега грамота. Она была про коней — что ты с ними то же сотворил»’.

В отношении этого необычного по содержанию документа возникает гипотеза о возможной связи отразившихся в нем событий с теми, что отмечены в новгородской летописи под 1115 и 1118 годами.

Под 1115 г. НПЛ сообщает: *а Новѣгородѣ измъроша коня вса у Мьстислава и у дружину его*. Поскольку грамота № 954 относится именно к этому периоду, допустимо предположить, что обвинение в «пошибании» коней, поступившее с Торговой стороны, связано именно с этим событием. Из текста грамоты можно заключить, что одновременно с падежом коней в Новгороде наблюдался и падеж свиней. Незаурядность этого события и посрамление Ноздрькой «всего Людина конца» не могли не привести к ответным действиям опозоренных людинцев. Возможно, именно об этих действиях мы узнаем из летописного сообщения 1118 г. К этому времени Владимир Мономах отозвал из Новгорода Мстислава, который передал стол своему сыну Всеволоду. Утверждение последнего на новгородском княжении сопровождалось существенным ограничением его власти: Мстислав вынужден был в целях финансовой поддержки Всеволода передать ему в домениальное пользование ряд территорий Смоленского княжества, пограничных с Новгородской землей (см. Янин 1998). Под указанным годом летопись сообщает: *томь ж(е) лѣт(ѣ) приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вса бояры новгородскыя Кыкву, и заводи а къ чѣтномоу хѣоу, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣваса на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вса* (НПЛ: 21, 204–205). Политическая цель расправы Владимира Мономаха над новгородскими боярами очевидна: ограничение новгородцами княжеских прав Всеволода Мстиславича потребовало напоминания о том, кому в системе Древнерусского государства принадлежала верховная власть.

Усадьбы Даньслава и Ноздрьчи находились в Неревском конце: под 1195 г. летопись упоминает церковь св. Димитрия *Ноздрьчину*, заново построенную после пожара 1194 г. Эта церковь находилась на Даньславле улице Неревского конца.

Таким образом, грамота № 954, возможно, отражает первопричину описанных в летописи под 1115 и 1118 гг. событий.

Расправа Владимира Мономаха над группой новгородских бояр нашла отражение в циклах былин о Ставре Годиновиче и об Иванушке Годеновиче, в которых повествуется, как «Ставер сын Годинович посажен в погреба глубокие» и выручен молодой женой Василисой Микуличной. Что Ставр Годинович занимал в

⁴ В связи с этим Р. Факкани указал также на следующий важный факт: слово *vitiare*, использованное в латинском переводе княжеских уставов в качестве переводного эквивалента для *пошибати*, фигурирует во фразе Плиния Старшего (*Naturalis Historia*, XXVIII, 32): *Idem gallinarum incubitus, pecorum fetus vitiant* ‘они же (речь идет о знахарях-колдунах) портят выводки кур и зародыши скота (т. е. делают так, чтобы у скота были выкидыши)’. Тем самым перевод слова *пошибати* глаголом *vitiare* можно расценивать как дополнительное указание на то, что *пошибати* среди прочих значений допускало значение ‘портить (колдовством и т. п.) скот’.

Новгороде значительный административный пост, ясно из его похвальбы перед киевлянами: *В Новгороде живу да я хозяином, // Я хозяином живу да управителем // И полным лицом живу доверенным... // Ой глупые бояре, неразумные, // Они хвалятся градом Киевом... // А что это за ограда во Киеве // У ласкового князь-Владимира? // У меня ль, у Ставра, широкий двор // Не хуже будет города Киева* (Былины Печоры: 112).

Грамота № 954 содержит богатый набор имен собственных.

Имя *Жирочько* — одно из многочисленных гипокористических производных от имени *Жирославъ*. В 1-й половине — середине XII в. в Людином конце нам известно несколько лиц, которые в принципе могли бы быть тождественны автору данной грамоты (равно как и между собой). Это прежде всего *Жирочько* из грамоты № 1000 (2-я четв. — сер. XII в.); далее *Жирочька* из грамоты № 851 (сер. XII в.); *Жирата* из № 879 (2-я четв. — сер. XII в.); *Жирько* из № 630 (то же время) и из № 824 (сер. XII в.); также *Жирошька*, отец жены Полюда Городшинича, поставившей в 1197 г. (по всей вероятности, в пожилом возрасте) монастырь св. Евфимии в Плотниках. К несколько более позднему времени относится *Жирославъ* из № 657 (сер. — 2-я пол. XII в.) и из № 1029 (60-е — середина 90-х гг. XII в.).

Имя *Тъшько* стоит в том же ряду производных от корня *тѣх-*, что *Тѣхонъ* в грамоте № 926, *Тѣшата* в № 905, *Тѣшаа* в Ст. Р. 21, *Тѣшила* в № 348, *Тѣшень* в № 997 и др. В НПК (III: 583, 596) отмечена деревня *Тѣшиково* (иначе *Тѣшиковичи*).

Въдовинъ — вероятно, притяжательное прилагательное от *въдова*; но не исключено также, что это существительное с суффиксом *-инъ*, первоначальное сингулятивное значение которого затемнено, как в *попинъ*, *господинъ*, *властелинъ*.

Шильце — уменьшительный вариант прозвища *Шило*, которое было на Руси очень популярно: большое число людей с таким прозвищем отмечено у Тупикова и в НПК; засвидетельствованы и патроним *Шильцовъ* (Тупиков: 897), топоним *Шилцово* (НПК, II: 4; IV: 170). С морфологической точки зрения это прозвище построено так же, как, например, прозвище *Колѣньце* в грамоте № 31 из Старой Руссы.

Об имени *Но(з)дрька* см. выше.

В грамоте представлены древние наименования частей Новгорода: *Людинъ коньць*, *онъ полъ*. Наименование *онъ полъ* 'та половина, та сторона' отражает взгляд жителя Софийской стороны — точно такой же, как в НПЛ. Упоминание Людина конца в грамоте № 954 — самое древнее из ныне известных; оно примерно на три четверти века старше, чем первое упоминание этого конца в летописи (под 1194 г.).

Прорись грамоты № 955

Грамота № 955

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1792, на уровне пласта 11 (глубина 2,14 м), в напластованиях усадьбы Т. Это целый документ из семи строк; начиная с четвертой строки текст расположен уже в двух столбцах:

Ѡмилоушѣкъ	
марьнѣкосивѣ	
ликеепѣхатибѣе	
изасновида	рѣклати
Маренко	такъмилоуша
пеипизда	вѣдаи:ѣ:гриве
исѣкыле	невецѣрашенеи

В слове **сновида** вторая буква читается не вполне надежно: по-видимому, это зеркальное *n*, диагональ которого автор прочертил дважды. В слове **вѣликее** после *ѣли* и после *кее* зачеркнуто по одной букве. В слове **вецѣрашенеи** после *ра* зачеркнута буква *ш*: очевидно, автору не понравилось, как она получилась, и он написал ее снова.

В грамоте представлены не встречавшиеся ранее элементы: вторая ее половина расположена в два столбца; в трех точках (в **Ѡ милоушѣ**, **Маренко** и **рѣкла**) вырисованы фигурные инициалы книжного типа.

Другая особенность состоит в том, что грамота написана на втором слое листа бересты, на первом слое которого был сделан рисунок: двое святых и большой шестиконечный крест между ними. Рисунок пропечатался и на втором слое (в особенности левая фигура и крест [на прориси воспроизведены только они]); но, разумеется, его линии гораздо слабее, чем в буквах письма. Писавший, очевидно, принимал во внимание это изображение: текст письма не затрагивает его. (Не исключено также, что рисунок делался просто на другом листе бересты, который лежал в этот момент в стопке запасенной бересты поверх нашего листа.)

Длина 29,2 см, ширина 6,5 см.

Стратиграфическая дата: 30-е–40-е гг. XII в.

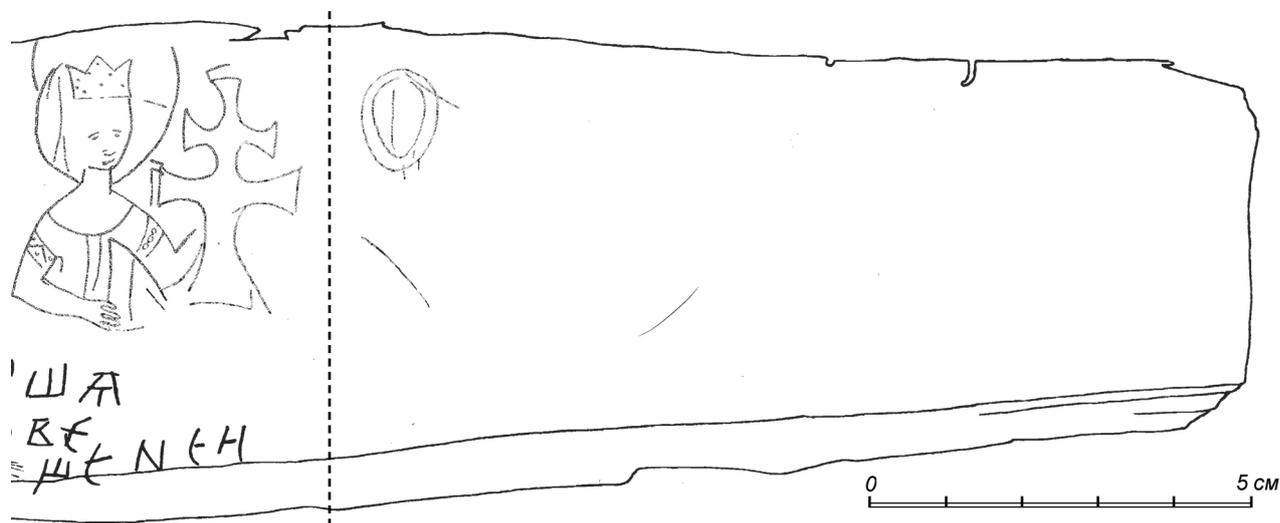
Внестратиграфическая оценка (с учетом корректировки таблиц): 40-е–90-е гг. XII в.

Текст делится на слова так:

Ѡ Милоушѣ къ Марьнѣ. Коси Вѣликее пѣхати бѣ ей за Сновида.

Маренко! пеи пизда и сѣкыле!

рѣкла ти такъ Милоуша: Вѣдаи 2 гривене вецѣрашенеи.

Грамота представляет собой письмо от женщины к женщине; в домонгольский период эта весьма интересная категория берестяных писем встречается неоднократно. Некая Милуша пишет Марене, которая уже хорошо известна нам по нескольким грамотам усадьбы Е Троицкого раскопа, относящимся к тому же времени (см. ниже). Имеется также пряслице с ее именем, найденное неподалеку от самой грамоты № 955 в несколько более позднем слое. Согласно исследованию А. А. Гиппиуса (2003а), Марена была женой знатного новгородского боярина Петра Михалковича, игравшего важнейшую роль в новгородской администрации середины – третьей четверти XII века (см. НГБ-ХІ: 164–174). Как явствует из берестяных грамот, Марена обладала значительной хозяйственной властью, к ней обращался сам князь, она ведала выдачей денег, поступлением зерна и т. п. Вот тексты грамот, где фигурирует Марена (в переводе):

№ 794 (60-е – 80-е гг. XII в.): ‘От Петра к Марене. Если станет князь наделять купцов и пришлет к тебе, то ты ему скажи: «Ты, князь, [этим] ведаешь. Кого из мужей мор прошлой зимой унес, те (тех, тем) ...»’.

№ 798 (то же время): ‘Поклон от Завида к тетке (?). Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене, поскольку я приду и ты тогда отдашь (очевидно, своему сыну) назад зерном же. Кланяюсь тебе’.

№ 849 (сер. XII в.): ‘Приветствие от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведа его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам’.

Об имени *Марена* см. ДНД₂: 314. *Милуша* — ценное пополнение пока еще довольно ограниченного фонда древнерусских дохристианских женских имен; ср. аналогичное по строению *Малуша* (имя ключницы княгини Ольги).

В грамоте упомянут также *Сновидь* (см. об этом имени, в частности, ДНД₂: 361). Судя по хронологии и по месту находки, его можно предположительно отождествить с тем Сновидом, который фигурирует (в разных ролях) в целой серии грамот Троицкого раскопа: № 1007, 1009, 1012, 1045, 1047 (см. ниже). Что касается художника Сновида, упомянутого в грамоте № 780 (1180-е – 1200-е гг., усадьба Е), то, судя по хронологии, это уже другое лицо.

Четырехстрочная запись во втором столбце (начинающаяся со слова **Рѣкла**) представляет собой относительно самостоятельную часть текста — своего рода приписку: ‘Говорит (букв. сказала) тебе Милуша: дай две гривны вчерашние’. Как можно видеть, автор (Милуша) упоминается здесь в третьем лице. Возможно, таким образом, что все письмо записывала не сама Милуша, а кто-то другой. Но это всё же не обязательно: называть себя в письме в третьем лице, по-видимому, иногда могли и сами авторы.

Отметим, что *р(е)кла* здесь следует понимать не как ‘сказала’, а как ‘говорит’ (этой самой грамотой). Ср. точно такое же употребление перфекта в грамоте Ст. Р. 11 (*Иванла моловила Оимь*); см. об этом ДНД₂: 447.

При всей простоте этой приписки она рисует нам довольно яркую сцену из древненовгородского быта. Видно, с какой удивительной легкостью женщины той эпохи прибегали к письменной форме общения. Милуша виделась с Мареной еще вчера, когда они обсуждали какое-то дело, связанное с двумя гривнами (например, Марена могла обещать эти две гривны Милуше за что-то, или она взяла их у Милуши в долг на один день и т. п.). А уже на следующий день Милуша об этом пишет.

Много труднее для понимания основной текст письма. Он делится на две части, каждая из которых имеет свой инициал. Первая часть, за вычетом адресной формулы, — это отрезок *косивѣликеепъехатибъеи засновида*, где даже словоделение не вполне очевидно.

Начальное *ко* наводит на мысль, что здесь содержится какое-то приложение (или определение) к имени адресата (*къ Марьнѣ*). В частности, по сходству с народными словами типа *сиволатый*, *сиволюбый* можно предположить, что здесь стоит *ко сивѣликее* ‘к сиволикой (серолицей)’. Но против этого говорит, во-первых, буква *ѣ* (а не *о*) после *сив* (т. е. здесь пришлось бы предполагать прямую буквенную ошибку), во-вторых, сугубо книжный характер морфемы *лик-* (в народном тексте должно было бы быть *лиц-*).

Другое членение — *коси вѣликее*. Можно предположить, в частности, ‘коси большие’ (подразумевается: пожни). Буква *ѣ* вместо *е* в слове *вѣликее* здесь препятствия не составляет: в грамоте есть и другие, вполне надежные примеры взаимной мены этих двух букв: *рѣкла* вместо *рекла*, *вѣцѣрашенеи* вместо *вѣчерашьнѣи*. Но отсутствие существительного в такой фразе, конечно, странно.

Относительно надежно вычленяется следующее слово: *пѣхати*. Вычленяется также сочетание *за Сновида*. Соответственно, для второй части фразы естественно принять членение *пѣхати бѣ еи за Сновида*. Выражение *пѣхати за кого*, насколько можно судить, непосредственно не засвидетельствовано, но его смысл вполне прозрачен. Исходным здесь является устойчивое выражение *поити за кого* ‘выйти замуж за кого-л.’. Слово *замуж*, часто (но все же необязательно) добавляемое здесь в современном языке, в древнем языке не требовалось: ср. хотя бы *поиди за мѣне* в берестяной грамоте № 377. Это вполне логично: древнее *за мужь* еще ясно осознавалось как словосочетание, совершенно однотипное с *за Петра*, *за княза* и т. п.; *идеть за Петра* было конкретным указанием жениха, а *идеть за мужь* — просто сообщением о том, что намечается брак.

Что же касается употребления глагола *пѣхати* вместо *поити*, то, видимо, это реализация образа свадебного *п о е з д а*. Глагол *пѣхати* и производные от него широко употребляются в народной терминологии, связанной со свадьбой, и в свадебных песнях, выступая практически как обозначение самого события свадьбы. Так, в СРНГ (28: 277–284) отмечено целых 25 терминов с основой *поезд-*, *поезж-*, связанных со свадьбой, в частности: *пѣезд*, *поездá* (жен. рода), *пѣздины*, *поезжáние*, *поезжáне*, *поезжáки*, *поезжáльи*, *поезжáный*, *поезжáтый*, *поезжáльня*, *поезжáнь*. Особый интерес в этой связи представляет отмеченное в КСГРС *уѣхать* ‘выйти замуж’ (Волог.): *Уехано у ѣй было перед самой войной; Уехали все, никто в девках не остался; Пересидевши в девках, не уехала во время*⁵.

Правда, в *пѣхати бѣ еи* может вызвать сомнение *бѣ* вместо ожидаемого *бы*: имеющиеся в нынешнем корпусе берестяных грамот примеры *бѣ* относятся к XIV и XV вв. Однако сравнение с другими примерами утраты конечных гласных (не редуцированных) показывает, что во 2-й половине XII в. это явление было уже возможно. Вот примеры утраты конечной гласной в берестяных грамотах XII в.: *вѣдаешь* 794, *истерлаешь* 809, *воземешь* 227, *оправ[ь]* 850, *ополош* Ст. Р. 10, *быше* (<шь) 809 (из *бышла*), *домовь* ‘домой’ 421, *о[ть]* 844, *ѡ* (= *оть*) 809, *ать ти* 502, *дать да* 852; также чуть позднее — в грамотах рубежа XII–XIII вв. и начала XIII в.: *моловише*, *не оуправише*, *оте* (<ть) 705, *молове* (<вь), *то те* (<ть), *нако* (<къ) (из *накы*) 531; подробнее см. ДНД₂, § 2.28.

С другой стороны, в данном случае *бѣ* может стоять вместо *бы* и не по фонетической, а по чисто графической причине: ср. *З гривнь* (<ны), *сѣ близокъ* (<кы) 907 (рубеж XI–XII вв.), *дроугъхо* (<гыхъ) 662/684 (XII в.), где представлена графическая замена *ы* на *ѣ*.

Представляет интерес также синтаксическая сторона оборота *пѣхати бѣ еи*, т. е. сама конструкция «инфинитив + *бы* + датив субъекта» в значении ‘следовало бы такому-то сделать то-то’, ‘суметь бы такому-то сделать то-то’. Эта конструкция до сих пор в берестяных грамотах не встречалась, но известна, в частности, из Киевской летописи за XII век. Вот некоторые примеры: *то аче бѣ ми и далече того блюсти ѡслати, а могъ бы^х Игоря сѣблюсти* (Ипат. [1147], л. 130); *се иноплемьници ѡвали ѡтчиноу ваию, а лѣно вѣ бы потроудитиса* ([1189], л. 230); *и поча с ним^м думати, яко же бѣ Изаславу оу Киевѣ сѣдѣти, а Стѣславу оу Черниговѣ* ([1154], л. 171); *но ловимъ оу ним^х того, како бѣ ны взати бродъ Зарубьскыи* ([1151], л. 154); *и почаша с нимъ доумати, куда бѣ имъ вѣхати в Роускою землю* ([1190], л. 231 об.).

Кто же та девица, к которой относится слово *еи* в *пѣхати бѣ еи за Сновида*? Ни к адресату, ни к автору это *еи* относиться не может: адресат не называется в берестяных грамотах в третьем лице никогда, а автор, хоть и может быть назван в третьем лице, в данном случае по содержательным причинам вне подозрений.

Очевидно, ее имя, если оно вообще названо, может скрываться только в отрезке *косивѣликее*. Здесь следует учесть, что во 2-й половине XII в. уже бывают случаи замены *ѣ* на *и* (см. ДНД₂, § 2.31); это значит, что *коси* может стоять вместо *костѣ*.

⁵ Из общих соображений можно было бы также предположить для выражения *пѣхати за кого* значение ‘выйти замуж в другой город’; но приведенные здесь данные говорят о том, что такое предположение излишним.

После этого искомая девица уже находится: это дочь Марены (или, может быть, какая-то другая ее родственница) с домашним прозвищем *Коса Великая*. Более уместного и более фольклорного прозвища для девицы-красы трудно и придумать. Могло быть, например, несколько сестер, из которых эта была старшей (следует полагать, что для формирования прозвища старшинство было важнее, чем реальная величина косы). А выдавать дочерей замуж, как хорошо известно, полагалось строго в порядке старшинства.

Таким образом, мы интерпретируем *косивѣликее* как дательный падеж *Косѣ Вѣликѣ*⁶. Местоимение *еи*, как это нередко бывает в народных текстах, дублирует этот дательный падеж: 'Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида'.

Стоящая затем звательная форма *Маренко* — прямое обращение к адресату, причем в этот раз имя выступает уже в ласкательной или фамильярной форме (с суффиксом *-ѣк-). Отметим, что с точно таким же варьированием представлено в грамотах и имя мужа Марены: он именуется то *Петръ*, то *Петрокъ*.

Пропуск ъ в *Маренѣ*ко — такой же, как в *Сѣ*новида.

Следующую словоформу *пеи* нужно понимать как императив 3-го (а не 2-го) лица: 'пусть пьет'. (К сожалению, нельзя установить, что стоит за буквой *e* в *пеи*, — прояснившееся [e] или еще исконное [ь].)

Последняя фраза, выходящая за рамки «нормативной» лексики, — готовое речение, бытовавшее в эротическом фольклоре. Эта формула ('пусть пьет vulva') в буквальном виде неоднократно отмечена в фольклорных записях XIX–XX вв.; см. РЭФ: 329, 483, 484, 513. Она явно связана со «срамными» песнями, составляющими важную часть народного свадебного ритуала, исконная функция которых состоит в том, чтобы магическим путем способствовать плодородию, продолжению рода. Первоначальный образ здесь восходит к индоевропейской древности: обожествленное Небо (санскр. *Dyaus*, греч. *Ζεύς*, лат. *Juppiter* — мужское начало) оплодотворяет обожествленную Землю (слав. *Мать сыра земля*, греч. *Γημήτηρ* — женское начало)⁷ дождем. Тем самым Земля пьет; ср. выражения типа *Дождь напоил землю*. «В этнографической и мифологической литературе широко известны славянские и индоевропейские (и не только индоевропейские) свидетельства о небе-отце и матери-земле и связанные с ними обряды вызывания дождя — мужского оплодотворяющего семени, дающего земле плодородие» (Толстой 1995: 413). Н. И. Толстой указывает (там же: 412–417) на фразеологизмы *пьян как земля* и *пьян как мать*, сохраняющиеся в белорусской и сербской народных традициях, объясняя их как отражения того же первичного мифа. Вариации этого же мотива в сниженной форме сохраняются в эротическом фольклоре; ср., например, в РЭФ (с. 126, № 24): «А чего тебе, дивчина, / пузо надулось?» / — «В поле была, горох ела, / Воды *напила*ся». Наиболее полный анализ мифологических корней русской «заветной» (выражаясь языком Даля) терминологии и ее сакральной функции см. в работе Б. А. Успенского «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» (Успенский 1996: 67–161).

Формула, выступающая в грамоте № 955, отражает тот же мифологический образ, что *пьян как мать*, — с теми же семантическими компонентами 'пить, напиток' и 'рождающее начало, genetrix'. В письме Милуши эта формула играет роль своего рода цитаты из предстоящего свадебного празднества с его общим эротическим («срамным») колоритом. Это образный призыв к Марене (ср. начинающее фразу фамильярное *Маренко!*), чтобы та согласилась на эту свадьбу. Таким образом, в данном случае никакой бранной окраски «заветная» лексика не имеет: она выступает в рамках своей исконной сферы, где она еще отчетливо сохраняет свой первоначальный сакральный и ритуальный характер.

За написанием *сѣкыле* стоит либо *сѣкылѣ*, либо *сѣ(и)кылѣ* (в последнем случае мы имеем дело с еще одним примером мены *и* и *ѣ*, помимо *коси*). Это то же, что *sikoll* у Фенне (с. 89) и *сѣкиль*, *сѣкель* 'clitoris' в говорах (СРНГ, 37: 126 [Забайкалье]; 37: 300 [Перм., Сев.-Двин., Сиб.]; в этих же двух вариантах слово многократно представлено в РЭФ). Суффикс *-ыль*, который выявлен благодаря данной грамоте в этом слове, —

⁶ С грамматической точки зрения допустимо также другое решение: *Коси Вѣликее* — это прозвище «Большие Косы» (т. е. И. мн., а не Д. ед.). Но, во-первых, коса, по-видимому, должна была быть одна; во-вторых, наименования людей словоформой множ. числа предельно редки.

⁷ Ср. также непосредственное включение слов 'отец' и 'мать' в наименования *Juppiter*, *Мать сыра земля*, *Γημήτηρ*.

тот же, что в *мотыль* (ср. *мотаться, метаться*), *костыль* (от *кость*), *горбыль* (от *горб*) и др. Корень — *сик-, сѣк-, съц-* ‘tingere’ (с разными степенями чередования).

Последние два слова, соединенные союзом *и*, образуют характерную для народных текстов риторическую фигуру — так наз. гендиадис (парное обозначение единого понятия), типа *совет да любовь, страх и ужас* и т. п.

По предположению М. Бобрик, Милуша — сваха (подобно Ярине в берестяной грамоте № 731). Вполне возможно также, что две гривны «вчерашние» прямо связаны с этой ее деятельностью. Например, фраза про гривны может означать, что, по мнению Милуши, она уже заслужила обещанную ей накануне награду.

В итоге в свободном переводе можно представить грамоту № 955 так. Основная часть: ‘От Милуши к Марене. Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида. Маренка! Пусть же напьется (набухнет)⁸ рождающее лоно!’ Дополнительная часть: ‘Говорит тебе Милуша: дай две гривны вчерашние’.

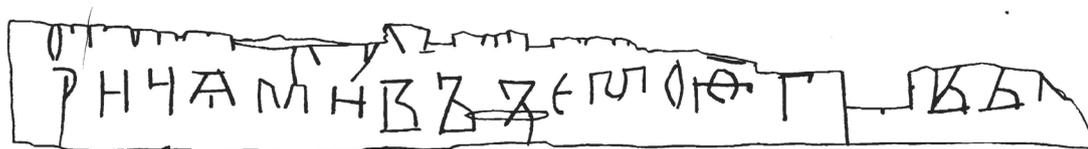
В дополнение к этому разбору следует указать, что анализу коммуникативной ситуации грамоты № 955 и ее прагматике посвящена большая статья Д. Коллинза (2011). Автор исходит из того, что все три сообщения, на которые распадается письмо, равно как и рисунок, сделанный на первом слое берестяного листа и отпечатавшийся на дошедшем до нас втором слое, должны рассматриваться как части единого целого, в рамках ситуации сватовства, с которой соотносится основной текст грамоты. Как считает Д. Коллинз, две гривны, о которых говорится в третьем сообщении, — слишком большая сумма, чтобы быть вознаграждением, требуемым Милушей от Марены за исполнение ею функций свахи. Он полагает, что речь может идти только о вене, выкупе за невесту, и следовательно, эта часть грамоты адресована уже не Марене, а кому-то на стороне жениха — его отцу или ему самому (но косвенно — также и Марене). Считая грамоту коммуникативно неоднородной, Д. Коллинз полагает, что не дошедший до нас текст на верхнем слое бересты предназначался для стороны жениха, а сохранившийся нижний слой — для стороны невесты; таким образом, грамота представляла собой документ, доводивший до обеих сторон брачных переговоров предварительный результат их раннего этапа, в котором центральная роль принадлежала свахе.

Слово *сѣкыль* Д. Коллинз предлагает понимать не как ‘clitoris’, но как ‘penis’.

Грамота № 956

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1758, на уровне пласта 11 (глубина 2,18 м), в напластованиях усадьбы Т. Это левая часть двухстрочной грамоты:

ото [ми]ха[лако]...
рицами в зъемо ѿг[ри]в[ь]н...

0 5 см

Прорись грамоты № 956

Отрезок *рицами* — явно конец словоформы *въверицами* ‘деньгами’.

Длина 14,1 см, ширина 1,6 см.

⁸ Слова *напьется* и *набухнет* оказываются в данной ситуации почти синонимичными. Отметим в связи с этим замечательную этимологическую находку Н. И. Толстого, который объяснил русское просторечное *бухой* ‘пьяный’ как развившееся на основе первоначального значения ‘напоенный, насыщенный влагой, набухший, мягкий’ (Толстой 1995: 416–417).

Стратиграфическая дата: 30-е – 40-е гг. XII в. (грамота найдена практически на той же глубине, что и № 955, в 8 метрах к северу от нее; соответственно, она, по всей вероятности, относится приблизительно к тому же времени, что № 955).

Внестратиграфическая оценка: 1140-е – 1210-е гг., предпочтительно 1160-е – 1190-е.

Текст делится на слова так: **Ото Михала ко (вѣв)рицами въземо 9 гривн(о) ...**

Если утраченная правая часть была относительно невелика, грамота могла быть построена, например, по следующей схеме: ‘От Михаля к [X-у. У Y-а] деньгами взяв 9 гривен, [сделай то-то]’ (скажем, адресату предлагалось приехать с этими деньгами или кому-то их передать и т. п.).

Поскольку грамота входит в тот же комплекс, что и грамота № 955, которая адресована Марене, ее автор Михаль в принципе мог быть свекром Марены — отцом ее мужа Петра Михалковича. Вариантность *Михаль* – *Михалко* была бы в этом случае вполне сходна с вариантностью *Петръ* – *Петрокъ* и *Марена* – *Маренка*.

[2006]

Грамота № 957

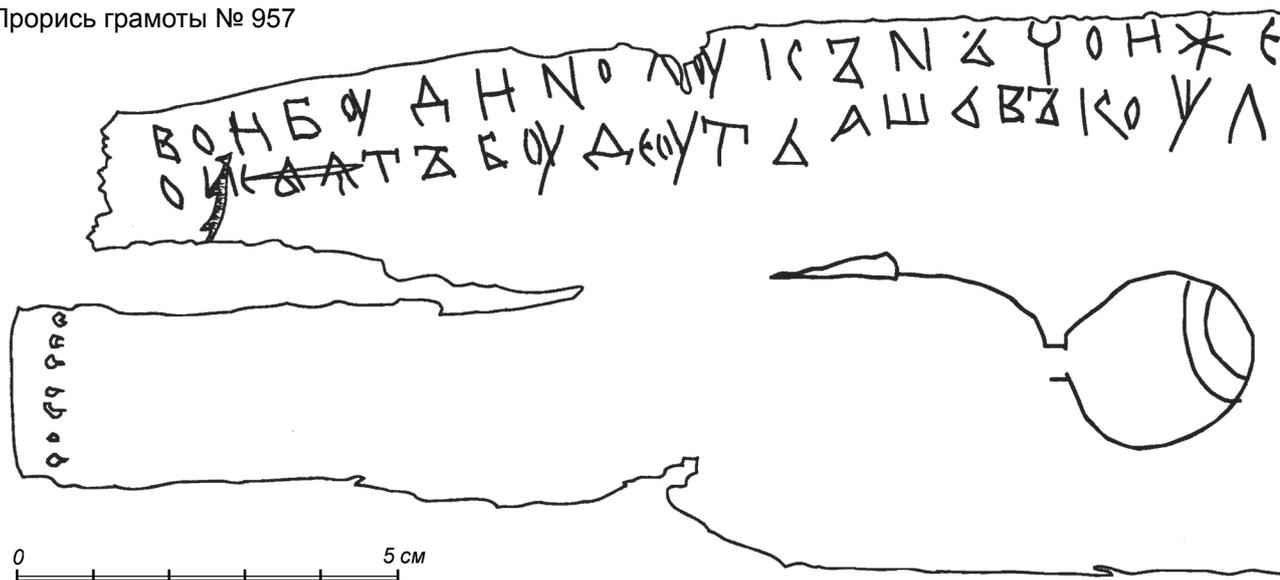
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1782, на уровне пласта 13 (глубина 2,40–2,43 м), в напластованиях усадьбы Т. Это целая надпись из двух строк на донце (или крышке) берестяного лукошка:

**ВОИБОУДИНОЛОУКЪНЬЧОИЖЕЄУКЛЪДЕТЬДАПР
ОКЛАТЪБОУДЕОУТЬАШВЪКОЦЛЪ**

Уникальная особенность: в слове *уклъдеть* буква *у*, в отличие от всех других *у* в этой грамоте (которые везде в составе *оу*), дана с «пересечкой» (горизонтальной чертой на уровне развилки). Здесь это явно эквивалент *о* как элемента диграфа *оу* в позиции начала слога.

В формуле проклятия автор вначале написал *боудоуть* (имея в виду всех возможных преступников), затем понял, что получилось несоответствие с предшествующим *проклать*, и исправил множественное чис-

Прорись грамоты № 957

ло глагола на единственное, втиснув маленькое *e* между *д* и *оу*, а зачеркивать ничего не стал; хотел ли он получить *боудеть* или просто *боуде*, неизвестно.

Длина того фрагмента донца, которое содержит надпись, 27,8 см, ширина 8 см.

Стратиграфическая дата: начало XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно первая четверть.

Текст делится на слова так:

Войбуудино лоукъньчо. Иже е укльдеть, да проклатъ боуде{оу}ть. А Швьько фль.

Текст прозрачен, за исключением одного слова (*укльдеть*): 'Войбуудино луконце (= лукошко). Кто его «укльдет», да будет проклят. А писал Шевко'. Это владельческая запись с заклятием против того, кто нанесет этому предмету (или его владельцу) какой-то ущерб.

Что же такое *укльдеть* и какой род вреда или ущерба это слово передает?

Может быть, это всего лишь буквенная ошибка вместо *укладеть*? Мы знаем, однако, что предположение об ошибке писавшего — вообще слабое и при расшифровке берестяных грамот уже слишком часто оборачивавшееся ошибкой читающего, а не писавшего. И во всяком случае принять такое предположение допустимо лишь в том случае, если после поправки текст становится совершенно ясен. Но в данном случае это явно не так: даже и при принятии такой поправки ситуация осталась бы непонятной. Что значит «его (лукошко) укладет (т. е. уложит)»? Лукошко можно уложить, например, в сундук или в сарай. Но в чем здесь преступление, да еще такое, за которое положено проклятие? Вероятно, можно также уложить лукошко, как укладывают, например, чемодан, собираясь в дорогу (т. е. продуманно расположить в нем вещи, ничего не забыв). Но и здесь загадочно, почему владельца волнует не то, что чужак завладеет его вещью, а то, что он будет ее укладывать (в указанном смысле), и в чем здесь всё-таки достойное проклятия преступление.

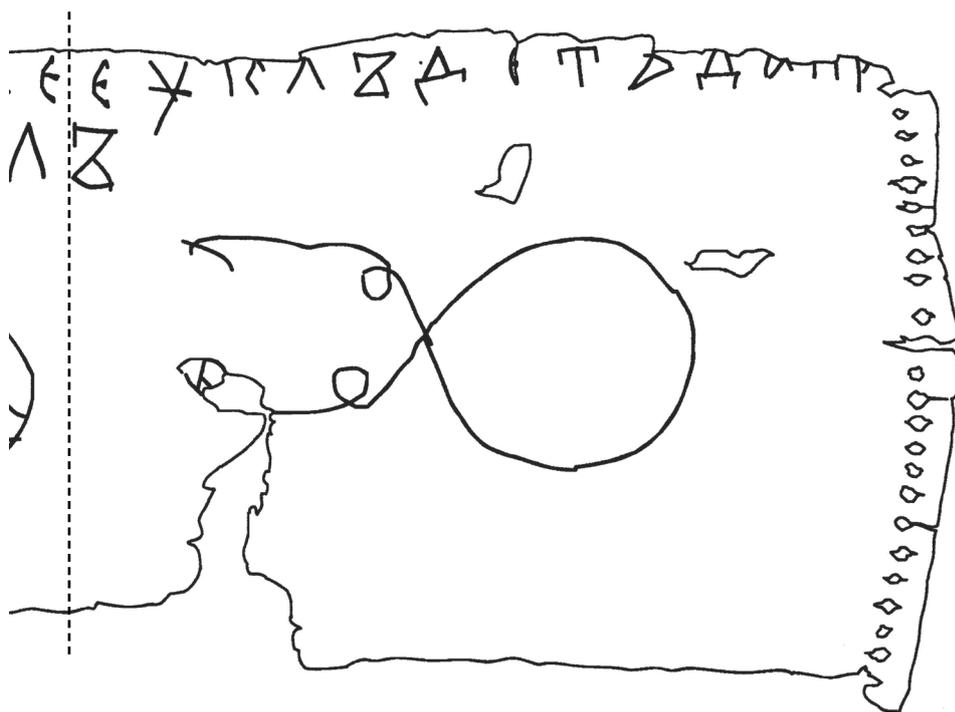
Может быть, Шевко сделал сразу две буквенные ошибки — *укльдеть* вместо *украдеть*? По смыслу *украдеть* подходит прекрасно; ср. надпись на ноже из Дрогичина: *Ежьковъ ножь. А иже жкрадетъ проклатъ буд...* (Нимчук 2013: 138). Но целых две ошибки в одном слове — это уже слишком вольное предположение.

Остается искать решение, не подвергая сомнению написание *укльдеть*.

Корень *кльд-* (которому в современном языке соответствовало бы *клюд-*) нигде не отыскивается. Известно, однако, что в новгородских берестяных грамотах последовательность типа *ТръТ*, *ТльТ* иногда выступает вместо

более обычных *ТърТ*, *ТьлТ* и *ТърьТ*, *ТьльТ* (см. ДНД₂, § 2.13). Поэтому мы вправе искать также корень *кльд-* (которому в современном языке соответствовало бы *колд-*). Основные результаты этого поиска таковы:

- 1) *колд-* в *колдовать*, *колдун*, *колдовство* и т. д.;
- 2) *колд-* в *колды́кнуть* 'ударить' (СРНГ, 14: 120; и *колдыхнуть* 'то же'), также его производное *чекалды́кнуть* (или *чекол-*), отсутствующее в словарях, но широко известное в сочетании *чекалды́кнул*

стаканчик; что касается слов *колдѡба* ‘выбоина, ухаб и др.’, *колдѡбина* и производных, то, согласно О. Н. Трубачеву (см. Фасмер, II: 287), *колдѡба* есть результат метатезы в *ко-долба*;

3) *колд-* в ряде диалектных слов со значением увечья, хромоты: *колды́ка* (и *колды́га*) ‘хромой человек’, *колды́ба* ‘то же’, также глаголы *колдыба́ть*, *колдыга́ть*, *колдыха́ть*, *колдыка́ть* ‘хромать’ (см. СРНГ, 14: 118–120).

В ЭССЯ (13: 165) для не имеющего общепринятой этимологии слова *колдун* (известного только русскому и белорусскому языкам) предполагается первоначальное значение ‘тот, кто пугает, закручивает, например, колосья, со злым умыслом’. Не исключено, что перечисленные выше группы слов (или хотя бы их часть) сводятся к некоему общему корню со значением нанесения вреда.

Соответственно, для *укльдеть*, если здесь действительно корень *кльд-* (из *кьлд-*), можно предполагать значение ‘заколдует’ или более общее значение ‘повредит, наведет порчу’. Заметим, что приставка *у-* хорошо согласуется с этим кругом значений: она представлена в большом числе глаголов, означающих нанесение вреда, например, *укусить*, *уязвить*, *ущемить*, *убить*, *удушить*, *утомить*, *удручить*, *унизить*, *увечить*, *угнетать*.

Если это решение правильно, то перед нами не засвидетельствованный другими памятниками глагол того же морфологического типа, что, например, *толочи*, *тълчеть*, т. е. его инфинитив должен был иметь вид **колости*. В этом нет ничего невозможного — прецеденты такого рода в истории изучения берестяных грамот уже имеются: это глагол с презенсом *скърбеть* и глагол *рути* (с презенсом *рубеть*).

Дохристианское двусоставное имя *Воибуда* встречается впервые. В других сочетаниях оба его составных элемента известны; ср. *Воинѣзь*, *Воигость*, *Воиславъ* и др.; *Жизнобудъ*, *Житобудъ*, *Жиробудъ*, *Нѣжебудъ* и др.

Что касается морфологического оформления по *а-*склонению, то такое имя может быть женским (ср., например, *Передьслава*), но может быть и мужским (ср. прозвища *аесова* и *ебехота* в грамоте Ст. Р. 35); часто пол носителя остается неизвестным (как, например, для имен *Рожнѣга* в № 18 из Торжка, *Сновида* в Ст. Р. 19). Вполне возможно, таким образом, что лукошко принадлежало женщине.

Имя *Шьвько* тоже встречается в берестяных грамотах впервые. Но оно отмечено у Тупикова (с. 495). Оно прозрачным образом произведено от корня *шьв-* ‘шить’; ср. позднейшие *Шевченко*, *Шевчук* и т. п.

После находки грамоты № 1056, где в надписи на лукошке содержится фраза (*а*) *Петрило ши(ль)*, прозвище *Шьвько* в № 957 уже можно связывать с шитьем лукошка; см. ниже № 1056.

Представляет интерес указание писавшего: *а Шьвько џль* (сокращение *џль* вместо *пъсалъ* — точно такое же, как в книгах и настенных записях). В берестяных грамотах такая концовка ранее не встречалась. В записях на стенах церквей такие формулы представлены в основном в древнейший период — более всего в XI веке. Очевидно, это связано с тем, что манеры бытового письма тогда еще не успели обособиться от книжных.

См. также ниже «Поправки и замечания...», № 123 о том, как находка грамоты № 957 позволила понять непонятное место в одной из давно найденных грамот.

Грамота № 958

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1781, на уровне пласта 13 (глубина 2,58 м), в напластованиях усадьбы Т. Это три последние строки документа и несколько букв еще одной строки.

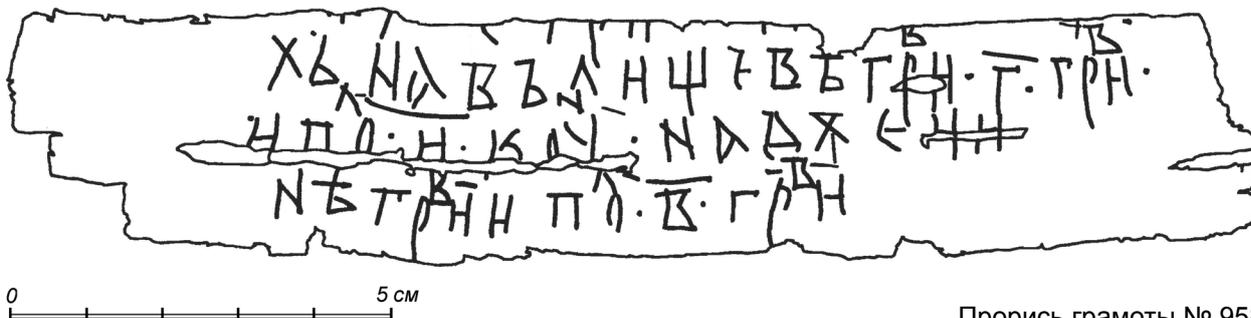
В грамоте, по-видимому, буквы *Ъ* и *Ь* не различаются, т. е. представлена такая же одноеровая система, как в № 959 (см. ниже). Но уверенности в этом нет, поскольку полностью видимых букв этой группы в грамоте всего две. Ниже соответствующий единый знак условно передан через *Ъ*.

...[ѣГ]ри...

хънавълицевѣгри^В·Г·гри^В

ипо^А·й·коу^Н·наД·жеци

нѣгри^Випо^А·ѣ·гри^В

Прорись грамоты № 958

Длина 16,8 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: 90-е гг. XI в.

Текст делится на слова так:

... 5 гри^в (на) ...хъ. На Вьлицевѣ гри^в, 3 гри^в и по^л 8 коу^н. На Дзецинѣ гри^в и по^л 2 гри^в.

Перевод: ‘... Пять гривен на ...ах. На Влицеве гривна [и] три гривны и семь с половиной кун. На Дуйцине гривна и полторы гривны’.

Это реестр некоторого сбора (или недоборов). Влицево и Дуйцино — села или деревни. Указываемая сумма в двух случаях состоит из двух частей, смысл которых либо был указан в утраченной ныне начальной части документа, либо просто был очевиден для адресата. Некоторым аналогом здесь может служить довольно близкая по времени грамота № 739, где требуемая выплата тоже складывается из двух частей: *отъ Глѣбѣка к[ъ] воло[ча](н)[омь: вь]да[ите] сему диаку 5 и гри^н църквную*. Вторая часть здесь представляет собой выплату в пользу церкви. Возможно, нечто сходное имеется в виду и в грамоте № 958 (полному отождествлению ситуации с грамотой № 739 препятствует то, что здесь вторые суммы больше первых и их количественное соотношение иное).

По данным картотеки Екатеринбургского университета, деревня *Влицево* существовала в Чагодощенском районе Вологодской области, в 30 км южнее Чагоды (сообщение Е. Л. Березович). С наименованием *Дуйцино* можно сопоставить название деревни *Дуйково* (НПК, VI: 273) близ Удомли (ныне в Тверской области); в топонимах варьирование суффиксов *-ьц-* и *-ьк-*, равно как *-ин-* и *-ов-*, в принципе возможно. Обе эти деревни находились на территории древней Бежецкой пятины.

Упоминание этих населенных пунктов в грамоте конца XI в. важно для уточнения представлений о территориальном объеме Новгородской земли в столь раннее время. Отметим, что к тому же периоду относится найденная еще в 1999 г. на Троицком раскопе берестяная грамота № 902 (от Домагостя к Хотену), в которой мечник Хотен выступает как сборщик государственных доходов в том же участке Бежецкой пятины. Возможно, и грамота № 958 была тоже адресована ему.

Отметим запись [j] через *e* в *Дзецинѣ*.

Представляет интерес то, как записано число ‘полторы’: *по^л. ъ*. Отсюда видно, что тогда это еще было сочетание двух отдельных слов: *поль вѣторы* (или *поль вѣторѣ*). До сих пор самой ранней фиксацией этого числительного в берестяных грамотах было *во полуторѣ* в грамоте № 831 второй четверти XII века, и там уже было представлено слияние двух компонентов воедино.

Грамота № 959

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1782, на уровне пласта 13 (глубина 2,58 м), в напластованиях усадьбы Т. Это письмо из четырех строк, у которого выгорела вертикальная полоска в правой части и, кроме того, обгорел еще и правый край. Очевидно, в момент пожара свернувшаяся в рулон грамота была уже почти

целиком покрыта землей, выступал на поверхность только небольшой участок близ ее правого края. Этот участок и выгорел.

Буквы Ъ и Ь не различаются, т. е. грамота написана по одноеровой системе. При этом начертания соответствующей единой буквы варьируют — от вида Ъ до вида Ь с большим горизонтальным верхом. Ниже этот единый знак условно передается через Ъ.

ЃСТАНИГОСТИКЪОЛОУЧИТОТИ-----ОУБ[Л]-
 ОУМЕНЕКОБЫЛОУААЗЪНЕВ[И]-----[Ъ]ВЪ--
 МЪАТОБЪСЪКАЗЪВАЛЪ-----ДОЖ[И]
 РЪНЪЖЪКОПРОДАИНА·-----Ъ

По оценке В. И. Поветкина, изучившего документ с физической стороны, выгоревшая вертикальная полоска могла содержать примерно 5–8 букв, а сгоревший правый край — еще 1–2 буквы.

В строке 1 остатки букв позволяют читать как -оуб[л]-, так и -оуб[м]-; но сочетание бм для данной эпохи практически исключено. В строке 4 после на · видна еще вертикальная мачта.

Длина основной части 12,6 см, ширина 5 см; длина правого фрагмента 2,8 см, ширина 4,1 см.

Стратиграфическая дата: 90-е гг. XI в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: XI–XII вв., предпочтительно не позднее середины XII в.

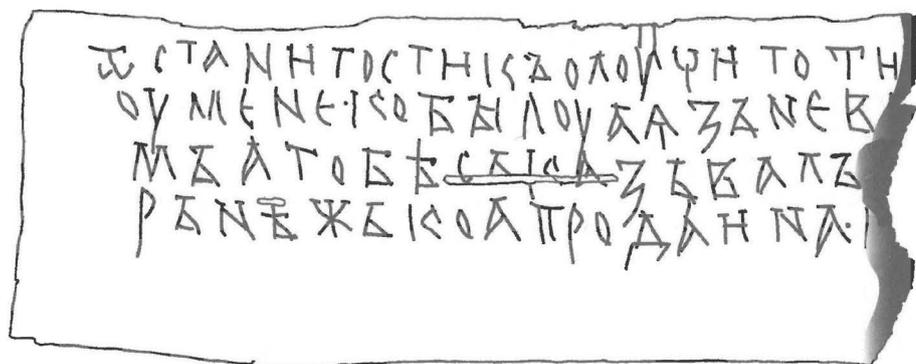
Членение сохранившегося текста на слова, его частичное восстановление с помощью конъектур и перевод представляет собой сложную операцию, результат которой см. в конце статьи.

Грамота начинается с обычной для самых древних грамот адресной формулы простейшего вида (без дополнительных слов сверх имен автора и адресата): ѓ Станигости къ Олоучи.

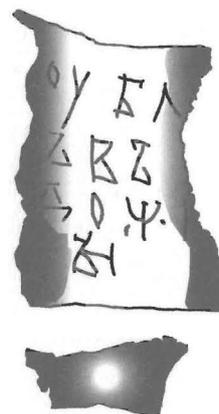
Другой вариант словоделения (с выделением частицы чи): къ Олоу чи то ти ... — следует отвергнуть, поскольку имя Олъ не получает никакой поддержки в древнем ономастиконе, а частица чи, как будет видно из дальнейшего разбора, была бы для смысла основной части грамоты неуместной.

Имя Станигость встречается впервые и пополняет фонд дохристианских славянских имен древнейшего типа — двусоставных. Для первой части ср. Станимиръ, Станиславъ, для второй — Воугость, Домагость, Доброгость, Милогость, Радогость и др.

Впервые встречается и имя Олуча. В отличие от имени автора, это христианское имя — гипокористическое от Олуферши. Ближайшее к нему засвидетельствованное имя — Олучка (НПК, VI: 390). В отношении суффикса ср. Лихоча (от Лихославъ и т. п.) в № 412. Ср. также другие гипокористики от этого имени —

0 5 см

Прорись грамоты № 959

Олухъ, Олушь, Олушка, Олушко, Олушно, отмеченные в новгородских писцовых книгах и в топонимах. В берестяных грамотах встретилось *Олѣшева* в № 116 (нач. XIII в.) и *Олѣфъ* на деревянной бирке № 7 (рубеж XII–XIII вв. — НГБ-VIII: 65).

Следует отметить, что в столь раннее время христианские имена еще представляют собой редкость и их носят в основном лишь знатные новгородцы. Тем самым допустимо предполагать, что данная грамота адресована высокопоставленному лицу.

Что касается основного текста грамоты, то задача восстановления документа со столь значительными утратами, разумеется, весьма непростая.

Сравнительно легко находится только подходящая конъектура для второй строки: *а азъ не в[и](новат)[ѣ] въ (то)мѣ*. Это вполне обычная для древнерусских текстов фраза, ср., например: *азъ въ всемъ виноватъ передъ Бѣмъ и предъ нимъ* (Ипат., л. 142 об.). И она хорошо согласуется с общим характером изучаемого документа.

Тем самым, в частности, уточняется величина большой лакуны: она равна примерно шести буквам. Это весьма существенно для остальных строк, для которых поиск конъектур намного сложнее.

После этого начало основного текста грамоты: *то ти-----оуб[л]- | оу мене кобылоу, а азъ не в[и](новат)[ѣ] въ (то)мѣ* — уже становится в общих чертах понятным. У автора, по-видимому, по причине какого-то обвинения была отображена кобыла, а он заявляет, что в этом деле (т. е. в том, за что ее отобрали) он не виноват.

Для отрезка *оуб[л]*, по-видимому, есть лишь два реально допустимых пути реконструкции — корень *гоуб* (в таких словоформах, как *погоублю, погоублено*) и корень *роуб* (в таких словоформах, как *пороублю, пороублено, пороубль, пороубли*). Слово *роубль* в грамоте рубежа XI/XII вв. можно не обсуждать — это был бы вопиющий анахронизм.

Словоформа *погоублю* несовместима по смыслу с *оу мене*; словоформа *погоублено* не уместается в строке; и вообще глагол *погубити* в сочетании с *оу мене* плохо подходит к ситуации, где автор был в чем-то обвинен и наказан. Остается глагол *рути* (*порути, вырути*) ‘конфисковать имущество за какую-либо вину’, хорошо известный ныне как раз из берестяных грамот. Он уже очень хорошо подходит к ситуации.

Отсюда самая вероятная из возможных конъектур: *то ти (еси пор)оуб[л](ѣ) | оу мене кобылоу* ‘вот ты у меня конфисковал кобылу’ (вместо *пороубль* мог выступать и его синоним *выроубль*). Такая реконструкция означает, что Олуча, к которому обращается Станигость, — это некое административное лицо, в чьи прерогативы входит разрешение гражданских конфликтов, в частности, конфискация имущества.

Можно было бы, правда, представить себе, что Станигость жалуется на действия некоего третьего лица, имя которого стояло после *то ти*. Но для такого имени, даже если оно было очень коротким (вроде *Петръ*), недостаточно места (а предполагать здесь бесприставочную словоформу несовершенного вида *роубль* нереально по смыслу).

Из второй части грамоты (*а тобѣ съказываль -----до Ж[и]рѣнѣжско, а продаи на · -----ы*), несмотря на лакуны, можно понять, что автор указывает на человека по имени *Нѣжско* или *Жирѣнѣжско*, который что-то адресату сообщил (*съказываль*), и требует его «продать», т. е. оштрафовать. Кого именно нужно «продать», не сказано, но в таких случаях в древнерусском тексте речь всегда идет о том же человеке, который назван непосредственно перед этим.

Это дает возможность предложить правдоподобную конъектуру для четвертой строки: *а продаи на · (г-гривѣн)ы* ‘так оштрафуй [его] на три гривны’. Выбор числительного определяется тем, что окончание *-ы* здесь возможно только при наличии числительных 3 или 4, а после точки виден вертикальный штрих, т. е. часть буквы г, а не д.

А. А. Гиппиус высказал предположение, что в третьей строке речь идет о виновнике совершившейся над Станигостем несправедливости, т. е. примерно о таком же «клеветнике», как в знаменитой грамоте № 247, где «клеветник» ложно сообщил об ограблении дома или склада и за это должен быть «продан», т. е. подвергнут

штрафу. Он указал на то, что глагол *сказывать* (на кого-либо про что-либо) засвидетельствован в ряде поздних текстов в значении ‘сообщать (докладывать) о чьих-либо проступках или злоупотреблениях’. Ср. в Улож. (гл. 10, ст. 7): *А челобитчика, и на кого онъ сказывалъ про посулы, ставити с очей на очи, и роспрашивати и сыскивати про посуль всякими сыски накрѣпко*. Также в рассказе Л. Н. Толстого «Свечка»: «*Да ты порознь расскажи, что кто говорит. Васька что говорит?*» — *Не хотелось старосте сказывать на своих, да с Василием у них давно вражда шла*.

В Слов. XI–XVII (24: 169–172) приведен целый ряд примеров употребления данного слова и его производных в значениях указанного рода, в частности: *А Ивановыхъ ... грамотъ язъ, Романъ, людемъ своимъ имати не веливалъ, то на меня Онтонъ сказываетъ ложно* (с. 171); *В Сомарскомъ тот Офонасей брата моего и меня лаял, и за то на меня тот Офонасей смуту сказывает* (там же); *Сказывалися есте архиепископу и бояромъ передъ соборомъ во всехъ техъ злыхъ делехъ повинни* (с. 172); *сказка* — одно из значений: ‘донесения о событиях, происшествиях, торгах, о выполнении служебных и прочих поручений, доносы на кого-л.’ (с. 169).

Остается самая трудная лакуна — в третьей строке. Здесь прежде всего необходимо понять, как именно звали «клеветника», — *Нѣжско* или *Жирьнѣжско*. Более простой вариант представляет собой хорошо известное имя *Нѣжско*, но тогда для отрезка *съказывалъ-----дож[и]ръ Нѣжско* не видно ни одного правдоподобного решения. Можно вообразить, например, фразу *съказывалъ (сынъ Ра)дож[и]ръ Нѣжско* ‘сказывал сын Радожиров Нежко’, но такой способ наименования лиц не встречается в грамотах ни разу.

Имя *Жирьнѣжско*, в отличие от *Нѣжско*, ранее не встречалось. Но в грамоте № 745 имеется совершенно аналогичное имя *Братонѣжско*. А двусоставные имена как с начальным *Жир-*, так и с конечным *-нѣжъ* вообще часты, ср. *Жировить, Жирославъ, Жиробудъ* и др.; *Братонѣжъ, Доманѣжъ, Милонѣжъ, Перенѣжъ, Радонѣжъ, Рознѣжъ, Стоинѣжъ, Укнѣжъ* и др.

Имя *Жиронѣжъ* отразилось в топонимике: по данным картотеки Екатеринбургского университета, в том же Чагодошенском районе Вологодской области, где находилось *Влищево*, существовала также деревня *Жеронѣгово* (сообщение Е. Л. Березович). Кроме того, в НПК (IV: 47) отмечена деревня *Жинорѣжа*, название которой явно представляет собой результат метатезы из *Жиронѣжа* (другие объяснения здесь нереальны).

Из тех же составных частей, только соединенных в обратном порядке, состоит имя *Нѣгожиръ*, встретившееся в грамоте № 997 (см. ниже).

Что касается *Жирь-* (а не *Жиро-*) в первой части имени *Жирьнѣжско*, то это явление тоже имеет аналог в берестяных грамотах: у имени *Мирославъ* (представленного в № 603, 747 и 334) имеется вариант *Мирславъ* (представленный в № 502 и Ст. Р. 17). Поскольку слово *žirъ*, как и слово *mirъ*, относилось к и-склонению, ныне имеется дополнительное основание предпочесть первую из двух версий происхождения таких вариантов, изложенных в ДНД₂: 406, т. е. существование исконных сложений **Mirъslavъ*, **Žirъněgъ* (а не относительно позднюю утрату *о* в *Миро-*, *Жиро-*).

Если в грамоте представлено имя *Жирьнѣжско*, то отрезок с лакуной имеет вид *съказывалъ -----до*. Выбор конъектуры в этом случае оказывается не столь определенным, как для других строк. Например, среди прочих вариантов возможно *а тобѣ съказывалъ (на ма хоудо)*; но, во-первых, на лакуну приходится на одну букву больше, чем ожидалось бы, во-вторых, слово *хоудо* представляется слишком общим, недостаточно конкретным для такого делового текста. Неплохо подошла бы по смыслу также конъектура *а тобѣ съказывалъ (негораздо)* ‘а тебе докладывал неправильно’, но в ней тоже на одну букву больше, чем ожидалось бы.

С нашей точки зрения, наиболее вероятна конъектура *съказывалъ (про стадо)*. Она связывает по смыслу вторую часть грамоты с упоминанием кобылы в первой части. Правда, в современном языке слово *стадо* обычно не применяется к лошадям, для этого служит слово *табун*. Но в древнерусском языке такого ограничения не было; ср. *а конюхъ старый оу стада* в Русской Правде, *стада коньска и кобылыа* в Ипат. и т. п. (см. Срезн., статья *стадо*). Более того, точные германские соответствия славянского слова указывают именно на связь с лошадьми, ср. др.-исл. *stóð* ‘конский завод’, нем. *Stute* ‘кобыла’.

Таким образом, с добавлением наиболее вероятных конъектур грамота приобретает следующий вид:

Ѡ Станигости къ Олучи. То ти (еси пор)оубл(ь) оу мене кобылоу. А азъ не ви(новат)ь въ (то)мь. А тобѣ съказываль (про стадо Жирнѣжъко. А продаи на 3 (гривны).

Для реконструированного таким образом текста уже можно предложить полный перевод: ‘От Станигостя к Олуче. Вот ты конфисковал у меня кобылу. А я в этом [деле] не виноват. А тебе доносил про табун Жирнежко — так оштрафуй [его] на три гривны’.

Вырисовывается, таким образом, следующая картина. Жирнежко донес административному лицу Олуче, что Станигость совершил что-то противоправное с табунном лошадей. За это Олуча конфисковал у Станигостя кобылу. Станигость заявляет этой своей грамотой, что он не виноват, и требует от Олучи наказать клеветника штрафом.

Грамота представляет также большой интерес с лингвистической точки зрения.

Как уже отмечено, она написана по одноеровой системе; эта особенность характерна именно для древнейших грамот.

Далее, важная особенность этой грамоты состоит в том, что она совсем не имеет никаких новгородских диалектных признаков. В частности, словоформа *съказываль* имеет окончание *-ь* (а не *-е*), *Жирнѣжъко* — окончание *-о* (а не *-е*), *къ Олучи* — окончание *-и* (а не *-ѣ*). Мы уже отмечали повышенную долю грамот с такой особенностью среди грамот самого раннего периода.

Понятно, что эта особенность учитывалась выше и при построении конъектур. В частности, в словосочетании *на три гривны* существительное имеет наддиалектное древнерусское окончание *-ы* (а не древне-новгородское *-ѣ*).

Но наибольшую ценность для истории русского языка имеет в этой грамоте словоформа *съказываль*.

Прежде всего это самая ранняя фиксация вторичного имперфектива с суффиксом, соответствующим современному русскому *-ыва-*, *-ива-*, на Руси, а поскольку в старославянском таких примеров вообще нет, то и во всем славянском мире. До этой находки таковою была словоформа *надѣливати* в найденной восемью годами ранее берестяной грамоте № 794, датируемой 60-ми – 80-ми гг. XII в.

Но еще важнее то, что суффикс здесь имеет вид *-ьва-* (а не *-ыва-*, *-ива-*, как практически во всех прочих древнерусских источниках). Предполагать, что в этом суффиксе *ь* — это просто графическая замена для *ы*, нет никаких специальных оснований, поскольку достоверные *ы* — в *кобылоу* и в *(гривн)ы* — записаны в грамоте именно с *ы*.

Чтобы оценить значение этого факта, уместно, по-видимому, привести следующую большую цитату из книги Зализняк 1985 (§ 2.23, с. 148–149):

Суффикс вторичных имперфективов, который в более позднее время выглядит в великорусских памятниках как *-ыва-ти*, для раннедревнерусского, по-видимому, должен реконструироваться как *-ьва-ти* (ср. великорусское произношение типа *подска[къ]вать*, украинский рефлекс *-ува-ти* и в особенности белорусский рефлекс *-ва-ць*, например: укр. *показувати*, белор. *пакáзваць*). В составе *-ьв-а-ти* морф *-ьв-* имеет маркировку ↓ (морф *-а-* здесь тот же, что во всех *ај-*глаголах); поскольку *ь* здесь слабый, ударение фактически всегда падает левее суффикса, например: *оправѣдѣвати* (от *а* <центной> п(арадигмы) *а*), *показѣвати* (от *б*), *заварѣвати* (от *с*). При последующих нефонетических заменах *ь* на другие гласные ударение уже не менялось. Следует учитывать, что историческое развитие данного суффикса известно очень неполно, поскольку в раннюю книжную письменность он проникал довольно редко и, возможно, в части случаев записывался не в соответствии с произношением.

Таким образом, словоформа *съказываль* в данной грамоте непосредственно подтверждает реконструкцию, построенную на основе косвенных соображений (прежде всего акцентологических), но до сих пор не имевшую никакой опоры в древних письменных памятниках.

В этой связи следует, однако, вновь обратиться к одному примеру из берестяной грамоты XIV в., который не имел однозначного объяснения: *присиквали* ‘прирубали, рубили дополнительно’ из грамоты № 20.

В ДНД₂ (§ 5.12, с. 217) указывалось, что отсутствие *ы* между *к* и *в* в этой словоформе — возможно, не описка, а отражение того диалектного варианта развития имперфективов на *-ывати*, который характерен для белорусского языка и состоит в том, что перед *-ваць* здесь нет вообще никакой гласной, например, *прыцягваць* ‘притягивать’, *аплакваць* ‘оплакивать’, *праслухваць* ‘прослушивать’, *высаджваць* ‘высаживать’ и т. п.

Само это белорусское явление не имеет пока что общепринятого объяснения. В принципе это может быть либо архаизм (если нуль здесь восходит к слабому редуцированному), либо результат поздней утраты безударного *ы* (*и*) между согласными. находка грамоты № 959 дает ныне важный дополнительный аргумент в пользу версии об архаизме.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ

Ниже публикуются (в несколько упрощенном оформлении) два малых фрагмента, по разным причинам не получивших в свое время места в единой нумерации грамот.

Грамота № 960

Найдена в 1992 г. на Троицком раскопе. Это фрагмент одной из средних строк документа:

...[А]коунаизб[ътъ]к[ъ]приими...

Прорись грамоты № 960

Длина 18,2 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: XII век.

Текст делится на слова так: ... **Акоуна избътъкъ приими** ... ‘(от) Якуна то, что сверх [указанного], забери’.

В слове *избътъкъ* буква *ъ* после *б* использована вместо *ы*.

Грамота № 961

Найдена в 1992 г. на Троицком раскопе. Это крохотный фрагмент:

Жид[А]...

Стратиграфическая дата: XII век.

Фрагмент содержал имя **Жид(га)**. Ср. другие встретившиеся в берестяных грамотах имена с тем же корнем (от *жьдати*, *ожидати*): *Жидила* в № 2, *Жидена* в № 32 из Старой Руссы.

Примечательно, что запись начинается буквой увеличенного размера.

Грамота № 962

Найдена не при раскопках, а в ходе археологического наблюдения за инженерными работами по реконструкции водопровода на северо-восточном углу современных улиц Никольской и Михайловой.

Это два фрагмента, образующие целый документ — большое письмо из девяти строк:

{п}чоломъ быкъть Олексеі + О Заболотья Софонтею Тимоф [ѣ]ю чю ксте приказали
 мнѣ свою землю нонѣ ѿсподо подоваль кси пожни вашимъ здоровьемъ положи гра
 моту по чому еси даваль приказали старѣшии и азъ даваль а нонѣ попь повѣс
 тутъ такъ да [а] валь кси пожни [ивнаим] ѣи хто иметь тыи пожни косить и азъ
 тыхъ поймаю да траву на воротъ взважю да ихъ веду в городъ нонѣ
 ѿсподо какъ о мнѣ са печалутеса? азъ вамъ свои осподе чоло
 мъ быю толко ѿспо имете мене жаловать о ѿтошлите ѿсподо {п} ко мнѣ
 грамотьку до петрова дѣни занежь ѿсподо сенокосать ѿпетрове
 дни

Длина 30,3 см, ширина 6 см.

Стратиграфической даты грамота не имеет, но есть возможность уточнить ее датировку. Дело в том, что непосредственно под грамотой обнаружен клад серебряных монет новгородской чеканки («новгородок»), датированных концом второй четверти XV в. (до 1447 г.).

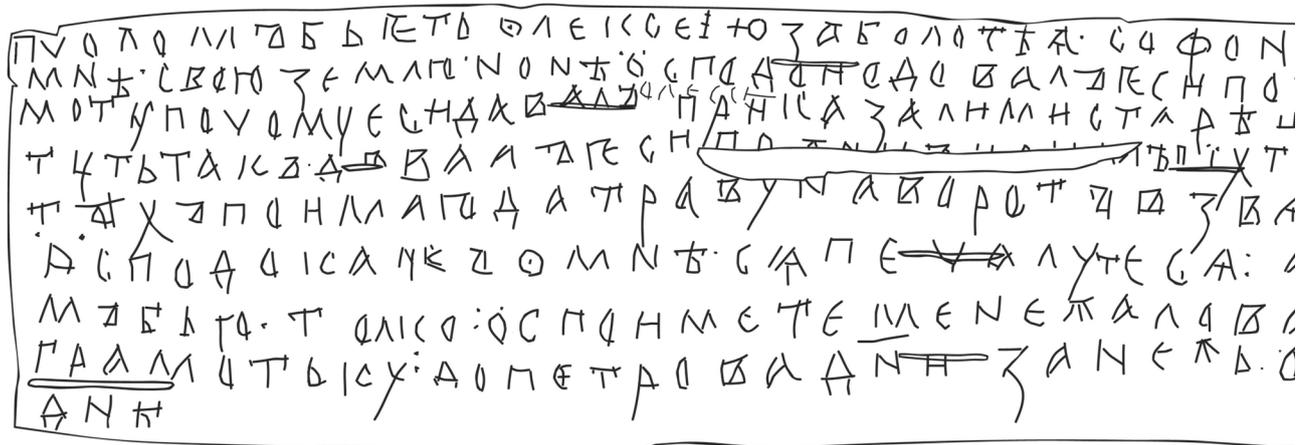
Внестратиграфическая оценка только широкая: 2 пол. XIV – XV в.

Как заметил находчик грамоты С. В. Трояновский, упоминаемый в грамоте Софонтий может быть тем же лицом, которое фигурирует в берестяной грамоте № 466 первой половины XV в., найденной в непосредственной близости от перекрестка Никольской и Михайловой улиц.

Текст делится на слова так:

{п} Чоломъ быкъть Олексеі + О Заболотья Софонтею Тимофью. Чо ксте приказали мнѣ свою землю, нонѣ, ѿсподо, подоваль кси пожни вашимъ здоровьемъ. Попъ молвить: Положи грамоту, по чому еси даваль. Олесеі: Приказали ми старѣшии, и азъ даваль. А нонѣ попь повѣстутъ такъ: Даваль кси пожни в наимы, ѣ хто иметь тыи пожни косить, и азъ тыхъ поймаю да траву на воротъ взважю, да ихъ веду в городъ. Нонѣ, ѿсподо, какъ о мнѣ са печалутеса? А азъ вамъ, свои осподе, чоломъ быю. Толко, ѿспо, имете мене жаловать, о ѿтошлите, ѿсподо, {п} ко мнѣ грамотьку до Петрова дѣни, занежь, ѿсподо, сено косать ѿ Петрове дни.

Лишняя буква *n* в начале — вероятно, автор сперва хотел написать *поклонъ*; лишнее *n* также в {*n*} *ко мнѣ* (строка 7). В строке 3 в *и азъ даваль* буква *а* была пропущена и втиснута потом; то же с буквой *t* в *печалутеса* (строка 6). В строке 6 в слове *какъ* после *ка* зачеркнуто *л*. В строке 7 в *о ѿтошлите* в начальном *о ѿто* как *о*, так и *t* выражены дважды; в конечном *те* буква *t* переправлена из *о*. В строке 8 в слове *петрова* *e* в *пе-* переправлено из *о*. В последней строке автор начал писать *днѣ*, но потом переделал последнюю букву в *и*. *Свои* вместо *свои* (в *свои осподе*, строка 6) — ошибка (встречающаяся в грамотах и рукописях неоднократно). О знаке + см. ниже.

Прорись грамоты № 962

Для передачи начального *o-* служат, как и во многих других грамотах, буквы **o** (широкое *o*) и **o** (очное *o*); но наряду с этим может использоваться и другой способ: пишется обычное узкое *o*, но со знаком тремы — двумя надстрочными точками (иногда тремой снабжается и широкое *o*).

Ять в части случаев записан как *e* (в том числе под ударением перед твердой согласной в слове *сено*).

Специфических новгородских черт в грамоте нет; но стяжение гласных в презенсе (о котором см. ниже) — северновеликорусское.

Рассмотрим наиболее интересные точки текста.

Заболотье (или мн. число *заболотьа*) означает ‘место за болотами’ (ср. *заболотье* и *заболотье* в СРНГ, 9: 265); но в данном случае это скорее всего название конкретной деревни.

Но написание **+o** *заболотьа* неоднозначно. Здесь прежде всего неясна роль знака +. Это может быть обычный вид буквы *i* (в данном случае просто лишней); окказиональный пунктуационный знак; окказиональный предупреждающий знак при **o**, возможно, указывающий на то, что **o** здесь равносильно *от* (или **o^r**).

Возможные версии: 1) **o** *заболотьа* (В. мн.) ‘о деревне Заболотья’ или просто ‘об участках за болотом’; 2) **o** вместо **õ** (+ Р. ед.) — ‘от деревни Заболотье’. Более вероятно второе.

Приказали свою землю — поручили управление ею. Алексей явно служит (в качестве управляющего) у двух феодалов — Софонтия и Тимофея.

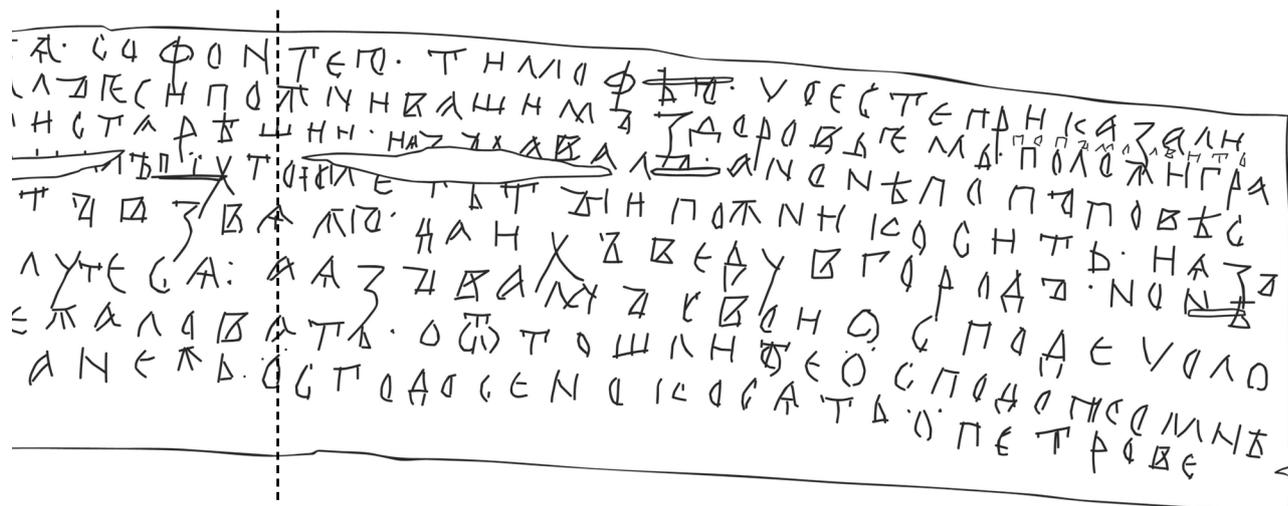
Для фразы *нонѣ, осподо, подаваль кси пожни вашимъ здоровьѣмъ* необходимо принять предположение А. А. Гиппиуса о том, что *кси* — это ошибка вместо *късмь* (или *късми*).

Подоваль вместо *подаваль* в принципе может быть результатом аканья (как уже отмечено, в грамоте нет новгородских признаков); но всё же более вероятно, что это просто ошибочный повтор идущего раньше такого же *подо*: *осподо подоваль*. Кроме того, форма *довать* могла возникать в окающих говорах под влиянием приставки *до-*; сходным образом в окающих северных говорах и рукописях появляются *начлежь*, *начевать* — под влиянием приставки *на-*.

В отличие от современного языка, словоформа *под(а)валь* относится здесь к совершенному виду — подобно современным *пораждал*, *поотдавал*; ср., например, *что кси, Осподине, конѣ подаваль* ... в грамоте № 446.

Вашимъ здоровьѣмъ — известная формула; ср., например, *земля ... сама ся окупить твоимъ здоровьѣмъ* в грамоте № 104. *Здоровье* — ‘благополучие, сила, авторитет’, то есть данная формула здесь практически означает ‘с полномочиями от вас’.

Таким образом, управляющий говорит, что те земли, которые ему поручили, он раздал от имени своих господ.

Дальше в основном тексте (то есть без учета надстрочных приписок) идут два предложения, в которых неясно, кто «ты», а кто «я»: *положи грамоту по чому кси давалъ* ‘предъяви грамоту, на основании которой ты давал’; *приказали ми старѣиши и азъ давалъ* ‘приказали мне старшие (старосты), и я давал’. Непонятно, кто это говорит и как связать эти фразы с остальным текстом.

Надстрочные приписки разрешают эту проблему: над *положи* надписано *попъ молвить*, и тем самым понятно, что это поп требует от Олексея подтверждения его полномочий; над *приказали* надписано *олесеі*, то есть это Олексей ссылается на приказ старост.

В этом месте получил блестящее подтверждение осуществленный А. А. Гиппиусом (2004а) анализ коммуникативной структуры берестяных грамот, в частности тот его тезис, что в этих грамотах без всякого предупреждения после речи автора может пойти речь другого лица. Ясно, что вначале автор грамоты (или писец, если автор писал не сам) поступил в точном соответствии с тезисом Гиппиуса — привел чужие слова без всякого предупреждения о том, кто это говорит. И лишь позднее решил всё же это для большей ясности уточнить.

Дальнейший текст Олексей (или писец) написал уже с указанием того, кто что говорит, прямо в тексте.

Повѣстуетъ ‘говорит, повествует’ — вряд ли просто пропуск буквы *к* в *повѣстуктъ*; скорее это севернорусское стяжение с долгим гласным типа [рабѣта:т] ‘работает’, [тр’ѣбу:т] ‘требуют’. Эта особенность представлена также ниже в слове *печалутеса* (вместо *печалуктеса*).

Воротъ в древнерусском и в современных говорах означает ‘шея’ (современное значение ‘воротник’ у этого слова вторичное); ср. перс. *gardan* ‘шея’ (из *vartana*).

Взвязати — очень колоритный глагол, в котором приставка *вз-* передает движение снизу вверх (в данном случае от земли, где находится трава, к шее человека).

Да траву на воротъ взвяжю — явно как знак того, что они крали сено. Очевидно, украденное привязывали на шею пойманного вора. Яркое свидетельство о таком обычае, сохранившееся в литературном языке, — пословица *Брань на вороту не виснет*.

М. Н. Толстая нашла подтверждение этого в этнографической литературе — в работе М. Седовой (2003) «Быт томичей на крестьянском дворе» мы читаем: «Сурово наказывало общество и за воровство; вору вешали украденное на шею и водили по селу, чтобы всякий мог его ударить и плюнуть». По свидетельству белградского профессора Л. Раденковича, в восточной Сербии обычай вешать на шею украденное сохранялся еще в XX в. (сообщено С. М. и М. Н. Толстыми). Широко распространено поверье, что вор после смерти будет носить все украденное на шее. См. подробнее Толстая 2015.

Какъ **о** мѣ са печалутеса — судя по позиции первого **са**, слово *какъ* подверглось вторичной проклитизе (см. Зализняк 2008, § 0.2), т. е. *какъ о мѣ* — единая тактовая группа.

Са печалутеса — «двойное **са**», явление, характерное для позднерусского периода (см. Зализняк 2008, § 4.13). *О -луте* из *-лукте* см. выше.

Словоформа *оспо* производит впечатление недописанной, особенно на фоне нескольких примеров полного написания *осподо*. Однако более вероятно другое объяснение, а именно, связь формы *оспо* с формой *осре* ‘господин!’, регулярно употребляемой у Фенне в качестве обращения (Фенне, 196.5, 196.7, 197.1, 204.5).

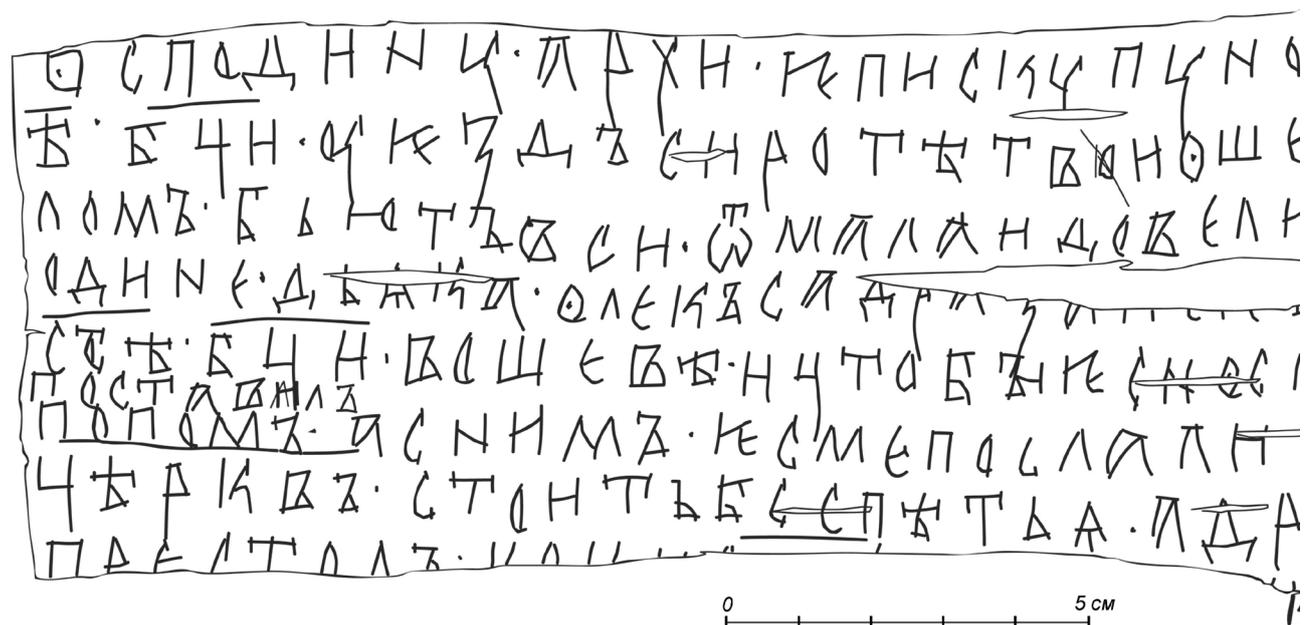
Следует учитывать, что слово *господа* (*оспода*) относилось к подвижной акцентной парадигме (см. Зализняк 2014: 158); соответственно, звательная форма *осподо* была энклиноменом, т. е. в позднерусском имела ударение *осподо*. Это позволяет предложить следующую гипотезу о дальнейшей эволюции обращений ‘господа!’, ‘господин!’. Как и многие другие частотные обращения, форма *осподо* могла усекаяться; ср. усечения и «сжатия» в случаях типа *-с* из *сударь*, [msjɔ] из *mon seigneur* и т. п. Утрата безударного конечного *-до* давала *оспо*. Внешнее совпадение конечного *о* этой формы с окончанием вокатива должно было породить отношение «полное *осподо* – краткое *оспо*», откуда обобщение «полное *оспод-* – краткое *осп-*». Тогда и при полных обращениях *осподи* и *осподине* можно ожидать аналогического *оспе*. Если эта гипотеза верна, то *оспо* в грамоте № 962 лежит у истоков того развития, которое через сто с лишним лет привело к *осре* у Фенне.

Из грамоты видно, что конфликт Олексея с попом — это спор о том, кто имеет право распоряжаться землей; власть попа явно выходит за рамки церковных дел. В конце письма Олексея просит господ, если они его «пожалуют», то есть решат спорный вопрос в его пользу, прислать об этом «грамотку» до Петрова дня — даты, когда по общерусской традиции начинали сенокос.

Последняя фраза (*занежь, ѿсподо, сено косать ѿ Петрове дни*) на первый взгляд звучит несколько странно — как если бы кто-то в тогдашней Руси мог не знать, когда начинается сенокос. Наиболее правдоподобное решение (предложенное М. А. Даниэлем) здесь таково: автор хотел сказать «пришлите грамотку (подтверждающую мои права) до Петрова дня, потому что в Петров день поп осуществит свою угрозу», и это совершенно нормальная структура дискурса; но вместо «поп осуществит свою угрозу» он сказал просто «будут косить», справедливо считая, что эта эквивалентность адресатам ясна.

Итоговый перевод:

Прорись грамоты № 963

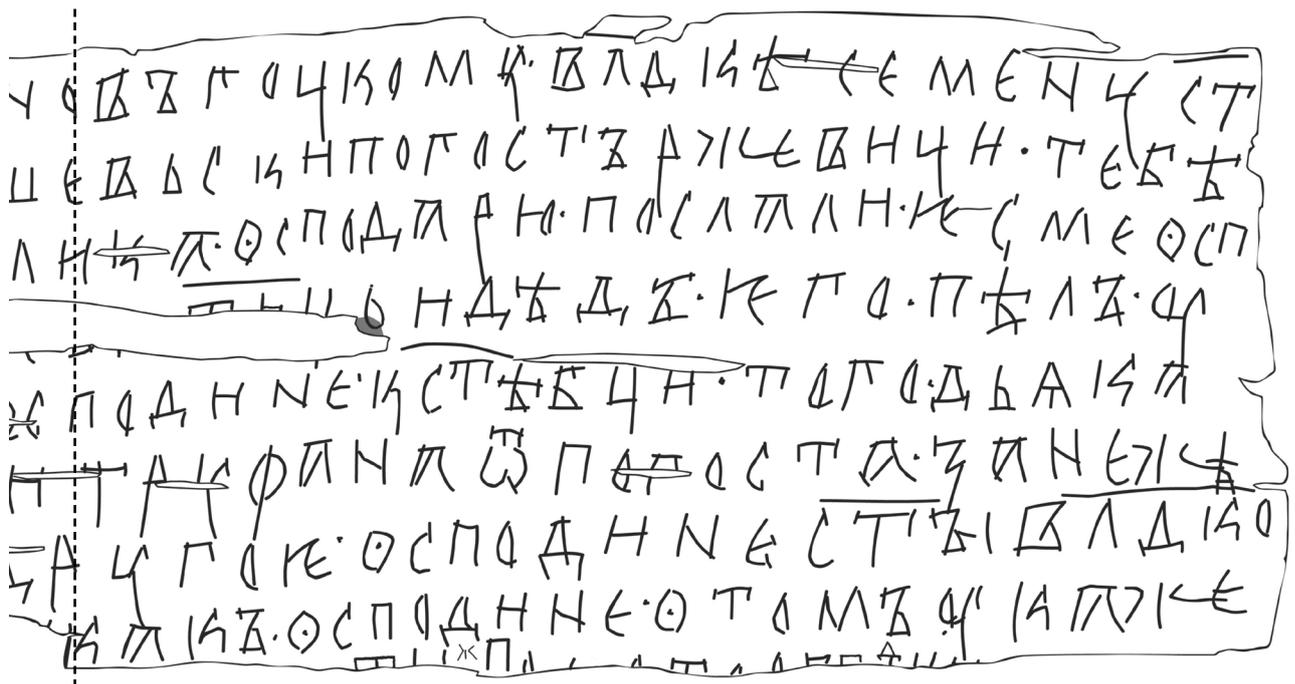
‘Челом бьет Олексей от Заболотья (?) Софонтию и Тимофею. Что [касается того, что] вы поручили мне свою землю, то я теперь пораздавал пожни от вашего имени. Поп говорит: «Предъяви грамоту, на основании которой ты давал». Олексей [говорит]: «Приказали мне старшие (старосты), и я давал». А теперь поп говорит так: «Ты давал пожни в наймы, а кто будет те пожни косить, тех я схвачу, да траву на шею привяжу и поведу в город (то есть в Новгород)». Как, господа, теперь обо мне позаботитесь? А я вам, своим господам, челом бью. Если, господа, меня пожалуете, то отошлите, господа, ко мне грамотку до Петрова дня, потому что, господа, сено косят на Петров день’.

Грамота № 963

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 4, на уровне пласта 2 (29,20–29,00 м по счету от уровня моря). Это три фрагмента, образующие почти целый документ (недостает лишь начала последней строки):

ОСПОДИНУ·АРХИ·ЕПИСКУПУ·НОВЪГОЦКОМУ·ВЛАДКЪ·СЕМЕНУ·СТ
 Ъ·БЦИ·ОУКЪЗДЪ·СИРОТЪ·ТВОИ·ОШЕВЬСКИ·ПОГОСТЪ·РЖЕВИЦИ·ТЕБѢ
 ЛОМЪ·БЬЮТЪ·ВСИ·ШМАЛАИ·ДОВЕЛИКА·ОСПОДА·РЮ·ПОСЛАЛИ·КЪ·МЕ·ОСП
 ОДИНѢ·ДЪАКА·ОЛЕКЪ·СА·ДРА·ЗА[НЕЖЪ·БИ·ШЪ·ЦЫ]И·ДѢ·ДЪ·КЕ·ГО·ПѢЛЪ·ОУ
 СТЪ·БЦИ·ВОШЕВѢ·И·ЦТО·БЫ·КЪ·СИ·ОСПОДИНѢ·КЪ·СТЪ·БЦИ·ТО·ГО·ДЪАКА
 поставилъ
 ПОПОМЪ·АСНИМЪ·КЪ·МЕ·ПОСЛАЛИ·ТРУ·ФАНА·ШПОГОСТА·ЗА·НЕЖЪ
 ЦЪ·РКВЪ·СТОИТЬ·БЕСПѢТЬА·А·ДРУГО·ОСПОДИНѢ·СТЪ·ВЛАДКО
 ПРЕСТОЛЪ·В[ОЦЪ·Р]·(КВЪ)·[Ш]-----(-)КАКЪ·ОСПОДИНѢ·О·ТОМЪ·ОУКАЖЕ
 (ШЪ)-----[ТИ*]П[РЕСТОЛЪ·ГСА·ИНЕ]

Два раза писавший пропустил слог: *новъгоцкому* вместо *новъгороцкому* и *ломъ* вместо *челомъ* (в последнем случае при переходе со строки на строку).

Длина 34,6 см, ширина 9,6 см.

Грамота датируется исключительно точно, поскольку она адресована архиепископу Симеону, который пребывал в этом сане с 1416 по 1421 г.

Точность датировки этой грамоты дала редкую возможность испытать эффективность наших таблиц вне-стратиграфического датирования. Для этой грамоты таблицы дали следующий результат: не ранее 1360, предпочтительно 1380–1400. Это значит, что таблицы выдержали испытание довольно хорошо; но всё же потребовалась некоторая корректировка в матричной строке *сироты*. После такой корректировки вне-стратиграфическая оценка грамоты № 963 такова: 1360-е–1410-е, предпочтительно 1380-е–1410-е.

Стратиграфическая дата этой грамоты — начало XV в. Это значит, что достаточно хорошо выдержало данное испытание также стратиграфическое датирование.

Текст делится на слова так:

Осподину архиепископу новъго(ро)цкому вл(а)д(ы)къ Семену с(ва)тъ Б(огороди)ци оуездъ, сиротѣ твои Ошевьски погостъ, ржевици, тебѣ (челомъ бьютъ вси ѿ мала и до велика, Осподарю. Послали ксеме, Осподине, дѣака Олекъсадра, занежѣ и ѿѣць и дѣдъ ѿго пѣль оу с(ва)тъ Б(огороди)ци в Ошевѣ. И что бы кси Осподине к с(ва)тъ Б(огороди)ци того дѣака поставилъ попомъ; а с нимъ ксеме послали Труфана ѿ погоста. Занежѣ цѣрк(о)вь стоять бес пѣтъ. А другое, Осподине с(ва)ты вл(а)д(ы)ко: престоль во цѣр(квѣ) ѿ----(-). Какъ, Осподине, ѿ томъ оукаже(шь)? (Осва)ти ж(е) престоль, гсдине [= Осподине].

Перевод:

‘Господину архиепископу новгородскому владыке Семену крестьяне твои, Святой Богородицы уезд, Ошевский погост, ржевичи, тебе, господарю, челом бьют все от мала и до велика. Мы послали, господин, дьяка Олексадра, потому что и отец и дед его пел у Святой Богородицы в Ошеве. И ты бы, господин, к Святой Богородице того дьяка поставил попом (а с ним мы послали от погоста Труфана), потому что церковь стоит без пения (= без службы). А другое [дело], господин святой владыка: престол в церкви от... Как, господин, о том укажешь? Освяти же престол, господин’.

Отметим, что фраза *а с нимъ ксеме послали Труфана ѿ погоста* как бы вклинена внутрь фразы о поставлении дьяка попом и о состоянии церкви: автор решил еще указать, с кем прибудет этот дьяк.

Престоль во цѣр(квѣ) ѿ... — что случилось с престолом, из-за обрыва неясно, но нет сомнений, что он как-то был поврежден. Возможно, ржевичи его уже починили и просят владыку освятить новый.

Ошевский погост (ныне Ашево Псковской области) расположен в Пусторжевской волости Новгородской земли (отсюда наименование его жителей «ржевичами»), которая вместе с Великими Луками платила значительную дань Литве в обмен на защиту Литвой северо-западных рубежей Новгородского государства. Несмотря на предпринятую Витовтом реформу, объединившую в 1415 г. подвластных Литве православных епископов Полоцка, Чернигова, Луцка, Владимира Волынского, Холма, Турова, узурпировавших право избрания киевского митрополита (избран ими был Григорий Цамблак) (НПЛ: 406; ПСРЛ 3: 496), ржевичи сохраняли верность Новгороду и хиротонисанному в Москве архиепископу Симеону, как это явствует из грамоты № 963. Переход в прямое подданство Литве осуществился, однако, в 1435 г., когда новгородский архиепископ Евфимий II был рукоположен в Смоленске, что вызвало поход новгородцев на ржевичей: «Ржеву воеваше своих данников, а они не почаша дани давати новгородцем» (Пск. лет. 2: 132).

Грамота в основном составлена на наддиалектном древнерусском языке (так, в И. ед. используется окончание -ѣ, слово ‘все’ имеет вид *вси*). Но небольшое число элементов древненовгородского диалекта в ней всё же имеется: И. мн. *сиротѣ* (а не *сироты*), 1 мн. *ксеме*, цоканье в *ржевици*; отметим еще Д. ед. *вѣдѣ*, с к, а не *ц*. Характерны для новгородских грамот также имена *Олекъсадръ* (ср. к *Олоскадру* в грамоте № 528) и *Труфанъ* (ср. *Труфане* в грамотах № 136 и 471). Слово *сиротѣ* ‘крестьяне’ характерно для берестяных грамот XIV в. и один раз встретилось в грамоте конца XIV – 1-й четверти XV в. (№ 933). В XV в. этот термин вытесняется словом *крестьяне*.

Слово ‘господин’ встретилось в этой грамоте пять раз с основной *Ѡсподин-* и один раз в виде [*гс^дине*]. Это ценнейшее прямое свидетельство того, что идеограмма *гс^д* читалась не как *господ-*, а как *оспод-*. См. подробнее об этой проблеме ниже, при грамоте № 964.

Показательно слово *осподарь*: в XV веке слог *-спо-* здесь еще устойчиво сохраняется, инновационный вариант *государь* (*осударь*) появляется лишь в XVI в. Даже в 1607 г. у Фенне мы еще находим только формы с *-spo-*: *aspodar* (регулярно) и один раз *gospodar*.

Грамота № 964

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 8, на уровне пласта 3 (29,00–28,80 м по счету от уровня моря). Это первые три строки письма:

ѠГНУ·ЮЛИЗРУ·МНОГОЧЕЛОМЪБИЮ
 ПОСЛАЛЪ·ЮМЪ·ѠГНЕ·КТОБЪ·СЛАРИШНЬ
 --- [Ъ·Р]·КЛЕЩЕВЪ·ПОШЛИ·ѠСПОДИНЕ

Длина 12,8 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: 60-е–90-е гг. XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е–90-е гг. XIV в., предпочтительно 40-е–70-е.

Текст делится на слова так:

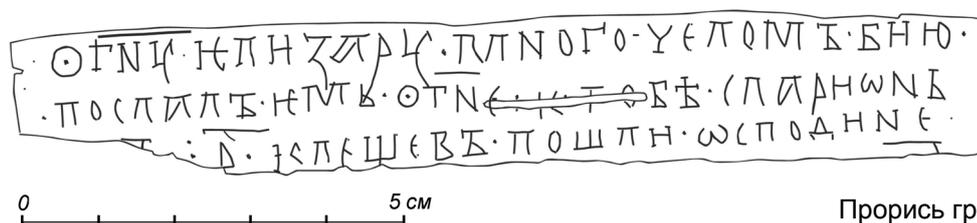
**ѠГНУ [=осподину] Юлизру много челомъ бию. Послалъ юмъ, ѠГНЕ [=осподине], к тобъ с Ларишнь-
 (цем)ъ 100 клещевъ. Пошли, Ѡсподине ...**

В начале грамоты стоит весьма редкая формула: от первого лица «челом бью», но без указания автора; предполагается, что адресат сам поймет, от кого письмо.

Записи *ѠГНУ*, *ѠГНЕ* — сокращения для *осподину*, *осподине*, с идеограммой *гн* и начальным фонетическим дополнителем *Ѡ*, т. е. первой фонемой зашифрованного полного чтения; см. этом НГБ-IX: 233–241.

Удивительным образом сразу в двух грамотах (№ 963 и 964), найденных с разницей в 6 дней, впервые в рамках одного и того же документа для слова ‘господин’ использована как сокращенная запись с идеограммой, так и полная запись (*Ѡсподине*, *Ѡсподине* и т. д.). Тем самым эти две грамоты оказываются идеальным прямым свидетельством того, что записи типа *огнь*, *огне*, *огну* и типа *гс^дине* читались именно как *осподинь*, *-е*, *-у* (а не *огосподинь* и т. д., как полагали прежде публикаторы и лексикографы в отношении записей типа *огнь*, и не *господинь* в случае записей типа *гс^динь*). Если бы эти две грамоты были найдены двадцать лет назад, не понадобились бы те немалые умственные усилия, которые позволили прийти к тому же выводу на основании не столь прямых показаний.

Написание *послалъ юмъ* вместо *послалъ кмь* может, конечно, быть простым пропуском *с* по опiske. Но не исключена и другая возможность — что перед нами близкий аналог польских форм прошедшего времени типа *poslatem* ‘я послал’ (где тоже утратилось прежнее *s*). Совершенно аналогичный пример есть в Лаврентьевской летописи в «Поучении» Мономаха (Лавр., л. 83): *что было надобѣ весь нарядъ и в дому своємъ, то*

Прорись грамоты № 964

я твориль ємь. Издатель решительно исправляет это *ємь* на *єсмь*, поясняя: «По явной опiske вставляется -с-». Но после находки грамоты № 964 оснований для такой уверенности стало гораздо меньше. Следует ожидать дальнейших находок, чтобы выяснить, являются ли действительно оба эти примера описками или за ними стоит свойственное каким-то говорам диалектное развитие, сходное с польским.

Для поврежденного места на стыке 2-й и 3-й строк единственное решение, не предполагающее никаких ошибок и случайностей, — это *с Ларионь(цем)[ъ]*. Уменьшительные имена с суффиксом *-ець* (типа *Ларионець*) для Новгорода весьма характерны.

Клещевъ — это ‘лещей’. Древненовгородское слово *клещъ* ‘лещ’ известно из берестяной грамоты № 169 (кон. XIV – нач. XV в.), где сказано: *Онтане послале Овдокиму два клеща да щука*. См. об этом слове НГБ-VIII: 119–122 и ДНД₂: 656. Добавим к этому примеры из памятников XVII века: *клещѝ* ‘лещи’ в Лечебнике (РГБ, фонд 317 [собр. св. Филарета], № 7, л. 106) и запись *лѣщъ : кѣлѣщъ рѣба* в словаре Спарвенфельда (Спарв., II-2131).

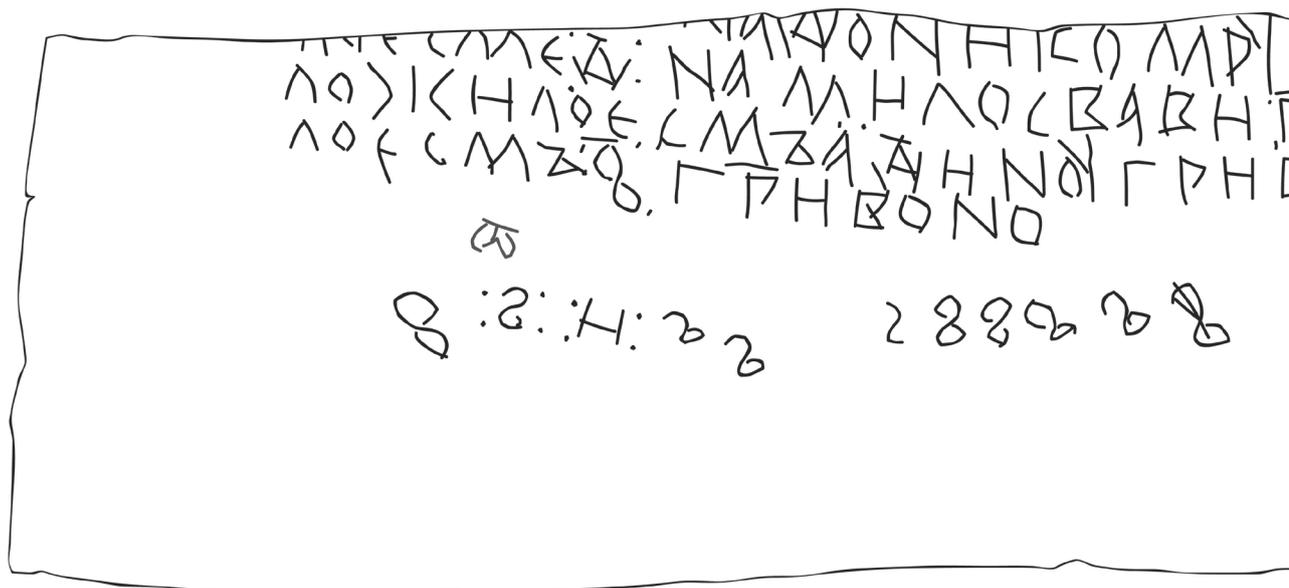
Сколько же лещей послал наш автор? Сохранившийся в тексте уголок не может быть верхушкой от *ѣ* (= ‘4’), поскольку окончание *клещевъ* могло быть только в случае, если бы они были грамматически одушевленными, а в XIV веке до этого было еще далеко. Вначале было высказано предположение, что это *л̄* (= ‘30’); однако в грамоте *л* (как, впрочем, и *д*) пишется с плоским верхом. По мере изучения текста количество лещей увеличивалось. Возникло предположение, что верхний уголок принадлежит букве *ѣ* (= ‘70’). Но в конце концов было установлено, что это верх от *р̄* (= ‘100’). Так что Елизару было отправлено целых сто лещей.

Итоговый перевод:

‘Господину Елизару челом бью. Я послал к тебе, господин, с Ларионцем 100 лещей. Пошли, господин, ...’

Прорись грамоты № 965

Грамота № 965

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 3, на уровне пласта 4 (28,80–28,60 м по счету от уровня моря). Это конечная строка документа:

СИПОЛЬЖИЛЪНАЪЗИ

Длина 20,7 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: 40-е–60-е гг. XIV в.

Текст делится на слова так: **... (ѣ)си польжилъ на ѣзи.**

Буквы *си* — явно конец от *ѣси*; (*ѣ*)*си польжилъ* — ‘ты положил’.

ѣзь — рыболовный закол поперек реки, яз.

Какое из многих значений глагола *положити* здесь имелось в виду, из-за отсутствия контекста неясно. Возможно, речь шла о некоей сумме денег или количестве рыбы, которое адресат «положил» на данном заколе, то есть установил как плату за право пользования этим заколом.

Грамота № 966

Найдена на Борисоглебском раскопе, в квадрате 43, на уровне пласта 10 (глубина 1,80–1,90 м). Это насчитывающая семь строк конечная часть документа, утратившего правый край:

...[Н]а доникомоуж[ьѡ]...

[ло]есме:д̄:на милосвави:г̄:гривиниѡмариакавостро[в]...

ложилоесмъѡдиноугривоноу·ѡнаш-ка·ниипол...

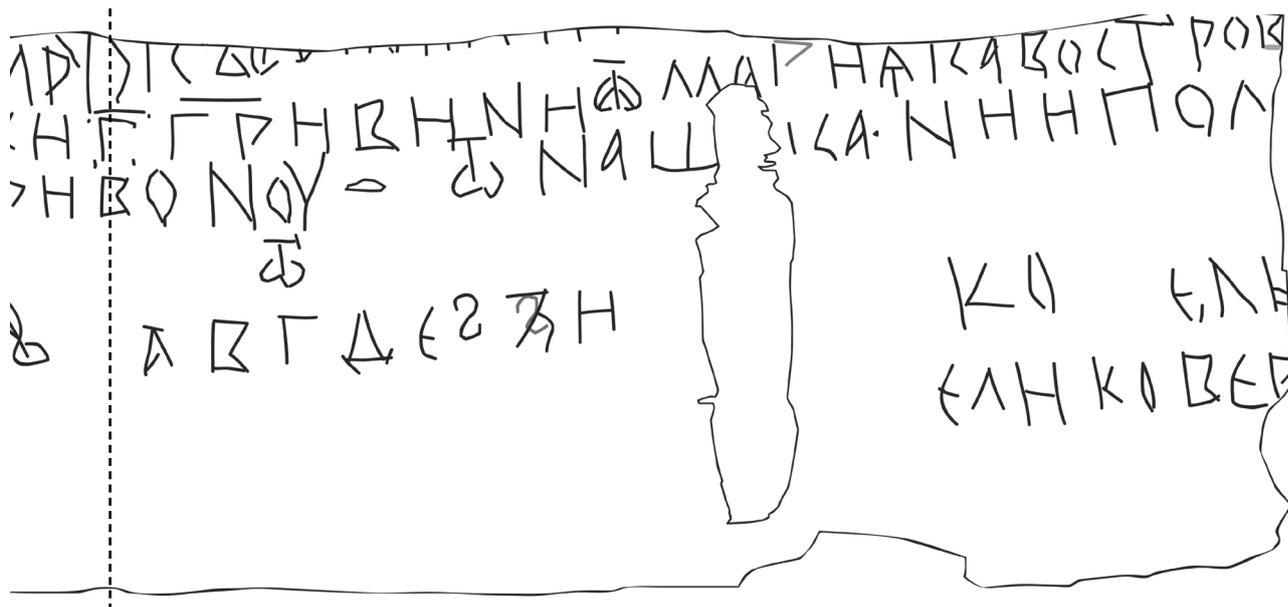
лоесмъ·ѡ:гривоно

ѡ

ѡ

а :а::и:га гагагага авгдєззи ко ель...

єликовер...

Прорись грамоты № 966

Длина 34,1 см, ширина 8 см.

Стратиграфическая дата: XIII в.

Внестратиграфическая оценка: XIII в.

Утраты на правом краю невелики: строки 2–4 соединяются в связный текст с помощью высоковероятных конъектур (по три буквы в строках 2 и 3).

Текст делится на слова так: ...**надо** **никому** **жь** ... (положи)ло есме **4**, на **Милослави** **3** **гривини**. **Ѡ** **Мариакъ** в **Остров**(и по)ложило есмь **1**диноу **гривоноу**. **Ѡ** **Наш(е)ка** нии пол(ожи)ло есмь **6** **гривоно**.

Это реестр сумм, «положенных» на таком-то или от такого-то. Так, автор «положил» на X-е 4 (и) на Милославе 3 гривны, от Марьяка в Острове 1 гривну, от Нашка 6 гривен. Но точный смысл финансовой операции, называемой *положити*, как и в предыдущей грамоте, остается не вполне ясным.

Редкая особенность: после окончания собственно текста грамоты автор еще использовал свободное нижнее поле для пробы пера (буква **Ѡ** дважды), записи разных цифр (в том числе ряда **12345678**) и маленькой приписки (к сожалению, из-за обрыва нечитаемой; понятно в ней только слово **елико**).

Интересно написание *-а-диноу* ‘одну’. Предположение о том, что *a* вместо *o* написано здесь в силу аканья, неправдоподобно, поскольку в Новгороде не акали, а счесть эту грамоту за иногороднюю нет оснований (в частности, в ней представлено характерное новгородское *и* вместо *я*тя). Решение состоит в том, что здесь *-а-* — это цифра ‘1’, а *диноу* — это фонетический дополнитель (ср. выше, разбор грамоты № 964), только более длинный, чем обычно. Такие длинные дополнители изредка встречаются. Например, в Ферапонтовской кормчей 1540-х гг. (на л. 820 об. и далее) писец несколько раз записывает словоформу *вторóму* так: *ѡрóму*. Ср. также запись *огїдиноу* = *осподину* в берестяной грамоте № 339 (2-я пол. XIV в.): здесь вначале стоит фонетический дополнитель *o-* (о котором см. выше), далее идеограмма *гї*, а за ней большой конечный фонетический дополнитель *-диноу* (ровно такой же, кстати, как в *-а-диноу*).

Отметим характерные написания *гривоноу* (ср. *грѣвону* в № 366), *гривоно* (ср. *гривоно* в № 349), *гривини* (ср. *гривьни* в № 919); в последнем случае *-ви-* вместо *-вь-* — результат уподобления предшествующему и последующему слогу.

Отрезок ...[н]адо *никому* жь[ь] чрезвычайно похож на часть известной формулы *а боле не надобѣ никому же* ‘а более ни у кого притязаний не должно быть’. Однако для превращения *надобѣ* в *надо* это, по-видимому, еще слишком раннее время; не исключено, что выше обрыва над *надо* имелось надстрочное *б*.

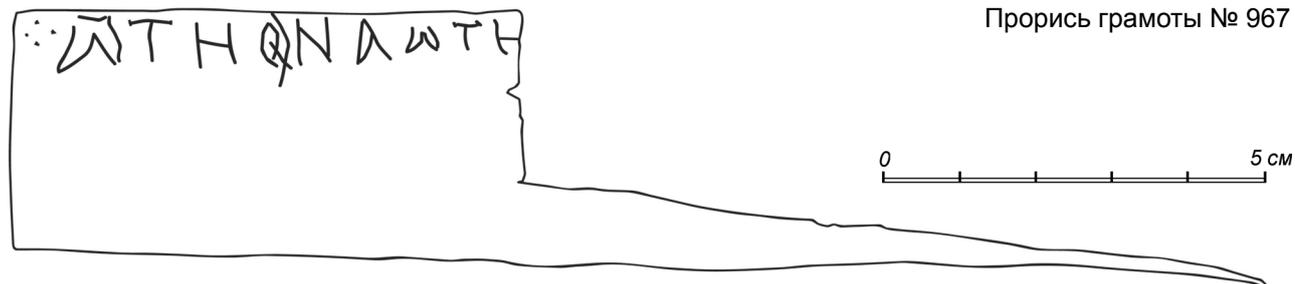
Милослави вместо *Милослави* — предвосхищение в следующего слога.

Неизвестное доньше имя *Мариакъ* (*Марьякъ*) — очевидно, производное от того же корня, что известное из берестяных грамот имя *Марена* (представленного, в частности, в словах *марá* ‘призрак, наваждение’, *марит* ‘душно’, *мáрево*).

Островъ — чрезвычайно распространенное название населенных пунктов.

Поврежденное **Ѡ** *Наш-ка* ныне определенно должно быть восстановлено как **Ѡ** *Наш(е)ка* — после того, как в новгородском Софийском соборе была обнаружена надпись *Нашьке клюни воды* (Гиппиус, Михеев 2013б: 158). Имя *Нашько* — по-видимому, гипокористическое от имени типа *Нашьгость* (см. там же: 159).

Странное *нии* — возможно, описка вместо *нии* ‘ныне’ (ср. *нии* в № 788).

рил и подговорил кого-то против определенного лица. Но все разъясняется, как только мы прочтем этот же пассаж в Лаврентьевской летописи, где сказано: «Ростиславъ Гюргевиць подмолвилъ на тя люди...». Ясно, что Лаврентьевская летопись сохранила старое чтение, тогда как в Уваровской летописи переписчик XV века вместо старого *подмолвити* поставил уже свойственное его времени *подговорити*.

В словаре Срезневского содержится множество примеров со словами *говорити* и *говорь* (без приставок и с приставками) в современном значении. Но ни один из них не старше конца XIV века.

Древнее значение глагола *говорить* отчасти сохранилось в северных говорах. В СРНГ (6: 256) находим: *говорить*, знач. 3. О птицах — петь, щебетать, каркать и т. п. «Если прилетные птицы весной не говорят, то будет еще холод, засиверка». Пинеж. (Арханг.). Также в онежских былинах в записях Гильфердинга: «Прилетали тут русские птицы, учили тут пети-говорити, как млад соловей щекотати».

Эволюция значения у слова *говорить* — от ‘шуметь, гомонить’ (о толпе) к ‘dicere’ — совершенно типовая. Глагол со значением ‘dicere’ может происходить из разных семантических источников, но этот — один из наиболее популярных. В славянской зоне можно указать не менее семи таких случаев. Старейший из них — *мълвити*. В старославянском *мльва* — ‘ропот толпы, мятеж’. Затем (и довольно рано) наступает такое развитие значения, при котором в древнерусском языке это уже нормальный глагол для ‘dicere’. Остальные примеры диалектные, но их много. В русских говорах глаголы *гомонить*, *галдеть*, *гаметь*, *шуметь* / *шумнуть*, по данным СРНГ, имеют среди прочего нейтральное значение: просто ‘говорить что-то кому-нибудь’. Особенно яркий новейший пример — из речевой практики интернет-сообщества: *базарить* — от *базар*, для которого характерен именно хаотичный шум толпы. Но в словаре сленга мы уже видим слово *базарить* просто в значении ‘говорить’, без дополнительных уточнений.

Итак, крошечный обрывок бересты оказался ценным подарком для историков языка — это самый ранний в истории русского языка документ, где *говорити* означает ‘говорить’.

У этой проблематики есть еще один небезынтересный аспект. И слово *говорити*, и слово *говорь* встречается в «Слове о полку Игореве». Совершенно невероятно, чтобы литератор XVIII века знал о хронологической границе между старым и новым значением слова *говорити*, которая пролегла примерно между XIII и XIV веком. Так что если это он сочинял «Слово», то он легко мог «попасться» на этом самом обычном слове современного русского языка. Однако же автор «Слова» не «попался» — он безупречным образом использовал оба эти слова в древнем значении, а не в новом. В «Слове» *говоряхуть* не люди, а галки (*галици*) и *говорь* был не людской, а галочий (*галичь*). В обоих случаях изображается звук голосов нерасчлененной массы (в данном случае птиц) — в точном соответствии с древним значением. (Заметим, что в переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизирующий перевод: точный смысл — «Галки своей речью гомонили».)

Это еще один из многих случаев, когда сверх уже известных признаков еще один частный признак текста «Слова», не привлекавший ранее к себе внимания, оказывается проявлением древности.

Грамота № 969

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 15, на уровне пласта 5 (28,60–28,40 м по счету от уровня моря). Это маленький фрагмент:

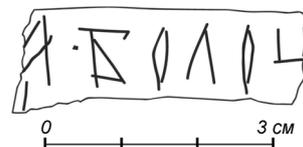
...а боло [ш]...

На месте [ш] могло быть и [ц].

Длина 3,7 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: 40-е–60-е гг. XIV в.

Для разделения на слова и интерпретации нет достаточных данных.

Прорись грамоты № 969

Грамота № 970

Найдена на Борисоглебском раскопе, в квадрате 26, на уровне пласта 10 (глубина 1,92 м). Это запись в двух строках на трапециевидном отрезке бересты, по-видимому, неоконченная, но сохранившаяся целиком:

ПОДО ТВОЮ МИЛО

С

Длина 11,8 см, ширина 6,6 см.

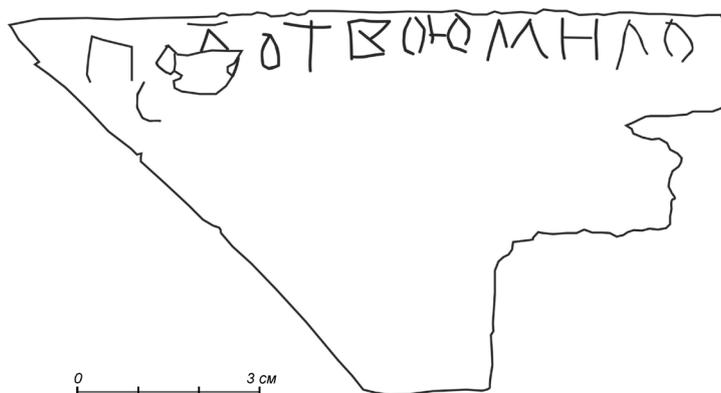
Стратиграфическая дата: XIII век.

Текст делится на слова так: **Подо твою милос(ть).**

Смысл этого документа разгадал Й. Схакен: он установил, что текст представляет собой начало богородичного тропаря великопостной вечерни, в современном православном богослужении имеющего следующий вид: «Подъ Твое благоутробие прибѣгаемъ, Богородице, моления наша не презри во обстоянии; но от бѣдъ избави ны, Едина чистая, Едина благословенная».

Этот тропарь относится к числу древнейших богородичных песнопений и известен в греческой, коптской, эфиопской, латинской и др. версиях. Грамота отражает славянскую версию, представленную в русских богослужбных книгах дониконовской редакции (см. Василик 1997). В Триоди начала XV века из собрания Троице-Сергиевой Лавры (РГБ, ф. 304, № 26, л. 45; <http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php>) текст таков:

По^А твою мѣлос^{ть} прибѣгаемъ, бѣе дѣо, мѣтвѣ наши^х въ скорбѣ^х не презри, но ѿ бѣдъ избави насъ, едина ч^{ст}наа и блг^{сна}а.

Прорись грамоты № 970

Грамота № 971

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 2, на уровне пласта 6 (28,40–28,20 м по счету от уровня моря). Это малый фрагмент и несколько совсем мелких клочков:

ПОКЛОНО...

ЬС

АД

П^АЕМЬНЕ[М]...

ЩА

ЛИ

ЬВ

ИЕЖ[О]

Фрагменты размерами 5×1,7 см, 2×2,6 см, 2,4×1,8 см.

Стратиграфическая дата: первое 40-летие XIV в.

Вычлняются только два слова: **поклоно** и **племенем(о)**.

Прорись грамоты № 971

Грамота № 972

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 13, на уровне пласта 6 (28,40–28,20 м по счету от уровня моря). Это левая часть трех строк документа (срединных или, может быть, конечных):

ТАКОИНЕБЫВАЛОНАН...
ХЪБОРОВЪ-ОУПЛАЦН...
СААНЪИНЪЮШЕНЕВЪ[Д]...

В *оуплацн*- пропущено *е*.
Написание *юше* вместо *юще* — либо описка, либо передача произношения [ješšo].

Длина 11 см, ширина 2,4 см.

Стратиграфическая дата: первое 40-летие XIV в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: не ранее XIV в., предпочтительно не ранее 1340-х гг.

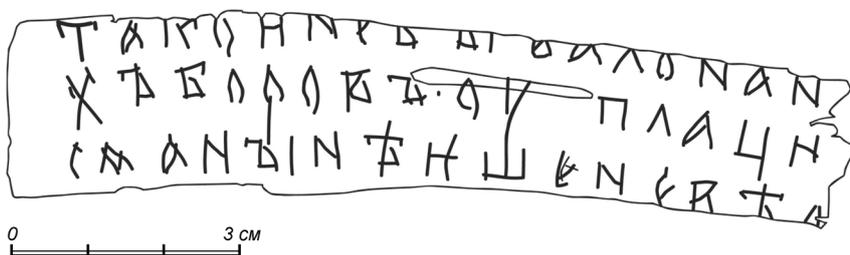
Текст делится на слова так (связать строки друг с другом не удастся):

- ... **тако и** (*или: такой*) **не бывало на н...**
- ...**хъ боровъ оуплац(е)н(о)...**
- ...**са, а нынѣ юше не вѣд...**

Слово *боръ* в данном контексте явно означает ‘дани’, ‘поборы’. Отрезок *...хъ боровъ* с высокой вероятностью может быть восстановлен как конец словосочетания (*черны*)*хъ боровъ* (черный бор — нерегулярная дань непосредственно в пользу князя).

Документ представлял собой жалобу от лица некоего сообщества людей, платящих дань. Можно понять:

- ‘... так еще не бывало (*или: такой* [дани] и не бывало на нас) ...’
- ‘... [черны]х боров уплачено [нами уже столько-то] ...’
- ‘... а теперь еще не ведаем [что будет дальше] ...’

Прорись грамоты № 972

Грамота № 973

Найдена на Борисоглебском раскопе, в квадрате 3, на уровне пласта 11 (глубина 2,00–2,20). Это одна строка (9 букв), составляющая, по-видимому, целый документ:

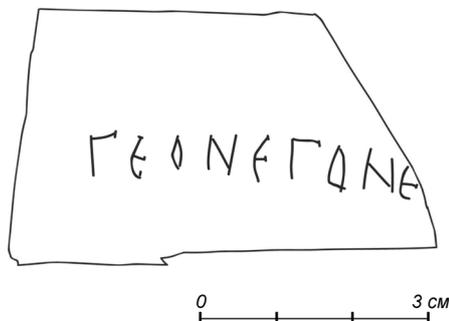
ГЕОНЕГОНЕ

Длина 5,6 см, ширина 3,4 см.

Стратиграфическая дата: XIII век.

Эту производящую загадочное впечатление запись, очевидно, следует читать [геон’огон’] и понимать как сочетание [геон’огон’] ‘гееннский огонь’, записанное так, как если бы это было единое слово.

В самом деле, слоги типа [н’о] в эту эпоху уже несомненно существовали и передавались на письме за неимением особой буквы для [’о] просто с помощью буквы *е* (но изредка также через *о*, с потерей информации о мягкости). Так, в берестяных грамотах пишется: *Петръ*, *Смень*, *Федоръ* (изредка *Потръ*, *Смонъ*, *Фодоръ*), *Лентии*, *Демидъ*, равно как *меду* (многократно), *ко Цертоу* 4, *свекре* 580, *сотесывае*те Тверь. 5.

Прорись грамоты № 973

Геона — обычное древнерусское название геены (с таким же переходом *e* в *o* в начале слога, как в *Ольга*, *Олена* и т. п.). Часто встречается устойчивое сочетание *геоньскъ огонь* (или с обратным порядком слов). Притяжательное прилагательное *геонь* прямо не засвидетельствовано, но в пользу его реальности говорит то, что существует притяжательное прилагательное *адовъ* от близкого по значению слова *адъ* (и ад, и геенна в старых текстах часто персонифицируются).

Какова могла быть функция грамоты *геонегоне*? Об этом можно только строить предположения. Но это явно не простой текст, а запись магического характера, род «малого заговора», заклятия. Скорее всего это заклятие во вред некоему врагу. Нестандартный способ написания (в данном случае «сращенная» запись двух слов) мог быть в таких случаях одним из приемов, увеличивающих магическую силу написанного.

Заклятие такого рода встретилось среди берестяных грамот впервые.

[2010]

Грамота № 974

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 5 (глубина 0,90–1,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это части трех строк документа:

...[а]::уовъринасъсричичанамолодогъ
куона
 уовоигости.ъ.ръзно::уо[б]а[бь]^- [кно]----он...
 [у]онаст[ь].ъ.кно.нь...

В слове *с(е)стричича* пропущена буква *т*, но, возможно, потом вписана над строкой (из-за обрыва это не удастся надежно установить). Между 1-й и 2-й строкой вписано (более мелкими буквами) слово *куона*.

Длина 26,8 см, ширина 3,3 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

С грамоты № 974 в археологическом сезоне 2010 года началась большая серия берестяных документов с усадьбы Ж Троицкого раскопа, принадлежащих к блоку Якима (см. № 922). Разбор общих особенностей этого блока дан ниже при № 1042.

В грамоте представлены, в частности, такие характерные особенности данного блока, как запись [у] в виде *уо* и уникальное начертание буквы *ч*, описанное выше при № 923.

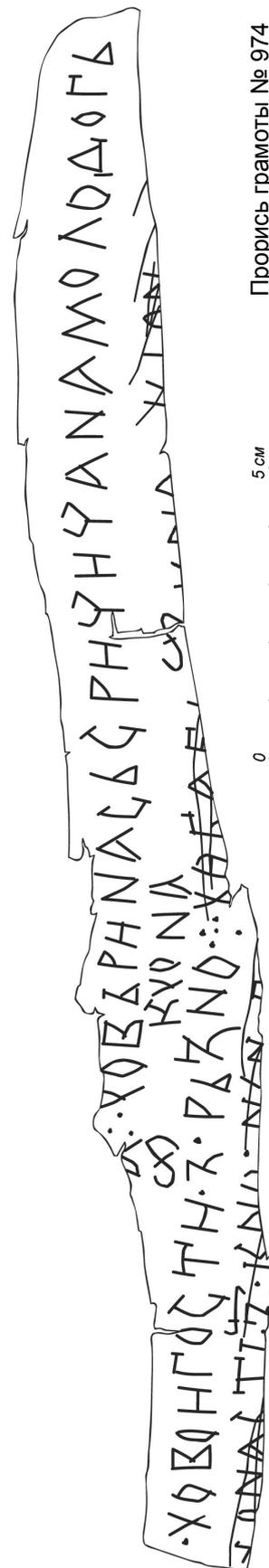
Текст делится на слова так:

(Уо) -----а уо Вьрина със(т)ричича на молодогъ куона. Уо Воигости 7 рьз(а)но. Уо бабь - к(уо)но ... Уо Насть 7 к(уо)но. Нь ...

Перевод: '[У того-то], Верина племянника, за солод куна. У Войгостя 7 резан. У бабки (или: у человека по прозвищу Баба) [столько-то] кун ... У Насты 7 кун ...'

Отметим форму Р. ед. *i*-склонения *уо Воигости*.

Молодогъ — 'солод'; слово известно из берестяных грамот № 689, 847 и 863 (см. ДНД₂: 287).

Прорись грамоты № 974

0 5 см

Имя *Воугость* (известное из новгородской летописи) и усеченное *Наста* (гипокористическое к *Настасий* или *Настасья*) встретились в берестяных грамотах впервые. Притяжательное *Вѣринь* явно образовано от имени (очевидно, женского) *Вѣра*, которое никогда прежде не встречалось в столь раннем документе.

Грамота № 975

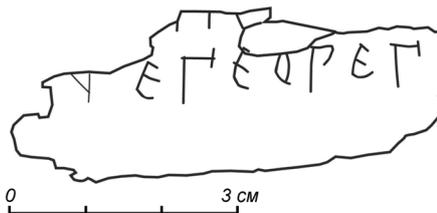
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 5 (глубина 0,90–1,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это маленький фрагмент срединной части документа:

...егеорег...

Длина 5,3 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в. (предпочтительно вторая половина этого интервала).

В тексте читается имя **Георег(и)**.

Прорись грамоты № 975

Грамота № 976

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 5 (глубина 0,98 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это части трех строк документа:

-----[о]СМЪНАДЪСАТЬГРИВНОБЪЗОСМИ
 КУОНО:·АЛЪКШИН[о]...
 +ауо...

Длина 25,5 см, ширина 1,7 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

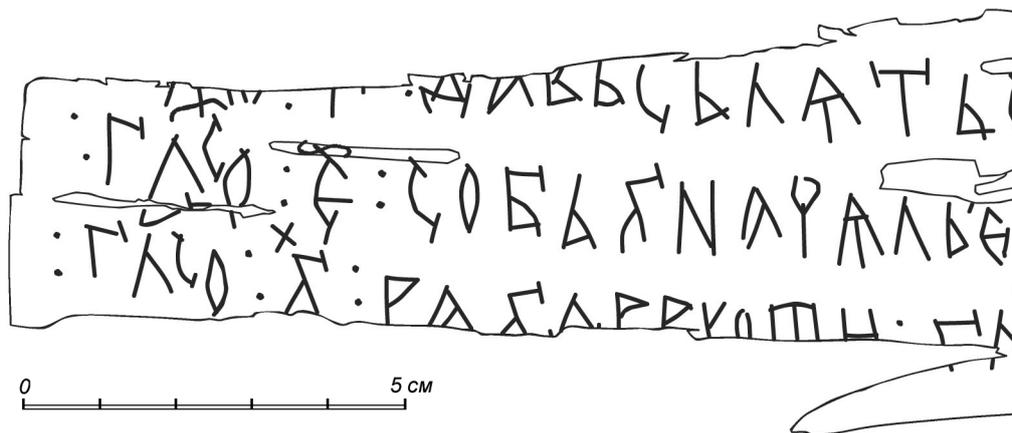
Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

... **осмь на дьсать гривно бьз осми куоно. А Лькшино ... | + А уо ...**

Перевод: ‘... восемнадцать гривен без восьми кун. А Олекшино ... А у [такого-то столько-то]’.

Отметим утрату начального *о* в *а лькшино* (вместо *а олькшино*).

Грамота № 977

Найдена на Троицком раскопе в напластованиях усадьбы Ж в виде четырех фрагментов: а) в квадрате 1812, на уровне пласта 5 (глубина 0,82 м); б) и в) в квадрате 1815, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м); г) в квадрате 1819, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м). После соединения фрагментов до полного документа из четырех строк недостает только начала и конца 1-й строки и конца 2-й строки.

.....:ГЛ̄СО:В̄:[ЄГ]Д[А].....
 -[Л̄СО:Г̄:]ДАВЬСЛАТЬСАЊБ:Г[Л̄СО]:[Д̄:].....
 :ГЛ̄СО:Є:СОБЪЗНАЧАЛЬО:ГЛ̄СО:Ѕ:АНГЛСКЫАСИЛЫ:
 :ГЛ̄СО:З:РАЗДРРУОШИ:ГЛ̄СО:ГЛ̄СО:Й:СОВЪШНХОСНОНИ

Длина 29,7 см, ширина 5,5 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

..... Гл(а)со 2: егда [Г]л(а)со 3: да вьслатьса ѡб. Гл(а)со 4: :
 Гл(а)со 5: собъзначаль о. Гл(а)со 6: анг(е)лскыя силы. Гл(а)со 7: раздр{р}уоши. Гл(а)со {гл(а)со} 8: со
 вышн(и)хо с{но}ни.

Это записка на память попу или певчему — о порядке гласов в тропаре на «Бог Господь». От каждого гласа указано одно-два начальных слова.

Вот начальные фразы гласов этого тропаря в современном издании (подчеркнуто то, что соответствует отрезкам, читаемым в грамоте № 977):

Глас 1. Камени запечатану от иудей и воином стрегущим...

Глас 2. Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный...

Глас 3. Да веселятся небесная, да радуются земная...

Глас 4. Светлую воскресения проповедь от Ангела уведевша...

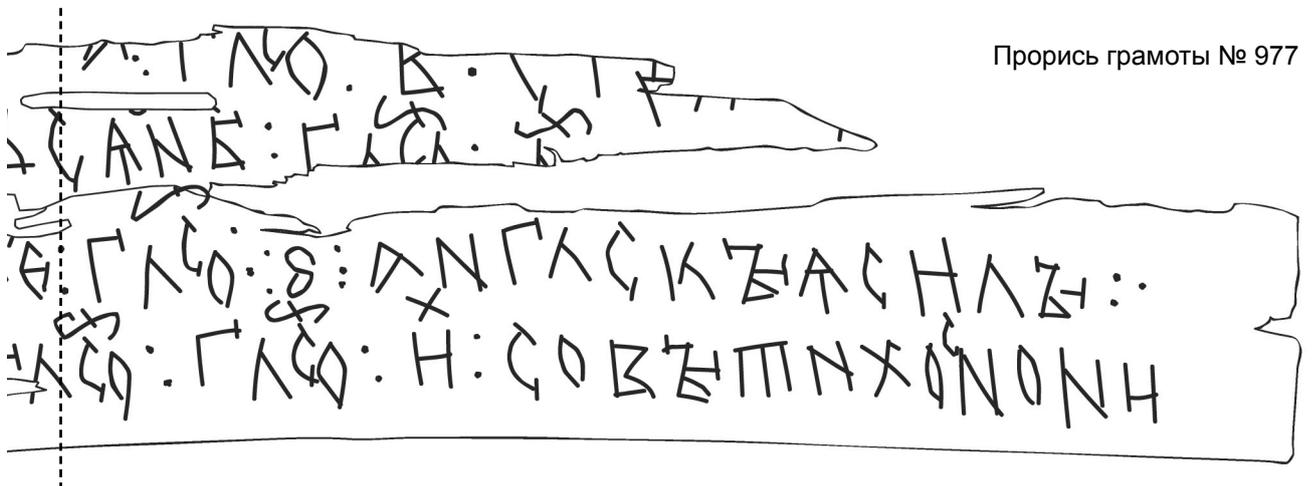
Глас 5. Собезначальное Слово Отцу и Духови, от Девы рождшееся...

Глас 6. Ангельския Силы на гробе Твоем, и стрегущии омертвеша...

Глас 7. Разрушил еси Крестом Твоим смерть...

Глас 8. С высоты снизшел еси, Благоутробне...

Текст записан с характерными сокращениями (ГЛ̄СО) и опущением части букв (англскыа, вышнхо) или всей конечной части слова (ѡб, собъзначаль, снони). Иногда писавший по ошибке повторял слово или букву (ГЛ̄СО ГЛ̄СО, раздрруоши); сходный эффект в снони вместо сни (от снисшелъ). Отдельная буква о после собъзначаль, возможно, представляет собой начало слова отцу.

Прорись грамоты № 977

Грамота № 978

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1808, на уровне пласта 5 (глубина 0,99 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это части двух строк лицевой стороны документа и часть строки на обороте:

-[орож]иньжичьплотрътиадьсал[к]то
ап·з·врѣзнь·----[о]го·ѣ...

Оборот

уождана розм...

Прорись грамоты № 978

Длина 16,3 см, ширина 1,7 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

(У)о Рожиньжичь п(о)ло трѣтиа дьса л(о)к(о)то, а п(о) 7 в рѣз(а)нь ----ого ...

Оборот: **Уо Ждана розм(ъ)ра ...**

Перевод: ‘(У) Рожинежичей (?) двадцать пять локтей, по 7 в резане...’. На обороте: ‘У Ждана размера ...’.

Вместо предлога *по* Яким написал, в соответствии со своей манерой, просто *n* (отметим такой же пример в грамоте № 810: *n сорокоу*).

Отметим отсутствие конечного *-ть* в *дьса* (см. ДНД₂, § 2.42); то же явление представлено в слове *дьва* в грамоте Якима № 621.

Патроним *Рожин(ѣ)жичь* вычленяется из текста грамоты лишь предположительно: могла быть и более длинная форма на *-орожин(ѣ)жичь*. Предполагаемое исходное имя *Рожинѣзь* могло быть вариантом имени *Рожьнѣзь* (ср. имя *Рожнѣга* в новоторжской грамоте № 18).

Измерение в локтях показывает, что речь шла о какой-то ткани, ср. № 992.

Розмѣра (или *розмѣръ*) — мера сыпучих тел, в особенности соли (ср. ниже грамоту Ст. Р. 41).

Грамота № 979

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1809, на уровне пласта 5 (глубина 0,80–1,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это начало первой строки письма:

+Ѡакмако^млославьпосолинаож...

Длина 16,6 см, ширина 11,3 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042). В этой грамоте в данном блоке впервые появляется имя автора. Хотя нельзя гарантировать, что от лица Якима не писал кто-то другой, всё же самым вероятным является предположение, что он сам и писал все эти грамоты.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: + Ѡ Ак(и)ма ко М(и)лославъ. Посоли на ож...

Перевод: 'От Якима к Милославе. Пошли ...'.

Особенность индивидуальной манеры Якима, которая проявилась во многих его грамотах, — склонность к пропуску гласных на письме. Так, он написал *Акма* вместо *Акима* и *Млославъ* вместо *Милославъ*. Возможно, эта манера развилась у него в связи с тем, что он постоянно имел дело с церковными текстами, а в них встречается много сокращений, построенных с пропуском гласных (ср. хотя бы *глсо* вместо *гласъ* или *нб* вместо *небеснаа* в № 977). Вероятно, оказали влияние также и распространенные сокращения в наименованиях денежных единиц и мер, весьма характерные для берестяных грамот (например, *грвна* вместо *гривьна*, *кна* вместо *коуна*, *рзна* или *рзна* вместо *рѣзана*, *лкто* вместо *локѣть*, также *пло* вместо *поло*, *поль*).

Женское имя *Милослава* встретилось в берестяных грамотах впервые.

Грамота № 980

Грамота соединилась с № 1029 (см. ниже).

Грамота № 981

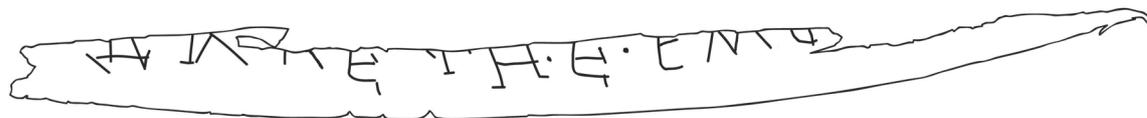
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент срединной части документа:

...да[л]ѣти•ѣ•[ѣ]м[о]...

Длина 15,1 см, ширина 11 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: ...дале **ти 5 емо(у)**... '... дал (вероятно: продал) ведь 5 ему ...'.

Прорись грамоты № 981

Грамота № 982

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 6 (глубина 1,02 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целый документ из одной строки:

+АСЬНАКЛОБУОКЪКНА

Длина 11,2 см, ширина 2,2 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042). Она продолжает ряд однотипных записок, начатый грамотой № 927 (см. выше).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: + А сь на клобуокъ к(у)на ‘А вот за клобук куна’.

Прорись грамоты № 982

Грамота № 983

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1815, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это части трех последних строк документа:

Δ^[X]ЛЪБЪМОИ|АМЪДУО...

ДИНОПЛО:Ѕ:·АВОХМОПЛО:Є:ПТАПУОДУОИБРКОВЬСЬКМОЕГО:Ѓ:...

[ПΛ](О)-----[Ь]СКА

В слове *брковьскъ* буква *ь* после *в* по ошибке перевернута и выглядит как *р*. В конце 2-й строки зачеркнуто *Ѓ* и следующие несколько букв (возможно, это было *брквьск*). В нижней строке зачеркнуто *пл*.

Грамота была разграфлена ломаными линиями на разделы.

Длина 41,9 см, ширина 3,3 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: ... А хльбъ мой (конец раздела). А мьдуо ... После разрыва: ...дино п(о)ло б. А вох(ь)мо п(о)ло 5 п(Λ)та пуодоу и брковьскъ моего. 10 ... п(о)л(о) (-) (брьковьска.

Перевод: ‘... а хлеб мой. А меду...’ После разрыва: ‘... пять с половиной. А всем четыре с половиной пуда и берковец моего [меда?]’. Далее упомянуто 10 каких-то единиц и полберковца.

Можно предполагать, что грамота имела отношение к подготовке некоего общинного пира. К сожалению, текст слишком фрагментарен. Вероятно, Яким здесь выступил лишь в роли писца, а не автора.

Характерный для Якима пропуск гласных проявился в *вохмо* ‘всем’ вместо *вохьмо*, *пта* вместо *пата* и, вероятно, также в *брковьскъ* вместо *брьковьскъ* (ср. правильное *брьковьскъ* в грамоте Якима № 998). В записи *пло 5 пта* (= *поль пата*) слово *пата* продублировано: записано и цифрой, и словесно.

Грамота № 984

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1815, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это начало одной из срединных строк документа и фрагмент следующей строки:

...н[ѣ]пакыли]не[исп]равиш[и]...

---[въз]а[леоу]...

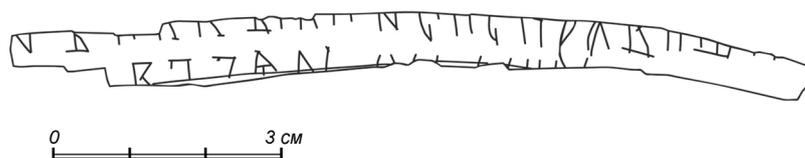
Длина 10,5 см, ширина 0,8 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

...нь. Паки ли не исправиши ...

‘если же не исполнишь...’. После разрыва: **... възале оу ...**

Прорись грамоты № 984

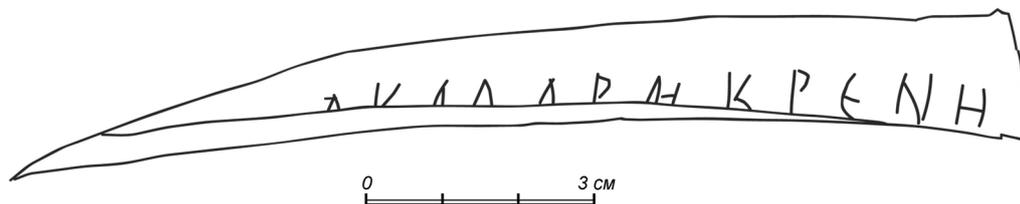
Грамота № 985

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1815, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это конец одной строки письма (возможно, последней):

...[а]к[ола]рюкрени

Длина 13,4 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Прорись грамоты № 985

Внестратиграфическая оценка: не позднее конца XII в.

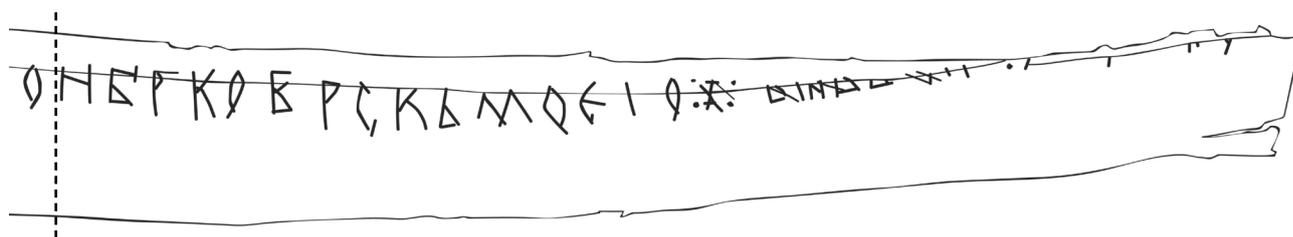
Текст делится на слова так: **...а ко ларю крени.**

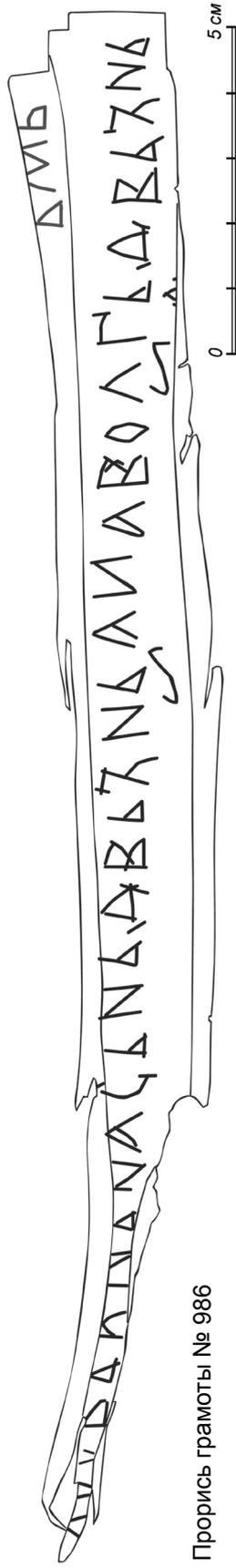
Перевод: ‘... купи для ларя (т. е. для того, чтобы вложить в ларь)’.

Здесь ценно слово *крени* ‘купи’ — от древнейшего глагола *крити* ‘купить’, который бытует в древнерусском языке лишь примерно до конца XII века (см. о нем НГБ-VIII: 174–175).

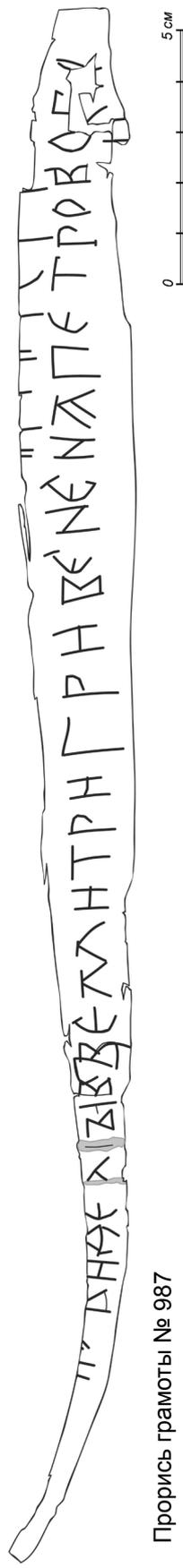
Интересно также слово *ларь*; но оно, к сожалению, читается не вполне надежно.

Прорись грамоты № 983

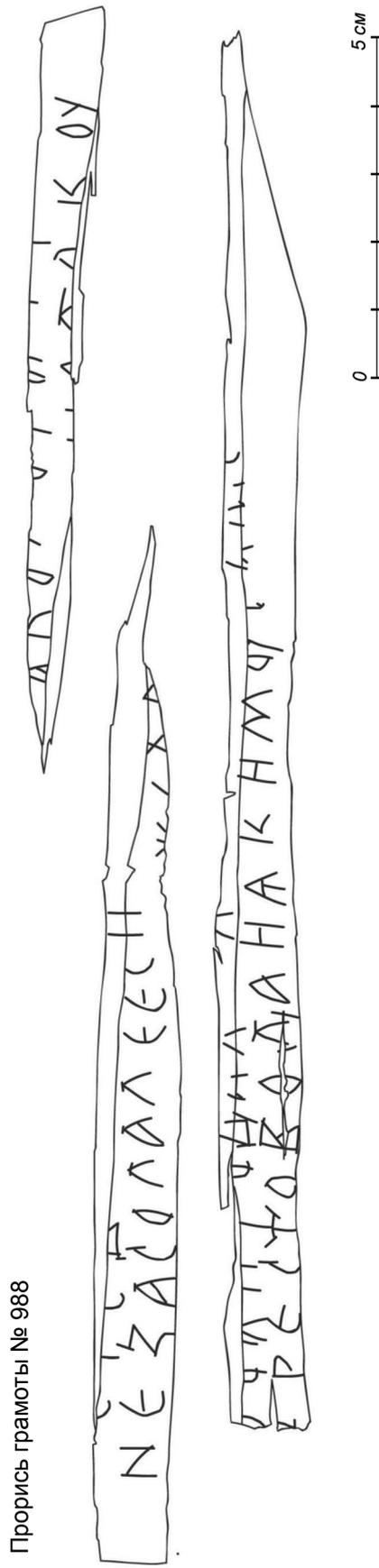

Прорись грамоты № 986

Прорись грамоты № 987

Прорись грамоты № 988

Грамота № 986

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1815, на уровне пласта 6 (глубина 1,18 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это конец одной строки документа (и 3 буквы: *ьмь* — из предыдущей строки):

...[ь,двѣк]нѣнасьнѣдвѣзньанаволгьдвѣзнь

Длина 23,7 см, ширина 2,5 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: ...**ь двѣ к(у)нѣ, на сьнѣ двѣ (рѣ)з(а)нѣ, а на вол(о)гь двѣ (рѣ)з(а)нѣ.**

Перевод: '[за] ... две куны; за сено две резаны; а за масло (сметану и т. п.) две резаны'.

Отметим уникальное сокращение *знь* для формы *рѣзань* (= *рѣзанѣ*).

Грамота № 987

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1812, на уровне пласта 6 (глубина 1,04 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это срединная строка документа (возможно, без нескольких букв в начале):

-[ав]идѣа-ъвъзѣмитригивенеѣнапетрово[го]

В слове *възѣми* буква *з* была пропущена и втиснута потом, причем ее хвост наложился на кузов от *ъ*.

Длина 31 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: 1140-е – 1280-е гг., предпочтительно до 1240-х.

Текст делится на слова так: ... **(на) Завиде. А (ты) възѣми три гивене на Петрово го...**

Перевод: '... на Завиде. А ты возьми три гривны на Петрово говенье...'

Грамота № 988

Это три разрозненных маленьких фрагмента, найденных на Троицком раскопе, в квадрате 1812, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж:

...а[л]о-[отай]-...
-[ѣрѣд]... ...-[ол]окоу
нѣ[:]засолалееси ...
... ж[ѣ]--...
...-оапро[дал]...
...ѣрестоводаиакимоусам[ѣ] (...)

Фрагменты размером 11,3×0,9 см, 15,6×1,2 см, 21,1×1,2 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не позднее 1210-х гг.

Можно выделить лишь три поддающихся интерпретации отрезка:

... **(п)оло коу|не. Засолале еси** ... '... полкуны. Ты заслал (послал) ...'

...-**о а продал(е)** ... '... а [если ты] продал ...'

... **(б)ересто водаи Акимоу самѣ** 'берестяную грамоту отдай Якиму сам'.

Яким, которому должна быть отдана берестяная грамота, — явно тот же, что автор большого блока грамот, обсуждаемого ниже при № 1042.

Грамота № 989

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1808, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это первая и часть второй строки письма.

+Ѡакимако^нжьиль^ико^мило^славъ^тоти^есмо^гаври
(ль)-----п[ло]тръ^ти^егрив^нь^амило^славъ

Длина 27,8 см, ширина 2,2 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 1042). Здесь второй раз появляется имя автора, причем, как и № 979, это письмо к некоей Милославе (в данном случае названной вместе с Нежилой).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

Ѡ Акима ко Нъжилъ и ко Милославъ. То ти есмо Гаври(ль) ... п(о)ло трътие гривнь, а Милославъ ...

Перевод: ‘От Якима к Нежиле и к Милославе. Вот я Гавриле ... (вероятно: отдал, заплатил или послал) две с половиной гривны, а Милославе ...’.

Гаврила — вероятно, тот же, который упомянут в грамоте № 935 в одном списке с Якимом и Гречином.

Нъжила — вариант *a*-склонения к имени *Нъжилъ*, уже несколько раз встречавшемуся в берестяных грамотах.

Прорись грамоты № 989

Грамота № 990

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1808, на уровне пласта 7 (глубина 1,20–1,40 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это средние части трех строк документа:

...цитъ^тиша^ост...
...оуди^знь[о]мъ-...
...:м:грив^нь^а:-[а]...

Длина 8,4 см, ширина 3,5 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в. (предпочтительно первая половина этого интервала).

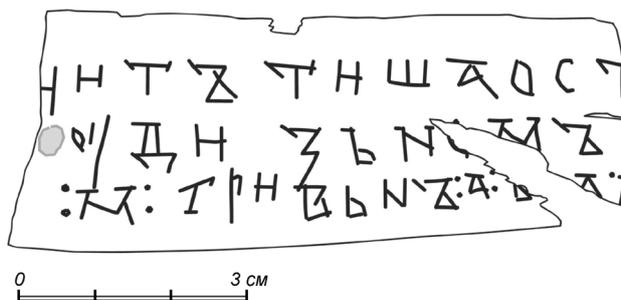
Внестратиграфическая оценка: вторая половина XII в.

Текст делится на слова так (связать строки друг с другом не удается):

...цить Тиша ост... -оудизньномъ ... 40 гривнь 1 -[а]...

Грамота содержит не встречавшиеся ранее имена *Тиша* (гипокористическое от какого-то имени с начальным *Тихо-* или от христианского имени *Тихонъ*) и *Чудизнь* или *Будизнь* (сходное по строению с именем *Нъжизнь* в грамоте № 863, с тем же суффиксом *-нъ*, что в прилагательных *болъзнь*, *любъзнь*).

Буква *ь* в *-оудизнь[о]мъ* — очевидно, уже просто знак мягкости. Чем вызвана эта мягкость, неясно. Не исключено, в частности, что в тексте стояло *-оудизнь[е]мъ* (форма притяжательного прилагательного).

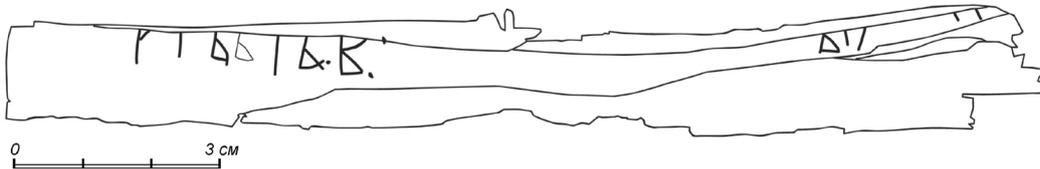
Прорись грамоты № 990

Грамота № 991

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1808, на уровне пласта 7 (глубина 1,25 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это маленький фрагмент:

...р-ь--ь:в:...

Длина 15,2 см, ширина 1,6 см.

Прорись грамоты № 991

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.
(предпочтительно первая половина этого интервала).

Как перед первым, так и перед вторым ь стояло либо *т*, либо *ч*.

Ясна цифра 2, но предшествующий отрезок удовлетворительной интерпретации не имеет.

Грамота № 992

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1803, на уровне пласта 7 (глубина 1,29 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это левая часть двух срединных строк документа.

[+][а][ау]опопана[гр]оД[и]...

+ана:ѣ:актоначрмигрвна:анахартиахо[г]...

Длина 26,4 см, ширина 1,9 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

А а у о по па на Гроди... А на 5 л(о)к(о)то на чрми гр(и)вна. А на хартиахо г...

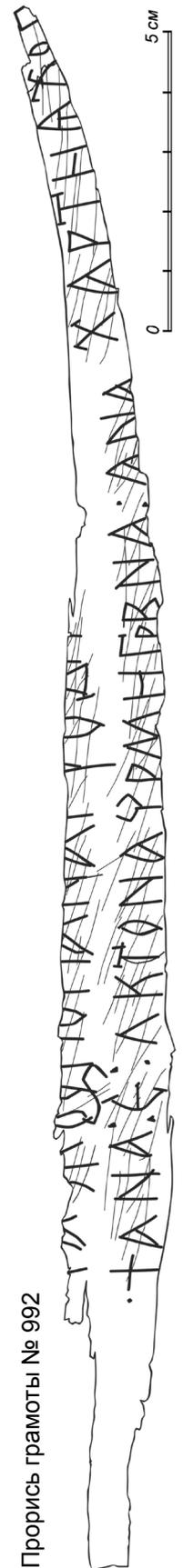
Перевод: ‘... А я у по па на Городище (?) ... А за 5 локтей червленицы гривна. А за пергамен (вероятно: гривна) ...’

Весь текст плотно зачеркнут частыми тонкими косыми чертами. Очевидно, это означает, что соответствующие выплаты уже произведены.

Написание *на чрми* (вместо *на чьрми*), вообще говоря, может быть проявлением характерной для Якима склонности к пропуску гласных; но пример *млви* 954 показывает, что это может быть и особый тип рефлекса прежнего **ТьrT*. Аналогичным образом *на Гроди...*, если это действительно вместо *на Городи(ц)ѣ*, должно трактоваться либо как пропуск гласной, либо как особый тип рефлекса прежнего **TorT*.

Неизвестное ранее слово *чермь* (из *чьрмь*), судя по контексту, — то же, что уже встретившееся ранее в грамоте № 713 слово *чермень* (из *чьрмень*) ‘красная («червленая») ткань’ (см. о нем ДНД₂: 427). Разница лишь в том, что вариант *чермень* произведен от основы слова *чьрм-ьн-ьи* ‘красный, червленый’, а вариант *чермь* — непосредственно от его корня (ср. *муть* при *мутънии*, *вьсь* при *высокъи*, *близь* при *близькъи* и т. п.). Параллелизм *чермень* и *чермь* (от *чьрменьи*) — такой же, как, например, в *темень* и *теьмь* (от *тъменьи*).

Харътиа (и *хартиа*) — обычное древнерусское название пергамена.

Прорись грамоты № 992

Грамота № 993

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1811, на уровне пласта 7 (глубина 1,28 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это правая часть одной из срединных строк документа:

...[т]юаратешѣ:ѣи

Длина 10,8 см, ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в. (предпочтительно первая половина этого интервала).

Внестратиграфическая оценка: 40-е – 90-е гг. XII в.

Текст делится на слова так: **...тою, а Ратеше 80 и ...**

Имя *Ратьша* (гипокористическое от *Ратьмиръ*, *Ратьславъ*, *Ратиборъ* и т. п.) встречается в берестяных грамотах неоднократно. Не исключено тождество с тем Ратьшей, который фигурирует в грамоте № 665 (середина 50-х – середина 90-х гг. XII в.), найденной на близлежащей усадьбе З.

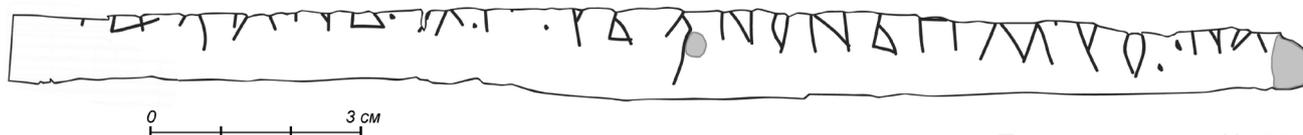

Прорись грамоты № 993

Грамота № 994

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1811, на уровне пласта 7 (глубина 1,32 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это начало одной из строк документа:

[рѣз]ан[ь]:а:[г]:рѣзнонѣимуо:•на

Прорись грамоты № 994

Длина 18,4 см, ширина 1,3 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

В предварительной публикации для среднего отрезка был дан перевод: ‘... 11 резан не беру’. Но от интерпретации двух букв перед *рѣзно* (= *рѣзанъ*) как записи числа ‘11’ надлежит отказаться: в словосочетании ‘одиннадцать резан’ в эту эпоху существительное еще не ставилось в Р. мн. В данном случае в Р. падеже, которого требует наличие во фразе отрицания, было бы *одиной на десате рѣзанѣ* (или *-ны*).

Существенно также то, что расстояние между сохранившейся частью вертикального штриха (после *а*.) и точкой (перед *рѣзно*) слишком велико для цифры ‘10’. Подходит только цифра *г* ‘3’. Соответственно, *а* перед этой цифрой может быть только союзом, но не цифрой.

Получаем чтение: **... рѣзань, а 3 рѣзно нѣ имуо. На ...** Перевод: ‘... резаны, а трех резан не возьму (или: не возьмут)’. В пользу того, что *имуо* может быть не только 1 ед., но и 3 мн., говорит отсутствие у Якима презенсов 3-го лица с *-ть*: отмечены только презенсы *возьмь* 1023 (2х) и *знае* 1033.

Возможно, в грамоте говорилось, что автору (или каким-то лицам) предстоит взять с Х-а только две резаны, а три автор не возьмет (или: они не возьмут). Или, напротив, предстоит взять четыре резаны (или, скажем, 12 резан), а три (то есть меньше положенного) автор брать не согласен (или: они не согласны).

Грамота № 995

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1819, на уровне пласта 7 (глубина 1,30 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целый документ из двух строк:

+АСЬНАМСЛЬ:Ъ:

КНО

Длина 8 см, ширина 2 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: + А сь на м(а)сль б к(у)но ‘А вот за масло (древяное) б кун’.

Пропуск гласной в слове м(а)сль — проявление характерной для Якима манеры письма (см. № 979).

Прорись грамоты № 995

Грамота № 996

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1806, на уровне пласта 7 (глубина 1,25 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целый документ из одной строки:

АНАВЧИНКЪКНА

Длина 12 см, ширина 1,8 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: А на вчинкъ к(у)на ‘А за овчинку куна’. Отметим утрату начального о после проклитики на в на вчинкъ (см. ДНД₂, § 2.32).

Прорись грамоты № 996

Грамота № 997

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1819, на уровне пласта 7 (глубина 1,32 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целое письмо из трех строк на лицевой стороне и трех строк на обороте, у которого, однако, левая часть с обеих сторон чрезвычайно сильно истерта и читается ненадежно, а местами не читается вообще (неразличимые невооруженным глазом буквы в левой части оборота на прориси не отражены).

Прорись грамоты № 997

(ѠN)[Ѣ]го[жир]акътѣшеноу:моаже
 [ребе]цаневиноватаникомоуж
 [е]апродалеесем[Ѣ]лоукѣ

Оборот

[да]-----ем[и]:ж[тѣ]шенегриве
 [н]оу[ж](и)[зн]омироу:тѣшеноужра
 -----[тѣ]шеноу:[Ѣ]:коун[Ѣ]

Длина 19,1 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в. (предпочтительно начало этого интервала).

Грамотой № 997 открывается новый большой комплекс грамот с усадьбы Ж, написанных одним почерком: № 997, 1004, 1006, 1012 и 1045, а также лицевая сторона грамоты № 1005. Этот комплекс ниже обозначается как «блок писца А». Обратная сторона грамоты № 1005 написана другим почерком — тем же, что грамота № 1009. Этот второй блок (№ 1009 + оборот № 1005) ниже обозначается как «блок писца Б». Из того, что одна грамота написана писцами А и Б совместно, ясно, что эти блоки принадлежат к одному и тому же периоду времени. Как мы увидим ниже, вполне вероятно, что писцы А и Б были братьями.

Характеристика этих двух блоков в целом (в частности, их хронологическая оценка) дана ниже при грамоте № 1045 — последней из входящих в эти два блока.

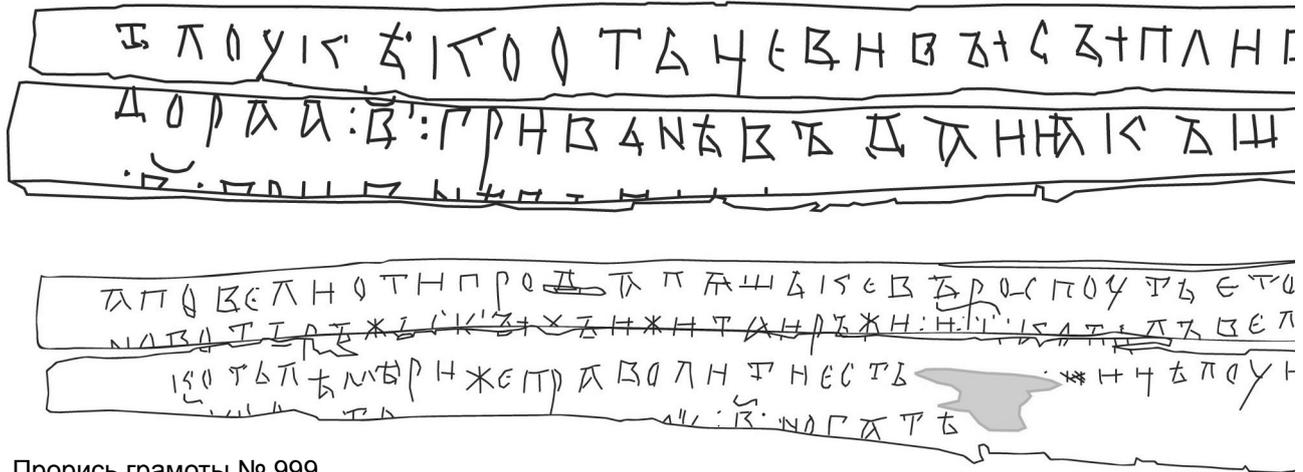
Текст грамоты № 997 делится на слова так:

(Ѡ) Нѣгожира къ Тѣшеноу. Моа жеребеца не виновата никомоу же. А продале есемъ Лоукѣ.

Оборот: **Да (-) (въз)еми ж Тѣшена гривеноу Ж(и)зномироу. Тѣшеноу ж Ра... {Тѣшеноу} 2 коунѣ.**

Для полустертого слова на границе первой и второй строк не видно другого решения, кроме чтения *же*[ребе]ца. Во фразе *моа жеребеца не виновата никомоу же* слово *виновата* выступает в не отраженном словарями значении ‘обременены долгом’, ‘подлежат отдаче или выкупу за некий долг’. Такое значение ясно выступает в ГВНП, № 257 (XV в.) во фразе *У дяди моего Исака сѣдло мое, а у Перьхурья у дяди моего корова, а то не виновато ничимъ*. Ср. также в ГВНП, № 110 (XV в.): *а купные грамоты той землѣ у Семена вси, а не виноваты Семену ничимъ же*.

Перевод лицевой стороны: ‘От Негожира к Тешену. Мои два жеребца свободны от всякого долга (то есть я за них никому ничего не остался должен). А продал я (*подразумевается*: их) Луке’.

Прорись грамоты № 999

Текст делится на слова так:

Ѡ Лоукѣ ко отьцеви. Высыпли врьшь оу Тоудора, а 2 гривнѣ въдаи Якъшѣ — оу Тоудоровѣи 2 гривнѣ възми.

Оборот: **А** повели, оти прода Лашьке въ распоутѣ, Тоудорове Лашьке. Новотържьскихъ и жита и ржи 18 котель великихъ, а пшеницѣ 13 котель. Мѣри же, право ли ти есть. И цѣлоу тѣ. **А** наимитоу въданооу 2 ногатѣ.

Перевод: ‘От Луки к отцу. Ссыпь зерно у Тудора (т. е. на его усадьбе), а две гривны отдай Якше — возьми две гривны у Тудоровой жены (или вдовы). Да прикажи, чтобы Ляшко продал в распутицу, Тудоров Ляшко. Новоторжских жита и ржи 18 больших котлов, а пшеницы 13 котлов. Измерь же, правильно ли [всѣ]. И приветствую тебя. А работнику дано ... [столько-то и такому-то] 2 ногаты’.

Вопрос о том, к чему здесь относится эпитет *новотържьскихъ* — к *и жита и ржи* или к *котель великихъ*, — решается неоднозначно. В первом случае перед нами просто указание, что зерно прибыло из Торжка; во втором речь идет о мере «новоторжский большой котел» (о которой других сведений в источниках нет). О принципиальной возможности второй версии свидетельствует, в частности, фраза из ГВНП, № 115: *Давати имь усны в житницию 30 короби ржи, 30 овса, в правую мѣру в новогороцкую.*

То, что Новгород постоянно снабжался привозным зерном из Торжка, хорошо известно из летописи.

Якша — явно тот же, что в целой серии грамот того же времени с усадьбы Е. Как убедительно показал А. А. Гиппиус (2003а: 18–31; 2004б: 164–168), за этим гипокористическим именем стоит не кто иной, как знаменитый новгородский посадник XII века Якун Мирославич. Две гривны, которые предстоит отдать Якше (как можно полагать, в связи с данным привозом зерна), возможно, представляют собой какую-то форму налога.

Грамота могла быть сопроводительным письмом при партии зерна, доставленной из Торжка.

Указание продать зерно во время распутицы, конечно, определяется тем, что в это время цены на зерно возрастают.

Из грамоты видно, что зерно могли мерить котлами; ранее этот факт не был известен.

Указание получателю товара измерить, заполнены ли сосуды до правильного уровня, — такое же, как в грамоте XIV века № 39 из Старой Руссы, где речь идет о том, чтобы проверить в бочках уровень доставленного вина.

Текст написан на чистом древненовгородском диалекте: здесь представлены И. ед. муж. *Лашьке*, *Тоудорове*, Д. ед. *ко отьцеви*, Р. ед. *а*-склонения *Ѡ Лоукѣ*, Д. ед. *Якъшѣ*. Особый интерес с этой точки зрения представляет не встречавшаяся ранее форма 3 ед. презенса с нулевым окончанием в соответствии с наддиалектным *-сть*: *оти прода*.

Имя *Тудорь* характерно в основном для XI–XII веков; позднее его вытесняет вариант *Федорь*; см. об этом ДНД₂: 246.

Имена *Лахь*, *Лашько* встречаются в древнерусских источниках неоднократно (см. Тупиков: 294). Имя *Лашько* носил, в частности, один из убийц князя Бориса. Имя *Лахь* встретилось в берестяных грамотах № 615 и 1033. При этом *Лахь*, фигурирующий в грамоте № 1033, судя по времени и месту, в принципе может быть и тем же самым лицом, что *Тоуродореве Лашьке*.

Грамота № 1000

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1812, на уровне пласта 8 (глубина 1,44 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целое письмо из двух строк:

Ўкъсаіѡжироцькакътвърдатеікъіваноу
стоватиесве

После *жироцька* буквы *къ т* написаны (с усиленным нажимом) поверх слабо видимого *сторов*, т. е. автор вначале забыл назвать адресатов; тогда он затер верхний слой бересты с буквами *сторов*. А в основном тексте грамоты в том же слове *сторова* автор пропустил слог *ро*.

Длина 22,9 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: середина XII – первая четверть XIII в., предпочтительно не позднее конца XII в.

Текст делится на слова так:

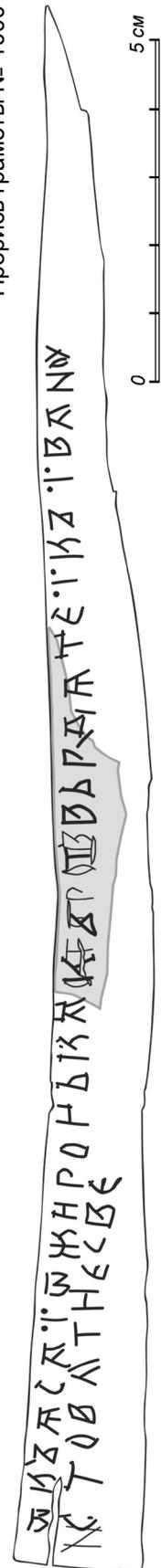
ѡ Къса і ѡ Жироцька къ Твърдате і къ Іваноу. Сто(ро)ва ти есве.

Перевод: ‘От Кыаса и Жирочка Твердате и Ивану. У нас (двоих) всё в порядке’.

Жирочко, возможно, тождествен Жирочку из № 954 и/или Жирочке из № 851. Кандидатами на тождество с Жирочком в принципе могут быть и некоторые другие персонажи Людина конца этой эпохи с именами на *Жир-*; см. об этом при № 954.

Твердята, вероятно, тождествен одноименному персонажу грамоты № 672 2-й половины XII века, найденной на усадьбе И.

Прорись грамоты № 1000

Прорись грамоты № 1001

Иван в принципе может быть тождествен Иванну, одному из двух авторов грамоты № 1009.

Большой интерес представляет имя *Кыась*. За написанием *Къась* (с ъ) явно стоит форма с *кы-* — либо просто в силу передачи *ы* через *ь*, либо в силу нейтрализации противопоставления [ы] и [ь] перед [j].

Это имя встретилось также в настенной надписи в смоленском Соборе на Протоке: *Хоронь[к]о Кыасови(чь)* (Гиппиус, Михеев 2014).

Возможны две версии происхождения этого имени.

Первая состоит в том, что это имя принадлежит человеку (вероятно, купцу) восточного происхождения: арабское *qiyās* ‘сопоставление’, ‘образец, мера, норма’ широко используется в качестве личного имени у многих народов восточного мира, в частности, тюркских; ср., например. турецкое имя *Kiyas*, туркменское, киргизское (и др.) имя *Кыяс*, город *Киясово* в Удмуртии.

Вторая версия — собственно славянское происхождение этого имени. В НПК (I: 423) отмечена деревня *Киясова гора*. В работе Васильев 2005 (с. 209) восстанавливаемое на основе этого топонима исходное имя *Кыась* объясняется как производное от **кужь* ‘палка’. Но это объяснение сталкивается с той трудностью, что отыменной суффикс *-ас-* в славянском словообразовании почти отсутствует. Приводимое В. Л. Васильевым в качестве аналога древнепольское имя *Kijasza* содержит другой, совершенно обычный суффикс — *-(а)шк-а*. В целом эта вторая версия представляется менее вероятной.

Грамота № 1001

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1813, на уровне пласта 8 (глубина 1,45 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это последние две строки письма:

АСЕМОКЕ АЛА ПО СЛЕДЕНЕЖАЛОУГА ОЖЕ ВА
ПРОДАЖЕНИКЕ ПОДЕ

Длина 25,6 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно не ранее 20-х гг.

Текст делится на слова так:

...а Семоке. Ала после не жалоуга, оже ва продаженике поде.

Отрезок *семоке* из-за отсутствия предшествующего контекста интерпретируется неоднозначно. Но с учетом того, что в грамоте № 1026 (60-е – середина 90-х гг. XII в.), найденной на той же усадьбе Ж, выступает персонаж по имени *Съмька*, безусловно предпочтительной оказывается интерпретация этого отрезка как того же самого имени. Вероятно, в грамоте стояло *(н)а Семоке*.

Очень выразительна и ценна заключительная фраза: ‘А иначе вы (двое) потом не жалуйтесь, если к вам явится продажник (т. е. судебный исполнитель, взимающий штрафы)’.

Представляют интерес формы двойственного числа (*не жалоуга* и *ва*) и редкий союз *ала* ‘или же’, ‘а иначе’ (встретившийся также в грамоте № 890).

Но особенно ценен неизвестный доньше древнерусский термин *продажьникъ*. Он несомненно является прямым аналогом известного из Русской Правды термина *вирьникъ* ‘судебный исполнитель, взимающий виры’. Поскольку в целом ряде древнерус-

ских источников виры постоянно упоминаются в паре с продажами, т. е. штрафами (в составе устойчивого сочетания *виры и продажи*), значение термина *продажьникъ* оказывается очевидным: это судебный исполнитель, взимающий штрафы. К контексту данной грамоты это значение полностью подходит.

Грамота № 1002

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1804, на уровне пласта 8 (глубина 1,44 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это три срединных строки документа:

НАЧЪЛАДИ[ВЪ]ВЪРИЧЪНЄ[П]ЛАТ[И]Л[Є]
:Є:НАДЪСАТЕГРИВЪНОАНЪНЬКО
ВОАЛИПОКОУНЪНАНДЪЛОУАНЪНЪ

Ныны — явно описка (повторение гласной) вместо *нынѣ*. По-видимому, простой опиской является также *а* вместо *а* перед *ныньково* (другие интерпретации этого *а* неправдоподобны).

Длина 24,8 см, ширина 3 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120-е–1210-е гг., предпочтительно 1120-е–1150-е.

Текст делится на слова так:

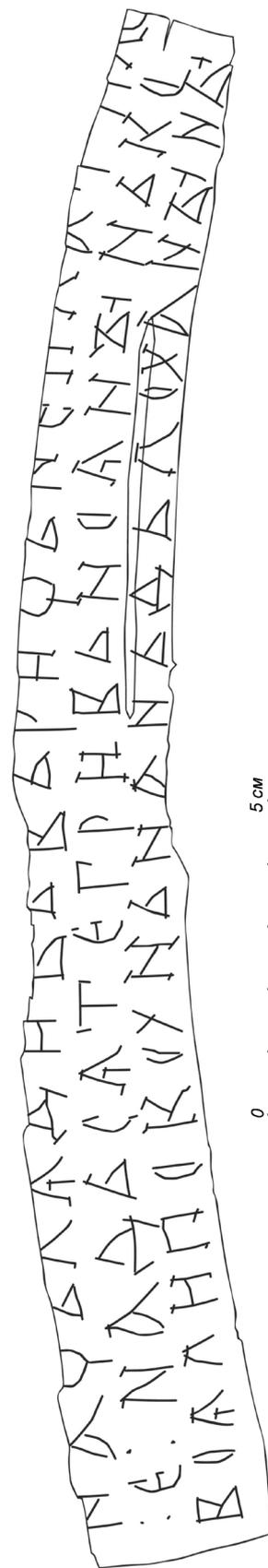
... на чълади въврьичъ не платиле 5 на дъсате гривно. А нынъково али по коунъ на ндълоу. А ныны ...

Перевод: ‘... За челядь он не заплатил денег пятнадцать гривен. А теперь взяли по куне на неделю. А теперь ...’. Это фрагмент некоего финансового документа.

Слово *въверицѣ* в качестве общего обозначения денег — признак древности: оно встречается только в домонгольский период.

В грамоте представлено ранее неизвестное слово *нынѣ*ково — один из вариантов соединения слова *нынѣ* с усилительными частицами. В данном случае это частицы *-ко* и *-во*. Частицы *-ко* (с вариантом *-ка*) и *-во* (с вариантом *-ва*) широко представлены в современных говорах в многочисленных наречиях. Вот некоторые примеры: *куды-ко* и *куды-ка* ‘куда-нибудь’ (СРНГ, 16: 17), *вототко* и *вототка* ‘вот’ (5: 160), *нѣтука* (21: 180); *досюлево* и *досюлева* (8: 152 и 151), *наутрево* (20: 250), *мимова* (18: 166), *втупорва* (5: 235). Особенно многочисленны примеры соединения таких частиц со словами *ныне*, *ноне*, *нонече*, *нонче*: *нынево* (21: 322), *нонека* (21: 275), *нонько* (21: 278) [ср. *нынеко* в Арх. обл. слов.], *нынечко* (21: 322), *нонечко* и *нонечка* (21: 322), *нончека* (21: 278) и др. Имеется также один пример в берестяных грамотах: *а ныне ка* (или: *а нынека*) в грамоте № 109 рубежа XI и XII веков.

Встретившееся в данной грамоте *ныньково* — самый ранний пример аккумуляции таких частиц в составе единого слова.

Грамота № 1003

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1807, на уровне пласта 8 (глубина 1,58 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это части двух срединных строк документа:

...ЖИНО ДЕНЕ ЛОУБО

...ОМОТИ-[Є]...

Длина 9,9 см, ширина 1,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая

четверть – середина XII в.

Первая строка делится на слова так:

...жино дене, лоубо ... Начальное ...жино практически надежно восстанавливается как ... (оспо)жино (с точностью до орфографических вариаций).

Перевод: '... госпожин день, либо...'. *Госпожинь день* — праздник Успения Богородицы (15 августа).

О написании *лоубо* вместо *любо* см. ДНД₂, § 2.44.

Во второй строке членение на слова неизвестно; возможно, например, (во т)омо ти ... и др.

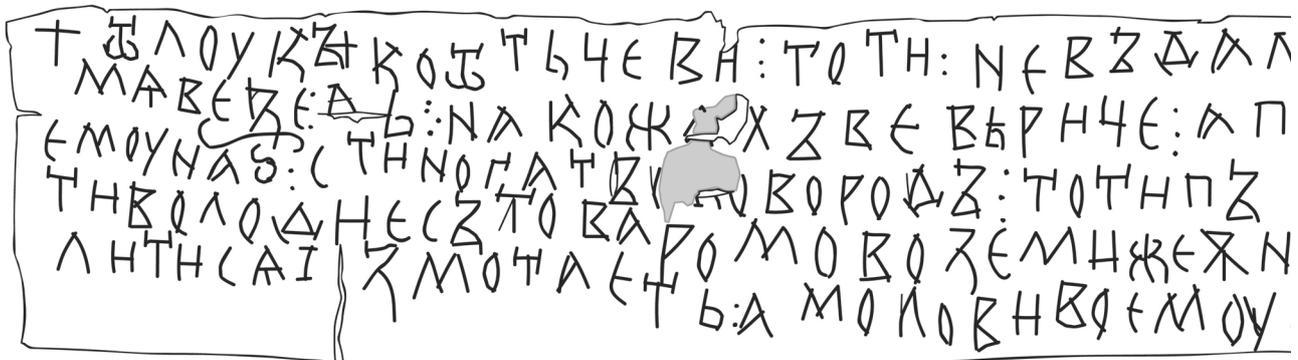

Прорись грамоты № 1003

Грамота № 1004

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1816, на уровне пласта 8 (глубина 1,58 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целое письмо из пяти строк на лицевой стороне и двух приписок (из трех и из четырех коротких строк) на обороте.

Прорись грамоты № 1004

+ѠлоукыкъѠтьцеви:тоти:невъдалонаїмитыжето
мавезе:ль:накожахъвевѣрице:апродалътиесемо
емоунаѠстиногатъсковородъ:тотипльнѣѠе:аидеть
тиволодиесътоваромовоземижежнегоѠегривене:а
литисаїзмотаеть:амоловивоемоупустижеївотри

Оборот

а) с поворотом на 180°

+Ѡлоу (т. е. автор сперва собирался начать письмо с этой стороны, но передумал).

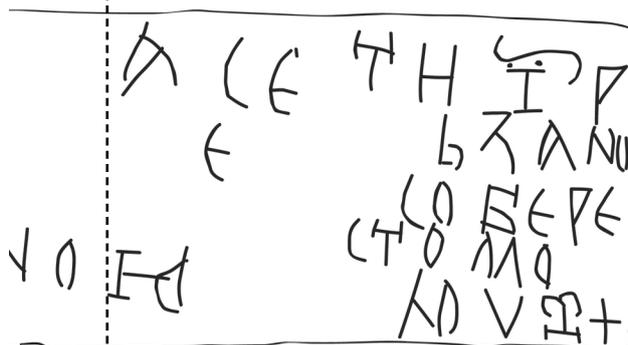
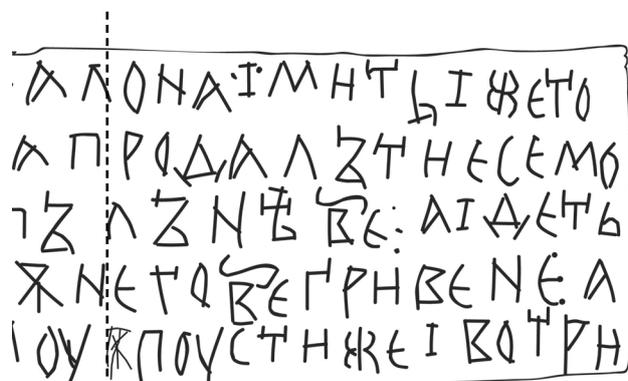
б) в левой части

АТОГОїМЕРЕА
ІЖЕТОУЪРЕНИ[Г]ОВЕ{С}СОЖЕНОЮ
НЕПОМЕНЮїМА

в) в правой части

АСЕТИїР
ЕЪЗАНО
СОБЕРЕ
СТОМО

На лицевой стороне между *емоу* и *поусти* зачеркнуто *в* (очевидно, автор раньше, чем следует, начал писать *во три*). В приписке в имени *Гоїмере* буква *ї*, по-видимому, переправлена из *е*; после *Чьренигове* автор написал *с*, но оно вышло неудачно (возможно, из-за чечевички), он попытался его исправить, но затем просто бросил эту букву и написал ее снова.

Странная запись *везе:ль*, вероятно, возникла потому, что автор вначале написал *везе* ‘везет’ (и успел поставить разделительное двоеточие), а затем понял, что правильнее сказать ‘вѣз’ (*везле*). Тогда он просто дописал окончание *-ль* (= *-ле*), а менять получившееся *везель* на *везль* не стал: и то, и другое в эту эпоху уже могло читаться одинаково как [вез’л’е].

Длина 23,8 см, ширина 4,7 см.

Грамота принадлежит к блоку писца А (см. № 997 и 1045).

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова так:

Ѡ Лоукы къ Ѡтьцеви. То ти не въдало наймь, їже то ма везель, на кожахъ вевѣрице, а продаль ти есемо емоу на бсти ногатъ сковородъ — то ти пльнѣ 2е. А идеть ти во лодие съ товаромо. Воземи же ж него 2е гривене. Али ти са їзмотаеть, а молотививо емоу, поусти же ї во три.

Оборот: а) Ѡ Лоу; б) А то Гоїмере. А іже то Чьренигове, {с}со женою, не поменю їма; в) А се ти 10 рьзано со берестомо.

Перевод: ‘От Луки к отцу. Вот не отдал работник, который меня вез, денег за кожи, да я продал ему на шесть ногат сковород — итого полных две [гривны]. А он идет в ладье с товаром. Возьми же у него две гривны. А если отвертится, то объявив ему [об этом], введи его [в долг] в три [гривны]’.

Приписка на обороте: ‘А это Гоймер. Ну который в Чернигове, с женой — не помню имя’. Это пояснение адресату о том, кто подает ему это письмо. Понятно тем самым, каким образом письмо было доставлено в Новгород: оно было послано (вероятно, из Чернигова) с человеком, который вместе с женой отправился в Новгород. Отметим, что перед нами первое упоминание Чернигова в берестяных грамотах.

Вторая приписка: ‘И вот 10 резан с [этим] берестяным письмом’.

Отметим способ записи числительных — цифрой с выписанной конечной частью словоформы: $\overline{тсти} = шести$, $\overline{ве} = две$.

В тексте черты древненовгородского диалекта (И. ед. *наимить*, *Гоимере*, перфект *везель*) сочетаются с наддиалектными чертами (Р. ед. $\overline{ѡ}$ *Лоуки*, перфекты *не въдало*, *продаль*), т. е. автор все же считал нужным в какой-то степени ориентироваться на наддиалектную норму. Из интересных грамматических явлений отметим беспредложный М. ед. *Чьренигове* и местоимение *іже то* ‘который’. Словоформу *вевѣрице* следует интерпретировать как Р. мн. (= *вѣвериць*), поскольку она подчинена глаголу с отрицанием (*не въдало*).

С синтаксической точки зрения интересна фраза *не поменю има*, в которой на первый взгляд нарушено правило о родительном падеже при отрицании. Следует полагать, однако, что в действительности структура этой фразы не та же, что в *не помню имени*. Слово *има* здесь стоит в именительном падеже, как во фразах типа *съ женою, има Настасья; съ коровою, кличка Буренка* (или с инверсией: *съ женою, Настасья има; съ коровою, Буренка кличка*). В разговорной речи вместо имени собственного в такой конструкции может стоять некоторое объяснение по его поводу, например: *съ коровою, кличка — не помню; съ женою, има — не помню*. В последнем случае достаточно инверсии, чтобы получилась фраза из данной грамоты.

О слове *вѣвериць* в значении ‘деньги’ см. выше (№ 1002).

Глагол *измотатиса* в словарях древнерусского языка отсутствует. Его современное значение ‘выбиться из сил’ к контексту явно не подходит. Учитывая общее значение глагола *мотатиса* — ‘беспорядочно двигаться из стороны в сторону’ (Слов. XI–XVII, 9: 277), естественно предположить для приставочного *измотатиса* значение, близкое к современным *извернуться*, *вывернуться*, *выкрутиться*, *отвертеться*. К контексту данной грамоты такое значение подходит очень хорошо.

Другая возможность для истолкования глагола *измотатиса* состоит в том, чтобы связать его с современным *промотаться* ‘растратить свое имущество’; но к контексту грамоты такое понимание подходит в меньшей степени.

Не встречалось ранее также представленное в грамоте выражение *пусти и во три* (подразумевается: *гривньѣ*). Оно расширяет наши знания о формулах, которыми обозначались санкции не выплатившему вовремя долг должнику. Работник должен две гривны; в случае неуплаты на него следует возложить долг в три гривны, то есть полуторный (именуемый *въ полы* ‘в половину’). Такая ситуация четко описана в грамоте № 915 XI века: *присъли коуны, оже ли не присълеши, то ти въ полы*. Глагол *пустити*, представленный в формуле *пусти и во три*, выступает здесь в своем значении ‘отослать, отправить, направить’. С предлогом *въ* это дает значение, близкое к ‘вести (вогнать) во что-либо’ — в данном случае в увеличенный долг.

Никогда ранее не встречалось в древнерусских источниках также имя *Гоимѣрь*. Но оно отмечено в болгарских источниках XV–XVI веков (Protobulg). Близкое по форме имя *Гоймир* существует и поныне у словенцев, хорватов и сербов.

Структура дохристианского имени *Гоимѣрь* вполне прозрачна: часть *гой-* соотносится со словом *гой* ‘оживление, исцеление, жизнь’; часть *-мѣрь* — та же, что, в частности, в имени *Володимѣрь* (*Владимѣрь*); параллелизм *Гоимѣрь* – *Гоймир* — такой же, как *Володимѣрь* – *Володимирь*.

Грамота № 1005

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1816, на уровне пласта 8 (глубина 1,59 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это начальные четыре строки лицевой стороны письма и начальные четыре строки оборота (с небольшими утратами). Лицевая и оборотная стороны написаны разными почерками: лицевая почерком писца А, оборотная — почерком писца Б (см. № 997 и 1045).

×ЎЛОУКЪ:ПОКЛАНАН[И]-----
 ЦЪВИ:ТОТИВИНОСЪЛОУК[ОВЪ]З[Л]А:
 Ъ:АСТЪКЛАНИЦЪТИЇТЕ::АС
 АМАТИСЪДИВЬНАЛОУКАХ[О]...

Оборот

-----ОСОГОРЖП[Р]ОСАПОПА
 [ТИНА]ДЕСАТЕКЖНЪАИЗЖ
 МЪЛАСАЕСВЪ:ЎБЪРЬКО
 ВЪСК[А]:[А]ВО[ЛОЦА]-[О]Г...

В начале грамоты стоит крест.

Длина 12,9 см, ширина 2,9 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст (с наиболее очевидными конъектурами) делится на слова так:

Ў Лоукъ поклонани(е ко отъ)цъви. То ти вино съ Лоуко възла 2. А стъкланицъ ти 30те. А сама ти съдивь на Лоукахо ...

Оборот: ... **(К)осогорж проса по пати на десате кжнь — а изжмъласа есвѣ: ѿ бърьковска! А волоца(н)о ...**

Перевод: ‘От Луки поклон отцу. Вот вино из Великих Лук повезли двое. А стеклянных бокалов 30. А мы (двое) сами сидим в Великих Луках...’

На обороте: ‘[А по] Косогору (т. е. за перевоз по Косогору) просят по пятнадцати кун — мы (двое) изумились: от берковца! А жителей волока (?) ...’ По-видимому, ставка мыта обычно исчислялась не от берковца, а от какой-то другой единицы счета.

Прорись грамоты № 1005

Такое понимание определяется тем, что для глагола *изумѣтиса* словари фиксируют только значения ‘лишиться рассудка’ и ‘изумиться’. А. А. Гиппиус, однако, высказал предположение, что этот глагол допускал также значение типа ‘исхитриться’. В этом случае фраза могла бы быть понята как ‘просят за перевоз по 15 кун (с воза), а нам удалось (заплатить) с берковца’.

Хотя поклон отцу послан от имени одного Луки, в тексте грамоты используется 1-е лицо двойственного числа. Это дает основания полагать, что письмо написано от лица двух братьев, из которых Лука — старший.

К сожалению, утраченное начало текста на обороте надежно восстановить не удастся. Вероятно, в тексте упоминался географический пункт, именуемый *Косогорь*. Очевидно, он стоял на волоке, и местные жители за плату перевозили грузы по волоку.

В тексте могло стоять *а оу Косогорж*, *а на Косогорж* или *а по Косогорж*. Наиболее вероятным следует признать последний вариант, поскольку для данной эпохи как Р. ед. на -у, так и М. ед. на -у от слова такой структуры представляется слишком ранним. Вариант *а по Косогорж* предполагает подразумеваемое *перевести*.

Не вполне надежно восстанавливается также слово *волочано* в конце сохранившейся части текста. Если эта реконструкция верна, то имеются в виду люди, живущие у волока, т. е. местные перевозчики.

Запись *три десате* как *лте* — такая же, как в № 1004.

Проса ‘просят’ — диалектная форма 3 мн. презенса (ср. эту же форму в сходном контексте в грамоте № 2 из Старой Руссы [ДНД₂: 684]).

Примечательны многочисленные формы двойственного числа: *възла, сама, сѣдивь (= сѣдивѣ), изжмѣ ласа есѣѣ*.

Луки (слово жен. рода) — обычное древнерусское название Великих Лук.

Стькланица — стеклянный сосуд (бокал и т. п.).

Грамота № 1006

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1813, на уровне пласта 9 (глубина 1,68 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это целое письмо из трех строк с двустрочной припиской на обороте.

×Ѡлоукь грамота ко Ѡтечьви то титовозо
во осмьнадесять коуно і 2 гриве
нѣсопровоозомо

В *Ѡтечьви* между *т* и *е* начата и брошена какая-то буква. Перед *і со провоозомо* зачеркнуто *п* (возможно, автор вначале хотел написать просто *провооза*).

Оборот

а се моу вода
ю смьно гато

Длина 24,3 см, ширина 4,1 см.

Грамота принадлежит к блоку писца А (см. № 997 и 1045).

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова так:

Ѡ Лоукь грамота ко Ѡтечьви. То ти то возо во осмь на десать коуно і 2 гривень, і со провоозомо.

Оборот: **А се моу водаі осмь ногато.**

Перевод: ‘От Луки к отцу. Вот это воз на восемнадцать кун и две гривны, с провоозом’. Приписка на обороте: ‘А этому (то есть подателю сего) дай восемь ногат’.

XH ΛΟΧΟ ΚΥ ΓΡΑΜΟ ΤΑ ΚΟ ΒΗ ΤΕ
 ΒΟ:ΟΙ ΜΥ ΝΑ ΔΕΙ ΑΤΥ ΚΟΥ
 ΝΑ ΙΣΟ ΠΡΟ ΒΟ ΖΟ ΜΟ
 ΠΛ ΒΗ ΤΟ ΤΗ ΤΟ ΒΟ ΖΟ
 ΝΟ Ι: Β: ΓΡ Α Β Ε

ΟΙ ΣΕ Μ Ο Υ Β Ο Δ Ε Α
 Ι ΟΙ Σ Μ Γ Ν Ο Ρ Α Τ Ο

Прорись грамоты № 1006

ΤΙ Ν Ο Β Η Δ Α Γ Ρ Α Μ Ο Τ Α Ι Σ Ζ Σ Ο Υ Λ Α Τ Ι Σ
 Σ Ε Δ Β Λ Α Σ Τ Ε Λ Α Ζ (Κ Ο Ρ Ε Η Ε Ο Υ Ζ Δ)
 Τ Η Ε Λ Β Τ Η Ε (Μ Ε
 Τ Η Π Ζ Τ Α Ε Τ Β Κ Ο Υ Α

Прорись грамоты № 1007

Грамота № 1007

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1812, на уровне пласта 9 (глубина 1,70 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это две строки письма (вероятно, двустрочного) без правой части:

Ѡсновида грамота къ соультѣ Ѡшелѣ ти е сме - ...
седьла стрѣль лъ скорене оуздѣ оти пѣтаеть коул...

В слове *стрѣль* буква *р* была пропущена и вставлена потом; а между *ѣ* и *л* стоит еще одна буква (вероятно, *ь* или неоконченное *ы*), которую автор слегка затер (она видна много слабее соседних букв) и, по-видимому, также зачеркнул тремя тонкими короткими штришками.

В *пѣтаеть* буква *ѣ* есть графическая замена для *ы*. За написанием *Ѡшелѣ* стоит *отшьльѣ* (или, может быть, уже *отошьльѣ*).

Длина 25 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: не позднее 70-х гг. XII в., предпочтительно 20-е – 70-е.

Текст делится на слова так:

Ѡсновида грамота къ Соулять. Ѡшелѣ ти е сме ... После разрыва: седьла, стрѣль, скорене, оуздѣ. Оти пѣтаеть Коул...

Перевод: ‘От Сновида грамота к Суляте. Мы уехали ...’ После разрыва: ‘... сѣдла, стрелы, сапоги, узды. Пусть спросит Кул[отка] (?) (или: Кул[отку]) ...’.

Сновид — явно тот же человек, которому адресованы найденные совсем близко грамоты № 1009, 1045 и 1047 и который упоминается в № 1012. Возможно, он же фигурирует в грамоте № 955 30-х – 40-х гг. XII века, найденной на соседней усадьбе Т (где идет речь о том, чтобы Косе Великой выйти замуж за Сновида).

Скорьна или *скорень* — ‘сапог (кожаный)’ (от *скора* ‘кожа’). Ср. *скорни* ‘сапоги’ (Слов. XI–XVII, 24: 242), укр. *скі́рня* ‘сапог’, польск. *skornia*, словен. *skórnja* и *škórənj*. Производным от этого слова является современное *скорняк*.

Записи *стрѣль* и *скорене* грамматически двусмысленны: это либо И. В. мн. *стрѣл(ы)* (с заменой *ы* на *ѣ*, как в *пѣтаеть*) и *скор(ь)н(ѣ)*, либо Р. мн. *стрѣль* и *скорен(ь)*. По-видимому, следует признать более вероятным второе — прежде всего потому, что для И. В. мн. *стрѣл(ы)* приходится предполагать другое окончание, чем в стоящем рядом И. В. мн. *оуздѣ*. Во втором случае некоторая необычность состоит в том, что в перечне именительные (или винительные) падежи перемежаются с родительными, т. е. буквально сказано ‘сѣдла, стрел, сапог, узды’. Подобная организация перечня встретилась ранее в грамоте № 586 (‘вишен, вина, уксус и муку, Иванову шубу и сковороду’).

Диалектные черты: *-ѣ* в И. В. мн. *оуздѣ*; *-ме* в 1 мн. *есме*; *Ѡшелѣ* — один из двух самых ранних примеров диалектного новгородского перфекта множ. числа на *-лѣ* на месте древнего *-ли* (наряду с *съгонилѣ* в грамоте № 821 3-й четверти XII в.).

Имя *Сулята* (производное от *Сулимиръ*) встречено впервые.

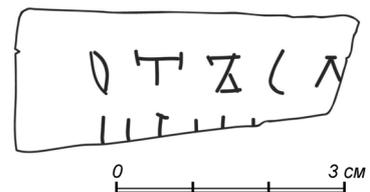
Грамота № 1008

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1812, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это маленький фрагмент, содержащий самое начало письма:

отъс[а]...

Длина 4,5 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

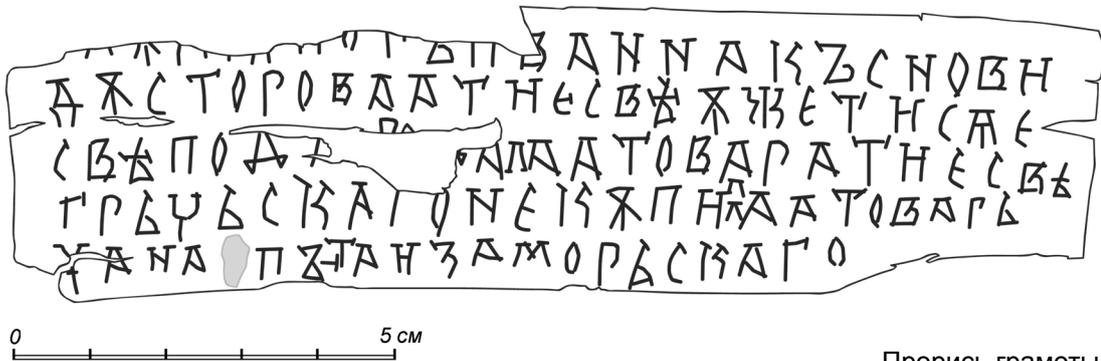
Прорись грамоты № 1008

Грамота № 1009

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 8 (глубина 1,60 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это почти целое письмо из пяти строк.

-[ЛЖКЪИ]ОТЪИВАННАКЪСНОВИ
 ДЖСТОРОВА{А}ТИЕСВЪЖЖЕТИСАЕ
 СВЪПОД[Ъ]-Р[ОД]АЛААТОВАРАТИЕСВЪ
 ГРЪЧЬСКАГОНЕКЖПИЛААТОВАРЬ
 ЧАНАПЫТАИЗАМОРЬСКАГО

В слове *сторова* буква *а* по ошибке написана дважды. В слове *кжила* буква *л* была пропущена и втиснута потом, причем даже дважды — над строкой и в строке. Но двойное *н* в имени *Иванна* — не ошибка писавшего; это редкий вариант с копированием греческого двойного *νν* в имени Ἰωάννης (вариант *Иваннь* встречается, например, в послании Ивана Грозного Стефану Баторию).

Прорись грамоты № 1009

Длина 14,3 см, ширина 3,8 см.

Грамота принадлежит к блоку писца Б (см. № 997 и 1045).

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова так:

(᠘) Лжкы и отъ Иванна къ Сновидж. Сторова{а} ти есвѣ. Жже ти са есвѣ подь(п)родала, а товара ти есвѣ гръчьскаго не кжила. А товарча напытаи заморьскаго.

Перевод: ‘От Луки и Ивана (Иванна) к Сновиду. У нас (двоих) всё в порядке. Мы уже [свое] подраспродали, а греческого товара не купили. Так что приищи заморского товарца’.

Сновид — явно тот же, что в грамоте № 1007 (см. выше).

Как и в предыдущих грамотах, имеется целый ряд форм двойственного числа: *сторова*, *есвѣ* (3 раза), *са подьпродала*, *не кжила*.

Сторовъ (древненовгородское соответствие наддиалектного *съдоровъ*) — ‘благополучный’, ‘успешный в жизненных делах’, ‘у кого всё в порядке’.

Никогда не встречавшийся ранее древнерусский глагол *подьпродатиса*, судя по контексту, означает ‘подраспродать (свое)’. Интересно, что этот же глагол используется в нынешнем жаргоне биржевых игроков и маклеров: *подпродаться* означает у них ‘частично продать свои акции’. Но с древнерусским глаголом тут преемственной связи нет; просто и в том и другом случае активно использованы богатые потенции русского словообразования.

Не встречался ранее также глагол *напытати*. Но его морфемная структура позволяет установить его смысл достаточно точно: ‘найти, расспрашивая, разузнавая (где имеется нужный товар)’, ‘приискать’.

Отметим термины *гръчьскыи* и *заморьскыи* применительно к товару. Первый означает товар из Византии, второй — из Западной Европы.

Интересно уменьшительное *товарець*, которое уже однажды встретилось в грамоте №952 (середины – 2-й половины XII в.).

Грамота № 1010

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1812, на уровне пласта 9 (глубина 1,66 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это маленькие фрагменты трех срединных строк документа:

...ади
...тобѣ
...[и]дє[ш]и

Прорись грамоты № 1010

Длина 4,1 см, ширина 3,4 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

В 1-й строке, по-видимому, имелась словоформа *ади*, во 2-й — *тобѣ*, в 3-й — *пойдєши* или *придєши*.

Грамота № 1011

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1804, на уровне пласта 9 (глубина 1,68 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это средние части двух строк документа (возможно, срединных):

...[иг]олахополопатєрєзанѣнаножахопол...
...[дѣва]тѣкоунѣ:наожерьлиахополошєсть[к]...

Длина 18,1 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., не позднее 70-х гг., предпочтительно 40-е – 70-е гг.

Текст делится на слова так:

... (На) иголахо поло патєрєзанѣ. На ножахо пол(о) ... (На ... поло) дѣватѣ коунѣ. На ожерьлиахо поло шєсть к(оунѣ) ...

Во фрагменте указаны суммы, затраченные, в частности, на иглы, ножи и ожерелья.

Документ представляет исключительный интерес для истории русского языка: формы *на ножахо* и *на ожерьлиахо* — самые ранние в истории русского языка примеры нового окончания *-ахъ* (*-яхъ*) во множ. числе *о*-склонения.

Прорись грамоты № 1011

В работе ИГДРЯ I, содержащей самый полный и самый надежный анализ такого материала, первыми по времени свидетельствами нового окончания *-ахъ* (*-яхъ*) в М. мн. *о*-склонения признаны: для среднего рода (с. 247–248) — примеры из перемейника 1271 г. (*въ надрахъ*), кормчей 1284 г. (*сквоженияхъ*) и берестяной грамоты № 349 60-х–70-х гг. XIII в. (*на церевахо*); для мужского рода (с. 249–250) — 7 примеров 2-й половины XIV в. (начиная с *о глаголахъ* в евангелии 1358 г.).

Это значит, что форма *на ожерьлиахо*, представленная в настоящей грамоте, приблизительно на сто лет раньше самых ранних известных до сих пор примеров данного рода, а форма *на ножахо* — на целых двести лет!

Грамота № 1012

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 9 (глубина 1,65 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это средняя часть двух начальных строк письма и конец строки на обороте.

...[н]иє[:]котьцевисторовотиєсм[ь:]атовар...

...ъ:асам[ь]тиногатѣкоплж:[в]ымьток...

Оборот

...косновидо[ви]асамьтигрьц[ь]никажидоу

В словах *самь ти* после *м* зачеркнуто *и* (которое автор сперва попытался исправить на *ь*), после *т* зачеркнуто *ь*.

На лицевой стороне ниже второй строки сохранились самые верхушки еще нескольких букв, для которых, по-видимому, можно предложить реконструкцию [:] (а) [кѣи] н[и] є 'а какой ни на есть'.

Длина 22,2 см, ширина 2,2 см.

Грамота принадлежит к блоку писца А (см. № 997 и 1045).

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова так:

(Ѡ ... поклана)ниє к отьцєви. Сторово ти єсмь, а товар...

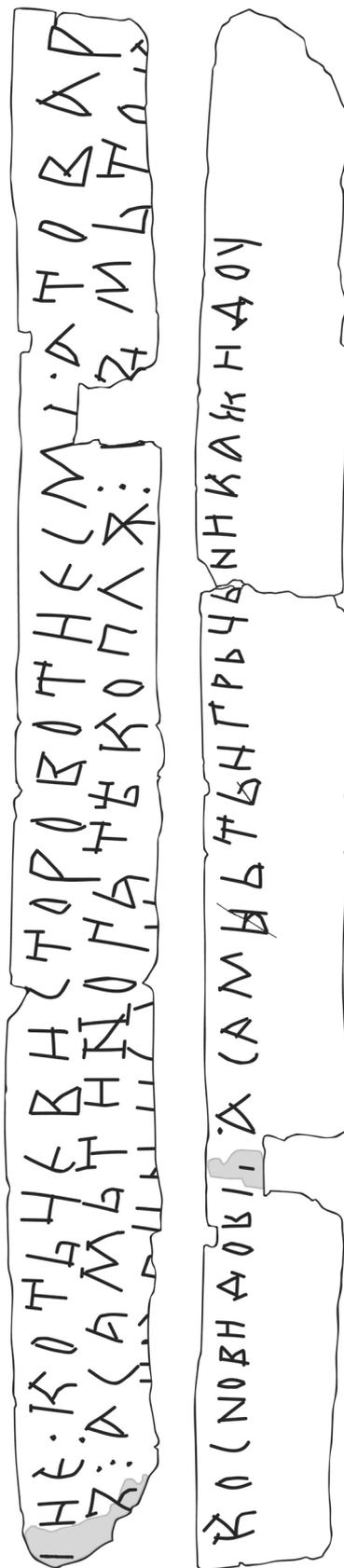
...ъ. А самь ти ногатѣ коплж: вымьток...

Оборот: ... ко Сновидови. А самь ти гръцника жидоу.

Судя по почерку и по характеру содержания, этот документ почти наверное представляет собой очередное письмо Луки к отцу.

Перевод: '[От Луки (?)] поклон отцу. У меня всё в порядке. А товар ... А сам коплю ногаты — выгрузку ...'. На обороте: '... к Сновиду, а сам-то я жду гречника' (о «гречнике» см. ниже).

Сновид — адресат двух писем Луки (совместно с Иваном — № 1009 и совместно с Микулой — № 1045). Характер этих писем точно такой же, как у писем Луки к отцу. Поэтому

допустимо предположение, что Сновид — это и есть отец Луки. Но упоминание Сновида в грамоте № 1012, адресованной отцу, представляется свидетельством против этого. А. А. Гиппиус, правда, указал на возможность сохранения данной версии, если предположить, что текст на обороте адресован уже не отцу, а посланцу: ему поручается привезти это письмо к Сновиду, а о себе автор говорит, что он ждет «гречника». Можно было бы также допустить, что в утраченной средней части письма появляется новый автор, который пишет тому же адресату и, естественно, уже называет его по имени. Но такой версии противоречит структура последней фразы, начинающейся с *a samъ tu* («а сам-то я ...»). Если же отец Луки и Сновид — это разные лица, то ясно, что они члены единой группы купцов-складников, скорее всего близкие родственники.

Примечателен специальный интерес автора письма к ногатам. О возможности особой роли ногат в системе расчетов говорит также указание *воземи десѣть гривьно ногатами* в грамоте № 227 2-й половины XII в. и выражение *гривна из ногато* в грамоте № 392 XIII в. А. А. Гиппиус высказал предположение, что «копить ногаты» имело смысл, чтобы расплачиваться ими в ситуациях, в которых эта форма платежа была предпочтительной или же единственно возможной. Что представляла собой новгородская ногата XII в., доподлинно неизвестно, однако первоначально этот арабский по происхождению термин несомненно обозначал монету — дирхем. Если под ногатами и в рассматриваемую эпоху понимались монеты (что предполагает, например, А. Комар [2011: 162], считая северо-западную ногату конца XII – XIV вв. «синонимом серебряной монете большого номинала»), тогда они могли быть нужны Луке, чтобы расплачиваться с византийскими купцами, не принимавшими меховых денег, или с русскими купцами-«гречниками», направляющимися в Византию. С другой стороны, как отмечает тот же А. Комар (с. 159), ногата дважды упоминается в древнерусских источниках (Уроке мостникам Русской Правды и проложной памяти освящения церкви св. Георгия в Киеве) как стандарт дневного заработка наемного рабочего. Упоминание ногат в связи с «выметкой» может в таком случае означать, что Лука собирается платить ими за выгрузку товара с прибывающих купеческих судов. Ср. выплаты в ногатах, упоминаемые в грамотах № 999 и 1006.

Исключительно важно упоминание в грамоте «гречника». Этот термин известен только из следующих пассажей Ипатьевской летописи:

*се же оувѣдавши Половци, ѡже князи не в любви живутъ, шедше в порогы, начаша пакостити гречни-
комъ; и посла Ростиславъ Володисла^в Лаха с вои, и възведоша гречники (под 1167 г.);*

*и стояша оу Канева долго верема, дондоже взиде гречникъ и залозникъ, и ѿтолѣ възвратишася въ
своѣ си (под 1168 г.);*

*се, брат(ъ)е, Половцемъ есме много зла створили, вежѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и
стада и скоть; а тѣмъ всако пакостити гречнику нашему и залознику; а быхо^м въшли противу гречнику
(под 1170 г.).*

Этот термин обычно толкуется как ‘купец, ведущий торговлю с Византией по «пути из варяг в греки»’. Первая из двух приведенных цитат дает все основания для именно такого толкования. Во второй и третьей цитатах *гречникъ*, по-видимому, выступает в собирательном значении — подобно тому, как древнерусское *гость* могло обозначать совокупность купцов (например, *нѣмечьскыи гость*). Глагол *възведоша* в первой цитате означает, что воины Володислава Ляха обеспечили купцам, едущим из Византии, возможность безопасно подняться вверх по Днепру, оградив их от грабительских нападений половцев. Аналогично и *взиде* во второй цитате означает, что купцы поднялись вверх по Днепру под защитой стоящего у Канева русского войска. В третьей цитате речь идет о том, что русское войско должно выйти навстречу (*противу*) едущим купцам, чтобы обеспечить им защиту от половцев.

В некоторых работах на основании третьей цитаты *гречникъ* истолковывается как обозначение самого «пути из варяг в греки». Но для этого всё же не усматривается достаточных оснований.

В грамоте № 1012 данное слово (в его древнейшем виде *грѣчникъ*), судя по контексту, выступает в значении, близком ко второй и третьей цитатам из летописи. Автор ждет прибытия купцов-«гречников». Но их передвижение явно носило характер периодически отправляющихся экспедиций (из целой партии купцов), которые под той или иной формой вооруженной защиты проходили те места на Днепре, где их постоянно

пытались грабить половцы. В этой ситуации ждать купцов-«гречников» означало ждать прибытия именно такой экспедиции; и тогда в контексте *жьдати гръчника* само слово *гръчникъ*, вероятно, практически уже могло пониматься как обозначение события, состоящего в прибытии такой экспедиции.

Слово *выметъка* явно означает здесь выгрузку товара с судна на берег (от *выметати* ‘выбросить’); ср. *Дал лодейным казакам найму от дров от дву лодей за ход и от выметки два рубля тритцат(ь) алтын двѣ денги* (Слов. XI–XVII, 3: 222; документ 1606 г.).

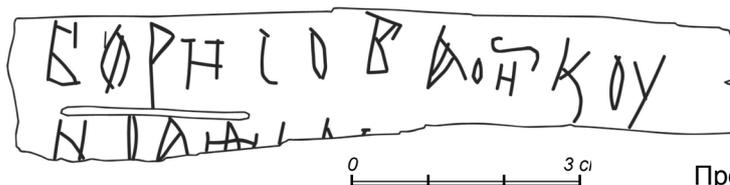
Жидоу — правильная древнейшая форма презенса от глагола *жьдати*. К сожалению, древнерусские словари (Срезн., СДРЯ [т. III], Слов. XI–XVII) дают для *жьдати* только презенс *жьдоу*, а формы *жидоу*, *жидеть* ошибочно приписывают к инфинитиву *жидати* (который нигде не засвидетельствован и у которого презенс имел бы вид *жидаю*). Ошибка исправлена только в V томе СДРЯ (Исправления к I–IV томам, с. 615).

Грамота № 1012 показывает, что древнейший презенс *жидоу*, рано вытесненный новой формой *жьдоу*, в живой древненовгородской речи в XII в. еще сохранялся.

Грамота № 1013

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1817, на уровне пласта 9 (глубина 1,65 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это первая и начало второй строки документа:

БОРИСОВАЙКОУ
НОЛѠ[Ъ]--(...)

Прорись грамоты № 1013

Буква *о* (маленькая) после *борисова* вписана потом. Во второй строке над *Ѡ*, возможно, было слабо про-
давленное титло; надежно определить это не удастся.

Длина 8,5 см, ширина 2 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е – 90-е гг. XII в.

Текст делится на слова так: **Борисова о8 (= осмь) коуно, а ...** (далее следовало либо **9ь (= девать)** [если над *Ѡ* было титло], либо **Ѡь** [если титла не было], после чего, возможно, **до**).

Перевод: ‘Борисовы 8 кун’ (далее либо ‘а 9 ...’, либо ‘а Федоровы ...’).

Представляет интерес запись слова *осмь* цифрой, перед которой выписана начальная буква этого слова, т. е. *о* (см. об этом приеме ДНД₂: 36 и подробнее НГБ-IX: 233–241).

Словоформа И. ед. жен. *Борисова* правильным образом согласована со словом *осмь*, представляющим собой существительное женского рода.

Прорись грамоты № 1014

Грамота № 1014

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1806, на уровне пласта 9 (глубина 1,72 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это средние части трех срединных строк письма:

...[и]мьтиотъзуо[ос]м[июна]д[е]...
...[у]н[ахъ]идешикъсолиата...
...-тѣгыд[ь]...

Длина 15,8 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова так: ... **имьти отъ зуо осмию на де(сате) ...** | ... **(ко)унахъ. А идеши къ Соли а та...** Для членения и интерпретации фрагмента **-тѣгыдь...** данных недостаточно.

Надежно читается только один отрезок: *а идеши къ Соли, а ...* ‘а если ты пойдешь к Соли, то ...’ (вероятно, речь идет о Соли Вычегодской). Он ярко демонстрирует еще один род купеческих операций, проводимых жителями этой усадьбы.

Отрезок *зуо* — явно что-то недописанное (причем не исключено, что какие-то пропущенные буквы были приписаны к *зуо* сверху, в оторванной части бересты). Вероятно, имелось в виду либо *отъ зуоба*, либо *отъ Зоуа*. В первом случае, исходя из фразы *а избытъкъ роздѣлиша по зуобоу* (‘разделили по доле на человека’) *по 3 гривнѣ по всемоу городу* (НПЛ под 1209 г., л. 74б), выражение *им(ѣ)ти отъ зуоба* можно было бы понимать приблизительно как ‘получить на долю’. Во втором случае что-то должно было быть получено от человека по прозвищу Зуи. В принципе это мог бы быть тот же Зуи, что в несколько более поздней грамоте № 1024.

Последующее *[ос]м[ию на] д[е](сате)* ‘восемнадцатю’ могло быть началом выражения типа ‘восемнадцатю кунами больше (или: меньше)’ (и т. п.).

Грамота № 1015

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1804, на уровне пласта 9 (глубина 1,60–1,80 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это срединная или последняя строка документа:

ак[ъ]шас[оль]мирцоу.акоупленотипоцетырикоун-

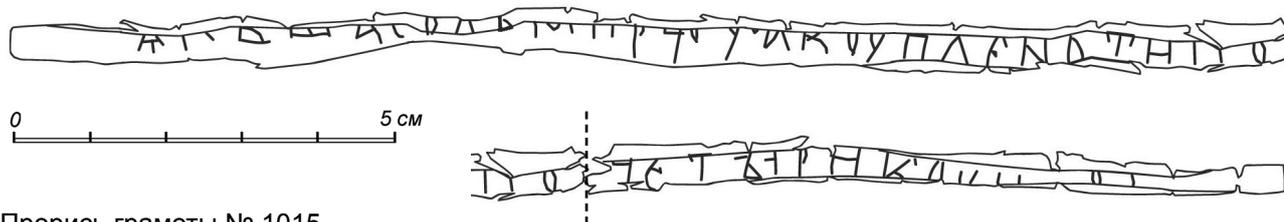
Длина 29 см, ширина 0,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Текст делится на слова так: ...**Акъша Сольмирцоу. А коуплено ти по цетыри коун-**

Слова ‘... Якша Сольмирцоу’ явно представляют собой конец какого-то предложения (со сказуемым типа ‘дал’, ‘послал’ и т. п.). Далее сказано: ‘А куплено по четыре куны’.

О Якше см. выше. Сольмирец, вероятно, тождествен Суляте из № 1007 — поскольку имя *Сольмиръ* (*Солмиръ*) имело вариант *Сульмиръ* (*Сулимиръ*); см. об этом ДНД.: 329.

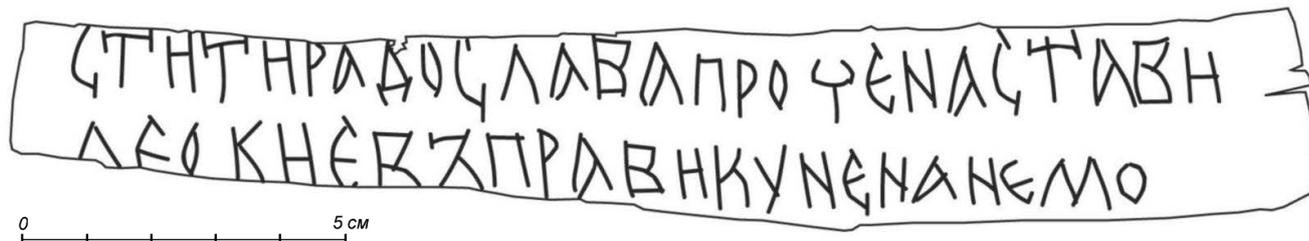
Прорись грамоты № 1015

[2011]

Грамота № 1016

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1839, на уровне пласта 2 (глубина 0,27 м), в напластованиях усадьбы Ф. Это две конечные строки документа:

СТИТИРАДОСЛАВАПРОЧЕНАСТАВИ
ЛЕОКНЕВЪПРАВКУНЕНАЕМО

Прорись грамоты № 1016

Длина 20,3 см, ширина 3,1 см.

Стратиграфическая дата: 40-е – начало 50-х гг. XIII в.

Внестратиграфическая оценка затруднительна; с учетом корректировки таблиц — не ранее середины XIII в.

Текст делится на слова так: ...**стити Радослава проче: наставиле о Киевъ. Прави куне на него.**

Отрезок *-стити*, судя по контексту, вероятно, был частью фразы *не могли пустити*.

Перевод: ‘... не отпускай Радослава (не давай уехать прочь) — он вознамерился [уехать] в Киев. Получи (вытребуй) с него деньги’.

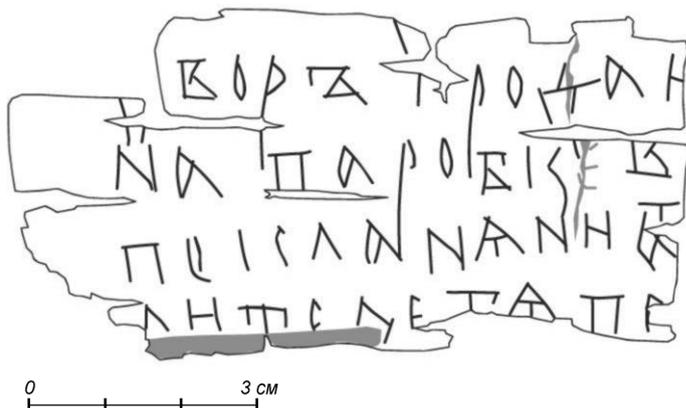
Для выражения *наставити о что-либо* примеров в древнерусских текстах не обнаруживается. Можно предполагать, что *наставити* ‘направить’, ‘нацелить’ здесь имеет значение, близкое к ‘нацелиться’, а предлог *о* с винительным падежом выступает в направительном значении.

Важный для истории русского языка факт — появление *ки* (а не *кы*) в слове *Киевъ* в новгородском документе середины XIII века. Новгородское (а не иногороднее) происхождение писца ясно видно из форм *наставиле* и *куне* (В. мн.). Это значит, что мы должны теперь относить начальные проявления перехода *кы* в *ки* в древненовгородском диалекте к середине XIII века (а не к концу его, как предполагалось на основании известного ранее материала [см. ДНД₂, § 2.53]).

Грамота № 1017

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1841, на уровне пласта 2 (глубина 0,20–0,40 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это левая часть четырех средних строк письма (последняя строка могла быть и конечной):

дворъпродли...
напаробкев...
поклананиѿ...
литедетап-...

Прорись грамоты № 1017

Слово *покланание* записано без конечного *e*. В конце 4-й строки после *n* скорее всего стояло *a* или *o*.

Длина 9,6 см, ширина 5,3 см.

Стратиграфическая дата: середина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: последняя четверть XII – первая четверть XIII в.

Текст делится на слова так: ... дворъ продаи... | на паробке в... | покланани ѿ ... | ...лите дета п...

Связный перевод невозможен. Понятны указание ‘двор продай’, слова ‘за парубка (слугу)’, слово ‘покланание’. Последняя строка могла быть, например, частью фразы *изволите* (или: *повелите*) *дета* + какой-то инфинитив, начинающийся с *n* (скажем, *послати*).

Судя по тому, что слово *покланани(е)* стоит в середине текста, вероятно, эта грамота, подобно № 952, заключала в себе два письма.

Грамота № 1018

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1833, на уровне пласта 2 (глубина 0,37 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это фрагмент одной строки:

...чѣтыринадѣс[а]...

Перед *чѣтыри*, вероятно, стояло *o*.

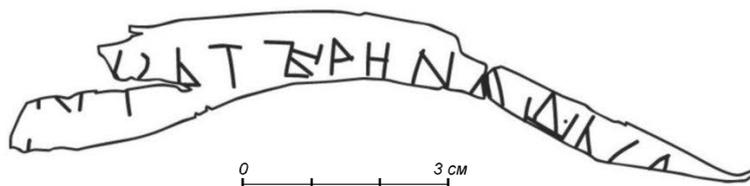
Длина 11,9 см, ширина 1,9 см.

Стратиграфическая дата: середина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее середины XIII в., вероятно, не позднее конца XIII в.

Сохранилось только: **чѣтыри на дѣса...** ‘четыре на дѣса...’.

Прорись грамоты № 1018

[2012]

Грамота № 1019

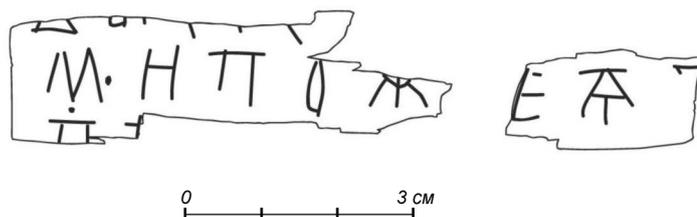
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1830, на уровне пласта 4 (глубина 0,60–0,80 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это два маленьких фрагмента:

мипож... Второй фрагмент: ...ѣа[т]...

Длина бóльшего фрагмента 5,8 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: рубеж XII–XIII вв.

Для интерпретации данных недостаточно.

Прорись грамоты № 1019

Грамота № 1020

Найдена в осыпи восточной стенки Троицкого-ХIII раскопа, то есть происходит из напластований усадьбы Е. Целое письмо из пяти строк.

Ўолькшѣ: кѣжадѣнѣ: вереш[ш]ѣ:
вѣдае: оухотѣсла: вамибѣлогривн
вѣзати: а творатѣи пѣставивѣше
авыправита: коровѣ: повѣдаюу не
го:

Длина 22,2 см, ширина 4,1 см.

Стратиграфической даты нет.

Внестратиграфическая оценка: середина – вторая половина XII в., предпочтительно 60-е – 70-е гг.

В слове *верешь* буква *ш* имеет практически вид *щ*; но, по всей вероятности, это всё же не замена одной буквы другой, а неточное исполнение буквы *ш*; ср. букву *ш* в слове *олькиѣ*, где сразу два вертикальных штриха из трех заходят заметно ниже горизонтальной платформы (см. также ниже «Поправки и замечания...», № 246).

В *пѣставивѣше* пропущен слог *ре* после *пе*. В *Хотѣслава* выставлено лишнее двоеточие перед слогом *ва*.

В конце второй строки *гривн* вместо *гривна* — один из вариантов сокращения этого слова, которое подвергается сокращению очень часто.

Текст делится на слова так:

Ў Олькшѣ кѣ Жадѣнѣ. Верешъ вѣдае. Оу Хотѣслава ми было гривн(а) вѣзати; а творатѣи пѣ(ре)ставивѣше. А выправита: коровѣ повѣдаю оу него.

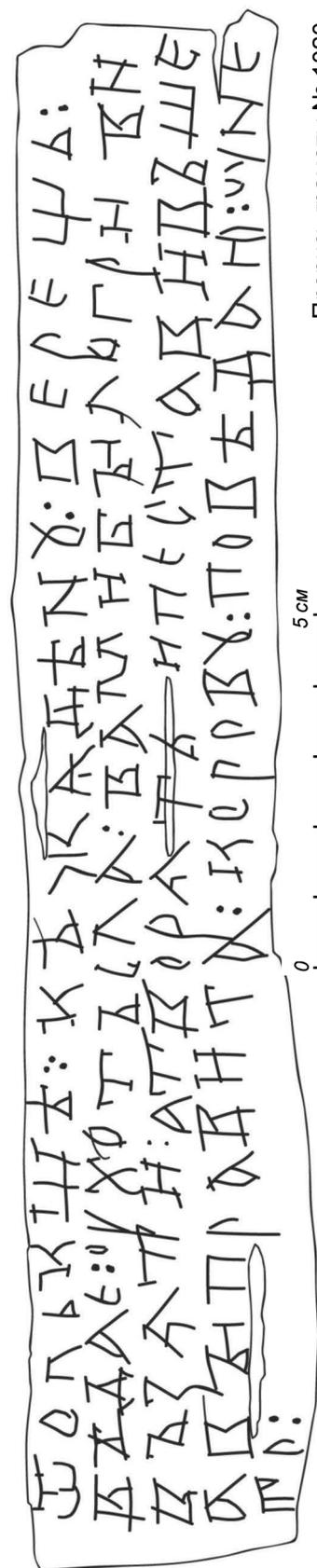
Перевод: ‘От Олекши к Жадену. Зерно дай (выдай). У Хотослава мне следовало взять гривну; а говорят, что он преставился. Так вы (двое) выправьте [это дело]: корова, сказывают, [есть] у него’.

Первая фраза скорее всего представляет собой ответ на вопрос, содержащийся в предшествующем письме Жадена, о том, следует ли давать зерно такому-то.

Для последней фразы в принципе можно допустить и несколько иную синтаксическую структуру, которой соответствовал бы перевод: ‘Так вы требуйте [вы двое] корову — сказывают [что есть] у него’. Общего смысла фразы это не меняет: ясно, что Жадену предстоит договориться с наследниками Хотослава об отдаче ими коровы в счет долга.

Примечательно, что в первой фразе автор обращается к одному лишь Жадену, а в *выправита* (двойственное число) он уже имеет в виду не только Жадена, но и кого-то еще, кто будет участвовать вместе с Жаденом в переговорах о погашении долга. Подобный эффект, когда грамматическое число глагола определяется наличием не упомянутых, но подразумеваемых участников коммуникации, наблюдается в берестяных грамотах довольно часто.

Жаден — почти наверное тот же, что в грамоте № 850 (около 1148 г., усадьба Е), где автор просит Петрока нечто выдать Жадену.

Прорись грамоты № 1020

5 см

0

Хотослав (или Хотслав) — вероятно, тот же, чья земля («Хотославля земля») упоминается в грамоте № 805 (посл. треть XII в., усадьба Е) и кому адресована (под именем Хотеславко) грамота № 654 (2-я пол. XII в., усадьба Г).

Для русского исторического синтаксиса представляет значительный интерес фраза *а творамъ и не(ре)ставивъше* ‘а говорят (полагают), что он преставился’. Она в целом аналогична таким летописным фразам, как, например, *творяхоуть е переветъ дръжаще* ‘считали, что они совершили измену’ (НПЛ под 1167 г.), *творяхуть ꙗ потворы дѣюще* ‘считали, что они действовали колдовством’ (НПЛ под 1227 г.). Но особенность формы *не(ре)ставивъше* в том, что в ней отсутствует показатель возвратности *ся*, содержащийся в глаголе *переставитиса* ‘преставиться’, ‘умереть’. Это та же особенность, что в характерных для современных северо-западных русских говоров оборотах с причастиями, например, *он одевши, раздевши, нахмуривши, разваливши*: в таких оборотах показатель возвратности *ся* всегда отсутствует.

В древнерусских письменных памятниках данный синтаксический эффект встречается чрезвычайно редко. Так, можно указать в Строевском списке 3-й Псковской летописи (Строев.): *И про то Ондрѣи и отецъ его Олгирдъ разнѣвавшѣ на псковичь...* (под 1348 г.); *И поклонивше посадникомъ псковскимъ и всему Псковоу ... и царевна вшедши в воз, и приехавши в домъ живоначалныя Троици; и благословение отъ священниковъ приемши и знаменавше оу пречистой в домоу живоначалныя Троица; и тако вшедши в возъ, и поеде с великою честью изъ Пскова* (под 1472).

Как можно видеть, пример данной конструкции в грамоте № 1020 старше самого раннего из этих примеров приблизительно на два века.

Грамота № 1021

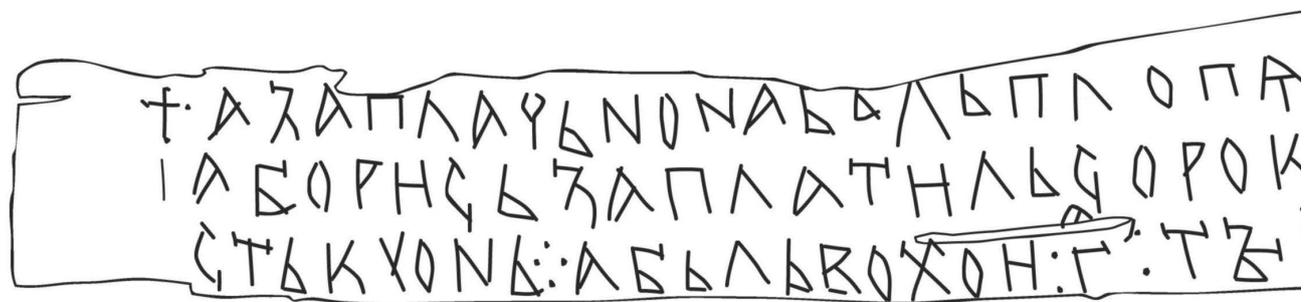
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1840, в виде четырех фрагментов: а) на уровне пласта 5 (глубина 0,80–1,00 м); б), в) и г) на уровне пласта 6 (глубина 1,06, 1,02 и 1,06 м).

Практически целый документ из трех строк: недостает, по-видимому, всего одного слова, которое составляло начало утраченной четвертой строки.

†а заплата чьна бль плпата дьсать двьно гать моа:
 аборись заплата чь сороко гривнои: дь: гривньи плошь
 стькуонь: абльвохон: гь: тьз

Длина 36,5 см, ширина 6,6 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

+ А заплачно на бль п(о)ло пата дьсать и двь ногать моа. А Борись заплатилъ сороко гривно и 4 гривнь и п(о)ло шсть куонь. А бль вохои 3 тысячъ и п(о)ло трьтиа сорочка бь...

Перевод: 'А заплачено за беличьи шкурки моих сорок пять (*подразумевается*: гривен) и две ногаты. А Борис заплатил сорок четыре гривны и пять с половиной кун. А всего беличьих шкурок три тысячи и два с половиной сорочка без ... [такого-то числа]' (числительное утрачено).

Это документ чрезвычайной финансовой важности: речь идет об одной из самых больших денежных сумм, упоминаемых в берестяных грамотах. За 3100 (видимо, без нескольких единиц) беличьих шкурок заплачено 89 гривен + 2 ногаты (= 2,5 куны) + 5,5 куны = 2233 куны (по счету 1 гривна = 25 кун). Цена одной шкурки составляла, тем самым, около 0,72 куны.

Платили двое (причем в почти равных долях): автор и Борис — явно богатые домохозяева. Но автор здесь, как можно понять из всей совокупности грамот, так или иначе связанных с Якимом, почти наверное не тождествен записавшему этот документ Якиму.

А. А. Гиппиус высказал предположение, что речь идет о двух братьях (из которых Борис — младший), а Яким был управляющим в хозяйстве старшего брата.

Очевидно, Яким записывал этот документ под диктовку хозяина. Отметим, что аналогичную структуру, вероятно, имела и другая запись Якима (к сожалению, сильно фрагментированная) — грамота № 983 (см. выше), где встречаются слова *хльбь мои* и еще раз слово *моего* при перечислении припасов. Обе эти записи были документами хозяйственного учета.

Грамота № 1022

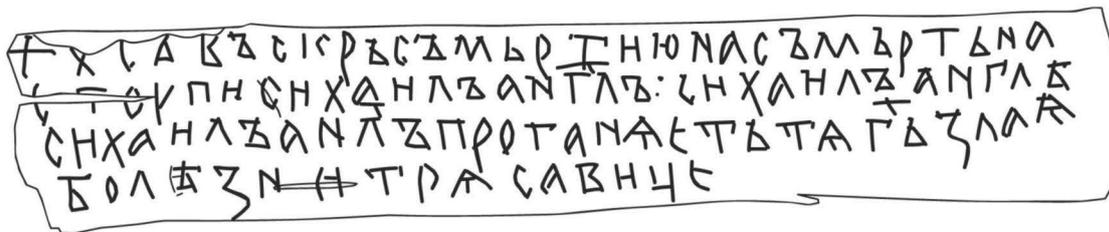
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1834, на уровне пласта 5 (глубина 0,91 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целый документ из четырех строк.

[+х̣с̣ъ]:въскрьсьмьртиюнасъмьртъна
стоуписихаилъангль:сихаилъангль
сихаилъангль:проганаетьтагъзлаъ
болъзнитрасавице

Длина 14,6 см, ширина 2,6 см.

Прорись грамоты № 1021

Прорись грамоты № 1022

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: XII в.

В отрезке *въскрьсьмьртию* два слова «склеены»: вместо *съсь* (или, может быть, *сесь*) написано одиночное *сь*; то есть здесь должно было стоять *въскрьсь съмьртию* или *въскрьсе съмьртию*. Можно предполагать как простой пропуск слога, так и сознательный прием «склеивания» двух одинаковых (или сходных) слогов в один.

Текст делится на слова так:

+ **Х(ристо)сь въскрь(сь) [или: въскрь(се)], съмьртию на съмьртъ настоупи. Сихаиль анг(е)ль, Сихаиль анг(е)ль, Сихаиль ан(ге)ль. Проганаетъ та Г(оспод)ъ, злаа болѣзни трасавице!**

Перевод: ‘Христос воскресши [или: въскрес], смертью на смерть наступил. Сихаил-ангел, Сихаил-ангел, Сихаил-ангел. Прогоняет тебя Господь, злая болезнь лихорадка’.

Ср. надпись на свинцовом амулете X в. из крепости Руйно (Попконстантинов, Кронштайнер: 237): **бѣжи трас|авице отъ сего | чловѣка г[оспод]ъ т|а прогонитъ.**

Это заговор против лихорадки — в корпусе берестяных грамот третий документ этой категории, наряду с грамотами № 734 (сер. XII в.) и 930 (рубеж XIV и XV вв.). Во всех трех фигурирует ангел Сихаил, что указывает на широкое распространение его культа в древнем Новгороде; см. об этом выше, при № 930.

Отметим звательные формы *болѣзни* и *трасавице*.

Грамота № 1023

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1848, на уровне пласта 5 (глубина 0,97 м), в напластованиях усадьбы Ж, в виде шести фрагментов, составивших в сумме целый документ.

+уостюютьосталѣньосъмнополоодининадъсатьдъжьвовьса·абобуо:ѣ:мьро·
 ·агорохуоплотъмьрь·ажита:ѣ:мьро·алланагосъмьни:ѣ:мьрь·ауонасла
 вауоповичадвабьрковьскасалиподъсатикноажьбольвозмьабьмаали
 мьньвозмьабьма·уонъжательуохуодучьвич·д:дъжьвовьсанаводмоль·ирожинь
 тьпнопластога стога:ѣ:дъжьвовьсауона

Оборот

свабь
 звуомьруо

Длина 46,5 см, ширина 6 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Последнюю строку лицевой стороны Яким пытался втиснуть в узкий нижний край листа. В середине строки места стало совсем мало, и он перешел на правый нижний угол, повторив для ясности слово *стога*, на котором он остановился.

ФУУС ТОУТ БОСТА АБНУС БМЬНО ПОЛОДА ННQHИ
...АГО РОХХОПЛОПТБМБФБ: ~~ТАК~~ НТД:Ф: МБР
ВАХОПООВНУА ВАББРКОВБС КДГО ННД ПБ
МБНБВО* ЗМББМА: ХОНБЖАТБХОХВОДОУБ
ТДПДНОПЛОСТББ

ННАДБСАТБДБ ЖРБОВБСА: АБГБВУ: Ж: МБРГ:
АРО: АННАНАГОСБМБНН: Ж: МБРБ: АХОНАСА
ИДАБСАТН ~~К~~НОАКБЕГЛБВО ЖМБ АББМАКАНН
ББНУА. Д: АБЖБГВБСА ~~НАВОДАМОЛБ: НРОЖЖНБ~~
УТОПА: Э: АБЖБОВСАХОНА

Прорись грамоты № 1023

САБАБ
ЗЕХОМБДУ

В последней строке оборота буква В несколько увеличенного размера; это один из возможных способов (весьма редкий) показать, что буква используется в цифровом значении; ср. такой же способ представления цифры '2' в грамоте (того же времени) № 730.

Текст делится на слова так:

+ Уо Стоють осталѣно съмыно поло одиной на дьсать дьжь овьса, а бобуо 7 мьро, а горохуо п(о)ло п(а)ть мьрь, а жита 500 мьро, а лнанаго съмьни 7 мьрь. А уо Наслава уо поповича два бьрковьска соли, а по дьсати к(у)оно. Ажь больь возьмь, а бьма, али мьнь возьмь, а бьма. Уо Ньжать уо Худочьвича 4 дьжь овьса на водмоль и рожь нь тьпьюно п(о)ло стога {стога}. 5 дьжь овьса уо На|сл(а)ва бьз 2уо мьруо.

Перевод: 'У Стоюты оставлено семян: 10 с половиной дежей овса, 7 мер бобов, 4 с половиной меры гороха, 500 мер ячменя, 7 мер льняного семени. А у поповича Наслава два берковца соли по 10 кун. Если он возьмет больше, то это [в равной мере касается] обоих, и если меньше возьмет, то [тоже] обоих. У Нежаты Худочевича 4 дежи овса за водмол и полстога ржи не обмолочено. 5 дежей овса без двух мер у Наслава'.

Оба — это явно те же два домохозяина (предположительно братья), которые фигурируют в грамоте № 1021.

Соль, которую должен продать попович Наслав, вероятно, принадлежит домохозяевам. Как возможную прибыль, так и возможный убыток от этой продажи им предстоит поделить между собой поровну.

В семье Нежаты Худочевича, очевидно, изготавливали водмол, и он поставлял его домохозяевам, которые расплачивались с ним за это зерном.

В грамоте отразились такие характерные элементы диалектной фонетики, как переход [в'л'] > [л'] (*осталѣно*; см. ДНД₂, § 2.39) и утрата начального *о* в форме *об(ѣ)ма* после проклитики *а* (*а бьма* [2 раза]; см. ДНД₂, § 2.32).

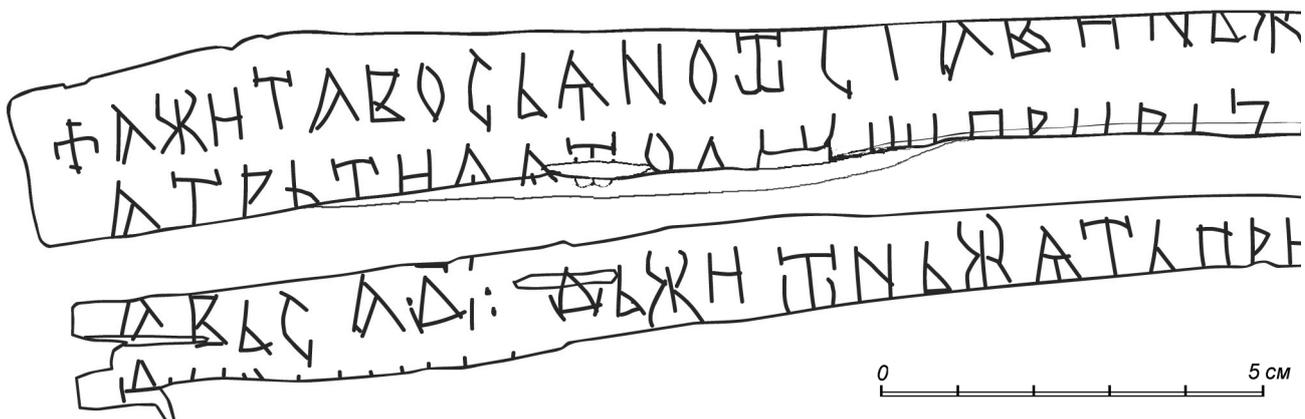
Черты диалектной морфологии: регулярное <-ѣ> в Р. ед. жен. (*уо Стоють*, *уо Ньжать*, *мьрь*, *п(а)ть*), отсутствие *-ть* в *возьме*. Отметим сохранение древнейших форм в *лнанаго*, *бьз 2уо мьруо* (Р. дв.) и, напротив, новое окончание *-у* в Р. ед. *бобуо*, *горохуо*.

Для выразительной формулы (записываем ее в нормализованном виде) *ажь боле возьме, а обѣма, али мьне возьме, а обѣма* ср. близкую конструкцию в летописи: *и нынѣ, брате, не туживѣ; аще будеть на^м причасть в Русскѣи земли, то ѡбѣма, аще лишена будевѣ, то ѡба* (Лавр. [1078], л. 67 об.).

О слове *водмоль* (род грубого сукна) см. выше при № 927.

Имя *Стоюта*, ранее не встречавшееся, — гипокористическое производное от двучленного имени *Стоинѣзь* или прямое производное с суффиксом *-ут-а* от корня *стой-* (ср. *Воюта*, *Ходута* и т. п.).

Имя *Ньжата* было весьма распространенным; возможно, именно этим объясняется использование в данной грамоте отчества. Упоминаемый здесь Нежата — видимо, тот же, что в № 1024.

Отчество *Худочевичь*, как и исходное имя *Худочь*, ранее не встречалось. Но в грамоте № 640 (2 пол. XII в., усадьба И) встретилось очень близкое по структуре имя *Худычь*; возможно даже, что это варианты одного и того же имени.

Имя *Наславъ* в грамотах известно. Примечательно, что в эту эпоху дохристианское имя *Наславъ* еще мог дать своему сыну и поп.

Грамота № 1024

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1848, на уровне пласта 5 (глубина 0,80–1,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Два не соприкасающихся фрагмента, содержащие две начальных и две срединных строки документа (с утратами).

+АЖИТАВОСЬАНОѠС[Г]АВИНЬЖИ[ГО]...
 АТРЕТЬИАѠ[ЛЬ]КШЫПРИВЬЗЬНА:А:Д:АѠЗУОАПРИВЬНА

 АВЬСА:Д:ДЬЖИѠНЬЖАТЬПРИВЬЗНО:АѠ...
 ДЬЖ...

Фрагменты 33,3×2,2 см и 22,8×1,4 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

В слове *привьзно* ‘привезено’ Яким, чья манера письма отличается нередкими пропусками букв (в основном гласных), пропустил *ь* между *з* и *н*. А в слове *привьна* ‘привезена’ пропущен целый слог *зь*.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

+ А жита в осьяно: Ѡ Ставинь жито | а третьиа Ѡ Олькшь привьзьна; а 4а Ѡ Зуоа привь(зь)на | А вьса 4 дьжи Ѡ Ньжать привьз(ь)но, а Ѡ ... | дьж- ...

Это документ хозяйственного учета.

Перевод: ‘А ячменя посеяно: от Ставины ячмень [привезен]; [другая дежа — от того-то привезена]; а третья от Олекши привезена; а 4-я от Зуя привезена’. После разрыва: ‘А овса 4 дежи привезено; а от [того-то столько-то] дежей [привезено]’.

Олекша — почти наверное тот же, который написал письмо № 1020, Нежата — тот же, что в № 1023.

Имя *Ставина* ранее не встречалось. Прозвище *Зуи* тоже встретилось впервые, но производные от него — *Зуико* в № 92, *Зуикевичь* в № 51 — уже были известны.

Отметим утрату начального *о* в форме *овьса* после проклитики *а*: *а вьса* (ср. *а бьма* в № 1023).

Грамота № 1025

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1848, на уровне пласта 5 (глубина 0,88 м), в напластованиях усадьбы Ж. Две средние строки письма (с утратами).

[УИ]А-----[ТИИ]АСВОАКААМАТИТИ
[ЭИ]А[Е]Т[Ь]ИАКИМЕСЬАКЪДЕТИПАКЪПОКАЖЕТЬ

Длина 41,8 см, ширина 2,2 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

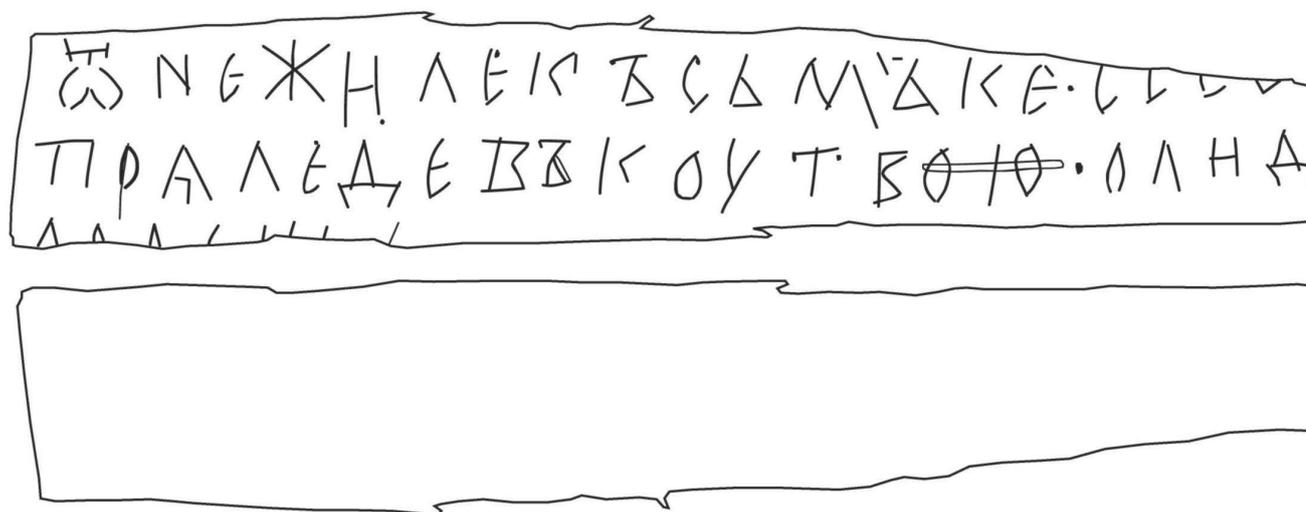
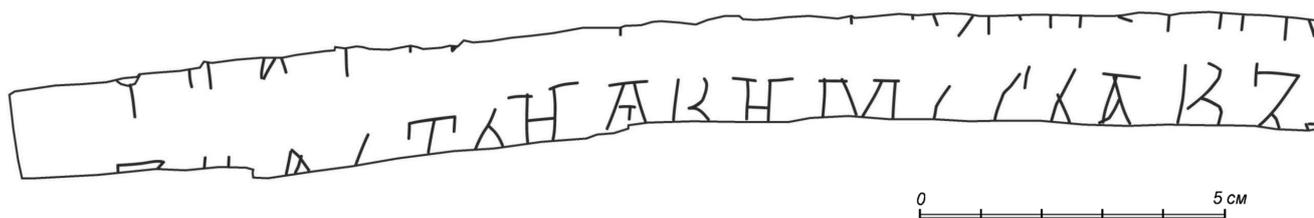
...чи. А -----тина свояка. А мати ти знаетъ, и Акиме съ. А къде ти пакъ покажетъ ...

Перевод: '... свояка. А мать-то знает; и этот Яким. А где вот (или: где вот тебе) он покажет ...'.

Слова *Акиме съ* 'этот Яким' скорее всего означают, что Яким был передатчиком этого письма: так, слово *сему* в грамотах означает 'подателю письма'.

В *мати ти* слово *ти* — явно частица; а в *кѹде ти пакъ покажетъ* оно может быть как частицей, так и местоимением ('тебе').

Прорись грамоты № 1025

Грамота № 1026

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1846, на уровне пласта 6 (глубина 1,04 м), в напластованиях усадьбы Ж. Три начальные строчки письма (с утратами) и повторение адресной формулы на обороте.

ЫНЕЖИЛЕКЪСЪМЪКЕ·[СЕЕС]--[ДЕ]А-----[У]·ААЗЪ
 ПОАЛЕДЕВЪКОУТВОЮ·ОЛИДЕВЪКА·ХРОМА·АВ[Е]ЗИКО
 [МОЕИ]...

Оборот

ОТЪНЕЖИЛЕ
 КЪСЪМЪКЕ

Длина 36 см, ширина 3,2 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

Ы Нежиле къ Съмъке. Се ес-- деа-----[у]. А азъ поале девъкоу твою. Оли девъка хрома, а вези ко мои ... Оборот: Отъ Нежиле къ Съмъке.

Прорись грамоты № 1026

Для частично утраченной первой фразы текста А. А. Гиппиус предложил правдоподобную конъектуру: *се ес(ѣѣ) дѣла(ла коупло)у* (написание *лоу* вместо *лю* встречается в раннедревнерусских грамотах примерно столь же часто, как правильное *лю*).

Перевод: 'От Нежилы к Семке. Вот (конъектура: мы [двое] совершали куплю). А я взял твою девку. Если девка хрома, то вези [ее] к моей ...'. На обороте: 'От Нежилы к Семке'.

Повторенная на обороте адресная формула могла служить в качестве внешнего адреса, чего до сих пор мы в берестяных грамотах не встречали, но что между тем характерно для античных писем.

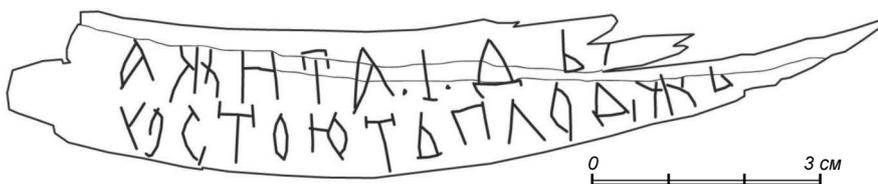
Поале девъкоу здесь, судя по контексту, означает не 'женился на девице', а 'приобрел (забрал) молодую рабыню' (возможно, купил или получил в счет уплаты долга). Вероятно, Нежила этой рабыни при сделке либо вообще не видел, либо не мог детально оценить, поэтому еще не знает, есть ли у нее какие-то физические недостатки.

Как и из ряда других берестяных грамот, из этой грамоты видно, что сделкой (в частности, покупкой) считался соответствующий словесный договор, а как деньги, так и товар могли переходить из одних рук в другие не сразу, а лишь позднее.

Грамота № 1027

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1849, на уровне пласта 6 (глубина 1,07 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это левая часть двух срединных строк документа.

Прорись грамоты № 1027

ажита·ѣ·дѣ[ж]...

уостоятъплоджь...

Длина 11,7 см, ширина 1,9 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата:

60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: **А жита 10 дѣж(ь)...** | **Уо Стоють п(о)ло д(ь)жь ...**

Перевод: 'А ячменя 10 дежей... У Стоюты полдежи...'

Стоюта — явно тот же, что в № 1023.

Грамота № 1028

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1848, на уровне пласта 5 (глубина 0,87 м), в напластованиях усадьбы Ж. Фрагмент последних двух строк документа.

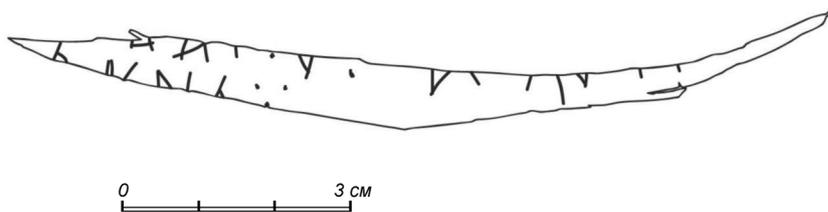
[в]а-[о]·ѣ·аз...

кнь:·

Длина 11 см, ширина 0,8 см.

Несмотря на крайнюю бедность палеографического материала, документ может быть с высокой вероятностью атрибутирован Якиму (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Прорись грамоты № 1028

Надежно читается только слово **к(у)онь**. Первоначальная грамота явно представляла собой документ хозяйственного учета того же типа, что большинство записей Якима.

Грамота № 1029/980

Грамота № 1029 найдена 10 и 11 июля 2012 г. на Троицком раскопе, в квадрате 1846, на уровне пласта 6, в виде трех фрагментов (глубина 1,02, 1,03 и 1,06 м), в напластованиях усадьбы Ж. Как было установлено А. А. Гиппиусом, частью той же грамоты является фрагмент № 980, найденный 29 июня 2010 г. на Троицком раскопе в напластованиях той же усадьбы Ж, в квадрате 1821, на уровне пласта 6 (глубина 1,04 м).

№ 980 — это последние 9 букв грамоты (5 из них частично видны и на № 1029).

Это практически целый документ (недостает лишь нескольких букв, из которых две очевидны).

+уожирослава:Ѣ::уомуужавозалькадь:уолазоракадь::уоиванкакадьуопопа::уоньсдькадь:
-----тковьекадь:уонастасие:Ѣ:кад[ч]уосьсьмьоньекдь:уокоскинье:Ѣ:кади::уоньжи:Ѣ:кади

Длина 50,4 см, ширина 6,1 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

+ **Уо Жирослава 6, уо муожа возаль кадь. Уо Лазора кадь. Уо Иванка к(а)дь уо попа. Уо Ньсдь к(а)дь. (Уо) ---тковье кадь. Уо Настасие - кадь. Уо Сьмьонье к(а)дь. Уо Коскинье 2 кади. Уо Ньжи 4 к(а)ди.**

Перевод: ‘У Жирослава 6 [и] у мужа [Жирославова] взял кадь. У Лазоря кадь. У попа Иванка кадь. У Несды кадь. У ---тковой жены кадь. У Настасьи 2 (*или* 3, *или* 4) кадцы. У Семьюновой жены кадь. У Коскиной жены 2 кади. У Нежи 4 кади’.

В начале второй строки скорее всего стояло (*уо Пуутковье* ‘у Путковой жены’: других подходящих имен из числа известных не усматривается, а в грамоте середины XII века № 630 с близлежащей усадьбы 3 в числе должников фигурирует Путкова жена (запись *оу Пуутковьи*). Можно думать, таким образом, что это одно и то же лицо.

Что здесь измерялось кадиями, не указано. Чаще всего в подобных перечнях фигурируют ячмень, овес и рожь. Но в записях Якима овес всегда измерен в дежах, а ячмень в дежах или в мерах. Поэтому в данной грамоте вероятнее всего имеется в виду рожь.

Примечательно, что половину участников этих имущественных операций составляют женщины.

Жирослав — вероятно, тот же, что в грамоте (того же времени) № 657 с соседней усадьбы Е (см. о нем ДНД₂: 397). Не исключено также тождество этого персонажа с Жирочкой из относительно близкой по времени и топографии грамоты № 851 и/или с Жирочком из № 1000.

Лазорь — может быть, тот же, что в грамоте № 952 с соседней усадьбы Т.

Несда — древнее имя, встречающееся в летописи и в грамоте № 105 с Неревского раскопа.

В отношении жены Семьюна можно отметить, что имя Семьюн встретилось уже в трех грамотах сравнительно близкого времени с Троицкого раскопа — № 685, 710 и 735. Хотя для отождествления всех этих персонажей недостаточно оснований, всё же можно быть уверенным, что за этими упоминаниями стоят не четыре разных Семьюна.

Коскиная — жена человека по прозвищу Коска (уменьшительное от слова *коса* в том или ином его значении); предполагать здесь прозвище Козка нельзя, поскольку оглушение звонких согласных относится к существованию более позднему времени.

Нежа (*Нъжа*) — не встречавшееся ранее имя несколько необычной структуры, которое могло быть мужским или женским.

Грамота № 1030

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1835, на уровне пласта 6 (глубина 1,06 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это левая часть двух последних строк документа.

[Д]ЪЖЬИПЛОТ[РЬ]...
ДЪЖЬАТОВОТ[Р]...

Длина 7,3 см, ширина 2,8 см.

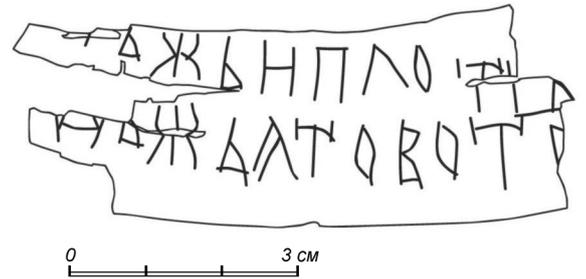
Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: ... дѣжъ и по(о)ло трѣ(ть)е ...

дѣжъ, а то во тр...

Это обрывок такого же документа хозяйственного учета, как и ряд других записей Якима (см. выше). *А то во тр...* — возможно, начало записи *а то во треть* ‘а это заем «в треть» (под 33% роста)’. Прорись грамоты № 1030

Грамота № 1031

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1861, на уровне пласта 4 (глубина 0,60–0,80 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целое двустороннее письмо из пяти строк на лицевой стороне и четырех строк (другим почерком) на обороте. Письмо пострадало от пожара. Особенно сильно пострадал текст на обороте, так что удовлетворительной реконструкции и интерпретации он пока что не имеет (ниже на прориси оборота отражены лишь наиболее явные штрихи). Но лицевую сторону удалось прочесть целиком.

ЎНѢЖЬКАКЪБОУДЪКОУ:ЦЕМОУДЪРЬЖИШИКОУНѢААНАТО[БѢ]МЛЮ[К]ОУН[Ѣ]
ОУХОТОУРѢСИКАЗАЛЪАТЪНЕВЪДЕЛЕ:СЪГЮРЪКЪМ[ЪЕСИ]П[РИ]СЪЛАЛЕ
АТЕНЕВЪДАЛЕ·Г:ГРѢНЪ:ЛЕЖИТЬВЪТРЕТ[Ъ]ПАР[ОБ]ЪКЪЕСИОДЪР[Ъ]
НВЪДАЛЕАНЪНѢСАВЪПИРАЕНАПАТИГРѢНЪАП[РО]МЪШЛЕИ
ТОЛИТВОАБОЛОГОДѢТЪМНѢ[Ц]ЪТОМИСОУЛИ

Оборот

(..)АБ-----МЪ
(..) [Ѣ]МОУ(-)[Х]ОТООУПО[Р]...
(..)НАМОУИСЕМОУСВО(-)МОУ
(..) [СЫН-В-]----ЗАЛЪГ...

Строки 3, 4 и 5 автор начал с большим отступом от левого края, чтобы обойти дефектный участок коры. *Не въделе* вместо *не въдале* в строке 2 — предвосхищение *е* следующего слога.

Длина 45,6 см, ширина 5,3 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

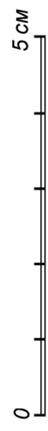
Внестратиграфическая оценка только широкая: XII в.

Текст на лицевой стороне делится на слова так:

Ў НѢжъка къ Боудъкоу. Цемоу дърѣжиши коунѣ? А а на тобѣ емлю коунѣ. Оу Хотоурѣ еси казалъ, а тѣ не въделе. Съ Гюрѣкъмъ еси присълале, а те не въдале. 10 гр(и)в(ѣ)нѣ лежитъ въ треть. Паробѣкъ еси одърнѣ въдале, а нынѣ са вытирае на пати гр(и)в(ѣ)нѣ. А промышлен: то ли твоя бологодѣтъ мнѣ, цѣто ми соули.

О П З Н Ж И К Б И А И З Б О У А З И О У Ч Е П У О Ч П А Б Р Д Г И
 О У Х О П И О У Р Б С С И И А З И А Л З А Т Т З Н С Б З С
 А Т С И С Б З Д А А С : Т П Б Н З : А С :
 И Б В Т А И Т С И Н З Н С С А Б В И П П Р А
 Ч О А Н Т В О А Б О Л О Г О А В Т Д Р У Т И С Б

Р Д Г И К Ш И К С И Ж А А И А Т О П И А И О И О У Н С
 В З Д А С Л С : С З Г И Р З И З П У Т С И И П Р И С Б А А Т С С
 : А С : И К И Т Д В Б Т П С Т Б П А Р У С Б И З В Е Ч И О А Д Р Д
 И Р А С И А П А Т И Г Р В И Н З А П Р С Т И Б Ш А С И
 С Б Т О П И С О У А И

А С М С
 С И С У С , Т О У П О Р С
 И А И И У И С С М О У С В О М У
 К С З А Л Б Г

Прорись грамоты № 1031

Перевод: ‘От Нежка к Будку. Почему не отдаешь деньги? А я [именно] с тебя взимаю деньги. Ты сказал [взять] у Хотуры, а тот не отдал. Ты послал с Гюрком, а тот не отдал. 10 гривен [теперь] лежат [как заем] в треть. Ты дал одерень (в полную собственность) паробка, а он теперь рвется на волю за пять гривен. Размысли же: это ли твое благодеяние мне, которое ты мне сулил?’

Последнюю фразу в принципе можно было бы понять, интерпретируя *соули* не как аорист ‘ты сулил’, а как презенс ‘сулит’, несколько иначе: ‘Это ли твое благодеяние мне? Что оно мне сулит?’; но по смыслу этот вариант представляется менее вероятным.

Общая структура текста сходна, в частности, с грамотой № 750 (начала XIV в.), где автор начинает свои упреки словами *дознаиса на собе* ‘рассуди сам’. В грамоте № 1031 автор тоже прямо ничего не требует от адресата, но перечисляет свои претензии к нему и завершает изящной формулой ‘Размысли же: это ли твое благодеяние мне?’.

Имя *Нѣжьско* — весьма распространенное. Имена *Будько* и *Хотура* встретились впервые.

Будько — гипокористическое производное от имени типа *Будимирь*; ср. другие производные от него же: *Будиша* (в № 663 и 888), *Будота* (в № 509).

Хотура — гипокористическое производное от имени типа *Хотославъ*; тем самым это может быть даже то же лицо, что Хотослав из грамоты № 1020 (см. выше). Гипокористический суффикс *-ур-а* встречается, хотя и не очень часто, в древних документах: ср., например, в НПК имя *Мичура*, деревни *Мишурино*, *Степурино*, *Чепурино*, *Носурино*, в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского фамилии *Бабуринъ*, *Кошуринъ*. Этот суффикс вполне активен донныне, ср. современные *Нюра*, *Мура*, *Сашура*, *Шура*, *Ванюра* и т. п.

Гюръко — гипокористическое производное от христианского имени *Гюрьгии*.

Автор в начале своего текста старался до какой-то степени соблюдать наддиалектные нормы: он написал *казаль* и *тъ*; но быстро сбился и дальше уже использовал только диалектные формы: *присълале*, *не въдале*, *те*.

Особый интерес в этой связи составляют формы *тъ* и *те*. Словоформа *тъ* ‘тот’ представлена в текстах достаточно широко, особенно после союзов *а* и *и*, например: *ѣко покрывати са кораблю влънами, а тъ съпаше* (Мариин. ев., Матф. 8.24); *в то же верема бѣ Андрѣи Гюргевиць в Суждали кнѣжа, и тъ бѣ не имѣя любви къ Мъстиславу* (Ипат. [1170], л. 194).

Но древненовгородская диалектная форма *те* была до сих пор непосредственно отмечена всего один раз в весьма позднем документе — в списке 1670 г. с псковской грамоты 2-й половины XIV в.: *те раздѣля* (И. ед.) ‘тот раздел’ (*ля* вместо *ле* в силу яканья); см. ДНД₂, § 3.26. Но главным основанием для реконструкции именно такой формы был всё же не этот единичный поздний пример (где нельзя было исключать даже простую ошибку), а общие сведения о древненовгородском склонении. И вот грамота № 1031 принесла прямое подтверждение правильности этой реконструкции.

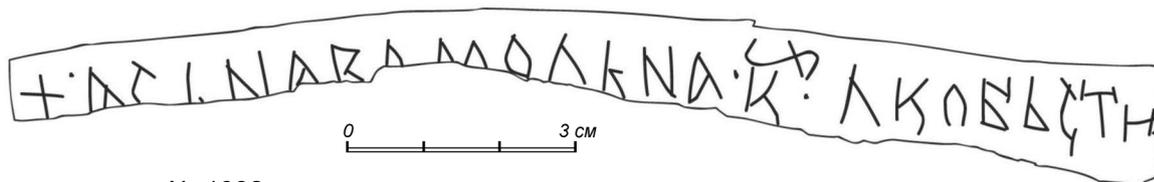
Глагол *вытиратиса* словарям неизвестен; судя по контексту, он здесь имеет значение ‘рваться на волю’, что достаточно хорошо соответствует его морфемной структуре.

Глагол *промышляти* выступает здесь в одном из известных его значений: ‘помышлять’, ‘обдумывать’.

С фонетической точки зрения важно появление *е* на месте *а* в *промышлеи*. Это одно из самых ранних свидетельств диалектного перехода [а] в [е] между мягкими согласными (см. ДНД₂, § 2.36).

Грамота № 1032

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1845, на уровне пласта 6 (глубина 1,06 м), в напластованиях усадьбы Ж. Первая строка документа (в котором, вероятно, сверх этого имелось только короткое начало второй строки).

Прорись грамоты № 1032

+ А С Ъ Н А В О М О Л Ъ Н А 20 Л О К О Т О Б Ъ Ш Ъ С Т И | ...

Длина 15,3 см, ширина 1,5 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: + **А сь на во(д)моль на 20 л(о)ко(то) бь (шь)сти ...**

В слове *вомоль* Яким пропустил букву *д*; в *бь сти* (вместо *бь шьсти*) пропущен целый слог. Запись *лко* — сокращение (вместо *локото*); единицы измерения вообще большей частью записываются в берестяных грамотах сокращенно.

Судя по структуре других сходных записок Якима, сверх этого текста в грамоте имелось только указание цены.

Перевод: ‘А вот за водмол за 20 локтей без шести ...’. Но продолжение могло быть различным. Вот примерные варианты: а) ‘столько-то кун’ (т. е. за 14 локтей водмола столько-то кун); б) ‘кун гривна’ (т. е. за 20 локтей водмола без шести кун гривна); ср. такой способ обозначения цены, например, в *без дьвоу ногатой зрна* в № 526, *без девяти коунь 2 гривнѣ* в № 119 и в ряде других грамот.

Грамота весьма похожа на другую записку Якима — № 927 (см. выше): + *а сь на водмольчъ пло б коунь на иночьмь*. В грамотах Якима слово *водмоль* встретилось целых три раза (№ 927, 1023, 1032).

Грамота № 1033

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1840, на уровне пласта 6 (глубина 1,06 м), в напластованиях усадьбы Ж, в виде двух фрагментов (вплотную не смыкающихся). Двустрочный документ, утративший одно или два слова в середине первой строки.

ауо[ло]----- (бьр)ковьськуостараго
луобо:ѣ:кновозмиаахтизн[ае]

Фрагменты размером 18,7×1,7 см и 11,4×1,5 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так:

А уо Ло----- (бьр)ковьськ уо стараго. Луобо 5 к(у)но возми. А Лах ти знае.

Прорись грамоты № 1033

Перевод: ‘А у [X-а (имя)] старого берковец (или 3, или 4 берковца); или же 5 кун возми. А Лях знает’. Берковцами измерялась соль.

В отличие от большей части документов Якима, это не учетная запись, а распоряжение. Но адресная формула отсутствует — адресату было ясно, от кого исходит и кому адресовано распоряжение.

Имя Лях представлено также в грамоте № 615, найденной на той же усадьбе Ж в слоях середины – 2-й половины XIII века. При такой хронологической дистанции отождествление этих двух персонажей нереально. Между тем с человеком, названным в грамоте № 999 (вторая четверть – середина XII в.) *Тюдорове Лашьке*, отождествление в принципе возможно.

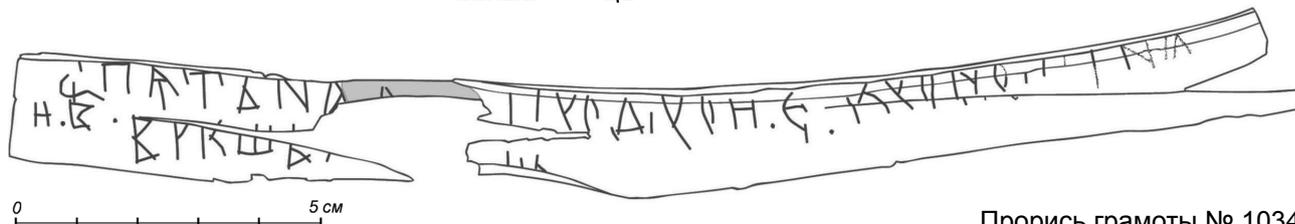
Отметим написание *лоу* вместо *лю* в слове *лоубо* (см. об этом явлении ДНД₂, § 2.44).

О написании *Лях ти*, без гласной в конце слова, см. ниже, при № 1042 (в конце статьи).

Грамота № 1034

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1840, на уровне пласта 6 (глубина 1,04 м), в напластованиях усадьбы Ж, в виде трех фрагментов. Последние две строки документа.

ПАТЬНА[Д]---ПУОДУО:Є:КУОНО[ИГ]РН[А]
И·В·ВЬКШЬ-----ЦЬ

Прорись грамоты № 1034

Мелкие буквы *и·в·* в начале второй строки, по-видимому, приписаны потом. В слове *вькшь* буква *ь* после *в* перевернута — как в слове *брковьскъ* в № 983.

Длина 21,2 см, ширина 1,8 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: ...*пять; на д(воу) пуодуо 5 куоно и гр(ив)на и 2 вькшь -----ць*.

Реконструкция *на д(воу)* безусловно предпочтительна перед *на д(вою)*: в корпусе берестяных грамот Р. М. от *д(ъ)ва* представлен 9 раз с окончанием <-у> (в том числе в *бъз Вуо* 1023 у самого Якима) и ни разу с окончанием *-ою*.

Перевод: ‘... пять; за два пуда 5 кун и гривна и 2 векши ...’. Два пуда чего, не указано; очевидно, товар был назван в предшествующем тексте.

Грамота № 1035

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1840, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж.

+АСЬЛИБСКЪЕ

Длина 7,1 см, ширина 1,4 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Прорись грамоты № 1035

Текст делится на слова так: + **А съ либскѣ.**

Грамматическая форма слова *либскѣ* двусмысленна: это либо И. мн. жен. (с окончанием <-ѣѣ>, см. ДНД₂, § 3.23), либо И. ед. муж. (с окончанием <-еи>, см. ДНД₂, § 3.20).

Перевод: 'А вот ливские (или: ливский)'.

Очевидно, это этикетка при каких-то ливских изделиях (или одном таком изделии). Это уже второе бере-
стяное свидетельство участия ливов в торговых сношениях с Новгородом; первым была грамота № 776 (30-е–
50-е гг. XII в.), адресованная *ко либинѣ ко Мостокѣ* 'к ливу Мостке'.

В слове *либскѣи* 'ливский', встретившемся в русской письменности впервые, примечательно присут-
ствие (как и в словах *либь* 'ливы' в летописи, *либинѣ* в грамоте № 776) *б* в соответствии с *в* в самоназвании
ливов; см. об этом ДНД₂, § 2.16.

Грамота № 1036

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1839, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–
1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это узкий вертикальный фрагмент четырехстроч-
ного письма, сохранивший от каждой строчки лишь по две-три буквы. Редчайшая осо-
бенность: текст написан не вдоль волокон, а поперек (чем и объясняется то, что доку-
мент оказался разорван поперек строк).

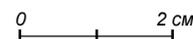
...АКИ...
...ИЛ...
...ИМ...
...СИ...

Длина 2,3 см, ширина (высота) 7 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Несмотря на крайнюю бедность палеографического материала, документ может быть
со значительной вероятностью атрибутирован Якиму (см. № 922 и 1042).

Относительно надежную интерпретацию допускает только отрезок *аки...* в первой
строчке: это начало имени Якима. Коль скоро почерк принадлежит Якиму, следует пред-
полагать, что это было его письмо, соответственно, в первой строчке стояло *ѿ Якима*.

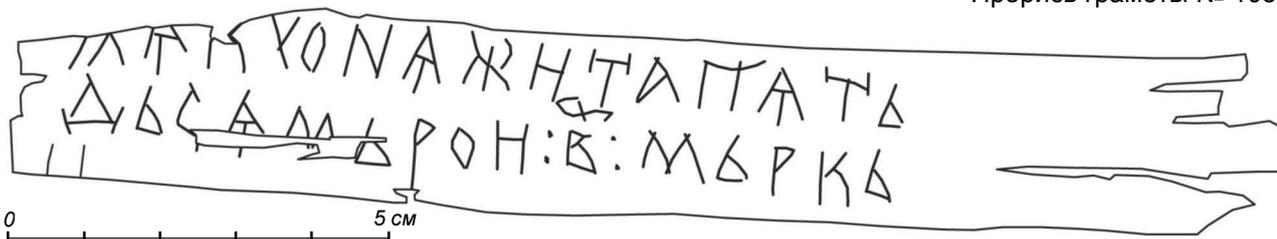
Прорись
грамоты № 1036

Грамота № 1037

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1839, на уровне пласта 5 (глубина 0,99 м), в напластованиях
усадьбы Ж. Целый документ из двух строк.

▲▲КУОНАЖИТАПАТЬ
ДЬСАМЬРОИ:В:МЬРКЪ

Прорись грамоты № 1037

Длина 16,8 см, ширина 2,4 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: **А Якуона жита пать дьса мьро и 2 мьркь.**

Перевод: ‘А Якунова ячменя пятьдесят мер и 2 малых меры’.

Интересно прямое противопоставление слов *мѣра* и *мѣрка*, где уменьшительное *мѣрка* (т. е. ‘малая мера’) выступает как обозначение некоторой вполне определенной единицы измерения. Судя по указанию *2 мьркь*, малая мера не была половиной обычной меры; видимо, она была меньше половины.

В форме *деса* (в составе числительного *пять деса*) отсутствует конечное *ть* (см. об этом явлении ДНД, § 2.42).

Грамота № 1038

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1836, на уровне пласта 6 (глубина 1,00–1,20 м), в напластованиях усадьбы Ж. Фрагмент одной строки документа (возможно, последней).

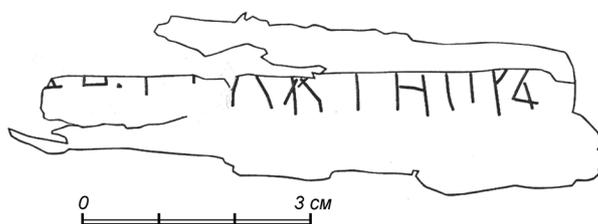
...[ь:г:]актипрь...

Длина 7,2 см, ширина 1,8 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

В тексте можно вычленить отрезок **3 л(о)кти.**

Прорись грамоты № 1038

Грамота № 1039

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1848, на уровне пласта 5 (глубина 0,95 м), в напластованиях усадьбы Ж. Это конец предпоследней строки документа (с обгоревшим правым краем) и последняя строка.

.....[А]нов--ль:ѳ:кноидвь:вом[оло](...)

дишь:ѳ:вдали

Прорись грамоты № 1039

Длина 32,8, ширина 2,7 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

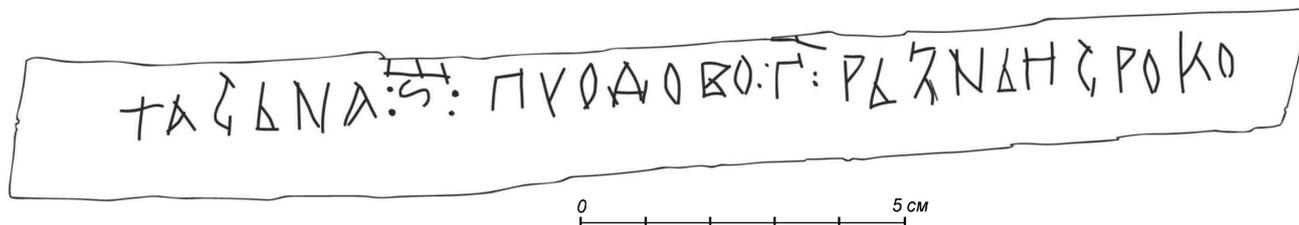
Текст делится на слова так: ...**ано в(да)ль 9 к(у)но и двѣ во Моло(...)|дищѣ 2 вдали.** Но утрачены ли какие-то буквы после *моло* и сколько, неизвестно. Если утрат не было, текст (без нескольких начальных букв) означает: ‘... дал 9 кун и две; в Молодище 2 [куны] дали’. Если утраты были, он означает: ‘... дал 9 кун; и две в Моло... (например, в Мологе); [и в] ...дище (например, в Городище) 2 [куны] дали’.

Тем самым упоминание в тексте топонима Молодище не гарантировано.

Грамота № 1040

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1840, на уровне пласта 6 (глубина 1,17 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целый документ из одной строки.

+асьна:ѣ:пуодово:г:ръзньисроко

Прорись грамоты № 1040

Длина 20 см, ширина 2,4 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: + **А сь на 6 пуодово 3 рьз(а)нь и сроко.**

Перевод: ‘А вот за 6 пудов 3 резаны и сорочок’ (не указано, 6 пудов чего).

В не встречавшейся доньше форме *срокъ* ‘сорочок’ представлен тот же особый диалектный рефлекс *ро* вместо общерусского *оро*, который уже был отмечен ранее в нескольких берестяных грамотах XII и XIII веков: 2 *срочька* ‘два сорочка’ (2х) и *срочькъ* (Р. мн.) в № 336, *сроцеке* ‘сорочок’ в новоторжской грамоте № 3, *погрод(ье)* ‘погородье’ в № 718 (см. об этом ДНД₂, § 2.5–6).

Грамота № 1041

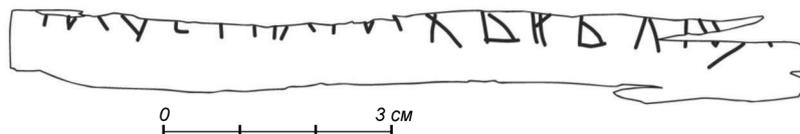
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1814, на уровне пласта 7 (глубина 1,25 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целый документ из одной строки.

[+][а][сьн][а][м]хърьзн[а]

Длина 10,8, ширина 1 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922 и 1042).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Прорись грамоты № 1041

В слове *мьхъ* Яким, чья манера письма отличается нередкими пропусками букв (в основном гласных), пропустил гласную после *м*. *Рьзна* — привычное для Якима сокращение слова *рѣзна*.

Текст делится на слова так: + **А съ на м(б)хъ рьз(а)на.**

Перевод: ‘А вот за мешок резана’ (не указано, мешок чего; возможно, имеется в виду просто цена самого мешка). Предполагать здесь слово *мѣхъ* в значении ‘мех’ (и тем более слово *мохъ*) едва ли возможно.

Грамота № 1042

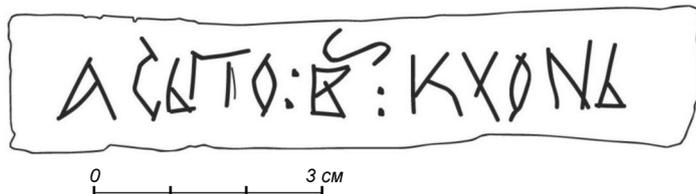
Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1841, на уровне пласта 7 (глубина 1,30 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целый документ из одной строки.

асьпо:ѣ:куонь

Длина 9,3 см, ширина 2 см.

Грамота принадлежит к блоку Якима (см. № 922).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Прорись грамоты № 1042

Текст делится на слова так: **А съ по 2 куонь.**

Перевод: ‘А вот по две куны’. Видимо, это своего рода этикетка при определенном товаре.

Это последняя грамота данного блока.

Теперь мы можем в полном объеме рассмотреть основные особенности этого блока в целом.

По уточненным данным, со стратиграфической точки зрения все грамоты Якима укладываются в хронологический интервал с 60-х по середину 90-х гг. XII века.

Что касается внестратиграфической оценки данного блока, то на основании имевшихся ранее данных этот блок должен был быть отнесен к несколько более позднему времени, а именно, к первой половине (или первой четверти) XIII века. Учитывая стратиграфическую датировку этого блока, мы должны теперь заключить, что Яким был самым ранним носителем некоторых языковых явлений, которые стали активно развиваться лишь примерно с начала XIII века. Главное из этих явлений — падение редуцированных. Состояние редуцированных в блоке Якима (в показательных позициях 35 примеров падения на 1 пример сохранения) требует признать, что этот процесс проходил в древненовгородском диалекте, по крайней мере в некоторых идиолектах, несколько быстрее, чем предполагалось прежде. Соответственно, в таблицах внестратиграфического датирования строка «чистое поздне-др.-р. состояние» ныне подверглась корректировке. См. матрицу на с. 138.

В таком скорректированном виде матрица указывает в качестве предпочтительного интервала последнюю четверть XII – первую четверть XIII в. (хотя формально не исключены и несколько более поздние датировки).

Яким упоминается также в грамотах № 988 и 1025 (с той же усадьбы Ж), найденных в тех же слоях, что и грамоты из рассматриваемого блока.

В грамоте № 988 он выступает в роли лица, которому следует отдать берестяной документ: *(б)ересто водаи Акимю сам[е]*.

В грамоте № 1025 имеется фраза *а мати ти знаетъ, и Акиме съ* ‘а мать-то знает и этот Яким’ (где слова ‘этот Яким’ скорее всего означают, что Яким был передатчиком данного письма).

Кроме того, Яким фигурирует в едином списке с Гречином в грамоте № 935, найденной в слоях 1180-х – 1220-х гг. на усадьбе Е около частокола, отделявшего ее от усадьбы Ж. (Что же касается того Якима, который был одним из двух авторов грамоты № 735, то, как уже отмечено выше, по хронологическим причинам его тождество с данным лицом маловероятно.)

Матрица внестратиграфического датирования для блока Якима
(с коррекцией строки «чистое поздне-др.-р. состояние»)

	1100	1200	1300	1400	
Язык: <i>възати (возати)</i>) ° °)				
Графика: ОУ после согл. (исключит.)) °)				
Ы 1 Молоточек) ° ° ° °)				
Язык: <i>куна (с числит.), рѣзана</i>) ° ° ° °)				
Графика: двоеточие в цифрах) ° ° ° °)				
Формуляр: начальный крест) ° ° ° °)				
Язык: <i>ногата</i>) ° ° ° °)				
Ы 1а Высокая перемычка) ° ° ° °)				
Р II Углом вверх) ° ° ° °)				
Ж 1 Жук) ° ° ° °)				
Язык: <i>сьлю (солю)</i>) ° ° ° °)				1×
У 1а Большое Т) ° ° ° °)				
Ж III Звездоподобные в 4 взмаха) ° ° ° °)				
Ж 2 Неполный жук) ° ° ° °)				
В 3а Верх больше низа) ° ° ° °)				1×
З 2б Ё-образные (вертик./левонакл.)) ° ° ° °)				
Язык: <i>взати (узати) (не въ-, во-)</i>) ° ° ° °)				1×
Язык: чистое поздне-др.-р. состояние) ° ° ° °)				
Д Ша На щечках (острые)) ° ° ° °)				
Графика: <i>ѣ → Е</i> (фонд ≥ 2×)) ° ° ° °)				
У 4 Буква целиком в строке) ° ° ° °)				
А 4 Широко раскрытые) ° ° ° °)				
Графика: <i>ѣ → О</i> (фонд ≥ 3×)) ° ° ° °)				
Р 11 Буква целиком в строке) ° ° ° °)				

Приводим здесь для обозримости весь комплекс грамот Якима (в несколько упрощенной записи), подразделив их на группы по содержанию и по степени сохранности (переводы и частные комментарии см. выше при соответствующих номерах).

Прежде всего, выделяется одна грамота церковного содержания:

№ 977: Гл(а)со 2: егда [Г]л(а)со 3: да въсьлаться н(е)б. Гл(а)со 4:
Гл(а)со 5: собъзначаль о. Гл(а)со 6: англскыа силы. Гл(а)со 7: раздр{р}уоши. Гл(а)со {2л(а)со} 8: со вышн(и)хо
снони.

Далее, имеются начальные части двух писем, исходящих от Якима. К счастью, в них сохранились адресные формулы.

№ 979: ѿ Ак(и)ма ко М(и)лославъ. Посоли на ож...

№ 989: ѿ Акима ко Ньжиль и ко Милославъ. То ти есмо Гаври(ль) ... н(о)ло трътие гривнь, а Милославъ ...

Имеется также крохотный фрагмент, предположительно составлявший часть еще одного письма Якима:

№ 1036: ... Аки... | ...ил... | ...им... | ...си...

Еще два фрагмента были частями писем, содержавших инструкции адресату:

№ 943: ... (р)ожь куопити, то куопи тамо, а сьмо са нь надь; ... (по дь)вяти рьза, а жито по двь
ногать, а вохо ти ...

№ 1033: А уо Ло----- (бьр)ковьськ уо стараго. Луобо 5 к(у)но возми. А Лах ти знае.

Из прочих грамот Якима выделяется серия сохранившихся в целостности однотипных кратких грамот с указанием цены различных предметов.

№ 927: + А съ на водмолчъ п(о)ло б куонь на іночььмо.

№ 982: + А съ на клобуокъ к(у)на.

№ 995: + А съ на м(а)сль б к(у)но.

№ 996: А на вчинкъ к(у)на.

№ 1032: + А съ на во(д)моль на 20 л(о)к(о)то бѣ (шь)сти ...

№ 1035: + А съ либскѣе.

№ 1040: + А съ на б пуодово 3 рѣз(а)нь и сроко.

№ 1041: + А съ на м(ѡ)хъ рѣз(а)на.

№ 1042: А съ по 2 куонь.

Весьма близки по характеру содержания еще две грамоты Якима, от которых сохранились лишь фрагменты.

№ 986: ... ѡ двѣ к(у)онь, на сънь двѣ (рѣ)з(а)нь, а на вол(о)гѣ двѣ (рѣ)з(а)нь.

№ 992: + А ѡ попа на Гроди... | А на 5 л(о)к(о)то на чрми гр(и)вна. А на хартиахо г...

Среди этих закупок заметно выделяются такие, которые требуются для церковного и монастырского обихода. Таковы: водмол (род грубого сукна) для монашеского одеяния, клобук (монашеский головной убор), деревянное масло (для лампад), червленица (дорогая червленая ткань для церковных украшений), пергамен. Прочие (овчинка, сено, мешок, коровье масло) нейтральны, но, разумеется, и они могли служить для тех же целей.

Далее, имеются документы хозяйственного учета, в том числе денежные и имущественные реестры.

№ 1021: + А заплачьно на бѣль п(о)ло пѣта дѣсѣть и двѣ ногѣть моѡ. А Борисѣ заплачѣть сороко гривно и 4 гривнь и п(о)ло шѣсть куонь. А бѣль вохои 3 тысячѣ и п(о)ло трѣтѣя сорочка бѣ...

№ 1023: + Уо Стоють осталѣно съмно поло одинои на дѣсѣть дѣжѣ овьса, а бобуо 7 мѣро, а горохуо п(о)ло п(а)ть мѣрь, а жѣта 500 мѣро, а лѣнаго съмни 7 мѣрь. А уо Наслава уо поповича два бѣрковьска соли, а по дѣсѣти к(у)но. Ажѣ боль возмѣ, а бѣма, али мѣнь возмѣ, а бѣма. Уо Нѣжѣть уо Хуодочѣвича 4 дѣжѣ овьса на водмоль и рожѣ нь тѣпно п(о)ло стога {стога}. 5 дѣжѣ овьса уо На||сл(а)ва бѣз 2уо мѣруо.

№ 1029/980: + Уо Жѣрослава б, уо муожа возѣль кадѣ. Уо Лѣзора кадѣ. Уо Иванка к(а)дѣ уо попа. Уо Нѣсѣдѣ к(а)дѣ. (Уо) ---ткovie кадѣ. Уо Настасѣе - кадѣ. Уо Съмьюнѣе к(а)дѣ. Уо Коскинѣе 2 кади. Уо Нѣжѣи 4 к(а)ди.

№ 1037: А Акуона жѣта пѣть дѣса мѣро и 2 мѣркѣ.

К этой же категории относились и многие другие записи Якима, от которых сохранились только фрагменты.

№ 922: ... и 2 гривнь, водано 9 к(у)но и ...

№ 923: (Уо) ...овича возѣто на ...

№ 974: (Уо) -----а уо Вѣрина със(т)ричѣча на молодогѣ куона. Уо Воигости 7 рѣз(а)но. Уо бабѣ - к(у)он- ... Уо Настѣ 7 к(у)но. Нѣ ...

№ 976: ... осмѣ на дѣсѣть гривно бѣз осми куоно. А Лѣкшино ... А уо ...

№ 978: (Уо) Рожѣинѣжѣчѣ п(о)ло трѣтѣя дѣса л(о)к(о)то, а п(о) 7 в рѣз(а)нь ----ого ... Оборот: Уо Жѣдана розм(ѣра) ...

№ 983: А хлѣбѣ мои. А мѣдуо ... После разрыва: ...дино п(о)ло б. А вох(ѡ)мо п(о)ло 5 п(а)та пуодуо и брковѣ вьскѣ моего. 10 ... п(о)л(о) (-) (бѣрков)ьска.

№ 994: ... рѣзань, 11 рѣз(а)но нь имуо на ...

№ 998: ... (ку)онахо -- 4 бѣрковьскѣ, а по одинои на дѣсѣть к(у)онь.

№ 1024: + А жѣта воешьно: ѡ Ставинѣ жѣто ... | а трѣтѣя ѡ Олькишѣ привѣзьна; а 4ѡ ѡ Зуоѡ привѣзьна ... | А вьса 4 дѣжѣи ѡ Нѣжѣть привѣзь(ѡ)но, а ѡ ... | дѣжѣ- ...

№ 1027: А жѣта 10 дѣжѣ(ѡ)... | Уо Стоють п(о)ло д(ѡ)жѣ ...

№ 1028: ...[в]а-[о] ѿ. а з... | к(у)нь:

№ 1030: ... дѣжь и п(о)ло трь(тьє) ... | дѣжь, а то во тр...

№ 1034: ...| пать; на д(во) пуодуо 5 куоно и гр(ив)на и 2 вѣшь -----ць.

№ 1038: ... 2 л(о)кти прь...

№ 1039: ... 9 к(у)но и двѣ во Моло(...)|дищъ 2 вдали.

Сюда же относится грамота Якима, найденная в 1984 г. и опубликованная в НГБ-IX:

№ 621: ...|на 2 гривнь и двѣа рѣз(а)но, а за мною пло осмь гри(внь) ...

Из автографов Якима вырисовывается значительная и разносторонняя фигура, совмещающая две линии деятельности — церковно-книжную и хозяйственную. Прежде всего это грамотей, книжник, церковно образованный человек. Он умеет грамотно составить конспект тропаря, применяя принятые в церковно-книжном письме приемы и сокращения (№ 977). Он делает записи, связанные с монастырским обиходом, — о монашеском водмолѣ, о червленице, о деревянном масле, о клобуке. Он ведает запасами пергамента (№ 992). Какую-то категорию письменных сообщений принято передавать именно ему (№ 988). Он явно мог выступать в роли профессионального писца, составлявшего и записывавшего документы для других.

С другой стороны, в ряде документов Яким предстает в роли управляющего крупным боярским хозяйством. Он ведает огромными денежными суммами; действуя, очевидно, от имени своего патрона, указывает распределение трех тысяч беличьих шкурок между двумя совладельцами (возможно, братьями, № 1021). Он составляет роспись количеств (весьма значительных) семенного зерна и овощей, предоставленных нескольким лицам, — снова от имени тех же двух совладельцев (№ 1023). Он дает указания по подготовке общинного пира (№ 983). Его рукой написано большое число документов о долгах или недоимках и о количествах ржи, ячменя, овса, бобов, льняного семени, соли, меда, солода, сметаны, сена, меха, овчин, которые доставлены или должны быть доставлены.

Не исключено, что административно-хозяйственная деятельность и церковно-монастырская жизнь Якима относятся к разным фазам его биографии.

Блок грамот Якима написан по бытовой графической системе, а именно, реализован тот ее вариант, который характеризуется последовательной заменой ъ на о, а е (после согласной) и ѣ — на ь. В одном случае: *іночьмо* 927 — замена е на ь представлена также, вопреки общему правилу, после гласной.

Наиболее бросающаяся в глаза особенность блока Якима (крайне редкая в берестяных грамотах) — последовательная передача [у] через диграф уо.

Индивидуальная манера Якима примечательна тем, что он часто опускает в словах гласные. Помимо обычных для многих грамот сокращений *кна* = *куона*, *рѣзна* = *рѣзана*, *пло* = *поло*, *кдь* = *кадь*, мы находим у Якима, в частности: *Акма* 979, *Млославъ* 979, *на мсль* 995, *на волзь* 986, *вохмо* 983, *пта* 983, *лкто* 992, *п 7 в рѣзнь* 978, *пть* 1023, *на мхъ* 1041 и др. — вместо *Акима*, *Милославъ*, *на масль*, *на волозь*, *вохьмо*, *пта*, *локото*, *по 7 в рѣзань*, *пать*, *на мхь*. О возможном источнике такой манеры см. выше, при грамоте № 979.

Отметим еще *бѣ сти* ‘без шести’ 1032, с пропуском целого слога.

В одной грамоте (№ 986) Яким использовал необычное сокращение для *рѣзанѣ* — *знь* (с усечением начальной, а не конечной части слова).

С фонетической точки зрения блок Якима характеризуется прежде всего тем, что в показательных позициях практически все слабые редуцированные здесь уже отсутствуют: *два* 1023, *двѣ* 986 (3×), и *двѣ* 1021, 1039, *по двѣ* 943, *за мною* 621, *на водмоль* 1023, *на водмолчь* 927, *2 вѣшь* 1034, *ѿ Олькшь* 1024, *а Лѣкиши[о]* 976, *на вѣчнць* 996, *(уо) ---тковье* 1029, *уо Коскинье* 1029, *2 мъркъ* 1037, *на хартиахо* 992, *уо Ньсдь* 1029, *вдали* 1039; *уо Ждана* 978, *а лнѣнаго* 1023, *гривнь* 989, *гривнь* 621, 922, *4 гривнь* 1021, *возмь* 1023 (2×), *возми* 1033, *овса* 1023, *на вѣчнць* 996, *кадчь* 1029, *на водмолчь* 927, *либскье* 1035; также *в рѣзнь* 978. И лишь в одном показательном случае редуцированный сохранен: *посоли* 979. Непоказательно сохранение о после в (*вохо* 943, *вохои* 1021, *водано* 922, *возато* 923 и др.), в и *рожи* 1023, равно как сохранение ь, которое уже может служить знаком мягкости (*овьса* 1023, *мьнь* ‘меньше’ 1023, *4 бърковьскь* 998 и др.).

Длина 17,3 см, ширина 1 см.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Текст делится на слова так: ...ѣта и поклонание. Рож ти и...

Перевод: '... и поклон. Рожь-то ...'. Буквы *ѣта* — возможно, конец слова *грамѣта*. Если это так, то здесь представлен особый вариант адресной формулы: «От X-а к Y-у грамота и поклон»; но в других грамотах она пока еще не встречалась. *Рож ти* записано как единое слово (без ъ); ср. запись *Лях ти* в № 1033.

Грамота № 1045

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1862, на уровне пласта 6 (глубина 1,14 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целое письмо из пяти строк (с двумя буквами на обороте).

+Ѡлоукѣ:иѠмикоулѣ:късновидуоунекоупилатиесеѡнищеѡже:заволь
цескаабела:иѠгривенѣ:авѣздинавѣсть:какоулюбовоѡѣ
рѣзѣ:жжебѣховѣдома:нѣроспоутие:ичелоуюѡвы:дом
[·д·і·]коун[є]
ѣкѣѡвѣправитѣвѣвриц:исѡмигривенѣсавѣгюровициупри
соунитѣдомѡне:творитѣсавонѡмѣши

Оборот

Ѡл

Длина 29,5 см, ширина 4,9 см.

Грамота принадлежит к блоку писца А (см. № 997).

Стратиграфическая дата: вторая четверть – середина XII в.

Автор начал писать на темной стороне листа, но ему это не понравилось, и он почти сразу перешел на светлую сторону.

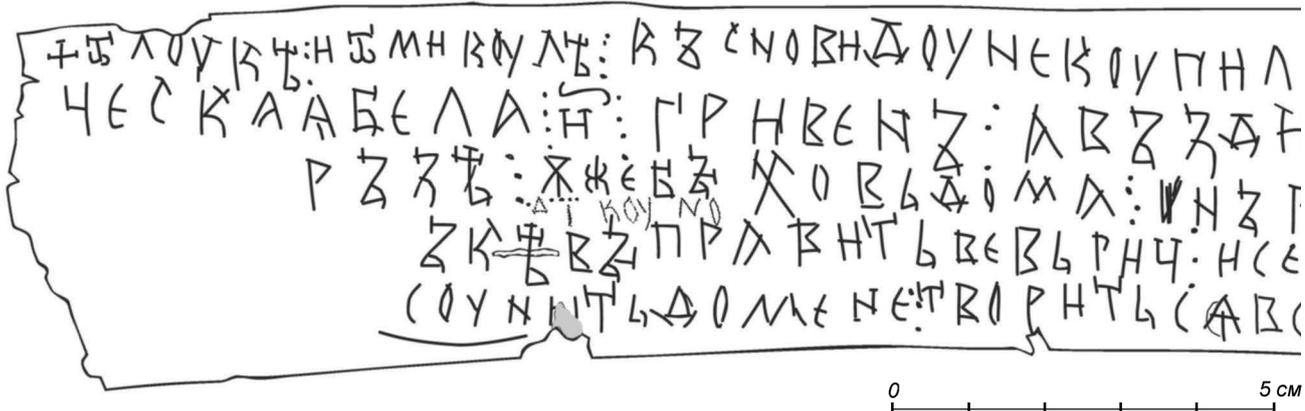
В *възди* (вместо *въздаи*) пропущена буква *а*. В *вонемъшиши*, напротив, по недосмотру повторена буква *ш*. В слове *вѣвриц* отсутствует конечный *ь*; но в данном случае не исключено, что это не случайность, а автор таким способом попытался показать, что он имеет в виду не В. мн. [в'êв'ер'иц'ê], а Р. мн. [в'êв'ер'иц'].

Между 3-й и 4-й строкой мелкими буквами приписано: [·д·і·] коун[є].

Текст делится на слова так:

+Ѡ Лоукѣ и Ѡ Микоулѣ къ Сновиду. Не коупила ти есеѡ нищеѡ же: завольцескаа бела 8 гривенѣ. А възд(а)и на вѣсть какоу любо во бѣръзѣ. Жже биховѣ дома, нѣ роспоутие. И челоую вы.

Домѣкѣ выправитѣ вѣвриц (14 коуне) и семи гривенѣ Савѣ Гюровицию. Присоунитѣ до мене, творитѣ са вонемъ{ш}ши.

Перевод: 'От Луки и от Микулы к Сновиду. Мы (двое) не купили ничего: заволочская белка (беличья пушнина) — 8 гривен'. А ты дай нам (двоим) какую-нибудь весть поскорее. Мы бы уже были дома, да распутица! И приветствую вас.

Домке отдайте денег (*добавлено над строкой*: 14 кун) из семи гривен для Саввы Гюровича. Подсуньте до моего приезда, скажите, что вы участвуете [в деле]'.
Словами и *целоую вы* первоначальный текст письма заканчивался. Но потом, как это иногда в грамотах бывает, автор понял, что следует еще кое-что добавить.

Грамота продолжает большую серию писем Луки, рассмотренную выше. Как и остальные письма этой серии, она посвящена купеческим делам.

Сновид уже известен из грамот № 955, 1007, 1009 и 1012; кроме того, ему адресовано письмо № 1047 (см. ниже). При этом грамота № 1009 — это письмо Сновиду от Луки (вместе с Иваном).

Домка — явно то же лицо, что Домко в грамоте № 1047 (см. ниже).

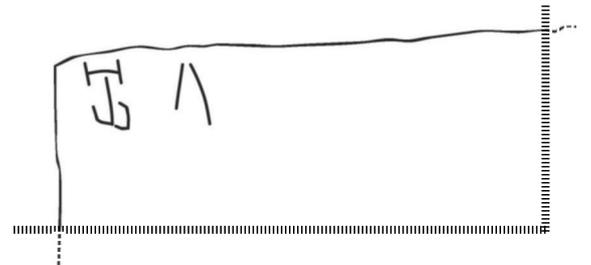
В *быховѣ* дома 'мы двое были бы дома' словоформа *быховѣ* в соответствии с древнейшим синтаксисом сама по себе имеет значение 'мы двое были бы' (тогда как в более позднее время требовалось уже словосочетание *быховѣ была*).

Точное значение глагола *присунути* в данном контексте не вполне ясно. Речь явно идет об отдаче денег. Возможно, значение здесь было то же, что в современном просторечном *сунуть* 'дать взятку'; но с уверенностью утверждать это на основании данного контекста нельзя. Ср. *прикинѣ* в грамоте № 929, с очень похожим *при-*, соответствующим современному *под-* и с близким по смыслу корнем и похожей денежной ситуацией.

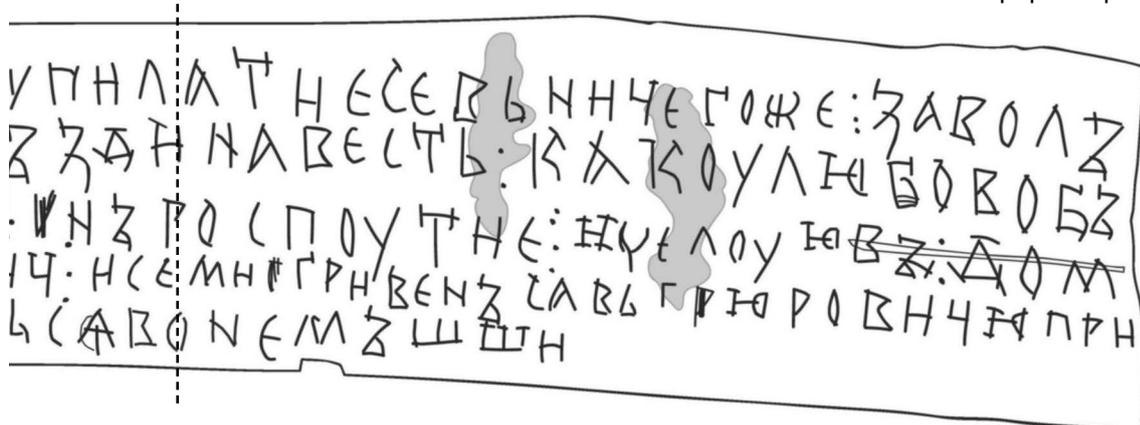
Вънатиса здесь следует понимать как 'включиться', 'принять участие' (подразумевается: в деле, о котором идет речь); ср. в СРНГ (4: 324): *вниматься* (сов. *вняться*) 'браться за какое-либо дело', 'соглашаться принять на себя какое-либо дело'; 'вмешиваться', 'ввязываться' и т. д.

Творить са вонемъшиши = *творите са вьнемъши* — оборот той же структуры, что *творать и переставивше* в № 1020 (см. выше). Он означает: 'скажите (утверждайте, притворитесь), что вы принимаете участие [в этом деле]'. Очевидно, такое заявление было необходимо для того, чтобы объяснить, почему Сновид, а не Лука платит эти деньги.

Отметим, что оба глагола, участвующие в данном обороте (*творити са* и *вънати са*), — возвратные; но в нем реально присутствует только одно *са*. Действует общее синтаксическое правило, по которому *са са* невозможно: оно заменяется одиночным *са*. Но кроме того, независимо от этого правила, *са вьнемъши* всё равно могло быть заменено на простое *вьнемъши* действием того механизма, который описан при грамоте № 1020.

Прорись грамоты № 1045

Настоящей грамотой завершается серия документов, написанных почерками писцов А и Б. Мы можем теперь составить итоговую характеристику этих двух блоков.

Писцу А принадлежат № 997, 1004, 1005 (лицевая сторона), 1006, 1012 и 1045. Можно полагать, что этим писцом был Лука, от имени которого исходят грамоты № 1004, 1005 и 1006, адресованные отцу (скорее всего, также и № 1012), и грамота № 1045, адресованная Сновиду. Но если это так, то Лука написал также грамоту № 997 (где он сам только упоминается) для другого лица. С другой стороны, грамота № 999, исходящая от Луки и адресованная, как и основная группа грамот Луки, к отцу, написана другим почерком. И еще одним почерком (а именно, почерком писца Б) написана грамота № 1009, исходящая от Луки и Ивана и адресованная Сновиду. Таким образом, ясно, что в этой группе грамот в каких-то случаях автор и писец не совпадают.

Писцу Б принадлежат № 1009 и 1005 (оборот). Грамота № 1009 — это письмо от Луки и Ивана к Сновиду; поэтому в ее почерке, отличном от почерка Луки, естественно предполагать почерк Ивана. Грамота № 1005 адресована от имени Луки отцу, но в тексте автор говорит о себе в двойственном числе; при этом первая ее половина написана почерком Луки, а вторая — тем же, что № 1009. Как уже было отмечено при разборе грамоты № 1005, это дает серьезные основания видеть в Луке и Иване двух братьев (из которых Лука — старший).

Что касается грамоты № 936 — от Ивана к Мирошке (т. е., по-видимому, к посаднику Мирошке Несдиничу) с упоминанием Луки, где, возможно, выступают те же Лука и Иван, что в грамотах писцов А и Б, — то она написана другим почерком.

Матрица внестратиграфического датирования для блока писца А

	1100	1200	1300	1400	
Язык: двойств. число в глаголе)		
Язык: <i>то ти (то ть)</i>)		
Язык: релятивизатор <i>то</i>)		
Графика: Ж	///	///	///)	
Ⓐ 1а Большое Т	///	///	///)	
Язык: <i>а 'то' (в 'если — то')</i>)		
Р II Углом вверх	///	///	○	○)
В Па Перелом при мяче	///	///	○	○)
Язык: свободное <i>ти</i>			○	○	
Язык: <i>въкъша, въвериць, скоть 'деньги'</i>)		
Язык: <i>гривна, -у, -ы, -ою (с <б>)</i>	///	///)		
Ъ 5 Верхняя засечка	///	///	○	○)
Ь 2 Открытая петля	///	///	○	○)
В 3а Верх больше низа	///	///	○	○)
Язык: <i>Кыєвѣ, Кыєву</i>)		
Формуляр: <i>грамота</i>	///	///	///	///)
— Петли Ъ, Ь, Б часто под строкой	///	///	○	○)
Язык: <i>мужеви, Давыдови</i>	///	///	///	///)
Язык: <i>к Олиѣю, с ызѣтомъ</i>	(○	○	○)
Д ШБ На щечках (плосковерхие)	(○	○	○)
Р 11 Буква целиком в строке	○	○	○	○)
Язык: редуцированные двояко	○	○	○	○)
Язык: <i>-мъ</i> из <i>-мь</i>	(///	///	///)
Язык: слова <i>сторовъ, сторовѣ</i>	(○	○)	
Формуляр: <i>покланникъ</i>	///	///	///	///)
Формуляр: начальный крест	○	///	///	///)

Стратиграфически грамоты писцов А и Б, кроме №997, датируются второй четвертью – серединой XII в. (и то же верно для №999, где особый почерк); №997 (писец А) датируется интервалом с 60-х по середину 90-х гг. XII в. (с предпочтением к началу этого интервала). Таким образом, основной интервал для этих блоков — вторая четверть – середина XII в., с возможным выходом одной грамоты в третью четверть века.

Эти стратиграфические данные потребовали корректировки строки «к Олиствю, с ызвѣтомъ». С учетом этой корректировки внестратиграфическое датирование дает здесь следующие результаты (см. матрицу для блока писца А).

Эта матрица дает основания для следующей внестратиграфической оценки: 20-е–70-е гг. XII в., предпочтительно 40-е–50-е гг.

Матрица внестратиграфического датирования для блока писца Б

	1100	1200	1300	1400
Язык: двойств. число в глаголе)	
Графика: Ѻ	///	///)	
Ω 1a Большое Т	///	///)	
Язык: свободное <i>ти</i>)	• ○	○
Ъ 5 Верхняя засечка	///)	○ ○ (○
— И, Н, К сверху засечены, снизу нет	///)	○ ○ ○	○
Ъ 3 Открытая петля	///)		○ ○
— Д, Л, А, А регулярно с покрытием	///	○ ○ ○)	○
Ъ 8 Петля выступает под строку	///)	○ ○	(○
Графика: <i>отъ</i> (ωтъ)	///	///)	•
А 5 Зеркальные		(○	○ ○ ○ ○ ○	○
Р 9б Широкие открытые (округлые)		(○	○ ○ ○	○
Язык: редуцированные двойко	○ ○	///	///	○ ○ ○ ○
Р 11 Буква целиком в строке	○	•	///	///
Язык: слова <i>сторовъ, сторовѣ</i>	()	• ○)

Эта матрица дает основания для следующей внестратиграфической оценки: середина – вторая половина XII в., с незначительным предпочтением к 60-м–70-м гг.

Таким образом, внестратиграфическая оценка здесь достаточно хорошо согласуется со стратиграфической. При этом писец Б, вероятно, был несколько моложе писца А. Это дает дополнительные основания предполагать, что писцом А был Лука, который назван в грамоте № 1009 (равно как и в № 1045) первым — очевидно, как старший.

Приводим для обозримости оба блока грамот (в несколько упрощенной записи), с добавлением грамот № 999 и 936 (написанных другими почерками), в которых тоже фигурируют Лука и/или Иван — главные персонажи данной серии (переводы и частные комментарии см. выше при соответствующих номерах).

№ 999 (особый почерк): $\overline{\Omega}$ Лоукѣ ко отьцеви. Высыпли вѣрьшь оу Тоудора, а 2 гривнѣ вѣдаи Юкъшѣ — оу Тоудоровѣи 2 гривнѣ вѣзьми. Обрат: А повели, оти прода Лашьке вѣ роспоутье, Тоудорове Лашьке, новотръжьскихъ и жита и рѣжи 18 котълъ великихъ, а пиеницѣ 13 котълъ. Мѣри же, право ли ти есть. И цѣлоую та. А наимитоу вѣдаиоу 2 ногатѣ.

№ 1004 (писец А): $\overline{\Omega}$ Лоукы къ ѿтъцеви. То ти не вѣдало наїमितъ, їже то ма везель, на кожахъ вевѣрице, а продать ти есемо емоу на бсти ногатъ сковородъ — то ти пълнѣ 2е. А ідетъ ти во лодие съ товаромо. Воземи же ж него 2е гривене. Али ти са їзмотаетъ, а молотиво емоу, поусте же ї во три. Обрат: а) $\overline{\Omega}$ Лоу; б) А то Гоїмере. А їже то Чьренигове, со женою, не помену їма; в) А се ти 10 рѣзано со берестомо.

№ 1005 (писцы А и Б): *Ѡ Лоукѣ поклонани(е ко оть)цьви. То ти вино съ Лоуко възла 2. А стькланиць ти 30те. А сама ти сѣдивь на Лоукахо ...* Обрат: ... *(К)осогорж проса по пати на десате кжнъ — а изжмѣласа есѣѣ: Ѡ бърьковьска! А волоца(н)о ...*

№ 1006 (А): *Ѡ Лоукѣ грамота ко Ѡтечьви. То ти то возо во осмь на десатъ коуно і 2 гривенѣ, і со провозамо.* Обрат: *А семоу водаі осмь ногато.*

№ 1012 (А): *(Ѡ ... поклонани)е к отьцеви. Сторово ти есмь, а товар... ..ъ. А самъ ти ногатѣ коплж: вымьток...* Обрат: ... *ко Сновидови. А самъ ти гръцьника жидоу.*

№ 1009 (Б): *(Ѡ) Лжкы и отъ Иванна къ Сновидж. Сторова{а} ти есѣѣ. Жже ти са есѣѣ подь(н)родала, а товара ти есѣѣ гръчьскаго не кжпила. А товарьча напытаи заморьскаго.*

№ 1045 (А): + *Ѡ Лоукѣ и Ѡ Микоулѣ къ Сновидоу. Не коупила ти есѣѣ ницего же: завольцескаа бела 8 гривенѣ. А възд(а)и на вестъ какоу любо во бърьзѣ. Жже быховъ дома, нъ роспоутие. И челоую вы.*

Домъкѣ выправитъ вевъриц (14 коуне) и семи гривенѣ Савъ Гюровицю. Присоунитъ до мене, творитъ са вонемъ{ш}шии.

№ 997 (А): *(Ѡ) Нѣгожира къ Тѣшеноу. Моа жеребеца не виновата никому же. А продале есемъ Лоукѣ.* Обрат: *Да (-) (въз)еми ж Тѣшена гривеноу Ж(и)зномироу. Тѣшеноу ж Ра... {Тѣшеноу} 2 коунѣ.*

№ 936 (особый почерк): *Отъ Ивана къ Мирошекѣ же. Топь(ръво)вицахо, а то е (или: атое) монѣ, Лоукѣ, Т... (или: т...).*

Содержание всех грамот Луки — его купеческая деятельность: торговля зерном (ячменем, рожью, пшеницей), кожами, пушниной, лошадьми, сковородами, вином, рюмками; упоминается товар греческий (византийский) и заморский (западноевропейский). Большинство его деловых сообщений и поручений адресовано его отцу, который, по-видимому, постоянно находится в Новгороде, тогда как Лука часто пребывает в дальних разъездах.

Графическая система обоих писцов — бытовая. У писца А представлены эффекты: *ъ* → *о/ь*, *ь* = *е*, *ѣ* → *ѣ/ь/е*. В небольшом объеме материала писца Б один раз встретилась замена *ъ* на *о* и один раз замена *е* на *ь*.

Особенность графической системы писца А: [у] записывается после согласной как *оу*, а в начале слога — как *ж*. При этом один раз (в *коплж* 1012) буква *ж* всё же появляется после согласной, но уже как эквивалент не для *оу*, а для *ю*. В отличие от писца А, писец Б записывает [у] как *ж* во всех позициях.

Поведение редуцированных в блоках А и Б резко отличается от ситуации в блоке Якимя.

В подавляющем большинстве случаев редуцированные еще сохранены. В блоке А это (приводим полный список, не различая степеней показательности): *Домъкѣ* 1045, *вонемъ{ш}шии* 1045, *вымьток-* 1012, *не въдало* 1004, *водаі* 1006, *възд(а)и* 1045, *к отьцеви* 1012 (*ь* после *т*), *къ Ѡтьцеви* 1004, *ко Ѡтечьви* 1006, *гривеноу* 997, *гривене* 1004, *гривенѣ* 1006, *не помену* 1004, *(въз)еми* 997, *воземи* 1004, *же[ребе]ца* 997, *гръцьника* 1012, *стькланиць* 1005, *завольцескаа* 1045; также в сочетаниях типа *ТъръТ* — *пльнѣ* 1004, *моловиво* 1004, *Чьренигове* 1004, *во бърьзѣ* 1045. В блоке Б: *подь(н)родала* 1009, *товарьча* 1009, *гръчьскаго* 1009, *заморьскаго* 1009; также *Ѡ бърьковьска* 1005.

Вполне показательный случай отсутствия редуцированного всего один: *к* вместо *къ* в *к отьцеви* 1012. Другие примеры — только в двух словах, про которые известно, что они утратили редуцированный раньше остальных: *сторово* 1012, *ко Сновидови* 1012, *къ Сновидоу* 1045 (в блоке А); *сторова* 1009, *къ Сновидж* 1009 (в блоке Б). Следует отметить также два примера, где *е* уже бесспорно выступает как простой знак мягкости: *везель* 1004, *есевь* 1045.

Благодаря значительному суммарному объему текстов, входящих, с одной стороны, в блоки писцов А и Б (вторая четверть – середина XII в.), с другой — в блок Якимя (60-е–90-е гг. XII в.), мы получили наглядное свидетельство того, что между поколением Луки и Ивана и поколением Якимя совершилась основная часть фонетических событий, объединяемых термином «падение редуцированных».

Морфология в блоках писцов А и Б носит смешанный характер — диалектные формы соседствуют с наддиалектными: И. ед. на *-е* (*Гоїмере* 1004, *наїмить* 1004, *самь* 1012), наряду с *возо* 1006, *самь* 1012 (вероятно, сюда же *сторово* 1012), перфект на *-е* (*продале* 997, *везель* 1004), наряду с *продаль* 1004, *не вьдало* 1004, Р. ед. на *-ѣ* (*ѡ Лоукѣ* 1005, 1045, *ѡ Лоукь* 1006, *ѡ Микоулѣ* 1045), наряду с *ѡ Лоукы* 1004 (также 1009 в блоке Б). Прочие диалектные формы: Д. ед. *отьцеви* (с графическими вариациями, 3 раза), *ко Сновидови* 1012 (наряду с нейтральными *къ Сновидж* 1009 [в блоке Б], *къ Сновидоу* 1045), М. ед. *во лодие* 1004, В. мн. *ногатѣ* 1012, 3 мн. *проса* 1005 (в блоке Б). Прочие наддиалектные формы: *ідеть* 1004, *са ізмотаеть* 1004.

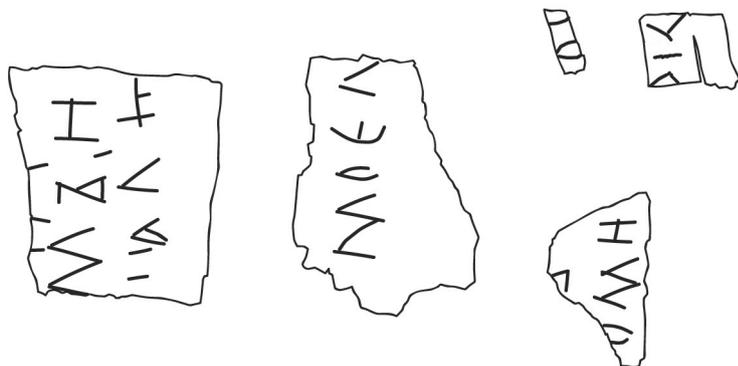
Грамота № 1046

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1836, в осыпи восточной линии участка Г-1. Четыре относительно больших фрагмента и пять малых; но в связный текст они, к сожалению, не складываются: утраты слишком велики.

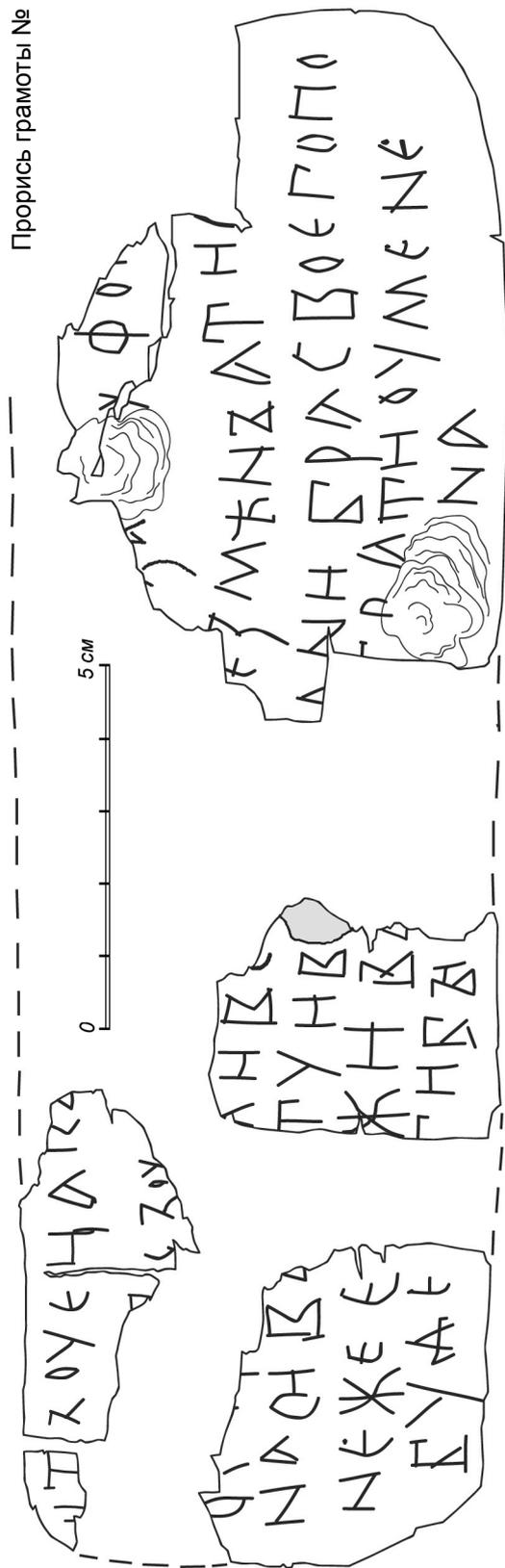
[+]*отъоуѣцак[ъ]*
*съ**за--уфо*.....
о.....[*л*]*ив[ѣ]*.....*ѣзмѣнѣати----*
наюв.....*туив*.....[*о*]*нибрасвоегопо*
неже-.....*жив*.....*ратиоумене*
будѣ.....[*т*]*ибѣ*.....*на*

Малые фрагменты (их место в составе грамоты установить не удается):

- а) ...*мѣи* ... | ...*али* ... б) ... *моѣм*... в) ...*оми* ...
 г) ...*о[и]*... д) ...*[ж]*...

Прорис грамоты № 1046

Длина самого большого фрагмента 9,6 см, ширина 6,1 см.

Стратиграфической даты нет.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно до 1160.

Вычленяются только отдельные слова и словосочетания: + **Отъ Оуеца къ ...**; **ѡезмѣнь**; **бра(та) своего**; **понеже**; **оу мене буде**.

Грамота № 1047

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1807, на уровне пласта 10 (глубина 1,81 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целое письмо из трех строк.

+ѠДЪМЪКА:КЪСНОВИДОВИПОПЪТАИОУЕЧАКЛИТОУ
МОИДЪЛЪЖЕНИКЪ:АЛИТИЄСТЪТОУАВЪЗЪМИНАНЪМЪ
ДЪВЪГРИВЕНЪ:АЛИТИЄГОНЪТОУ:АТАКОЗЕМИВЪЗЪДАИ

Длина 24,6 см, ширина 2,7 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: XI–XII вв., с небольшим предпочтением к первой четверти XII в.

Текст делится на слова так:

+ Ѡ Дѣмка къ Сновидови. Попѣтай Оуеца: ꙗ ли тоу мои дѣлѣженикъ?
Али ти ꙗстѣ тоу, а възѣми на нѣмѣ дѣвѣ гривенѣ. Али ти ꙗго нѣ тоу, а тако
зе ми възѣдай.

Перевод: ‘От Домка к Сновиду. Поищи Уйца: тут ли [этот] мой должник? Если он тут, возьми с него две гривны. Если его тут нет, то так мне и дай [знать] (т. е. сообщи об этом)’.

Менее вероятно понимание первой фразы как ‘Спроси Уйца, тут ли мой должник’.

Об авторе и адресате этой грамоты см. выше, при грамоте № 1045.

Уець — уменьшительное от *уи* ‘дядя по матери’. Но здесь оно, по-видимому, выступает как прозвище, то есть как имя собственное; ср. *Уика* — наименование адресата в грамоте № 114. Этот же *Уець* является автором фрагментированной грамоты № 1046.

В графике грамоты следует отметить замену *ы* на *ъ* (*попѣтай*; см. ДНД₂, § 1.13) и случаи замены *е* и *ь* на *ѣ* (*на нѣмѣ*, *ꙗстѣ*, *възѣми*). Представлена также весьма редкая в ранних грамотах особенность — использование буквы *ѡ*.

В фонетике важным фактом является замена *ж* на *з* в *такое*, то есть свидетельствование шоканья (см. ДНД₂, § 2.14). Этот ранний пример является дополнительным подтверждением того, что шоканье было свойственно не только древнепсковскому говору, но имело заметное распространение и в собственно древненовгородском говоре.

Грамота чрезвычайно наглядно демонстрирует происхождение современного слова *нету* (и его позднейшей формы *нет*): в ней прямо противопоставлены *ꙗстѣ тоу* и *ꙗго нѣ тоу*, где *тоу* еще в обоих случаях имеет самостоятельное значение ‘тут’, тогда как значение ‘отсутствует’, ‘не есть’ содержится в слове *нѣ* (< *не е*).

Заключительное *въздаи* следует понимать как эллипсис вместо *въздаи вѣсть*; ср. *а възд(а)и на вѣсть* в № 1045. Вся фраза *али ти кѣго нѣ тоу, а тако (же) ми въздаи* построена аналогично фразе *али не пошлѣшь, а таку же ми вѣсть пришли* (Торжок № 10) ‘если же не пошлѣшь, то пришли мне об этом вѣсть’ (букв.: ‘такую же вѣсть’, где ‘такую же’ понимается как ‘такую же, как само событие’, то есть одинаковую с действительностью). Эту же роль играет *тако же* в грамоте № 1047. Примечательно, что современный язык вполне допускает аналогичный (с точностью до *же*) способ выражения, например: *Если тебе книга не понравилась, то так и скажи*.

Грамота № 1048

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1808, на уровне пласта 10 (глубина 1,80–2,00 м), в напластованиях усадьбы Ж. Средняя часть двух средних строк письма.

...авъкаграмо...
...ибратиамис-...

Длина 10,1 см, ширина 1,8 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Текст делится на слова так:

(ᚠ) ...авъка грамо(та) | ... и братиа ми с-...

Из встретившихся в берестяных грамотах имен на роль автора этой грамоты подошли бы *Гавъко* (в № 502), *Хотѣславъко* (в № 654); но могли быть, конечно, и другие.

0 3 см

Прорись грамоты № 1048

Грамота № 1049

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1812, на уровне пласта 10 (глубина 1,85 м), в напластованиях усадьбы Ж. Правая часть трех средних строк письма.

...нѣтиотъда[мь]а[жи]...
...боудисловатокръними
...брѣ:б:коун[е] а

0 5 см

Прорись грамоты № 1049

Словато — это явно недописанное *Словатою* (для отпадения конечного [-у] время слишком раннее). В этом слове буква *а* вписана между *в* и *т* потом: автор написал *словто* и, видимо, в этот момент заметил свою ошибку; он исправил ее, втиснув пропущенную букву, но закончить слово забыл.

Длина 21,5 см, ширина 4,8 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Текст делится на слова так: ...нѣ ти отьдамъ. А жи... | ... боуди. А Словато(ю) крьни ми | ...брѣ 2 коуне а...

Понятны только отдельные отрезки: '... тебе отдам'; 'а через Словяту купи мне'; '2 куны'.

Грамота № 1050

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 1816, на уровне пласта 10 (глубина 1,84 м), в напластованиях усадьбы Ж. Целое письмо из четырех строк.

ословатѣ грамота къ гюрьцевивъведе отрокъ
на микоулоу и на лѣшанѣ възми поль питѣ
грѣнѣ славомиресе дене въ да есте прави
въведе те отрокъ на славомирѣ

Длина 32 см, ширина 4 см.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: первая – третья четверть XII века, предпочтительно первая четверть.

Текст делится на слова так:

О(тъ) Словатѣ грамота къ Гюрьцеви. Выведе отрокъ на Микоулоу и на Лѣшанѣ, възми поль питѣ гр(и)в(ь)нѣ. Славомиресе дене въ да. А есте прави, а выведете отрокъ на Славомирѣ.

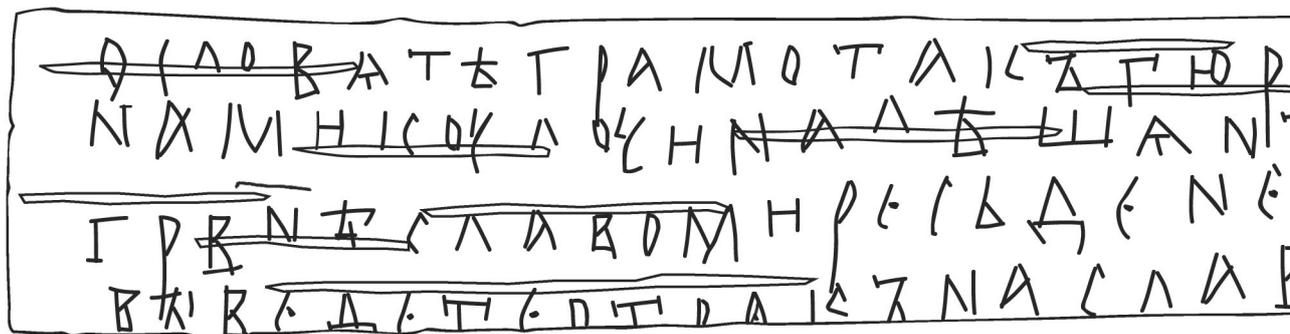
Перевод: 'От Словяты грамота к Гюрцу. Выведе (т. е. вызвав) отрока на Микулу и на Лешана (или: на лесных жителей), возми четыре с половиной гривны. Славомир здесь не дает (или: не дал).

Если вы правы, вы выведете (вызовете) отрока на Славомира'.

Словята поручает Гюрцу взять долг с его должников, вызвав для этого судебного исполнителя. Перед этим Гюрец, по-видимому, сам просил Словяту о такой же услуге: взять долг с его должника Славомира. Словята пытался это исполнить, но Славомир отказался платить, очевидно, заявив, что Гюрец и его люди в своих претензиях не правы. Словяте неясно, кто же в действительности прав, и он пишет: «Если вы правы, вы вызовете судебного исполнителя на Славомира».

Словята фигурирует также в фрагментированной грамоте № 1049, где сохранились слова 'через Словяту купи мне...'. Гюрец вполне может быть тем же лицом, что Гюрко в грамоте № 1031. Микула — вероятно, тот же, что в грамоте № 1045.

Редкая графическая особенность: в *о Словятѣ* предлог *отъ* записан как *о* (ср., например, *о матери* 'от матери' в грамоте № 350, *о женѣ* 'от жены' в № 931 и др.).

Необычно *поль нитѣ* вместо *поль патѣ*. Если только это не простая ошибка, то можно предположить, что *патѣ* дало *нетѣ* (ср. *промышлеи* из *промышлаи* в № 1031) и в этом *нетѣ* мы наблюдаем нехарактерный для берестяных грамот единичный случай смешения *e* и *и*.

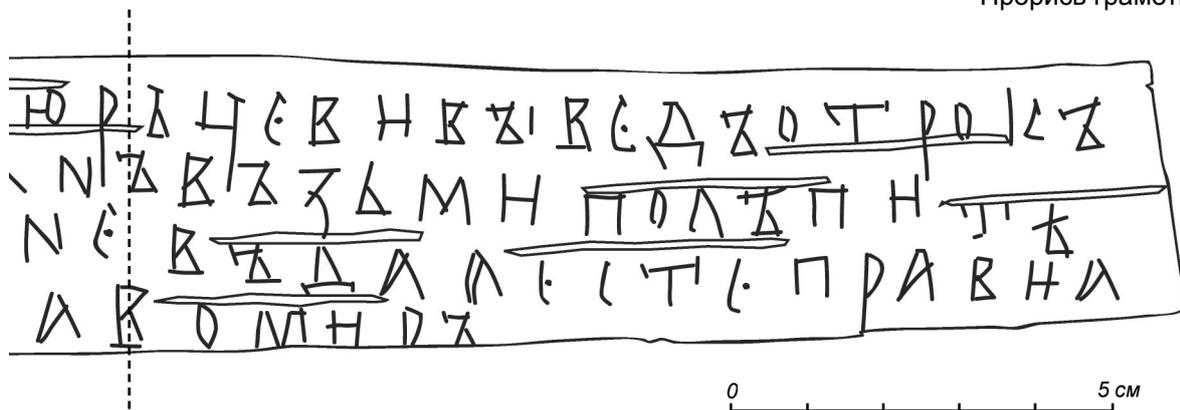
Не вѣда в принципе может быть как аористом, так и презенсом (в обоих случаях с диалектным нулевым окончанием). В данном контексте более вероятен презенс (так наз. «презенс напрасного ожидания», см. ДНД₂, § 4.18): ‘не дает’, ‘никак не отдаст’.

Чрезвычайно ценен для истории русского языка пример *на Славомирѣ*. Древний В. ед. на *-ѣ* (а не на *-а*) у имен собственных без сопровождающего имени нарицательного представлен в древнерусской письменности лишь редчайшими примерами (см. Крысько 1994: 22–23). В берестяных грамотах до сих пор был известен единственный пример: *прадаи Хотѣжърь* ‘оштрафуй Хотѣжера’ в № 900 (20-х–30-х гг. XII в.). Пример *на Славомирѣ* относится приблизительно к тому же времени.

Словоформа *лѣшань* может быть интерпретирована двояко: 1) как В. ед. от прозвища (‘леший’); ср. СРНГ (17: 31): *лешань* ‘то же, что *лешакъ*’ (т. е. леший), Кокчетав; 2) как В. мн. от обозначения лесных жителей или жителей деревни с названием типа *Лѣшое* (ср. *Лѣшое* [НПК, V: 188]; по типу образования ср. деревню *Рѣчани* [НПК, III: 629]). В первом случае перед нами пример сохранения древнего окончания *-ѣ* в В. ед. — такой же, как в *на Славомирѣ*. Во втором случае, напротив, это пример чрезвычайно раннего появления инновационного В. мн., равного Р. мн., — правда, ровно в той же морфологической группе, что и другие ранние примеры этой инновации (*ополош дворан* в грамоте Ст. Р. 10 [40-е–70-е гг. XII в.], *солю 4 дворано* в № 531 [кон. XII – 1 четв. XIII в.], *съгониша роушань съ конь* Синод. НПЛ, под 1224 г.). Достаточных оснований для окончательного выбора между этими двумя версиями в настоящий момент нет.

Еще один важный грамматический факт составляет положение словоформы *есте* во фразе *а есте прави*. Оно не подчиняется закону Вакернагеля, то есть *есте* ведет себя здесь не как энклитика, а как акцентно самостоятельная словоформа — несмотря на то, что это здесь несомненная связка. В корпусе берестяных грамот до сих пор был всего один пример такого рода: *а еси посоромиль коньць вѣхъ Людинь* в № 954 (1-я пол. XII в.). Этот единичный пример был предметом нескольких конкурирующих предположений (включая даже предположение о простом пропуске слова *се* перед *еси*). Но теперь ясно, что какой-либо случайной аномалии здесь нет. Учитывая хронологическую близость грамот № 954 и 1050, мы можем теперь принять для обоих примеров следующее достаточно простое объяснение: оба они относятся к той эпохе, когда процесс превращения акцентно самостоятельных словоформ *есмь*, *еси*, *есме*, *есте* в энклитики еще не произошел (или по крайней мере еще не завершился). Тем самым мы получаем важные сведения о хронологии этого процесса: очевидно, его можно отнести приблизительно ко второй половине XII века.

Прорись грамоты № 1050

[2014]

Грамота № 1051

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате Д-3, на уровне пласта 3,90–4,00 м. Это правая часть двух средних строк документа.

Прорись грамоты
№ 1051

...ю и семь мордоко поло р(б)ла (...)

Длина 14,3 см, ширина 2,7 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIV в.

Текст (с наиболее вероятными конъектурами) делится на слова так:

... (пов)ознико четверете бор|(...) ...ю и семь мордоко поло р(б)ла (...)

Надежно интерпретируется только отрезок ‘семь мордок, полрубля’. Представляет значительный интерес упоминание мордок. Рубль появляется, согласно В. Л. Янину, в начале XIV в.

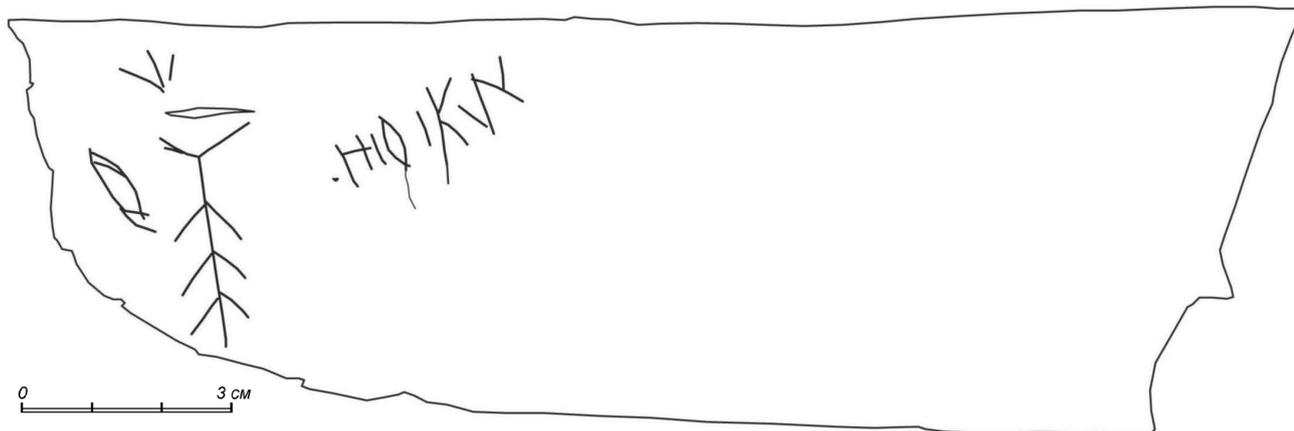
В первой строке, по-видимому, упоминался возница («повозник») или возницы и, возможно, также боец (сборщик дани); но грамматическую форму соответствующих слов контекст надежно установить не позволяет. Допустимо предположение, что в начале второй строки утрачено только *ц* (или *ец*, или *оц*); тогда на стыке строк стояло *бор|цю* (или *бор|ецю*, или *бор|оцю*) и в тексте имелось сочетание ‘четверть (вероятно, ржи) сборщику дани’; но это ненадежно.

Грамота № 1052

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате Б-6, на уровне пласта 3,80–3,90 м, на глубине 3,85 м. Это целый документ из четырех букв, разделенных вертикальными чертами.

·и|о|к|л|

Прорись грамоты № 1052

Длина 18,4 см, ширина 6,0 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIV в.

Эта необычная цепочка знаков может быть интерпретирована только как серия чисел: '8, 70, 20, 30'. Показателями того, что буквы здесь выступают в цифровом значении, в данном случае служат вертикальные черточки и, вероятно, начальная точка.

По предположению А. А. Гиппиуса, сумма этих чисел, равная 128, не случайна. 128 золотников насчитывала такая весовая единица, как *ансырь* в его «бухарской» разновидности, которую «Торговая книга» конца XVI в. упоминает как более древнюю: «Ансырь досюда был Бухарский, весит пол 3 гривенки малых и 8 золотников, а всего в ансыре 128 золотников; а деньгами Московскими весит ансырь 8 рублей; а нынешний ансырь весит фунт в 96 золотников, а деньгами весит 6 рублей» (Сахаров 1851: 114). В документах XVII в. ансырь, наряду с его фракцией — золотником, многократно встречается как единица взвешивания шелка. Особый интерес представляет контекст из документа 1689 г., в котором среди украденных из крестьянской лавки товаров упоминаются *ансырь шелку по цвѣтамъ и полтора ансыря шелку розныхъ цвѣтовъ* (Кунгурские акты; примеры взяты из старорусского подкорпуса НКРЯ). С другой стороны, в грамоте № 288 (20-е–30-е гг. XIV в.), единственном берестяном документе с упоминанием шелка, находим перечисление золотников шелка разных цветов: *золотнике зелоного шолкоу, дроугии церленого, третии зелоного жолтого*. Можно думать, что числа 8, 20, 30 и 70 в комментируемом документе называют количество золотников шелка разных цветов, а их сумма есть не что иное, как «ансырь шелку по цветам».

Не исключено, что две разновидности ансыря — в 128 и в 96 золотников — стоят за сочетанием этих чисел в грамоте № 686 (XII в.); см. комментарий к ней в настоящем томе.

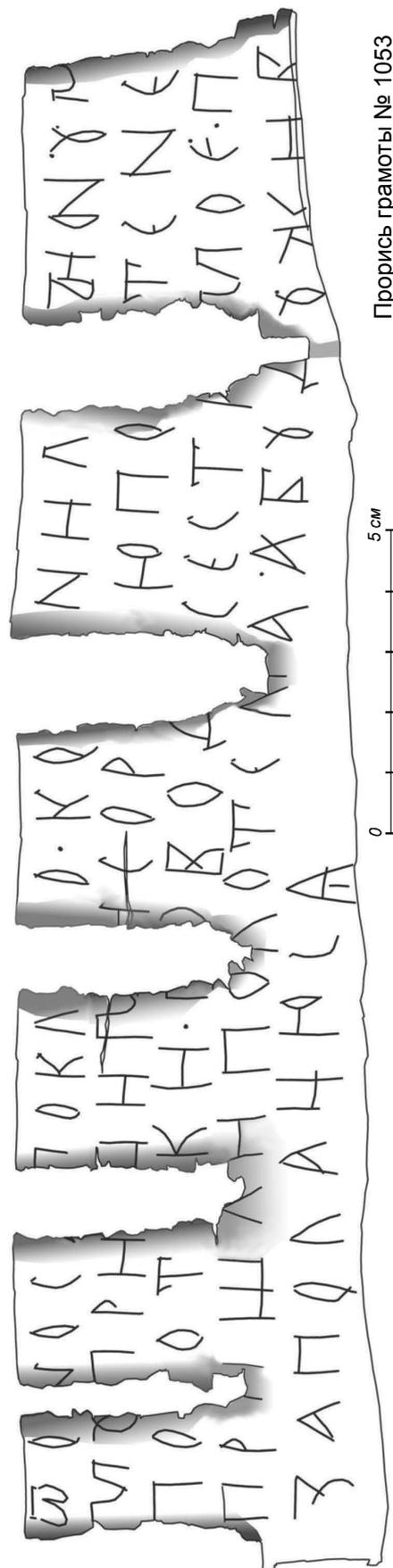
Грамота № 1053

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате Г-5, на уровне пласта 3,90–4,00 м, на глубине 3,99 м. Это письмо из пяти строк, побывавшее в пожаре, в результате чего отгорел правый край всех строк и в пяти местах выгорели одна-две буквы в первых трех строках.

Ѡнонос[а]покл--о-ко--нил--ынѡм...
мѡпри[ш]им[и]сор--юпо--тене...
по-от-ки-[п]овод-сестр-моѡ-п...
пришлиполотена-абѡдѡжив...
заполацюса

Длина 25,8 см, ширина 5,9 см.

Стратиграфическая дата: первая половина XIV в.

Внестратиграфическая оценка: 1280-е – 1310-е гг.

Судя по стыку первой и второй строк, утраты на конце строк были невелики — примерно по две буквы.

Текст (с конъектурами) делится на слова так:

Ѡ Оноса покл(он)о ко (Да)нилѣ сынѣ моему. Приши ми сор(оц?)ю, по(ло)тене(це), по(р)от(о)ки, повод(о). Сестрѣ мое п-- пришли полотена. А бѣдѣ жив(о) — заполацюса.

Перевод: ‘От Оноса поклон Даниле, сыну моему. Пришли мне сорочку, полотенце (*или* -нца), портки, повод. Сестре моей пришли полотна. А буду жив — расплачусь’.

Оносъ (и *Аносъ*) — народные варианты имени *Еносъ* (это имя иногда смешивалось с именем *Амосъ*). Хорошо известны фамилии *Аносов* и *Амосов*.

Судя по размеру лакуны, между *Данилѣ* и *сынѣ* скорее всего не было предлога *к(о)*, т. е. здесь была сравнительно редкая в эту эпоху конструкция без повторения предлога (см. ДНД₂, § 4.10).

Во 2-й строке в слове *приши* пропущена буква *л*, в 3-й строке в *мое* нет конечного *и*, т. е. не выражен [j] (ср. такую же ошибку в грамоте XIV в. № 363).

Отрезок *сор--ю* почти наверное равносителен словоформе *сорочицю*; но исходя из длины лакуны приходится предположить, что тут был пропущен средний слог (заметим, что при написании *сорочицю* последние два слога близко сходны, что могло способствовать ошибке). В пользу такого предположения говорит и то, что автор вообще был склонен к пропуску букв: ср. выше о написаниях *приши* и *мое* и ниже о слове *сынѣ*.

В слове *сынѣ* Онос после *ы* начал писать *ѣ* (прочертил одну из двух его половинок), но сразу заметил, что пропустил букву *н* и написал это *н* вплотную к начатой дуге буквы *ѣ*.

Вместо *полотенеце* в грамоте в принципе могло стоять и *полотенеца* (мн. число); вместо *бѣдѣ жив(о)* — диалектное *бѣдѣ живе*.

Что стояло после *сестрѣ мое* на конце 3-й строки, надежно восстановить не удастся. Скорее всего это была приставка *при* от слова *пришли*, которое автор начал писать, но затем решил записать его уже в следующей строке, а лишнее не зачеркнул; ср. очень похожую ситуацию в грамоте № 929 (см. выше), где при переходе с одной строки на другую написано *при|прикинѣ* (вместо *прикинѣ*). Попытки найти какое-то короткое самостоятельное слово на *п*, которое могло бы стоять в данном контексте, убедительных результатов не дают.

Грамота № 1054

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате А-6, на уровне пласта 4,40–4,50 м, на глубине 4,40 м. Это письмо, сохранившее шесть строк на лицевой стороне листа и содержащее еще две строки на обороте.

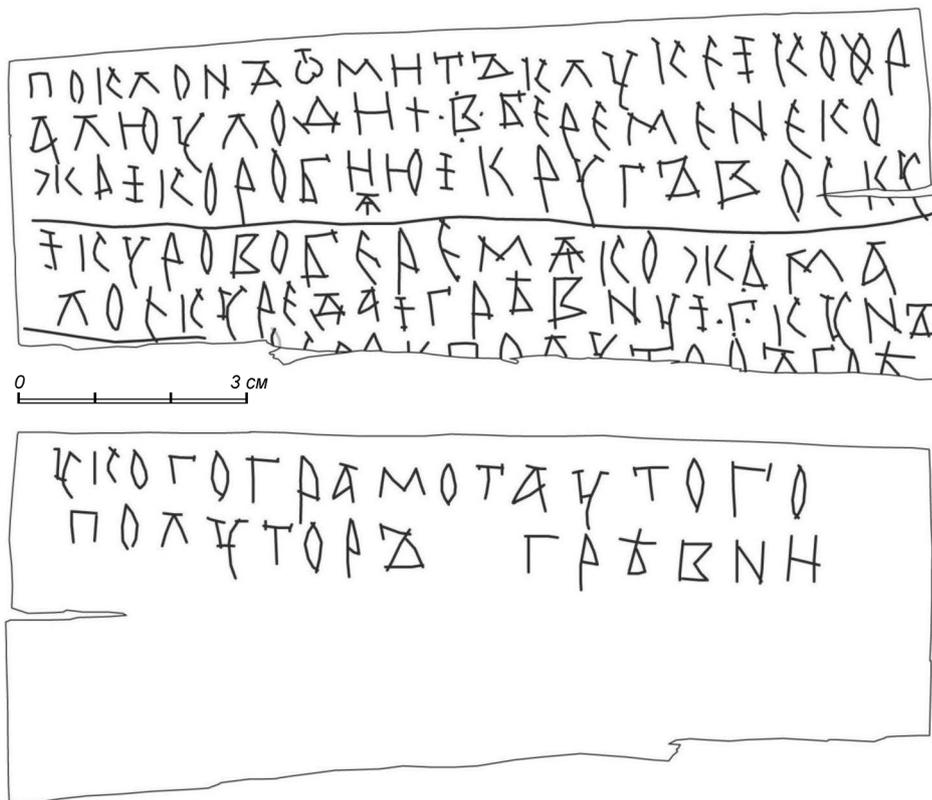
поклонѣ Ѡмитѣ клукѣ ко Ѡр
алюулодиѣ бѣременѣко
жыкоробюі кругъвоску
ікуровобѣремько жьма
лоѣкурѣдаі грѣвнуіѣ кунъ
----[оѣ]муполуторъгрѣ
...

Оборот

укогogramотатуго
полуторъгрѣвни

Длина 12,0 см, ширина 4,6 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIII в.

Прорись грамоты № 1054

Внестратиграфическая оценка: 60-е – 90-е гг. XIII в.

Цифры выделены в этой грамоте 4 точками.

Под словом *коробию* подписана (тем же почерком) буква а. Это не что иное, как чрезвычайно редкий случай авторской правки с целью исправить синтаксис фразы: форма *коробию* здесь заменена на требуемую по синтаксису форму *коробиа*.

Горизонтальные черты разграничивают разделы послания; ср. такое же использование разделительных черт в грамотах XIII в. № 215 и 218.

Графическая особенность: вместо буквы *ы* систематически используется буква *ь* (см. ДНД₂, § 1.13 и специально об этом графическом явлении Лингв., § 23). Наблюдается обоюдостороннее смешение букв *ѣ* и *и*.

В начале 6-й строки, вероятно, стояло (*сыну м*)[*оѣ*]му.

Текст делится на слова так:

Поклонъ ѿ Мить к Луке і ко Фралу. У лодии 2 беремене кожъ і коробию (исправлено на *коробиа*) і кругъ воску; і Курово берема кожъ малое.

Куре! Даі грѣвну і 3 кунъ.

(Сыну м)оему полоторъ грѣ(вни) (...)

Оборот: **У кого грамота, у того полоторъ грѣвни.**

Перевод: 'Поклон от Миты Луке и Фралу. В ладье 2 беремени кож, коробья, круг воску; и Курово малое берема кож.

Кур! Дай гривну и 3 куны.

[Сыну? м]оему полторы гривны'. Вполне возможно, что текст на лицевой стороне на этом кончался.

Оборот: 'У кого грамота, у того полторы гривны'.

Отсюда мы узнаем, что передатчику письма были поручены также полторы гривны, о которых идет речь в письме.

Подобно ряду других грамот, эта грамота имеет сложную коммуникативную структуру: в середине текста автор обращается к новому адресату (см. об этом Гиппиус 2004а). Правда, в данном случае отрезок *Куре дай* в принципе можно было бы интерпретировать и иначе — как ‘Кур пусть даст’, с И. ед. *Куре* и императивом 3-го лица; но это маловероятно, поскольку императивы 3-го лица для берестяных грамот нехарактерны.

В сочетании *у лодии* предлог *у* — из *въ*; трактовать это сочетание как ‘у ладьи’ по смыслу неуместно. *Берема* — ‘ноша’, ‘то, что можно унести’, далее ‘охапка’, ‘связка’ (как мера).

Новая форма *даи* (вместо древнего *вдаи*) в контексте отдачи денег — одна из самых ранних; ср. сохранение старого *вдаи* в грамоте № 1055, относящейся к тому же времени.

Форма *полторы* (в сочетании *полтор(ы) грѣвни*, где *поль* в И. падеже) — из [пол-вторы]; ср. *полоиторѣ* в № 403, *полоутора* в № 138 и другие подобные примеры.

Не встречавшееся ранее имя *Мита* — гипокористическое к *Митрофанъ* (менее вероятно — к *Дмитрии*); по образованию ср. известные из берестяных грамот *Грига*, *Мица*, *Миха*, *Коста*, *Июра*, современные *Степа*, *Серёга*.

Имя *Фраль* входит, наряду с *Фроль*, *Фляръ*, *Храръ*, в группу народных вариантов первоначального имени *Флоръ*.

Имя *Куръ* (варианты: *Кюръ*, *Киръ*) известно как из берестяных грамот, так и из книжной письменности.

Грамота № 1055

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате В-4, на уровне пласта 4,40–4,50 м, на глубине 4,42 м. Это письмо из пяти строк с утраченным началом.

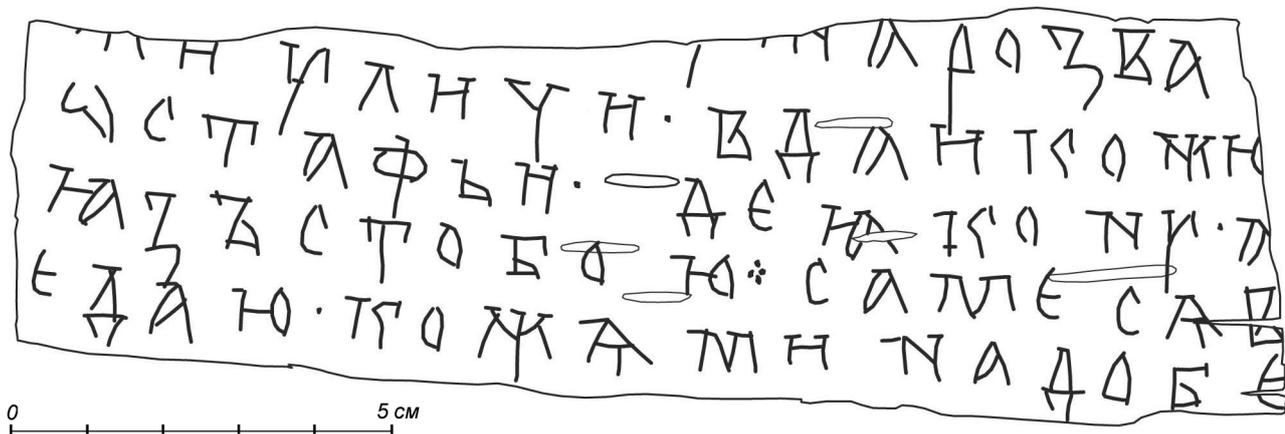
...[у]-нарозва
 [ж]и·уличи·вдаи·кожю
 шстафьи·деакопу·а
 ѿзъстобю·самеса·в
 едаю·кожамина·добе

Длина 16,4 см, ширина 5,3 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XIII в.

Внестратиграфическая оценка: не ранее середины XIII в., предпочтительно 60-е–90-е гг.

Прорись грамоты № 1055

Текст делится на слова так:

...у(?) - на Розважи уличи. Вдаи кожую Остафьи дьякону, а азъ с тобою саме са ведаю. Кожа ми надобе.

Можно предполагать, что сверху не хватает только первой строки. В начальных полутора строках, вероятно, было: 'Поклон от такого-то такому-то', а далее шел уже сохранившийся текст: 'на Розваже улице'. Если это верно, то адресная формула содержала в данном случае также и адрес получателя.

Перевод: '[Поклон от такого-то такому-то] на Розваже улице. Отдай кожу Остафье-дьякону, а я с тобою сам рассчитаюсь. Кожа мне нужна'.

Розважа улица (от имени *Розвадь*) на Софийской стороне, существующая и поныне, впервые упоминается в новгородской летописи под 1311 г. Настоящая грамота содержит, таким образом, самое раннее ее упоминание.

Примечательно, что грамота с упоминанием Розважей улицы (и, вероятно, просто отправленная на эту улицу) найдена на противоположной стороне города. Можно думать, что это одно из тех писем, с которыми получатель по исполнению поручения приходил к отправителю.

Грамота № 1056

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате Б-6, на уровне пласта 5,90–6,00 м, на глубине 5,98 м. Это средние части двух строк документа (и одна буква ниже).

...л(и)л(о)во(л)...

...п(е)т(р)и(л)о(ш)и...

л

Длина 7,2 см, ширина 7,2 см.

Стратиграфическая дата: конец XI в.

Хотя, казалось бы, восстановить целый документ в таких условиях нереально, в данном случае реконструкция (предложенная А. А. Гиппиусом) может быть признана практически достоверной:

(д)л(и)л(о)во л(о)укъшь(ко) [или: л(о)укънь(це)]

(л) п(е)т(р)и(л)о ши(л)е

Запись была сделана на донце (или крышке) берестяного лукошка.

Основанием для такой реконструкции являются две грамоты XII в., написанные на донце (или крышке) берестяного лукошка: № 957 (воибуоудино лоукъньчю иже є укльдетъ да проклатъ боуде{оу}ть л швько фль) и № 599 — три надписи одним почерком: фєдока лоукоше[ко]; фєдок(и)но лоукош(є)ко; фєдокино лоукош(є)ко).

Надежным подтверждением того, что к изготовлению лукошка применялся именно глагол *шити*, оказывается пословица, приводимая Далем: *Двором жить — не лукошко шить*.

Роль буквы л посреди 3-й строки из-за отсутствия правого края грамоты неясна. Можно было бы даже предположить, что это просто л из слова *шил*, вынесенное для орнаментального эффекта (три буквы Л стро-

Прорись грамоты № 1056

го друг под другом) в отдельную строку; но необычно в этом случае было бы отсутствие гласной (е, ъ или о) после этого л. Можно отметить, впрочем, что нечто подобное (опущение конечных букв при выносе буквы в отдельную строку) всё же один раз встретилось — в грамоте № 970, которая имеет следующий вид:

ПОДО ТВОЮ МИЛО
С

Представляет значительный интерес появление христианских имен *Данило* и *Петрило* в столь раннем документе, причем они почти наверное принадлежат здесь не членам социальной верхушки, а рядовым новгородцам.

Грамота № 1056 позволила уточнить понимание грамоты № 957, приведенной выше. Писавший там назван *шьвько*, и это понималось как простое прозвище. Но после находки грамоты № 1056 естественно полагать, что это прозвище было дано человеку по его занятию (профессиональному или хотя бы частому). Но трактовать слово *шьвько* просто как нарицательное ‘швец’ мы всё же не должны, поскольку окончание И. ед. -о в мужском роде встречается только в именах собственных, но не в нарицательных.

Грамота № 1057

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате Ж-10, на уровне пласта 4,80–4,90 м. Это целый документ из двух строк.

НАВЪДЪМОЛЪ:Г:ДЕСАТЕГРИВНЪИГИВНАИ:Г:КОУНЪ
ПОЛЪОСМАСЪТА:НАСЪКРОУДОУПОЛЪШЕСТЪГРИВН[Ъ]

В первой строке в слове *гривна* пропущено *р*. В последнем слове *гривн[ъ]* буква *в* переправлена из *н*.
Длина 32,9 см, ширина 2,7 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е–70-е гг. XII в., предпочтительно 60-е–70-е.

Текст делится на слова так:

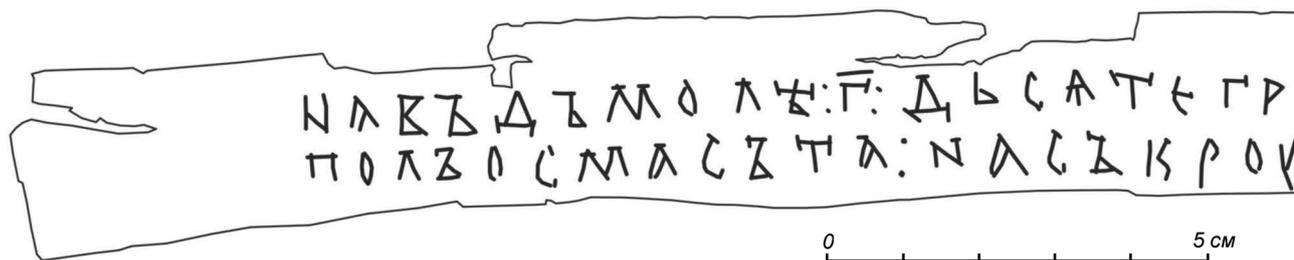
На въдмолъ 3 десате гривнъ и гивна и 10 коунъ. Полъ осма съта на съкроудоу полъ шестъ гривнъ.

Перевод: ‘За водмол тридцать одна гривна и 10 кун. Семьсот пятьдесят (очевидно, локтей водмола) на снаряжение — пять с половиной гривен’.

Отметим примечательную запись *3 десате*, трактующую это числительное как два слова, а также способ обозначения 31 гривны: «3 десятка гривен и гривна».

Водмол — род грубого сукна; см. о нем выше при № 927. Очевидно, в грамоте указывалась общая стоимость имеющегося (или закупленного) водмола и стоимость той его части (а именно 750 локтей), которая должна пойти на снаряжение.

Правильность именно такого понимания грамоты подтверждается расчетом цен. Из грамоты № 609 (конец XII – начало XIII в.) известно соотношение «40 локтей (не указано, какой именно ткани, но наиболее вероятен тот же водмол) — 9 кун», т. е. 0,225 куны за локоть. Если 5,5 гривен (= 137,5 куны из обычного

расчета 25 кун в гривне) — это цена 750 локтей водмола, то это 0,183 куны за локоть. Разница цен в этих двух близких по времени документах (соотношение 81 к 100) — в пределах сравнительно небольшого колебания цен на протяжении нескольких десятилетий (или в пределах неравноценности каких-то сортов ткани).

Судя по количеству водмола, потребного для снаряжения, речь, по-видимому, идет о подготовке отряда, насчитывающего порядка сотни человек. Отсюда понятно, что перед нами документ не частного, а общественного масштаба.

Представленное в грамоте написание *въдъмолѣ*, с ъ после *в*, составляет некоторую проблему. С одной стороны, скандинавские формы (швед. *vadmal*, дат. *vadmel*), из которых заимствовано древнерусское слово, должны были дать др.-русск. *водъмолѣ*. С другой стороны, в грамоте № 1057 — единственном содержащем это слово раннедревнерусском документе, где в остальном нет смещения ъ с о, — оно записано с *въд-*, а не с *вод-* (позднедревнерусские свидетельства, разумеется, в данном вопросе ничего не дают). Необходимо допустить либо единичное графическое отступление в грамоте № 1057, либо аномальную передачу скандинавского *vad-* через *въд-* (хотя бы в качестве варианта). Более вероятно первое.

Нигде не засвидетельствованное слово *съкроуда* можно связать, с одной стороны, с древнерусским *съкроута* ‘одежда’, ‘снаряжение’ (также ‘свадебный наряд’ и др.), с другой — с шведским *skrud* ‘облачение’, ‘наряд’ (ср. также древнеанглийское *scrūd* с тем же значением, откуда современное английское *shroud* ‘саван’). Считать слово прямым заимствованием из шведского *skrud*, по-видимому, нельзя, поскольку было бы необъяснимо начальное *съ-*: никаких оснований для вставки гласной в начальное *skr-* нет (а в грамоте 1057 древнее состояние редуцированных сохранено безупречно); кроме того, при заимствовании ожидалась бы форма *скрудъ*, а не *скруда*. Поэтому, по-видимому, следует предполагать контаминацию заимствованного **скрудъ* с практически синонимичным ему исконным словом *съкроута*. Заметим, что в принципе можно предполагать также и простое смещение глухой и звонкой согласной, превратившее *съкроута* в *съкроуда* (см. о случаях такого рода ДНД₂: 500); но ввиду наличия скандинавского слова с *-д-* с ровно таким же значением это предположение становится излишним.

Грамота № 1058

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате Ж-11, на уровне пласта 4,90–5,00 м, на глубине 4,96 м. Это левая часть трехстрочного письма.

псо дила ко радо коумысла ...
 коуноу: ѿ: гривене [ѿ] ...
 : ѿ: гривене аоу ...

Длина 13,8 см, ширина 3,5 см.

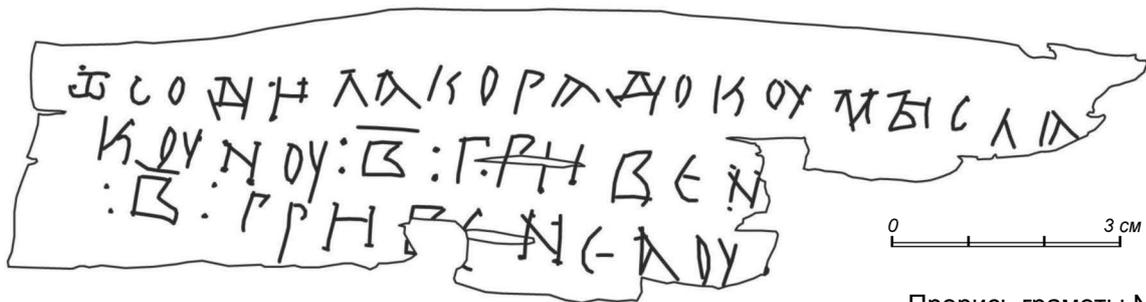
Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 1120-е – 1210-е гг., предпочтительно 40-е – 90-е гг. XII в.

Читаются только разрозненные отрезки: **п Содила ко Радокоу. Мысла...; ... коуноу 2 гривене ...; ... 2 гривене. А оу ...**

Прорись грамоты № 1057

Прорись грамоты № 1058

Адресная формула — ‘От Сдила к Радку’. Имя *Радько* встретилось также в грамотах № 168, 710 и 952, из которых две последних относятся примерно к тому же времени, что № 1058 (но для отождествления соответствующих персонажей нет достаточных оснований). Имя *Сьдиль* до сих пор встречалось только в варианте *Сьдила* (см. о нем ДНД₂: 357) — в грамотах № 422, 503 и 654.

Мысла — скорее всего имя собственное или его начало. Это может быть, в частности, имя *Мысль* в В. падеже (ср. *Мысловѣ дѣтѣ* в грамоте № 136, XIV в.) или начало имени *Мыслата* (с *ла* вместо *ла*); ср. также имя *Мыслокъ* (Тупиков: 318; Веселовский: 209). Во всяком случае местоимение *мы* здесь крайне маловероятно (тем более что в собственно русском тексте с сохранением редуцированных на *сла* могут начинаться только слово *слава* и его производные).

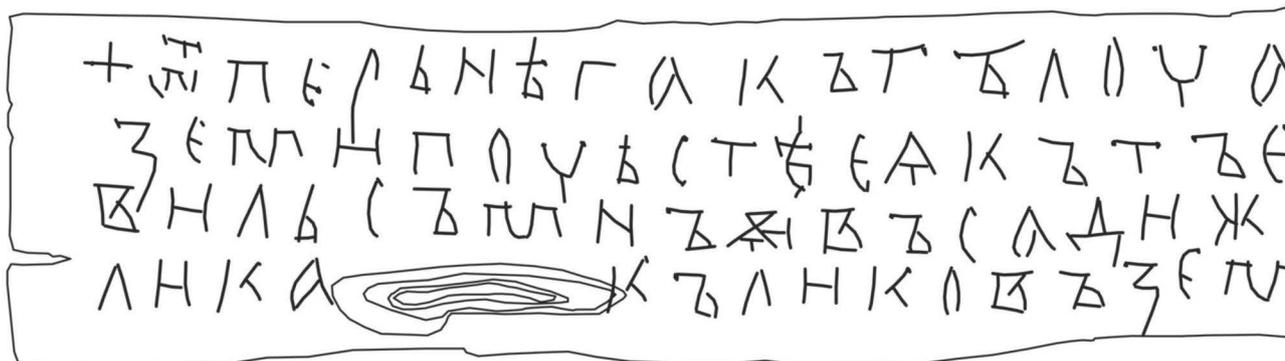
Во второй строке *коуноу* — скорее всего часть сочетания *без 2 коуну*, т. е. в тексте содержалась запись ‘без 2 кун 2 гривны’; ср. *без дѣвоу ногатоу грѣна* в № 526, *без девяти коунъ 2 гривнѣ* в № 119 и др.

Грамота № 1059

Найдена на Воздвиженском раскопе, в квадрате Б-2, на уровне пласта 3,40–3,50 м, на глубине 3,45. Это целое письмо из четырех строк.

+Ѡперьнѣгакѣгълоуаноувѣ
 зѣмпочестѣеакѣтѣсимѣло
 вильсѣмноживѣсадижеисѣмѣско
 ликаѣликѣвѣземоувѣдамѣазѣ

В конце строки 3 буквы *ѣско* зачеркнуты тонкими горизонтальными штрихами; по-видимому, зачеркивание должно было исключить из текста всё словосочетание *ѣс колика*.

В слове *почестѣ* ѣ переправлен из е. В слове **множ** представлен йотированный юс большой с инвертированным порядком составных частей: ж. Эта крайне редкая буква до сих пор в берестяных грамотах не встречалась.

Длина 28,8 см, ширина 4,7 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: XII в., предпочтительно 40-е–90-е гг.

Текст делится на слова так:

+ **Ѡ Перьнѣга къ Гълочану. Възми почестѣ, акъ тѣ еси мѣловиль съ множ, всади же и семь.**
(зачеркнуто: **Ѡс колика**) **Кълико въземоу, вѣдамъ азъ.**

Перевод (с наиболее вероятными экспликациями): ‘От Перенег к Голчану. Возьми почестье, как ты условился со мной. Всади же [в ладью] его [т. е. посланного с почестьем] [для отправки] сюда. Сколько возьмут [за перевоз], дам я’.

Вначале автор, вероятно, собирался сказать: ‘за сколько (*ис колика*) перевозчики повезут, столько заплачу я’, — но потом решил выразить ту же мысль проще. Но может быть, текст читался и без исключения полузачеркнутого словосочетания, с примерным смыслом: ‘... из какого расчета сколько возьмут [перевозчики], это заплачу я’. В принципе возможно также несколько иное членение начальных фраз: ‘...Возьми почестье. Как ты условился со мной, всади же его ...’.

Почестье — род подати (первоначально: почетный дар господину, требуемый обычаем в определенных ситуациях).

Вероятно, Перенег — получатель почестья, а Голчан должен был его собрать. Собранное должно было быть с каким-то посланцем отправлено к Перенегу. Перенег берет на себя плату за перевоз.

Отметим эффект второго полногласия в *мѣловиль* (= *мѣлвиле*) и *Гълочану* (= *Гълъчану*).

Акъ тѣ (= *ако то*) — относительное местоименное наречие (‘как’) древнего типа — с релятивизатором *то* (см. ДНД₂, § 4.35), народный эквивалент книжного *яко же*; ср. *ако то* в № 872.

Имя *Перьнѣга*, представленное также в грамоте № 36 из Старой Руссы, встречается в Русской Правде; в Ипат. под 1213 г. упомянут воин *Перьнѣжъко*.

Прозвище *Гълчанъ* (с примерным значением ‘крикун’, ‘смутьян’) — производное от *гълчати* (презенс *гълчить*) ‘шуметь, кричать’ (Срезн.), ср. *гълчание* ‘шум, крик’ (Срезн.); в современных говорах *гълчѣть* ‘говорить’, ‘кричать’ (СРНГ, 6: 344). Ср. совершенно аналогичный ряд: *мълчати*, *мълчание*, *мълчанъ* ‘молчун’ (Слов. 11–17, 9: 255), прозвище *Молчанъ* в московской берестяной грамоте № 3 (см. также Тупиков: 310), фамилия *Молчановъ* (там же: 704). Исходный корень *гълк-* виден в *гълкъ* (соврем. *голк* ‘гул, шум, крик, стук, звук’ — СРНГ, 6: 295), *гълка* ‘шум, мятеж, tumultus’ (Срезн.).

Прорись грамоты № 1059

Грамота № 1060

Найдена на Воздвиженском раскопе в виде двух смыкающихся между собой фрагментов: а) квадрат Б-2, пласт 3,40–3,50, глубина 3,45; б) квадрат Б-1 (ящик), пласт 3,40–3,50. Сохранившиеся части письма образуют четыре срединные строки, со значительными утратами в двух из них и с большим числом точек, где от букв остались лишь кончики.

...[иє]см[ър]о[т]е
 ...[оту]посълалъатымъмене
 [присъ]л[є]шикунъсем[и]гривънъи^{зѣ}рѣзанъп[о]им[а]
 въумен[є]м[сѹ]ън[оє]-[ъда]ж[ъ]госпо-и•

Фрагменты: а) длина 22,9 см, ширина 2,0 см; б) длина 19,0 см, ширина 2,4 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Внестратиграфическая оценка: 20-е–90-е гг. XII в., предпочтительно 40-е–70-е.

Последнее слово нижней строки явно следует восстанавливать как **госпо(ж)и**, хотя видимые остатки предпоследней буквы фактически мало похожи на *жс*; возможно, здесь писец использовал какой-то редкий вариант начертания этой буквы.

Реконструкция отрезка **м[сѹ]ън[оє]** (= *мѣсачное*), записанное без титла) не вполне надежна, но других приемлемых решений здесь не усматривается.

Грамота написана по одноеровой системе.

Простое *у* в начальной позиции (1×: *у мене*) — в данную эпоху явление совершенно уникальное. Поскольку от буквы *у* в *у мене* сохранилась только верхняя часть, нельзя исключать, что ниже середины буквы имелась еще «пересечка», эквивалентная элементу *о*, как в № 957 (см. выше), или маленькое *о*, как в № 422 или Ст. Р. 14 (см. НГБ-Х: 190). Таким образом, надежным свидетельством употребления простого *у* в начальной позиции грамота № 1060 служить не может.

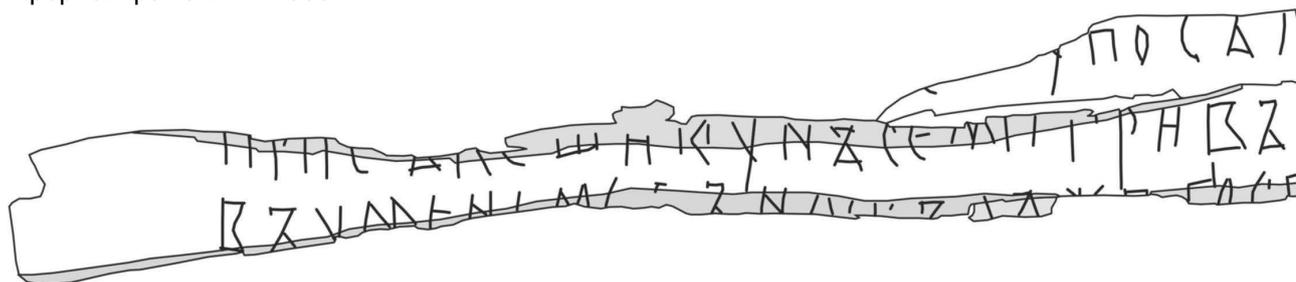
Текст (с конъектурами) делится на слова так:

... (т)и есмь роте ... (грам)оту посълалъ, а ты мене не присълеши кунъ семи гривнъ и 17 резанъ. Поимавъ у мене м(е)с(а)чное, (в)ъдажъ госпо(ж)и.

Перевод: ‘... я (ходил) к роте (?) грамоту послал, а ты мне не присылаешь денег — семи гривен и 17 резан. Забрав (получив) у меня месячное (?), отдай госпоже’.

Если верно истолкование темного места как *мѣсачное*, то можно предполагать, что речь идет о месячной дани, которую автор письма собрал для госпожи (или которую он сам должен выплачивать госпоже).

Прорись грамоты № 1060

Грамота № 1061

Найдена на Воздвиженском раскопе, в квадрате А-3, на уровне пласта 3,40–3,50 м, на глубине 3,46 м. Это конечные полторы строки письма.

...---апопърътишь да боудьни то
бенимънѣицелюта:

Следы букв перед *а попърътишь* надежной интерпретации не имеют.

Длина 23,0 см, ширина 1,7 см.

Стратиграфическая дата: вторая половина XII в.

Текст делится на слова так:

... **А попърътишь, да боудь ни тебе ни мьне. И целю та.** (Но *а* могло быть и не союзом, а концом предыдущего слова.)

Заключительную этикетную формулу *целоую та* автор записал очень небрежно: пропустил *оу* и написал *та* вместо *та*.

Перевод: 'А попортишь, так будет ни тебе, ни мне. И приветствую тебя'.

Судя по заключительному приветствию, текст содержал не угрозу, а деловое соглашение. Можно предполагать, что это часть переписки между участниками некоторой торговой операции; речь шла о том, что в случае порчи товара (вероятно, при транспортировке) ни один партнер другому не будет ничего должен.

Грамота № 1062

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате Б-8 (ящик), на уровне пласта 5,60–5,70 м. Это левая часть двух средних строк письма.

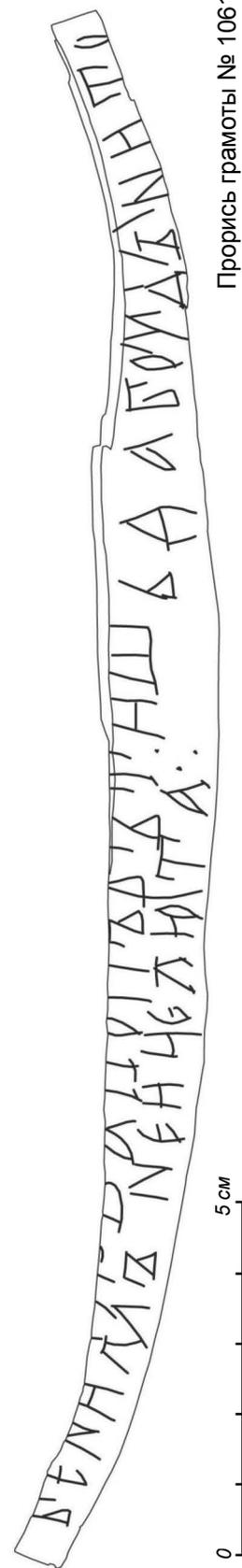
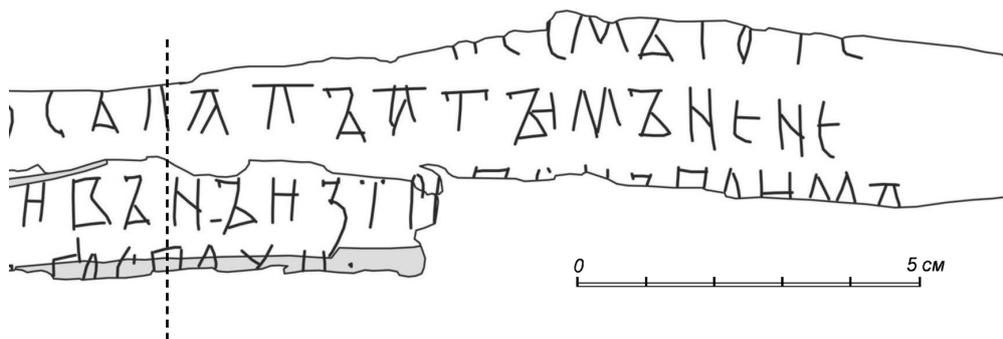
тъ[и]д[о]д[рож]...
анъинѣнанѣдѣлюхочѣмъпоити·н...

Длина 24,0 см, ширина 1,4 см.

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

Текст делится на слова так: **...ть и до дрож... А нынѣ на недѣлю хочемъ поити н...**

Перевод основной строки: 'А теперь в воскресенье хотим пойти...'. К сожалению, фрагментарность текста не позволяет понять, шла ли речь о купеческой поездке или о подготовке к некоему походу.

Прорисъ грамоты № 1061

Остатки верхней строки не дают оснований для сколько-нибудь надежной интерпретации.

Грамота № 1063

Найдена на Рогатицком-2 раскопе, в квадрате 3-5, на глубине 4,80 м, в виде трех фрагментов.

Левый и правый края документа утрачены, так что ни одна строка не сохранилась на полную длину и тем самым связный текст восстановить невозможно.

...[Д--АТЬ]:оупътраполопатадъсать:оустанатѣ[п]...
 ...садъватъоуволоухвашсть[д]-сатъоусонови...
 ...[а]шьстьдъсатосигово:оусолого[в]-идовадъсат...
 ...-[рад]----[а]дъсатьоудан[ьш]...

Длина 20,5 см, ширина 2,4 см.

Стратиграфическая дата: конец XII в.

Внестратиграфическая оценка: 40-е – 90-е гг. XII в., предпочтительно 60-е – 90-е гг.

Текст (с конъектурами) делится на слова так:

(Оу ...) д(ь)-ать. Оу Пътра поло пата дъсать. Оу Станатѣ п... ... (Оу ...)са дъватъ. Оу волохва шьсть д(ь)сать. Оу Сонови(да) ... (Оу ...)а шьсть дъсато сегово. Оу Сологов(ѣ)и дова дъсат(ь). (Оу ...)рад- --- дъсать. Оу Даньш(ѣ) ...

Наряду с реконструкцией *оу Солого[в](ѣ)и* возможно также *оу Солого[в](о)и*.

В записи (Оу ...) -[рад]- --- дъсать перед [рад] видна верхушка вертикальной мачты, которую из букв, возможных перед *р*, могли иметь только *и* и *ь*. Вся фраза могла выглядеть, например, так: (Оу Н)[ьрад](а три) [ѣ]дъсать.

Документ представлял собой имущественный реестр часто встречающегося в берестяных грамотах типа. Судя по упоминанию сигов (и по тому, что счет почти везде ведется десятками или полудесятками), перед нами реестр поставок рыбы. Во всех случаях имеются в виду именно сиги или счет сигов начинается с сохранившегося упоминания сигов, из-за утраты начала документа неизвестно. Ср. [дъс]а[тъ сиг]ово в № 831 (XII в.), 50 сиговъ в № 144 (XIV в.), 5 сигово в № 280 (XIV в.); в XIX – начале XX в. сиги составляли 85% ценности общего улова рыбы в Волхове (НГБ-IV: 23).

Полностью сохранились имена *Станата* (это имя известно также из грамот № 224 и 348) и *Петръ*, почти полностью — *Даньша* (это имя известно также из грамоты № 336). См. также выше о возможном присутствии в грамоте имени *Нерадь*.

Надежно восстанавливается имя *Съновидь*, ныне уже хорошо известное по многим берестяным грамотам. Ценно то, что в данной грамоте это имя впервые встретилось с сохранением редуцированного в начальном слоге: *оу Сонови(да) = оу С(ъ)новида* (в 9 других примерах этого имени в грамотах XII века оно уже выглядит как *Сновидь*).

Большой интерес представляет встретившееся в берестяных грамотах впервые слово *волхвъ* (в древне-новгородской диалектной форме — с основой *волохв-*). В данном тексте это в принципе может быть либо прозвище, либо прямое обозначение языческого жреца, колдуна (без указания имени). Но даже и в качестве прозвища это слово представляет собой уникальное явление: среди засвидетельствованных антропонимов его нет, если не считать былины о Волхе Всеславиче.

Сологова (если слово правильно реконструировано) — жена человека по имени *Сологъ*. Это имя отражено в топониме *Шелогова горка* (НПК, VI: 1032); в берестяной грамоте № 614 он представлен в М. ед. в виде *Ѹ Селокове горь* (с *к* вместо *г*). Вариантом этого имени является *Солога* (*Селога*, *Шолога*) — имя псковского посадника первой половины XIV в. Судя по буквенному варьированию (*сол-, сел-, шол-, шел-*), в начале корня здесь стояло, по крайней мере первоначально, [с'ол] / [ш'ол], т. е. здесь отразился эффект шепелявения, характерный в первую очередь для Пскова, но возможный также и в Новгороде.

Этимология имени неизвестна. Вероятно, это прозвище, источник которого следует искать в прибалтийско-финских языках. Это может быть, в частности (см. Фасмер): *шáлга* (род жерди) из карельск. *šalgo* или фин. *salko*; *шáлга* ‘большой лес’ из карельск. *šelgoñe* или фин. *selko*; слово, от которого были образованы слова *шалгун, шелгун, шалгач, шелгач* ‘котомка’, из карельск. *šalkku* или фин. *salkku*. Заметим, что варьирование *с/ш* в словах такого происхождения могло быть отчасти связано также и с разницей карельского и финского звучания.

Следует, впрочем, упомянуть также слово *сологаа* в грамоте № 330, значение которого, правда, спорно. В Попр.-Х было предложено связывать его с *срlogъ* (*сьlogъ*) ‘супруг’, ‘сожитель’, ср. др.-русск. *суложь* (*сьложь*) ‘супруг’, ‘супруга’. Не исключено, что слово с таким значением могло оказаться и в роли прозвища; ср. прозвища *Уець* (в грамотах № 1046 и 1047), *Уика* (в № 114), *Братко* (Тупиков: 120), *Сусьдь* (там же: 426). Но слабость этой версии в том, что она не объясняет мены *с/ш*.

Прорись грамоты № 1063

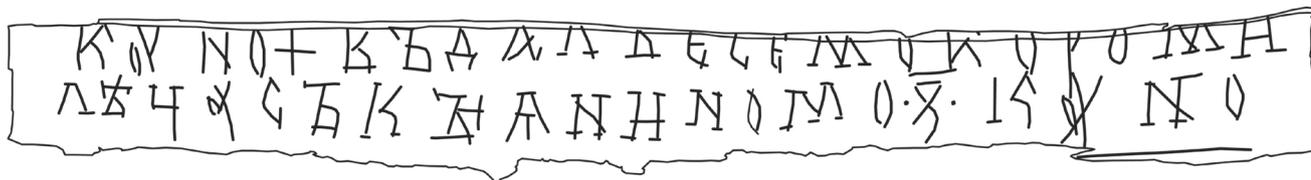
БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ СТАРОЙ РУССЫ № 37–45

[2002]

Грамота № 37

Найдена на Георгиевском раскопе в квадрате 32, на уровне пласта 12 (глубина 2,20–2,40 м). Это последние две строки документа:

коуно+вѣдал[ѣ]есемокороми
лѣцоусъкыаниномо·ѣ·коуно

Прорись грамоты Ст. Р. 37

В слове *вѣдал[ѣ]* от последней буквы сохранился только низ, так что нельзя отличить *ѣ* от *ь*, но поскольку в четырех других случаях на конце слова вместо *ь* стоит *о*, следует восстанавливать эту букву как *[ѣ]*. Крест после *коуно* служит разделительным знаком, подобно кресту в Ст. Р. 43.

Длина 19,2 см, ширина 2,1 см.

Стратиграфическая дата: XII в.

Внестратиграфическая оценка: вторая половина XII – начало XIII в.

Текст делится на слова так: ... **коуно + Вѣдаль есемо Коромилѣцоу съ кыаниномо 7 коуно.**

Это фрагмент некоего списка выплат (возможно, в составе письма или даже завещания).

Перевод: ‘... [столько-то] кун. Я дал Кормилѣцу (*или*: кормилѣцу) с киевлянином семь кун’. При отсутствии контекста нельзя установить, является ли *коромилѣцоу* прозвищем или именем нарицательным.

Большой интерес представляет упоминание киевлянина, который оказался в Русе. До сих пор в берестяных грамотах имелось только одно упоминание киевлянина — в новгородской грамоте № 745 (1 четв. XII в.).

Грамота № 38

Найдена на Георгиевском раскопе в квадрате 26, на уровне пласта 13 (глубина 2,56 м). Это одна строка из срединной части документа:

[уп]р[у]сов[ѣ]єгривнаѣ[ѣ]зрѣзанѣвода

В отрезке *вода* буква *в* переправлена из *у*.

Длина 19 см, ширина 1,1 см.

Прорись грамоты Ст. Р. 38

Стратиграфическая дата: XII в.

Текст делится на слова так: ... у **Прусовѣ гривна бѣз рѣзанѣ. Вода(и)** [или: **Вода(ле есмь)**] ...

Перевод: ‘У жены Пруса гривна без резаны. Дай (или: дал)...’

Имя (прозвище) *Прусь* встретилось в грамоте № 439 (конец XII – начало XIII в.).

[2004]

Грамота № 39

Найдена на Пятницком раскопе в квадрате 5, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м). Это целый документ из восьми строк (между пятой и шестой строкой вставлено, более мелкими буквами, еще три слова):

поклонъ ѿ грорыи юрмолѣ
и ѡзѣкъю. посласмь к тобѣ
шесть боцекъ вина. какъ
палѣцѣ хватииты то
смотри горазно а продаликакъ
итѣ по тому же и ты то ѡшли
а моимъ робѣ [ѣт] а мѣ даваи
серебра по [шл] и з до лго мѣ

Грорыи — явно описка вместо *Григорыи* (пропуск букв *иг*).

В последнем слове грамоты надстрочное *л* реально находится над *д*; но древнерусские писцы не считали нужным ставить надписанную букву строго над ее местом в слове.

Длина 21,4 см, ширина 11,8 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIV века.

Внестратиграфическая оценка: 1380-е – 1410-е гг.

Текст делится на слова так:

Поклонъ ѿ Грорыи Юрмолѣ и ѡзѣкъю. Посласмь к тобѣ шесть боцекъ вина, какъ палѣцѣ хвати. И ты то ѡсмотри горазно. А продаи какъ и тѣ, по тому же. Или то продале, (и) ты то ѡшли. А моимъ робѣтамъ не даваи серебра — пошли з долгомъ.

Слова *ли то продале*, вписанные между строк, следует вставлять в текст после союза *и* (*или то продале* ‘а если ты то продал’), поскольку полноударное (а не энклитическое) *ли* в живом языке, насколько можно судить, отсутствовало (то есть фраза *ли то продале* нереальна). Но союз *и* нужен и перед *ты то ѡшли*, поэтому он здесь оказался как бы использован дважды.

Очевидно, автор после слов *по тому же* случайно пропустил отрезок *или то продале* и, когда заметил это, был вынужден вписать пропущенное между строк. После слов *по тому же* уже стояло *и* — осталось дописать *ли то продале*. Автор не обратил внимания на то, что союз *и* нужен также для последующего *ты то ѡшли*.

П О К Л О Н Ъ Т А О А Б И Н Е А М О Л А
 И С З Ф К Р П П О Ц А В С М Д К Т А
 Ш Т А Б О У Т К В Д Н Н А К А К А
 П А В У Б Х В А Т И Н Т В Т О А
 С М О Т А Н Т О Д Р З Н О А П А О Д * Н И К А К Р
 Н Т Ф Г О Т Р М И У С Н Т О А О А О С Ш А Н
 А М О Н М Х А С В А К У С Н Е Д А
 С Т А С А П О Л С В А Г О М Ф

Перевод:

‘Поклон от Григория Ермоле и Озекею. Я послал тебе шесть бочек вина, [уровень] — как палец достанет. Так что ты это хорошенько проверь. А продай как и те, на тех же условиях. А если ты то продал — так ты то отошли. А моим ребятам денег не давай — пошли вместе с долгом’.

Предельно лаконичную фразу *или то продале (и) ты то ѿшли* можно понимать по-разному: а) ‘А если ты то [что тебе было раньше прислано] продал — так ты то [что на этом получил] отошли’; б) ‘А если ты то [что тебе было раньше прислано] продал (т. е. заключил акт продажи) — так ты то [покупателю] отошли’.

Как и во многих других берестяных грамотах, автор, указав двух адресатов, в тексте уже обращается только к одному из них — очевидно, первому.

Об импорте в Новгород вина, доставляемого ганзейскими купцами, было известно из традиционных письменных источников. В берестяной грамоте вино упоминается впервые. Грамота была найдена 26 июля, в день празднования очередной годовщины находки берестяной грамоты № 1, и упоминание в ней шести бочек вина было с большим энтузиазмом встречено собравшимися на праздник.

С лингвистической точки зрения необычайно интересна словоформа *посласмь* ‘я послал’. Из берестяных грамот мы уже знаем, что в древнерусском языке существовала особая, ранее неизвестная форма прошедшего времени — так называемый безэлевый перфект (см. ДНД₂, § 3.39). Она отличается от обычного перфекта тем, что вместо *l*-причастия в ней выступает форма без конечного *л*, равная основе инфинитива (*вза, посла, отда*), например: *вза ксме* (№ 482), *посла кси* (№ 99), *кси ѿдода* (№ 311). Как и в обычном перфекте, присутствует (по крайней мере, в 1-м и 2-м лицах) связка, причем, как видно из примеров, она в принципе может стоять как после глагольной формы, так и перед ней.

Но в данной грамоте первый раз в истории русского языка зафиксирован безэлевый перфект в слитной форме: *посласмь*. Такое образование явно сходно с польским прошедшим временем типа *poslałem* ‘я послал’, с тем, однако, отличием, что в состав польского *poslałem* входит обычное *l*-причастие, а не его усеченная форма. Таким образом, мы узнаем из данной грамоты, что в северо-западном регионе складывалась особая слитная форма прошедшего времени, не получившая, однако, дальнейшего развития в связи с общим угасанием древненовгородского диалекта. (Осторожность требует, правда, признать, что, пока в нашем распоряжении имеется всего один пример, нельзя исключать и простой пропуск буквы *к* на письме; но ввиду сходства с польским эта версия представляется маловероятной. Разрешить эту проблему должны новые находки берестяных грамот.)

Один из адресатов носит редчайшее имя *Ѡзѣкѣи*. Это народная адаптация библейского имени *Езекия* (греч. Ἐζεκίας): начальному греческому *ε* закономерно соответствует русское *о*; все имя переведено из женского морфологического рода в мужской (как *Еремѣи* из *Иеремия*, *Захарѣи* из *Захария* и т. п.). Конечное *-ѣи* — такое же, как, например, в *Еремѣи*, *Олексѣи* и др. (хотя в таких случаях обычно имеются и варианты с *-и*). Но для первого *ѣ* в имени *Ѡзѣкѣи* специальных оснований нет; здесь проявилось просто общее пристрастие писавшего к букве *ѣ*, которое обнаруживается также в написании *палѣцѣ* и, возможно, в *роб[ѣт]амь* (см. ниже). Гипокористическое *Озѣка*, встретившееся в № 649, может восходить как к *Озарья*, так и к *Озекѣи*.

В написании *палѣцѣ* оба ятя (или по крайней мере первый) выступают как замена для *е* или *ь*. Возможны интерпретации: *палець* (обычный И. ед.), *пальце* (И. ед. с окончанием *-е*, как в примерах типа *Нездильце* [см. ДНД₂, § 3.8]), *пальцѣ* (В. мн.); предпочтительны первые две (но для выбора между ними нужных данных нет).

Слова *какъ палѣцѣ хватѣи* (‘как палец ухватит [достанет]’) наглядно показывают, как проверялась полнота бочки: вынимали затычку в крышке бочки и проверяли, достанет ли палец до уровня жидкости. Автор подчеркивает, что посланные им бочки — полные, и требует тщательно проверить, не произошло ли убыли вина в пути.

Этот пассаж дает ключ к решению одного доныне не решенного вопроса из истории значений русских слов: каким образом слово *хватит* (т. е. ‘схватит, ухватит’) со временем получило также значение ‘достаточно’, ‘enough’, не имеющее, на первый взгляд, с исходным значением ничего общего? Грамота наглядно показывает, как проблема «достаточно или недостаточно» может сводиться к тому, схватит ли рука (палец, инструмент) находящийся на некотором расстоянии предмет (или поверхность). Ср. также примеры из Даля (IV: 544): *шест не хватает дна; шест берега не хватит*. Очевидно, именно из таких измерений родилась

возможность на вопросы типа *Полна ли уже бочка? Не надо ли еще долить?* отвечать словами *Уже хватит!* или просто *Хватит!* Это легко приводит к переосмыслению *хватит* как ‘достаточно’, после чего уже открыта дорога для сочетаний типа *мне хватит* (которые ранее, разумеется, были невозможны).

Заметим, что и слово *достаточно*, означающее то же самое, имеет сходную семантическую историю: оно прозрачным образом связано с глаголом *достать* в значении ‘дотянуться’, ‘суметь прикоснуться’.

По тому же — хорошо известное из более поздней деловой письменности выражение, означающее ‘на тех же условиях’ (т. е. ‘из того же расчета’, ‘по той же цене’ и т. п.). Слова *продаи какъ и тѣ по тому же* ясно показывают, что автор и адресаты совершают данную торговую операцию не первый раз.

Трудное место составляет *роб[ѣт]амъ* в предпоследней строке. Из-за дырки в бересте здесь неясны две буквы. Судя по сохранившимся элементам, четвертая буква — *ѣ* или, может быть, *ѡ*; пятая — *т*, *ч* или *ц*. Хотя эти утраты столь незначительны, вполне надежной конъектуры здесь, как это ни поразительно, нет. Наиболее вероятно все же, что в тексте стояло именно *робѣтамъ* — вместо *робатамъ* ‘ребятам’, ‘слугам’ (*-амъ* вместо *-омъ* в этот период уже вполне возможно). Странный *ѣ* здесь может быть простой ошибкой (или результатом неумеренного пристрастия автора к этой букве); но, по-видимому, не исключено и обобщение основы косвенных падежей единственного числа, где *робати*, *-е*, *-емъ* могло фонетически переходить в *робети*, *-е*, *-емъ*.

Грамота № 40

Найдена на Пятницком раскопе в квадрате 17, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м). Это целое письмо из шести строк. Написано очень уверенной рукой, устойчивым почерком. Буквы глубоко врезаны в бересту, так что документ внешне напоминает надписи, вырезанные на медных пластинах.

поклонъ ѿ Оксини і Онани к Родивону
и сестри моєї Татіани. Поїдите в
городъ к сеї неділи. Давати ми доци,
а сестри моєї приставницать. А азъ
ѡсподину своєму Родивону і свої
сестри моєї много целомъ бую.

В предпоследней строке в слове *своѣму* после *сво* зачеркнуто *в*. В этой же строке написано *своі* (вместо *своєі*) *сестри*; заменой этого ошибочного *своі* служит *моєі* в следующей строке (но *своі* оставлено незачеркнутым).

Длина 21 см, ширина 6,3 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIV в.

Внестратиграфическая оценка: последняя четверть XIV в.

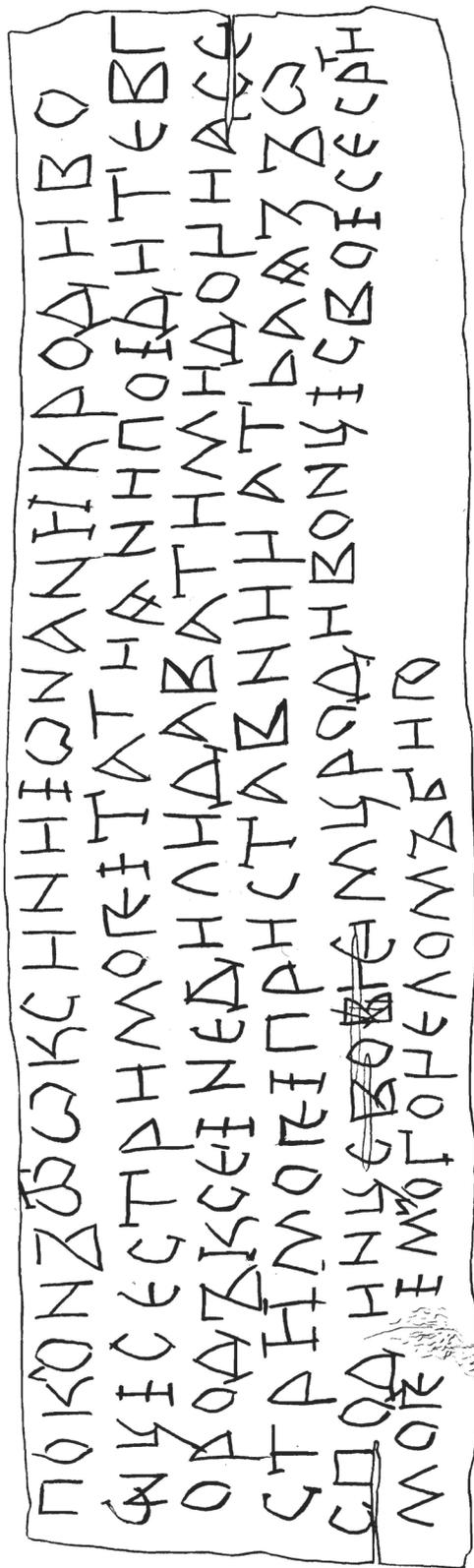
Текст делится на слова так:

Поклонъ ѿ Оксини і Онани к Родивону і сестри моєї Татіани. Поїдите в городъ к сеї неділи. Давати ми доци, а сестри моєї приставницать. А азъ ѡсподину своєму Родивону і свої сестри моєї много целомъ бую.

Перевод:

‘Поклон от Оксиньи и Онании Родивону и сестре моей Татьяне. Поезжайте в город к этому воскресенью: мне выдавать дочь, а сестре моей быть распорядительницей. А я господину своему Родивону и сестре моей челом бую’.

Оксинья и ее муж Онания обращаются к Родивону и его жене Татьяне — сестре Оксиньи. По-видимому, Оксинья и Онания живут в Новгороде, а Родивон и Татьяна — в Русе. Родственники должны приехать на свадьбу в город, т. е. в Новгород.

Прорись грамоты Ст. Р. 40

Письмо имеет ряд общих черт со знаменитой грамотой № 731 — посланием от Янки с Селятой к свахе Ярине. В обоих случаях речь идет о свадьбе сына или дочери авторов; в обоих случаях реальным автором является мать и она называет себя первой, но всё же формально включает в число авторов и своего мужа (который в дальнейшем тексте уже никак более не упоминается); в обоих случаях в основном тексте письма говорится не «мы», а «я», и это «я» принадлежит матери.

Письмо состоит из трех частей почти одинаковой длины: 1) адресная формула; 2) само сообщение, т. е. собственно письмо; 3) заключительная формула вежливости. Собственно письмо чрезвычайно лаконично: *Поидите в городъ к сеі недилі: давати ми доци, а сестри моі приставницати.*

В документе *ѣ со стопроцентной последовательностью реализуется в виде *и*.

В орфографии отметим, в частности, строгое различие *и* (после согласной) и *і* (после гласной), а также написание одиночного *и* вместо двойного.

В указанных условиях словоформа *поидите* оказывается двусмысленной: она может воплощать как *поидите*, так и *поѣдите*. Вопрос решается тем, что, согласно наблюдениям А. А. Гиппиуса, в качестве немаркированного обозначения для передвижения из одного города в другой глагол *поити* употребляется лишь в древнейший период (по XIII век включительно); позднее в этой роли выступает уже *поѣхати*. Тем самым в данном тексте следует предполагать *по(ѣ)дите*.

Фраза *давати ми доци* означает 'мне [предстоит] выдавать дочь'. *Давати* (в матримониальном смысле) как синоним для *выдавати* известно; ср. *своіхъ дочереі не давати за нихъ ни оу нихъ поимати* (Паисиев сборник, см. СДРЯ, II: 419).

Доци (= *дочи*) — именит. падеж (в отличие от винит. *дочерь*); таким образом, в грамоте представлена северновеликорусская конструкция типа *трава косити, вода пити* — с той особенностью, что здесь в ней участвует существительное не *а*-склонения, а консонантного склонения. Это важный новый факт для исторического синтаксиса русского языка.

Слово *приставничать* встречается в древнерусских памятниках, насколько можно судить, впервые. В грамоте этим глаголом обозначена та роль, которую на свадьбе предстоит играть Оксиньиной сестре Татьяне — тетке невесты. В данном случае это прозрачное производное от *при-*

ставница — распорядительница на русской свадьбе, выбиравшаяся из числа ближайших родственниц невесты (кроме матери). СРНГ (31: 406) дает богатый материал по этому слову (в основном с пометами Арханг., Олон.): *Приста́вница*. ‘В свадебном обряде — подруга или родственница невесты, которая постоянно находится около нее (сопровождает к венцу, помогает провести свадьбу)’. Вот некоторые из примеров: *Приставницы приходят к невесте с хлебом и солью и разными подарками; Вслед за невестой по две в ряд следует целая толпа ее приставниц, убранных в разноцветные повойники*.

Ср. также *приставникъ* ‘лицо, приставленное к чему-либо или к кому-либо (для надзора, охраны и т. д.)’, откуда далее уже просто ‘надзиратель, распорядитель, начальник’ (см. СДРЯ, VIII: 576; Слов. XI–XVII, 20: 29), *приставничество* ‘управление (домом, хозяйством’, ‘опекунство, попечительство’ (Слов. XI–XVII, 20: 30).

Отметим различие между инфинитивом *приставничать* (с *-ть*) и *давати ми* (с *-ти*). В рассматриваемую эпоху, вообще говоря, существовало и простое варьирование форм с *-ти* и с *-ть* (см. ДНД₂, § 3.34). Но в данном случае видна и дополнительная причина такого различия: словоформа *приставничать* стоит на конце фразы, а словоформа *давати ми* входит в состав тактовой группы («фонетического слова») *давати ми*, т. е. слог *-ти* «защищен» здесь энклитикой *ми*.

[2007]

Грамота № 41

Найдена на Пятницком раскопе, в осыпи восточной стенки. Это левая часть четырех строк документа.

[уѣ]здини[цаполоцетвиртир]озмириушелви[п]...
 уивана·ѣ·розмириухеританарозмирауосм-...
 уликиполоцетвирти...
 упавлаупо(а)...
 у...

Длина 20,3 см, ширина 3,9 см.

Стратиграфической даты грамота не имеет.

Внестратиграфическая оценка: 1240-е–1310-е гг., предпочтительно 1260-е–1290-е.

Текст делится на слова так:

(...) У Несдиница поло цетвирти розмири. У Шелви п... У Ивана 2 розмири. У Херитана розмира. У Осм... .. У Липки поло цетвирти (розмири). У Павла у по(а) ... У ...

Розмѣра — особая весовая мера, в данном случае явно соли.

Перевод: ‘У Несдиница три с половиной размеры. У Шелвы ... У Ивана две размеры. У Херитана размера. У Осм... У Липки три с половиной... У по(а) Павла...’

Грамота с последовательным переходом *ѣ* в *и*. В *цетвирти* сочетание **ьр* дало *ир* (через ступень *ѣр*), см. ДНД₂: 67.

Нездиничь — отчество от известного имени *Несъда* (см. ДНД₂: 357); ср. *Несъдичь* в № 238.

Имя *Шелва*, встреченное впервые, — неясного происхождения; вероятно, иноязычное.

Херитань — вариант к *Хоритань* (в № 430) и далее к *Харитонь* (в № 366). *Хе* вместо *хо* — такое же, как в примерах *херугвь*, на *Волхевьци*, *хедыле* ‘ходил’, о которых см. ДНД₂, § 2.38.

Липка — прозвище, от *липа*.

[2009]

Грамота № 42

Найдена на Пятницком раскопе, в квадрате 37, на уровне пласта 20 (глубина 3,80–4,00 м), в напластованиях усадьбы А. Это маленький фрагмент:

...иокомикр...

Длина 8,1 см, ширина 1,3 см.

Стратиграфическая дата: XIII в.

Текст делится на слова так: ...и, око ми кр...

Вычленяются слова: редкий союз *око* ‘как’, ‘что’ (см. о нем ДНД₂: 410–411) и местоимение *ми* ‘мне’.

Прорись грамоты Ст. Р. 42

[2010]

В 2010 году были продолжены археологические исследования в Старой Руссе на Пятницком раскопе, расположенном на территории исторического ядра города (средневековой Русы). Изучались культурные напластования 20–23 пластов усадьбы А. С площади этой усадьбы происходят все ранее найденные на Пятницком раскопе берестяные грамоты (№ 39–42). Высокий социальный статус ее владельцев подтверждается сфрагистическим материалом: две владычные печати, одна из которых — печать новгородского архиепископа Мартирия (1193–1199 гг.).

Грамота № 43

Найдена на Пятницком раскопе, в квадрате 65, на уровне пласта 22 (глубина 4,39 м), в напластованиях усадьбы А. Это целый документ из четырех строк:

ОЛЕНЕЧЬВААВЪДААРОУКОУВЪ
ТРЕХЪГРИВЕНАХЪГЮРЕГЕВИИРЕКЛА
ТАКОАКЖЕЕСМОВАНИХЪВЪВЕРИЧА
ХЪТАКОЖЕВОСИХЪ:Х:ТОРОЛИНАГРАМТА

В конце текста у писца осталось мало места, и он записал слово *грамота* без *о*.

Длина 27 см, ширина 4,5 см.

Стратиграфическая дата: последняя треть XII в.

Внестратиграфическая оценка: последняя четверть XII – 1-я четверть XIII в., предпочтительно последняя четверть XII в.

Текст делится на слова так:

Оленечваа въдала роукоу въ трехъ гривенахъ Гюрегеви, и рекла тако: Ако же есмо в анихъ вѣверичахъ, тако же во сихъ :X: Торолина грам(о)та.

Перевод: ‘Оленцевая (т. е. жена или вдова Оленца) дала поручительство Гюргию в трех гривнах и сказала так: как я несу ответственность за те деньги, так же и за эти’.

После знака косога креста (в двух двоеточиях) запись писца: ‘Торлина грамота’. В берестяных грамотах такое оформление юридического документа встречается впервые.

В. Б. Силина предложила следующую правдоподобную интерпретацию функциональной роли этого документа: это расписка в получении трех гривен, данная Оленцевой Гюргию. Эти деньги она Гюргию вернула, в знак чего расписка была аккуратно надорвана, то есть погашена — подобно тому, как ныне надрывают использованный билет с тем, чтобы его нельзя было использовать второй раз. Возможно, после этого ее уже просто выбросили, постольку в таком виде она уже юридическим документом служить не могла.

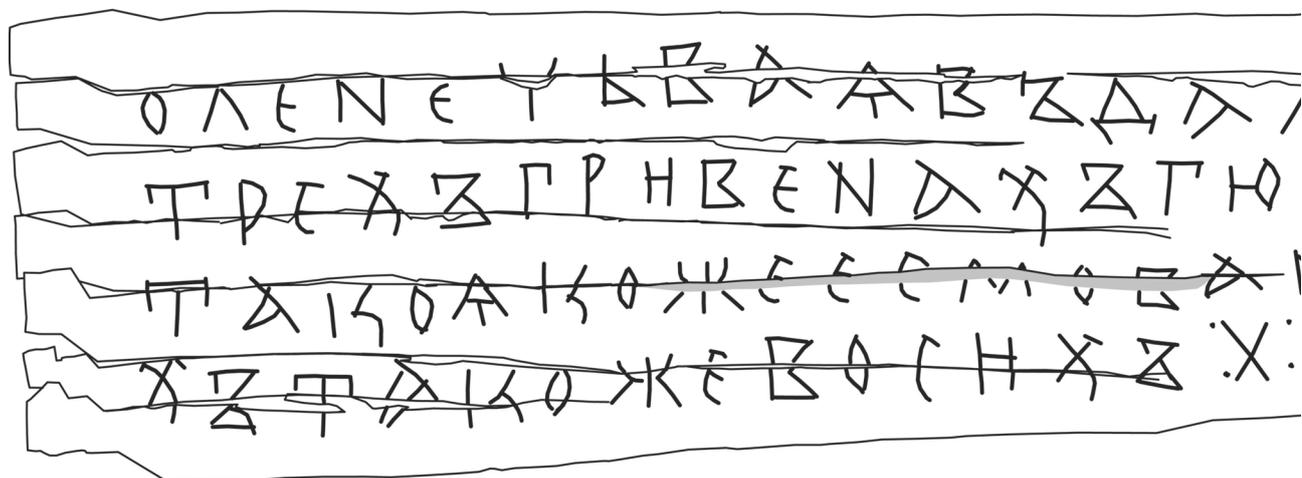
Имя писца — скорее всего *Търъла*, в более поздней форме — *Торла*. С хронологической точки зрения это вполне может быть отец упоминаемого в новгородской летописи в связи с событиями в Русе Домажира Торлинича. Под 1224 годом в НПЛ читается:

Въ то ж лѣт по грѣхомъ нашимъ не тоу с(а) зло створи: выѣха Федоръ посадникъ съ роушаны, и биса съ литвою. И съгониша роушанъ съ конь, и много коневъ ѿѣша, и оубиша Домажира Търлиница и сънъ его, а роушанъ Богъшию, а иныхъ много, а другыхъ по лѣсоу розгониша.

В 1224 году у Домажира Торлинича был уже сын-воин, следовательно, ему было не менее чем лет 45–50, т. е. он родился не позднее примерно 1180 года. Соответственно, время наиболее активной деятельности его отца Торли должно приходиться примерно на последнюю треть XII века.

Имя *Търъла* (из **tъrlja*) родственно серб.-хорв. *търлати* ‘тереть, растирать’, *търлити* ‘мять, трепать (лен, пеньку)’, ‘подстерегать, подлавливать’, *търлати* ‘бродить, шататься’, словен. *tr̂liti* ‘мять, трепать (лен, пеньку)’. Имеются и точные формальные соответствия для *търъла* — словен. *tr̂lja* ‘(льно)мялка’, серб.-хорв. *търља* ‘подлавливатель’; но значение древнерусского *тър(ъ)ла* не обязательно в точности совпадало с этими словами.

Для имени (прозвища) *Оленецъ*, от которого произведено наименование *Оленцевеаа*, ср. прежде всего имя *Воль Оленчичъ* (Тупиков: 734; XVI в.), где отчество произведено от того же имени *Оленецъ*; ср. также имя *Оленикъ* (там же: 344; XVII в.).

В фонетическом отношении представляет значительный интерес эффект $\bar{y} + o \rightarrow a$: в *анихъ* из *въ онихъ*; см. о нем ДНД₂, § 2.34.

С морфологической точки зрения следует отметить замену исконого \bar{t} в словоформе *онѣхъ* на аналогическое *и* (*анихъ*) под влиянием *сихъ*, *ихъ* (ср. *во сихъ* в той же фразе).

Для выражения *быти въ чель* в значении 'нести ответственность за что-либо' ср. *азъ въ томъ* 'я за это отвечаю' в грамотах № 489, 749, Твер. 2; см. ДНД₂, § 4.8.

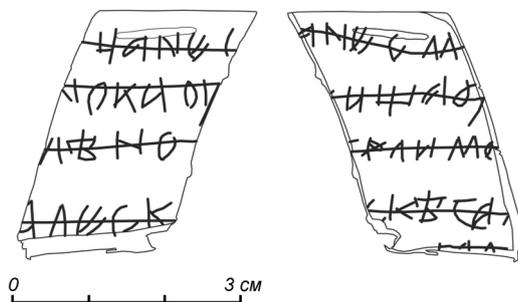
[2011]

Грамота № 44

Найдена на Георгиевском раскопе, в квадрате 2, на уровне пласта 10 (глубина 1,92 м).

Это фрагмент (обрезок) двусторонней грамоты. Все записи зачеркнуты одной горизонтальной чертой.

	<i>Оборот</i>
...цанес...	...анесм...
...[н]окаоу...	...ищаоу...
...[а]ѣно...	...-лим[а]...
...[а]леск...	...скѣза...

Прорись грамоты Ст. Р. 44

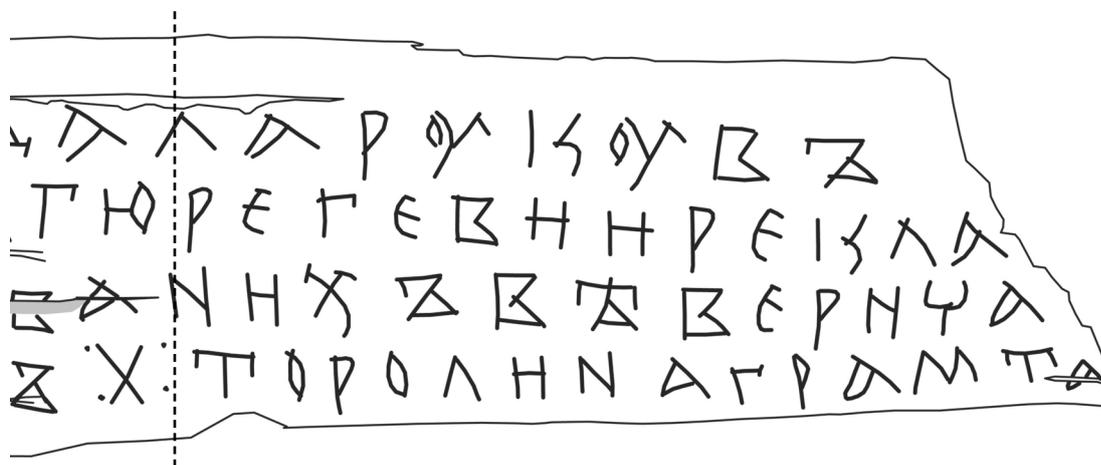
Длина 2,1 см, высота 3,2 см.

Стратиграфическая дата: XIV–XV вв.

Внестратиграфическая оценка: предпочтительно не ранее последней четверти XIV в.

Вычленяются только предлоги.

По-видимому, это был реестр каких-то долгов или недоборов (по схеме «у такого-то столько-то»), где сплошное жирное зачеркивание означало, что задолженность погашена. А когда оказались зачеркнуты все записи, документ был уничтожен — порезан на мелкие части.

Прорись грамоты Ст. Р. 43

Грамота № 45

Найдена на Пятницком раскопе, при зачистке восточной стенки, квадраты 6–18, пласты 21–27. Два фрагмента. Это части последних трех строк документа:

.....НЫ...
....ЛАТИ.....КОУЛОТ...
...ТИТЬАВЛА.....ОМОВЫ...

0 3 см

Прорись грамоты Ст. Р. 45

Фрагменты размером 6,8 × 2,3 см и 5,6 × 2,8 см.

Стратиграфическая дата: XII – первая половина XIII в.

Вычленяется слово **Коулот**... — очевидно, начало имени *Кулотъка*, встретившегося в новгородских берестяных грамотах XII века № 105 и 656 и в надписи на стене новгородского Софийского собора (Медынцева 1978, № 66). В грамоте № 14 из Старой Руссы (XII в.) встретилось отчество *оу Коулотиница*.

Отрезки **...лати...** и **...титель** — возможно, части повторяющейся словоформы *заплатит(e)*.

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ К ГРАМОТАМ НАСТОЯЩЕГО ТОМА
(№ 916–1063, Ст. Р. 37–45)

А

а союз — *saere* (но 1× **а** 1002 [вм. а])
аже союз 933, **ажь** 1023
али союз 1004, 1023
али ти союз 1047 (2×)
ала союз ‘или же’, ‘а иначе’ 1001
ано союз 920
архиепискупъ м.: *Д. ед.* архиепискупу 963

Б

баба ж.: *Р. ед.* уо [б]а[бъ] 974 (возможно, прозвище)
безмѣнъ м.: *В. ед.* (?) -езмѣнъ 1046
безъ (ранн. без) предл. (с Р.): бѣз 976, 1023, б[ъ]з
Ст. Р. 38, бес 963 (бес пѣтъа), бѣ (бѣ сти ‘без
шести’) 1032, бѣ... 1021
берема с. ‘связка, охалка’: *И. ед.* берема 1054,
И. счетн. 2 беремене 1054
бересто с. ‘берестяная грамота’: *В. ед.* -ересто 988;
Т. со берестомо 1004
берковескъ (ранн. бърковьскъ) м. ‘берковец’ (*мера
веса*): *И. ед.* брковьскъ 983; *Р. ѿ* бърковьск[а]
1005, ...[ъ]ска 983; *И. счетн.* два бърковьска 1023;
И. В. 4 бърковьскъ 998; **Δ** ...ковьскъ 1033
бити г.: *през. 1 ед.* чоломъ бью 962, челомъ бию
964, целомъ бию Ст. Р. 40, целомъ бью 931; *3 ед.*
чоломъ быеть 962; *3 мн.* (че)ломъ бьютъ 963
боуъ м.: *Р. ед.* бобуо 1023
Богородица ж.: *Р. ед.* сѣтъ Бѣи 963, оу сѣтъ Бѣи 963,
к сѣтъ Бѣи 963
Богъ м.: *И. ед.* а на то Бого 944; *Д.* а то Бгови и тобъ
на руци 944
боле н. сравн.: боль 1023
бологодѣтъ ж.: *И. ед.* бологодѣтъ 1031
болотьце с.: *В. ед.* на болоце 928; *Р. з* болоцьца 928
борецъ м.: **Δ** бор... 1051 (?)
борзо (ранн. бързо) н.: бороз[о] 920

борзѣи (ранн. бърз-) н.: *кр. М. ед. с. (наречн.)* во бързѣ
1045

Борисовъ н. прит.: *И. ед. ж.* Борисова 1013

Борисъ м. личн.: *И. ед.* Борисъ 1021; *Р. 8* Бориса 935

боръ м. ‘побор, налог’ (?): *Р. мн.* боровъ 972 (?) (...хъ
боровъ оуплацн...)

бочка (ранн. бъчка) ж.: *Р. мн.* боцекъ Ст. Р. 39

братанъ м. ‘двоюродный брат’, ‘племянник’: *Р. ед.*
у братана 938

Братила м. личн.: *Д. ед.* къ Братиле 934

братъ м.: *Р. В. ед.* бра (!) своего 1046

братья ж. собир.: *И. ед.* братиѣ 1048

Будко (ранн. -дѣк-) м. личн.: *Д. ед.* къ Боудькоу 1031

бывати г.: *перф. ед. с. (возм. м.)* бывало 972

бъ част. 955 (пъехати бѣ еи)

бъти г.: *наст. 1 ед.* есмь 952 (2×), есм[ъ] 1012, есме
966 (возм. *1 мн.*), есмѣ 934, есмь 966 (2×), [ес]мь
1060, есмо 989, Ст. Р. 43, есьмо 952, есемь 937,
есемь 997, есемо 1004, Ст. Р. 37, кмь (!) 964;
2 ед. кси 931, 962 (2×), 963, еси 920, 954 (2×),
962, 988, 1031 (3×), 1059, -си 965; *3 ед.* есть 999,
есте 1050, ксѣтъ 1047, к ли 1047, [е] 936 (?), 1012
(?); *1 дв.* есвѣ 1005, 1009 (3×), есве 1000, есевъ
1045; *1 мн.* ксеме 963 (2×), есме 1007, есме 929,
есмы 950; *2 мн.* кесте 949, 962; *буд. 1 ед.* бѣдѣ
1053, *2 ед.* буде[ш]е 948; *3 ед.* буд[е]... 1046, боудь
1061, да ... боуде{оу}тъ 957; *нвл.* боуди 1049;
аор. 2 ед. (в составе формы сосл.) бы 950 (въдалъ
бы); *3 ед.* быѣ 954; *сосл. 1 дв.* быховъ 1045; *перф.
ед. с.* было 1020

бѣла ж. собир.: *И.* бела 1045, *Р.* бѣль 1021, *М.* на
бѣль 1021

В

Василь м. личн.: *Р. ед.* 8 Васила 935

вашъ мест.: *Т. ед. с.* вашимъ 962

вдати (ранн. въ-) г.: *през. 1 ед.* въдамъ 1059, *3 ед.*
(н)е вѣда 947, не вѣда 1050 (*маловер. аор.*); *нвл.*

-[да]ж[ъ] 1060; *перф. ед. м.* въдал[ъ] есемо *Ст. Р.* 37, еси ... въдале 1031, не въдале 1031, не въделе 1031 (*предвосх. е.*), не въдало 1004; *ж.* въдала *Ст. Р.* 43; *мн.* вдали 1039; *сосл. ед. м.* въдалъ бы 950; *прич. страд. II. ед. с.* въда[но] 999, водано 922

ВДАЯТИ (*ранн. вь-*) *г.*: *пвл.* въдаи 955, 999, въдае 1020, водаи 988, водаі 1006, вдаи 1055

ВДОВИНЪ (*ранн. вь-*) *п. прит. или м. личн.: Д. ед. (м.)* къ В[ъ]дъвиноу 954

ВЕЗТИ *г.*: *пвл.* в[е]зи 1026; *перф. ед. м.* везель 1004 (*вероятно, результат исправления из везе*); *дв. м.* [в]з[л]а 1005

ВЕЛИКЪИ *п.*: *В. ед. м.* на великеи путь 928; *Д. ед. ж.* Вѣликее 955 (*см. Коса Великаѧ*); *Р. мн.* великихъ 999; *кр. Р. ед. м.* до велика 963

ВЕРХОВЬЕ *с.*: *В. ед.* на верховьѣ 928

ВЕРХЪ *м.*: *В. ед.* верх{о}ъ (= <в верхъ>) 928

ВЕРШЪ (*ранн. вьршь*) *ж.* ‘зерно (хлеб в зерне)’: *В. ед.* вьршь 999, верешъ 1020

ВЕСТИ *г.*: *през. I ед.* веду 962

ВЕСЬ (*ранн. вьсь*) *мест.: Д. ед. с.* ко всему 933; *II. мн. м.* вси 963

ВЗВАЗАТИ *г.* ‘навязать (на шею)’: *през. I ед.* взважю 962

ВЗДАЯТИ (*ранн. въз-*) *г.*: *пвл.* възьдаи 1047, възди 1045 (*пропуц. а*)

ВЗАТИ (*ранн. въз-*) *г.*: *инф.* възати 1020; *през. I ед.* въземоу 1059; *3 ед.* возмъ 1023 (2×); *пвл.* възьми 1050, възь[ми] 947, [възьми] 999, възьми 987, 1059, възѣми 1047, воземи 1004, ...ем[и] 997, возми 1033; *2 мн.* възмите 949; *перф. ед. м.* [въз]а[ле] 984, возаль 1029; *прич. прош. ед. м.* въземо 956; *прич. страд. II. ед. с.* возато 923

ВИНО *с. II. ед.* 1005; *Р.* вина *Ст. Р.* 39

ВИНОВАТЪИ *п.*: *кр. II. ед. м.* не в[и]-----[ъ] 959; *II. дв. м.* не виновата 997

ВЛАДЪКА *м.*: *Зв. ед.* влѣко 963; *Д.* влѣкѣ 963, в[д]ѣѣ 968

ВЛИЩЕВО (*ранн. вь-*) *с. геогр.: М. ед.* на Вѣлищевѣ 958

ВНАТИСА ‘включиться, вступить’ *г.*: *прич. прош. мн.* вонемъ{ш}ши 1045 (*со снятием сѧ*)

ВОДМОЛЕЦЪ (*ранн. -дѣм-*) *м.* (*уменьшит. к водмоль*): *М. ед.* на водмолчъ 927

ВОДМОЛЬ (*ранн. -дѣм-*) ‘род грубого сукна’ *м.*: *М. ед.* на вѣдмолѣ 1057, на водмоль 1023, на вомоль 1032 (*пропуц. д*)

ВОЗЪ *м.*: *II. ед.* возо 1006

ВОИБУДИНЪ *п. прит.: II. ед. с.* Воибуудино 957

ВОИГОСТЬ *м. личн.: Р. ед.* уо Воигости 974

ВОЛОГА *ж.* ‘масло’, ‘сало’, ‘жир’: *М. ед.* на волгъ 986 (*пропуц. о*)

ВОЛОУАНИНЪ *м. жит.: Р. В. мн.* во[лоца]-[о] 1005 (?)

ВОЛУВЪ *м. или м. личн.: Р. ед.* оу волохва 1063

ВОРОТЬ *м.*: *В. ед.* на воротъ 962

ВОСКЪ *м.*: *Р. ед.* воску 1054

ВОХЪ (*ранн. вьхъ, вьхъ*) *мест.* ‘весь’: *В. ед. м.* вьхъ 954; *II. В. с.* [в]охо 943; *Р. ж.* вохои 1021; *Д. мн.* вохмо 983 (*пропуц. ь*)

ВСАДИТИ (*ранн. вь-*) *г.*: *през. I мн.* да въсадимо вы 952; *пвл.* въсади и 1059

ВСѢЯТИ (*ранн. вь-*) *г.*: *прич. страд. II. ед. с.* восьѧно 1024

ВЧЕРАШНИИ (*ранн. вьчерашьнии*) *п.*: *В. дв. ж.* вецѣрашени 955

ВЪ *предл.: с В.* — въ 952 (2×), 999, 1031, во 920, 934, во 1004, 1006, в 928 (3×), в 962 (2×), *Ст. Р.* 40, въ 928 || *с М.* — въ *Ст. Р.* 43, во 963, 1004, 1945, *Ст. Р.* 43, в 938, 963, 966, 978, *Ст. Р.* 43 || *с В или М.* — во 1030, 1043, 1039

ВЫ *мест. (дв.): Д. энклитич.* ва 950, 1001

ВЫ *мест. (мн.): В.* вы 952, 1045; *Р.* ѿ васъ 933; *Д.* вамъ 962

ВЫВЕСТИ *г.*: *през. 2 мн.* выведете 1050, *прич. прош. ед. м.* выведъ 1050

ВЫЖЛА *с.* ‘гончая собака’: *В. ед.* про выжла 948

ВЫМЕТКА (*ранн. -тък-*) *ж.* ‘выгрузка’: Δ [в]ымѣток... 1012

ВЫПИРАТИСА ‘вырываться на волю’ *г.*: *през. 3 ед.* сѧ выпирае 1031

ВЫПРАВИТИ *г.*: *през. I ед.* в[ы]правлоу 950 (*NB лоу*); *пвл. 2 дв.* выправита 1020, *2 мн.* выправить 1045; *перф. ед. м.* выправила ти есмь 934

ВЫСЫПАТИ *г.*: *пвл.* высыпли 999

ВѢ *мест.* ‘мы двое’: *Д. энклитич.* на 1045

ВѢВЕРИЦЪ *мн. ж.* ‘деньги’: *Р. мн.* [вѣ]вѣричь 1002, вевѣрице 1004, вевѣриц 1045; *Т.* ...рицами 956; *М.* в анихъ вѣвѣричахъ *Ст. Р.* 43

ВѢДАТИ *г.*: Δ а нынѣ кше не вѣ[д]... 972 (?)

ВѢДАТИСА *г.*: *през. I ед.* сѧ ведаю 1055

ВѢДѢТИ *г.*: *през. 2 ед.* веси 944

ВѢКША (*ранн. -къш-*) *ж.* (*денежная единица*): *II. счетн.* 2 вѣкъш 1034, 4 вѣкъш (*недопис. или сокращ.*) 926

Вѣринъ *п. прит.*: *Р. ед. м.* уо Вѣрина 974
вѣсть *жс.*: *В. ед.* вѣсть 1045
Вацѣшка (*ранн. -шѣк-*) *м. личн.*: *Р. ед.* ѿ Вацѣшкѣ 952; *Т. съ* Вацѣшкѣю 952

Г

Гаврила (*ранн. -вѣр- или -вѣр-*) *м. личн.*: *Р. ед.* 8 Гаво-
риле 935; *Д.* Гаври... 989
Гавша (*ранн. -вѣш-*) *м. личн.*: *Т. ед.* съ Гавошею 934
геонъ *п. прит.* 'гееннский': *И. ед. м.* геоне 973 (*в от-*
резке геонегоне = [г'еон'огон'])
Георъги *м. личн.*: Δ Георег... 975
Глѣбѣць *м. личн.*: *Р. ед.* 8 Глѣбѣца 919
говорити *г.*: *пвл.* говори 968
Гоимѣръ *м. личн.*: *И. ед.* Гоїмере 1004
Голчанъ *м. личн.*: *Д. ед.* къ Гълочану 1059
горазно *н.* Ст. Р. 39
Городице *с. геогр.*: *М. ед.* на [Гр]од[и]... 992 (?)
городъ *м.*: *В. ед.* [во] городо 920, во гъродь 934, в
городь 962, Ст. Р. 40
гороухъ *м.*: *Р. ед.* горохуо 1023
господинъ *м.*: *И. ед. или Зв. ед.* господине 929; — *ср.*
осподинъ
госпожа *жс.*: *Д. ед.* госпо-и 1060
Гостата *личн.*: *И. ед.* [Г]о[стата] 945
грамата *жс.*: *И. ед.* грамата 954; — *ср.* грамота
грамота *жс.*: *И. ед.* 954, 1006, 1007, 1050, 1054,
грамта Ст. Р. 43 (*пропуц.* о), грамо... 1048; *В.*
грамоту 962, ...[оту] 1060; — *ср.* грамата
грамотка *жс.*: *В. ед.* грамотьку 962
граница *жс.*: *В. ед.* [гр]аницю 928
гречникъ (*ранн. -чѣн-*) *м.* 'купец, ведущий торговлю
с Византией по «пути из варяг в греки»' (*также*
собираетельно): *Р. ед.* грѣц[ѣ]ника 1012
грѣчскыи *п.*: *Р. ед. м.* грѣчскаго 1009
гривна (*ранн. -вѣн-*) *жс.* (*часто записывается сокра-*
щенно): *И. ед.* гривна Ст. Р. 38, гивѣна 1057 (*про-*
пуц. р), грѣна 926 (2×), 992, [г]рѣ[а] 1034, гривн
1020, гри^в 958 (2×); *В.* гриве[н]оу 997, гривноу
966, грѣвну 1054; *Р.* гривнѣ 947, гривнѣ[ѣ] 1057,
гривнѣ 989, грѣвнѣ 1050, полоторъ грѣвни 1054,
полоторъ грѣ... 1054, гри^в 958; *Р. мн.* гривнѣ
952, 990, 1057, гривнѣ 1002, [г]рѣ[в]ѣ[н] 956, гри-
вѣнѣ 1045, гривнѣ 1060, гривно 966, гривно
976, 1021, грѣвнѣ 1031 (2×), гри^в 958; *М.* въ трехъ
гривенахъ Ст. Р. 43; *И.* *счѣтн.* 12 гривни 919,

3 гривини 966, 3 гри^в 958, 4 гривнѣ 1021, 4 грѣвнѣ
926; *В.* дѣвѣ гривенѣ 1047, [2 г]р[ивѣ]нѣ 999,
2 гривенѣ 1006, 2е гривене 1004, 2 гривене 955,
2 гривнѣ 999, три гривене 987, во 3 грив... 1043;
И. В. 2 гривене 1058, 2 гривен- 1058, 2 гривнѣ
621, 922

Грига *м. личн. И. ед.* 161; *Р.* 8 Григе 935
Григоръ *м. личн.*: *Р. ед.* ѿ Гроръи Ст. Р. 39 (*пропуц.*
иг)
Гюлопиничъ *м. отч.*: *Д. ед.* Гюлопиничю 926
Гюрець (*ранн. -рѣц-*) *м. личн.*: *Д. ед.* къ Гюрецеви
1050
Гюрко (*ранн. -рѣк-*) *м. личн.*: *Т. ед.* съ Гюркъм[ѣ]
1031
Гюровичъ *м. отч.*: *Д. ед.* Гюровичю 1045
Гюргевъ *п. прит.*: *Р. ед. м.* 8 Гюргева старости 935
Гюръги *м. личн.*: *Д. ед.* Гюрегеви Ст. Р. 43
Гюрати- Δ Гюрѣти... <-рѣ- > 947 (*NB* ѣ *вл. а*) (*от*
Гюратинъ *п. прит. или от* Гюратиничъ *м. отч.*)

Д

да *союз* 929 (*постпозитивно*), 947, 948, 952, 957,
962 (2×), 997 (2×), 1061
давати *г.*: *инф.* давати Ст. Р. 40; *пвл.* не давай Ст. Р.
39; *перф. ед. м.* азъ давалъ 962, давалъ еси 962,
ѣси д[а]валъ 962
Данила *м. личн.*: *Д. ед.* ко --нил- 1053 (*возм. от* Да-
нилъ)
Даниловъ *п. прит.*: *И. ед. с.* -анилово 1056
Даньша *м. личн.*: *Р. ед.* оу [Д]ан[ѣш]... 1063
даѣти *г.*: *пвл.* даи 939, 1010, даи 1054
два (*ранн. дѣва*) *числ.*: *И. м.* два 949, *И. жс.* двѣ 986
(3×), 1021; *В.* дѣвѣ 1047, по двѣ 943, 2е (= дѣве
или две) 1004 (2×); *И. В.* двѣ 1039; *Р.* бѣз Вуо 1023
(В = 2); *М.* на [д]--- 1034
двадѣсать (*ранн. дѣва десѣти*) *числ.*: *И.* дова дѣ-
сѣт... 1063
дворъ *м. В. ед.* 1017
дѣвѣтъи *числ. порядк.*: *Р. ед. жс.* [дѣвѣ]тѣ 1011
дѣвѣтъ *числ.*: *И.* дѣвѣтъ 1063; *Д.* (?) ...[в]ѣти 943
дѣнь (*ранн. дѣнь*) *м.*: *И. В. ед.* (Оспо)жино дене 1003;
Р. до Петрова дѣни 962; *М.* ѿ Петрове дни 962
дѣржати (*ранн. дѣрж-*) *г.*: *през. 2 ед.* дѣржѣши 1031
дѣсѣтъ *числ.*: *Р.* поло пѣта дѣ[с]ѣтъ 1063, пло пѣта
дѣсѣтъ 1021, пло трѣтиѣ дѣсѣ 978 (*NB отсутст-*
вие -те); *Д.* по дѣсѣти 1023; *М.* 5 на дѣсѣте 1002,

Ж

по па[ти на] десате 1005, поло одинои на дьсать 1023, по одинои на дьсать 998, [о]смь на дьсать 976, во осмь на десать 1006, чьтыри на дьс[а]... 1018; *И. дв.* дова дьсат... 1063; *И. мн.* 3 десате 1057; *Р.* шьсть дьсато 1063, шьсть [д]-сать 1063; Δ [д]ьсать 1063

до предл. (с *Р.*) 928 (2×), 962, 963, 1045, 1062

долгъ *м.*: *Т. ед.* з долгомъ Ст. *Р.* 39

должникъ (*ранн.* дьлжън-) *м.*: *И. ед.* дьльженикъ 1047

дома *н.* 945, 1045

Домашка (*ранн.* -шьк-) *м. личн.*: *Р. ед.* ѿ Домашеке 934

Домашко (*ранн.* -шьк-) *м. личн.*: *Д. ед.* Домашкоу 926

Домка (*ранн.* -мьк-) *м. личн.*: *Д. ед.* Домкъѡ 1045

Домко (*ранн.* -мьк-) *м. личн.*: *Р. ед.* ѿ Дьмька 1047

досмотрити *г.*: *инф.* досмотрить 933

доспѣти *г.*: *перф. ед. м.* есмь доспѣль 952; *сосл. ед. м.* чо бы кси оугомон{о}ъ доспѣль 931

доци *ж.*: *И. ед.* доци Ст. *Р.* 40

другъи *п.*: *И. ед. с.* другоѡ 963

Дубницьскъи ручи *м. геогр.*: *Р. ед.* Дубницкого руцьа 928; *Т.* Дубницкимъ руцьемъ 928

Дуцино (или **Дуичино**) *с. геогр.*: *М. ед.* на Джецинѡ 958

дыаконъ *м.*: *Д. ед.* деѡкону 1055

дыакъ *м.*: *В. ед.* дьака 963 (2×)

дѣвка (*ранн.* -вьк-) *ж.*: *И. ед.* девька 1026, *В.* девькоу 1026

дѣдъ *м.* *И. ед.* 963

дѣжа *ж.*: *Р. ед.* дьжь 1023, джь 1027; *Р. мн.* дьжь 1023, дь[ж]- 1027; *И. счетн.* 4 дьжь 1023, 1024; Δ д[ь]жь 1030; *фрагменты:* 1024, 1030

дѣти *мн.*: *Т.* з дитми 932

дѣта *с.*: *И. В. ед.* дѣта 1017

Є, Ю

єлань *ж.* ‘прогалина, поляна’: *Т. ед.* єлан[ь]- 928

Єлизаръ *м. личн.*: *Д. ед.* Єлизару 964

єлико *числ.*: *И. В.* елико 966

єловъи *п.*: *В. ед. ж.* въ єловую 928; *Р.* изъ єловой 928 (*возм. от* Єловаѡ *ж. геогр.*)

Єремья *м. личн.*: *Д. ед.* ко Єремьи 949, (къ) Єрем... 948

Єрмола *м. личн.*: *Д. ед.* Єрмолъ Ст. *Р.* 39

єще *н.*: єше 972 (*NB* ш)

Жадѣнь *м. личн.*: *Д. ед.* къ Жадѣнѡ 1020

жаловати *г.*: *инф.* жаловать 962; *пвл.* 2 дв. не жаѡ лоуѡта 1001; 2 *мн.* жалоуѡте 949; 2 дв. *сосл. мн. м.* чо бы ма ѡсте жаловалѡ 949

Жданъ (*ранн.* Жьд-) *м. личн.*: *Р. ед.* уо Ждана 978

ждати (*ранн.* жьд-) *г.*: *през.* 1 ед. жидоу 1012; *прич. през. (несогл.)* здуци 931 (*NB* з)

же и **жь** (*из-за* смешения е и ѡ *эти варианты трудноразличимы*), *част.*: *противительная или уси- лительная* — же 954, 999, 1004, 1059, *Ст. Р.* 43, ж 963 || *в составе отрицат. местоимений* — же 924, 1045, ж[ь] 966, ж 997 || *отождествительная* — же 936, *Ст. Р.* 39, 43, *зе* 1047 (*NB*)

жена *ж.* *Р. ед.* ѡ (‘от’) женѡ 931, ѡ (‘от’) жени 931; *Д.* [къ] жени 942; *Т.* со женоу 1004, со женоу 939

жеребець (*ранн.* -бьц-) *м.*: *И. дв.* же[ребе]ца 997 (?)

животъ *м.* ‘имущество’: *В. ед.* [п]ро живото 944

живъи *п.*: *кр. И. ед. м.* жив- 1053

Жидата *м. личн.*: Δ Жид[а]... 961

Жизномиръ *м. личн.*: *Д. ед.* [Ж]-[зн]омироу 997

Жирѣжко (*ранн.* Жирьнѣжко) *м. личн.*: *И. ед.* Ж[и]рнѣжко 959

Жирочко (*ранн.* -чьк-) *м. личн.*: *Р. ед.* ѿ Жирочька 954, ѿ Жироцька 1000

Жирославъ *м. личн.*: *Р. ед.* уо Жирослава 1029

жито *с.* *И. В. ед.* 943, жи[то] ...1024; *Р.* жита 999, 1023, 1024, 1027, 1037

З

за предл. (с *В.*) 955

Заболотъ *с. геогр.*: *Р. ед.* ѡ Заболотѡ 962 (с ѡ *вм. ѡ*) (*возм. В. мн.* ѡ заболотѡ 962 ‘про места за болотами’)

Завидъ *м. личн.*: *М. ед.* -[ав]иде 987

заволочьскъи *п.*: *И. ед. ж.* завольцескаѡ 1045

заморьскъи *п.*: *Р. ед. м.* заморьскаго 1009

занеже *союз:* занежь 962, занежѡ 963, за[нежѡ] 963

заплатити *г.*: *пвл.* 2 *мн.* заплатѡте 952; *перф. ед. м.* за- платиль 1021; *прич. страд. И. ед. с.* заплачьно 1021

заплатитисѡ ‘расплатиться’ *г.*: *през.* 1 ед. запола- цюсѡ 1053

заслати (*ранн.* -сьл-) *г.*: *перф. ед. м.* засолале еси 988

звати *г.*: *пвл.* 2 *мн.* зовѡте 952

земла *ж.*: *В. ед.* землю 962; *Р.* земли 933; *М.* в землѡ 938

ЗНАТИ г.: през. 3 ед. [зн]а[е]т[ъ] 1025, зн[ае] 1033

Δ Р. отъ зоу 1014 (возм. отъ зоу(ба))

Зуи м. личн.: Р. ед. ѿ Зоуа 1024

И

и союз и част.: и, і — *saere*

и мест.: В. ед. м. и 1059, і 1004; с. е 957; Р. ед. м./с. (в т. ч. в прит. функции) иго 926, 963, 1047, оу него 1020, ж него 1004; Д. ед. м. емоу 950, 1004 (2×), [е]м[о]- 981; Т. с нимъ 963; М. на немъ 950, на нѣмъ 1047, на немо 1016; Д. ед. ж. еи 955; В. мн. м. ихъ 962

ИВАНКО (ранн. -нѣк-) м. личн.: Р. ед. уо Иванка 1029

ИВАННЪ м. личн.: Р. ед. отъ Иванна 1009

ИВАНОВЪ п. прит.: В. ед. м. Иван{ав}ова 932

ИВАНЪ м. личн.: Р. ед. отъ Ивана 936, ѿ Ивана 933, у Ивана Ст. Р. 41; Д. къ Иванову 1000

ИГЛА (ранн. игъла) ж.: М. мн. [иг]олахо 1011

ИГНАТЪ м. личн.: Р. ед. ѿ Игната 953

ИГУМЕНЪ м.: Д. ед. к [и]гумну 933

ИЖЕ мест. (относит.): И. ед. м. иже 957; В. ед. с. [ѣ]же 948 (возм. союз)

ИЖЕ ТО мест. (относит.): И. ед. м. иже то 1004 (2×)

ИЗБѢГОКЪ (ранн. -тѣк-) м.: В. ед. изб[ѣт]к[ъ] 960

ИЗМОТАТИСА г. 'извернуться, вывернуться' (?): през. 3 ед. сѧ їзмотаетъ 1004

ИЗУМѢТИСА г. 'изумиться': перф. дв. м. изжмѣласѧ есвѣ 1005

ИЗЪ (ранн. из) предл. (с Р.): изъ 928, и (и семи) 1045, іс 1059

ИЛИ союз 952, Ст. Р. 39 (?)

ИМАТИ г.: през. 1 ед. [е]млю 1031

ИМѢТИ г.: инф. [и]мѣти 1014

ИМА с.: И.(?) ед. іма 1004

ИНОЧИИ п. прит.: М. ед. м. на водмолчъ ... на іночьмо 927

ИНЪИ мест.: кр. В. ед. ж. иноу 945

ИСПРАВИТИ г.: през. 2 ед. не [исп]равиш[и] 984

ИТИ г.: през. 2 ед. идеши 1014; 3 ед. ідетъ 1004; пвл. иди 934

К

КАДЪ ж.: В. ед. кадъ 1029 (3×), кдъ 1029 (3×) (сокращ.); И. счетн. 2 кади 1029, 4 кди 1029/980 (сокращ.)

КАДЪЦА ж.: И. счетн. - (2, 3 или 4) кад[ч]ъ 1029

КАЗАТИ г.: перф. ед. м. еси казалъ 1031

КАКО и **КАКЪ** (из-за смешения о и ѣ эти варианты трудноразличимы) союз: какъ 962, 963, Ст. Р. 39 (2×), ка[к]- 968

КАКЪИ мест.: В. ед. ж. какоу любо 1045

КАЛѢКА м. личн.: Р. ед. Калики 917

КДЕ (ранн. къд-) н.: къде 1025

КЛЕЩЬ 'лещ' м.: Р. мн. клещевъ 964

КЛОБУКЪ м.: М. ед. на клобуокъ 982

КНАЗЪ (ранн. кън-) м.: Д. ед. къназоу (NB оу) 950

КОБЫЛА ж.: В. ед. кобылоу 959

КОЖА ж.: И. ед. кожа 1055, В. кожоу 1055, Р. мн. кожь 1054 (2×), М. на кожахъ 1004

КОЛЬКО (ранн. колико) числ.: В. кълико 1059; Р. іс колика 1059

КОМЕИНЕ* с. геогр.: В. ед. на Комѣине 929 (возм. В. от Комеини или Комеинѣ мн. геогр.)

КОМЕЛЬ м. геогр.: В. ед. на Комель 929 (NB лъ; возм. от варианта Комель)

КОНЕЦЪ (ранн. -нѣц-) м.: В. ед. коньць 954

КОНЬ м. В. ед. конь 952; М. на Т[ѣ]хони кони 926; В. мн. про къни 954

КОПИТИ г.: през. 1 ед. коплж 1012

КОРОБЪИ ж.: В. ед. коробию (исправл. на И. ед. коробиа) 1054, коро[б]ю 939; Р. коробьи 938 (2×), Р. мн. коробьи 937

КОРОВА ж.: В. ед. коровѣ 1020

КОСА Великая ж. личн. (прозв.): Д. ед. Коси Вѣликее 955

КОСИТИ г.: инф. косить 962; през. 3 мн. косѧтъ 962

КОСКИНА (ранн. -сѣк-) ж. по мужу: Р. ед. уо Коскинье 1029

КОСОГОРЪ м. геогр. (?): Δ -осогорж 1005

КОСТАНИНЪ м. личн.: В. ед. Костанина 932 (пропуц. т)

КОТЕЛЬ (ранн. -тѣл-) м.: В. мн. котѣлѣ 999; Р. котѣль 999

КРИТИ г. 'купить': пвл. крьни 1049, крени 985

КРУГЪ м.: И. ед. кругъ 1054

КТО мест.: И. хто 962; Р. у кого 1054

КУЗЬМА м. личн.: В. ед. Кузму 932

Кулотка (ранн. -тѣк-) м. личн.: Δ Коулот... Ст. Р. 45 (?), Коул... 1007 (?)

КУНА ж.: денежная единица (часто записывается сокращенно) — И. ед. куона 974, кна 926, 982, 996; Р. коунѣ 1011, куонь 927, 1021, кнѣ 926 (2×),

коун^н 958; Д. по коунъ 1002, по одной на дьсат[ѣ] кн[ѣ] 998; Р. дв. (?) коуноу 1058; Р. мн. коунъ 1057, кжнъ 1005, коуно 1006, 1013, 1034, куоно 976, кнъ 926, кно 922, 974, 995, 1023, 1033, 1039; И. счетн. 2 кнѣ 926, [двѣ к]нѣ 986, 3 кунъ (ѣ = ы) 1054; В. [2] коунѣ[ѣ] 997, по 2 куонъ 1042, по цѣ тыри коун- 1015; И. В. 2 коун[ѣ] 1049, 14 коун[ѣ] 1045 || мн. в знач. 'деньги' — В. мн. про своѣ коунъ 949, коунѣ 1031 (2х), куне 1016; Р. кунъ 1060 || знач. неизв. — М. мн. -[у]она[хо] 998, -[у]н[ахъ] 1014 || Δ кнъ 1028

купити г.: инф. куопити 943; пвл. куопи 943; перф. дв. м. есвѣ ... не кжпила 1009, не коупила ти есевъ 1045; прич. страд. И. ед. с. коуплено 1015

Куровъ п. прит.: И. ед. с. Курово 1054

Куръ м. личн.: Зв. ед. (возм. И. ед.) Куре 1054

къ предл. (с Д.) 931, 934, 936, 942, 952 (2х), 954, 955, 959, 997, 1000 (2х), 1004, 1007, 1009, 1014, 1020, 1026 (2х), 1031, 1045, 1046, 1047, 1050, 1059, ко 933, 949, 956, 962, 979, 985, 989, 989, 999, 1006, 1012, 1026, 1053, 1054, 1058, к 933, 937, 948, 963, 964, 1012, 1054, Ст. Р. 39, 40 (2х)

Къяевъ м. геогр.: В. ед. о Киевъ 1016

къи мест.: И. В. ед. м. [къи] 1012 (?)

Къясъ м. личн.: Р. ед. ѿ Къаса 1000

Л

Лазоръ м. личн.: Р. ед. уо Лазора 1029; Д. къ Лазоръви 952

Ларионецъ м. личн.: Т. ед. с Ларионъ ---- 964

ларь м.: Д. ед. к[о ла]рю 985

лежати г.: през. 3 ед. лежить 1031

ли част. и союз 952, 984, 999, 1031, 1047

либьскыи 'ливский' п.: И. мн. ж. или м. (или И. ед. м.) либскѣ 1035

Липка личн.: Р. ед. у Липки Ст. Р. 41

логъ м.: В. ед. на логъ 928

лодыа ж.: М. ед. во лодие 1004, у лодии 1054

локоть (-кѣт-) м.: Р. мн. (сокращ.) лкто 992, л[к]то 978, лко 1032; И. В. счетн. (сокращ.) [3] лкти 1038

Лубница ж. геогр.: В. ед. в Лубницу в руцеи 928

луговъи п.: Т. ед. ж. [л]уговою келан[ѣ](ю) 928

Лука м. личн.: Р. ед. ѿ Лоукъ 999, 1005, 1045, ѿ Лоукъ 1006, ѿ Лоуки 1004, (ѿ) [Лжкы] 1009, ѿ Лоу 1004 (недопис.), Д. Лоукъ 997, [Л]оукъ 936 (маловер. И. В. от Луки мн. ж. геогр.), к Луке 1054

луконьце (ранн. -кѣн-) с.: И. ед. лоукънъчо 957

Лукы мн. ж. геогр.: Р. съ Лоук[о] 1005; М. на Лоукаъ х[о] 1005

лънанъи п.: Р. ед. с. лнанаго 1023

Лѣшанъ м. личн. или лѣшанинъ м. жит.: на лѣшанъ 1050 — В. ед. от Лѣшанъ или В. мн. от лѣшанинъ

любо союз и част. 1045 (какоу любо), лоубо 1003 (NB лоу), луобо 1033 (NB луо)

Людинъ п. прит.: В. ед. Людинъ коньць 954

Лахъ м. личн.: И. ед. Лах ти 1033

Лашко (ранн. -шѣк-) м. личн.: И. ед. Лашке 999 (2х)

М

Максъ м. личн.: И. ед. Макее (вм. Максе) 929; Т. с Максомъ 929

малъи п.: И. ед. с. малое 1054; кр. Р. ед. м. ѿ мала 963

Марена ж. личн.: Д. ед. къ Марьнѣ 955

Маренка (ранн. -нѣк-) ж. личн.: Зв. ед. Маренко 955

Марьякъ м. личн.: Р. ед. ѿ Мариака 966

масло с.: М. ед. на мслъ 995 (пропуц. а)

мати ж. И. ед. 1025

махновьскыи п. геогр.: Р. ед. ж. с махновеской межи 928

медъ м.: Р. ед. мѣдуо 983

межа ж.: Р. ед. до ... межи 928, с ... межи 928; Д. по ... межи 928; Т. межеи 928

Микифоръ м. личн.: Д. ед. Микифороу 926

Микула м. личн.: В. ед. на Микоулоу 1050; Р. ѿ Микуоуль 1045

Милослава ж. личн.: Д. ед. Милославъ 989, ко Милославъ 989, ко Млославъ 979 (пропуц. и)

Милославъ м. или Милослава ж., личн.: М. ед. на Милослави 966 (предвосх. в)

Милуша ж. личн.: И. ед. Милоуша 955; Р. ѿ Милоушѣ 955

минути г.: Δ мину[л]... 948

Мирошка (ранн. -шѣк-) м. личн.: Д. ед. къ Мирошекъ же 936

Мита м. личн.: Р. ед. ѿ Мить (ѣ = ы) 1054

Миѣалка м. личн.: Т. ед. со Миѣалкою 937

Миѣаль м. личн.: Р. ед. ото [Ми]ѣа[ла] 956

мне (ранн. мѣне) 'меньше' н.: мѣнь 1023

много н. 964, Ст. Р. 40

мои мест. *И. ед. м.* 983, 1047; *Р. моего* 983; *Д. -оему* 1054, м--м8 1053; *И. ед. ж. моа* 1021, *Д. моі* Ст. Р. 40 (3×), *мое (не выраж. j)* 1053; *И. дв. м. моа* 997; *Д. мн. моимъ* Ст. Р. 39

молвити (*ранн. мъл-*) *г.*: *през. 3 ед. молвить* 962; *пвл. млви* 954; *перф. ед. м. мълвовиль* 1059; *прич. през. несоглас. мълва* 952; *прич. прош. ед. м. молово виво* 1004

молитиса *г.* ‘просить’, ‘проситься’: *перф. ед. м. ти [са м]о[л]и[л]ъ* 950

молодогъ *м.* ‘солод’: *М. ед. на молодогъ* 974

Молодище (?) *с. геогр.*: *М. ед. или В. ед. во М[оло]ѣ (...)|дищъ* 1039 (?) (*такого слова нет, если после М[оло] имелись и другие буквы, которые утрачены*)

мордка *ж.*: *Р. мн. мордоко* 1051

мочи *г.*: *пвл. не моги* 946

мужь *м.*: *Р. ед. уо мужа* 1029

мы мест.: *В. энклитич. ны* 952; *В. полноударн. насъ* 929; *Д. намъ* 933, *нмъ* 933 (*пропуц. а*)

Δ Мысла... 1058

мъра *ж.*: *Р. ед. мъръ* 1023; *Р. дв. бъз 2уо мъруо* 1023; *Р. мн. мьро* 1023 (2×), 1037, *мъръ* 1023 (*повтор. ь предьд. слога*)

мърити *г.*: *пвл. мъри* 999

мърка (-рък-) ‘малая мера’ *ж.*: *И. счетн. 2 мъркъ* 1037

мѣсачьноу *с.*: *В. ед. м[сч]ьн[оу]* 1060 (?)

мѣхъ *м.* ‘мешок’: *М. ед. [н]а [м]хъ* 1041 (*пропуц. ь*)

Н

на *предл.*: *с В.* — *на* 928 (6×), 929 (2×), 933, 944 (2×), 959, 962, 972, 979, 987, 1002, 1057, 1062 || *с М.* — *на* 926 (4×), 927 (2×), 950, 958 (2×), 965, 966, 976, 982, 986 (2×), 992 (4×), 995, 996, 998, 1002 (2×), 1004(2×), 1005 (2×), 1006, 1011 (2×), 1016, 1017, 1018, 1021, 1023 (2×), 1031 (2×), 1032 (3×), 1034, 1040, 1041, 1047, 1055, 1057 || *с В. или М.* — 974, 994 (?)

надобѣ *предикатив:* *надобе* 1055

надѣятиса *г.*: *пвл. а сьмо са не надъи* 943

наемъ *м.*: *В. мн. наемы* 953, [в *наим*]ы 962

наимитъ *м.* ‘наемный работник’: *И. ед. наімитъ* 1004; *Д. наимитоу* 999

напъгати *г.* ‘приискать (расспрашивая)’: *пвл. напытаи* 1009

Наславъ *м. личн.*: *Р. ед. уо Наслава* 1023, уо Наслва 1023 (*пропуц. а*)

Наста *личн.*: *Р. ед. уо Наст[ъ]* 974

наставити *г.*: *перф. ед. м. наставиле* 1016

Настасья *ж. личн.*: *Р. ед. уо Настасие* 1029

Нашко (*ранн. -шък-*) *м. личн.*: *Р. ед. ѿ Наш-ка* 966 (?)

не *част.* 920, 933 (2×), 943, 946, 947 (?), 948 (2×), 950, 959, 972, 972, 984, 997, 1001, 1002, 1004, 1004, 1009, 1031 (2×), 1045, 1050, 1060, Ст. Р. 39, нь 974 (?), 994 (?), 1023

недѣла *ж.*: *В. ед. на недѣлю* 1062, на ньдѣлоу 1002 (*NB* лоу); *Д. к сеі недили* Ст. Р. 40

Несда (*ранн. -сѣд-*) *м. личн.*: *Р. ед. уо Ньсдь* 1029

Несдиничъ *м. отч.*: *Р. ед. [у Не]здини[ца]* Ст. Р. 41

ни *част.*: *ни* 1061 (2×), н[и] 1012 (?)

низъ *м.*: *В. ед. в низъ (наречн.)* 928

Δ *нии* 966

никто же (*ранн. -кът-*) *мест.*: *Д. никомоу ж[е]* 997, *никомуу ж[ъ]* 966

ничто же (*ранн. -чѣт-*) *мест.*: *Р. ницего же* 1045; Δ *фрагмент:* 924

но (*ранн. нь*) *союз:* нь 1045

новгородскыи *п.*: *Д. ед. м. новъгоцкому* 963 (*пропуц. слог ро*)

новоторжскыи (*ранн. -тър-*) *п.*: *Р. мн. новотържьскыхъ* 999

ногата *ж.*: *В. мн. ногатъ* 1012, *Р. ногатъ* 1004, *ногато* 1006; *И. счетн. двъ ногатъ* 1021; *В. по двъ ногатъ* 943; *И. В. 2 ногатъ* 999

ножь *м.*: *М. мн. на ножахо* 1011

Ноздрька *ж. личн.*: *И. ед. Нь[ъ]дрька* 954

нонѣ *н.* 962 (2×), а *нонѣ* 962; — *ср. нынѣ*

Носъ *м. личн.*: *Д. ед. к Носу* 937

нынѣ *н.*: *и нынѣ* 949, а *нынѣ* 972, 1031, 1062, а *ныны* 1002 (*повтор. ы*); — *ср. нонѣ*

нынѣково *н.*: *а [вм. а] нынѣково* 1002

нѣ *предикатив* ‘нет’, ‘не имеется’: *нѣ тоу* 1047

Нѣгожиръ *м. личн.*: *Р. ед. (ѿ) -[ѣ]го[жир]а* 997 (?)

Нѣжа *ж. личн.*: *Р. ед. уо Нѣжи* 1029/980

Нѣжата *личн.*: *Р. ед. ѿ Нѣжата* 1024, уо Нѣжата 1023

Нѣжила *личн.*: *Р. ед. отъ Нежиле* 1026; *Д. ко Нѣжилъ* 989

Нѣжко (*ранн. -жьк-*) *м. личн.*: *Р. ед. ѿ Нѣжька* 1031

О

о предл.: с М. — ө 962, о 962, о 963 || с В. — о 1016, о 962 (?) (о заболотѣа; возм. о вм. о^т)
 оба числ.: Д. а бѣма 1023 (2×) (NB а < а+о)
 овесъ (ранн. овѣсь) м.: Р.ед. овѣса 1023 (2×), овса 1023, а вѣса 1024 (NB а < а+о)
 овчинка (ранн. -въч-) ж.: М.ед. на вчинкъ 996 (NB а < а+о)
 огонь м.: И.ед. -гонѣ 973 (в составе записи геонегонѣ = [г'еон'огон'])
 одѣрънъ (ранн. -дѣр-) 'в полную собственность' н.: одѣрънъ 1031
 одинъ числ.: В.ед. ж. 1диноу 966 (= одиноу); Р.полодиной на дѣсать 1023; Д.по одинои на дѣсат[ъ] 998
 оже союз 954, 1001
 ожерельѣ с.: М.мн. на ожерѣлиахо 1011; Δ на ож... 979 (?)
 озѣкъѣи м. личн.: Д.ед. Ѡзѣкъѣю Ст.Р. 39
 око союз 'как', 'что', 'так что': Ѡко 934 (Ѡко стоа), око Ст.Р. 42
 оксѣнтии м. личн.: И.ед. Ѡксинтии 918; Т.--сент[и]ѣ юмо 948
 оксинья ж. личн.: Р.ед. Ѡ Оксини Ст.Р. 40
 Олександръ м. личн.: В.ед. Олександрѣ 963
 Олексеи м. личн.: И.ед. Олексеи 962, Олесеи 962 (пропуц. к или другой вариант имени)
 Олекша (ранн. -къш-) м. личн.: Р.ед. Ѡ Олькъшѣ 1020, Ѡ О[лъ]къшѣ 1024
 Олекшинъ (ранн. -къш-) п. прит.: И.В.ед. с. а Лѣкъшин[о] 976 (NB а < а+о)
 Оленьцеваа ж. по мужу: И.ед. Оленечѣваа Ст.Р. 43
 оли союз 1026
 Олуца м. личн.: Д.ед. къ Олуци 959
 Опаниа м. личн.: Р.ед. Ѡнани Ст.Р. 40
 Оносъ м. личн.: Р.ед. Ѡ Онос[а] 1053
 онъ мест.: В.ед. с. оно 950; Р.ед. м. со оного 954; М.мн. в анихъ Ст.Р. 43 (NB а < ѣ+о)
 осватити г.: пвл. ...[ти] 963 (?)
 Δ Р.у Осми... Ст.Р. 41
 осмотрити г.: пвл. Ѡсмотри Ст.Р. 39
 осмь числ. И.о8 (= осмь) 1013; В.осмь 1006, во осмь на десать 1006; И.В. [о]смь на дѣсать 976; Р.бѣз осми 976; Т. [ос]м[ию на] д[е]... 1014
 оспа ж. (?) (то же, что оспода): Зв.ед. Ѡспо 962

оспода ж.: Зв.ед. Ѡсподо 962 (3×), Ѡсподо 962; Д. Ѡсподе 962
 осподарь м.: Д.ед. Ѡсподарю 963
 осподинъ м.: Зв.ед. Ѡсподинѣ 963 (4×), Ѡсподинѣ 964, [гс^динѣ] 963, Ѡгнѣ 964; Д. Ѡсподину 963, Ѡсподину Ст.Р. 40, Ѡгнѣ 964; — ср. господинъ
 Оспожинъ п. прит.: И.В.ед. ...жино дене 1003
 оставити г.: прич. страд. И.ед. с. осталѣно 1023 (NB л < вл)
 Остафийнъ п. прит.: В.ед. м. Остафийна 932
 Остафья м. личн.: Д.ед. к Остафеи 948
 Островъ м. геогр.: М.ед. в Остро[в]... 966
 островскѣи п. геогр.: В.ед. м. на Ѡстровеской путь 928; Т. Ѡстровескимъ путемъ 928; Р.ед. ж. до Ѡстровеской межи 928; Д.по Ѡстровеской межи 928
 отдати г.: през. 1 ед. отѣда[мъ] 1049; предпол. ед. м. буде[ш]ѣ не Ѡда... 948
 отецъ (ранн. отѣць) м.: И.ед. [Ѡѣць] 963; Д.къ Ѡѣцьѣ цѣви 1004, къ отѣцьѣви 952, ко отѣцѣви 999, ко Ѡѣтьѣви 1006, к отѣцѣви 1012, ...цьѣви 1005
 оти союз 'пусть', 'чтобы' 999, 1007
 отити г.: перф. мн. м. Ѡшли Ст.Р. 39, Ѡшелѣ ти есме 1007
 отослати г.: пвл. 2 мн. ѠѠтошлите 962 (NB ѠѠт!)
 отрокъ м. 'младший дружинник', 'младшее должностное лицо': В.ед. отрокъ 947 (между о и т зачеркнуто [?] а), 1050 (2×)
 отъ предл. (с Р.) 936, 940, 1008, 1009, 1014, 1026, 1046, ото 956, Ѡ 933 (3×), 934, 937, 948, 949, 952 (2×), 953, 954 (2×), 955, 959, 963 (2×), 966 (2×), 967, 979, 989, 999, 1000 (2×), 1004 (2×), 1005 (2×), 1006, 1007, 1017, 1020, 1024 (5×), 1026 (2×), 1045 (2×), 1047, 1054, 1058, 1059, Ст.Р. 39, 40; Ѡ 926, 967, о 931 (2×), о 1050
 Ошевъ м. (или Ошево с.), геогр.: М.ед. в Ошевѣ 963
 Ошевскѣи п.: И.ед. м. Ошевѣски 963

П

Павель м. личн.: Р.ед. у Павла Ст.Р. 41
 пакъ част.: пакъ 1025
 пакы ли союз: пакы ли 952, [пакы л]и 984
 палець м.: И.ед. палѣць Ст.Р. 39
 паробокъ (ранн. -бѣк-) м.: В.ед. пар[об]ѣкъ 1031; М.на паробке 1017
 Парфѣи м. личн.: Р.ед. Ѡ Парѣфеа 948

ПАЧИНЪ *п. прит.:* Р. ед. у Пачина 938
перемѣрити *г.:* *нвл.* [п]ер[е]мер[и] (*или прич. прош. ед. м.* [п]ер[е]мер[и]во) 925
Перенѣгъ *м. личн.:* Р. ед. ѿ Пернѣга 1059
переставитиса ‘преставиться, умереть’ *г.:* *прич. прош. несоглас.* переставивше 1020 (*пропуц. ре; со снятием са*)
Петрило *м. личн.:* И. ед. Петрило 1056
Петровъ *п. прит.:* Р. ед. м. до Петрова дѣни 962, М. ѿ Петрове дѣни 962; В. ед. с. (?) на Петрово 987
Петръ *м. личн.:* Р. ед. оу Пѣтра 1063, ѿ Потра 949
печаловатиса *г.:* *през. 2 мн.* са печалутеса 962 (*NB у из уѣ или пропуц. ю*)
пизда *ж. И. ед.* 955
писати (*ранн. пьсати*) *г.:* *перф. ед. м.* пшь 957
пити *г.:* *нвл. 3 ед.* пей 955
платити *г.:* *перф. ед. м.* не [п]лат[и]л[е] 1002
плѣма *с.:* Т. ед. племене[м]- 971
Δ плоуто... 951
по *предл.:* с Д. — по 928, 931, 950, 962, 998, 1002, 1005, 1015, 1023, Ст. Р. 39, п 978 (*пропуц. о*) || с В. — по 933, 943, 1042 || с В. *или Д.* — по 993 (по 8)
поводъ *м.:* В. ед. [п]овод- 1053
повозникъ *м.:* ...ознико 1051 (*И. ед. или Р. мн.*) (?)
повѣдати *г.:* *през. 3 мн.* повѣдаю 1020
повелѣти *г.:* *нвл.* повели 999
повѣстовати *г.:* *през. 3 ед.* повѣстуть 962 (*NB у из уѣ или пропуц. ю*)
погостъ *м. И. ед.* 963; Р. ѿ погоста 963
погрѣбъ *м.* ‘темница, подземная тюрьма’: В. ед. въ погрѣбо 952
подавати *г.:* *перф. ед. м.* подоваль кси 962 (*NB до*)
подпродатиса (*ранн. подь-*) *г.* ‘подраспродать [свое]’: *перф. дв. м.* ти са есвѣ под[ъ]-р[од]ала 1009
пожна *ж.:* В. мн. пожни 962 (2×), пожн[и] 962
позвати *г.:* *перф. ед. м.* позвале 929
поимати *г.:* *през. 1 ед.* поимаю 962; *прич. прош. ед. м.* п[о]им[а]въ 1060
поити *г.* (*от ити*): *инф.* поити 1062; *през. 3 ед.* поиде 1001; *нвл.* [пои]д[и] 920, поидь 942; *2 мн.* поидите Ст. Р. 40; *перф. мн. м.* пошли есме 929
показати *г.:* *през. 3 ед.* покажетъ 1025; *перф. ед. м.* ...[о]к[а]заль 951 (?) (*возм. от доказати*)
покланание *с.:* И. В. ед. (*в начале грамоты*) покланание 952 (2×), 1044, покланан[и]- 1005, ...[н]ие 1012; (*не в начале грамоты*) покланани 1017

покланатиса *г.:* *през. 1 ед.* ... (ѡ)[зъ] т[и] са пок[ла]н[а]н[а]ю 950
поклонъ *м.:* И. В. ед. (*в начале грамоты*) поклонъ 949, 1054, Ст. Р. 39, 40, поклоно 971, покл--о 1053
польнѣи *п.:* *кр. И. дв. ж.* пълнѣнѣ 1004
положити *г.:* *нвл.* положи 962; *перф. ед. м.* пол---ло есмь 966, ...ложило есмь 966, -си польжилъ 965
полотенце *с.:* И. ед. (*возм. И. мн.*) по--тене-- 1053
полотно *с.:* Р. ед. полотена 1053
полтора (*ранн. поль вѣтора*) *числ.:* И. ж. полуторъ (ъ = ы) 1054 (2×)
поль *м.* ‘половина’ И. ед. 926 (3×), 938 (2×), 1057, поло 1023, 1063, Ст. Р. 41, [поло] Ст. Р. 41, по^п 958 (2×), по^п 2 ‘полторы’ 958, пло (*сокращ.*) 927, 978, 983 (2×), 1021 (2×), 1023 (2×), 1027, 1030, [пл]-983; В. поль 1050, -оль 947; И. В. поло 1011 (2×), 1051, пол... 1011, пло 1021, [пло] (*сокращ.*) 989; Р. со оного полу 954
помнити (*ранн. -мьн-*) *г.:* *през. 1 ед.* не поменю 1004
поуже *союз* 1046
понести *г.:* *перф. ед. ж.* п[ъ]несла 954
поповичъ *м.:* Р. ед. уо поповича 1023
попортити *г.:* *през. 2 ед.* попъртишь 1061
попъ *м.:* И. ед. попъ 962 (2×), поп[ъ] 950, [попо] 924; Р. уо попа 1029, [у]о попа 992, у поп- Ст. Р. 41; Т. попомъ 963
попытати *г.:* *нвл.* попытай 1047 (ъ = ы)
порткы *м. мн.:* В. по-от-ки 1053
поруги *г.:* *перф. ед. м.* ---оуб[л]- 959 (?)
посадникъ (*ранн. -дън-*) *м.:* И. ед. посаднике 918; Р. [ѡ] ...ика 933
поселье *с.:* В. ед. на поселье 933
послати (*ранн. -сьл-*) *г.:* *през. 1 ед.* посл[ю] 948; *нвл.* посологи 979, пошли 964, по[шл]и Ст. Р. 39; *перф. ед. м.* есьмо посълалъ 952, послале ксемъ 937, послалъ есмь 952, посълалъ 1060, послалъ кьм (!) 964, посласмь (*NB*) Ст. Р. 39; *мн. м.* послали ксеме 963, ксеме послали 963
послухъ *м.:* Т. мн. послухы 924 (*малOVER. И. мн.*)
послѣ *предл. (с Р.:*) росле (р!) 929
послѣдъ *н.:* по[с]лѣде 1001
посоромити *г.:* *перф. ед. м.* еси посоромилъ 954
поставити *г.:* *сосл. ед. м.* что бы кси ... поставилъ 963
почестые *с.:* В. ед. почестѣе 1059
пошибати *г.* ‘насиловать’, ‘наводить порчу’ (?): *през. 2 ед.* пошибаеши 954

поѣхати г.: *инф.* пѣхати 955
поѣти г.: *перф.* ед. м. поѣле 1026
правъи п.: *кр.* *И.ед.* с. право 999; *И.мн.* м. прави 1016, есте прави 1050
престоль м.: *В.ед.* п[рестоль] 963; *И.В.* престоль 963
привезти г.: *прич. страд.* *И.ед.* ж. привьзъна 1024, привьна 1024 (*пропуц. слог*); с. привьзно (*пропуц. ъ*) 1024
приказати г.: *перф.* *мн.* м. ксте приказали 962, приказали 962
приказъ м. *И.В.ед.* (*в начале грамоты*) 931, 933, 948
прикынути г. ‘подкинуть, прибавить’: *през.* 3 ед. прикинѣ 929
прислати (*ранн.* -съл-) г.: *през.* 2 ед. не [присъ]л[е]ши 1060; *нвл.* пришли 1053, при[ш]и (!) м[и] 1053; *перф.* ед. м. присълале 1031
приставити г.: *нвл.* да пристави отрокъ 947
приставничати г. ‘быть распорядителем’: *инф.* приставницать Ст. Р. 40
присунути г.: *нвл.* 2 *мн.* присоунить 1045
прияти г.: *нвл.* прими 960
про *предл.* (с *В.*) 944 (3×), 948 (2×), 949, 954
провозъ м.: *Т.ед.* і со провозомо 1006
продажникъ (*ранн.* -жън-) м. ‘судебный исполнитель, взимающий штрафы’: *И.ед.* продаженике 1001
продати г.: *през.* 3 ед. оти прода 999; *перф.* ед. м. продале есемь 997, продалъ ти есемо 1004, продале (2 ед.) Ст. Р. 39, ...да[л]е ти 981 (?)
продати г.: *нвл.* продаи 950, 959, Ст. Р. 39, не продаи 920, продаи... 1017
проклати г.: *прич. страд.* *И.ед.* м. проклатъ 957
промышлати г.: *нвл.* промышлеи 1031 (*НВ* е *вм.* ъ)
просити г.: *през.* 3 *мн.* п[р]оса 1005
простъи п.: *кр.* *Д.ед.* с. по просту (*наречн.*) 931
проче н. 1016
псковитинъ (*ранн.* плъск-) м. *жит.*: *Д.ед.* плъсковитиноу 926
пудъ м.: *Р.ед.* пуодуо 983; *М.дв.* на [д](вуо) пуодуо 1034; *Р.мн.* пуодово 1040
пузъ м. (*мера сыпучих тел*): Δ п[оуз]... 949
пустити г.: *инф.* ...[стити] 1016 (?); *нвл.* поусти 1004
Путила м. *личн.*: *В.ед.* Пуутилоу 952
Δ (уо) --тковье 1029 — *вер. от* Путковая (*ср.* оу Пуутоковы 630)
путь м.: *В.ед.* на путь 928, на великеи путь 928; *Т.* путемъ 928

пшеница (*ранн.* пыш-) ж.: *Р.ед.* пшеницѣ 999
пытати г. ‘спрашивать, расспрашивать’: *през.* 3 ед. оти пѣтаеть 1007
пѣти г.: *перф.* ед. м. пѣль 963
пѣтьє с.: *Р.ед.* бес пѣтъа 963
пѣтъи *числ. порядк.*: *Р.ед.* м. поло пѣта дѣ[с]ѣть 1063, пло пѣта дѣсѣть 1021, пло 5пта 983 (*пропуц. ъ; избыточное 5*); ж. поло пѣте 1011, пло пѣть 1023 (*пропуц. ъ*), поль пѣтъ 1050 (*и вл. ъ!*)
пѣть *числ.*: *И.* пѣть 1034, 1037, пѣть дѣсѣ 1037; *Д.* по пѣ[ти на] дѣсѣте 1005; *М.* на пѣти 1031
пѣть десѣтъ *см.* пѣть

Р

Δ *Р.* ж Ра... 997
Радила м. *личн.*: *И.ед.* [Р]адила 924
Радко (*ранн.* -дѣк-) м. *личн.*: *Р.ед.* ѿ Радька 952; *Д.* ко Радокоу 1058
Радославъ м. *личн.*: *Р.В.ед.* Радослава 1016
Радата м. *личн.*: *Т.ед.* со Радатою 935
Ратьша м. *личн.*: *Д.ед.* Ратеше 993
речи г.: *перф.* ед. ж. рекла Ст. Р. 43, рѣкла 955
ржевиць м. *жит.*: *И.мн.* ржевици 963
робота ж.: *В.ед.* роботуо 945
робата *мн.*: *Д.* роб[ѣт]ѣть Ст. Р. 39 (*НВ* ѣ *вм.* ъ)
Родивонъ м. *личн.*: *Д.ед.* Родивону Ст. Р. 40 (2×)
Рожинѣжичъ м. *отч.*: *Р.мн.* (у)[о Рож]иньжичъ 978 (?)
рожъ ж.: *В.ед.* -ожъ 943, про роже 948; *И.В.* [р]ож ти 1044; *Р.* рѣжи 999, рожи 920, 1023, ржи 938 (2×), рж[и] 939
Розважъ п. *прит.*: *М.ед.* ж. на Розва[ж]и уличи 1055
розмѣра ж.: *И.ед.* розмира Ст. Р. 41, розм... 978; *Р.* [р]озмири Ст. Р. 41; *И.счѣтн.* 2 розмири Ст. Р. 41
росмотрити г.: *инф.* рассмотреть 933 (*НВ* ть)
роспутыє с. ‘распутица’: *И.ед.* роспоутие 1045; *В.* въ роспоутье 999
рота ж.: *Д.ед.* [р]о[т]е 1060 (?)
рубѣль м.: *Р.ед.* поло рѣ... 1051; *И.счѣтн.* два роу... 949
рука ж.: *В.ед.* въдала роукоу Ст. Р. 43; *В.дв.* а то Бгови и тобѣ на руци 944
ручи м.: *В.ед.* в руцеи 928; *Р.* руцьа 928 (2×); *Т.* руцьемъ 928, руцьемъ 928
рыба ж.: *М.мн.* на рыбахъ 926
рѣзана ж.: *И.ед.* рѣзн[а] 1041; *Р.* рѣзанѣ 926, резанѣ 1011, б[ѣ]з рѣзанѣ Ст. Р. 38; *М.ед.* (?) в рѣзнъ 978

(сокрац.); *Р.мн.* резанъ 1060, ръзано 1004, ръзно 974, 994 (сокрац.), ръза (сокрац. или недопис.) 947; *И. счетн.* двъ знь (!) 986 (сокрац.) (2×), 3 ръзнь 1040; Δ [ръз]ан[ъ] 994
рѣвъ ж.: Δ ре[ц]и (*Р.ед.*) или ре[ц]ии (*Р.мн.*) 929

С

Савд м. личн.: *Р.ед.* у Савѣ 938; *Д.* Савъ 1045
сало с.: *М.ед.* на салѣ 926
Самсонъ м. личн.: *В.ед.* Самсона 932
самъ мест.: *И.ед. м.* саме 1055, самъ 952, 1012, сам[ъ] 1012; *И.ед. ж.* сама 944; *И.дв. м.* сама 1005
свинья ж.: *В.мн.* свинѣ 954
свои мест.: *Р.В.ед. м./с.* своего 1046; *Д.* своѣму Ст.Р. 40, сво(-)моу 1031; *В.ед. ж.* свою 962; *Д.* своѣи 519, 693, 942, своі (!) 962, Ст.Р. 40; *В.мн. ж.* про своѣ 949
своѣкъ м.: *Р.В.ед.* своѣка 1025
сватѣи п.: *Зв.ед. м.* стѣы 963; *кр. Р.ед. ж.* стѣъ 963, оу стѣъ 963; *Д.* к стѣъ 963
съде н. 1050
Сдилъ (ранн. Съд-) м. личн.: *Р.ед.* ѿ Содила 1058
сдоровыѣ с.: *Т.ед.* здоровѣемъ 962
Сдѣславъ (ранн. Съдѣ- и Съдѣ-) м. личн.: *Р.ед.* отъ Съдеслав- 940
се част. ‘вот’: се 1004, [се] 1026, съ 927, 982, 987, 995, 1032, 1035, 1040, 1042, [съ] 1041
себе мест.: *В.энклитич. с.* 943, 950 (2×), 962, 1004, 1009, 1031, 1045
седло (ранн. -дѣл- и -дѣл-) с.: *И.В.мн.* седьла 1007
сеи (ранн. съ) мест.: *И.ед. м.* съ 1025 (*Акиме съ*); *Д.* семоу 1006, 1031; *Д.ед. ж.* к сеі Ст.Р. 40; *М.мн.* во сихъ Ст.Р. 43
село с.: *В.мн.* про села 944 (2×)
Семка (ранн. Съмъка) м. личн.: *Д.ед.* къ Съмъке 1026 (2×); *М.ед.* (?) ...|а Семоке 1001 (возм. *И.ед.* или *М.ед.* от Семко; *малOVER. от семокъ*)
семь числ.: *И.* семь 1051; *Р.* сем[и] 1060, и семи ‘из семи’ 1045
Семьонѣ ж. по мужу: *Р.ед.* уо Съмьонѣ 1029
серебро с.: *Р.ед.* серебра Ст.Р. 39
сестра ж.: *Д.ед.* сестри Ст.Р. 40 (3×), сестр- 1053
сестричичъ м. ‘племянник (сын сестры)’: *Р.ед.* съсричича 974 (!)
сигъ м.: *Р.мн.* сигово 1063
Сидоръ м. личн.: *Р.ед.* 8 Сидора 935

Сидоръ п. прит.: *И.ед. с.* (возм. *м.*) Сидоре 917 (*малOVER. И.ед. от Сидоръ*)
Сильвановъ п. прит.*: *В.ед. м.* Силв{н}анова 932
сирота м. ‘крестянин’: *И.мн.* сиротѣ 963; *Р.* сиротѣ 933
сказывати (ранн. съ-) г.: *перф. ед. м.* съказывалъ 959 (*NB зъв*)
сковорода ж.: *Р.мн.* сковородѣ 1004
скорьна ж. или скорень (ранн. -рън-) м. ‘сапог’: *Р.мн.* (или *И.В.мн.*) скорене 1007
Славомиръ м. личн.: *И.ед.* Славомире 1050; *В.* на Славомирѣ 1050
Словата личн.: *Р.ед.* о (‘от’) Словатѣ 1050; *Т.* Словато 1049 (*пропуц. ю*)
Сменовъ п. прит.: *Р.ед. м.* Сменова (с См-) руцьа 928; *Т.* Сменовимъ руцьемъ 928
Сменѣ м. личн.: *Д.ед.* Семену 963, къ Смену 931, ко Смону 949
смердъ (ранн. смърдъ) м.: *Р.мн.* 8 смърдо 935
Смольнѣскъ (ранн. -нѣс-) м. геогр.: *Д.* Смольнѣскоу 952
Сновидъ (ранн. Сън-) м. личн.: *В.ед.* за Сновида 955; *Р.* ѿ Сновида 1007, оу Сонови... 1063; *Д.* Сновидж 1009, къ Сновидоу 1045, Сновидо[ви] 1012, къ Сновидови 1047
Сологова ж. по мужу: *Р.ед.* оу Солого[в]-[и] 1063 (?)
соль ж.: *Р.ед.* соли 1023; *М.* на соли 926
Соль ж. геогр.: *Д.* къ Соли 1014
Сольмирець (ранн. -ръц-) м. личн.: *Д.ед.* Сол[ъ]мирцоу 1015
сорокъ ‘сорочок’ м.: *И.ед.* сороко 1040 (*NB ро*); *В.* сороко 1021
сорочекъ (ранн. -чѣк-) м.: *Р.ед.* сорочка 1021
сорочица ж.: *В.ед.* сор--ю 1053 (*вероятно, с пропуском слога*) (?)
Софонтии м. личн.: *Д.ед.* Софонтею 962
Ставина личн.: *Р.ед.* ѿ С[т]авинѣ 1024
стадо с.: *В.ед.* ...до 959 (?); *Д.* ко всему стаду 933
Станигость м. личн.: *Р.ед.* ѿ Станигости 959
Станата м. личн.: *Р.ед.* оу Станатѣ 1063
староста м. Р.ед. 8 Гюръгева старости 935
старѣи п.: *Р.ед. м.* уо старого 1033; *Т.ед. ж.* старои межеи 928
старѣи п. сравн.: *И.мн. м.* старѣшии 962
створити (ранн. съ-) г.: *перф. ед. м.* еси тако створилъ 954

СТЕПАНЪ *м. личн.: Д. ед.* Степану 949
СТКЛАНИЦА (*ранн. стьк-*) *жс.* ‘стеклянный сосуд, бокал’: *Р. мн.* стькланиць 1005
СТО (*ранн. съто*) *с.:* *В. ед.* сто 937; *Р.* поль осма съта 1057; *В. мн.* четьри съта 952
СТОГЪ *м.:* *Р. ед.* стога 1023 (2×)
СТОРОВЪИ (*ранн. съд-*) *п.* ‘благополучный’, ‘живой-здоровый’: *кр. И. ед. м.* сторово ти есм[ь] 1012; *Д. ед. с.* [по] сторовоу (*наречн.*) 950; *И. дв. м.* сторова{а} ти есвъ 1009, стова ти есве 1000 (*пропуц. ро*)
СТОЮТА *личн.: Р. ед.* уо Стоють 1023, 1027
СТОЯТИ *г.:* *през. 3 ед.* стоять 963; *прич. през. ед. м.* ѡко стоа (‘немедленно’) 934; *прич. през. (несогл.)* какъ стоа (‘немедленно’) 942
СТРѢЛА *жс.:* *Р. мн.* (*или И. В. мн. с ъ вм. ы*) стрѣль 1007 (*после ъ подтертый ъ*)
СУЛИТИ *г.:* *аор. 2 ед.* (*малOVER. през. 3 ед.*) соули 1031
СУЛАТА *личн.: Д. ед.* къ Соулатѣ 1007
СУТИМИРЪ *м. личн.: Р. ед.* 8 Соутимира 935
СЪ *предл.: с Т.* — съ 934, 952, 1004, 1005, 1031, *Ст. Р.* 37, со 937, 939, 954, 1004 (2×), 1006, *Твер. 3,* с 929, 963, 964 || *с Р.* — съ 928, з (*перед звонкой согласной*) 928, 932, *Ст. Р.* 39
СЫНЪ *м.:* *В. ед.* сыно 934; *Д. сѣноу* 926, -ынѣ 1053
СѢДѢТИ *г.:* *през. 1 дв.* сѣдивь 1005
СѢКЪИЛЬ *м.* ‘clitoris’: *И. ед.* сѣкыле 955
СѢМО *и СѢМЪ* (*из-за смешения о и ъ эти варианты трудноразличимы*), *н.:* сѣмо *н.* 952, сѣмь 1059, сѣмо 943, сѣмь 942
СѢМА *с.:* *Р. ед.* сѣмьни 1023; *Р. мн.* сѣмьно 1023
СѢННИКЪ (*ранн. -нѣн-*) *м.* ‘участок сѣнных покосов’ (?), ‘сеновал’ (?): *В. ед.* сѣнникъ 950
СѢНО *с.:* *В. ед.* сѣно 962; *М.* на сѣнь 986

Т

ТАКО *н.* 954, *Ст. Р.* 43 (2×), тако и 972 (*возм. такой*), такъ 955, 962
ТАКО ЖЕ *н.:* тако же 1047
ТАМО *н.* 943
ТАТЬЯНА *жс. личн.: Д. ед.* Татиани *Ст. Р.* 40
ТВЕРДАТА (*ранн. Твьр-*) *м. личн.: Д. ед.* къ Твьрдате 1000
ТВОИ *мест.:* *И. ед. жс.* твоа 1031; *В.* твою 1026; *И. мн.* *м.* твои 963

ТВОРИТИ *г.* ‘утверждать (про кого что)’: *през. 3 мн.* творать и пе(ре)ставивъше 1020
ТВОРИТСА *г.* ‘утверждать (про себя что)’: *пвл. 2 мн.* творитьса вънемь{ш}ши 1045
ТѢТИ *г.* ‘молотить’: *прич. страд. И. ед. с.* нь тѣпно 1023
ТИ *част. 950* (*возм. ‘тебе’*) (2×), 952, 999, 1000, 1004 (2×), 1005 (2×), 1007, 1009 (3×), 1012 (3×), 1015 (*возм. ‘тебе’*), 1025 (*возм. ‘тебе’*) (2×), 1033, 1044, 1045, то ти 959, 989, 1004 (2×), 1005, 1006, али ти 1004, 1047 (2×), се ти 1004
ТИМОФѢИ *м. личн.: Д. ед.* Тимоф[ѣ]ю 962
ТИУНЪ *м.:* *Р. ед.* ѿ тиюна 967
ТИША *личн.: И. ед.* Тиша 990
ТО: *союз* — то 943 || *част. (в составе относительных слов)* — то 1004 (ѣже то) (2×), тѣ 1059 (*дкъ тѣ*)
ТО ТИ *союз* 959, 989, 1004 (2×), 1005, 1006
ТОВАРЕЦЪ (*ранн. -ръц-*) *м.:* *В. ед.* товариць 952, *Р.* то варьча 1009
ТОВАРЪ *м.:* *И. ед. (?)* товар... 1012; *Р.* товара 1009; *Т.* съ товаромо 1004
ТОЛЬКО *союз ‘если’:* толко 962
ТОПЕРВО (*ранн. -пър-*) *н.:* то[пъ]... 936 (?)
ТОРЛИНЪ (*ранн. Тър-*) *п. прит.:* *И. ед. жс.* Торолина *Ст. Р.* 43
ТОТЪ (*ранн. тѣ*) *мест.:* *И. ед. м.* те 1031, тѣ 1031, *В.* того 963; *Р.* у того 1054; *И. ед. с.* то 944, 1031, т[о] 936 (?); *В.* то 945, на то 944; *И. В.* то 1030; *Д.* по тому *Ст. Р.* 39; *М.* въ (то)мь 959, ѡ томь 963; *И. ед. жс.* та 954; *В. мн. м.* тыхъ 962; *жс.* тѣ *Ст. Р.* 39, тьи 962
ТРАВА *жс.:* *В. ед.* траву 962
ТРЕТИИ *числ. порядк.:* *И. ед. жс.* трѣтиаа 1024; *кр. Р. ед. м.* пло трѣтиа 978, 1021; *жс.* п[ло] трѣтие 989, пло т[рѣ]... 1030
ТРЕТЬ *жс.:* *В. ед.* въ трѣть 1031, во т[р]... 1030 (?)
ТРИДСАТЬ *числ.:* *И.* 30те (= тридсате) 1005 (*также 3 десате 1057*)
ТРИЄ *числ.:* *В.* три 987, во три 1004; *М.* въ трехъ *Ст. Р.* 43
ТРУФАНЪ *м. личн.: В. ед.* Труфана 963
ТУ *н.:* тоу 1047 (3×)
ТУДОРОВАЯ *жс. по мужу:* *Р. ед.* оу Тоудоровѣи 999
ТУДОРОВЪ *п. прит.:* *И. ед. м.* Тоудорове 999
ТУДОРЪ *м. личн.: Р. ед.* оу Тоудора 999
ТЫ *мест. И.* 1060, *Ст. Р.* 39 (2×); *В. энклитич.* та 999, та (!) 1061; *Д. энклитич. (см. также ти [част.])* ти

934, 943 (?), 950, 955 (возм. част.), 981, 1004 (2×)
(возм. част.), 1049; Д. полноударн. тобѣ 931, 945,
959, 1010, Ст. Р. 39, к тобѣ 964, тобе 1061, къ тобе
944, тебѣ 963; М. на то[бѣ] 1031; Т. с тобою 1055

ТЪСАУА ж.: И. счетн. 3 тысячь 1021

ТѢХОНЬ п. прит.: М. ед. м. на Т[ѣ]хони кони 926

ТѢШЕНЬ м. личн.: Р. ед. ж. [Тѣ]шена 997; Д. Тѣшеноу
997, [Тѣ]шеноу 997, къ Тѣшеноу 997

ТѢШКО м. личн.: Р. ед. ѿ Тѣшька 954

У

у предл. (с Р.) 938 (3×), 1054 (3×), 1060, Ст. Р. 41 (9×),
оу 959, 963, 984, 999 (2×), 1020 (2×), 1031, 1058,
1063 (6×), (-)у Ст. Р. 38, уо 974 (4×), 976, 978,
992, 1023 (6×), 1027, 1029 (10×), 1033 (2×), 8
919, 935 (13×), ж 997 (2×), 1004

УБИТИ г.: перф. мн. м. оубили 952

УГОМОНЬ м.: В. ед. оугомон{о}ъ 931

УКЦЬ м. личн.: Р. ед. Оукча 1047, отъ Оуеца 1046

УЖЕ н.: жже 1009, 1045

УЗДА ж.: И. В. мн. оуздь 1007

УКАЗАТИ г.: през. 2 ед. оукаже... 963

УКОЛОСТИ* (?) г. 'заколдовать', 'навести порчу' (?):
през. 3 ед. укльдетъ 957 (NB у с «пересечкой»)

УЛИЦА ж.: М. ед. на Розва[ж]и улици 1055

УЛЬЯНА ж. личн.: Д. ед. Ульгани 942

УПЛАТИТИ г.: прич. страд. И. ед. с. (?) оуплацн- 972
(пропуц. е)

УѢЗДЪ м.: И. ед. оукъздъ 963

Ф

ФЕДОРЪ м. личн.: Р. ед. 8 Ѡйдора 935 (2×)

ФОМА м. личн.: В. ед. Ѡомоу 952, въ Ѡомоу 952

ФРАЛЬ м. личн.: Д. ед. ко Ѡралю 1054

Х

ХАРТИА (ранн. -рѣт-) ж. 'пергамен': М. мн. на хар-
тиахо 992

ХВАТИТИ г.: през. 3 ед. хвати Ст. Р. 39

ХЕРИТАНЪ м. личн.: Р. ед. у Херитана Ст. Р. 41

ХЛѢБЪ м.: И. ед. [х]льбъ 983

ХОТОСЛАВЪ (или ХОТСЛАВЪ, ранн. -тѣс-) м. личн.: Р. ед.
оу Хотѣслава 1020

ХОТУРА м. личн.: Р. ед. оу Хотоурѣ 1031

ХОТѢТИ г.: през. 1 мн. хо[ч]емь 1062; 3 мн. хотать
952

ХРОМЪИ п.: кр. И. ед. ж. хрома 1026

ХУДОЧЕВИЧЪ м. отч.: Р. ед. уо Хуодочѣвича 1023

Ц

ЦЕРКЫ (ранн. цѣр-) ж.: И. ед. цѣркъвъ 963; М. в[о]
цѣр]... 963

ЦѢЛОВАТИ г.: през. 1 ед. и цѣлоую та 999, и челоую
вы 1045, и целю (!) та (!) 1061

Ч

ЧЕЛО с.: Т. ед. челомя 964, 962 (2×), целомь 931, Ст. Р.
40, ломь 963 (пропуц. слог)

ЧЕЛАДЪ ж.: М. ед. на чѣлади 1002

ЧЕРЕВЬЕ с. (и, возможно, также черевья ж.) 'ры-
бы внутренности (икра, молоки)': ѿ черевии 926
— вер. Р. мн., с ѿ вм. ѿ (малOVER. М. ед.)

ЧЕРМЬ (ранн. чѣр-) ж. 'червленица, пурпурная ткань':
М. ед. на чрми 992

ЧЕРНИГОВЪ (ранн. Чѣр-) м. геогр.: М. ед. Чѣрени[г]ове
1004

ЧЕТВЕРТЪИ числ. порядк.: Р. ед. ж. четвирти Ст. Р. 41,
[четвирти] Ст. Р. 41

ЧЕТВЕРТЬ ж.: И. ед. це[т]верете 1051

ЧЕТЫРЕ числ.: В. ж. четыри 1015; В. с. четыри съта
952; И. В. (род неизв.) чѣтыри на дѣсѣ... 1018

ЧТО (ранн. чѣто) мест.: относит. — В. [ц]ѣто 1031,
цето 920; И. В. чѣто 950; Д. по чому 962 || во-
просит. — В. по цто (наречн.: 'зачем?') 933; Д.
цемоу (наречн.: 'почему?') 954, 1031

ЧТО (ранн. чѣто) союз (вводящий тему) цто 948, чо
962

ЧТО БЫ союз: что бы 949, 963, цо бы 931

ЧЮДИЗНЬ м. личн.: Т. ед. -оудизьн[о]мь 990 (?) (возм.
от Будизнь)

ЧЮЖИИ п.: кр. В. мн. ж. цюжѣ 954

Ш

ШЕВКО (ранн. Шѣвъко) м. личн.: И. ед. Шѣвъко 957

ШЕЛВА (или ШЕЛВЪ) личн.: Р. ед. у Шелви Ст. Р. 41

ШЕЛОМЪИНА м. личн. И. ед. 924

ШЕСТЪИ числ. порядк.: Р. ед. ж. поль шесть 1057,
поло шесть 1011, пло шѣсть 1021

шесть числ.: *И.* шьсть дьсаго 1063, шьсть [д]-сать 1063; *В.* шесть Ст.Р. 39; *Р.* бь сти 1032 (*пропуц. слог*); *М.* на бсти (= шести) 1004

Шильце м.(?) личн.: *Д. ед.* Шильцеви 954

шити г.: *перф. ед. м.* ши... 1056

Ъ

ѡздити г.: *инф.* ѡ{д}здити 933

ѡзь 'закол' (поперек реки) м.: *М. ед.* на ѡзи 965

Ю

юковѡукъи (ранн. -чкъ-) п. 'вьючный': *кр. В. ед. м.* юковоуцько 952 (*НВ* воу из вы)

Юрьи м. личн.: *Р. ед.* ѡ Юреѡ 937

Ю, А

юзь мест.: *И.* ѡзь 931, 950, 959, 962 (3×), 1026, 1055, 1059, Ст.Р. 40, -зь 950, ѡзо 921, ѡ 1031, [ѡ]

992; *В.* энклитич. ма 949 (2×), 1004; *Р.* мене 931, оу мене 959, 1046, у мен[е] 1060, до мене 1045; *Р.В.* мене 962; *Д.* энклитич. ми 962, 1020, 1031, 1047, 1048, 1049, 1055, 1053, Ст.Р. 40, 42; *Д.* пол-ноударн. монѡ 936, мъне 1060, 1061, мнѡ 962, 1031, ко мнѡ 962; *М.* ѡ мнѡ 962; *Т.* множи 1059

Юкимъ м. личн.: *И. ед.* ѡкиме съ 1025; *Р.* 8 ѡкима 935, ѡ ѡкима 989, ѡ ѡкма 979 (*пропуц. и*); *Д.* ѡкимоу 988; *Д.* ... ѡки... 1036

юко союз: ѡко Ст.Р. 43

юко то союз: ѡкъ ть 1059

Юковъ м. личн.: *Д. ед.* ко Юковоу 949

Юкунь м. личн.: *Р. (?) ед.* [ѡ]коуна 960

Юкунь п. прит.: *Р. ед. с.* ѡкуона 1037

Юкша (ранн. -къш-) м. личн.: *И. ед.* ѡк[ъ]ша 1015; *Д.* Юкъшѡ 999

юти г.: *инф.* ѡти 952; *през. 1 ед.* нь имуо 994; *3 ед.* иметь 962; *2 мн.* имете 962; *перф. мн. м.* ѡли 1002; *прич. страд. И. ед. с.* ѡтоє 936 (?)

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ К БЕРЕСТИЯНЫМ ГРАМОТАМ С ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИМ ТЕКСТОМ

К этой категории отнесены грамоты: 916, 930, 970, 977, 1022.

а союз 930

абие н.: аби- 930

азъ мест. Р. ѡ мънь 916, *Д.* энклитич. ми 916

ангелъ м.: *И. ед.* англъ 1022, англъ 1022, анлъ 1022; *В.* англа 930

ангельскѡи п.: *И. мн. ж.* англскѡа 977

болѡзнь ж.: *Зв. ед.* болѡзни 1022

быти г.: *наст. 2 ед.* еси 916; *пвл.* бѡди 916; *аор. 3 мн.* быша 930; *имперф. 3 ед.* [бѡ] 930

великъ п.: *кр. И. ед. с.* велико 930

веселитисѡ г.: *през. 3 мн.* да вьсьлатьсѡ 977

веселье с.: *В. ед.* за вьсьлье 916

видѡние с.: *Т. ед.* видѡниемъ 930

видѡти г.: *през. 1 ед.* вижю 916; *аор. 3 ед.* види 930

возмутитисѡ г.: *аор. 3 ед.* [вѡ]змутисѡ 930

воскреснути (ранн. вьскрьс-) г.: вьскрьсъмьртию 1022 («склеенная» запись с начальной частью вьскрьс [прич. прош. И. ед. м.] или вьскресе [аор. 3 ед.]

въ предл. (с М.) в 930

вьшнии (ранн. -шьн-) п.: *Р. мн.* со вьшнхо 977 (*со-крац.*)

глаголати г.: *през. 3 ед.* глтъ 916

гласъ м.: *И. ед.* глсо 977 (8×)

гора ж.: *М. мн. (н)[а]* горахъ 930

Господень п. прит.: *В. ед. ж.* Гню 916

Господь м.: *И. ед.* гѡ 1022

да част. 997

держати г.: *прич. през. кр. В. ед. м.* дѡ---ша 930

дивитисѡ г.: *през. 1 ед.* дивлюсѡ 916

дѡвица ж.: *Д. ед.* дѡвць 916 (*с пропуском и; малOVER. Д. ед. от дѡвка*)

дѡло с.: *И. ед.* дѡло 916

єреи м.: *Р. мн.* ѡ ерьи 916

єгда н.: егда 977

Єсифъ м. личн.: *И. ед.* Єсиф[о] 916

жѣна ж.: Р.мн. жєнь 930

за предл. (с В.) 916 (3×)

злѣи п.: Зв.ед. ж. злад 1022

и союз 916 (2×), 930 (7×)

ибо союз: ибы (!) 916

иже мест.: В.ед. с. ежь 916, за нь (вм. за ньжь <неже>) 916

изимати г.: прич. страд. И.мн. ж. изыманы 930

изити г.: аор. 3 мн. изидоша 930

имѣти г.: прич. през. кр. В.ед. м. имущє (вм. имуща) 930

лѣданѣи п.: В.мн. ж. [н]аруци ... леданы 930

лѣтѣти г.: прич. през. кр. В.ед. м. лѣтаща 930

Мариа ж.: Зв.ед. Марие 916

милость ж.: В.ед. подо твою мило|с 970 (недопис.)

морє с.: И.ед. морє 930; В. на морє 930

на предл.: с В. — на 930, 1022 (3×); с М. — на 930

наручь ж.: В.мн. [н]аруци 930

наступити г.: аор. 3 ед. настоупи 1022

небєснѣи (ранн. -сьн-) п.: И.мн. с. нб 977 (сокращ.)

небо с.: Р.ед. с небєсь 930, с нбсь 930

невидимѣи п.: Р.ед. м. невимаго 930 (пропуц. ди)

недоумѣти г.: през. 1 ед. ньдоумью 916

оканѣи п.: И.мн. ж. Окании 930

оружьє с.: В.мн. Оружьѣ 930

отъ предл. (с Р.): ѿ 916 (3×)

пламанъ (или пламѣнъ) п.: В.мн. с. Оружьѣ пламена 930

подъ предл. (с В.): подо 970

принєсти г.: перф. ед. ж. приньсла еси 916

приѣти г.: аор. 1 ед. тѣ приѣхо 916

проганѣти г.: през. 3 ед. проганѣть 1022

простовласѣи п.: Р.мн. ж. простовласыхъ 930

раздрушити г.: аор. 3 ед. раздр{р}уоши 977

рука ж.: М.дв. в руку 930

рѣци г.: аор. 3 мн. рѣша 930

сватѣи п.: И.ед. м. стѣи 930 (2×); В. стго 930;

сеи мест.: И.ед. с. се 916; В.мн. с. [си] 916

сила ж.: Т.ед. силою 930; И.мн. силы 977

Синаискѣи п.: М.мн. ж. (н)[а] горахъ Синаисти (!) 930

Сисини м. личн.: И.ед. Сисинѣи 930, [Сис]... 930; В. Сисини 930

Сихаилъ м. личн.: И.ед. Сихаиль 930 (2×), 1022 (3×); В. Сих... 930

скорь ж. В.ед. 916

скоро н. 916

смерть (ранн. сьмьрть) ж.: В.ед. на сьмьрть 1022; Т. сьмьртию 1022

смотрѣти г.: прич. през. мн. м. смотряще 930

снизити (ранн. сьнизьити) г.: аор. (?) 3 ед. сьнони (!) 977 (сокращ.)

созєзначальнѣи (ранн. сь-) п.: И.ед. с. созєзначаль 977 (сокращ.)

срамѣта ж.: В.ед. срамѣтѣ 916 (предвосх. ѣ)

страшнѣи п.: кр. И.ед. с. страшно 930

съ предл. (с Р.) — со 977, с 930 (2×)

сѣдѣти г.: прич. през. мн. м. сѣдащ- 930

таи н.: таї 916

твои мест.: В.ед. ж. твою 970

трасавица 'лихорадка' ж.: Зв.ед. трасавице 1022

ты мест.: В. энклитич. та 128, 916, 1022; Д. полноударн. М. тьбъ (вм. во тьбъ) 916

ужасатисѣ г.: през. 1 ед. ѣжасаюсѣ 916

умь м.: Т.ед. ѣмомь 916

хвалитисѣ г. инф. 916

Христосъ м. личн.: И.ед. [Хсѣ] 1022

хула ж.: В.ед. хѣлѣ 916

царь м.: Р.ед. цѣрѣ 930

церкы ж.: Р.ед. ѿ цѣркѣи 916

чєсть ж.: В.ед. за чьсть 916

что мест.: И. что 916

шюмъ м. И.ед. 930

ѣко союз: ѣко 916

Условные даты грамот настоящего тома

Даны только начальные точки датирующих интервалов (как правило 20-летних). Стрелки влево (в более раннюю сторону) или вправо (в более позднюю сторону) показывают, что основной датирующий интервал должен быть несколько расширен в указанную сторону. Подробнее об условных датах берестяных грамот см. НГБ-Х: 145.

Грамоты, образующие блок (т. е. писанные одним и тем же почерком), имеют единую условную дату. Ниже для грамот из важнейших блоков указывается только писец, а именно:

Яким (см. № 922 и 1042) — блок ←1180

Писец А (= Лука?; см. № 997 и 1045) — блок ←1140

Писец Б (= Иван?; см. № 997 и 1045) — блок ←1140

При условной дате может быть указан также писец (из числа других), адресат или упоминаемое лицо, если это помогает установлению датировки.

НОВГОРОД

916	1280→	950	1100	984	←1180
917	←1380→	951	←1120→ (?)	985	←1180
918	←1320→	952	←1160	986	Яким
919	←1180	953	←1160	987	←1180
920	←1180	954	←1120	988	←1180 (упомин. Яким)
921	←1180	955	←1140 (упомин. Сновид)	989	Яким
922	Яким	956	←1140	990	1160→
923	Яким	957	1100	991	1160→
924	←1180	958	1075	992	Яким
925	←1180	959	1075	993	1160→
926	←1180	960	←1160→	994	Яким
927	Яким	961	←1160→	995	Яким
928	←1430	962	1430	996	Яким
929	1280→	963	1410	997	Писец А (упомин. Лука)
930	←1400→	964	1360→	998	Яким
931	←1400→	965	1340→	999	←1140 (от имени Луки)
932	←1400→	966	←1240→	1000	←1140
933	←1400→	967	←1240→	1001	←1140 (упомин. Семка)
934	1140→	968	1340→	1002	←1140
935	1180→ (?)	969	1340→	1003	←1140
936	1160	970	←1240→	1004	Писец А
937	←1380	971	←1320	1005	Писцы А и Б
938	←1380	972	←1320	1006	Писец А
939	←1380	973	←1240→	1007	←1140 (Сновид)
940	1140→	974	Яким	1008	←1140
941	1140→	975	←1180	1009	Писец Б
942	←1380	976	Яким	1010	←1140
943	Яким	977	Яким	1011	←1140
944	←1140	978	Яким	1012	Писец А (упомин. Сновид)
945	←1180	979	Яким	1013	←1140
946	←1180	(980)	Яким	1014	←1140
947	←1140	981	←1180	1015	←1140
948	1360→	982	Яким	1016	1240
949	←1360→	983	Яким	1017	←1240

1018 1240
1019 ←1200
1020 1160→
1021 Яким
1022 1160→
1023 Яким
1024 Яким
1025 ←1180 (упомин. Яким)
1026 ←1160 (к Семке)
1027 Яким
1028 Яким
1029 Яким
1030 Яким
1031 1160→
1032 Яким
1033 Яким

1034 Яким
1035 Яким
1036 Яким
1037 Яким
1038 Яким
1039 Яким
1040 Яким
1041 Яким
1042 Яким
1043 1160→
1044 1160→
1045 Писец А (к Сновиду)
1046 ←1140
1047 1100→ (к Сновиду)
1048 1100→
1049 1100→

1050 1100→
1051 ←1320→
1052 ←1320→
1053 ←1320→
1054 ←1260→
1055 ←1260→
1056 1075
1057 1160
1058 1160→
1059 ←1160→
1060 ←1160→
1061 ←1160→
1062 1120
1063 1180

СТАРАЯ РУССА

37 ←1180
38 ←1180
39 1380
40 1380
41 ←1280→
42 ←1240→
43 1180
44 ←1400→
45 ←1180→

ПОПРАВКИ И ЗАМЕЧАНИЯ
К ЧТЕНИЮ РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ
БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Как и в предшествующих томах, ниже публикуются накопившиеся к настоящему моменту поправки, замечания и дополнительные комментарии к чтению ранее опубликованных грамот. Значительное число уточнений в чтении текстов грамот было получено после изготовления новых высококачественных фотографий почти всего корпуса берестяных грамот¹.

При грамотах, помимо даты, для удобства сравнения с уже имеющимися комментариями дается адрес в ДНД₂ (если грамота туда включена).

Замечания А. А. Гиппиуса даны с пометой [Г], замечания А. А. Зализняка — с пометой [З].

№ 4 (10-е – 60-е гг. XIV в.; Г 39) [Г]. В конце пятой строки читается **по...**; в начале седьмой — **ндр[ѣ]** (скорее всего: **(на Олекса)ндр[ѣ]**). О значении формы плюсквамперфекта в этой грамоте см. Сичинава 2015, где для первой фразы документа предложена реконструкция: «Что касается того, что я (за Юрия) поручился у Петра на Городище, н(а том меня) Юрий подвел: с ... не расплатился, а меня подвел». Вместо *со двора · н...* в конце третьей строки Д. В. Сичинава предлагает читать *со двора·[н]...* ('с дворянами' или 'с дворянином'), что подтверждается изучением фотографии и согласуется с упоминанием далее в тексте *железного* — пошлины, выплачивавшейся дворянину, налагавшему оковы на обвиняемого.

№ 11 (30-е – сер. 40-х гг. XV в.; Д 1) [Г]. Дополнительное изучение окончания второй строки грамоты позволяет предложить следующее прочтение документа в целом:

{по}поклонъ ѿ смѣшка фоми цо оставиле вѣ
оць козе у ми[к]и[шк]а дан[и]лку далъ казѣ
(анъ) (...)

Поскольку слово, начинавшееся на *каз-*, могло быть только существительным, единственной подходящей конъектурой оказывается *каз(анъ)*, что хорошо согласуется с ранее предложенным переводом *козе* как 'таганы'. Тем самым подтверждается и наличие в грамоте нигде более не засвидетельствованного имени *Вочь*, в котором можно видеть гипокористику от какого-то имени на *Во-*. Отметим любопытное сочетание славянского названия тагана *коза* с созвучным ему тюркизмом *казанъ* как обозначением котла. То, что последнее до сих пор фиксировалось в источниках лишь начиная с XVII в., не препятствует предлагаемому чтению: бытовая лексика тюркского происхождения в берестяных грамотах XI–XV вв. — не редкость (ср. *каракуль* в № 354, *япкыть* в № 138).

№ 11 [З]. В берестяных грамотах в сложных предложениях, начинающихся с вводящего тему *что*, главное предложение в большинстве случаев вводится союзом *а* или *и* (изредка *то*). Примеры: *што кси ѿдода деревенуку Климецу Ѡпарину, а мы кго не хъtimo* 311; *а што про самозерци хедыле есемо не платце, а платце в томо што про межи раду нѣту, а ныне самезерци в городѣ* 131; *а што рубль дать Игнату, и ты*

¹ Фотографии, к которым отсылают комментарии в настоящем разделе, размещены на сайте gramoty.ru; в отдельных случаях их фрагменты даются в тексте.

даи 363; что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати, цнѣ мнѣ не дастъ 697; а что ꙗси повельло уо Ювши взати возо Овса и жита друогы старыхо уосопо, то са не (вино)вато твори 482 (аналогично в № 754 [два раза] и 142 [один раз из двух]). Там, где союза нет, его роль могут играть указательные наречия: что по-зваль тебе Сава, здѣ суду нѣтъ 14; чо ксте приказали мнѣ свою землю, нонѣ, осподо, подоваль ꙗси пожни вашиимъ здоровьѣмъ 962. Сверх этого, если не считать ненадежно читаемых текстов, имеется только два примера (в № 99 и 142); в них главное предложение начинается с императива.

Из этого можно заключить, что в № 11 часть *Данилку даль каз(анѣ)* почти наверное была не главным предложением, а продолжением придаточного. Соответственно, перевод должен выглядеть так: ‘Что касается того, что Воч оставил у Микишка таганы [и] дал Данилку казан, [то] ... (следовало указание Фоме, как нужно в связи с этим поступить, или объяснение того, как такое произошло)’.

№ 12 (30-е – сер. 40-х гг. XV в.; Д 39) [Г]. Последняя буква первой строки на новой фотографии прочитывается как ъ, прижатое к предыдущему *н*. Желая уместить слово в строку, писавший пропустил слог в словоформе *дворя(ни)нѣ*. Грамота сохранилась полностью.

№ 16 (1 четв. XV в.) [Г]. Грамота до сих пор оставалась непрочитанной. Она была найдена в виде пяти фрагментов — трех относительно больших и двух совсем маленьких. На прориси в издании эти фрагменты соединены; но если второй и третий действительно стыкуются друг с другом, то о первом и втором этого сказать нельзя. Как выяснилось в результате дополнительного изучения оригинала и фотографии, левый край фрагмента, на прориси расположенного вторым, представляет собой в действительности левый край грамоты; фрагмент же, расположенный на прориси первым, на самом деле должен быть третьим. При такой перестановке последовательность *стра-*, которой заканчивается второй (по новому счету) фрагмент, получает продолжение в виде *-ники*, которым открывается третий фрагмент; на стыке же двух фрагментов прочитывается буква *д* (граница проходит почти точно по ее правому склону). Восстанавливается, таким образом, фраза: *ты пришли страдники...* Перед нами — единственная в фонде новгородских берестяных грамот фиксация социального термина *страдникъ*, обозначающего холопа, посаженного на землю для обработки барской пашни. Примеры на данное слово в Слов. XI–XVII — не старше сер. XV в. В более раннюю эпоху слово представлено в записи в Псковском Шестодневе 1374 г.: *поити на гумно къ страдникомъ* (Столярова 2000: 311); оно встретилось также в московской берестяной грамоте № 3, датируемой концом XIV – началом XV в. (Гиппиус, Зализняк, Коваль 2011: 454). Комментируемый документ содержит, таким образом, одно из ранних упоминаний данной социальной категории.

Приводим новую прорись грамоты.

Прорись грамоты № 16

№ 19 (10-е – 20-е гг. XV в.; Д 1) [Г]. Слово в конце четвертой строки, переданное в издании как *здѣсо*, выглядит аномально как в фонетическом отношении — на фоне дважды встретившегося в грамотах Есифа написания *здѣсе* (19, 122), так и в орфографическом — на фоне в целом последовательного распределения букв *о* и *о* (еще один случай употребления *о* после согласной приходится на не вполне ясное *до рьжи* в № 122). Обратившись к новому снимку, можно заметить, что верхняя правая четверть буквы, идентифицированной как *о*, на нем практически не просматривается — в отличие от всех остальных подобных гра-

фических элементов, различимых совершенно отчетливо. Хорошо видимая часть буквы совпадает с начерком предшествующего *с*. Очевидно, перед нами в действительности не *о*, а ожидаемое в этом слове *е* — того же вида, как, например, в словах *мысль* и *кхать* или же в слове *цолобитыѣ* в № 129; угадывается и задранный вверх язычок буквы.

№ 21 (10-е — нач. 20-х гг. XV в.; Д 3) [Г]. Чтение первой фразы грамоты, воспроизведенной в ДНД как ...*фиѣ уозцинку* | *выткала*, должно быть в двух пунктах поправлено. Во-первых, буква перед *ѣ*, от которой виден низ косоного штриха, может быть только *а*, но никак не *о*; соответственно, из предлагавшихся вариантов восстановления имени — *Софиѣ* и *Агафиѣ* — второй оказывается единственно возможным. Во-вторых, перед *в* во второй строке отчетливо виден низ от *и*. Наличие сочинительного союза между *уозцинку* и *выткала* заставляет предположить, что во фразе было два однородных сказуемых. Наиболее вероятной представляется следующая реконструкция: (*Аже будешь взяла оу Оѣ*)[*а*]*фиѣ уозцинку и выткала, и ты ко мнѣ пришли*. По всей вероятности, получательница письма должна была взять у Агафьи узкое (и, очевидно, длинное) полотно, которое та начала ткать, и завершить эту работу.

№ 26 (80–90-е гг. XIV в.) [Г]. Правый край большого документа, разрезанного с целью уничтожения. Ниже приведена уточненная по сравнению с первой публикацией транскрипция:

...ОНТАНА
 ...У·МЪЮ
 ...А·СЪ·СВЪК
 ...ВЪКІ·ЛЮ
 ...МЪ·ЗЪМЛ
 ...[р]МЪЛЪ·Ц
 ...[О]СПЪД
 ...НАКРМ
 ...И·ПРЪТУ
 ...[ѣ]ДАЮ·П
 ...[Л]Ъ·ТАК
 ...НЮЮ·А
 ...ТЬ·

То же со словоделением и наиболее надежными конъектурами: (... ѡ) *Онтана*у мью ... а съ свѣк -- ... (с)вѣки лю... .. (с)мь зьмл(ю) ... (Ѥ)рмьлѣ ц... .. [О]спѣд(инь) ... на Крм(ьлѣ) и прѣ ту (ѡ)[ѣ]даю п... .. лѣ так... .. нюю. Ать.

Хотя от документа сохранилась лишь одна полоска, можно в общих чертах охарактеризовать его содержание. Формы 1-го л. *мью*, (ѡ)[ѣ]даю показывают, что перед нами письмо. Словоформу *Онтана* в первой строке естественно в таком случае трактовать как имя автора. [О]спѣд в седьмой строке — обращение *оспод(ине)*. В тексте упоминалась земля и, возможно, люди. Из фрагментов ...*рмьлѣ* и *на Крм...* восстанавливается двукратное упоминание имени *Ермола*, принадлежавшего, по всей вероятности, лицу, с которым у автора имел место конфликт, подлежащий урегулированию (*прѣ ту* (с)а оу)ѡ[ѣ]даю?).

Графическая система грамоты, судя по сохранившемуся фрагменту, характеризовалась употреблением в начале слова *ѣ* и *о*, этимологически правильным употреблением *ѣ* и последовательно проведенным эффектом *о* → *ь* (*мью*, *свѣк--*, (с)вѣк, (Ѥ)рмьлѣ, прѣ).

№ 34 (70-е — нач. 80-х гг. XIV в.) [Г]. Фрагмент разрезанного с целью уничтожения документа. Уточненная транскрипция с вероятным словоделением:

...ТЬЕЮ·
 ... [Г]НЕ НИ ...
 ...ОРИВЪ ...
 ...РЕБЕЦ
 ...А ОУ СЕ...
 ...ЛИТЬ ...

Надежно идентифицируемые словоформы (*съ братъею, господине, жеребець* показывают, что перед нами коллективная челобитная (от X-а с братьею, ср. № 276, 297), содержащая, в частности, просьбу о выделении жеребца для крестьянского хозяйства. Содержание аналогичного челобитья резюмирует грамота № 309 (10-е – 20-е гг. XV в.): *А се билъ челомъ Иваишь съ Симаномъ о жеребыцѣ.*

№ 35 (XIV в.) [Г]. Прочитывается следующий текст:

...лє (о)[у] ф[є]д[ор](а о)[у] в[д]си·
 ...зивалє

На ...зивале, скорее всего, заканчивалась словоформа *сказывале*, записанная с эффектом *ы → и*.

№ 37 (XIV в.) [Г]. Фрагмент разрезанного с целью уничтожения письма. Уточненная транскрипция с вероятным словоделением:

...[и]вд[н]а · ко ...
 ...[у]вє · те ї м...
 ...ите · ѡз[ъ] ...
 ...[м]є · буду · (...)

Остатки текста в третьей и четвертой строках допускают реконструкцию: *ѡз[ъ] ... (са)ме буду*. Ср. в тверской грамоте № 2: *мене жеди а ѡзо по тебе буду само*.

№ 38+39 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. Фрагмент № 39 написан тем же почерком, что и № 38 (совпадают начерки Д, Р, К, В); возможно, что он относится к той же грамоте. Вместо *Тодорко*, может быть, следует читать *Федорко*. Предложенная в Попр.-Х для № 38 конъектура (*вѣстѣкѣ* не подтвердилась при дополнительном изучении грамоты, однако замены для нее, которая не требовала бы предположения об опiske, пока не видно.

№ 40 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.) [Г]. В конце первой строки можно прочесть ...[ть] в | *неи*. Но статуса словоформы *гвозду* это не проясняет.

№ 44 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 87) [Г]. В начале первой строки реконструируется (*Пр*)[оклѣ].

№ 55 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 39) [Г]. Последовательность букв в конце второй строки, прочитанная в издании как *вакосо* и трактованная как топоним *в Акосово* (< *въ Окосово*), в действительности имеет вид *какосоко*, что допускает три варианта словоделения: *како с око...*, *како со ко...*, *како соко(л)...*; в любом случае выделяется союз *како*.

№ 62 (80-е – 90-е гг. XIII в.) [ГЗ]. В Попр.-Х текст грамоты передан в следующем виде: ...а декабра ... | ... еѡгѣниа се ... | ... (помо)цница жь н(а)... | ... (ѡєѡ)дѣла· онѣ за... Там же высказано предположение, что в грамоте упоминались святые, памяти которых приходятся на соседние дни: св. Евгения (24 декабря) и

св. Феодул (23 декабря). Изучение новых снимков не позволяет, однако, трактовать букву в начале четвертой строки как **Ѡ**; от этой буквы виден плоский верх с тремя отходящими от него вертикальными штрихами, что делает наиболее вероятным прочтение ее как *т*. С другой стороны, буква, прочитанная в издании как *л*, имеет горизонтальный штрих внизу, что делает единственно возможной трактовку ее как *о* (ср. такой же плоский низ у следующего далее **Ѡ**); тем самым объясняется и наличие двух точек по сторонам следующего далее *а*, которое, по-видимому, нужно трактовать как отдельное слово. У буквы перед *о*, трактованной как *Ѹ*, нижний соединительный штрих, напротив, отсутствует — в действительности это *х*. От предыдущей буквы видна лишь верхняя часть в виде «домика», правый скат которого не доходит до линии обрыва, — это может быть только *е*, поскольку *с* в данной позиции исключено. С учетом этих поправок нижняя строка грамоты приобретает вид: ...тѣхо ·а· Ѡнѣ за...

№ 71 (XIII в.) [Г]. Грамота, найденная в 1952 г. в культурных напластованиях XIII в. усадьбы Б Неревского раскопа, была охарактеризована в издании как небольшой отрывок и опубликована без разделения на слова: **ильда тинь|селиць тьр|пила**. В первой строке А. В. Арциховский прочел *иль дати*, во второй — слово *селище*, третью оставил без комментария (НГБ-П: 73–74). С тех пор документ ничьего внимания к себе не привлекал.

При изучении новой цифровой фотографии и дополнительном обследовании оригинала грамоты обнаружилось, что в действительности она представляет собой не фрагмент, а полностью сохранившийся документ с одинаковым образом обтрепанными краями. При таком взгляде на грамоту *тьр* в конце второй и *пила* в начале третьей строки смыкаются, образуя хорошо засвидетельствованное имя *Терпила*. В первой же строке (последняя буква которой не *ь*, а *ь*) прочитывается прилагательное *Ильда тинь*. В целом текст приобретает вид: *Ильда тинь селиць, Тьрпила* (со снятием эффектов бытовой орфографии: *Ильда тин(о) селищ(е), Т(е)рпила*).

Новое прочтение грамоты делает особенно актуальной параллель, приведенную А. В. Арциховским к слову *селище* из новгородских писцовых книг, где эта лексема представлена сотнями употреблений: «Да в Ретени ж Онтоновское селище, а косит на нем сено Егорьевской поп». По существу, грамота № 71 представляет собой запись того же типа, указывая название пункта и имя того, кто в нем в настоящее время проживает или хозяйствует. Фрагментом такой же памятной записи может быть и грамота № 72, найденная в том же слое на участке мостовой Великой улицы, примыкающем к усадьбе Б (... *Иванко, сыно Дьямянко*).

Селище, на котором грамота № 71 помещает Терпила, некогда принадлежало человеку по имени *Ильдата*. Это имя, хотя и фиксируется впервые, не уникально в новгородской письменности. С ним невозможно не связать отчества двух братьев *Ильдятиничей*, убитых в Раковорской битве 18 февраля 1268 г.: «И ту створися зло велико: убиша посадника Михаила, и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисиевича, Михаила Кривцевича, Ивача, *Бориса Илдятинича, брата его Лазоря*, Ратшю, Василя Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Поромана подвоиского, Полюда, и много добрыхъ боярь, а иныхъ черныхъ людий бещисла» (НПЛ [1268], л. 145). Имя отца Бориса и Лазоря — *Ильдата* — отличает от *Ильдата* грамоты № 71 лишь мягкость согласного (которая во втором случае могла быть просто не обозначена), что, конечно, не составляет препятствия для отождествления имен. Но не только имен. Уточненная стратиграфическая дата грамоты № 71: середина – третья четверть XIII в. — идеально согласуется с летописным упоминанием, позволяя уверенно считать Ильдату/Ильдату берестяной грамоты отцом убитых под Раковором Бориса и Лазоря.

Имя *Ильдата* — очевидно, неславянское (интерпретация его как варианта имени *Ильята* [Бэкунд 1956: 257] неприемлема по фонетическим соображениям). Его можно было бы связать со скандинавским корнем *hild-*, однако последний участвует в образовании исключительно женских имен. На этом фоне наиболее вероятной представляется трактовка данного антропонима как славянизированной уменьшительной формы имени *Ильдаш*, засвидетельствованного у башкир и чувашей (Расоньи, Баски 2007: 298).

Тюркское происхождение Ильдыты не следует связывать с татарским завоеванием: факт гибели Бориса и Лазоря Ильдятиничей в 1268 г. позволяет предполагать появление в Новгороде его самого еще в домонгольский период. В новгородском обществе второй половины XII – первой трети XIII вв. Ильдыта оказывается далеко не изолированной фигурой, пополняя ряд персонажей, наметившийся благодаря нескольким находкам последнего времени. Такими же, как Ильдыта, этническими тюрками были, по всей вероятности, Кыяс — один из адресатов берестяной грамоты № 1000 (сер. XII в.) (см. в настоящем томе), Сандус — автор надписи в Мартирьевской паперти Софийского собора (Гиппиус, Михеев 2011: 44–46), Гюлопа и его сын Гюлопинич, упоминаемые в берестяных грамотах № 729 и № 926 (2 пол. XII в.) (см. комментарий к грамоте № 729).

Люди, подобные Ильдыте и Гюлопе, могли попадать в Новгород разными путями, но в первую очередь — в окружении князей, приходивших из южной Руси. В связи с этим особенно примечателен факт наличия у Ильдыты собственного села. Как известно, запрет на «держание» князем и его людьми сел в Новгородской земле неизменно присутствует в формуляре договоров Новгорода с князьями. С другой стороны, как видно из тех же договоров, княжеские бояре все же могли, в обход этого запрета, обзаводиться в Новгороде собственными селами, рискуя, впрочем, лишиться их с изменениями политической конъюнктуры. В случае с «Ильдятинным селищем» тюркское имя помогает выявить факт принадлежности села лицу из княжеского окружения.

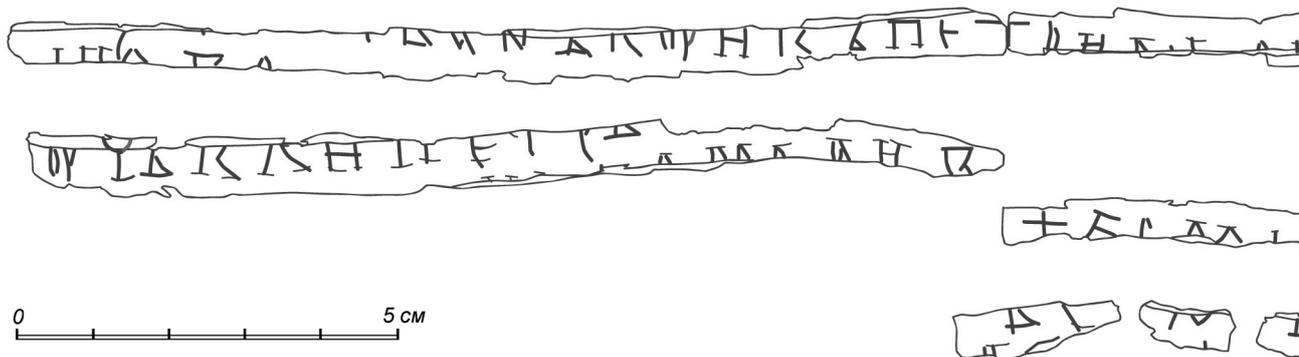
№ 83 (XI в.) [Г]. Несмотря на то, что от грамоты сохранился лишь крохотный фрагмент, можно уверенно определить ее жанр: это долговая запись вида «на X-е столько-то, на Y столько-то».

na
 p'b ...
 gr̄(vn)- ...

№ 88 (вероятно, первое 40-летие XII в.) [Г]. Грамота была найдена в виде сложного переплетения берестяных ленточек, на которые она была разорвана в древности. «Когда это переплетение было распутано, — писал А. В. Арциховский, — обнаружилось лишь части букв. Прочсть ничего нельзя. Мерить тут тоже нечего» (НГБ-III: 14). Вместо прориси в издании был помещен рисунок самой плетенки.

В расплетенном виде, в каком он хранится в Отделе рукописей ГИМ, документ оказался куда более информативным, чем это представлялось издателю. Он представляет собой четыре берестяных полоски длиной 15, 13, 12,7 и 10,7 см и еще три мелких фрагмента (2,5, 2 и 1,2 см; на рисунке в издании они изображены отдельно); в общей сложности эти фрагменты содержат остатки около восьми десятков букв. Как выяснилось при обследовании фрагментов, две из четырех полосок первоначально составляли одну длинную (более 28 см) полосу, которая впоследствии была разорвана (разрезана?) посередине. Аналогичным образом, из более длинных лент, могли быть получены и две других полоски. Действительно, читаемые в них фрагменты текста удается состыковать между собой путем простой и высоковероятной конъектуры (см. ниже). По видимому, прочитав грамоту, адресат поступил с ней следующим образом: разорвав берестяной лист вдоль волокон на несколько полос («пощепавши грамоту», как это действие обозначено в грамоте № 881), он взял две несмежные полоски, разделил их пополам и из полученных четырех ленточек сделал свою плетенку. Существующие отдельно три мелких фрагмента должны были в таком случае принадлежать одной из этих ленточек. Подходящее место для них, действительно, обнаруживается: составляемая из нижних частей букв последовательность [b e](c)[mь бы] находит точное соответствие в одной из полос, где сохранились верхние части букв той же последовательности.

Взаимно скоординированные между собой фрагменты дают следующий текст (приводим его вместе с прорисью):

...[э]---[ив]анъкоуикъпетри[лѣ]-есьдѣлониесмына...
 ...ш[аго]...
 оуучклипетръ...
 ...[та]молив... ...[вѣ]ж[ьт]ак[о]...
 ...ѣ[с]мьбъ[ь]...

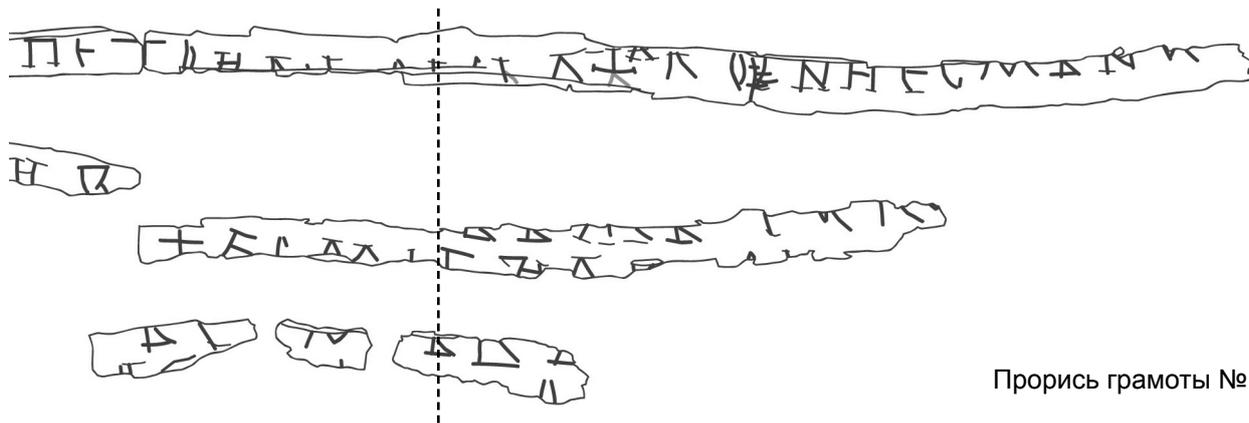
То же со словоделением и наиболее надежными конъектурами:

...[э]- (къ) [ив]анъкоу и къ петри[лѣ] (с)е съдѣ лони есмь на...
 ...ш[аго]...
 оуучкли петръ...
 ...[та]мо а ив(анъкоу по)[вѣ]ж[ь т]ак[о]...
 ...ѣ [с]мь бъ[ь] [л] [ъ] ...

В первой строке с полной надежностью прочитываются имена адресатов: *къ Иванъку и къ Петрилѣ*. Окончание строки представляет для интерпретации значительные трудности. Они усугубляются тем, что текст в данном месте был правлен в процессе написания, а именно: между *ѣ* и *л* вписано над строкой, но потом зачеркнуто одной горизонтальной чертой еще одно *л*; после *о* в *лони* зачеркнуто несколькими горизонтальными штрихами первоначально написанное *у*. Надежно вычленяется словоформа *есмы*. Предыдущее слово, с учетом исправления *оу* → *о*, вряд ли может быть трактовано иначе как наречие *лони* ‘в прошлом году’. По-видимому, написав *лоуни* вм. *лони* (о возможной природе этого написания см. ниже комментарий А. А. Зализняка), писец решил исправиться и стал писать слово заново над строкой, но затем просто зачеркнул *у*.

От предшествующего текста (после окончания имени) видны следующие начертания. Первая буква не сохранилась. Вторая, третья и четвертая, хотя от них сохранились только верхние части, уверенно определяются как *е*, *с* и *ь* (начертания *е* и *с* в грамоте различаются, а верхушка от *ь* не может принадлежать *ѣ*, так как находится слишком близко к предыдущей букве). Далее следуют сохранившиеся частично, но тем не менее надежно идентифицируемые *д* и *ѣ*. Последовательность *-есьдѣ* в тексте первой половины XII в., записанном в стандартной графической системе, может соответствовать лишь сочетанию *се съдѣ*. Основной текст письма начинался, таким образом, словами: *(С)е съдѣ лони есмь ...* ‘Вот, здесь, в прошлом году, я ...’ — далее, вероятно, следовала форма *л-причастия*, начинавшаяся с *на-* (типа *надѣлилъ*, *нарекль* и т. п.).

В начале третьей строки уверенно вычленяется форма перфектного причастия *оуучкли*, с рефлексом праславянского *t1 «псковского» типа (= стандартн. др.-русск. *оучьли*). Данное написание представляет большой лингвистический интерес. Перфекты типа *бюгли*, хорошо известные из псковских источников, в корпусе берестяных грамот были до последнего времени представлены единственным примером *веглесе* в № 25. Между тем, еще один аналогичный пример, *соцклосо* (= *сочлоса*), выявлен А. А. Зализняком в грамоте № 211 (сер. XIII в.) при изучении ее нового цифрового снимка. Оказывается, таким образом, что два ярких примера

Прорись грамоты № 88

данного явления имелись уже в составе первых трех сотен берестяных документов и лишь не были до сих пор идентифицированы.

Читаемое далее имя *Петръ*... едва ли представляет собой форму именительного падежа (согласовать ее со сказуемым во множ. числе можно, лишь предположив, что вместе с Петром действовали и были названы еще по меньшей мере два человека, что маловероятно); более вероятная, на наш взгляд, альтернатива состоит в том, что перед нами зависящая от *оучькли* форма винит. (= родит.) падежа *Петръ(ка)* или дат. падежа *Петръ(коу)* (см. у Даля [s.v. *усчитывать*]: «его усчитали, учли на сто рублей, правят с него»; у Т. Фенне: *jas tebe vtzkle tzto tÿ otkles / Ich hebbe idt dÿ berekendt, dattu dÿ forteldt heffst* (Хендрикс, Схакен 2006: 353) ‘Я у тебя вычел то (ту сумму), на что ты обсчитался’). По-видимому, подвергшийся «учету» Петр (Петрок) — лицо, отличное от второго адресата грамоты, Петрилы, что подчеркивается и употреблением иной формы имени.

Наречие [*ma*]мо, с которого начинается сохранившаяся часть следующей строки, соотносится с *сѣдѣ* в начале грамоты и, видимо, завершало первую часть основного сообщения. Для начала второй части высоковероятна конъектура: *А Ив(анькоу по)[сѣ]ж[ь т]ак[о]*... Поскольку трудно себе представить, чтобы в грамоте помимо двух разных Петров упоминались еще и два разных Ивана, следует думать, что слова эти имеют в виду первого адресата грамоты, Иванка (реконструкция *Ив(анькоу)*, а не *Ив(аноу)*, обусловлена именно этим соображением). Обращены же они, по всей вероятности, к Петриле, которого автор просит довести до сведения Иванка адресованную тому часть сообщения.

К сожалению, в том объеме, в каком текст грамоты сохранился и поддается реконструкции, он позволяет составить лишь самое общее представление о характере документа. Адресованное Иванку и Петриле письмо носило официальный характер (о чем свидетельствует начальное *се*), упоминало некую акцию, предпринятую автором в прошлом году, и какие-то деньги, вычтенные из дохода Петрока.

Из этой информации наибольший исторический интерес представляют имена адресатов документа. Указанная в издании стратиграфическая дата — рубеж XI–XII вв. В хронологическом реестре А. А. Зализняка, учитывающем результаты работы П. Г. Гайдукова по уточнению стратиграфических датировок грамот Неревского раскопа, грамота отнесена к рубрике 1120–1140 (НГБ-Х: 146). В этот период христианские имена были распространены в Новгороде преимущественно в аристократической среде и даже в ней составляли еще меньшинство. Тот факт, что их носят оба адресата грамоты, может поэтому рассматриваться как свидетельство их высокого социального статуса. Именно в эти годы на страницах Новгородской 1-й летописи соединены имена двух видных политических деятелей эпохи — Иванка Павловича и Петрилы Микulichа. Оба они занимали должность посадника: Петрила — в 1130–1134 гг., Иванко — кратковременно в 1134 г.: посадничество было отнято у Петрилы и передано ему в ходе незавершенного похода на Суздаль («и на томъ же пути отяша посадничество у Петрилы и даша Иванку Павловицу»). В том же году, в трагической для Новгорода битве при Ждане горе, которой закончился новый поход на Суздаль, оба боярина по-

гибли («... и убиша посадника новгородскаго Иванка, мужа храбра зъло, мѣсяця генъваря въ 26 и Петрила Микульчица и много добрыхъ мужъ» (НПЛ: 22–23).

Соперничество Петрилы Микульчича и Иванка Павловича В. Л. Янин убедительно объясняет принадлежностью их к противоборствующим боярским группировкам Неревского и Людина концов. Этот вывод базируется на сопоставлении летописных данных с материалом берестяных грамот. Боярский клан, к которому принадлежал Петрила Микульчич, проявляется в серии грамот Неревского раскопа конца XI – 30-х гг. XII в., в которых упоминаются Микула (№ 109), Петр (№ 336), Коснятин (№ 241) (последний предположительно отождествляется с братом Петрилы Константином Микульчичем, посадничавшим в 1136–1137 и в 1146–1147 гг.) (НГБ-IX: 8–9; Буров 1988: 119–125). Иванко Павлович и его отец опознаются в персонажах грамот того же периода, происходящих с Троицкого раскопа (№ 586, 633 — Иван, 736 — Иван, Павел, 745 — Павел; см. комментарии в издании).

Таким образом, оба исторических деятеля, с которыми мы склонны отождествлять адресатов грамоты № 88, уже встречались среди фигурантов берестяной переписки. Заметим, что в грамотах, до сих пор связывавшихся с ними, эти лица выступают под своими каноническими именами Петр и Иван. В нашем случае совпадают с летописными упоминаниями не только имена, но и гипокористические формы: Иванко и Петрила (Петрило)², притом что у обоих имен имелись и другие гипокористики (ср. упоминание в основном тексте грамоты Петрока, относящееся, как мы предположили выше, к другому лицу). Надежность отождествления от этого существенно возрастает.

Дополнительным доводом в пользу предложенной идентификации может служить то обстоятельство, что адресованное Иванку и Петриле письмо было найдено в Неревском конце. Слова «А Ив(анъкоу) повѣжь тако...» мы трактовали выше как указание Петриле довести до сведения Иванка адресованную тому часть сообщения; из этого следует, что письмо было доставлено по месту жительства второго адресата. Петрила Микульчич, как мы знаем, был неревским боярином.

Соединение в адресной формуле грамоты № 88 имен лидеров двух крупнейших боярских группировок Новгорода — факт в высшей степени примечательный и при этом не уникальный. Ближайшую аналогию нашему документу составляет грамота № 226, найденная также на Неревском раскопе в слое конца XII в. Сохранившееся в виде фрагмента, это письмо, судя по упоминанию в нем полюдья, также носило официальный характер. Его адресаты, Иванко и Мирошка, были ранее отождествлены нами с упоминаемыми совместно в рассказе НПЛ о событиях 1196–1197 гг. посадником Мирошкой Несдиничем, принадлежавшим к людинскому боярству, и Иванком, в котором анализ летописного повествования позволяет видеть предводителя боярства Неревского конца (Гиппиус 2003б: 50–56). Об институциональной природе такой двойной адресации см. (Гиппиус 2009: 42–43).

Некоторые соображения можно высказать и относительно личности автора грамоты. Хотя от его обозначения сохранилась лишь одна буква, и то отчасти, начертание это, при ближайшем рассмотрении, оказывается чрезвычайно информативным. Примерно на четвертой влево позиции от *и* в [ив]ан[ъ]коу (что, с учетом предлога *къ*, несомненно предшествовавшего имени, соответствует предпоследней букве словоформы) отчетливо виден изогнутый «хвост» от *з* или *у*. Однако *у* в грамоте имеет форму, с которой подобная форма «хвоста» сочетаться никак не может, — следовательно, это *з*. Христианских или славянских языческих имен с исходом на *з* неизвестно; нет также никакой возможности предполагать в грамоте столь раннего времени адресную формулу со словом *приказъ*. Существует, конечно, известная вероятность того, что автор носил какое-то неславянское имя (вроде прибалт.-финн. *Вельяказъ*, встретившегося в грамоте № 2 XIV в.) или имел прозвище вроде *Рагоза*, но она чрезвычайно мала.

На этом фоне наиболее вероятным, если не единственно приемлемым, оказывается решение, которое сразу же находится, как только мы допустим, что вместо имени автора в тексте указывался его титул: (*Отъ*

² Разница в морфологическом роде (в грамоте — женский, в летописи — мужской) в данном случае несущественна: такого рода колебания при именовании одного и того же лица в летописи обычны.

кна) [з] (а кѣ) [Ив]ан[ѣ]коу и кѣ Петри[лѣ]. С такой реконструкцией хорошо согласуется официальное начало письма (*Се съдѣ лони...*), равно как и предписание *Иванѣкоу повѣжъ тако*, обращенное к новгородскому посаднику, — автор грамоты явно был по положению не ниже ее высокопоставленных адресатов, и князь подходит на эту роль как никто другой. Упоминание князя без имени для берестяных грамот является нормой, в том числе и в составе адресной формулы (ср. *кѣ князюу и кѣ Петръкоу* в № 872). В рассматриваемый период обладателем новгородского стола был Всеволод Мстиславич. Если наши выкладки верны, автором письма к Иванку и Петриле следует считать именно его.

№ 88 [З]. Запись *лоуни*, исправленная затем на *лони*, вряд ли является чистой «ошибкой пера». Она совершенно аналогична записи *Ѡмули* (вместо *Ѡмоли*) в грамоте № 395. В обоих случаях *о* стояло в предупредном слоге, т. е. не исключено, что в этих примерах отразилась свойственная некоторой части северновеликорусских говоров реализация безударного *о* в виде [ô], [oʲ], [yo] или [y] (в единичных случаях проникающая даже в литературный язык, как, например, *курно́сый* из *корно́сый*).

№ 89 (XI в.) [Г]. В начале грамоты уверенно читается *с*, размером превосходящее остальные буквы. Перед нами, таким образом, имя *Симан*, с буквой *а*, повернутой по кругу на 180°.

№ 90 (XI в.) [Г]. Это фрагмент грамоты, разрезанной с целью уничтожения:

(оу) ...
 сна дѣв[ѣ] ...
 ши пол[ѣ] ...
 нь на хар...

Документ представлял собой запись долгов или неких выплат. Особый интерес представляет последовательность *на хар...* в последней строке. Напрашивающаяся реконструкция *на Хар(итанѣ)* неприемлема ввиду того, что следующая за *р* буква — безусловно не *и*: это мог быть *ъ*, *ь* или *ѣ* (*б* или *в* после *р* в это время маловероятны). Подходящее решение отыскивается для первого варианта: *на харѣ(тихъ)*. Его можно было бы считать чересчур изысканным, если бы не публикуемая в настоящем томе грамота № 982, в которой встретилось это сочетание. По-видимому, плата за пергамен упоминалась и в комментируемом документе. Написание данного слова с *ъ* засвидетельствовано памятниками XII в.: это именно тот вариант с редуцированным, к которому восходит позднерусское *харотья*.

№ 94 (первое 20-летие XV в.; Г 53) [Г]. Перед *гѣ* в четвертой строке видны верхушки двух букв, допускающие реконструкцию, как нельзя лучше соответствующую риторике челобитной: *того, гѣ, съ села (гонить, се)[го], гѣ[е, го]нить, а себѣ, гѣ, ...*

№ 96 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.; Д 39) [Г]. По нижним частям букв удастся восстановить большую часть ранее не читавшейся первой строки грамоты, следующим образом представив ее текст в целом:

... (клю)
 [ц]ника ... [с] н[и]в[ѣ] зг[он]иле и пожен(ь) ...
 ле · безземниковъ · и а ѡмеша двои за ѣдора з бра
 (т)...

Конъектура (клю)[ц]ника опирается на грамоту № 94, в которой именно ключник сгоняет крестьян с земли. Для перехода со второй строки на третью вероятной представляется конъектура (и по)ле безземниковъ. Сгнав с нив и поженъ одних крестьян, ключник, очевидно, предоставил их другим, которые, по их прежнему положению, и названы «безземниками». Заметим, что в Слов. XI–XVII этот термин отсутствует.

№ 108 (кон. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. *Дьвати* написано поверх *плати*.

№ 116 (вероятно, нач. XIII в.) [3]. Запись сделана на стенке берестяного тусеса. Издатели прочли ее как **лѣшеван**. Но при этом осталась неопознанной еще одна буква перед этим словом: ѿ. В действительности это два слова, из которых второе осталось недописанным: *Ѿлѣшева н*. Это владельческая запись человека по имени *Ѿлѣшь*, а сам предмет назывался каким-то словом женского рода, начинающимся на *н* (впрочем, нельзя исключать, что на *н* начиналось и что-то иное, например, ‘не трогать’). Документ принадлежит к тому же ряду владельческих записей на частях берестяного тусеса, что *Ѿедокино лоужкошеко* в № 599, *Воубоуѣдино лоужньчо* в № 957 и *(Данилово л...* в № 1056.

Имя *Ѿлѣшь* — одно из гипокористических от *Олуферш*; см. о таких именах выше, в комментариях к грамоте № 959.

№ 122 (10-е – нач. 20-х гг. XV в.; Д 1) [3]. Для *позъвале* ‘вызвал на суд’ ср. ниже комментарий к грамоте № 416.

№ 123 (3 четв. XI в.; А 25) [Г]. Последовательность ...[-*непсь*[ъ], которой текст грамоты должен был заканчиваться, до последнего времени не находила объяснения. Вероятное решение было подсказано находкой грамоты № 957, представляющей собой надпись на крышке берестяного лукошка и заканчивающейся упоминанием имени писавшего: *А Шьвько шль*. Можно думать, что аналогичную концовку имела и грамота № 123: на *-не* в таком случае заканчивалось имя писца (типа *Иване*, *Жьдане*), тогда как *псь* было использовано как сокращение для *псьаль*. Такое же сокращение данной словоформы демонстрирует надпись № 189 в новгородском Софийском соборе (сохранившаяся, правда, только в прорисовке [Медынцева 1978: 275]).

№ 129 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Д 1) [Г]. Слово *пуху*, прочитанное в седьмой строке первого отрывка грамоты В. Э. Орлом и Р. Торпусман (1995: 273), было истолковано ими как название «еще одного товара, который Есиф обещает Фоме». Между тем «пух» в данном контексте, несомненно, следует понимать как мех для оторочки упомянутых овечьих шуб, ср. примеры из Слов. XI–XVII (21: 69): *а шюбы бораньи носити безъ пуху*; *исподъ* (к шубе) *подложень бѣлей хрептовой новой, на ожерелье и на пухъ вышло три бобра*. Это делает неприемлемой предлагаемую исследователями конъектуру, призванную соединить первый отрывок со вторым: «по шубѣ сошьемъ, а пуху (тобѣ присъ)лемъ» (Орел, Торпусман 1995: 273). С другой стороны, как видно на новом снимке документа, исход глагольной словоформы не может быть транскрибирован ни как *-лемъ*, ни как *-[ь]ѣмъ* (согласно транскрипции в ДНД₂). Приведем фотографию этого фрагмента.

Трактовка вертикального штриха слева от *е* как мачты *к* делает необъяснимым предшествующий ему левонаклонный штрих, которому, в свою очередь, предшествует уверенно читаемое *у*. Единственной непротиворечивой интерпретацией для этих двух штрихов оказывается трактовка их как ножек высокого *ѡ* (для которого на снимке сразу же отыскивается и подходящая горизонталь). Глагольная словоформа, таким образом, заканчивалась на *-удемъ*.

Имея в виду первый из приведенных выше примеров, в котором упоминаются бараньи шубы «без пуха», можно было бы предложить конъектуру *А пуху* (*ѡѣлатъ не ѡудемъ*). От нее, однако, следует отказаться по хронологическим соображениям: употребление *будемъ* с инфинитивом в документе начала XV в. почти на столетие опережало бы первые достоверные примеры данной конструкции в великорусских текстах. Во всех отношениях удовлетворительное решение мы получаем, между тем, предположив, что в грамоте был употреблен не глагол *быти*, но приставочное образование от него: *А пуху* (*здѣсе доѡудемъ*). Это решение вполне отвечает и прагматике грамоты: находящегося в Новгороде Фому Есиф просит прислать обработанные овечьи шкуры, чтобы сшить из них себе и брату по шубе. Мех же для оторочки этих шуб он рассчитывает добыть там, где сам в настоящее время находится, —

вероятно, где-то на периферии Новгородской земли. Замечательно, что точно такой же ход мысли Есиф демонстрирует и в другом письме Фоме, когда пишет, в связи с предстоящей поездкой на Водлу: *а судно ꙗсть у мене, а хлѣбѣ сухѣи су, и тѣ саме ѿпразновавъ да пождь сѣмь, а хлѣбе здѣсе в...*

Во фразе *А Юблу п[рова]дил л...* (или *п[рова]дил...*) после *л* на снимке отчетливо различим верх от *е* или *с*, который в данном положении может принадлежать только первому. Малочисленность слов, начинающихся на *ле-*, и, напротив, высокая частотность *-ле* как исхода глагольной словоформы делают весьма вероятным, что в тексте была употреблена форма 1-го или 2-го л. ед. числа *провадиле есмь/еси*. Тот факт, что связка-энклитика оказывается при такой реконструкции не на второй позиции во фразе, объясним наличием ритмико-синтаксического барьера, отделяющего начальное *А Юблу* как формулировку темы высказывания; ср. в № 196: *а рожь Петрову // повелело есмь измолотиво Кривѣ дати* (ДНД₂: 187). Если так, то словоформу *Юблу* следует трактовать скорее как В. ед. от *Юбла*, чем как Д. ед. от *Юблъ*. В пользу такой трактовки говорит и следующее обстоятельство. Читаемая на обороте грамоты заключительная фраза — *А иноу все добро здорово здѣсе* — предполагает, что ей предшествовала не инструкция, но сообщение какой-то информации, причем отрицательного свойства (ср. письмо № 122, где такая же концовка следует за напоминанием о вызове в суд). От этого сообщения сохранился конечный фрагмент *...ть виновату*, для которого, с учетом сочетаемости данного прилагательного в берестяных грамотах, высоковероятной представляется конъектура *... (творя)ть виноваѣ ту*. Речь, несомненно, шла о женщине, которая должна была быть названа в начале фразы. На эту роль хорошо подходит *Юбла*, о которой выше сказано: *А Юблу провадиле (ѣсмь / ѣси...)*. С учетом букв, сохранившихся от последней строки на лицевой стороне письма, для фразы в целом можно предложить следующую реконструкцию: *А Юблу п[рова]дил[е] (ѣсмь) ...ь, а па(къ творя)ть виноваѣ ту* ‘А Юблу я отправил [куда-то] (или прогнал), а она, говорят, опять задолжала’. Такая реконструкция кажется тем более вероятной, что в предыдущей фразе Есиф предлагает брату следить за некоей Таньей, чтобы она «не блудила чего зря», т. е., согласно переводу в ДНД, ‘не занималась темными делами’.

О том, что последняя строка на лицевой стороне письма действительно была последней, говорит изменившийся характер письма — существенно меньший размер букв (особенно второго *а*, самого мелкого во всей грамоте) и прочерченные с ослабевающим нажимом короткие вертикальные штрихи *п* — писавший явно упирался в край берестяного листа.

Приводим скорректированное чтение всей грамоты № 219 (с конъектурами).

Внутренняя сторона

цолобитыѣ ѿ ꙗсифѣ
 а брату своѣму фоѣ
 мѣ цо бѣ ꙗси прислаѣ
 ль восъку да мѣла дѣ
 а овьцини добро
 {сошыѣ} по шубѣ соѣ
 шыѣмъ а п[уху] (зд)ѣ
 (ѣсе доб)у[д]ѣмъ
 да переслъшиваи
 о таны цо бѣ не бѣ
 лодила цого зра
 только поцьне
 продавати тобѣ
 и тѣ у ꙗи купи а юбѣ
 лу п[рова]дил[е] (ѣсмь)
 -----ь а па(къ творя)ѣ

Внешняя сторона

ть виноваѣ а иноу
 все добро здорово
 здѣсе

№ 130 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг. [предпочт. не позднее конца XIV в.]; Г 56) [З]. В издании (НГБ-III: 67) приведено указание П. Аристэ о том, что слово *водмоль* — нижненемецкого происхождения. И эта версия была принята также в ДНД. Однако по фонетическому составу древнерусское слово ближе к скандинавским формам (прежде всего к швед. *vadmal*), а не к нижненемецкой, т. е. прав Фасмер (I: 331), согласно которому слово заимствовано из скандинавского (указано А. Циммерлингом).

№ 132 (10-е – 30-е гг. XIV в.; Г 39) [Г]. Во 2-й строке вместо *Л[о]б[о]ка* (ДНД₂, с. 565) уверенно читается *Л[е]бека*. Далее можно прочесть *т[р]о[и] [н]*..., с вероятной конъектурой *т[р]о[и] [н](ами)* ‘проценты за три года’ (ср. комментарий к № 410). Поскольку для имени *Лебекъ* удовлетворительной этимологии не видно, можно думать, что мы имеем дело с эффектом выпадения начальной гласной после гласной предлога, типа у *Вана* (у Ивана) № 495 или *досени* (до осени) № 724 (см. ДНД₂: 71). В таком случае имя могло иметь вид *Улебекъ* или *Алебекъ*, представляя собой результат фонетической адаптации тюркского по происхождению антропонима (*Улубекъ* или *Алибекъ*, см. Расоньи, Баски 2007: 48, 817). Ср. о других вероятных антропонимических тюркизмах в берестяных грамотах комментарий к № 71, 729.

№ 137 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 39) [Г]. Реконструируемое в начале 3-й строки (*п*)оло дъжи (ДНД) содержало бы единственный в грамоте случай замены *ъ* на *о*; с другой стороны, по смыслу и синтаксически это сочетание трудно согласовать с последующим *пожнею*. Выход из положения заключается в иной идентификации буквы, прочитанной в издании как *ж*. От нее уверенно читается только вертикальный штрих. Переданный в прориси и хорошо различимый на снимке длинный косой штрих слева имеет значительно меньший нажим и может быть трактован как след небрежного перенесения пишущего инструмента от предыдущей буквы к последующей (такого рода штрихи в берестяных грамотах — не редкость). При такой его трактовке последовательность знаков в начале строки допускает реконструкцию (*в*)олод[ѣт]и, подсказывающую и вероятную конъектуру для конца грамоты: *по (половинамъ)*. Фраза (*в*)олод[ѣт]и имъ пожнею по половинамъ идеально подходит в качестве формулировки судебного постановления, записанного в бессудной грамоте. Ср. в жалованной грамоте великого Новгорода Соловецкому монастырю 1459–1469 гг.: *Тыми острова, землею и водою, ловищами, и тонями, и пожнями володѣти игумену и всимъ старцемъ обители святого Спаса и святого Николы по сеи по жаловалнои Великого Новагорода грамотѣ и в вѣкы* (ГВНП: 153).

№ 146 (10-е – 30-е гг. XIV в.; Г 10) [Г]. Предложенная в ДНД конъектура *измот(чавъ)* подтверждается изучением нового снимка, на котором верхние части букв *ча* отчетливо различимы.

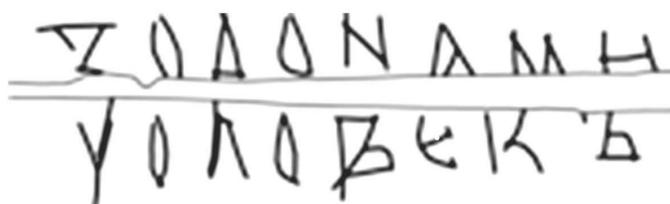
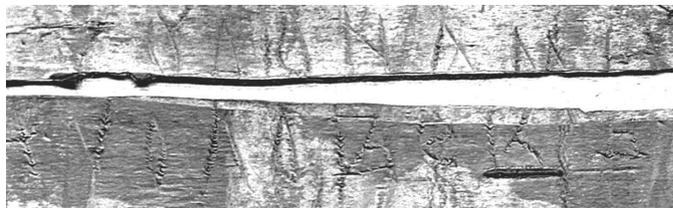
№ 147 (20-е – 30-е гг. XIII в.; В 5) [З]. Следует заметить, что представленное в грамоте написание *ѣще* встречается в памятниках чаще, чем простое смешение *е/ѣ*. Например, в Киевской летописи по Ипат. 21 раз представлено *еще* и 14 раз *ѣще*, притом что в Ипат. *е* и *ѣ* смешиваются очень редко (и почти исключительно в окончаниях).

№ 149 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. Вместо *домажи[р]ова ·г· оже ...* следует читать *домажи[р]ова ·г· [ъ] же[р]*..., где *ъ* соответствует окончанию числительного *десять*. Для следующего слова наиболее вероятно конъектура *жер(ебьевъ)*. Ср. перечисление жребиев как земельных долей в относящейся к той же эпохе грамоте № 390 (где, кстати, названы также в общей сложности десять жребиев).

№ 152 (посл. четв. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. В конце 2-й строки читается *при[и]ѣ[л]-* или *при[и]ѣ[о]-*.

№ 167 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 53) [Г]. Во 2-й строке следует, по-видимому, читать: *и[з] Лоствици*, а не *из Лоствиць*, что, впрочем, не проясняет происхождения и географической привязки этого топонима. С полной

уверенностью, между тем, прочитывается спорная словоформа в четвертой строке, читавшаяся до сих пор и как *горюнами*, и как *хоронами*, и как *чоронами*; при этом ни одно из чтений не давало смысла, который бы хорошо подходил к контексту грамоты. На новом снимке (см. ниже его фрагмент с прорисью) видно, что первая буква загадочного слова в действительности — З: *зоронами*. Она имеет ту же конфигурацию, что буква З во второй строке грамоты (см. фото). Обманчивость З в *зоронами* определяется тем, что его хвост слился с правой частью нижестоящего Ч — совершенно так же, как хвост Р слился с левой частью нижестоящего Л.

За написанием *зоронами*, вне всякого сомнения, скрывается стандартное *жоронами* (с заменой *ж* на *з* в силу неразличения свистящих и шипящих «псковского» типа, которое, как показывают находки последних лет, было свойственно древненовгородскому диалекту в большей степени, чем это казалось ранее; ср. *тако зе* в № 949). Эта форма принадлежит засвидетельствованному в диалектах (в частности, псковском) слову *а*-склонения *жърна* ‘жернов’ (см. Фасмер, II: 49; Пск. обл. слов., 10: 213); таким образом, флексия *-ами* не является здесь морфологической инновацией, как это казалось ранее. Проясняется и бытовая ситуация грамоты: мельник заботится о том, о чем ему и пристало заботиться, — о мельничных жерновах.

№ 168 (сер. 30-х – 50-е гг. XII в.; Б 37) [Г]. Вторая строка дочитывается: ...ька [ГРВ]Н[Δ] а по нъгат[Є] (Н)[Δ] | ...

№ 170 (60-е – 70-е гг. XII в.; Б 132) [Г]. Для фрагмента ...*имаю въ дрѣ[з]ѣю треть* более вероятной, чем предложенная в ДНД конъектура (*за*)*имаю*, представляется (*по*)*имаю*. См. ниже комментарий к № 332, где сочетание *в другую треть* выступает в угрозе взять с должника двойной процент в случае, если он не вернет денег, занятых *в треть*. «В треть», то есть из расчета выплаты третьей части занятой суммы в качестве процентов, деньги брали в долг лишь при крайней необходимости, о чем свидетельствует грамота Смол. 12: *ал[и] ти не въдасть, а възми (въ) треть*. Пятидесятипроцентная ставка («в полы») упоминается в грамотах только как угроза изменения условий займа в случае невозвращения долга (№ 915: *Оже ли не присълеши, то ти въ полы*). Судя по концовке ... *на та*, подобную угрозу содержал и рассматриваемый документ (ср. № 862: *Не въдаси ли, а пошлю на та...*). Общая структура грамоты была, по-видимому, следующей: ‘Я дал тебе деньги в треть, а возьму (с процентом) в две трети, когда/если пошлю ... за тобой’. Слово перед *на та* оканчивалось на *-[к]ѣи* или на *-[ж]ѣи*, причем второе более вероятно, учитывая, что *к* в грамоте имеет верхние засечки. Это могло быть, например, имя хозяйки усадьбы, на территории которой проживал должник и куда за ним можно было послать: (*къ Полюж*)[ѣ]и или (*къ Давы*)[ж]ѣи. Исходя из такого допущения, можно приблизительно реконструировать текст грамоты: (*От X-а к Y-иру. Кънѣ ксем(ь даль тобѣ въ треть, а нынѣ поимаю въ дрѣ[з]ѣю треть, (оли пошлю къ Давы)жѣи на та.*

№ 176 (сер. 30-х – 50-е гг. XII в.; Б 37) [Г]. Остатки букв в середине первой строки допускают единственно возможную реконструкцию: по *полоу ц[ѣтѣ] рѣзн[ѣ]*, где *цетѣ* — это записанное с ошибкой *цетвьртѣ* (запись [рѣзн](ѣ), с пропуском гласного, укладывается в рамки обычных для этого слова сокращенных написаний). Далее уверенно опознается низ от *д*, что, с учетом места для двух-трех букв в конце строки, позволяет столь же уверенно реконструировать [Д](а *поу*)*стиса в бъръзѣ домови* ‘отправляйся скорее домой’.

№ 179 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. По новому снимку грамота прочитывается полнее, чем прежде. В первой строке читается: [р](ж)[и у] [гр]а[ц]а *кор(о)[ѣ](иа) р[ж]и . у лу|...* Во второй строке вместо *у Коуратъва* следует, скорее, читать *у ко[рѣ]атъва* или *у ко[рѣ]атъва*. Буквенная последовательность ...а-б-рѣ в начале третьей строки прочитывается как а[м]ѣ[а]рѣ (буквы *м* и *ѣ* идентифицируются с полной надежностью), причем на снимке хорошо видно, что этим словом строка и начиналась (со сдвигом вправо написана и следующая строка). По-видимому, начав слово *анбаръ* в конце второй строки, писавший, перейдя на следующую строку, решил написать его заново, на этот раз через *м*. Варьирование носового согласного в этом тюркском заимствовании характерно для памятников XVI–XVII в. Комментируемый документ содержит, по-видимому, самую раннюю фиксацию слова. В целом текст грамоты приобретает следующий вид:

... (коробиа) [р](ж)[и у] гр[а]ц[а] *кор(о)[ѣ](иа) р[ж]и . у лу*
и г. бѣлѣ на замкѣ
 ...р[ѣ]ѣкина *коробиа ржи у ко[рѣ]атъва в[ѣ] аѣ*
 а[м]ѣ[а]рѣ .и. (ѣ)ѣл[ѣ] у *бобацк[ѣ] полъ*
 .г. бѣл . у *скудлѣ .г. куньни*’

№ 181 (3 четв. XI в.; А 25) [Г]. В начале второй строки читается конечная часть словоформы ...|здо. В грамоте без смешения *ъ* с *о* наиболее вероятной конъектурой для данного слова представляется наречие (*гора*)здо, вполне уместное в начальной фразе письма: ... (*гора*)здо, *възьми*... Ср. № 685, где это наречие выступает в причастном обороте, относящемся к императиву: [мъ]--[и]та : за *Вьлькъ* : *ръспытав[ѣ]ша [ѣ]раз(ѣ)*.

№ 188 (рубеж XIII–XIV вв.) [ГЗ]. В этом чрезвычайно неряшливо написанном обрывке удастся разобрать следующее:

...-ѣ *коробыи* - - - -
 ...[ндр]а же *василь ж[ѣ]гине а*] *тара*...

Буквы в начале второй строки читаются ненадежно; в частности, буква, прочитанная как *р*, более похожа на *о*. Но если читать ее таким образом, то далее необходимо выделять союз *аже*; между тем для последовательности *аже василь ж[ѣ]гине а] тара*... не видно никакого синтаксического решения (если только не допустить, что *а* употреблено здесь в значении ‘и’, как в польском, что маловероятно). Если же на *-ндра* заканчивалось имя, то текст мог иметь примерно следующую структуру: «(От [или: у] X-а взял верешь Y, от Ко/Олекса)ндра же Василь Жъгине, а Тара(съя взял от Z-а)».

№ 190 (2 пол. XIII в.) [Г]. Фрагмент допускает следующее прочтение:

... а [тог]о сѧ к[л]ир[о]с...

В грамоте мог упоминаться как *клирос* в значении ‘клир’, так и *клиросники*. Сказуемым фразы был возвратный глагол, управлявший формой родительного падежа *того*. Фраза в целом могла иметь примерно следующий вид: *А того сѧ клирос(ники запирають)*.

№ 194 (вероятно, посл. четв. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. Изучение новых снимков позволяет внести в прочтение грамоты ряд уточнений. В ДНД₂ текст документа передан следующим образом:

-- [N]ОНЬЧО -- [Ж]...

-(-)и ородошо Ж домаслава Ч[оти]ри кон[и] Ж м-(-)-[он]а ---а
(...)

Выделение в первой строке слова [N]ОНЬЧО встречает два препятствия. С одной стороны, первое *н* в этом слове совсем не похоже на второе и вообще имеет очень странное начертание — с левой вертикалью, уходящей далеко вверх и влево. С другой стороны, буквы, следующие за данным словом, могут быть только *ли* или *ло* (причем более вероятно второе, учитывая, что *о* в грамоте шире, чем *и*); однако, перед надежно читаемым далее Ж буквосочетание *ло* не дает никакого смысла, а частица *ли* плохо сочетается с *ноньче*.

Приводим фотографию и прорись данного фрагмента:

Как можно заметить, штрих, трактованный как верх левой вертикали первого *н* в *ноньчо*, в действительности принадлежит второй букве несохранившейся первой строки. Остальные же элементы этой буквы, вместе с хорошо видимой на снимке треугольной нижней петлей, образуют начертание *б* с большой засечкой. Начало второй строки приобретает, таким образом, следующий вид: ...|БО НЬ ЧО[ЛО] Ж ... Вычленяется сочетание *нь чоло* <не чоль> ('не считал?'), с глагольной формой, дважды маркированной как наддиалектная (ср. диалектное *uczkle* у

Т. Фенне). На ...*бо* могла оканчиваться, например, словоформа (*хлѣ*)*бо*, что дает (*хлѣ*)*бо не чоло*. В таком случае фраза могла иметь вид: 'У такого-то хлебов не считал'.

Опознание *б* во второй строке дает решение и для странного сочетания *и ородошо* в начале третьей. Буква, принятая за *и*, — это *г* с такой же огромной засечкой, как у *б*. Последовательность *городошо* может, строго говоря, принадлежать лишь словоформе (*сѣ*)*Городѣ*шю(ю). Однако предлога *сѣ* перед ней явно не было: с небольшим отступом влево (вызванным тем, что здесь в строку спускалась слишком глубоко просеченная вертикаль от *б* в предыдущей строке) уверенно опознается верх от *ж*. Остается предположить ошибку в записи формы родительного падежа [*ж Г*]ородоше, впрочем, вполне объяснимую инерцией целых трех *о* в предыдущих слогах. Удвоение «у Городши у Домаслава» не составляет препятствия к принятию такой трактовки: это могли быть, например, братья; или долг Городши был записан с обратным порядком слов; ср. ниже комментарий к № 649, где восстанавливается: *оу Озькъ оу Объкъшь сьмга 2 сьроцька*.

Из возможных реконструкций для окончания третьей строки наиболее вероятной представляется: Ж М[о]л[д]и[на] [жит]а | (...). *Жита* здесь следует понимать как И. мн.: 'У Молдина — посевы ячменя'; ср. № 196: *реклѣ кси былѣ во своємь селѣ верши всѣ добры и драж жита*. *Молдинь* — очевидно, обозначение лица, производное от имени *Молда*, отразившегося в названии села Молдино на одноименном озере в Удомельском районе Тверской области. Это село было центром новгородского Молдинского погоста, неоднократно упоминаемого в писцовых книгах Бежецкой пятины (НПК, VI: 276 и др.).

Текст грамоты в целом приобретает, таким образом, следующий вид:

БО НЬ ЧОЛ[О Ж] ...
[Ж Г]ородошо Ж домаслава Ч[оти]ри кон[и] Ж м[о]л[д]и[на] [жит]а
(...)

№ 195 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 2) [3]. В *реклъ ꙗси* прорись буквы *к* неверна: буква получила странный вид из-за того, что в качестве спинки для *с* по ошибке отражена морщина. В действительности буква *к* имеет здесь вполне обычный вид, но часть *с* сильно изгладилась и с трудом прослеживается. Пробел между *к* и *си* определяется тем, что между ними на бересте сучок.

В слове *добры* буква *ы* имеет ерь в левой части, тогда как в *бъль* буква *ъ* обычная (с ером).

№ 196 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 1) [Г]. Во второй строке вместо **то же полти ·Ѣ·** следует читать **·поже полти ·Ѣ·**. Буква *п* совершенно отчетливо читается на фотографии, а также, что характерно, на оригинале прориси (см. gramoty.ru; по-видимому, в издании прорись была опубликована в отретушированном виде). Перед нами еще один пример союза *поже* ‘и, а также’, идентифицированного В. Б. Крысько [2001: 103–105] в записях псковского писца XIV в. Козьмы поповича и позже прочитанного также в грамоте № 103 [НГБ-ХI: 214].

№ 197 (посл. треть XIII в.; В 41) [Г]. Последняя буква 2-й строки — не *т*, а *и*.

№ 206 (2 треть XIII в.; В 9) [3]. Эта грамота мальчика Онфима, найденная в 1956 г., состоит из отрезка **иже во ѿѿса насо**, за которым следуют склады (ба ва и т. д.). Грамота стала предметом большой дискуссии с участием многих исследователей (о которой см. НГБ-Х: 91–92), длившейся с 1959 по 2000 г. Все исследователи (включая и автора настоящего комментария) сходились в том, что грамота содержит в себе указание некоторой даты; но они расходились в ее истолковании, поскольку в ее написании неизбежно приходилось признать те или иные буквенные ошибки, и предлагавшиеся способы ее исправления были разными.

И вот ныне найдено решение, которое отменяет всю эту дискуссию. Отец Александр (Троицкий) сообщил (устно) о своем заключении — с нашей точки зрения, полностью убедительном — относительно смысла начального отрезка этой грамоты: это начало тропаря шестого часа, в современном богослужении имеющее следующий вид: *«Иже в шестый день же и час, на кресте пригвождей в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас»*.

Онфим записал в качестве упражнения в письме обрывки известного ему текста в той же манере (выявленной в свое время Н. А. Мещерским), которая проявилась в его грамотах № 207 и 331. Она состоит в том, что записываются лишь обрывки фраз (например, от *аще въстанеть на ма брань, на нь азъ оуповаю* в № 331 остается только *аще на не азо*), любое слово может быть урезано до маленького начального отрезка, части соседних слов могут гаплогически «склеиваться» (например, в № 207 из *Ѹслышите до послѣднихъ земли и послѣшаите* получается *Ѹслышите до послѣ*, из *моли* и *лице* — *моличе*, в № 331 из *слово воплощено* — *словоплот*).

Пропуск слов *день же и* в отрезке **иже во ѿѿса** вполне соответствует онфимовской манере. А незаконный родительный падеж **ѿса** скорее всего возник в результате «склеивания» отрезка **иже во ѿ (ДНЬ же и) ѿсѧ** и названия тропарь **ѿ ѿса**.

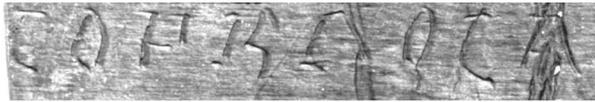
Совпадение отрезка **иже во ѿ ѿс** с началом тропаря не подлежит сомнению. Заметим еще, что начальное *иже* уже говорит о том, что это церковный текст, поскольку древнерусский бытовой текст со слова *иже* начинаться не может. Последующее **насо** интерпретируется не столь определенно (одна из возможностей состоит, например, в том, что *на* возникло из *на крестѣ*, а *со* — из *согрѣшении*), но указанное совпадение настолько исключает случайность, что эта деталь уже ничего существенного не меняет.

№ 209 (рубеж XIV–XV вв. – 10-е – 20-е гг. XV в.) [Г]. Читаемая в грамоте последовательность **пгрд** соответствует набору согласных в слове *п(о)г(о)п(о)д(ь)е*, известному по Смоленской уставной грамоте и представленному также в берестяной грамоте № 718 (XIII в.) (НГБ-Х: 14). Хотя смысл отдельного написания этого слова неясен, вероятность случайного совпадения крайне невелика. Параллель к записи слова одними согласными дает граффито **мстславл крчг** на амфоре XII–XIII в. с киевского Подола (Медынцева 2000: 47, № 11), а также надпись **тврта** (*Творята*), недавно обнаруженная в северной паперти новгородского Софийского собора.

№ 211 (сер. – 3 четв. XIII в.; В 17) [3]. Основную трудность для интерпретации этой грамоты составляло начало второй строки, которое было в первоначальном издании прочтено как **соцкосоа**, а в ДНД как **со [и]косоа**. Дополнительное изучение этого отрезка по более совершенным фотографиям позволило установить, что в действительности в грамоте стоит не **соцкосоа** и не **со [и]косоа**, а **соцклосоа**. Буква *ц* идеально четкая. Буква *л* — вполне надежная; особенность здесь в том, что автор сперва написал по ошибке *с* (предвосхищая *с* в *са*), сразу это заметил и переделал эту букву в *л*, используя *с* в качестве левой части для *л* (при изготовлении первоначальной прориси правая часть *л* осталась незамеченной из-за морщины). Буква *а* — чистая, четко отличающаяся от *а* (на первоначальной прориси не отражена перемычка).

Таким образом, интерпретация с участием понятия искоса отменяется.

Приводим фотографию отрезка **соцклосоа**:

Словоформа **соцклосоа** (от *съчистиса* ‘счестья’, ‘быть насчитанным’) — чрезвычайно ценный пример диалектного рефлекса *кл* из **tl* (см. ДНД, § 2.11). См. выше о форме *оучькли* в грамоте № 88.

История изучения рассматриваемого отрезка может служить хорошей иллюстрацией к тому общему положению, что если в одном и том же слове предлагается поправить писца сразу в двух местах (как в случае с **со [и]косоа**, где было предложено поправить *ц* на *и* и *кс* на *ск*), то скорее всего предлагаемая интерпретация неверна.

Верх грамоты явно оторван, от предыдущей строки есть кое-какие следы; так что это не начало грамоты. Оторван и низ.

Исправленное чтение:

... | на село во югиєхѡ вдало косома :є: гривено вхого
соцклосоа и ѿ меже дахѡ сарати погоѡ
стѡ :в: гривни возати было ... | ...

В конце последней строки после *было* читалось, по-видимому, [*наго*], [*напо*] или [*набо*].

Перевод: ‘... [такие-то суммы] я дал на село (именуемое) в Ёгях — в общей сложности насчиталось пять гривен, и дал запахать [участок] от межи. Погосту надлежало взять две гривны ...’ (или: ‘и дал погосту запахать [участок] от межи. Две гривны надлежало взять ...’).

№ 212 (сер. – 3 четв. XIII в.; В 17) [3]. Первоначальный документ был разграфлен на секции, соответствующие отдельным должникам. Грамота № 212 менее фрагментарна, чем казалось: верх и правый край исконны; на левом краю проходит вертикальная черта, образующая границу секции; после видимого текста начиналась новая секция. Тем самым перед нами практически полное содержание одной из секций — запись, касающаяся жены попа Павла:

ѡ попадеє ѡ павловеє ѿ грив[єно и] (ѿ) (ѿ)є
рковєска

№ 214 и 216 (сер. – 3 четв. XIII в.; В 17) [3]. Эти две грамоты соединяются следующим образом (за образец длины строки принят № 212):

...се	
...[є ѡ] д...	... (д)[ѿ]є гри
вне дало матє(и) (ѿ)єркѡѡ
вєск[ѡ] а со...	... (ѡ) попа ѿ
(гривєно) (гривє)но и ѿ дѡ бѡ
(єрковєска) ...	
...	

А обе они вместе, возможно, стояли левее фрагмента № 212 (и чуть ниже его): правый срез у № 216 довольно похож на левый срез у № 212.

В 3-й строке вместо *векк[δ]* явно следует читать *векк[о]* — это конечная часть формы Р. мн.

№ 218 (сер. – 3 четв. XIII в.; В 17) [3]. В 4-й строке перед *Жюпанка* достаточно надежно читается *ѡ*.

№ 219 (кон. XII – 1 четв. XIII в.; Б 117) [3]. Вертикальная черта перед *з* в слове *възми* — по-видимому, брошенное начало какой-то ошибочной буквы (скорее всего *р*).

Перед *оу данешиници* стоит разделительная черта.

№ 220 (сер. – 3 четв. XIII в.; В 17) [3]. После *ма|сла* не точка, а четверточие (ромбиком).

Перед *приказахо* стоит *то*, переправленное в *тδ* (а не наоборот, вопреки предпочтению, выраженному в ДНД). Видно, что линии буквы *δ* лежат поверх линий буквы *о*.

№ 222 (1 четв. XIII в.; Б 118) [3]. В большой лакуне во второй строке часть букв можно восстановить:

оусрацю та н[ь -----(-)сь(-)-----ко] пьси

Пьси (= *Песи*) — очевидно, от названия реки Песь. Является ли отрезок *[ко]* предлогом при словоформе *Пьси*, неизвестно.

В четвертой строке следует читать *поставили*, без скобок при *п*: верх *п* виден над разрывом.

Сложный вопрос о выборе между *тоцины* или *тоцинь* решается в пользу *тоцины* (с *ь* в левой части буквы *ы*).

№ 222 [Г]. Смысловая и синтаксическая структура начала грамоты допускает двоякую интерпретацию. Перевод в ДНД ('Теперь я пришел. Вот из-за чего я не шел: встречу тебя ...') трактует *топърво есмо пришь* как законченную фразу, а *тога дьла нь шль* — как клаузу, вводящую объяснение причины неприхода автора. Однако наречие *топърво* может означать не только 'теперь', но и 'только что' (Срезн., II: 1768). При таком понимании этого слова объяснение перемещается в начало текста: *Топърво есмо пришь* — *тога дьла нь шль* 'Я только что приехал, поэтому не шел [к тебе]'. Обстоятельством, маскирующим такую структуру фразы, является двусмысленность раннедревнерусского (*прити*) (см. комментарий к № 411), обозначающего в первом случае (*пришле*) прибытие (приезд) автора в Новгород, а во втором (*шле*) — его приход к адресату уже в самом Новгороде. С *оусрацю та* при таком членении текста должна начинаться уже новая фраза. В ней могло быть сказано примерно следующее: 'Встречу тебя ... и отправлюсь на Песь' (*[ко] Пьси*). Субъектом глагола *запираться* в следующей фразе следует в таком случае считать жителей области по течению Песи, к которым автор должен отправиться, встретившись с адресатом.

В четвертой строке вместо *ожь ти* следует читать *оужь ти*. Эти слова написаны поверх *остав*, причем *о* было явно написано раньше, а *оу* — позже и принадлежит окончательному тексту. Фразу *Оужь ти нь бьжали колобагь* следует, очевидно, понимать в том смысле, что колбяги, о бегстве которых ходили слухи, на самом деле никуда не бежали, то есть информация об их бегстве *уже* не актуальна. Прочитанная как утверждение, она лучше подходит для начала пассажа, которым автор заверяет адресата в том, что все в порядке и никакого ущерба его финансовым интересам нет.

№ 224 (20-е–30-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. Буква перед словом *Олемова*, прочитанная в издании как *ω*, скорее — *ж*. После этого слова виден низ от *з*, что с высокой вероятностью дает чтение *[з](ати)*; ср. в № 789: *на Рьжьковѣ зати*. Во второй строке прочитывается *[ж Р](а)доми(р)а*.

Исправленное чтение:

... [ж] олемова [э](ати) ...

... [ж р](а)дом[и](р)а дове : ж стан[ате] ...

№ 225 (60-е–90-е гг. XII в.; Б 70) [3]. В *ѿберан*- буква *ѿ* переправлена из *о* (а лишний длинный вертикальный штрих — видимо, царапина, подобные которой есть и в других местах листа).

В *беле* буква *б* переправлена из *п*.

По нижнему краю (справа) идут следы букв — явно другого письма, которое было отрезано от общего листа после.

В разных местах берестяного листа видны слабые следы букв другого текста — очевидно, отпечатки с листа, который лежал, когда на нем писали, поверх данного листа.

№ 226 (60-е – 90-е гг. XII в.; Б 93) [3]. В конце читается ...*a no naxe* (в ДНД нет первого *a*).

№ 227 (60-е – 90-е гг. XII в.; Б 68) [3]. В строке 2 в *себе* первое *e* переправлено из *а*.

В начале строки 4 следует читать (*со давыжею сед[ети]*): от буквы *ы* достаточно много видно; от буквы *и* в *седети* тоже кое-что сохранилось.

В той же строке в *была земля* буква *а* переправлена (сразу же по ходу написания) из *о*.

В конце строки 5 после *доброю женою по* еще были две буквы — видимо, [рo].

В начале строки 6 следует читать (*се[р]аци*): от *д* остался нижний кончик. В *невь тамо* буква *т* написана поверх (взамен) начала от *а* (написанного слишком рано). И тот же эффект в *тиро*: *т* поверх брошенной левой части от *и*.

В конце грамоты следует читать *ес[о]-*.

В трудном пассаже ... *со зем(л)е ти хотаци са не [и]ътиса* в части *хотаци са не [и]ътиса* ‘... хотя бы не считайся’ представлено, вопреки первому впечатлению, не двойное *са* при *цѣти* (которое в XII веке еще практически не встречается), а *хотаци са* ‘хотя’. В самом деле, словоформы *хота*, *хотаци* в значении уступительного ‘хотя’ обычно имеют при себе ту или иную частицу, ср.: *то си хота мльви* 605, *хота си боуди холопъ или роба* (ПР, ст. 17), *нама ти хота ти по 8 куну и по мородоки* 775; по-видимому, наряду с *си* и *ти* в этой роли могло выступать и *са*. Вдобавок, если бы первое *са* относилось к *цѣти*, то перед нами была бы фраза, где цепочка относящихся к сказуемому энклитик (*ти са са*) разделена на три части; а ни одного такого примера во всем корпусе древнерусских текстов нам неизвестно. Похоже, что на выбор частицы в грамотах № 227 (*хотаци са не [и]ътиса*) и № 775 (*нама ти хота ти*) влияла просто соседняя частица.

О значении выражения *честъ емлючи* см. также ниже при № 589.

№ 230 (посл. четв. XII в.; Б 117) [3]. Над *по* мелкими буквами надписано [ло] (реально это [ло] расположено над буквами *от*); сейчас полустерто. Далее можно прочесть *тр[ѣтиа]*, т. е. в тексте стояло *по¹⁰ трѣтиа*.

Скорее всего первая строка не была особенно длинной, то есть утрачены только две буквы: *съ* или *со* (более вероятно первое, поскольку в этом почерке преобладает ъ).

Для *съ|рицека* необходимо признать (как и в ДНД₂) ошибочное *и* вместо ъ.

В результате грамота (с наиболее вероятной конъектурой) читается так: *оу [о]авльзгъ по¹⁰ тр[ѣтиа] (съ)|рицека и билл* ‘у Оявелги два с половиной сорочка и бела’.

№ 231 (60-е – 90-е гг. XII в.; Б 70) [3]. В первой строке после *ѿ* *твьрьдиаъ* прочитывается *къ да[ниа]*...

№ 232 (сер. 30-х – 70-е гг. XII в.; Б 37) [Г]. В первой строке после *а* *азо* прочитывается [срѣб](р)-.

№ 233 (посл. четв. XII в.; Б 67) [З]. Более совершенная фотография грамоты показывает, что, вопреки ДНД, чтение издателей *при ветре* всё же верно: у сомнительной буквы (*m* или *z*) на левом конце верхней горизонтали обнаруживается не замеченная ранее засечка, что возможно только для буквы *m*. Таким образом, вероятная реконструкция здесь такова: *иже то при ветре | (пюиде) възми же ...* ‘кто при ветре пойдет [на Ильмень?], тот пусть возьмет ...’ (по-видимому, следовала какая-то инструкция о том, что нужно взять с собой в этой рискованной ситуации). В этом случае *възми* — это императив 3-го лица.

№ 234 (сер. 30-х – 70-е гг. XII в.; Б 37) [ГЗ]. Текст грамоты, читаемый с чрезвычайным трудом по нижнему слою бересты, по новому снимку прочитывается более полно:

ж люта [·Г·] отъ фолар- [Ѡ] мерьтова ж лютъ
а

Буква после *фолар* восстанавливается ненадежно: это может быть либо *а*, либо *а*.

От предлога *Ѡ* достаточно хорошо видна омега; надстрочное *m* разглядеть невозможно.

Буква *а* в начале второй строки написана частично поверх *m* (вероятно, писец вначале написал букву *m* из слова *люта*, но быстро заметил, что *m* уже выписано в конце первой строки).

Поскольку сочетания согласных в грамоте отсутствуют, запись *мерьтова*, с *о* между *m* и *в*, можно рассматривать как проявление скандирования. Тем же эффектом может объясняться и запись *Фолар-*.

Нужно заметить, что конструкции с предлогом *отъ* чрезвычайно редки в долговых реестрах. Единственную параллель к включению такой конструкции в долговой реестр представляет грамота № 218, в которой теперь читается (см. комментарий выше): *и Ѡ Жюпанка перешло по семнице наме*. Фраза *ж Люта ·Г· отъ Фолар(а) Ѡ мерьтова* в комментируемом документе проливает свет на механизм такого «перехода»: речь, вероятно, идет о наследовании долговых обязательств умершего.

№ 239 (30-е – 70-е гг. XII в.; Б 70) [З]. Хотя сохранившийся текст — это явно начало письма, на верхнем обрезе видны нижние части букв какого-то другого текста. Очевидно, грамота была отрезана от куска бересты, содержавшего два или более текста.

№ 244 (1380-е – 1400-е гг., предпочт. не ранее конца XIV в.; Д 39) [Г]. После слов *а что позовале · юсмь* в конце третьей и начале четвертой строки прочитывается по верхушкам букв: ---[и]ж[ин](а) (с)[Ѡа].

№ 246 (XI в.; А 29) [ГЗ]. Как и № 239, грамота была отрезана от предыдущей: от той наверху остались «ножки» целого ряда букв, например, низ от *p* между *како* и *ты*.

В слове *присълеши* стоит просто *ш*, а не *щ*: средняя мачта заходит ниже платформы не глубже, чем правая, а дальше уже идет не штрих, а извилистая трещинка — такая же, как под многими другими буквами. И далее в *не присълеши* — снова простое *ш*: вопреки прориси в издании, загибающийся вправо «хвост» букве *ш* не принадлежит — это некие лишние штрихи, которых в этой зоне несколько. Тем самым вопрос о написании *щ* вместо *ш* отпадает.

Такое же *ш*, внешне похожее на *щ*, встретилось в слове *верешь* в найденной в 2012 году грамоте № 1020.

В грамоте № 246 писавший обходил чечевички, поэтому строчки в ряде мест искривлены; к сожалению, чечевички на прориси не показаны, поэтому «скачущие» строчки производят странное впечатление.

Береста сильно исчиркана, причем в части случаев неясно, оригиналы ли это чиркающих штрихов или их отпечатки с лежавшего выше листа стопки.

№ 249 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 70) [Г]. В издании текст грамоты заканчивается фразой: *на тыхъ жь · коневыхъ водахъ · оу мундуа · оу вармина · сѠа · взалъ ·Г· лендомъ · рынъ ·* Конец ее совпадает с концом восьмой строки грамоты. В начале девятой строки видно титло, за которым прочитывается последо-

вательность --[роков]---[лѣ], при этом во фрагменте *роков* все буквы определяются с полной уверенностью. Это делает вероятной реконструкцию: (N со)[роков](ѣ вѣа)[лѣ]. Сороками, по-видимому, могла измеряться рыба; об этом косвенно свидетельствует контекст из грамоты 1585 г. Вяжицкого монастыря: *оброчные поледные Ладожскіе рыбы шесть сотъ сорокъ сиговъ, шесть сотъ сорокъ лодогъ, шесть сотъ сорокъ сыртей* (Анкудинов 2013а: 62, № 53) — хотя «сорок» как единица измерения здесь отсутствует, число 640 не только заканчивается на 40, но и кратно сорока. В таком случае указание числа сороков могло служить пояснением к определению количества рыбы, выраженному в местных единицах — лендомах (см. о них: Хелимский 1986: 252–253).

№ 251 (70-е–90-е гг. XIV в.; Г 87) [ГЗ]. В приписанной строчке читается: *по среци на тре[тии] днь*.

После *грамоту бесудную Оедорцю* читается не *ла* |..., а *на* | н... (очевидно, *на него*).

Между второй и третьей строкой над буквой *м* в *моту* надписано *т*. Возможно, писавший сперва хотел написать *грамоту* сокращенно.

№ 252 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 87) [Г]. После *поѣдѣмъ в городъ* в последней строке оборота грамоты по новому снимку читается *к[у]н[у]-ок---ъ*, что, с учетом сохранившихся частей букв, допускает, как кажется, единственную реконструкцию: *к[у]н[у]п[ок]ладъ(ше)*. Соответствие данному сочетанию в страдательном залоге представлено в грамоте № 799: *на смолѣ 12 оушькѣ положена коуна*. Возможно, как и в этом документе (см. комментарий к нему), в грамоте № 252 под «положением куны» подразумевается оплата пошлины при подаче иска.

№ 252 [З]. Уместно рассмотреть эту грамоту более полно, чем в ДНД₂, где она приведена без индивидуального разбора. Приводим ее с учетом предложенной выше реконструкции конечной части.

...|---- [снох]у есть у мьнѣ
 ѣ убилѣ а живото есть
 у мьнѣ розграбилѣ лѣзни
 ма въ плицѣ

Оборот:

і снохою і своімъ грабѣ
 жѣмъ поѣдѣмъ в го
 родъ к[у]н[у]п[ок]ладъ
 (ше) (...)

Оборван верх лицевой стороны и низ оборота. Таким образом, текст переходит с лицевой стороны на оборот без разрыва.

Как уже было указано в Попр.-VIII, *убилѣ* здесь явно означает не ‘убили’ (как это было переведено в издании), а ‘сильно избивли’.

Слово *плищѣ* следует понимать не как топоним (как это было предложено в издании), а как имя нарицательное: ‘крики, гвалт’, ‘смятение’, ‘суматоха’, ‘смута, беспорядки’. В данном случае так, по-видимому, названа суматоха и драка при нападении бродяг на двор автора; т. е. *убилѣ въ плицѣ(ѣ)* значит ‘избили в суматохе (в драке, в побоище)’.

В есть убилѣ и есть розграбилѣ представлено так наз. избыточное *есть* (см. ДНД₂, § 4.21).

Для трудного слова *лѣзни* наиболее вероятной остается интерпретация, предложенная в издании, состоящая в том, что это синоним старобелорусского *лезные люди* ‘праздношатающиеся, не имеющие ни оседлости, ни занятий’.

Но приходится признать, что во фразе *а живото есть у мьнѣ розграбилѣ лѣзни ма въ плицѣ(ѣ)* представлен особый случай «склеивания» разных синтагм: 1) *а живото есть у мьнѣ розграбилѣ*; 2) *розграбилѣ лѣзни ма*

въ *плищѣ*). Можно представить себе дело так, что автор вначале написал *а живото есть у мнь розграбилѣ* — фразу столь же законченную по смыслу, как и *сноху есть у мнь убилѣ*; но потом он решил уточнить, кто и как. Полным выражением для этого было бы: *лѣзни розграбилѣ ма въ плищѣ* (с интонационным выделением слова *лѣзни* и тем самым с ритмико-интонационным барьером после него, в результате чего энклитика *ма* оказалась после глагола). Но в этой фразе слово *розграбилѣ* было простым повторением уже написанного слова, и подразумевалось бы, даже если бы его не было; и автор его опустил, не меняя ничего остального.

Для формы *поедѣмъ* ср.: *атъ поѣдомъ возьмемъ княза* (Ипат. [1175], л. 209).

Перевод: ‘... сноху мою избили и добро мое разграбили — (разграбили) меня бродяги в суматохе (в драке, в побоище). И с делом о снохе и о грабеже поедем в город, положивши куну...’.

№ 270 (80-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [3]. В 1-й строке в *о*кру... начальная буква — широкое очное *о* (а не просто широкое). В конце 2-й строки после *а что земля* имеется еще точка и буква *п*.

№ 274 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 57) [Г]. В первой строке вместо *пошлѣ* следует читать *пошло*. Это уточнение делает наиболее вероятной следующую реконструкцию фразы: *(За Дмитромъ пошло 10 рубльвъ, а браѣ не надоби* (выбор варианта *Дмитромъ*, а не *Петромъ*, обусловлен принадлежностью грамоты к одному блоку с № 275/266, где упоминается *Дмитр*, см. ДНД₂: 604). Следует думать, что перед нами расписка, фиксирующая раздел наследства. Ближайшую аналогию составляет грамота № 198 (посл. треть XIII в.): *Ѡ Сьмьюна. Сь возало есмь у Храра задницю Шибьньцьву, а боль нь надобѣ никому*. Уместность употребления в данном контексте глагола *поити* может быть продемонстрирована приведенным в ДНД (с. 163) примером из Русской Правды: *аже въ боярѣхъ или въ дружинѣ, то за княза задница не идетъ*. Ср. там же пословицу: *Слава те Господи, день прошол, да за хозяина руб зашол* (Арханг. слов., 11: 27). Использование в нашем тексте конструкции с творительным, а не с винительным падежом объяснимо тем, что ситуация трактуется здесь не как акт передачи денег в собственность, но как констатация уже существующего положения дел. Аналогичным образом в конструкциях с *пошло*, широко представленных в докончаниях Новгорода с князьями, варьируются формы дательного падежа и притяжательных местоимений. Ср.: *А что пошло князю, а то княже; А позже, княже, что твое и твоихъ мужь пошло, то твое и твоихъ мужь* (ГВНП, № 1, с. 10; № 3, с. 12).

№ 276 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 57) [3]. Грамота (от которой сохранились только первые две строки) была в издании прочитана так:

поклоно Ѡ ѡдрѣа со братию ко василию і ко сидру
была жалоба передо вами і попьѣми | ...

Слова *со братию* вынесены над строкой, причем над ними имеется еще дуга (над частью *бра*) — очевидно, знак выноса.

В отрезке *попьѣми* буква *е* — стопроцентно надежная. Никаких шансов на чтение *ы* вместо *ѣе* (которое было предложено в работе Крысько 2000 и от которого сам автор позднее отказался [Крысько 2007: 140]) нет.

Напомним, что предложенное издателями прочтение *попьѣми* как Т. мн. со значением ‘попами’ явно неудовлетворительно (см. об этом Крысько 2000 и 2007). Предположительное чтение ДНД₂ (*попѣ еми...*) наталкивается на отсутствие удовлетворительной конъектуры для *еми...* Все это показывает, что держаться за прочтение *попьѣми* как за единственно возможное, несмотря на его кажущееся правдоподобие, не следует.

Рассмотрим более внимательно интересующий нас отрезок на опубликованной в издании прориси грамоты. Конец второй строки выглядит на этой прориси так:

П Е Р Е Д О В А М Н И П О Г Д Е М Н

Сразу видно, что буква после *по* резко отличается по своему виду от П в слоге *пе* и в слоге *по* (равно как в слове *поклоно* в начале грамоты). Если это всё-таки П, то совершенно уродливое или просто недописанное.

Между тем буква Г довольно часто пишется в грамотах именно так (в самой грамоте № 276 этой буквы в других словах нет). Вот, например, как выглядят некоторые экземпляры букв П и Г в грамоте № 243 (того же времени, что № 276):

П П

Таким образом, неудовлетворительная форма *попъеми* в действительности в тексте отсутствует. Чтение *попъеми* несомненно возникло у первых интерпретаторов ровно в силу того, что слово *попъеми* казалось понятным, тогда как чтение с буквой *г* не давало никакого смысла и к тому же выглядело как нечто фонетически неправдоподобное. А в дальнейшем гипноз первого прочтения прочно владел всеми последующими толкователями.

№ 276 [Г]. На этом корректировка данного пассажа не остановилась. Детальное изучение новой фотографии грамоты показало, что следующая за Г буква до сих пор тоже интерпретировалась неверно. Горизонтальный штрих, представленный на опубликованной в издании прориси и трактованный как основание буквы Ъ, в действительности отсутствует.

Можно было бы, конечно, предположить, что низ от ъ остался на утраченной части листа. Но в таком предположении нет необходимости. Видимая фигура без каких бы то ни было натяжек трактуется как другая буква — З, той модели, которая в Палеогр. была неслучайно определена как «Ъ-образная» и которая хорошо представлена в грамотах XIV в. (см., например, № 457, 252). Последовательность *погземи* допускает, по-видимому, единственную интерпретацию: перед нами сочетание *по Гземи*, в котором представлена форма М. ед. гидронима *Гземь*, соотносимого с названием ручья *Гзень*, протекавшего в окрестностях Неревского конца. Первоначальный вид этого гидронима — *Къземль* — отражен Синодальным списком Новгородской 1-й летописи. Вариант **Къземль* (> *Гземль*) отличается от него морфологически, будучи оформлен как *i*-основа.

Очевидно, словами *и по Гземи* начиналась новая фраза: ‘была жалоба перед вами, и по Гземи...’ (далее могли упоминаться, например, какие-то угоды, располагавшиеся на Гзене/Гземи).

№ 277 (40-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 52) [З]. Написание *буше* ‘будешь’, по-видимому, следует расценивать не как описку писца, а как раннее проявление тенденции к стяжению этой высокочастотной словоформы (вероятно, отчасти под влиянием синонимии форм *хочешь* и *хошь*). Ср.: *иже бо юму ксть рекль се, яко «да буши похабъ мене дѣла ...»* (Житие Андрея Юродивого, л. 4 об.).

№ 279 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 53) [З]. Судя по новой фотографии, перед обрывом вместо *и ккъ* ст... следует читать *и к кост[ъ]*... (т. е., возможно, ‘и к Костке’). Буква после *кк* — это *о*, переправленная из *ъ* (судя по конфигурации штрихов, обратное маловероятно). В левой части той же строки вместо *к[ъ] (ма)[ѣ]иму* следует читать *к [м](а)[ѣ]иму* (причем *м*, по-видимому, наложено на *о*).

№ 280 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 52) [Г]. Вместо *ѣ таймени ако[л]и н[о](...)* следует читать *ѣ таймени ако[л]и[хо]* ‘5 тайменей Яковлевых’. На этом текст грамоты, по-видимому, заканчивался.

№ 280 [З]. В левом верхнем углу соскобленные буквы [дѣпр] (или [дѣпр]).

№ 283 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 64) [3]. В последней строке на пятом месте вовсе не гарантирована буква *в* — это может быть и *п*: в этой грамоте буквы довольно узкие, а вертикальные штрихи иногда имеют в верхней части легкий наклон вправо (ср., например, ствол буквы *ц* в *уцини* или левую мачту буквы *п* в *купи*). Это дает чтение *[ic]me[n]ku* ‘изобку, пристройку’, которое правдоподобнее, чем предложенные ранее *[ic]tevku* (с буквой *в* по ошибке вместо *б*) и *[ʃc]tevku* (со странным смыслом).

№ 285 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.) [Г]. Фрагмент ...*витеисте*... в четвертой строке трактован в указателе ДНД как содержащий форму В. ед. *исте[p](ю)*. Можно добавить, что глагольная словоформа, заканчивавшаяся на ...*вите*, практически наверняка была *исправите* или *выправите*. Тот же глагол заполняет собой и лакуну в грамоте № 510: *Како жь еста торговала, тако жь (исправите) [ис]тьрю мою : з : соть*. Очевидно, что и в грамоте № 285 фраза имела ту же структуру: *(испра)вите исте(рю мою)* (столько-то гривен) *(се)ребра*).

№ 286 (10-е – 60-е гг. XIV в.; Г 56) [Г]. Частичный пересмотр ситуативного контекста грамоты и ее коммуникативной организации предложен в статье (Гиппиус, Схакен 2011). Как показано в этой работе, традиционное понимание письма Григория включает в себе содержательный парадокс. В тексте письма можно условно выделить два компонента, заключающих в себе информацию (1) о Григории и (2) о Дмитре.

О себе Григорий сообщает, что:

- (1а) с ним и его окружением все в порядке;
- (1б) его послали «на Каяно море», то есть на север Карелии, к Ботническому заливу;
- (1в) что он может не пойти «к Ное» или «к Носу» (в зависимости от выбора конъектуры);
- (1г) «дома» все хорошо.

О Дмитре мы узнаем, что:

- (2а) он собирает дань где-то на «старой меже князя Юрия»;
- (2б) он должен подобающим образом действовать на севере Карелии, чтобы не навредить «каянцам» и не снискать себе дурной славы;
- (2в) если Дмитр уже собрал порученную ему дань, то мог бы собрать и за Григория;
- (2г) если Григорий не пойдет «к Ное», туда должен отправиться Дмитр;
- (2д) Дмитр должен, чем сможет, помогать Григорию и пересылать ему вести.

Как явствует из всего контекста письма, Григорий и Дмитр в обозримом будущем будут действовать на разных территориях: просьбы автора письма к адресату связаны именно с этим. При этом из (1б) мы знаем, что Григорий будет находиться на «Каяне море». Что же касается Дмитра, то о его местопребывании грамота сообщает нам противоречивые сведения. С одной стороны, как следует из (2в), Дмитр должен находиться там, где до этого собирал дань сам Григорий, чтобы собрать дань за него. В то же время из (2б) следует, что Дмитр и сам будет собирать дань на Каяне море и, следовательно, находиться там же, куда направляется Григорий. В этом и заключается упомянутый выше коммуникативный парадокс: по всему выходит, что Григорий и Дмитр в ближайшее время не должны встретиться; между тем они не могут не встретиться там, где будут оба собирать дань, — на «Каяне море».

Не погружаясь в детали этой парадоксальной ситуации, скажем сразу, в чем, на наш взгляд, заключается выход из положения. Все становится на свои места, как только мы допустим, что слова *А (не) помѣшаі, не испакости калянецамо, ни соби присловиа возми* адресованы не Дмитру, но имеют в виду самого Григория и его предстоящую деятельность на севере Карелии. Разгадка заключается в том, что формы повелительного наклонения употреблены в этой фразе не в прямом значении — как инструкция, обращенная к адресату речи, — но транспозитивно, как формы так называемого «долженствовательного наклонения» — экспрессивного средства привлечь внимание к несправедливой ситуации, в которую поставлен сам автор (см. Шведова 1974: 107; Фортейн 2008: 121). Такое экспрессивное употребление императива широко распространено в современном русском языке (*Все ушли, а ты сиди и работай! А тут не знай ни зим ни лет сиди рисуй пла-*

каты!). В древнерусскую эпоху едва ли не единственным известным примером оставалась до последнего времени фраза из берестяной грамоты № 370 (челобитной Юрию Онцифоровичу), в которой крестьяне выражают свое негодование тираном-ключником: *а лежи ни ѿ ного не ѿжде да!* ‘А сиди и не смей от него отъехать!’ (ДНД₂: 589; см. там же комментарий А. А. Зализняка: «Очень интересна фраза *а лежи* [...] — собственным народному языку использованием императивов для передачи (с неодобрением) чужого требования»). Та же неодобрительная интонация более чем естественна и в устах Григория, выражающего таким образом свое отношение к распоряжению отправиться для сбора дани «на Каяно море» (вероятно, бывшее для новгородца аналогом южной «Тмутаракани» и наводившее тоску уже одним своим названием). Переводить фразу мы предлагаем следующим образом: ‘А меня послали к карелам на Каяно море. И поди не помешай, не напакости каянцам и себе не заплучи худой славы!’

Предложенная поправка позволяет следующим образом понять ситуацию грамоты, избежав указанных выше трудностей. Привычной для Григория и Дмитра территорией сбора дани была южная Карелия, где локализуется большинство топонимов, упоминаемых в записях Григория. Там же, неподалеку от «старой межи князя Юрия» в ее южной части, находился в момент написания письма Дмитр. После заключения мира со шведами Григорий получил неожиданное и обременительное для него назначение на Каяно море. Проезжая через места, в которых собирает дань Дмитр, он пишет тому письмо, в котором, во-первых, сообщает, что после заключения мира Дмитр может спокойно совершать свои «обходы», и, во-вторых, просит Дмитра взять на себя часть его даннических обязательств в южной Карелии, или даже все, если тот узнает, что Григорий не пошел к Ное (которая, судя по грамоте № 278, находилась в тех же краях). Он также просит Дмитра переправлять ему вести, что естественно, учитывая, что Дмитр будет всё время находиться ближе к Новгороду, чем посланный далее на север Григорий.

Тот факт, что письмо, которое Григорий написал Дмитру в южную Карелию, было найдено в Новгороде, не может свидетельствовать против предлагаемой трактовки: заметный процент находимых в Новгороде берестяных грамот составляют письма, заведомо отправленные из города за его пределы. Как бы ни объяснялся этот весьма примечательный факт, он с несомненностью показывает, что берестяные письма могли после выполнения ими своей коммуникативной задачи «возвращаться» по месту жительства автора.

№ 286 [3]. См. также ниже, при № 745, замечание Е. А. Хелимского.

№ 291 (посл. треть XIII в.; В 41) [Г]. Публикация в ДНД не отразила фрагмента *нашь* в начале первой строки. Исправленный текст: (...) | *нашь* ----- (на)|ша зьмла и вода| (...). Поскольку формула *земля и вода* не предполагает никаких дополнительных компонентов, являясь самодостаточным обозначением территориальных владений, следует полагать, что структура фразы могла быть примерно следующей: ‘Это все наше исстари, наша земля и вода’.

№ 299 (30-е – сер. 40-х гг. XV в.; Д 39) [ГЗ]. В начале первой строки береста испещрена множеством рытвин и мелких трещин, которые чрезвычайно затрудняют выявление следов писала. В издании буквы перед хорошо читаемым словом *гриска* были переданы как *а ѿ*, в ДНД₂ — как неясная буква и ѿ. Но это ѿ читается ненадежно и в прориси совсем не похоже на другие *ѿ* в грамоте. Учитывая, что все остальные позиции в списке оформлены предлогом *оу*, чтение *ѿ гриска* нельзя признать достоверным. Обращение к новой фотографии это подтвердило: оно позволило выявить начальную букву *а* (т. е. подтвердилось чтение издателей), а за ним лигатурное *оу* совершенно такой же формы, как в *оу шила* или *оу лагаца*. Прочие элементы сетки естественных и искусственных линий к тексту грамоты не имеют отношения.

Таким образом, грамота начинается словами *а оу гриска*. Тем самым она входит в узкий круг документов, начинающихся с союза *а*. Он состоит в основном из коротких записок Якима, который любил такое начало, и включает также грамоту № 79 (*а водаі Михалеви*) и надпись на цере (*а азъ тиоунѣ данѣ же оулѣ*).

№ 300 (кон. 20-х – сер. 40-х гг. XV в.; Д 18) [3]. В 1-й строке в *гну* титло видно, т. е. следует давать его без скобок.

Во 2-й строке читается [ю]рѣвицю — от начального ю на изломе виден правый край.

Разделительных точек больше, чем в прориси.

----иѣ [·] гнѹ · миѡлиѣ
 (лу ·) [ю]рѣвицю · ѿ тероѣ
 хѣ (·) и ѿ тимоцѣ · и тероѣ
 хѣ · возилесь · бѣиле · в
 ---имовѣ [·] хоромѣ · а
 (ти)мошка · въ терохѣ
 (вѣ) ... (| ...)

№ 302 (20-е – сер. 40-х гг. XV в.; Д 32) [3]. Необычная особенность грамоты состоит в том, что такой же знак, как после *б* в *чо бы*, — *ь* с небольшим штришком, отходящим от низа петли сперва вправо, затем вверх, — стоит также после *аковом* и после ...|*вичом*. А у *ь* в *азь* такого штришка нет. (В *о томь* ситуация неясна, так как последняя буква стоит у самого обреза.) Это значит, что, строго говоря, следует передавать представленную в грамоте запись как *аковомы*, ...|*вичомы* — так же, как *чо бы*, в отличие от *азь*.

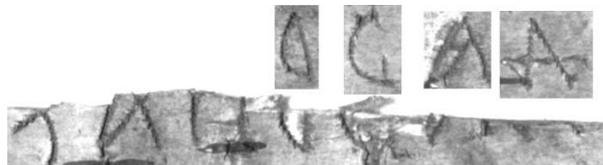
Можно было бы, правда, предположить, что автор произносил уже [чоб], а не [чобы], и употреблял безразлично *ь* с дополнительным штришком и без него (а *ы* записывал каким-то более ясно выраженным знаком для *ы*). Но всё же более вероятно другое: что в *аковомы*, ...|*вичомы* представлен эффект «скандирования через *ы/и*» (см. ДНД₂, § 1.14), ср. *твори своимы сукномо* Пск. 7, *цоломц бию* 301.

Начальное ...|*не* — это почти наверное (*ѡсподи*)|*не*.

В слове *грамота* конечное *а* написано поверх *о*.

В первой строке реконструкция за *по[ном]ь*, предложенная в ДНД₂ (с. 679), новыми снимками не подтверждается: у буквы после *за по* левый штрих не прямой, а изогнутый. Мы должны идентифицировать эту букву как *с* с большой вертикальной засечкой внизу — как у *с* в *ѡсподи* (а то, что засечка пересекает основную дугу, — это как у *с* в *ѡсподину*). У следующей буквы петля сильно наклонена вверх направо (как у буквы *а*), тогда как у всех *о* в этой грамоте она наклонена вверх налево; таким образом, это *а*, а не *о*. Спинка этого *а* заканчивается почти вертикально — как у *а* в *за аковомы*. Следы следующей буквы более всего похожи на низ буквы *д*. Получаем: *за по[сад]...*

Приводим фотографию отрезка за *по[сад]...*; над сохранившимися частями букв *осад* для наглядности приведены фотографии тех же букв из других мест данной грамоты:

Восстановленное за *по[сад]...*, конечно, ведет нас к конъектуре за *по[сад](никомь)*. В этой версии в строке остается еще 7–9 букв, т. е. место для отчества, например, (*за федоро*)|*вичомы*.

В целом может быть предложена следующая реконструкция:

... |не [·] за аковомы (·) за по[сад](никомь · за) ----(-)ѣ
 вичомы како · ѡсподи · попечалуюешь · ѡ м[о](неи)
 голови · ѹо бѣ са · на мѣна · не родила · грамота · бѣѣ
 суднаа · а азь · тобѣ · своему · ѡсподину · много · о томь
 (чѣломь · бью)

Если эта реконструкция верна, то в грамоте выявляется фигура посадника Якова ...вича. Документ относится к 1420-м – середине 1440-х гг. Соответственно, по данным книги Янин 1962, единственный подходящий по времени посадник — Яков Федорович, избранный на посадничество (от Славенского конца) в 1416 г.

№ 302 [Г]. В слове *мена* в 3-й строке *e* исправлено из *а*; очевидно, сначала писец собирался употребить энклитическую форму местоимения (*ма*), но заменил ее на полноударную.

№ 308 (10-е – 20-е гг. XV в.; Д 18) [З]. Чтение *па[робе]н[ь]*, предложенное в Попр.-Х, новой фотографией четко подтверждается. Более того, его следует усилить до *па[р]о[бе]нъ*.

№ 311 (кон. XIV в. – 1400-е гг.; Д 18) [З]. В последней строке над *бъ* в *волено бъ де і ты* есть титло (правильной формы $\overline{\text{—}}$); оно находится под буквами *жг* предыдущей строки (и даже пересекло ножку буквы *г*).

В прориси недостает некоторых разделительных точек. После *не хъtimo* стоит вертикальная разграничительная черта (передаем ее пунктиром).

[Г̄НУ С]ВОЖМ·У · МИХА·ЙЛУ · ЮРЕК·ВИ·
[Ч]У [ХРЕСТ]А·НИ · ТВОІ [·] ЧЕРЕНШАНИ
ЧЕЛО · БИЮ·ТЕ ШТО КСИ ѠДОДА · ДЕРЕВЕ·
НЕКУ · КЛИМЦУ ѠПАРИНУ А МЫ КГО НЕ ХЪТ·
ИМО : НЕ СУСЪДНЕИ [·] ЧЕЛОВЪКО · ВОЛЕНО БЪ ДЕ І ТЫ

№ 313 (кон. XIV – нач. 20-х гг. XV в.; Д 18) [З]. В прориси недостает части разделительных знаков. Удастся восстановить некоторые элементы третьей строки.

Г̄НУ МИХА·ЛУ ЮРЕКВИЧЮ · ЧЕЛОМЬ БЬЮТЬ · Х̄ТЪНИ
[ТВОИ] · СМЕРДЫНСКИ : ЗДЪСЕ · Г̄НЕ У НАСЪ · ГЛЪБЪ · НЕ ПО·
... [СТ] (М) [У] -----Ъ НЪУИМЪ И ...

№ 319 (1300-е – нач. 1310-х гг.; Г 39) [З]. В прориси и в публикации нет разделительных знаков. Должно быть:

КВА·НОВЕ : ПО·ПО·ВЕ

№ 321 (10-е – 60-е гг. XIV в.; Г 39) [З]. После *лбиске* читается *и та[иша]* (буква *t* написана поверх *c*). Отрезок *азыко* (форма неясна) в конце второй строки — от слова *языкъ*, которое здесь почти наверное означает пленника, способного дать информацию.

№ 321 [Г]. Предложенная в Попр.-Х трактовка имени *Лбиске* нашла подтверждение в новооткрытом граффито в лестничной башне новгородского Софийского собора, где то же имя фигурирует в раннедревнерусской форме *съ Лъбистъком*- (Гиппиус, Михеев 2013б: 163).

№ 325 (1300-е – 1360-е гг.; Г 39) [Г]. Ни одна из двух предложенных до сих пор трактовок грамоты не объясняет постановки разделительных точек, первая из которых в обоих случаях оказывается внутри словоформы:

ОРТИМИ·ЕНЕ·НЪДОБОРОИ

Хотя в принципе такая постановка точек в грамотах — не редкость, предпочтение следовало бы отдать интерпретации, при которой точки разделяли бы слова. Именно так выглядит дело, если допустить, что ограниченный двумя точками отрезок *ене* — это диалектная форма 3 л. ед. числа глагола *имати*, соответствующая стандартному *емлеть*, с нулевым окончанием и рефлексом **мл'* > *н'* (Изуч. яз.: 202–203), представленным в берестяных грамотах словоформами *енюци* (№ 227), *ени* (№ 501). Перед нами в таком случае краткое сообще-

ние, лишенное адресной формулы: *Ортимми ене недоборной* ‘Ортемиий берет недоборный (вероятно, хлеб)’. Слово ‘хлеб’ вполне могло находиться во второй строке грамоты, от которой на третьей позиции видны верхушки двух вертикальных штрихов, подходящие для *и* в *хлибѣ*. О том, что *ѣ* в диалекте писца перешел в *и*, говорит написание имени *Ортимми*, отражающее его вариант с корневым *ѣ* (Лингв.: 202). Заметим, что исход этой словоформы также может объясняться заменой *ѣ* на *и* в *-ѣи* как одним из вариантов рефлексии **-ьjь* (см. о нем ДНД₂: 67); отсутствие же конечного *и* естественно перед последующим *ене*.

№ 3326 (кон. XII – 30-е гг. XIII в.; Б 109) [Г]. Сильно фрагментированный текст на обороте грамоты частично реконструирован А. А. Зализняком (Попр.-IX) на основе сопоставления с грамотой № 246 и, с небольшими поправками к интерпретации, в следующем виде опубликован в ДНД₂:

...[т]ом[ъ] ----- [п]рис[ъ]...

... (гри)вѣнъ в[ъ] тр(еть али) нь прис[ъ](лещи) а хоуж в[ъ]рж[т]и жро--
... ..[ъ]ч[ъ] въ држгжю тр(е)[тъ]

Согласно этой реконструкции, письмо содержало угрозу должнику, в случае невозвращения им денег, занятых «в треть» (т. е. из расчета отдачи одной трети в качестве процентов), прибегнуть к конфискации имущества у третьего лица, взыскав при этом дополнительно к сумме основного долга уже не одну, а две трети. Как предполагает А. А. Зализняк, на *Уро-* в конце второй строки начиналось имя лица, которого автор намеревался подвергнуть конфискации; это мог быть тот же персонаж, что и *Урока* из № 153.

В своей основе эта реконструкция представляется абсолютно убедительной, но может быть усовершенствована в ее заключительной части. Изучение нового снимка грамоты показало, что нижний край берестяного листа сохранился на всю длину; следовательно, разрыв между концом второй и началом третьей строки отсутствует. В конце второй строки после *жро* уверенно опознаются буквы *ст* (от *с* видна характерная нижняя засечка в виде точки; от *т* — мачта и левая засечка). Таким образом, вторая часть последней фразы письма прочитывается полностью: (али) нь прис[ъ](лещи) а хоуж в[ъ]рж[т]и жро[ст|тъ]ч[ъ] въ држгжю тр(е)[тъ]. Удвоение согласной при переносе — явление, достаточно широко представленное в берестяных грамотах (ср. *дат|ть* 798, *грам|мота* 364, *кун|ници* 136, *во Плотниц|цикомо конци* 690, *сър|ръцьвъ* 683).

Сохранив схему реконструкции А. А. Зализняка, последовательность *жростъчъ* можно было бы рассматривать как содержащую прозвище *Уростъчъ*, с невыраженной одушевленностью. Семантическая ущербность такого решения, однако, очевидна. Более правдоподобно выглядящий антропоним дает альтернативное словосложение: *вырути у Ростъчъ* — если считать, что *Ростъчъ* — это *⟨Ростъчѣ⟩*, Р. ед. от *Ростъца* (написание *нь присъ-* показывает, что орфография грамоты была бытовой). Хотя суффикс *-ьца* и редок в новгородском антропонимиконе (в берестяных грамотах он представлен только именем *Микитъца* в № 161), он прослеживается по топонимическим данным, так что сомневаться в его существовании не приходится (см. комментарий к № 161 в Попр.-VIII). Форма *Ростъца* составляет очевидную пару к имени *Ростъка*, известному в первую очередь по названию Росткиной улицы в Неревском конце Новгорода и находившегося на ней Иоанновского Росткина монастыря. И улица и монастырь были названы по имени человека, жившего явно не позднее XII в. Теоретически этот Ростка вполне мог быть тем лицом, у которого автор рассматриваемого письма угрожал конфисковать товар за долг адресата.

Заметим, что управление *вырути у X-а* выходит за рамки синтаксического поведения глагола *вырути*, каким оно описано А. А. Зализняком (Лингв.: 173–174). Впрочем, как видно из совокупности данных, это поведение было более разнообразным, допуская различные модификации основной модели *рути* ВП₁ (*пострадавшее лицо*) в ВП₂ (*виновное лицо*) в МП (*долг виновного лица*). В роли прямого дополнения при данном глаголе могло выступать наименование самого виновного лица (*ржти тл хоуж* № 776) или же конфискуемого предмета; в последнем случае лицо, подвергаемое конфискации, обозначается косвенным дополнением: *а что князь Михаила товаръ порубил братьи нашеи* (Новг. догов. 1372); *otzum ty tovar otmenae porubaiies* (Фенне). Наибольшую близость к нашему тексту (если принять предлагаемую трактовку) обнаруживает грамота № 959, в которой с высокой вероятностью реконструируется фраза: *то ти (еси пор)оуб[л]ъ оу мене кобылоу*.

Несмотря на сказанное, чтение *ж Рост|тьчь* ⟨*оу Ростьцьѣ*⟩ нельзя признать окончательным. Смущает полное отсутствие других следов имени *Ростьца* — при множественности топонимических отражений вариантов *Ростько* и *Ростька* (см. Васильев 2012: 271–272; точно так же обстоит дело и с другими гипокористиками традиционных дохристианских имен: формы типа *Радко*, *Путко* и их производные известны во множестве, тогда как варианты **Радьца*, **Путьца*, кажется, отсутствуют).

Это заставляет с вниманием отнестись к еще одной возможной интерпретации рассматриваемого фрагмента. Кажется симптоматичным, что он содержит корень *рост-*, который, помимо своего основного значения, имеет также специальное «финансовое», хорошо подходящее к контексту грамоты, где речь идет об условиях займа. Хотя само слово *ростъ* в значении «проценты» в берестяных грамотах пока не встретилось, в них дважды зафиксирован *изростъ*, неизвестный — что характерно — ни из каких других письменных источников. Нельзя ли трактовать слово *уростьць* как уменьшительную форму от *уростъ*, составляющего такую же пару к *прирост*, как *убыток* — к *прибыток*? Слово *урост*, отсутствующее в словарях русского языка, между тем, безусловно представлено в современном употреблении, пусть и на правах окказионализма. Поиск в Интернете обнаруживает и «урост населения», и «урост сырьевой базы», и даже «урост экономики РФ в 2011 г.» (в Живом журнале, с ироническим пояснением, что *урост* — «новый экономический термин, обозначающий рост показателя в обратную сторону»; впрочем, понятие «отрицательный рост» давно прижилось в экономической науке)³. Значение предполагаемого *уростьць* может быть на этом фоне определено как «убыток в виде неполученных процентов», а фраза: *хочъ в[ы]р[ж]т[и]и жро[ст]т[ь]ч[ь] въ држгжю тр(е)[ть]* — переведена следующим образом: «я, путем конфискации, возьму убыток (из расчета процентов) в две трети».

Предлагаемое прочтение концовки грамоты, как кажется, проливает свет на неясное место в грамоте № 710. В этом документе, представляющем собой распоряжение взять у названных лиц определенные суммы денег, имеется небольшая лакуна в середине, на выходе из которой читается слово *урезокъ*: *а ѿ радъ[ка] (възьми) -----|-- [ѿ]рѣзькъ*. «Долги в грамоте № 710, — отмечено в комментарии, — исчисляются в обычных для ее времени денежных единицах: гривнах серебра, гривнах кун, ногатах, кунах, резанах. Тем досаднее невозможная утрата текста в обозначении долга Радка, выраженного в *урѣзкъ* («отрезке») чего-то» (НГБ-Х: 11). Однако включение понятого таким образом «урезка» в однородное перечисление денежных сумм выглядит странным: в других подобных реестрах (№ 410, 509, 526 и др.) фигурируют исключительно деньги; возможные же уточнения касаются не материального выражения указанных сумм, а только их статуса (основная сумма долга или проценты). Наше прочтение № 332б позволяет в том же ключе трактовать и *урѣзькъ* из № 710: мы предлагаем видеть в нем синоним слова *уростьць*, использующий еще одно обозначение процентов — *рѣзь* и имеющий ту же словообразовательную структуру. В контексте грамоты *урѣзькъ* было, по всей вероятности, пояснением к указанию суммы долга Радка или части этой суммы (ср. упоминание невыплаченных процентов в № 510: *не въдале двѣоихъ намъ*).

№ 333 (XIII в.) [ГЗ]. В издании сказано: «Разделению на слова текст не поддается». Выделено только два слова, из них одно (*любовѣ*) неверно. В ДНД₂ грамота не включена (но в указатель из нее помещены словоформы *Хътъна*, *Нъсъдѣ* и *любо*). Новая фотография позволила представить грамоту в следующем виде:

...[оу] хътъна
 ...ъ ньсъдѣ
 ...ю любо вѣѣ
 ...ии мои
 ...[р]и и афон-
 ...тоѣ

³ Заметим, что язык «рунета», представляя собой широкий срез современного состояния живого русского языка, уже не раз обнаруживал замечательные совпадения с берестяными грамотами, объясняемые использованием одних и тех же системных возможностей лексики (ср. в данном томе комментарии к лексемам *продажник* и *подпродатися*, встретившимся в грамотах № 1001 и 1009).

№ 335 (60-е–70-е гг. XII в.; Б 63) [3]. На правом краю нижней строки дочитывается:

...[ε] : оп[А]т- : н[Δп]и(ши)

№ 336 (сер. 10-х – сер. 30-х гг. XII в.; Б 1) [3]. В *на Нустуе* в последней букве вторая мачта — это (вопреки ДНД) результат правки: автор переправил *е* на *и*, подставив вторую мачту. Поскольку он в целом был сильно ориентирован на стандартные морфологические нормы, следует полагать, что это самоцензура: он написал диалектное *на Нустуе* и исправил на наддиалектное *на Нустуи*. Ср. *-и* в *оу Даньши*.

В *къ Вльчкови* буква *ч* даже не Т-образная, а обычная (примерно как в *срочька*, *срочькъ* в строках 4 и 5, а не как в *срочька* в строке 3): теперь это видно на обломе. (На прориси она оказалась более Т-образной, чем в оригинале.)

В *оу Даньши* автор сперва написал *Даньн-*, затем переправил. В *Даньша* (строка 5) он успел целиком написать *Даньна* и переделал *на* в *ша* (с новым *а*). В *то еси* (строка 1) *с* переправлено из *е*.

№ 338 (первое 40-летие XII в.; Б 37) [3]. Первая строка дочитывается: [злхв]а[т]иле ко[с]ношкوة.

В конечном *гр(вн)* букву *в* следует дать как [в].

№ 339 и 341 (80-е–90-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. Почерк двух фрагментов отождествлен в Попр.-Х, где сказано также, что «судя по разнице в длине строк, фрагменты едва ли представляют собой части единого документа». Приведем тексты двух грамот по этой работе вместе с комментарием к ним.

№ 339: пклонъ ѿ рѣдиваца | к ѿгидиноу посадкоу | се ѿхъ[да сего] (свѣта) ... «В грамоте, очевидно, сообщалось: ‘Вот, отходя от сего света, такой-то завещал то-то’, далее излагались связанные с этим обстоятельством проблемы, требующие вмешательства посадника».

Фрагмент № 341, как отмечает А. А. Зализняк, в отличие от № 339, крайне темен. Текст его дан со словоделением, носящим «в значительной степени гадательный характер»: ...|-н--ли[ш](...)|ли за ти а мы |ε ω ть цъ бъ [с]по|...

Поскольку последовательность из девяти односложных слов непредставима даже теоретически, отсутствие более правдоподобного, пусть и гадательного, варианта словоделения заставляет предполагать, что какие-то буквы в грамоте идентифицированы неверно. Действительно, проверка показывает, что буква в конце второй строки — на самом деле не *ы*, а *ь*. На берестяном листе в этом месте имела морщина, столкнувшись с которой, писавший слегка изменил обычный для него начерк *ь*, сделав его петлю более высокой. Однако это, безусловно, именно *ь*, а не *ы*, поскольку линия, принятая за округлую часть петли *ы*, в действительности является частью естественной морщины. Буква *ы* в грамоте также имеется: ее второй элемент был принят за *с* в третьей строке (два других *с* в грамоте № 339 имеют более изогнутый начерк). С этими поправками вторая и третья строки документа дают, без словоделения, следующий текст: **ли за ти амъ |ε ω ть цъ бъ |по|...** В такой транскрипции в грамоте вполне уверенно прочитывается фраза: **а мьε ω ть цъ бь по|(слоухъ)**. Запись *мьε* (*мои*) вполне отвечает бытовой орфографии грамоты (ср. *Рѣдиваца*, *ѿхъ(да)*), первый *ь* в *ω ть цъ* следует трактовать как понятную опisku, а *бы* вместо *бысть* — или как недописанное *бысть*, или же как неумело образованный аорист.

Прочитанная фраза является стандартным завершением духовной, идеально согласуясь с формулой **се ѿхъ[да сего] (свѣта)**, читаемой в № 339. Это означает, что две грамоты всё же являются частями одного документа, — разница в длине строк может объясняться тем, что последние строки писавший сделал более короткими. Перед нами, следовательно, не письмо, в котором упоминалась чья-то духовная, но сама духовная Родиваца, или, что более вероятно, ее черновик. Чрезвычайно интересным представляется то обстоятельство, что текст духовной оформлен в виде письма посаднику. Аналогом такого отступления от стандартного актового формуляра может служить сохранившаяся в пергаменном подлиннике данная посадника Терентия Богородицкой церкви на землю на Княжеострове XV в. Текст ее, ввиду его предельной краткости, стоит при-

вести целиком: *От посадника Терьнтія. Се дахъ святѣи Богородици на Княжѣостровѣ сель Роспоинѣ Михайловѣ, и дворѣ, и землю оромую, и пожни, и всѣ слѣдѣ Михайловѣ. А пришло мнѣ то в табды. А иному не надобѣ никѣму жь* (ГВНП, № 253). Вопреки обыкновению начинать данные грамоты с *Се да...*, автор этого текста придал ему, по сути, форму письма. С этим нарушением формуляра корреспондирует крайне редкое в новгородской актовой письменности использование бытовой орфографии (*сель Роспоинѣ Михайловѣ, никѣму жь*): создается впечатление, что посадник Терентий писал грамоту собственноручно. Таким же автографом могла быть и духовная Родивача. Заметим, что как отступление от стандартного формуляра следует трактовать и именование духовного отца просто отцом, свойственное разговорному языку; ср. в «Во-прошании Кириковом» (в части, содержащей вопросы Ильи, гл. 20): *А ꙗже члѣкъ въсхоцеть ѿ ѿца къ иному...*

С учетом сказанного можно попытаться прочесть первую и начало второй строки фрагмента № 341. Первая буква, видимая на две трети ее высоты, — это, очевидно, косое *ѣ* или *ѵ* (скругление в верхней части правого штриха делает первое более вероятным). Далее, после уверенно читаемого *н*, следует знак, который может быть трактован как *л*, *х* или *з* (того же рисунка, как и находящееся непосредственно под ним, но с менее загнутым хвостом). Следующая буква могла бы быть интерпретирована как *в*, однако *в* в слове *Родивача* имеет совсем иное начертание. Это означает, что какой-то из видимых штрихов имеет естественное происхождение или проведен по ошибке. Признав таковым правую часть нижней горизонтали, мы получаем *а* того же вида, что и остальные *а* грамоты. Строка, таким образом, приобретает вид: [ѣ]н-[а]ми[ш], с возможностью выбора между *л*, *х* и *з* в месте прочерка. Поскольку буквы *ѣн* могут в данной последовательности быть только цифрами (500 и 50), а *л* и *х* не дают никакого осмысленного чтения, кажется наиболее вероятным, что в начале строки стояло число $\overset{500}{\text{ѣ}}\overset{50}{\text{н}}\overset{500}{\text{з}}$ (557), тогда как с *а* *миш*... начиналась следующая фраза. Связать это начало с продолжением во второй строке можно путем конъектуры: *а лишѣ бы отдали зати* ‘а остальные отдали бы (моему) зятю’ (ср. *зати* в № 497). Такая реконструкция хорошо подходит к контексту духовной: обращаясь к посаднику, Родивач каким-то образом распорядился суммой в 557 (вероятно, гривен?), а остальные просил передать зятю.

№ 346 (1280-е – 1300-е гг., предпочт. не позднее конца XIII в.; В 34) [3]. Как показывают новые фотографии, для конца 3-й строки следует всё же, вопреки ДНД, вернуться к чтению издателей: *во Торожеку* (а не *во Торожеке*).

Перед *во Торожеку* стоит не ...*але*, а *але*.

Реконструкция всей грамоты (с конъектурой Гиппиуса [2004а: 222] в последней строке):

ѿ микиѳора : ко тѣтоке молови раѣ
темирѣ : оти са соцете со моною молови
ж[е-----и]ѵ[ь сол]- але во торожеку
(а----- не на)[р]ажает лихо деете :

В 3-й строке [сол]- — это либо *соль* (или *sole*), либо *соли*; для надежного выбора данного контекста недостаточно.

К сожалению, для заполнения лакуны в 3-й строке имеется слишком много разных возможностей, чтобы можно было решительно предпочесть какую-то одну (например: ‘скажи же, чтобы ...ич [Гонич, Мелич и т. п.] взял соль [или соли] в Торжке’; ‘скажи же ему: ...ич взял соль в Торжке’ и др.).

№ 347 (кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. Для последней строки этой оставшейся недописанной грамоты более вероятным, чем словоделение издания: *ожь ти а бе*, — представляется *ожь ти абе*, где последнее слово — начатое *абетникъ*. Ср. в № 1001: *аль последе не жьлоуита, оже ва продаженике поиде* (‘потом не жалуйтесь, если к вам отправится продажник [сборщик штрафов]’). В пользу такой трактовки говорит и предыдущая фраза — [т]ы въдѣши мьнь, очевидно, заключающая в себе угрозу: ‘ты меня знаешь!’.

№ 348 (40-е–70-е гг. XIII в.; В 18) [Г]. В издании о грамоте сказано: «Это лист бересты, сохранившийся целиком, но судя по оборванности первого слова, он составлял часть документа, написанного на нескольких листах бересты» (НГБ-VI: 32). Слово, оборванное в начале грамоты, А. В. Арциховский восстановить затруднился, допустив, что это могла быть форма *цетверетьнихо*. В ДНД принята характеристика грамоты как непервого листа берестяного документа, а фрагмент *...ретьнихо*, с пометой «ненадежно», помещен в указателе в статью *четвертний*.

Прилагательное *четвертний*, казалось бы, неплохо подходит к содержанию документа, представляющего собой роспись крестьянского оброка, измеряемого в четвертях (последнее слово употреблено в грамоте двадцать раз, в самых разных орфографических вариантах — от *цетверети* до *цетре*). Можно было бы подумать, что речь идет о «четвертном хлебе», упоминаемом в крестьянских челобитных XVII в.⁴, однако данное понятие соотносится с четвертью как мерой пашенной земли, а не хлеба. С другой стороны, кажется в высшей степени странным, чтобы именно это слово, которое, по логике вещей, могло бы открывать следующий далее перечень «четвертей», оказалось разорванным при переходе на новый лист. Да и сам по себе такой переход, сопровождаемый переносом словоформы, выглядит довольно сомнительным: все другие грамоты, представляющие собой непервые листы берестяных документов, начинаются с целых слов. Наконец, если *...ретьнихо* — это обрывок (*цетве*)*ретьнихо*, приходится допускать, что данным словом, единственный раз во всей грамоте, *ы* заменен на *и*. Все это заставляет искать решение, при котором эта буквенная последовательность трактовалась бы как целая словоформа.

Теоретически возможны два таких решения. Во-первых, *ретьнихо* (*ретнихъ*) можно понять как форму Р. мн. прилагательного **ретний*. Структура текста в таком случае была бы следующей: «Ретних» (четвертей): у Тудора и у Ильи — 4 четверти, у Милошка — четверть и т. д.⁵ Поиск в этом направлении приводит к кое-каким результатам. Возможно, например, связать данное прилагательное со словом *реть* ‘суд’, засвидетельствованным Слов. XI–XVII (22: 147). Однако предположение, что в грамоте перечисляются некие судебные пошлины, взимаемые четвертями хлеба, кажется исторически маловероятным.

Вторая возможность заключается в том, что *Ретьнихо* — это форма беспредложного местного падежа топонима *Ретни*, соотносимого с ед. числом **Ретень*. При таком допущении начало грамоты демонстрирует ту же структуру, что и № 789: *Шидовицихъ ж Домана ж Тоудорова изгоя 10 коунъ*.

Проверка этой версии приносит желаемый результат. В современной топонимике Новгородчины и новгородских писцовых книгах обнаруживается сразу несколько деревень и сел с подходящими названиями. Это, во-первых, село Ретени на р. Плюссе в бывшем Хмерском погосте. В писцовых книгах название его варьирует: *Ретень* ~ *Ретени* ~ *Ретини* ~ *Ретня*⁵. Второй населенный пункт с тем же названием — с. Ретно в Солецком р-не, расположенное на одноименном озере. Последнее в писцовых книгах носит название *Ретень*, а село, бывшее центром Ретёнского погоста, упоминается как *Ретень* и *Ретня*. Наконец, ближайшей к Новгороду была д. Ретень, локализуемая в Ильменском Поозерье (см. Анкудинов 2007: 288–289).

Из перечисленных пунктов наименее вероятным претендентом на идентификацию с Ретенями грамоты № 348 кажется Ретень в Поозерье. По данным И. Ю. Анкудинова, это было крохотное земельное владение, меж тем как в грамоте перечисляются сборы с двадцати крестьянских хозяйств. Такая характеристика более подходит для центра погоста, склоняя выбор в пользу села в Солецком районе. Тот факт, что форма мн. числа *Ретени* фиксируется только для села в Хмерском погосте, этому не противоречит: варьирование форм морфологического числа — явление для ойконимов обычное. Примером может служить волость *Буици*, выступающая с этим названием в Мстиславовой грамоте 1130 г., а из писцовых книг известная как *Буец*.

Установить морфологический род названия *Ретень* по писцовым книгам невозможно, однако название д. Ретнево в Свердловской области, а также фамилия Ретнев указывают на мужской род производящего слова. Форма *Ретьнихо* (*Ретнихъ*) демонстрирует, как и *Шидовицихъ* из № 789, древнейшую флексию М. мн.

⁴ <http://sevsk32.ru/bylinspact/8/50/>

⁵ См. исчерпывающую подборку данных на сайте «Плюсский край»: http://plussa-region.narod.ru/library/archiv/spisok_hmer.htm

jo-основ. Для грамоты XIII в. это не анахронизм, ср. во *Доброкостечихо* в № 614 (посл. треть XIII в.). Что, однако, выбивается из лингвистической хронологии — это использование беспредложного локатива, не представленного в других грамотах позднерусского периода, за исключением № 2, где данное явление объясняется, по-видимому, субстратным влиянием (Попр.-IX: 125); ср. пример из № 614, где предлог имеется. Можно указать по крайней мере три обстоятельства, которые могли вызвать эту аномалию. Во-первых, как и в № 2, сохранение беспредложной модели может объясняться влиянием субстрата. Прибалтийско-финские говоры, конечно, не господствовали в районе Ретенского погоста, как это было в восточном Обонежье, откуда происходит грамота № 2; однако они были, безусловно, представлены и здесь, в количестве, достаточном для проявления субстратных черт в языке русского населения (ср. явно субстратную по происхождению мену глухих и звонких в грамоте № 614, написанной на юге Бежецкой пятины [ДНД₂: 500]). Во-вторых, А. А. Зализняком уже была отмечена архаичность антропонимов, выступающих в грамоте № 348 (17 из 20 имен — дохристианские, причем построенные по старым моделям). Особенно показательно присутствие в грамоте имени *Тудор*: эта его фиксация отстоит от семи остальных, ограниченных рубежом XII/XIII вв., на точно такой же хронологический интервал, какой отделяет беспредложный локатив *Ретьнихо* от его ближайшего предшественника в грамоте Ст. Р. 31 (*Коломене*). Можно думать, что мы имеем дело с крестьянской средой, консервативной как в культурном, так и в языковом отношении. Наконец, следует заметить, что, в отличие от грамоты № 614 и подобных ей перечней, в которых представлены целые ряды предложных локативов, в грамоте № 348 в местном падеже без предлога стоит единственный топоним, открывающий текст. В нем, единственный раз в грамоте, сохранен (по крайней мере на письме) слабый редуцированный в суффиксе, отсутствующий в четырех других примерах, а в этом слове обозначенный к тому же буквой ъ, более в документе не встречающийся. Похоже, что форма *Ретьнихо*, без предлога и с древним окончанием, — была для писавшего документ местного жителя традиционной. Подобным образом новгородские летописцы первой половины XIII в. продолжали по инерции употреблять формы *Новѣгородѣ* и *Кыевѣ*, в то время как другие топонимы, для которых стереотип написания отсутствовал, уже употреблялись ими исключительно с предлогом (ДНД₂: 161).

Название *Ретень/Ретни*, очевидно, — славянское и может быть сопоставлено с именем *Рьтъко* (или *Ретько*) из грамоты № 905 (посл. треть XI – нач. XII в.). Для последнего А. А. Зализняк допускает связь с глаголом **rѣt-*, предположительно отразившимся в слове *рѣтуть* < **rѣtѣtь*, и с *реть* ‘распря, свара’ (ДНД₂: 248). Интересно отметить, что все три новгородских села с таким названием находятся на территории Шелонской пятины.

№ 349 (кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.; В 19) [3]. После *5 коуно* и автор вначале ошибочно написал *гривне*. Далее в этом *гривне* конечное *e* было не просто зачеркнуто (как предположено в ДНД₂), а переправлено в *a*: сильно наклоненная влево буква *a* (с характерным отворотом в низу спинки) наложена на *e*. Так что следует читать *гривна*. После этого слова, по-видимому, имелась еще и точка.

Слово *порома* в начале первой строки читается полностью; а перед ним еще можно усмотреть буквы ...[с]ѣ.

Верхушки букв перед :Ѡ: *гривоно* допускают реконструкцию ...[жике].

Приводим текст грамоты с указанными уточнениями:

(...) ...[с]ѣ порома :Ѡ: коуно во плото на соли :Ѧ: коуно и гривна • на рѣбахо семница а на церевахо :Ѧ: коуно к[... ..[жикѣ] :Ѡ: гривоно • бе :Ѧ: коуно

В ДНД₂ (с. 491) в тексте грамоты, к сожалению, по недосмотру пропущено слово **семница** (вместо него осталось только одно **а**).

№ 350 (2 треть XIII в.; В 10) [3]. В *о матери* ‘от матери’ над *о*, возможно, имелось прочерченное тонкими штрихами *m* (в надстрочном варианте, как в *ѡ*). Но надежно установить это ныне уже не удастся.

№ 351 (кон. 60-х – 70-е гг. XIII в.) [3]. В первой строке имя **дѡшила** читается полностью.

В нижней строке после **степан[ѣ]** • прочитывается: [зѣмла].

№ 352 (20-е гг. XV в.; Д 22) [3]. В начале строки 3 следует читать не ...*тошомо*, а ...*стошомо*, т. е. реконструкция (*ну*)*стошомо* подтверждается.

В начале строки 5 следует читать не ...[м]ы, а ... [и м]ы.

В начале строки 6 следует читать не ... *хлѣба*, а ...-ы *хлѣба*.

В *которыѣ* (строка 4) конечное *ѣ* переделано из *ю*.

№ 353 (80-е гг. XIV в. – 1400-е гг.; Г 72) [Г]. Во фрагменте [*буде земля*] буква *з* переправлена из *т* и, видимо, имеет зеркальное начертание.

№ 355 (первое 20-летие XIV в.; Г 39) [3]. В *на василѣ* второе *и* зачеркнуто двумя косыми чертами (а перед этим еще и немного подтерто), т. е. следует читать *на василѣ*.

№ 356 (внестратигр. предпочт. 60-е – 70-е гг. XIV в.; Г 81) [3]. Что в *ж[ь]и[юси]* последняя буква именно *и* — не гарантировано: вполне могло быть и ожидаемое для данного слова *а*. В самом деле, верхний обрез грамоты в этом месте идет косо, и правая ножка буквы *а* могла быть выше обреза. Правда, остаток левой ножки скорее вертикальный, но у буквы *а* в слове *вола* он такой же. И для буквы *и* видимые две ножки стоят несколько уже, чем нужно, тогда как для *а* такая дистанция нормальна.

Таким образом, мы вправе восстанавливать здесь вполне обычную словоформу *ж[ь]и[юса]*.

№ 357 (первое 20-летие XIV в.; Г 39) [3]. В конце второй строки следует читать не *све³ли на [сел]...*, а *све³ли на [сл]а[ѣ]...* (причем после *[сл]а[ѣ]* имеются следы еще одной буквы — возможно, *н* или *ь*).

Это значит, что в тексте могло стоять, в частности, *на славно* (или *на славьно*).

№ 361 (кон. XIV в. – 1400-е гг.; Г 60) [3]. В строке 3 в *къме* буква *с* переделана из *г*.

№ 362 (1380-е – 1400-е гг.; Г 53) [3]. В *послалѣ* конечный *ѣ*, по-видимому, переделан из *е* (*ѣ* в *тѣсацю* выглядит иначе).

Вопреки ДНД₂, в конце второй строки после *су[щ]а* следует всё же восстанавливать *к*, а не *у*: буква *у* имеет в этой грамоте еще косую засечку у верха спинки, которой в данном случае нет. А между этим *к* и *ω* виден верх от втиснутого потом *о* (которое автор вначале пропустил). Таким образом, следует восстанавливать в этом месте *[ко ωс](под)и*, т. е. грамота содержала вполне обычную синтагму *ко ωсподи свожи*. Было сказано: ‘я послал тысячу суца своим господам’.

Грамота читается теперь без разрывов:

ωсподѣну юрию ωнцифороцю ωндрике цоло
бѣ послалѣ къме тѣ[с]ацю су[щ]а [ко ωс](под)
и сво[ѣ](и) (...)

№ 363 (1380-е – 1400-е гг.; Г 57) [Г]. Слова *аже будешь не поминала...* следует переводить не как ‘может быть, ты не помнишь’, а как ‘если ты еще не поминала’. По всей вероятности, речь идет о сорочинах или же о годовом поминанье — как в № 19 (*да цо бѣ ти година ѿт[ѣ]правитъ отьцу*). Солод и мука, о которых пишет Семен, потребуются его невестке, чтобы варить пиво и печь хлеб для поминальной трапезы. Ср. также № 689: *на молодогѣ даль късемь рубель и пив{ив}о вариле ко со[р]оцинамѣ*.

№ 363 [3]. Странное написание *ажк* во 2-й строке возникло несколько более сложным путем, чем указано в ДНД₂ (с. 606). Автор явно сперва написал *ажу*, предвосхитив следующий слог *бу*, заметил это и решил

исправить. Он написал букву *e*, частично использовав для этого спинку от *y*. Остался лишним левый вертикальный штрих от *y*; тогда он, вместо того чтобы его зачеркнуть, решил превратить всё в целом в букву *κ* (исходя из практической эквивалентности *e* и *κ*) и провел еще и горизонтальную черточку между этой мачтой и *e*. Эта черточка не образует единой прямой с язычком буквы *e*, из чего видно, что она была проведена именно отдельно, потом. Всё это значит, однако же, что следует всё-таки передавать эту запись как *ажκ*, а не *аже*.

№ 364 (1380-е – 1400-е гг.; Г 57) [3]. Первая буква второй строки — не что иное, как *x*, наложенное на *ц* (правда, у *ц* хвостик коротковат, но никакой другой буквой это быть не может). При сильном увеличении видно, что штрихи буквы *ц* проведены поверх штрихов буквы *x* (а не наоборот). Это значит, что автор, которого звали *Смень Чихъ*, начал писать свое имя с *x* (предвосхищая последующее *x*), но заметил это и исправил на *ц* (или даже успел целиком написать *хиха*, а потом исправил на *чиха*).

В *граммота* первое *m* зачеркнуто вертикальной чертой посередине буквы, т. е. автор исправил двойное *mm* на одиночное. Это показывает, что прием повторения согласной при переносе со строки на строку, хотя он неоднократно встречается в берестяных грамотах, мог всё же по крайней мере частью писавших расцениваться как нежелательный.

Писавший аккуратно обходил сучки; к сожалению, на прориси это не отражено, и это выглядит как непонятные пустые места.

№ 365 (40-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 87) [3]. В ДНД₂ (с. 640) опечатка: *с]мъ* вместо *сѣмъ*.

С некоторыми дополнительными поправками текст читается так:

... | да пришли сѣмъ с [ѣ]бдор[и]|юмъ съ[ц]тъмъ(са) ... по[до] ...

Знак перед *бд* неясен: по-видимому, автор вначале написал букву *б* (пропустив гласную после *с*), но сразу заметил свою ошибку и переправил это *б* на *ѣ* или на *ѣ*; по смыслу следует предпочесть *ѣ*.

Следы буквы после *бдор* могут быть интерпретированы по-разному; но наиболее вероятно *и*.

В конце второй строки могло стоять и *по[до]*.

№ 367 (1370-е – 1400-е гг.; Г 87) [Г]. Вторая строка грамоты поддается реконструкции, в результате чего текст документа приобретает следующий вид:

...
посули а знамацко ...
[со оу]имы [а] н[а]мъ [с]ап(ог)- ...

Для реконструируемого *съ оуимы* (Т. мн. от *уимъ*) хорошо подходит значение ‘с выемками’. Это определение, очевидно, относится к «знамени», то есть знаку собственности, подобный которому упоминается в № 413: *а помитка горносталь*. Общая структура фразы была, по-видимому, следующей: ‘А знак (такой-то), с выемками?’.

№ 368 (70-е – 90-е гг. XIV в.; Г 87) [3]. В конце 3-й строки читается ...*ньюму*.

№ 369 (2 пол. XIV в.; Г 87) [3]. Первое слово следует давать как *(сѣ)[т]аго*. Начало 2-й строки можно передать как ...[и]у · *своюму* (т. е., вероятно, ‘сыну своему’).

№ 372 (70-е – нач. 80-х гг. XIV в.; Г 87) [Г]. В третьей строке прочитывается ...-[оц]и -- зан[е]ж[е]...

№ 372 [3]. В ДНД₂ (с. 640) в тексте грамоты опечатка: **нинеце** вместо **нѣнеце** (в указателе верно).

№ 373 (10-е – 20-е гг. XV в.; Д 39) [3]. Слово **сѣрба** в действительности исправлено в **сѣ^еб^ра**: вставлены маленькие буквы в верхней части строки (от *p* виден низ длинной мачты). То есть автор сам увидел дефектность своей записи *сѣрба* и всё исправил.

В 3-й строке слово **ка** исправлено в **ка^{ко}** (*к* стоит над *ка*, *о* стоит над *ат*). Так что это не частица *ка* при императиве.

В результате грамота читается так:

... | сѣ^еб^ра не даю а нинѣ говори тим[ъ] х[тѣ] з[на]-----
ини[ваа]ъ а здисѣ коурила мезенъ ѿталъ і купи
----- (а нин)ѣ ѿ томъ попецалисе ка^{ко} тому би|...

Перевод (с конъектурами): ‘... серебра не дают (*или*: не даю); а теперь говори [это] тем, кто зна[ки под]-менял (?). А здесь Курила отнял летнюю семгу и деньги [требует (?). А теперь] позаботься о том, как тому ...’

№ 375 (внестратигр. XIV в.) [Г]. С дочитанной по верхушкам букв второй строкой текст грамоты приобретает следующий вид:

...
нѣк за два рубѣ иван- ...
спин[иц](ѣ ко)[ли б]ы[лѣ] па[р](ѣбокъ)...

Перевод (с конъектурами): ‘(Я продал ...) за два рубля Ивану -спиничу, когда его слуга был (в городе?)’.

На *-спиничь* могло заканчиваться, например, отчество *Оспинич* — от прозвища *Осна*, отразившегося в названии дер. *Оспино* Шимского района Новгородской области. В писцовых книгах этот населенный пункт упоминается как дер. Воспина или Воспины (НПК, 4: 18; 5: 301).

Независимо от того, действительно ли упоминаемый в грамоте человек носил прозвище *Осна*, это предположение помогло локализовать до сих пор не находивший интерпретации топоним из новгородской грамоты 1389–1415 г., известной как данная «спинских сябров» Спасо-Верендовскому монастырю (ГВНП, № 107). Контексты, в которых упоминается этот топоним, — *Се дахомъ спинскіи сябри...*, *в Спинскомъ ободѣ своемъ...*, *по Спинскои сторонѣ*, — дают все основания полагать, что сябры были в действительности «оспинскими» и превратились в «спинских» лишь в списке конца XVII в., в котором дошла грамота. Описываемая в документе местность в нижнем течении р. Веронды и ее правого притока Видогощи тяготела, как выясняется, именно к Оспину, расположенному в месте впадения в Ильмень Шелони, с северной стороны.

№ 377 (посл. треть XIII в.; В 23) [3]. Самый трудный пункт в чтении этой грамоты — имя девушки, которой адресовано это брачное предложение. В обращении к адресату бесспорно читаемые буквы таковы: **к-аан--**; позиции после **к** и после **аан** недостаточно ясны. Чтение издателей: **к оулиааниц** ‘к Ульянице’ (зона после **к** трактована как узкие лигатурные **оу** и **ли**); см. критику этого чтения в ДНД₂: 494. Чтение Г. А. Федониной, принятое в ДНД₂: **ка ани[и]** ‘к Анне’ (зона после **к** трактована как полностью зачеркнутая; трактовка зоны после **аан** ненадежна).

Новая фотография грамоты позволила продвинуться в решении этого вопроса. Во-первых, видно, что после **аан** стоит **и**. Во-вторых, над **аа** усматривается не замеченная ранее маленькая буква **л**, прочерченная немного более слабыми штрихами, чем основной текст (по форме она совершенно сходна с **л** в слове **пслоухѣ**). В-третьих, в сложном переплетении штрихов в зоне после **к** можно усмотреть взаимное наложение букв **ѡ** и **м** (широкоплечего, как и все другие **м** в этой грамоте).

Следует полагать, что автор вначале написал **кѡ**, а затем решил заменить **ѡ** на **м**. При таком предположении в грамоте читается вполне обычное имя, записанное без каких-либо отклонений от нормы: **к ма^аани**.

Вот как выглядит обсуждаемый фрагмент грамоты № 377:

но, словоформу *вѣка* он понимал как именительный или винительный падеж множественного числа. Между тем в XV в., которым палеографически датируется грамота, формы И. мн. слов мужского рода на *-а* в памятниках еще отсутствуют; предполагать же эту инновацию в риторическом обороте и вовсе невозможно. Поэтому *вѣка* может быть только формой Р. ед.

С учетом букв, видимых в начале фрагмента, он допускает членение: ...[у] (ѡ)олѣвѣка, и вѣка... Слово *вѣкъ* здесь имеет смысл трактовать как обозначение штрафа за увечье, см. в Русской Правде (ст. 27): *Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука или усхнеть, или нога, или око, или не утнеть, то полувирье 20 гривен, а тому за век 10 гривен*. Особенно показателен пример из «Правосудья митрополичьего», памятника XIV–XV вв., где «полвека», как соответствие «полувирью» Русской Правды, фиксируется в одном контексте со словом *человѣкъ*: *Око человеку судиться на пол-века — 40 гривны* (Юшков 1935: 176).

Вторую строку можно предположительно восстановить как ... е[си] (при)е[х]а[л]ъ [в]...

№ 384 (2 пол. XII в.; Б 52) [3]. Подробное изучение нового снимка приводит к выводу, что спорный вопрос о том, как интерпретировать **ки** после **олени** — как слог **ки** или как число 28, — решается, в отличие от того, что предпочтено в ДНД₂, в пользу слога **ки**. В грамоте трижды представлены бесспорные цифры, и они оформлены очень тщательно и совершенно единообразно: двоеточиями слева и справа (см. фото). Нижняя точка каждого двоеточия приподнята от низа строки на четверть или на треть высоты строки, верхняя стоит чуть ниже верха строки. При буквах **ки** ничего этого нет. То, что было принято за точку между **к** и **и**, — это просто нижняя засечка у левой мачты буквы **и**, такая же, как у правой мачты этой же буквы; только косое продолжение точки здесь более слабое (заметим, кстати, что если бы это была не засечка, а что-то иное, то это **и** было бы единственным из семи **и** этой грамоты, лишенным хотя бы одной из нижних засечек). Нечто похожее на точку внизу строки между **ни** и **ки** — это скорее всего косой штришок, возникший при отрыве писала от бересты после нижней засечки буквы **и**; во всяком случае, он соединен с этой засечкой. Наконец, одиночная точка справа от **ки** — просто знак конца текста. Таким образом, из трех двоеточий, которые требовались по правилам данного писца для оформления числа 28, в грамоте нет ни одного.

Приводим для сравнения фотографии цифр и слова *оленики*:

Тем самым необходимо вернуться к признанию неизвестного ранее слова *оленикъ* ‘предмет из оленьей кожи’; множ. число этого слова в сочетании *вожѣ оленики* вызвано множ. числом слова *вожѣ*.

№ 385 (40-е – 50-е гг. XIV в.; Г 25) [3]. В *посзовно* странное *сз* — не ошибочное написание вместо простого *з*, а правильное отражение не засвидетельствованного другими источниками прилагательного *посъзъвѣньи* ‘созывный’, ‘созывающий’: в Ипат. [1149], л. 140 об. имеется словоформа *посзва* ‘созвал’ (СДРЯ, VII дает на этом основании лемму *посъзъвати*).

№ 388 (40-е – 60-е гг. XIV в.; Г 39) [Г]. По новому снимку текст прочитывается полнее, чем в издании:

...[ъ] ѡ[вѣр]к[и]и и и]рак[ъ] и созо и оула[си]

Достоверность прочтения первых двух имен подтверждается тем, что память св. Аверкия, епископа Иерапольского и св. муч. Ираклия празднуются в один день, 22 октября (по юлианскому календарю). Это совпадение позволяет пренебречь кажущимся наличием «двух хвостов» у *p* в первом имени: второй из них следует, видимо, трактовать как непреднамеренное продолжение вертикальной части петли. Памяти св. Созонта и св. Власия отмечаются соответственно 7 сентября и 3 февраля. По-видимому, грамота представляет собой памятку для произнесения литургического отпуска 22 октября. Состав святых, упоминаемых в отпуске, мог варьировать, включая, помимо постоянных элементов и имен святых, память которых празднуется в данный день, также имена, выбранные по каким-то специальным соображениям. Можно думать, что св. Созонт и св. Власий попали в перечень именно таким образом.

Несколько удивляет, что св. Иракий и св. Созонт представлены сокращенными формами имен. Нельзя исключать, что нижний горизонтальный штрих *ь* в *Иракъ* в действительности — тонкая чечевичка; в таком случае читать следует *Иракли*. В свою очередь, в *Созо* над строкой могло быть выносное *n*. Это, однако, не более чем догадки.

№ 389 (1300-е – 1330-е гг.; Г 12) [3]. В грамоте имеется ряд разделительных двоеточий, не отраженных в издании и в ДНД (в двоеточии после *даль* нижняя точка видна плохо):

Ѡ лоукы : ко марфи · цто олекса · колбинць · даль : пороукоу · в коунаѣ
хъ : дати бы дати : коуны : на пьтровъ днѣ : в [р]оуса[л]ь... (| ...)

Во 2-й строке *коуны* переправлено из *коуна*.

№ 393 (посл. треть XIII в.; В 41) [3]. В конце 2-й строки стоит не *о*, а *с*.

Грамота аккуратно обрезана со всех сторон, кроме низа. Правому краю при обрезке придана даже изящная слегка овальная форма, которая, по-видимому, не могла бы получиться, если бы грамоту просто резали на части для уничтожения.

Но если так, то текст грамоты должен быть связным, без утрат (кроме конца):

кузма · даль · ѣ ·
и и · вѣ · своихъ · с
· к · а что · гри-го|...

Единственное препятствие — лишнее *и* в начале 2-й строки. Но если предположить, что автор начал было писать *и и-своихъ* ‘и из своих’ или что это просто случайное повторение буквы, то грамота получает смысл: ‘Кузьма дал 70 и своих (*или*: и из своих) 12 с 20-ью (*или*: с 20-ти). А что Григорий ...’.

№ 395 (40-е – 70-е гг. XIII в.; В 41) [3]. Уместно рассмотреть эту сохранившуюся целиком грамоту более полно, чем в ДНД₂, где она приведена без индивидуального разбора.

Как уже было указано в Попр.-IX, следует читать не *исиа*, а *исца* и не *ѡм[ч]ли*, а *ѡм[у]ли*.

Между *ца* и *та* втиснуто маленькое подписное *с*. Но под *аб* в слове *табе* обнаруживается еще меньшее по размеру и полустершееся (тем самым не вполне надежное) *т*, которое, очевидно, должно исправить *табе* на *таѣ*; то есть подтверждается предположение В. Л. Янина о том, что *табе* = *таѣѣ*. В целом письмо читается так:

поклоно Ѡ григори ко маѣ
тери ѡдди ѣ гринво и та
ѡм[у]ли исца с та[т]ѣе · сюда

Перевод: ‘Поклон от Григория к матери. Дай 30 гривен и тем (букв.: так) упроси истца по делу о краже [приехать (вернуться)] сюда’. Заменяя *ѡмули исца таѣ* на *ѡмули исца с таѣ*, автор, вероятно, имел в виду ‘упроси истца приехать с дела о краже сюда’; ср. *таѣба* в значении ‘дело о краже’ во фразе из Псковской судной грамоты: *а которои пристаѣ поѣдетъ на таѣѣ, ино емѣ ѣзды имати вдвое*.

Что касается у вместо о в *Ѹм[у]ли*, то аналогию этому примеру составляет написание *жалуби* в грамоте № 301 (XV в.), наряду с *жалоби* в той же грамоте, и написание *лоуни*, исправленное потом на *лони*, в грамоте № 88 (см. выше).

№ 400 (60-е – 90-е гг. XII в.; Б 132) [Г]. Запись текста в Попр.-X и ДНД требует двух уточнений. Во-первых, перед *оже* в начале второй строки отчетливо видны буквы *ло*, а перед ними — петля от *б/в* или *ѡ/ѡ*; еще левее на снимке опознается *ы*. Если последняя идентификация верна, наиболее вероятной реконструкцией оказывается *(ноѡ)[ыб]ло*. Важнее, однако, что, какой бы ни была эта словоформа, это не могла быть форма дательного падежа имени адресата. Значит, слова *оже ны еси холопы нарекла*... не открывали содержательную часть письма — с них могла начинаться только новая фраза или вторая часть сложного предложения. Связать их с отрезком *(ноѡ)[ыб]ло* можно, предположив, что фраза в целом представляла собой риторический вопрос: *(Ци ... по)гыбло, оже ны еси холопы нарекла?* ‘Разве (у тебя что-то) пропало, что ты нас назвала холопами?’ Значение *оже* в этой конструкции — такое же, как в № 752: *цѣтъ до мьнь зѣла имееши, оже е[с]и къ мьнѣ н[ѣ] при]ходиль?*

Во-вторых, после букв *оути*, которыми вторая строка продолжается после лакуны в середине, на снимке отчетливо видна разделительная точка. Это делает маловероятным, чтобы *ти* открывало новую часть фразы, как то предполагает перевод в Попр.-X: ‘Что касается того, что ты нас назвала холопами, ... , то я тебя не называл (не называю) ...’. Следовательно, слово, заканчивавшееся на *-оути* (или слова ...*оу ти*), могло либо завершать фразу, открываемую союзом *оже*, либо входить в состав отдельного предложения.

Взвешивая эти возможности, нужно учитывать, что размер разрыва между двумя кусками грамоты, скорее всего, совсем невелик. В реконструкции А. А. Зализняка — [и ѡ т]оу[г]ош[ѣ и] (ѡ в[о]ю[г]ы [и ѡ коузь]мы — он заполняется двумя буквами в первой строке, чему во второй соответствует пропуск трех-четырех букв⁶. В рамках единой клаузы, начинающейся с *оже*, эту лакуну может заполнить разве что обстоятельство *(на) пути*; однако ситуация, в которой адресат письма назвала его авторов холопами в дороге, выглядит чересчур специфичной и маловероятной.

Хороший смысл и синтаксис, отвечающий риторике письма, дает, между тем, использование второй возможности, а именно заполнение лакуны отрицательной фразой, состоящей из одного слова, — *(Нѣт)оу ти! ѡзь тебе не нарек(оу)* ... ‘Нет уж! я тебя не назову ...’. Хотя словарями древнерусского языка использование *нѣтоу* (*ти*) как отрицательного слова не фиксируется (его продолжение — современное *нѣт* — отмечается в этой функции лишь с XVII в. [Слов. XI–XVII, 11: 317]), оно хорошо представлено в русских говорах; ср. примеры из (СРНГ, 21: 179): *Еще не ходит (ребенок)? — Нету; Ты брал хлеб? — Нету; Ты ходила к свахе? — Нетука; Отколя ты, матушка? Из Копылихи, что ли? — Нетутка, милая, не оттоля*. Классический пример из языка Пушкина — в «Евгении Онегине» (3: II): *Представь меня. — Ты шутишь? — Нету*. Такое употребление *нету* явно вторично по отношению к значению ‘не имеется’ и возникает на его основе⁷. Сомневаться в его древности нет оснований. Следует также иметь в виду, что использование в этом качестве частицы *ни* свойственно исключительно книжному языку древней Руси; контексты же, которые могли бы проиллюстрировать положение дел в народном языке в ранний период, до сих пор просто не были известны.

Тем более досадным оказывается разрыв в нашем документе, позволяющий предложить данную реконструкцию только в качестве догадки.

⁶ Теоретически, конечно, в первой строке в лакуне могло быть полностью утрачено еще одно имя. Нужно, однако, иметь в виду, что даже при допущении минимального (около 2 см) размера лакуны длина сохранившейся части грамоты составляет 40 см. При этом в окончании первой и начале второй строки должны были находиться имя последнего автора, имя адресата и начало первой фразы письма; всё это требует как минимум 15–20 букв. Таким образом, письмо имело длину не менее 55 см и представляло собой один из физически самых длинных берестяных документов. Без необходимости увеличивать эту и без того большую величину не следует. В пользу кратчайшей реконструкции утраченной середины грамоты говорит, как заметил А. А. Зализняк, и конфигурация обрывов.

⁷ Неслучайно во многих контекстах, приводимых в СРНГ, *нету* и его осложненные частицами варианты могут интерпретироваться в обоих значениях: и как чисто отрицательная реплика, и как ‘не имеется’ с эллипсисом подразумеваемого объекта: *Дома ли хозяин? — Нетути* (= нет хозяина).

№ 402 (2 пол. XIV – 1 пол. XV в.; Д 39) [Г]. Последнее слово во второй строке А. В. Арциховский восстановил как *паро(бка)*, а букву перед ним прочел как *я*. В ДНД на месте этой буквы — прочерк, за которым следует *пар[a]*... Изучение новых снимков позволило внести ясность в чтение данного места. На них хорошо видно, что последняя буква второй строки — *о*, исправленное из *а*: правая дуга буквы *о* прочерчена позже, чем спинка *а*. Буква же, принятая издателем за *я*, на самом деле — *ж*, перед которым виден хвост буквы из верхней строки. Приводим фотографию этого отрезка.

В результате текст грамоты приобретает следующий вид:

поклонъ · ѿ [ива]...
 ꙗже · жонку ту дала за своего ж паро-
 (бка) ...

Для конца первой строки вероятной представляется конъектура: (*что бы еси*), что дает следующий перевод: ‘Отдала бы ты, госпожа, ту женщину за своего же слугу...’.

Для последней строки полноценной реконструкции пока предложить не удастся.

№ 408 (посл. треть XIII в.) [Г]. В издании грамота охарактеризована как «обрывок практически нечитаемого документа». Изучение новых снимков показывает, что перед нами фрагмент письма к сборщикам долгов:

... (бѣрковс)ка : соли : ...
 ... (а)[ли есте п]оимале : на(м)ъ а вода[д]ить : а ѿ во ...

Перевод: ‘... 2 берковска соли... Если вы взяли проценты, то отдайте. А я в ...’.

№ 410 (посл. треть XIII в.; В 35) [Г]. В первой строке после [а ѿ с]мьрда прочитывается дополнительно: [ѿ е]о[а]н[а тр]о[и нам]-, т. е. ‘у смерда Бояна тройные проценты (за три года)’. Ср. № 509: *не въдале дѣвоихъ намъ*. В середине пятой строки надежно реконструируется: [ѿ] (с)мьрда ѿ дѣмьлана.

№ 411 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 34) [Г]. В начале третьей строки перед *ди* виден верх от *е*. Соответственно, вместо (*иди в сьло* (ДНД) следует реконструировать (*но*)[*е*]ди в сьло. Это мелкое уточнение существенно с лингвистической точки зрения. Если в начале древнерусского периода глагол *ити*, подобно англ. *go*, выступает как недифференцированное обозначение передвижения человека на расстоянии, безотносительно к тому, осуществляется ли оно пешком или при помощи транспортных средств, то на протяжении XIII–XIV вв. за ним постепенно закрепляется современное значение исключительно пешего перемещения, в то время как употребление *ѣхати* становится обязательным там, где речь идет о движении на коне, в повозке или ладье (см. об отражении динамики этого изменения в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи: Гиппиус 2006: 176–177; ср. Филин 1949: 193; Горбань 2002: 69–70, 276). Этот фундаментальный сдвиг в семантическом соотношении двух глаголов весьма ярко выражается в следующем факте: из 27 употреблений в берестяных грамотах глаголов *поѣхати* и *приѣхати* 20 приходятся на позднерусские грамоты (разделы В, Г, Д в ДНД), а еще пять (№ 82, 84, 112, 531 [2×]) фиксируются в документах, относящихся к концу XII – XIII в. Бесспорные случаи обозначения глаголом *ити* и его производными заведомо не пешего перемещения в грамотах позднерусского периода отсутствуют⁸.

⁸ Исключением из правила может показаться грамота № 286, в которой формы *поиду* и *иди* относятся к далеким поездкам автора и адресата. Причина этого отклонения может быть, однако, указана со всей определенностью: *по(ити)* в контексте данного документа соотносится с *ходити* в терминологическом значении ‘совершать даннические обходы’.

Вполне закономерно поэтому, что автор грамоты № 411 предписывает адресату — своей жене или сестре, но так или иначе знатной женщине — *поѣхати* в село, а не *пойти* туда. Будь это письмо написано двумя столетиями ранее, форма *пойди* была бы в нем абсолютно уместна (ср., например, в № 424: *идите сѣмо, Смольньскоу ли Кыевоу ли*).

№ 412 (40-е – 70-е гг. [предпочт. не ранее кон. 60-х] XIII в.; В 34) [Г]. Во второй строке перед **• ни•ко•моу • же • во•да•ти •** читается [нѣ • вѣ•лѣ•л]ѣ.

№ 416 (сер. – 2 пол. XIV в.; Г 87) [Г]. В издании грамота охарактеризована как «обрывок документа, утратившего правую, верхнюю и нижнюю части листа». Утрата правого края бесспорна, однако верхний и нижний края выглядят как обрезанные, а не как оборванные; при этом верхний край находится на ровном отдалении от первой строки, а нижний обрезает лишь нижние части уходящих под строку букв. Мелкие штрихи, пересекающие верхний и нижний края, нет оснований считать принадлежащими буквам невидимых строк. Таким образом, у грамоты, по-видимому, отсутствует только правый край.

К сожалению, видимость текста в левом верхнем углу грамоты очень плохая; но перед *и* усматривается низ от *е*, что позволяет реконструировать начало документа: (с)[ѣ] *погибло сено...* Обнаруживается и простой способ заполнения лакун в концах строк, предполагающий, что обломившийся правый край документа (который, судя по его форме, именно обломился, а не был обрезан) содержал всего по одной-две буквы. Это позволяет реконструировать текст грамоты целиком:

(с)[ѣ] **ПОГИБЛО • СЕНО • ОУ ДОРОФЕА (БЪ)ѣ**
ЛО • СЕНО В ОСТРОВЕ И СМЕНЕ • П(ОЪ)ѣ
ДА К СЕНУ : И ЗУБА ПОЗВАЛ(Є)

Перевод: ‘Вот пропало сено у Дорофея; было сено в Острове. И Семен, поехав к сену, позвал Зуба (на суд)’.

Можно думать, что документ представляет собой не что иное, как *позовницу* (№ 307) или *позовную грамоту* (№ 385), то есть официальный вызов на судебное разбирательство, повестку. Форма *позвале* здесь функционирует как перформатив, обозначая акт вызова, осуществляемый при помощи настоящей грамоты. Семен, съездивший «к сену» для выяснения обстоятельств дела (или только направляющийся туда с этой целью — форма *поѣдя* допускает оба истолкования), — очевидно, *позовник*, какие упоминаются в новгородских и псковских актах (см. примеры в НГБ-V: 139).

№ 417 (2 четв. XIV в.; Г 19) (Г). Из упоминаемых в грамоте имен до последнего времени оставалось не интерпретированным отчество Фодора *Слепеткова*, принимавшего от лица новгородской администрации «заволоцкое серебро». А. А. Зализняк (ДНД₂: 544), охарактеризовав его как «недостаточно ясное», привел две топонимические параллели из писцовых книг — названия деревень *Слепетне* (НПК, II: 832) и *Слѣпетно* (НПК, V: 530). Обращение к источнику обнаруживает, что варьирование *е/ѣ* в этом названии — мнимое. С ятем оно представлено лишь в указателе НПК; в самой же публикации писцовой книги Шелонской пятины 1576 г. читаем: *Слепетно*. Очевидно, замена *е* на *ѣ* была произведена составителем указателя, подверставшим топоним к группе названий с корнем *слѣпн-* (*Слѣпница*, *Слѣпной Конец*, *Слѣпцово*), к которой оно в действительности не принадлежит.

С другой стороны, круг топонимов, в которых отразилось интересующее нас имя или слово, от которого оно образовано, может быть расширен. Кроме деревень *Слепетно* в Порховском околородье Шелонской пятины (НПК, V: 530) и *Слепетне* в Холмском погосте Деревской пятины (НПК II: 832), в писцовых книгах отыскивается также *Слепетной остров* в Холмском погосте Торопецкого присуда Деревской пятины (ПКНЗ, 4: 307). Поиск в Интернете позволяет добавить к этому дер. *Слепетово* в Торжокском р-не Тверской области (Бежецкая пятина) и болото *Слепетное* в Бокситогорском р-не Ленинградской обл. (Обонежская пятина).

Интересующие нас названия фиксируются, таким образом, на территориях, входивших в состав четырех пятин Новгородской земли.

В словообразовательном отношении мы имеем дело с двумя рядами названий — производными от личного имени (прозвища) *Слепеть* (гипокористикой которого является *Слепетко*) и производными от апеллятива *слепеть*:

Что же до самого слова *слепеть*, то трудности с его этимологизацией отпадают, как только мы опознаем в нем результат фонетического преобразования исходного *свенеть* ‘дикий мед’ — совершенно такого же, какое демонстрирует переход *свобода* > *слобода*.

Историческими словарями русского языка слово *свенеть* засвидетельствовано крайне слабо. И. И. Срезневский (3: 270) приводит единственный пример из перевода Толкового евангелия Феофилакта Болгарского, где в толковании на Мф. 3: 4 имеется глосса переводчика: *медъ дивии... по словѣньскоу же языкоу с(в)енеть*. Пример из Алфавитара XVII в., приводимый в Слов. XI–XVII (23: 109) (*свенеть* — *медъ дивии*), вероятно, восходит к той же глоссе в Толковом евангелии. Также в составе глоссы фиксируется и единственный пример на соответствующее прилагательное: *и покажутъ ему медъ дивии рекше свенетныи* (там же, Пролог XIV в.). У Даля и в СРНГ слово отсутствует.

Иную картину представляют староукраинские и особенно старобелорусские источники, в которых слово встречается неоднократно, причем не в книжных, а в деловых памятниках. В словаре староукраинского языка XIV–XV в. оно представлено примером из перемышльской грамоты 1366 г. со значением ‘борть’: *со всѣмъ уездом того села ... и свенеты за рѣкою* (ССМ 2: 321). В примерах из исторического словаря белорусского языка *свенеть* выступает в значении ‘гнездо диких пчел’: *Естли бы который землянин бчолы въ гродѣ мѣль, у границахъ своихъ ма взяти рой и свѣпеть* (1501); *хто бы свенет в чьемъ лесе мыслне порубаль и медъ выбраць, тот маеть за то шесть рубле^в гроше^н заплатити* (1588); *туть въ той сосне свенеть выдрань* (1596) (ГСБМ, 13: 89–90). Именно это значение, очевидно, следует считать исходным для данного слова. Оно хорошо объясняет этимологическую связь существительного *свенеть* с глаголами *свенетати* ‘качаться, двигаться туда-сюда’, *свенитися* ‘шевелиться’, *свенатися* ‘кивать, качать’ (Фасмер, 3: 573). Название пчелиного гнезда, определяющим признаком которого является подвижность, шевеление, могло быть распространено и на производимый пчелами мед, и на борть как место обитания пчел.

В старобелорусском материале обнаруживается и прямое подтверждение предложенного выше объяснения слова *слепеть*: в источнике 1663 г. в том же значении ‘гнездо диких пчел’ фиксируется вариант *слепеть*: *дерево бортное, пчолы на корень деручы, слепеты подтинаючи, медъ выбирали* (ГСБМ, 13: 417).

На фоне украинских и белорусских данных отчество *Слепетковъ* в комментируемой грамоте и его топонимические параллели позволяют уверенно восстанавливать слово *свенеть* для древненовгородского. Вне восточнославянского ареала это слово представлено только в др.-польском (*świep(i)ot, świepiet*), а также в чешских диалектах (в варианте *svapato*, ср. рода и с не вполне ясным вокализмом, см. Махек 1957: 456) и, таким образом, представляет собой лексическую изоглоссу, объединяющую западнославянские языки с восточнославянскими.

Как уже было сказано, изменение *свенет* > *слепет* составляет яркую параллель к переходу *свобода* > *слобода*, приводимому обычно как изолированный пример общеславянской по своему распространению, но при этом несомненно поздней межслоговой диссимиляции губных (см., например, [Нахтигал 1952: 230]). Фонетические условия двух изменений совпадают с точностью до ряда гласного и глухости/звонкости согласных, что позволяет предполагать их одновременность.

Данные о хронологии изменения *в* > *л* в корне *свобод-* согласуются с этим предположением. В берестяной письменности вариант с *в* представлен в грамотах № 421, 20-е–30-е гг. XII в. (*свободне*), № 614, посл.

треть XIII в. (*своподь*), №419, 1290-е–1300-е гг. (*свободихомоса*), а вариант с *л* — в №535, 2 пол. XIV в. (*слободу*). В Новгородской 1-й летописи *слобод-* впервые фиксируется под 1397 г. в Комиссионном списке младшего извода (*Двиньской слободѣ*, в Академическом списке — *свободѣ*), тогда как до этого под 1196, 1229 и 1333 г. представлено *свобод-* (в двух первых случаях — также в Синодальном списке). XIV в. датируется и Сильвестровский сборник, в котором представлен древнейший в книжной письменности Новгорода пример *в слободѣ* (Сказание о Борисе и Глебе, Слов. XI–XVII, 25: 91). В московских грамотах *слобода* появляется начиная с духовной Дмитрия Ивановича 1389 г. Как видим, форма *Слепеткову* в №417, 2 четв. XIV в., хорошо встраивается в хронологию процесса, какой она выглядит по данным берестяных грамот; при этом она незначительно опережает появление варианта *слобод-* в других источниках, что позволяет видеть в ней наиболее ранний пример перехода *в > л* в данных фонетических условиях.

№ 430 (80-е гг. XII – нач. XIII в.; Б 132) [Г]. В издании и ДНД текст грамоты, состоящей из двух фрагментов, записан в виде двух оборванных строк:

Ѡ хоритана ко моисе[ю] ...
оже ти иване не дале бу...

Такая запись не учитывает весьма необычного расположения текста на берестяном листе, разделенном на две части косой чертой, хорошо видимой в нижнем правом углу первого фрагмента. Слева от этой черты во второй строке оставлено пустое место, а находящаяся справа от нее в первой строке буква *а* (последняя на строке в первом фрагменте) подскочила над уровнем предшествующих ей букв почти на всю свою высоту. Это означает, что текст грамоты был записан в два «столбца», а следовательно, лакуна после имени адресата отсутствует. Начало письма прочитывается, таким образом, без разрыва: Ѡ Хоритана ко Моисе[ю]. Оже ти Иване не дале бу[де] ...

Во втором фрагменте прочитывается [г]рвну се..., что, с использованием букв после косой черты в первом фрагменте, дает следующее начало второго столбца: А [в](озьми) [г]рвну с[е][р[е](бр)[а] оу ... Конъюктура *возьми* в точности соответствует размеру лакуны, который устанавливается после прочтения слова с[е][р[е](бр)[а].

Оказывается, таким образом, что второй столбец заключал в себе прямое продолжение первого. Текст в целом гласит: ‘От Хоритана к Моисею. Если окажется, что Иван не дал ..., то возьми гривну серебра у ...’. Утраченная нижняя часть грамоты содержала, по-видимому, всего одну строку: неизвестным остается только сумма, не отданная Иваном, и имя лица, у которого Моисею предписано взять гривну серебра.

В новом прочтении грамота №416 оказывается уникальным пока свидетельством того, что внешнее оформление берестяного письма может отражать его логическую структуру. Автору грамоты ничто не мешало записать текст обычным образом, как написаны сотни других берестяных писем. Но он поступил иначе: разделив лист пополам косой чертой, написал в левой части адресную формулу и формулировку возможного положения дел, а в правой — предписание адресату, что предпринять в этой ситуации. Подобным образом организованы современные технические инструкции в разделах «возможные проблемы и пути их решения».

Приведем полностью исправленную транскрипцию грамоты:

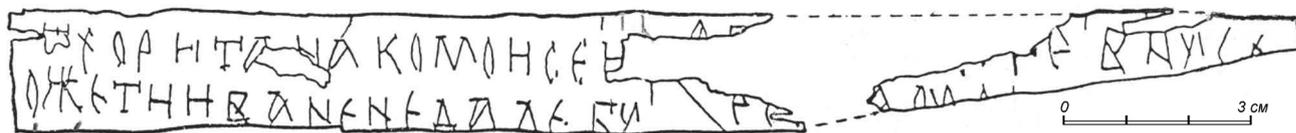
Ѡ хоритана ко моисе[ю] оже ти иване не дале бу [де] ...	[а] [в](озьми) [г]рвну се р[е](бр)[а] оу ...
---	---

№ 430 [3]. В дополнение к сказанному выше отметим, что правый фрагмент грамоты сохранил как правый край всего документа, так и часть верхнего края; необходимо только повернуть этот фрагмент относительно основной части грамоты на определенный угол. После этого становится видно, что строки второго столбца располагались несколько выше строк первого столбца.

Автор вначале ограничил первый столбец вертикальной чертой (высотой примерно в полторы строки) — вероятно, после того, как написал адресную формулу. И ровно до этой черты доведена вторая строка. Но затем автор по какой-то причине решил отделить второй столбец другой чертой — косой.

Судя по тому, что на верхнем краю грамоты видны кончики букв другого текста, грамота была отрезана от предыдущей, написанной на том же листе.

Прорись, опубликованная в НГБ-VII, в ряде отношений несовершенна. Приводим новую прорись грамоты № 430.

№ 437 (1190-е – 1200-е гг.; Б 115) [Г]. *Вохе* в третьей строке исправлено из *вехе* (вряд ли наоборот: правая дуга буквы *о* прочерчена глубже, чем левая, и буква в целом воспринимается как *о*, а не как *е*).

№ 450 (XII в.) [Г]. В издании о грамоте сказано: «Это вырезанный из начатой, но недописанной грамоты кружок бересты диаметром 4,9 см». Текст передан и прокомментирован следующим образом:

се азъ и л---

д

«Се азъ Ил...» — обычная формула начала духовных грамот: «Се азъ (имя рек), отходя живота своего...», и т. д. Здесь, судя по первым буквам имени, автором текста мог быть Илия, Илиодор, Иларион и т. п.» (НГБ-VII: 51).

На новом снимке видно, однако, что штрих, трактованный издателями как левый склон от *л*, является в действительности царапиной, каких на поверхности кружка немало. При этом буквы *с* и *и* в первой строке одинаково отстоят от края, а *д* во второй строке написано с отступом влево. Это заставляет решительно пересмотреть характеристику документа: перед нами не кружок, вырезанный из недописанной грамоты, а недописанная надпись на кружке, начинающаяся словами: *Се азъ ид...* (или *Се азъ и д...*).

С первым вариантом словоделения текст продолжает напоминать начало духовной грамоты; однако писать духовную на пятисантиметровом кружке бересты никто бы, конечно, не стал. Более перспективным кажется второй вариант словораздела. Он позволяет увидеть в надписи начатую новозаветную цитату: «**Се азъ и дѣти**, яже ми даль Богъ» (Евр. 2: 13)⁹. В святоотеческой традиции эти слова, в Новом завете произносимые Христом, становятся формулой, выражающей духовную ответственность пастыря за своих чад. В этом качестве мы находим их и в рассказе Киево-Печерского патерика о св. Феодосии Печерском: «И глаголаше святыи к себѣ Феодосие: «Приложу ко трудом труды и къ подвигомъ подвигы. Како явитися своему Владыцѣ, стада его добре не упася? Како ли речеши: “Се азъ и дѣти, яже ми дал, Боже”?»» (БЛДР, 4: 340). Более удаленную от непосредственного источника вариацию той же темы содержит и Несторово Житие Феодосия: «Бысть же родителема блаженана преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшыю, паче же реку — Богу сице изволившыю, да и тамо доблягаго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо, от вѣстока дньница възидеть, събирающи окръсть себе ины многы звѣзды, ожидающи солнца правдынааго, Христа Бога, и глаголюща: «**Се азъ**, Владыко, **и дѣти яже** въспитахъ духовьнымъ твоимъ брашьнымъ; и се, Господи, ученици мои,

⁹ Данное место из Послания к евреям в свою очередь цитирует Книгу пророка Исаяи (8: 17): «Вот я и дети, которых дал мне Господь, как указания и предзнаменования в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе». За богослужением этот стих поется в составе Великого повечерия, в последовании которого, однако, он не занимает положения, которое оправдывало бы его отдельную запись на бересте в мнемонических целях.

се бо сия ти приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого Бога и Господа, възлюбити» (БЛДР, 1: 356). Самым же близким к нашей надписи случаем цитации этого места оказывается его использование в поучении новгородского архиепископа Ильи-Иоанна, написанном, как считается, около 1165 г.: «Тако и мы есме попове, а пороученыхъ душъ намъ члвкъ не правити начнемъ, то можемъ ли обрѣсти богатество цр(с)тва небеснаго и тѣхъ довести, о нихже ны есть слово отдати Богу, рекоуще: се азъ и дѣти, яже ми есть даль Богъ?» [РИБ, 6: 354].

В процитированных примерах новозаветная формула используется, подводя итог земного пути священнослужителя, предъявляемый на том свете Христу. Такое ее употребление наводит на мысль: не является ли берестяной кружок с написанным на нем началом библейского стиха своего рода «пропуском» в Царство небесное, то есть не выполнял ли он роли, аналогичной той, какую в православном погребальном обряде выполняет так называемая «разрешительная молитва», вкладываемая в руку покойника и именуемая в народе «пропуском» или «подорожной» (ср. сумму сведений об этой практике в иностранных сообщениях о России XVI–XVII вв. в Успенский 1982: 122–125). Этот обычай, как отмечает Б. А. Успенский, представляет собой собственно русское явление. Он установился после того, как Симон (Шимон) Варяг завещал похоронить себя с молитвой, данной ему Феодосием Печерским: «И оттоле утвердися таковое написание полагати умершимъ, прежде бо сего инъ не сотвори сицевыя вещи в Руси» (БЛДР, 4: 300). В последующие столетия текст разрешительной молитвы претерпел значительные изменения; в его нынешнем виде он, по-видимому, сложился после реформ патриарха Никона во второй половине XVII в. (Успенский 1982: 125). Единственным свидетельством древнейшего периода истории этого текста остается поэтому рассказ самого Киево-Печерского патерика, где текст молитвы цитируется в следующем виде: «Пишет же и сие въ молитвѣ: “Помяни мя, Господи, егда приидеши въ царствии си и въздати хотя комуждо по дѣлом его, тогда убо, Владыко, и раба своего Симона и Георгия сподоби одесную тебе стати въ славе твоей и слышати благи твой глас: «Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вам царство искони мира»”» [БЛДР 4: 300]. Как видно из этого текста, молитва, данная Феодосием Шимону, основывалась на евангельском стихе (Лк. 23: 42) и содержала ходатайство к Богу за себя и своих духовных детей — Симона и Георгия. Ту же идею предстояния за своих духовных чад выражают — в том их преломлении, какое находим в Житии Феодосия и Киево-Печерском патерике — и слова Апостола «Се азъ и дѣти, яже ми даль Богъ».

Звеном, связывающим эти слова с киево-печерской традицией разрешительной молитвы, является рассказ Киево-Печерского патерика о св. Нифонте, будто бы записанный со слов самого святого незадолго до его смерти: «Прежде болѣзни своеа трети деньми, пришедшу ми, — рече, — съ заутрени и мало опочивающу, и абие в тонок сонъ сведень бых. И се обретохся въ церьки Печерьской на Святошинѣ мѣсте, и молящю ми ся много съ слезами святѣй Богородици, да бых видель святаго и преподобнаго отца Феодосиа. И събирающимся многимъ братиамъ въ церковь, и приступи ко мнѣ единъ брат и рече ми: “Хощеши ли видети святаго отца нашего Феодосиа?” Мнѣ же отвѣщавшу: “Зѣло желаю, аще възможно ти есть, покажи ми его”. И поимъ мя, введе въ олтарь и тамо показа ми святаго отца Феодосиа. Азъ же, видѣхъ преподобнаго, от радости притекъ, пад на нозѣ его и поклонися ему до земля. Онъ же въстави мя, нача благословляти, и, обиаъ рукама своима, нача любѣзнѣ лобызати мя, и рече ми: “Добрѣ прииде, брате и сыну Нифонте, отселѣ будеши с нами неразлучно”. И дрѣжашу преподобному в руцѣ своей свитокъ, мнѣ же просящю его, и яко да вда ми, и разгнувъ, прочтох. И быше в нем написано в началѣ сицѣ: **“Се азъ и дѣти, яже ми дал Богъ”**. И оттоле възбнухъ, и нынѣ вѣмъ, яко сиа болѣзнъ посещение ми от Бога» [БЛДР 4: 352–354]. Этот эпизод присутствует и в рассказе о смерти Нифонта Ипатьевской летописи ([1156], л. 173 об). Молитва, которую Феодосий, в знак скорого воссоединения в вечной жизни, передает Нифонту, сходна в своей прагматике с данной им варягу Шимону и, как и эта последняя, оформлена в виде грамоты. Но в начале этой грамоты читается та же фраза, которую, как мы считаем, содержит в недописанном виде грамота № 450. Если наша реконструкция верна, документ оказывается древнейшим материальным свидетельством бытования на Руси разрешительной молитвы.

Заметим, что в Новгород данная традиция вполне могла быть принесена Нифонтом, постриженником Киево-Печерского монастыря. На «устав блаженного Нифонта» (иногда отождествляемый с Вопрошанием Кирика) ссылается в цитированном выше поучении и архиепископ Илья-Иоанн.

№ 452 (посл. четв. XII в.; Б 132) [Г]. Вместо прочитанного в издании **сѣатьвжнѣ** следует читать ...**сать кжнѣ**, то есть, очевидно, (поль д)сать кжнѣ.

№ 453 (посл. четв. XII в.) [Г]. Сохранившаяся буквенная последовательность допускает, как кажется, единственно возможную интерпретацию: ...**ѣ [ѣ]ѣмѣ на ла[ѣ]...**

№ 455+457+459+461 (посл. четв. XII в.; Б 132) [Г]. Отождествление почерков № 455 и № 459 произведено А. А. Зализняком, заметившим, что «фрагменты могли бы быть даже частями единого документа, но прямых свидетельств этого нет» (Попр.-Х: 110). Тот же почерк обнаруживается и во фрагменте № 461. Кроме того, мелкий фрагмент № 457, найденный на одном квадрате с № 459, непосредственно стыкуется с № 455. Тот факт, что глагол в № 459 стоит в единственном числе (*даи*), а в № 455/457 — в двойственном (*въдаита*), не препятствует объединению двух фрагментов: ср. совершенно такое же варьирование форм императива в № 1020: *верешь въдае... а выправита*.

№ 477 (70-е–80-е гг. XIV в.; Г 78) [ГЗ]. Начало пятой строки, прочитанное в издании как **ничимь способити**, в действительности имеет вид **нччимь пособити**, с ъ, исправленным из начатого *и*. В начале слова *ничимь* писавший по ошибке вместо *ни* написал *ни*.

№ 482 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 27) [Г]. В конце пятой строки прочитывается: **нынѣши[х](о) [уос](оно)**, что хорошо вписывается в контекст: ср. *Ѡвса и лонескоко и нинешнеко* в первой фразе и *старыхо уосопо и нынѣши[х](о) [уос](оно)* во второй. Эта пропорция дает уверенность в реконструкции, несмотря на необходимость предполагать пропуск третьего *н* в *нынешнихо*.

№ 482 [З]. Появление *к* вместо *г* в *лонескоко и нинешнеко*, названное в ДНД₂ странным, ныне уже с уверенностью должно быть включено в серию случаев смешения звонких и глухих согласных, встречающихся в берестяных грамотах.

№ 483 (сер. 60-х – нач. 80-х гг. XIII в.; В 25) [Г]. Значительную трудность для интерпретации представляют заключительные фразы грамоты: *За цето еси 2 гривни Ѡзале мое, лише возми, Захарие, Ѡ попа. Се [ли не] Ѡдасте, да со изросты водасте*. В ДНД₂ они переведены и прокомментированы так:

«То, за что ты взял у меня две гривны, ты только заberi, Захарья, у поpa. Если же не отдаст, так [потом] с процентами отдаст».

Автор уже заплатил своему адресату Захарье за некую вещь, которая находится (вероятно, во временном пользовании) у поpa, и опасается, что поп не захочет ее отдавать. Поэтому ему прежде всего нужно, чтобы Захарья хотя бы только забрал ее у поpa. (Соответственно, многозначное слово *лише* здесь, видимо, следует понимать как 'только, лишь').

Автор предпочитает прямо не называть предмет сделки, возможно, потому, что сделка в чем-то не вполне чиста и носит негласный характер» (с. 495).

В такой реконструкции ситуации грамоты смущает как сложность отношений, связывающих ее участников, так и противоречивость модальных установок автора: интонация мягкого упрощивания, с которой он обращается к адресату, не очень вяжется с категоричностью косвенной угрозы попу, выражаемой последней фразой. При этом сама формулировка этой фразы предполагает, скорее, что у поpa надлежит взять не вещь,

а денежную сумму, которую он, если не отдаст, должен будет вернуть с процентами. Именно так, на наш взгляд, фразу и следует понимать, приписывая предлогу *за* в предыдущей фразе то же значение, какое он имеет в грамоте № 730: *за три ногаты В (= две)*, где ‘две’, по-видимому, следует понимать как ‘2 ногаты’. *Лише* в таком случае — не частица, а компаратив, означающий ‘сверх, свыше того’. Ситуация представляется следующей: из суммы, которую автор был должен адресату, он отдал ему две гривны и предлагает остальное взять у попа, который в свою очередь должен автору. Перед нами, по-видимому, еще один аналог переводного векселя, тратты, какой Р. Факкани (2003: 231) опознал в грамоте № 590: *Поклоно ѿ Кура ко Борану і ко Кузми. Возми свою полтину у Ювана у выланина во Плотнищикома конци подо Борисоглибому*.

С учетом сказанного для заключительной части грамоты можно предложить перевод: ‘Остаток суммы, из которой ты взял у меня две гривны, возьми, Захарья, у попа. Если не даст, отдаст с процентами’.

№ 490 (1 пол. – сер. XIV в.; Г 21) [Г]. Встретившееся в грамоте сочетание *шити куны* было убедительно истолковано издателями на основе рассказа арабского путешественника XII в. Аль-Гарнати о существующей у славян практике соединять старые беличьи шкурки в связки, используемые как деньги. При этом фраза *а ты ко мни нь авишииса коуни шити ношю* была переведена: ‘а ты ко мне не придешь ли деньги шить ночью?’. Как возможная альтернатива вызывающему недоумение «ночному шитью» рассматривалась трактовка *ношю* как В. ед. от *ноша*. «Тогда можно догадываться, что требовалось шить меха для транспортировки куда-то в ношу, тюк или сорочек» (НГБ-VII: 84, 85). А. А. Зализняк пишет (НГБ-VIII: 211): «Слово *ношю* в конце грамоты не может значить “ночью”; это явно В. ед. “ношу”. Возможно, ношами назывались те самые связки шкурок, которые описываются в цитате из Абу Хамида Аль-Гарнати, приведенной в издании». Такое понимание отражает и перевод в ДНД (с. 547): ‘А ты ко мне всё не приходишь сшивать связку (букв.: ношу) шкурок’.

Существует, однако, еще один вариант истолкования данного места. В комментариях к грамоте до сих пор не учитывалась (не в силу ли акцентной инерции исходного *ночью*?) возможность понимания *ношю* как формы 1-го л. ед. ч. презенса глагола *носити*. Между тем такая трактовка дает хороший смысл, позволяя понять фразу как включающую два предложения: *а ты ко мни нь авишииса, коуни шити ношю* ‘А ты ко мне все не приходишь, я ношу шкурки сшивать’ (подразумевается: ‘вместо того чтобы делать это дома вместе с тобой’). Эта интерпретация, на наш взгляд, обладает рядом преимуществ. Она: 1) избавляет от необходимости предполагать специальное терминологическое значение слова *ноша*; 2) ликвидирует шероховатость в виде неожиданной в данном контексте формы единственного числа существительного; 3) устраняет обстоятельство цели при *не явишииса*, делая симметричным противопоставление: «я приходил к тебе во двор» — «ты ко мне не приходишь».

Заметим, что в предлагаемой трактовке ситуация грамоты обнаруживает еще большее сходство с тем, что описано у Аль-Гарнати: «А когда (*шкурки*) испортятся в их домах, они везут их в полувыюках, в разрезанном виде, направляясь к некоему известному рынку, где есть люди, а перед ними ремесленники. Они передают им шкурки, и ремесленники приводят их в порядок на крепких веревках и т. д.» (НГБ-VII: 85). Как видим, арабский источник описывает то, что вынужден делать автор грамоты в отсутствие своего компаньона: он носит шкурки (на рынок), где их сшивают специальные ремесленники.

№ 496 (2 четв. XV в.; Д 36) [З]. Что касается начала грамоты (*никое^в за мною рѣцѣи*), ср. еще: *вы мнѣ бра^тя своя, до васъ нѣту рѣчи никоея же* (Ипат. [1150], л. 144).

№ 497 (40-е – сер. 80-х гг. XIV в.; Г 37) [Г]. Согласно Й. Схакену (2011), грамота характеризуется коммуникативной неоднородностью, а именно, заключительная фраза (*Ми вашего солова вохи не ѡставимо*) представляет собой ответ на приглашение, содержащееся в первой части документа (*Чоби есте поихали во городо ко радости моеи, а нашего солова не ѡставили, да Бого вамо радосте*). Поскольку почерк в грамоте

один, Й. Схакен предполагает, что письмо Гаврилы Постни и ответ Григория и Улиты были записаны одним человеком — посыльным Гаврилы. Параллель к такой коммуникативной ситуации была позже найдена в египетском папирусе II в. н. э., содержащем письмо женщины к ее сестре и ответ на него, написанные одним писцом (Схакен 2013: 2–4). Данная трактовка объясняет как изменение характера письма во второй части грамоты, так и тот факт, что письмо с приглашением приехать в город было найдено в Новгороде и, следовательно, вернулось к отправителю.

№ 501 (кон. XIII – 1 пол. XIV в.; Г 32) [З]. Во фразе [п]о[ѣ]ни по размери ‘возьми по размеру (т. е. нужного размера)’ следует видеть не странный М. ед. от слова *розмѣрь*, а вполне обычный Д. ед. от варианта женского рода *розмѣра* — того же, что в грамоте Ст. Р. 41 (у *Херитана розмира*), хотя и не в точности в том же самом значении. В Слов. XI–XVII (21: 215) для слова *розмѣра* среди прочих есть пример, подходящий по смыслу к контексту грамоты № 501: *диаметрь сирѣчь размѣру* (из него не следует, впрочем, вопреки Слов. XI–XVII, что *розмѣра* имела именно значение ‘диаметр’: просто иноязычное слово было пояснено ближайшим по смыслу русским словом, пусть даже имеющим более широкое значение).

№ 507 (посл. четв. XII – 10-е гг. XIII в.; Б 141) [Г]. Для последовательности ...*доло*--*наша* вероятно конъектура: ... *доло(гъ) наша*. В таком случае последующее перечисление грехов (в В. падеже!) может быть понято как пояснение слов Господней молитвы, в которой, как известно, под долгами имеются в виду именно грехи. При таком понимании текста он оказывается структурно близок к грамоте № 17 из Торжка, представляющей собой приспособленную для нужд проповеди цитату из «Слова о премудрости» Кирилла Туровского. Такое же, как и в № 507, перечисление грехов поясняет в этом тексте иноказательное выражение ‘дети мачехи’ толкуемой притчи: *Мацешини же дети се соуте: гордосте, непокорение, прекословее, презоресво, хоула, клевета...*

№ 510 (кон. XII – 1 пол. XIII в.; В 3) [Г]. См. выше, в № 285, о конъектуре *исправите*.

№ 515 (XII в.) [Г]. Загадочный вид фрагмента, в первой строке которого читается адресная формула: *Ѡ аков(а)*, а во второй — последовательность *ззззз*, вызвал комментарий издателей, пронизательно сопоставивших его с известной записью в псковском Апостоле 1307 г. (ГИМ, Синод., 722, л. 180) : *Ѡ · з · з · з · з · з · в · море · патъ земля · двѣ тмѣ · море · ∴ · мудры | разумѣть* (Срезневский 1882: 171)¹⁰. «Из этой записи следует, что слово “земли” (множественное число) могло быть на письме изображено в графически изящном варианте “ЗЗЗЗЗ”, основывающемся на древнем названии буквы — “земля”. Возможно, что и в данном случае мы имеем дело с подобным написанием этого слова, а речь в письме Якова идет о землях» (НГБ-VII: 110). Это остроумное предположение наталкивается, однако, на следующее препятствие: частотное в берестяных грамотах слово *земля* десятки раз представлено в них в единственном числе и ни разу — во множественном; с другой стороны, трудно представить себе, чтобы это слово было столь изысканным образом закодировано в обычном деловом письме. Тем не менее мысль о связи грамоты № 515 с записью Апостола 1307 г. кажется перспективной. Прием, использованный в записи Апостола, перекликается с известной из ряда русских рукописных книг конца XIV в. практикой обозначения слов, являющихся названиями букв кириллического алфавита, самими этими буквами, написанными под титлом (*Ѡ* в таком случае читается как *азъ*, *Ѡ* как *добро* и т. д.)¹¹. Однако от рукописей, демонстрирующих этот прием, Апостол 1307 г. отделяет почти столетие; к тому же в записи Апостола (как и в грамоте № 515) мы видим сразу несколько одинаковых букв, над

¹⁰ В издании надпись ошибочно отнесена к написанному в том же 1307 г. Поликарпову Евангелию (ГИМ, Синод. 740).

¹¹ Специально о ней см.: Загребин 2006; Баранкова 2013. В последней работе приводится наиболее полный перечень восточнославянских рукописей, в которых выявлен данный прием. В него входят 11 кодексов, большинство из которых датируются концом XIV – началом XV в. Наибольшее количество примеров содержит Златая Цепь конца XIV в. (РГБ, ф. 304, № 11), где находим, в частности: *Ѡ* <азъ> *разоумѣхъ* л. 12 г; како израсти *Ѡ* <земля> *плодъ бесѣмени* л. 21 в; а *мы шно Ѡ* <слово> *рчемъ* л. 47 в.

которыми отсутствуют титла. По-видимому, запись следует рассматривать как уникальный «ребус» и именно в этом качестве сравнивать с грамотой. Смысл этого ребуса был некоторое время назад разгадан А. Б. Страховым, показавшим, что «пять земель», «две тьмы» и «море» отсылают к загадке из апокрифической «Беседы трех святителей», имеющей в виду евангельские пять хлебов и две рыбы (Мф. 14: 19), взятые Христом «от земли» и «от тьмы морской». В разрозненном виде загадки «Беседы» встречаются не только как книжные маргиналии. Для Новгорода древнейшим свидетельством такого их бытования является недавно прочитанное граффито XII/XIII вв. из Мартирьевской паперти Софийского собора (Гиппиус, Михеев 2013а: 80). Учитывая очевидную экстраординарность грамоты № 515, можно предположить, что она заключала в себе загадку «Беседы» о хлебах и рыбах, предложенную адресату в письме в качестве своеобразной головоломки. Также головоломкой, хотя и иного рода, является знаменитая грамота № 46 — школьная шутка. Вопросно-ответные памятники круга «Беседы трех святителей» неслучайно рассматриваются как представляющие на Руси традицию «монашеских игр» (*Joca monachorum*), см. Страхов 1998.

№ 518 (первая пол. XII в.) [Г]. Запись грамоты в издании: ...|ствъ с њѣбєсъ — требует минимального уточнения: буква после њ — не *c*, а *e*. Этим решается и вопрос о словоделении. Перед нами, несомненно, сочетание (цѣсарь)ствѣе њѣбєсъ(ноє). Оно записано, вероятно, в одноеровой орфографии, если только знак, интерпретированный как њ, не является в действительности ерем с широким покрытием (засечка слева у него отсутствует).

№ 526 (2 треть XI в.; А 3) [Г]. По поводу формы *кроупѣмь* во фразе **на живот{т}тъкъ : њ : грѣмь кроупѣмь** в издании сказано: «Можно предположить, что здесь имеется в виду вещественная форма гривен. Вторая половина XI в. была временем обращения в Новгородской земле западноевропейской серебряной монеты — денария, который из-за его разновесности подвергался дроблению для удобства весового приема. “Крупемь”, “крупой” могли называть эти мелкие обрезки монет» (НГБ-VII: 127). А. А. Зализняк, определив форму как М. ед. прилагательного *крупыи* ‘мелкий’, первоначально перевел ‘в мелком, в мелких деньгах’ (Лингв.: 212), но в ДНД (с. 243) присоединился к трактовке издателей: ‘За Животком 2 гривны обломками [серебра]’. Оба толкования являются чисто умозрительными — никакими другими источниками использование данного адъектива и его производных для обозначения мелких денег или обрезков цветного металла не подтверждается. При этом, по верному замечанию Р. Факкани (1995: 111), форму серебряной «мелочи» занятые Животком две гривны могли иметь лишь в момент займа, что делает упоминание ее формы в долговом списке малообъяснимым: едва ли займодавец мог иметь в виду вернуть данные в долг 2 гривны в виде тех же серебряных обрезков. Как уже было сказано в комментарии к грамоте № 332, в подобных документах, помимо денежных сумм, регулярно отмечается лишь их статус в долговой операции (основной капитал или проценты); казавшийся исключением *оурѣзькъ* в грамоте № 710 трактован нами (там же) как финансовый термин, одно из обозначений недополученной прибыли.

Сомнения вызывает и синтаксический аспект интерпретации. Принимая ее, форму *кроупѣмь* приходится признать единственным в древнерусской письменности случаем свободного употребления беспредложного местного падежа не в локативном или темпоральном значениях. В берестяных грамотах такое употребление засвидетельствовано лишь примером *ѡѡрѣ соулиле* в № 820; но здесь, по-видимому, сказывается аналогия с выражениями *ходити (водити) ротѣ* (ДНД₂: 371).

Все эти трудности снимаются, если трактовать форму *кроупѣмь* так же, как два других беспредложных локатива грамоты — *Серегѣри* и *Доубровнѣ*, то есть видеть в нем топоним: на *Животкъ 2 гривнѣ Кроупѣмь* ‘За Животком в Крупом 2 гривны’. Названия, восходящие к прилагательному *круп(ыи)*, широко представлены в топонимике Новгородской земли. Исчерпывающую сводку материала приводит В. Л. Васильев (2012: 425–426), отмечая, что практически все такие названия относятся к малым речкам и ручьям. Среди них выделяется название р. *Крупа*, левого притока Мсты, впадающего в нее выше Боровичей и давшего имя волости *Круная*,

неоднократно упоминаемой в писцовых книгах Деревской пятины. В. Л. Васильев ссылается и на грамоту № 526 — но лишь как на свидетельство употребительности прилагательного в древненовгородском диалекте. Имеет смысл, на наш взгляд, взглянуть на ситуацию иначе, предположив, что именно волость Крупая, главное поселение которой вполне могло именоваться в XI в. *Крупое*, упоминается в грамоте, открывая ту ее часть, в которой перечисляются должники, проживающие на территории будущей Деревской пятины.

№ 530 (70-е – 80-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. В ДНД текст грамоты передан в следующем виде: ... | **будете тобѣ** **н[ѣ]-----н[ѣ]а-и ано азъ не говору а**... Такая запись оставляет без интерпретации около пятнадцати полностью и частично сохранившихся букв, что ставит задачу более полного прочтения текста. В конце третьей строки следует восстановить прочитанную издателями последовательность **пытном**, в которой, с учетом фрагментов двух букв слева, опознается наречие [*ис*]пытно (или форма дательного или местного падежа прилагательного *испытный*).

Буква между *а* и *и* во второй строке, обозначенная в ДНД прочерком, — *с* или *е*, причем (учитывая высоту, на которую видна эта буква) более вероятно первое. Однако последовательность *неаси*, равно как и *неаеи*, не допускает перед последующим *ано* никакой правдоподобной интерпретации. Значит, какие-то из букв определены неверно. Действительно, обращение к фотографиям и оригиналу показывает, что буква, прочитанная как *а*, — это на самом деле *а*, исправленное из *л*. С другой стороны, знак, трактованный как *а* в слове *ано*, с большим основанием может быть определен как *л*. В таком случае в тексте прочитывается фраза: *а си[л]но азъ не говору*.

Говорить сильно может означать ‘браниться’, ср. *сильные выражения*; с другой стороны, не исключено, что глагол сохраняет здесь свое старое значение ‘обвинять, выражать недовольство’ (сохраняющееся в *оговорить*), а в сочетании с *сильно* означает ‘возводить произвольное обвинение, проявля самоуправство’. С этим значением хорошо сочетается появляющееся в следующей фразе *испытно*, характеризующее, напротив, обоснованное, проверенное обвинение (ср. в ПВЛ под 996 г.: *достоитъ ти казнити разбоиники, но с испытном*).

На переходе с первой строки на вторую еще раз прочитывается [*сил*]н-. Последняя буква читается неуверенно: это может быть как *е*, так и *ѣ*. В обоих случаях мы имеем дело с вариантом *сильнѣ*, представленном не только в книжных, но и в деловых текстах (ср. пример из Слов. XI–XVII, 24: 141): *поставили избу да клѣт(ѣ) силне*). Это наречие хорошо встраивается в реконструируемый текст, позволяя прочесть следующее: *Будете тобѣ: не ----- [сил]н[ѣ]. А си[л]но азъ не говору, а(зъ) [ис]пытно*. На месте прочерков естественно было бы ожидать императив *говори*, однако остатки букв после *не* препятствуют этому. Сколько-нибудь надежная реконструкция для этого места невозможна, однако заметим, что здесь могло читаться, например, подходящее по буквам *не [пыри]* — от экспрессивного *пырить*, известного в говорах в значениях ‘колоть, укалывать’ (СРНГ, 33: 196; ср. пример из Даля: *он вилами пырит в меня*; ср. там же *пырка* ‘о раздражительном, сердитом человеке’). Что же касается *будете тобѣ*, то для него хорошо подходит современное значение ‘хватит’; однако конструкция могла быть и другой, например: (*соромъ*) *будете тобѣ*. Используя первую возможность, реконструируемый текст можно перевести: ‘Будет тебе, не нападай (не горячись) сильно!’ — ‘А я «сильно» не говорю, я (обвиняю) обоснованно’. Подобно целому ряду аналогичных документов (ср. № 3, 755, 962), грамота, по-видимому, включала пересказ диалога.

№ 531 (кон. XII – 1 пол. XIII в.; Б 98) [Г]. Перевод и комментарий в ДНД₂, опирающиеся на совокупность высказанных за тридцать лет толкований этого важнейшего документа, отразили и ряд положений моего доклада, сделанного на семинаре в Институте русского языка РАН в мае 2002 г. Поскольку предложенная в этом докладе трактовка ситуации грамоты воспроизведена в книге А. А. Зализняка, ограничусь несколькими замечаниями, поясняющими ее исходные основания и уточняющими нюансы интерпретации. Для удобства приведем текст грамоты с современной пунктуацией и конъектурами (обозначены подчеркиванием):

+ *Ѡ Ане поклоно ко Климате. Брате господине, попецалоуи о моем орудье Коснятиноу. А ныне изветаи емоу людеми: «Како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на доцерь еи, назовало еси състроу мою коуровоу и доцере бладею, а нынеца Ѡедо прѣхаво, оуслышаво то слово, и выгнало сестроу мою и хотело потати». А нынеца, господине брате, согадаво со Воеславомо, молови емоу: «Тако еси возложило то слово, тако доведи». Аже ти возомолови Коснятино: «Дала роукоу за зате», ты же, браце господине, молови емоу тако: «Оже боудоу люди на мою състроу... оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зате, то те а во вине». Ты пако, брате, испытаво, которое слово *возвело* на ма и пороукоу, а боудоу люди на томо — тебе не сестра, а моужевеи не жена, ты же ма и потени не зера на Ѡедора. И дала моа доци коуны людеми с ызветомо, а заклада просила. И позовало мене во погосто, и азо прехала, оже оно поехало проце а река тако: «азо солю 4 дворано по гривене сьрѣбра».*

Принципиальное значение для понимания ситуации грамоты имеет соотношение четырех контекстов, связанных через общие актанты и предикаты: (1) *еси возложило пороукоу на мою сестроу и на доцерь еи, назовало еси състроу мою коуровоу и доцере бладею*; (2) *Ѡедо прѣхаво, оуслышаво то слово, и выгнало сестроу мою и хотело потати*; (3) *тако еси возложило то слово, тако доведи*; (4) *испытаво, которое слово **возвело** на ма и пороукоу*. Рассматривая эти контексты, естественно исходить из того, что повторяющиеся слова обозначают в них одно и то же, а разные слова — разное. В предлагавшихся толкованиях грамоты этот принцип сплошь и рядом нарушался. Наиболее последовательно, но всё же не полностью, он соблюден ДНД₂, где *слово* трижды переведено как ‘обвинение’, *порука* — как поручительская ‘ответственность’ и ‘поручительство’, а глаголы *възложити* и *възвести* переданы их современными продолжениями — ‘возложил’ (в сочетании *възложиль слово* — как ‘предъявил обвинение’) и ‘взвел’. При этом, как следует из комментария, эти глаголы рассматриваются как синонимы: «В выражении *възложити (възвести) поруку* глаголы *възложити* и *възвести* означают ‘взвести’ в том же смысле, как в современном *взвести на кого-либо напраслину*, т. е. ‘утверждать (как правило, ложно), что данный человек нечто совершил (или сказал)’» (ДНД₂: 417–418). Это положение, на мой взгляд, нуждается в корректировке.

В современном русском языке *возложить* и *возвести* в соответствующих значениях семантически далеко не тождественны. *Возвести* употребляется только по отношению к утверждениям, которые оцениваются как ложные: *возвести* можно *напраслину, клевет, а также обвинение* — но только ложное (ср. у Даля: «*Взводить что на кого*, клеветать, обвинять неправо»). Между тем, *возложить* в данном отношении нейтрально: говоря, что X *возложил ответственность (вину)* на Y, мы ничего не утверждаем о том, справедливо или нет это было сделано. Это противопоставление, по-видимому, является древним; во всяком случае, все словарные примеры на *возвести/возводить* удовлетворяют указанному ограничению, оправдывая определение значения в Слов. XI–XVII (2: 271): ‘возвести на кого-л. ложное обвинение, оклеветать’. На этом фоне распределение двух глаголов в грамоте № 531 выглядит закономерным: ими обозначены одни и те же утверждения Коснятина, но в разных речевых ситуациях.

Будучи самым длинным из дошедших до нас берестяных писем, грамота № 531 уникальна и по своей коммуникативной организации. Ее основу создает цепочка «вложенных» друг в друга речевых актов: Анна сообщает Климате, что тот должен сказать Коснятину в связи с тем, что Коснятин сказал об Анне в связи с тем, что она сказала. В начале этой коммуникативной цепочки стоят слова поручительства, якобы произнесенные Анной. Ее заключительным звеном или внешней оболочкой является обращение Анны к Климате, то есть сам текст письма. Промежуточные звенья — это слова Коснятина, сказанные им об Анне и ее дочери, и заявление Коснятину, которое Анна предлагает сделать Климате. Именно в этом заявлении дважды употреблена форма *възложиль*, тогда как *възвель* выступает в речи самой Анны, обращенной к Климате.

«Проект» обращения Климаты к Коснятину составлен Анной с большой осторожностью и не содержит открытого обвинения или упрека обидчику. Сначала Климате должен просто сообщить о последствиях, которые произвели действия Коснятина — его заявление о поручительстве Анны и ее дочери и произнесенная в их адрес брань; затем он должен предложить Коснятину доказать его обвинение, допуская при этом, что

оно может оказаться справедливым. Альтернативный исход дела подразумевается, но не эксплицируется. Поэтому фразу *извѣтай емоу людьми* следует, на мой взгляд, переводить не ‘сделай ему при людях [следующее] заявление о его неправоте’ (ДНД₂), а так, как она была переведена в издании: ‘объяви ему при свидетелях’; глагольная лексема имеет здесь то же общее значение публичного объявления, что и употребленное далее в тексте существительное *извѣтъ* (*И дала моа доци коуны людеми с изветомо*) (ср. Лингв., § 82).

В своем собственном обращении к брату Анна не связывает себя рамками политкорректности и дает волю эмоциям. Утверждение Коснятина о ее поручительстве квалифицируется ею как наговор, что и передает обозначение его формой *възвель*, противопоставленной нейтральному, безоценочному *възложилъ* в речи Климьяты. Это различие проявляется и в структуре условных периодов, которые включают два высказывания. Совпадая в формулировке условия, они существенно расходятся в формулировке следствия. Ср.:

*оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зате, то те а во вине;
а боудоу люди на томо — тебе не сестра, а моужеву не жена.*

Климьята, предложив Коснятину доказать «возложенное» им обвинение, должен сказать, что Анна, в случае подтверждения факта ее поручительства, готова признать свою вину. В речи самой Анны, предлагающей Климьяте проверить обоснованность «возведенного» на нее обвинения, следствием при том же условии выступает эмоционально-риторический отказ от родства. В первом случае условие и следствие мыслятся как возможные; во втором случае — как нереальные, поскольку утверждение, подлежащее проверке, подается как заведомо ложное.

Для уяснения того, как соотносятся в грамоте понятия «слово» и «порука», существенна пропорция между контекстами (1) и (4):

(1)	въложилъ поруку	называлъ куръвою-блядью
(4)	възвель поруку	възвель слово

Из этой пропорции следует, казалось бы, что под «словом» нужно понимать брань, произнесенную Коснятином¹². Но это значение явно неприложимо к контексту (3), в котором Коснятину предлагается *довести* «возложенное» им *слово*, то есть доказать его. Значением, подходящим ко всем трем контекстам, оказывается ‘обвинение’ (см. Факкани 1995, где *слово* трижды переведено как ‘accusa’) — но только в том случае, если рассматривать это понятие в единстве его содержательного и формального аспектов. Указанная пропорция позволяет видеть в брани Коснятина экспрессивную форму, в которую вылилось предъявленное им обвинение. Что же касается содержания, предмета обвинения, то им, безусловно, не мог быть факт поручительства. Это следует из контекста (4), в котором «порука» и «слово» упоминаются по отдельности, и ясно из общих соображений: в глазах Коснятина поручительство Анны в принципе не могло оцениваться негативно, так как именно оно служило главной гарантией сохранности порученных зятю Анны средств. Инкриминировать Анне можно было лишь невыполнение ею поручительских обязательств, неверность своему слову, обман.

При таком понимании предмета обвинения его форма оказывается по-своему адекватной содержанию, поскольку однокоренные с *блядь* глаголы *блясти*/*блудити* означают одновременно ‘распутничать’ и ‘лгать, обманывать’. Показательна в этом отношении фраза из грамоты № 129: *да пересльшиваи о Таньи цо бѣ не бло(у)дила цого зра* [перевод в ДНД₂: ‘да следи за тем, что говорят о Танье, чтобы не занималась темными

¹² Стопроцентная надежность конъектуры *коурвоюю* (<коуръвою>), подразумевавшейся уже издателями и принятой в ДНД, подтверждается неоднократным использованием пары *курва-блядь* как бранного выражения в русских былинах. См., например: «Брала от ней чарочку в белы ручки, А назад то ей чарочку повыплеснула, Кунью шубоньку облила, Курвой-блядию оклѣскавала» (Гильфердинг, № 84, с. 518 [Хотен Блудович]); «Кабы был бы ты да не мой бы дядюка, Я бы назвал тебя я бы прямо сводничком, Кабы не тетушка была бы, назвал курвой б...ю» (Добрыня и Алеша, с. 186 [Алеша Попович и Тугарин]). Устойчивость этой пары вызывает сомнения в том, что два бранных слова действительно «распределены» Коснятином между Анной и ее дочерью. С этой странностью корреспондирует другая: Коснятин, если верить грамоте, «возложил поруку» на Анну и ее дочь, хотя последняя никак не могла выступать поручителем за своего мужа. По всей вероятности, за зятя поручилась (или не поручалась) одна Анна, и курвой-блядью Коснятин назвал только ее; дочь же Анны была вставлена во фразу для большего эффекта.

делами (букв.: чтобы не блудила чего зря)']. С точки зрения Коснятина, Анна как раз и занималась таким «блудом», что оправдывает данное ей бранное определение.

Объяснимой выглядит в таком случае и бурная реакция на «слово» Коснятина Федора, мужа Анны. Узнав о нанесенном его жене (а значит, и ему) оскорблении, Федор реагирует так, как если бы брань Коснятина соответствовала действительности: поступает с Анной как с неверной женой — хочет убить и выгоняет из дому. Причина этого, видимо, заключается в том, что Федор полагает обвинение Коснятина небезосновательным: если Анна действительно поручилась за зятя, а теперь отрицает это, именование ее «курвой-блядью» оказывается «заслуженным» и формально не может быть признано оскорблением (хотя, конечно, является таковым в глазах окружающих). Если же поруки не было, на чем настаивает Анна, то слова Коснятина должны квалифицироваться как «бесчестье», за которое он должен по закону ответить (см. цитируемую в издании статью Церковного устава Ярослава: «Аже кто назовет чужую жену блядию...» [НГБ-VII: 132]).

Реальность ситуации, в которой произнесенное оскорбление не признается таковым, поскольку является адекватным обозначением потерпевшего, может быть — применительно, правда, к более поздней эпохе — проиллюстрирована статьей 280 Соборного Уложения 1649 г.: «А будет кто с кем побраняся назовет кого выблядком, и тот кого он назовет выблядком, учнет на него государю бити челом о бесчестье, и с суда сыщется про того челобитчика допряма, что он не выблядок, и ему на том, кто его назовет выблядком, велеть по сыску доправить бесчестье вдвое безо всякия пощады. А будет про того челобитчика в сыску скажут, что он прямой выблядок, прижит у наложницы до законныя жены, или и при законной жене, или после законной жены, и таким выблядком в бесчестьях отказывати» (РЗ, 3, 149–150).

№ 550 (посл. треть XII в.; Б 91) [3]. Как убедительно показал И. Ю. Анкудинов (2014) на основе архивных документов из Новгородского дворцового приказа, в интерпретации термина *вежники* следует вернуться к толкованию, обсуждавшемуся уже в первоначальной публикации грамоты № 550, но в дальнейшем не принятому: *вежники* — члены рыболовной артели. Более точное значение, вытекающее из архивных документов, — рыболовы, занимающиеся зимним ловом рыбы (на озере Ильмень).

№ 567 (сер. 40-х – 70-е гг. XIV в.; Г 36) [Г]. Помимо целиком сохранившейся второй строки и начала третьей строки грамота содержит фрагменты (нижние части) почти двадцати букв в первой строке, оставшиеся до сих пор непрочитанными. Некоторые из этих букв идентифицируются однозначно, позволяя восстановить строку в целом: ... (на)[кла]де [Ѱже] а [не] да[кте] ѿ. В сочетании с последующим текстом и очевидной конъектурой для начальных слов получаем следующую реконструкцию фразы в целом: *(Аже есте дали)* или *(Али будете дали на)[кла]де [Ѱже], а [не] да[кте], ѿ (вы) дайте истинѣ, дайте не поверже гозбе*. Перевод: ‘Если вы уже отдали проценты, а он не дает (не сказано, чего), то отдайте основную сумму займа, чтобы он не бросил торговли’.

Местоимения *вы* в конце строки требует синтаксис фразы: в текстах этого времени за союзом *и*, стоящим за препозитивным придаточным предложением перед главным, обязательно следует личное местоимение. См., например: *а что рубль дать Игнату, и ты даи* № 363. В нашей грамоте после *ѿ* в конце первой строки есть место еще для двух букв, занятое однако сучком: по всей вероятности, писавший обошел этот сучок, написав *вы* чуть выше.

Чтение *(на)[кла]де*, а с ним и реконструкция в целом, подтверждается параллелью с грамотой № 142, где *наклады* и *истина* образуют пару, причем оба существительных управляются глаголом *дати*: *тъбѣ рѣже съа снати, а мнѣ наклады твоѣ дати, а истина дана*.

В свете этой параллели фраза *дайте истинѣ, дайте не поверже гозбе* прочитывается иначе, чем в ДНД, где она переведена ‘... дайте капитал (т. е. дайте денег в долг), чтобы он не бросил торговли...’. Тот же перевод, за исключением пояснения в скобках, находим и в НГБ (VIII: 35). Между тем, комментируя при публикации отдельные выражения грамоты, В. Л. Янин отметил возможность иного понимания этих слов: «“дайте истину”: дайте капитал, или: *отдайте капитал* [курсив мой. — А. Г.]» (35). Причину, заставившую оговорить эту вторую возможность (которая, как видим, и подтверждается более полным почтением грамоты), неслож-

но понять: во всех остальных случаях *истина* и ее синоним *исто* употребляются в берестяных грамотах, обозначая только возвращаемый (или не возвращаемый) долг, но не сумму, которую кто-то дает или берет займы. Это не удивительно, поскольку само обозначаемое этим словом понятие основного капитала существует лишь постольку, поскольку ему противопоставляется понятие процентов, прибыли. Слова *истина*, *исто*, как и, с другой стороны, разнообразные обозначения процентов (*лихва*, *ростъ*, *намъ*), определяют статус денежных сумм в рамках долговой операции, поэтому они употребляются только там, где этот статус актуализирован, в первую очередь — в ситуации возвращения/взыскания долга, когда важно указать, что именно возвращается — сама ли занятая сумма, проценты с нее или и то и другое вместе. В ситуации же дачи денег займы статус суммы, передаваемой кредитором заемщику, очевиден и не нуждается в экспликации. Грамота № 567, если бы *дайте истину* означало в этом тексте ‘дайте денег в долг’, была бы исключением из правила. В новом прочтении она, напротив, вписывается в общую модель.

Что, однако, нуждается в прояснении — это характер отношений, связывавших автора и адресата грамоты с лицом X, которому надлежало выплатить проценты, а в случае если он «не даст», вернуть основную сумму долга. Ясно, что эти отношения не ограничивались долговыми обязательствами, поскольку слова *а не дайте* (*а не дакъть*) явно имеют в виду не занятые деньги, которые сами адресаты грамоты должны отдать X-у, а нечто иное, в получении чего от X-а автор и адресаты заинтересованы и что они рискуют потерять, если X *повержет гостьбу*, т. е. бросит торговлю. Надо полагать, что имеется в виду товар, который автор с его семейством получает от ведущего дальнюю торговлю X-а и реализует на внутреннем рынке. Автор предполагает, что, не получив от него данных займы денег, X может бросить торговлю и перестать снабжать его товаром.

№ 580 (40-е – 50-е гг. XIV в.; Г 23) [3]. Для слова *передъ* в функции наречия ср. еще: *а все то оучяль дѣяти новину, а стариноу покиноувъ; а псковичи передъ прави, и поповѣ за его подъездъ и оброкъ не стояли, но стало по грехом и по дьяволу навоженью, сталь бои псковичам с софьяны* (Строев. [1435], 74 об.).

№ 589 (сер. 20-х – 50-е гг. XIV в.; Г 33) [3]. А. А. Гиппиус высказал мысль, что слово *нечестъ* может означать в этой грамоте не срам, а некоторый материальный ущерб (штраф), ср. слова *поч(с)та* и *почестье*, которые обозначают реальные дары. И в том же ключе, возможно, следует понимать выражение *честь емлючи* в № 227 и даже выражение *ишучи себе чти, а князю славъ* в «Слове о полку Игореве».

Отметим в этой связи наличие именно такого значения у слова *бесчестье*. Так, в Улож. (л. 66 об.) находим: *да на нѣм же взѣти рѣненомѣ за двѣчье бесчѣстье вѣдвоѣ*. И еще яснее далее там же: *да на нѣм же взѣти томѣ когò онъ оударитъ бесчѣстье*.

Для представленной в грамоте конструкции *доспѣи ...ати* теперь можно указать аналогичный пример с *доспѣти* + инфинитив: *Аще ли же буря крестъ сломитъ съ церкви, доспѣти инъ поставити* (Послание митр. Киприана 1390 г. — Срезн., I: 711). Но перевод Срезневского ‘поспешить’ здесь неточен: это скорее ‘суметь другой поставить’, ‘обеспечить постановку другого’, ‘сделать так, чтобы был поставлен другой’.

Таким образом, различались: а) *доспѣти* переходное (или с инфинитивом) ‘сделать, устроить, изготовить’ и б) *доспѣти* непереходное ‘изготовиться, собраться, быть готовым’.

№ 592 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 41) [Г]. Грамота прочитывается полнее, чем в издании:

... [тв]о[р]и[т]с[ь] (о)у т[е]б[е] ...
 (п)[л]а[т]иль · при-сли · ко мнѣ · грамоту · и · до
 ... с кымъ боу[дешь пр](ислалъ)

Утраты текста на концах строк, по-видимому, невелики. В конце первой строки остатки букв допускают конъектуру [вох](о за)(п)[л]а[т]иль. В конце второй строки ранее читалось *и до Хъм...* На новых снимках вид-

но, однако, что за буквы *хъм* был принят ряд косых штрихов на непригодном для письма темном участке бересты, текст же второй строки заканчивается буквами *до*. Фрагменты *присли ко мнѣ грамотоу* и *с кымъ бу[дешь пр](ислать)*, несомненно составляли одну фразу, ср. в № 358: *А ты, Нестере, про чицакъ пришли ко мни грамоту, с кымъ будешь послать*. Разница в том, что № 358 придаточное предложение раскрывает основное содержание грамоты, в которой должно было быть сообщено, с кем был отправлен шишак. В рассматриваемом же случае грамота, как можно думать, должна была подтвердить или опровергнуть чье-то приведенное выше утверждение, что деньги были заплачены; информация о том, с кем она прислана, должна была в таком случае носить характер дополнительного сообщения. Это делает вероятной конъектуру: *и до(пиши), с кымъ бу[дешь пр](ислать)*. Заметим, что именно так устроена грамота № 1004, на обороте которой читается приписка, поясняющая, кто доставил письмо: *А то Гоїмере а іже то Чьрени[?]ове, со женою, не поменю їма*.

Перевод: ‘(Такой-то) утверждает, что все тебе заплатил. Пришли ко мне (об этом) грамоту и допиши, с кем прислал’.

№ 596 (посл. треть XIII в.) [Г]. Буквы в начале первой и второй строк, почитанные в издании как *ро* и *хо*, в действительности — зеркальные *уо*. Соответственно, текст грамоты приобретает следующий вид:

... | уо вавоцо грвн[и] ...
 уо перьница гри...
 (уо) ---єѡи о тр[и] ...

Вавоцо — вероятно, записанное с ошибкой (предвосхищением *о*) *Вавицо* (Вавичь). *Вава* — гипокористика от *Вавила*; ср. название дер. Вавино Поле в Лужском р-не Ленинградской области. Для отчества *Перничь* ср. название села Перново в Петушинском р-не Владимирской области, а также фамилии *Пернев* и *Пернов*. Прозвище *Перень* — очевидно, от *переть*; ср. пск. *пéрен* (*перён*) и *пéрень* ‘остатки сгнившей растительности в реке, озере, прибываемые к берегу’ (СРНГ, 26: 171).

№ 605 (кон. 80-х гг. XI – 1 треть XII в.; А 21) [З]. Для фразы *ты еси мои, а а твои* можно указать фразу близкого строения из летописи: *ты ми кси брать, а а тобѣ* (ПВЛ [1078] по Лавр., л. 68).

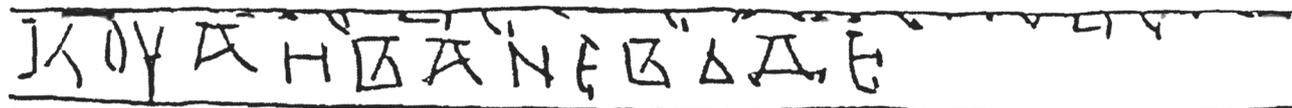
№ 608 (втор. четв. XII в.) [Г]. Во второй строке фрагмента уверенно прочитывается: ... (ѡ)[ѣ]сть п[р]и[с]ъ[л]ъ[а](ѡ) ...

№ 612 (вероятно, XIII в.) [Г]. Приводим уточненное чтение фрагмента с наиболее вероятным словоделением: ...тѣ короз[нѡ] ... | ѡ мене • то т[и] ... *Корозно* — плащ (ср. № 638); *то ти* — союз.

№ 614 (посл. треть XIII в.; В 29) [Г]. Буквы *ме*, приписанные в конце первой строки грамоты ниже ее основного уровня, должны, по-видимому, несмотря на отсутствие титла, трактоваться как цифры (45), так как цифрами заканчиваются все смысловые отрезки, на которые членится текст; к тому же справа от *е* на снимке виднеется точка, а слева от *м* — точка или вертикальное троеточие. По нижним частям букв можно попытаться прочесть предыдущее слово. Однозначно идентифицируются буквы *-лоу--к--*. На месте первого прочерка виден низ от *к*, а на его фоне — вертикальный штрих с нижней засечкой. На месте второго прочерка — низ от *б* или *ѡ*, с той особенностью, что при вертикали этой буквы имеется ненужная нижняя засечка. На месте третьего прочерка виден низ от *о*, *с* или *е*. Эта последовательность получает осмысленную интерпретацию, если предположить, что первая и четвертая буквы — это *з*, исправленное из *к*, и *б*, исправленное из недописанного *п*. В таком случае перед нами форма прилагательного *глоубокыи*, корень которого писавший стал поначалу записывать как *клуп-*, но затем исправился. Такое исправление выглядит вполне закономерным на фоне представленной в грамоте регулярной замены звонких согласных глухими: *во Доброкоствечихо* (Доб-

раполировать и на соотношение начертаний б и ъ. С другой стороны, характерный начерк имеет к, которое невозможно спутать с другими буквами. С учетом этого, круг возможных вариантов идентификации частично сохранившихся букв первой строки оказывается следующим (приводим эти варианты в непосредственном сравнении с прорисью):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
-	б	-	н	с	б	с	д	с	а	н	с	н	о	б	с	л	ъ
	в		п	е	в	е		е		п	е	п		в	е	а	ь
			и							и		и					ѣ

Продолжение этого ряда на второй строке (до слова *ськыроу*) таково:

19	20	21	22	23	24	25											
-	о	б	ъ	с	к	ъ	с	ь	к	ы	р	о	у				
		в	ь	е		ь		ь									
			ѣ			ѣ		ѣ									

Для интерпретации всей этой цепочки принципиальной оказывается трактовка восьмого знака как *д*. Видимый от этой буквы косой штрих находится на таком расстоянии от предыдущей буквы, что может быть трактован только как левая ножка *д* — такого же, целиком уместяющегося в строке, как в словах *городкоу* и *вьде*. Поскольку в тексте первой половины XII в. сочетание *дс* немислимо, следующая буква может быть только *е*. Это означает, что перед однозначно читаемым далее *а* проходит словораздел. Несложно убедиться в том, что варианты прочтения следующих восьми букв складываются в единственную осмысленную цепочку: *а не повел-*, где форма глагола допускает двоякую трактовку: *повел(е)* ‘повел’ или *повелѣ* (аорист) ‘повелел’. Может ли одна из этих словоформ управлять одновременно В. ед. *ськыроу* и Д. ед. *Городкоу*? Очевидно, нет, если, согласно трактовке грамоты в издании, трактовать *ськыру* как вещь (топор), а *Городкоу* как форму личного имени *Городко*. Однако последняя словоформа может быть понята и как беспредложный дательный падеж топонима *Городокъ*; что же касается *сѣкыры*, то ее можно трактовать метонимически, ср. широко распространенную в более позднее время в грамотах формулу описания земельных угодий: *куда ходила коса и сѣкира* (см. примеры Слов. XI–XVII, 7: 357; 24: 38). «Секиру», способную «ходить», можно и «вести», особенно, понимая ее не в хозяйственном смысле, а как карающее орудие; ср. упоминание меча в библейском контексте: «Или если бы Я навел на ту землю меч и сказал: “меч, пройди по земле!” и стал истреблять на ней людей и скот...» (Иез. 14: 17). Фразу *повель ... сѣкыроу Городкоу* следует в таком случае понимать как сообщение об отправке к *Городку* карательного отряда. Для слова, обозначенного отточием, остается тогда позиция подлежащего или обстоятельства места, выраженного беспредложным локативом. Учитывая, что это слово, несомненно, содержало суффикс *-ьск-*, второе кажется более вероятным. Не пытаюсь пока реконструировать этот топоним, фразу в целом можно восстановить следующим образом: *А не повель Х-ьскъ ськыроу Городкоу, а Иване вьде* (см. буквы, выделенные жирным шрифтом, в приведенных табличках).

Такая реконструкция наталкивается на следующее грамматическое препятствие. В раннедревнерусскую эпоху при переходных глаголах с отрицанием регулярно употребляется родительный, а не винительный падеж. Однако, как показывает следующий пример из Синодального списка Новгородской 1-й летописи, употребление в этой позиции аккузатива всё же было возможно и в первой половине XII в.: *еп(с)пѣ и коупьце и слы новгородьскыя не поущахоу из Роуси* 1142, л. 22. Заметим также, что *ськыроу* в реконструируемой фразе соотносится не только с *не повель*, но и с *Ивань вьде*, чем мог быть дополнительно обусловлен выбор аккузатива.

В поисках конъектуры для первого топонима фразы, имевшего вид *Х-овьскъ / Х-обьскъ* или *Х-овьско / Х-обьско*, стоит обратить внимание на название ближайшего к Новгороду населенного пункта, в названии которого присутствует слово *Городокъ*. Это знаменитый *Холопий Городок*, находившийся на правом берегу Волхова, у места слияния его с Волховцом, в 14 км от оз. Ильмень. Древнейшим отражением этого названия является его немецкая калька *Drelleborch*, фигурирующая в договоре 1270 г. Новгорода с Ганзейским союзом как название последней остановки на Волхове перед Новгородом. С названием этого поселения перекликается окрестная гидронимика — оз. *Холопье* и р. *Робейка*, упоминаемая в данной Варлаама Спасо-Преображенскому Хутынскому монастырю как *Робья*. Нельзя ли предположить, что прилегающая к Холопьюму Городку местность носила в древности название *Робьско*? Топонимы, представляющие собой застывшие краткие формы прилагательных на *-ьск-*, хорошо представлены в ближайших окрестностях Новгорода (*Курицко*, *Клопско* и др.). Сделанное предположение хорошо объяснило бы соотношение двух топонимов, из которых первый обозначает местность в целом, а второй — ее укрепленный центр, к которому некто, чье имя было указано выше, отказался вести карательный отряд («секиру»), а Иван — ведет (или повел, если трактовать *вьде* как аорист, что совсем не кажется невероятным)¹³.

В комментарии к грамоте в НГБ-IX В.Л. Янин предположил, что речь в ней шла о походе на Суздаль, возглавлявшемся посадником Иванком Павловичем и закончившемся поражением новгородцев при Ждане Горе, при котором Иванко Павлович и погиб. В предлагаемом прочтении грамота доносит до нас отголосок не отраженных летописью событий внутренней истории Новгородской земли, в ходе которых тот же Иванко Павлович руководил, как можно думать, подавлением беспорядков, вспыхнувших в северных окрестностях Новгорода. Заметим, что противопоставление «Х не повел..., а Иван ведет» вполне отвечает посмертной характеристике летописцем Иванка Павловича (и только его из всех погибших в битве при Ждане Горе) как «мужа храбра зело» (НПЛ [1134], л. 15).

В связи с предлагаемой трактовкой грамоты № 633 стоит вспомнить также относящуюся к этому месту легенду, записанную в XVI в. Герберштейном (1988: 150) и объясняющую происхождение названия Холопий Городок: «Когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня, их женам наскучило отсутствие мужей, и они вышли замуж за рабов. Наконец, завоевав город, победители-мужья возвратились с войны <...> Рабы же вознамерились силой не пустить в город своих господ, на супругах которых они женились. Тогда господа, возмущенные этим недостойным деянием, отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо имели дело с рабами, взяли за дубинки и плети; уstraшенные этим рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место, которое и поныне еще называется Хлопигород, то есть “крепость рабов”, стали там защищаться, но потерпели поражение и понесли от господ заслуженную кару». Не является ли этот легендарный сюжет отголоском реальных событий XII в., отраженных комментируемым документом?

№ 649+650 (кон. XII – 1 четв. XIII в.; Б 132) [Г]. Первая строка № 649 прочитывается более полно, чем в издании: *оу озъкъ оу объкъшь [с(ь)мга :в:] сьроцька*. Это древнейшее упоминание семги в русских источниках (в Слов. XI–XVII [24: 52] самый ранний пример — из текста конца XVI в.).

В середине первой строки № 650 без видимых альтернатив реконструируется: *[оу кьпр]е[ла]н[о]*. «Копре-лянами», с метатезой *pn > pr*, могли именоваться жители селения *Корпела*. Это название, распространенное в Финляндии и Карелии, носила, в частности, деревня в Приозерском районе Ленинградской области. С такой трактовкой хорошо согласуется и упоминание в грамоте семги.

№ 649+650 [3]. Грамота найдена на усадьбе Троицк. И (а не Ж).

¹³ Заметим, что словами *(и)[в](а)[не ве]д[е]* могла, судя по остаткам букв перед реконструируемым *А не повель*, заканчиваться и предыдущая фраза. Можно осторожно предположить, что два смежных предложения обладали одинаковой структурой, сопоставляя поведение в сходных ситуациях неизвестного нам по имени лица и Ивана.

№ 652 (кон. XII – 1 четв. XIII в.; Б 141) [Г]. Согласно характеристике грамоты, данной издателями, в ней «записана молитва, первая часть которой обращена к Богородице, а вторая — к Вседержителю» (НГБ-IX: 47). Первая часть атрибутирована в издании как богородичная молитва Великого повечерия; вторая осталась без определения. Источник этой части также может быть указан: им является заупокойная стихира 6-го гласа: «Соделтелю и Творче, Зиждителю и Избавителю, ослаби отпусти, Христе Боже, и душу его (ея) помилуй, егда хочещи испытати, тогда пощади, Милостиве; приими душу его (ея), Владыко, сведьи тайная». Важно, что, в отличие от первой части молитвы, воспроизводящей свой источник дословно, вторая часть перефразирует исходный текст, превращая заупокойную молитву в прошение о собственной душе: ... *творьче, зиждителю, из[б]ав[ит]([ит])елю), ... (по)милуи, кгда хоче[ши] ма испытати ...*

№ 655 (сер. XII в. – нач. 1210-х гг.; Б 132) [З]. Грамота найдена на усадьбе Троицк. Г (а не Ж).

№ 664 (2 пол. XII в. – нач. 1210-х гг.; Б 56) [З]. О значении термина *вежники* см. выше, № 550.

№ 672 (сер. 50-х – сер. 90-х гг. XII в.; Б 78) [З]. Для трудной фразы *а повъжьс и оу Твердаты чьт[о са] ало коуно*, наряду с предложенными в ДНД₂ (с. 386) вариантами перевода, по-видимому, можно предложить также и следующий «прямолинейный» вариант: ‘А скажи (доложи) также и [в доме, в ведомстве] у Твердаты, сколько досталось (получено) денег’.

№ 677 (40-е – сер. 90-х гг. XII в.; Б 132) [Г]. Транскрипция в ДНД: ... ти ^Г грвнѣ истинѣ : съ дикы... На новом снимке видно, что сохранившийся элемент буквы после *ы* может быть только низом «подпрыгнувшего» в строке *e* (в грамоте уровень букв в строке сильно колеблется). Присутствие в тексте словоформы *дикые* с наддиалектным древнерусским окончанием *-ыѣ* кажется маловероятным на фоне диалектного оформления двух предыдущих слов. Предпочтительным выглядит поэтому другой вариант словоделения и следующая реконструкция текста в целом: (запла)ти ^Г грвнѣ истинѣ : съди къ[ѣ](вѣ) ‘заплати три гривны основного капитала, оставайся в Киеве’.

№ 686 (сер. 50-х – сер. 90-х гг. XII в.; Б 75) [Г]. Перевод: ‘128 в простом, а в другом 96’. Смысл этого полностью сохранившегося документа оставался до сих пор загадочным. В. Л. Янин, заметив, что числа 128 и 96 относятся друг к другу как 4 к 3, пишет: «Документ производит впечатление ответа на некую ученическую задачу по арифметике» и предлагает два возможных варианта формулировки условия такой задачи (НГБ-IX: 70–71). А. А. Зализняк допускает также, что «речь идет о двух видах займа (или долгового списка, или иного счета), один из которых назван простым» (ДНД₂: 383). Оба предположения оставляют неясным, почему из всех чисел, находящихся между собой в указанном отношении, в грамоте названы именно эти два, а не какие-либо другие.

Естественно думать, между тем, что числа 128 и 96 представляют собой не абстрактные математические величины, но вариантные количественные характеристики некоторого конкретного понятия, обозначенного не названным в тексте существительным мужского или среднего рода, к которому относятся прилагательные *простой* и *другой*. На эту роль идеально подошло бы название меры, в одной разновидности которой 128 единиц, а в другой — 96. И такая мера действительно отыскивается. Мы находим ее в самом раннем русском метрологическом трактате, входящем в состав так называемой «Торговой книги» конца XVI в. Среди прочих весовых мер — *берковец*, *контарь*, *пуд*, *безмен*, *фунт*, *гривенка* (большая и меньшая), *золотник*, *почка*, *пирог* — здесь назван *ансырь*, о котором сказано следующее: «Ансырь досюда был Бухарский, весит пол 3 гривенки малых и 8 золотников, а всего в ансыре 128 золотников; а деньгами Московскими весит ансырь 8 рублей; а нынешний ансырь весит фунт в 96 золотников, а деньгами весит 6 рублей» (Сахаров 1851: 114; Янин 2007: 208). Как следует из этого разъяснения, составителю перечня были известны два ансыря — «нынешний», в 96 золотников, тождественный фунту и большой гривенке, и «бухарский», в 128 золотников.

Н. Т. Беляев (1927: 266, 276–278) предполагал за обоими вариантами глубокую древность, сопоставляя их соответственно с вавилонскими золотой (ок. 546 г. = 128 золотников) и серебряной (ок. 409 г. = 96 золотников) монетными минами. Какими бы ни были пути проникновения на Русь этих весовых мер, присутствие их в местной весовой шкале уже в домонгольское время представляется вполне вероятным. Тот факт, что ансырь не упоминается в русских источниках до XVI в., не является препятствием к этому допущению. Такие меры, как контарь и безмен, также упоминаемые в «Торговой книге», были до недавнего времени известны лишь по позднесредневековым русским источникам (контарь — с XV в., безмен — с конца XIV в.), однако теперь обе они свидетельствуются берестяными грамотами XII в. (первая, в форме *кендарь*, — грамотой № 627, вторая — грамотой № 1048, где, несмотря на сильную фрагментированность документа, слово *(б)езмѣнь* вычленяется вполне надежно). Только в берестяных грамотах (№ 644) засвидетельствовано в раннедревнерусский период и слово *золотникъ* в значении весовой единицы. Косвенное упоминание ансыря в комментируемом документе выглядит на этом фоне абсолютно естественно.

Определение ансыря в 128 золотников как «простого» могло иметь в виду привычность и удобство этого числа, представляющего собой седьмую степень от двух. Что же касается синтаксической неполноты формулировки, обходящейся без прямого упоминания обсуждаемых понятий (ансырь и золотник), то объяснить ее позволяет мысль В. Л. Янина: грамота действительно может представлять собой ответ — только не на арифметическую задачу, а на прямо поставленный вопрос: «Сколько золотников в ансыре?». Аналогичным образом ответом на вопрос: «Сколько дней в году?» будет фраза: «365 в простом, а в високосном — 366».

Об ансыре см. также в комментарии к грамоте № 1052 в настоящем томе.

№ 696 (60-е – 90-е гг. XIV в.) [Г]. В издании грамота опубликована в виде двух фрагментов, из которых второй оказывается при ближайшем рассмотрении прямым продолжением первого, что позволяет полностью прочесть заключительную формулу: ...*иль · а тобе са кланаемъ са* (с *кла* вместо *кла*).

№ 701 (60-е–90-е гг. XIV в.; Г 87) [З]. Как стало ясно из грамоты Ст. Р. 41, в древненовгородском диалекте мера веса соли называлась словом женского рода *розмѣра* (а не *розмѣрь*).

№ 710 (60-е – 90-е гг. XII в.; Б 56) [Г]. Про слово *урѣзокъ* см. в комментарии к грамоте № 3326 (конец).

№ 720 (1 пол. [предпочт. 1 четв.] XIII в.; Б 132) [Г]. Грамота состоит из двух фрагментов, больший из которых, представлявший собой самый конец документа, в издании поделен на слова и прокомментирован следующим образом: «*клада* (или *кла да*) *п[ъ]моръце намеце*. Последние два слова, по-видимому, следует интерпретировать как *поморочь намече* ‘нанесет тучи, пасмурную погоду, ср. *пóморочь* ‘мрак, темень от набежавших туч’ Пск., Твер. (СРНГ, 29: 225), *pomorotzlivo* — *dunkel weder* (Фенне, 31)» (НГБ-Х: 19). Текст меньшего фрагмента был оставлен без прочтения. Между тем сохранившиеся на этом фрагменте элементы букв поддаются интерпретации: ...*а [·]ѣ: к(оунъ)...* | ... *(гри)[въ]но [оу]* ... Этого достаточно, чтобы охарактеризовать документ как денежную запись. С такой атрибуцией, однако, не вяжется предложенная издателями трактовка большего фрагмента. Она встречает и трудности графического порядка. Обратившись к снимку, можно увидеть, что буква, прочитанная как первое *е* в *намеце*, в действительности не имеет язычка и представляет собой *с*. Это позволяет прочесть текст совершенно иначе: ... *(на)клада по моръце на мѣце*, т. е. ‘процентов — по мордке в месяц’. *Моръце* [моротцѣ] — это, очевидно, Д. ед. от *мордка* (ранн. *мърдька*), с наддиалектным эффектом второй палатализации. Менее вероятно, что это форма от *мордьца*, поскольку производные с суффиксом *-ѣ-а* от *а*-основ в древнерусских текстах, как кажется, не засвидетельствованы.

Для исчисления процентов «по мордке на месяц» ср., с одной стороны: *нѣ водаси ли а лаж[ѣ] ти [оꙗ] Д[о]м[ит]рова ѿѣни по три рѣзане на месѣце* Торж. 7, а с другой стороны: *нама ти хота ти по 8 куну и по мородоки* № 775.

№ 721/647/683 (40-е – сер. 90-х гг. XII в.; Б 56) [Г]. На переходе с третьей строки на четвертую следует читать не съ|[р]ъцьвъ, а сър|[р]ъцьвъ, с повторением буквы *p* при переносе. А в самом сочетании [иі:] сър|[р]ъцьвъ следует видеть не записанную с ошибкой словоформу Р. мн. *сорочькъ*, но Р. мн. **сорочьцевъ* (записанный с одиночным *ц* вместо двойного *ци* [из *чы*]) от уменьшительного *сорочьць*, представленного в грамоте № 910.

№ 724 (о датировке см. ниже; Б 47) [Г]. Предложенная издателями трактовка этой важнейшей грамоты была в основных моментах пересмотрена П. В. Петрухиным [2009]. Не видя достаточных оснований для отождествления упоминаемых в тексте Захарии и Андрея с посадником Захарией и Андреем Боголюбским, П. В. Петрухин иначе трактует отраженную грамотой ситуацию. Речь, как он считает, должна идти не о противостоянии Новгорода и Суздаля в Заволочье, но, «скорее, о банальной неразберихе среди ответственных за сбор дани администраторов» (с. 125).

«Рычагом» для пересмотра устоявшейся интерпретации стало новое прочтение ключевого фрагмента грамоты: *по томъ пришии смерди ѿ андрѣа мъжь приаши и данѣ ѿаши людѣе*. Согласно переводу и комментариям в издании, ДНД₁ и ДНД₂, пришедшие смерды «приняли» «мужа» Андрея Боголюбского, то есть признали за ним право сбора дани, после чего его люди эту дань собрали, отняв у новгородского «данника» Саввы¹⁴. Полемизируя с такой трактовкой, П. В. Петрухин предлагает считать, что глагол *приати* выступает в данном контексте в специальном значении ‘арестовать’, тогда как *мъжь* является формой В. = Р. мн., а не В. ед. Фрагмент, таким образом, приобретает вид: *По томъ пришии смерди ѿ Андрѣа, мъжь приаши, и данѣ ѿаши людѣе* ‘Потом пришли смерды от Андрея, задержали мужей и отняли дань’.

В целом ситуация грамоты представляется П. В. Петрухину следующей:

«Люди», которым следовало собрать остаток дани, по какой-то причине этого не сделали. Затем некто Захария через своего посланника дезавуировал полномочия Саввы как сборщика дани. Не вполне ясно, кому было адресовано это послание: это могли быть местные землевладельцы, старейшины общины или администраторы. Как бы то ни было, распоряжение Захарии дошло до адресатов слишком поздно: Савва уже собрал основную часть дани. В этой ситуации (возможно, из опасения, что им придется повторно платить уже уплаченную дань) местные плательщики дани решили действовать: Андрей — по-видимому, один из людей, получивших послание Захарии, — послал к Савве смердов, которые взяли под стражу подчинявшихся ему дружинников и отобрали собранную ими дань. Далее Савва сообщает, что восьмерым из его людей — отряду под началом Тудора — удалось бежать, и просит отнестись к ним с пониманием.

Упомянутый в грамоте Андрей — либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина; вопрос о том, был ли Захария посадником или просто высокопоставленным администратором, остается открытым (Петрухин 2009: 119).

Не видя оснований связывать грамоту с событиями 1160-гг., П. В. Петрухин склонен датировать ее более поздним временем (началом XIII в.), с чем лучше согласуется последовательно позднерусское состояние редуцированных в основном тексте письма. Сохранение слабых редуцированных в приписке исследователь считает иллюзией, создаваемой эффектом скандирования. Языковые и орфографические различия между основным текстом грамоты и припиской объясняются не сменой установки писца, а тем, что текст на обороте написан другим почерком.

Разбор этого построения начнем с последнего тезиса. По мысли П. В. Петрухина, основной текст письма был записан профессиональным писцом (возможно, даже не новгородцем), тогда как постскрипtum Савва писал собственноручно. Согласиться с этим можно было бы, лишь допустив, что Савва и его писец обучались грамоте у одного и того же учителя, в деталях усвоив от него не только все основные буквенные начерки (в том числе и очень редкие и специфичные, вроде не встречающегося более в грамотах раннего периода У-образного *ч*), но также общую манеру, размер и ритм письма. Это допущение кажется совершенно искусствен-

¹⁴ Слово «данник» мы употребляем здесь в том значении, какое оно имеет в древнерусских текстах: ‘сборщик дани’.

ным, и необходимость в нем отсутствует. Те мелкие отличия палеографического характера, которые П. В. Петрухин отмечает между двумя частями грамоты, вполне объяснимы в рамках гипотезы об изменившейся установке писца. П. В. Петрухин не видит причин для такого изменения: «ведь не изменились ни адресат письма, ни тема». Но как раз в этом отношении грамота № 724 находит важнейшую параллель в виде грамоты № 854, которой П. В. Петрухин не упоминает: и здесь часть письма, представляющая собой дополнение к основному тексту (при сохранении адресата и темы), обнаруживает как палеографическую, так и орфографическую специфику (см. ДНД₂: 323–324). Объяснение эффектом скандирования сохранения слабых редуцированных в постскриптуме также выглядит надуманным: в отсутствие примеров, которые иначе, как скандированием, объяснить невозможно, предполагать в тексте наличие этого эффекта в принципе не имеет смысла — в противном случае скандирующим можно признать любой раннедревнерусский текст. Существенно также, что в свете находок последнего времени основной текст грамоты № 724 перестает быть «белой вороной» с точки зрения состояния редуцированных: еще более последовательно позднедревнерусский облик имеет орфография блока грамот Якима, написанных в интервале с 60-х по середину 90-х гг. XII века (см. характеристику этого блока в настоящем томе)¹⁵.

Представляется, таким образом, что предложенное А. А. Зализняком объяснение тройного противопоставления основного текста и постскриптума (стандартная / бытовая графика; отсутствие / наличие диалектных черт в фонетике и морфологии; позднедревнерусское / раннедревнерусское состояние редуцированных) остается в силе и в пересмотре не нуждается¹⁶. Для П. В. Петрухина стимулом к «омоложению» грамоты является предлагаемая им трактовка формы *мужь* как В. = Р. мн., лучше согласующаяся с поздней датировкой, так что здесь он идет на поводу у собственной гипотезы.

Сильнейшей стороной статьи П. В. Петрухина следует признать критику предложенной в издании исторической интерпретации документа в той ее части, которая касается существа отраженных грамотой политических конфликтов. «Получается, — пишет П. В. Петрухин (с. 112), — что в грамоте идет речь о двух совершенно разных — и по составу участников, и по характеру, и по масштабу — конфликтах: один — внутренний, между новгородским князем и новгородским же посадником, другой — внешний, между Новгородом и Суздалем». Но такое понимание дела, замечает он, вступает в противоречие с датировкой грамоты временем посадничества Захарии. С одной стороны, по словам самого В. Л. Янина, «Захарья, избранный на вече в связи с победой Святослава, остается его единомышленником до конца своего посадничества» (Янин 2003: 146), так что говорить о противостоянии князя и посадника именно в этот период не представляется возможным. Столь же маловероятным выглядит и конфликт между Новгородом при Святославе Ростиславиче и Суздалем при Андрее Боголюбском. «Дело в том, что Святослав был посажен на новгородский стол при непосредственном участии Андрея (см., например, [Янин 2003: 145]). Едва ли последний стал бы вероломно нападать на владения своего ставленника» (с. 112). Петрухин справедливо считает неоправданным привлечение в параллель к истории Саввы рассказа о событиях 1169 г., когда новгородские данники в Заволочье во главе с Даньславом Лазутиничем подверглись нападению суздальского отряда, посланного Андреем Боголюбским. «[В] том-то и дело, — пишет он, — что это столкновение произошло в 1169 г., то есть **после изгнания новгородцами Святослава Ростиславича**. Как известно из летописи, Андрей поддержал Святослава в его попытках вновь — военным путем — утвердиться на новгородском столе. Это противостояние за-

¹⁵ С другой стороны, надежным «репером» в книжной письменности остается Добриво евангелие 1164 г., в котором, как известно, проявление сильных редуцированных отражается чрезвычайно последовательно. Хотя этот кодекс, возможно, и не является типичным для второй половины XII в. по употреблению еров (см. Живов 2006: 35), он принадлежит своей эпохе, и с этим нельзя не считаться.

¹⁶ Некоторой корректировки, пожалуй, требует лишь формулировка, согласно которой в момент написания постскриптума автор «чувствовал себя более вольно» и по этой причине не был настроен на соблюдение книжной графики и наддиалектной морфологии (ДНД₂: 352). Скорее, к концу грамоты писец просто подустал, растеряв беглость и автоматизм, с которыми написан ее основной текст. Постскриптум он писал уже, медленнее проговаривая про себя слова, и, соответственно, использовал более архаичную форму собственной речи, в которой еще сохранялись редуцированные. Естественными спутниками такого замедленного режима порождения текста оказываются бытовая орфография и морфологические диалектизмы.

кончилось знаменитой битвой между новгородцами и суздальцами 25 февраля 1170 г. Все эти действия Андрея логически последовательны — в отличие от его предполагаемого нападения на новгородских данников в период княжения Святослава» (с. 113).

Вполне обоснованно П. В. Петрухин отмечает также непоследовательность в трактовке издателями слов *и дане ѿшли людие*, которые, вопреки переводу в ДНД₁ ‘и [его] люди отняли дань’, интерпретируются в НГБ-Х (с. 24) в том смысле, что люди Андреева мужа «брали дань в его пользу». Такое понимание фразы производно от представления о том, что «заволочане “принимают” мужа от Андрея, то есть признают право Андрея собирать с них дань» (ДНД₁: 296). Но, как верно замечает П. В. Петрухин, предполагаемая таким образом свобода смердов решать, кому им следует платить дань, выглядит для своего времени маловероятной. Необходимо признать, что «люди», кем бы они ни были, не собрали новую дань, а отняли у Саввы ту дань, которую он к тому времени уже собрал: ведь к тому моменту, когда Савву оставили его люди, тем надлежало собрать только остаток (*остать*) дани.

Однако проблемы с интерпретацией данного фрагмента возникают и у самого П. В. Петрухина. Воинственность смердов, заключающих под стражу новгородских «мужей», вызывает не меньше сомнений, чем их свобода определять, кому платить дань. Ссылка на то, что смерды могли участвовать в военных действиях (например, в 1015 г.), не кажется убедительной, поскольку такое участие совсем не предполагает той степени самоорганизации, которую П. В. Петрухин готов допустить в данном случае¹⁷.

Трактовка спорного пассажа П. В. Петрухиным встречает и лингвистическое затруднение. Во всех без исключения летописных примерах употребления *прияти* в значении ‘задержать, арестовать’, которые приводит исследователь, этот акт производится в месте, где его субъект пребывает постоянно: новгородцы задерживают князей (княжичей, княгиню), не давая им уйти из города; киевские и владимирские князья задерживают новгородских послов, не отпуская их назад в Новгород, и т. д. В случаях же, где арест, взятие под стражу осуществляется на чужой или нейтральной территории, летопись последовательно употребляет бесприставочную форму *яти*. См., например:

Побѣдиша Всѣслава на Немизѣ. Томъ же лѣтѣ яша и на Руси (НПЛ [1215], л. 4);
и бишася за Калакшею, и ту побѣдиша рязанце, и яша князя Глѣба и съ сыномъ и Мъстислава съ братомъ Яропѣлкомъ (НПЛ [1215], л. 40 об.).

Особенно показателен контекст, в котором встретились формы обоих глаголов: *прияша* — обозначая задержание в Новгороде, *яша* — вне его:

а Святославлюю прияша Новѣгородѣ съ лучшими мужи, а самого Святослава яша на пути смолняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ монастыри, якоже и жену его Новегородѣ у святое Варвары въ монастыри, жидуще оправы Яропѣлку съ Всѣволодомъ (НПЛ [1139], л. 20).

При этом *яти* может употребляться вместо *прияти* (как в следующем примере), но не наоборот:

И услышаша Новѣгородѣ, яко Святопѣлкъ идетъ къ нимъ съ всѣми людѣми ихъ, и яша Ростислава, и въсадиша въ епископъ дворъ, сѣдѣвшиа 4 мѣсяци (НПЛ [1142], л. 22 об.).

Таким образом, *яти* выступает как немаркированный выразитель значения ‘арестовать’, тогда как *прияти* используется в значении ‘задержать (у себя), не отпустить’. *Прияти* в смысле ‘задержать’ можно было того, кто пришел к тебе, но не того, к кому ты пришел сам. Это неудивительно, поскольку та же пространственная ориентация характеризует и основное значение глагола (‘принять к себе’). На этом фоне связка *пришли ... прияли*, если трактовать ее так, как это делает П. В. Петрухин, была бы исключением из правила. Можно, конечно, возразить, что погост, куда пришли смерды, был для них «своим» и что они действовали

¹⁷ Структурную и отчасти содержательную параллель к фразе о смердах, «приявших» новгородских мужей, П. В. Петрухин видит в летописном известии 1323 г. «Того же лѣта заратишася устюжане с новгородци, изымаша новгородцевъ, кто ходилъ на Юргу, и ограбиша ихъ» (НПЛ, л. 163). Однако «изымавшие» новгородских данников «устюжане» — отнюдь не местные плательщики дани, а жители Устюга, бывшего на севере опорой ростово-суздальских князей.

на своей (в широком смысле) территории, не давая новгородским «мужам» покинуть ее с собранной данью, но это соображение не отменяет чисто лексической несовместимости *приити* и *прияти* в значении 'задержать'.

Еще одна трудность, с которой встречается трактовка П. В. Петрухина, отмечена им самим: во фразе *и дань отъяли людие* последнее слово, если понимать под ним смердов, оказывается синтаксически избыточным. П. В. Петрухин объясняет повтор подлежащего тем, что «фраза по смыслу распадается на две части: сначала сообщается о приходе смердов, а затем о том, что они сделали; подлежащее повторяется в обеих частях». Но такая же смысловая «двухчастность» характеризует множество летописных контекстов с однородными сказуемыми, в которых никакого повтора подлежащего нет; параллелей же, которые бы подтверждали такое объяснение, П. В. Петрухин не привел. Трудно согласиться и с тем, что порядок PS во фразе *и дань отъяли людие* выглядит странным при допущении смены субъекта действия (с. 115) — для НПЛ такое построение фразы вполне обычно, ср., например: *Придоша Свьє подъ Ладугу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ* (1164, л. 32 об.).

П. В. Петрухин настаивает на том, что «люди», отнявшие дань у Саввы и его «мужей», — это сами смерды, пришедшие «от Андрея». Он считает, что «людьми» грамота называет местное население, платящее дань, а «мужами» — собирающих ее данников-дружинников. Такое понимание распространяется им и на первую фразу грамоты (*оставили мя были людье*). Исследователь солидаризируется с комментарием в НГБ-Х (с. 24), согласно которому эту фразу «вряд ли ... следует понимать как сообщение о бегстве от Саввы его помощников [...] Возможно, речь идет об отказе местных “людей” выплачивать обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать “до осени”». Такая трактовка, на мой взгляд, более чем сомнительна. Если глаголами *исправити* (в данном случае 'взыскать, собрать'), *послати* и *отбыти* обозначены действия местного населения, то что в таком случае остается на долю новгородских данников, ходивших за Волок, как известно из летописи, весьма внушительными отрядами? Гипотеза П. В. Петрухина отводит им в тексте на удивление скромную, если не жалкую роль «мужей», у которых отняли дань воинственные смерды; в письме, обращенном к «братии и дружине», это не может не удивлять. Куда более адекватным социальной реальности эпохи выглядит распределение ролей, предполагаемое комментарием в ДНД: упоминаемые в грамоте «люди» — это, с одной стороны, находящиеся под началом Саввы новгородские данники, большая часть которых в какой-то момент покинула его (именно их возможные претензии может иметь в виду фраза постскриптума: *аче ли ти братье вины людье на ма не ищѣть*), а с другой — люди Андреева мужа, отобравшие у Саввы собранную им дань; смердам же в этом раскладе принадлежит хотя и существенная, но всё же пассивная роль.

Загадочным остается в рамках гипотезы П. В. Петрухина и статус Андрея. Сам Петрухин оставляет его непроясненным: «либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина». Однако по отдельности каждая из этих возможностей либо противоречит тому, что известно о социально-административной организации Новгородской земли, либо заставляет предполагать такие черты этой организации, которые не подтверждаются никакими другими фактами и представляют собой чистые догадки. Представителем новгородской администрации на отдаленных окраинах Новгорода, по идее, и должен был выступать человек, осуществлявший сбор дани в соответствующем районе, каковым в нашем случае — официально или нет — является Савва. Новгородские вотчинники-бояре, как известно, не жили в своих отдаленных вотчинах, но постоянно проживали в Новгороде, и это обстоятельство лежало в самой основе экономического устройства Новгородской земли; да и предполагать существование боярских вотчин за Полярным кругом (где, как показывает упоминание песцов, разворачивались события, описанные в грамоте) нет никаких оснований. О «местных старейшинах», с которыми приходилось иметь дело новгородским данникам на таких территориях, мы знаем разве что по рассказу статьи НПЛ 1193 г. о походе новгородцев на Югрю, упоминающей «югорского князя», но совсем не похоже, чтобы такой «старейшина» мог носить имя Андрей.

Как видим, трактовка грамоты № 724, предложенная П. В. Петрухиным, вызывает не меньше вопросов, чем критикуемая им — во многом справедливо — интерпретация издателей. Это заставляет искать такого

объяснения ситуации грамоты, которое было бы свободно от противоречий и натяжек, свойственных двум конкурирующим гипотезам. Такое объяснение, на наш взгляд, может быть предложено. Ключ к нему дает еще одна, до сих пор не принимавшаяся во внимание возможность истолкования глагола *прияти* в наиболее сложном для интерпретации фрагменте грамоты.

Значение, которое мы имеем в виду, может быть определено как ‘взять с собой (в качестве официального лица)’. Оно со всей определенностью выступает в грамоте № 615:

+ покланание · ѿ ла{хА}ха · къ флареви · исправи
ль ли еси · десять гривень : на русиль · съ микулоу
посли семо · или еси не исправиль · а исправи
и кланяюса · а дьцьский приима

Перевод в ДНД₂: ‘Поклон от Ляха Фларю. Если ты получил с Русилы (*или*: Русила) десять гривен, с Микулой пошли [их] сюда. Если же не получил, то получи, прошу тебя, причем взявши детского’.

В том же значении был употребим и глагол *пояти*, фиксируемый в аналогичном контексте в грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого: *А дае Лоуцѣ. Оли нь водаси, то а ѿ коназа поема отроко приже приеду, а во боле ти вонидь*. ‘Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и вместе [с ним] приеду — это тебе станет в большую сумму’. Заметим: «появ» у князя отрока, автор грамоты собирается явиться к должнику *приже*, то есть имея этого отрока *при* себе (см. об этом наречии: ДНД₂: 346), с чем может быть связано и варьирование *пояти/прияти*. Использование отрока или детского придавало процедуре взыскания долга официальный, а при необходимости — и насильственный характер.

Подставив данное значение в контекст грамоты № 724, мы можем следующим образом понять суть происшедшего. После того как полномочия Саввы в качестве новгородского данника были дезавуированы Захарией (в связи с чем его покинула большая часть находившихся с ним людей), местные смерды, обеспокоенные тем, что заплатили дать самозванцу, явились к Савве, чтобы потребовать выплаченную дань назад. Но они пришли не одни, а в сопровождении Андреева мужа, к которому обратились как к представителю власти. Действуя вполне официально, люди Андреева мужа отобрали у Саввы собранную дань, вернув ее смердам или оставив дожидаться, пока за ней явятся те, кто был на это уполномочен.

При таком понимании роли Андреева мужа ничто не мешает идентифицировать его патрона с Андреем Боголюбским. Более того, эта роль как нельзя лучше соответствует той ситуации согласия между Новгородом и Суздалем, которая, как верно отмечает П. В. Петрухин, характеризовала период второго княжения в Новгороде Святослава Ростиславича. В предлагаемой трактовке действия мужа Андрея и его людей не только не заключают в себе ничего враждебного в отношении Новгорода, но, напротив, помогают новгородской администрации достичь ее цели — не дать Савве собрать дань. В условиях возникшего административного вакуума смерды обращаются к представителю союзного Новгороду суздальского князя, и тот помогает им защитить свои интересы¹⁸. Вспомним, что в 1136 г. одно из обвинений, предъявленных новгородцами Всеволоду Мстиславичу, заключалось в том, что он «не блюдет смердь» (НПЛ [1136], л. 17). В данном случае Андрей Боголюбский, через своего мужа, содействует Новгороду в таком «блюдении». Не исключено, что сказанные под клятвой (*въ вѣре*) слова Захарии — *Не дайте Савѣ не одного песца хота на нихъ емати, самъ въ томъ* — были обращены, в частности, к суздальским агентам в Заволочье.

Предполагаемая «кооперация» новгородских властей в лице посадника с посланцем суздальского князя в Заволочье находит яркую параллель в рассказе НПЛ о событиях 1219 г., связанных с походом новгородского отряда на Тоймокары, то есть на Северную Двину, в Заволочье. В издании этот рассказ передан в следующем виде (текст Синодального списка, с разночтениями из младшего извода):

¹⁸ В том, что муж Андрея находился там же, где собирал дань Савва с его людьми, нет ничего удивительного. Сообщение НПЛ о событиях 1169 г., когда новгородцы в Заволочье взяли дань не только «на своих смердах», но и на суздальских, показывает, что те и другие могли проживать на одних территориях, где действовали как суздальские, так и новгородские данники.

Поиде тоя зимы Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозѣ свою землю; и придоша Новгороду въ лодьяхъ, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша Твърдислав и Якунъ тысяцьскыи, засли [заслаша] къ Гюргю, не пусти [пустити] ихъ туда; и възвадиша городъ. Тъгда отъяша посадничество у Твърдислава и даша Смену Борисовицю, а тысяцьское у Якуна и даша Сьмьуну Емину (НПЛ [1219], л. 91 об.).

В НГБ-Х начало этого рассказа приводится как один из примеров противостояния Новгорода и Суздаля в Заволочье. П. В. Петрухин, говоря о неактуальности такого противостояния для времени княжения в Новгороде Святослава Ростиславича, замечает, что в 1219 г. действия суздальских князей имели особую мотивацию, будучи своего рода отголоском битвы на Липице в 1216 г., в которой Юрий и Ярослав были разбиты новгородцами. Почему-то ни он, ни издатели не обратили внимания на продолжение рассказа; между тем как параллель к грамоте № 724 именно оно представляет первостепенный интерес.

Пунктуация в издании НПЛ содержит ошибку: после *замыслиша* должно стоять двоеточие, так как следующая фраза передает содержание слухов, распушенных по городу вернувшимися данниками. За написанием *засли* можно предполагать исходное чтение *заслали*, измененное в младшем изводе в *заслаша*; *пусти* (написанное с выносным *с*) может быть как сокращенной записью инфинитива *пустити*, так и формой императива. Исходный вид центрального фрагмента реконструируется, таким образом, следующим:

и замыслиша: Твърдислав и Якунъ тысяцьскыи засли къ Гюргю: «не пусти ихъ туда»; и възвадиша городъ. ‘И стали думать: [это] Твърдислав и тысяцкий Якун послали к Гюргию, [говоря]: «не пусти ихъ туда»; и возмутили город.

Независимо от того, были ли обоснованными подозрения Сьмьюна и его спутников, очевидно, что возмущившая город весть звучала правдоподобно, и, следовательно, такой сценарий был в порядке вещей. Утверждалось же следующее: посадник Твърдислав и тысяцкий Якун послали к Юрию Всеволодовичу, чтобы тот не пустил в Заволочье Сьмьюна Емина с его людьми. Вряд ли такая просьба могла обосновываться чем-то иным, кроме как утверждением об отсутствии у Сьмьюна официального мандата на сбор дани. *Mutatis mutandis*, это сильно напоминает события, о которых повествует грамота № 724. Разница в том, что в 1219 г. вызванное обращением из Новгорода препятствование суздальских князей деятельности новгородских данников заключалось в недопущении их в Заволочье, а не в отборе уже собранной там (якобы незаконно) дани.

Принципиально важно, что в 1219 г. в основе конфликта лежало столкновение интересов конкурирующих боярских группировок: Твърдислав Михалкович представлял боярство Прусской улицы и Людина конца, тогда как Сьмьюн Емин, судя по его связи с Семеном Борисовичем, был связан с Торговой стороной (см. Янин 2003: 187). Аналогичным образом, к противоборствующим кончанским группировкам принадлежали посадник Захария и Савва: первый проживал в Неревском конце (см. Зализняк 1993: 182–185; Янин 2003: 166–167), тогда как второй — на Прусской улице. Значение последнего обстоятельства отмечено В. Л. Яниным: «Адресаты письма находились на Прусской улице, одна из усадеб которой и исследовалась в Михаило-архангельском раскопе. Между тем расправа с посадником Захарией в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгоняемого князя Святослава Ростиславича, который вступил в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Саввы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывали их главные противники» (НГБ-Х: 25). Нужно только уточнить, что Святославу Ростиславичу не было необходимости вступать в союз с Андреем Боголюбским в 1167 г., поскольку он, как уже было сказано, еще в 1161 г. вторично сел в Новгороде с его санкци.

Очевидно, именно соперничество территориальных боярских кланов, а не противостояние князя и посадника или Новгорода и Суздаля, было главной пружиной конфликта, описанного Саввой в его письме¹⁹.

¹⁹ Ту же природу, по всей вероятности, имели и противоречия, ставшие причиной истребления новгородских данников, ходивших на Югру в 1193 г. Возглавлявший поход воевода Ядрей (отец будущего архиепископа Антония — Добрыни Ядрей-

В этом смысле можно констатировать вместе с В. Л. Яниным (там же, с. 25), что «грамота № 724 разъяснила причины новгородского политического переворота 1167 г.».

В свете уже сказанного должна быть по-новому осмыслена и роль, которую в ситуации грамоты № 724 играет Тудор с его «дружиной». Согласно П. В. Петрухину, форма *высягла* обозначает действие, противоположное названному формой *прияли*: «мужи» Саввы были задержаны, взяты в плен, но восемь из них, во главе с Тудором, из этого плена бежали. Это версия кажется логичной и потому привлекательной. Она опирается на перевод А. А. Зализняка, допускающего на основе западнославянских параллелей, что *высягнути* значило ‘выйти за пределы, вырваться’ (ДНД₂: 354). Приводимое в ДНД₂ как возможная альтернатива объяснение А. Де-Влаама, предложившего трактовать *высягнути* как антоним к *присягнути*, означающий ‘выйти из повиновения’, ‘сложив с себя присягу’, П. В. Петрухин отвергает по ситуативным и лингвистическим соображениям. С одной стороны, он находит это решение совсем не подходящим к контексту: «Ведь тогда получается, что Савва печется о благе людей, которые предали его, изменив присяге! Это уже чрезмерная степень альтруизма для начальника дружины. Кроме того, не вполне адекватным оказывается и поведение самой “восьмерки” Тудора: сложив с себя присягу, они вместо того, чтобы переметнуться на сторону Андреева мужа, отправляются напрямиком к “братьям и дружине”, где их может ожидать неприятная “тягота”» (с. 115). С другой стороны, как отмечает П. В. Петрухин, ссылаясь на исследование А. Золтана, «древнерусский глагол *присяжи, присягнути/присязати* ‘прикоснуться’ не имел современного значения ‘принести присягу’»: последнее, как и слово *присяга* в современном значении, получает распространение в великорусском языке лишь в XV в., под западнорусским влиянием.

Казалось бы, значение *высягнути* устанавливается таким образом однозначно, но это не так. Между значением ‘вырваться, бежать’ и значением ‘выступить за край, выдаться’, которое имеют приводимые А. А. Зализняком славянские параллели (польск. *wysięgnąć*, в.-луж. *wusahnuć*), имеется принципиальная разница. Выступить за край предмет может, лишь находясь основным своим объемом в пределах, ограниченных этим краем. Значения же, приписываемые древнерусскому слову, этому условию не удовлетворяют: они предполагают, что объект полностью покинул место своего исходного пребывания.

Альтернатива, предложенная А. Де-Влаамом, кажется, напротив, вполне жизнеспособной, но нуждается в существенном уточнении. Значение ‘выйти из повиновения’ у *высягнути* совсем не обязательно связывать с нарушением присяги: в нем можно видеть параллель к переносному употреблению глагола *выступить*, которым неслучайно переводятся в.-луж. *wusahnuć* и польск. *wysięgnąć*. В русских источниках глаголы *выступи(ся) / выступати(ся)* с XIV в. фиксируются в значениях ‘преступить, нарушить что-л.’, ‘выйти из подчинения’; см. особенно пример из духовной Дмитрия Донского: *А вы, дѣти мои, слушайте свое мтри во все(м) из ее воли не выступайте ся ни в че(м)* (СДРЯ, 2: 256). В современном литературном языке то же значение проявляется в производном *выступление (народные выступления)*; ср. также жаргонное *выступать* ‘вызывающе себя вести, задираться’. Учитывая семантический параллелизм приставочных образований от *сачи* и *стоупити*, исходно обозначавших прикосновение рук и ног (ср. *досячи/досягнути — доступити, посячи/посягнути — поступити* и др.), предполагать то же значение и у *высячи/высягнути* есть все основания.

Можно думать, что произошло следующее: когда приведенные смердами люди Андрея потребовали от Саввы отдать собранную им дань, «восьмерка» Тудора не подчинилась, *выступила* против этого. В таком случае становится ясен как характер обвинения, которое, как считает Савва, может ожидать Тудора в Новгороде (он оказал сопротивление Андрееву мужу, действовавшему в интересах новгородской власти), так и то,

ковича) принадлежал к боярству Неревского конца, тогда как обвиненный в предательстве Савка (Савица), отождествляемый с владельцем сгоревшего в 1194 г. «Савкина двора», был, судя по местонахождению последнего на Ярышевой улице, жителем Людина конца, как и другие участники похода, обвиненные новгородцами в измене и убитые на обратном пути (см. об этом подробно: Гиппиус 2009: 189–192). Риска быть уличенным в «монопросопопании», замечу, что мне совсем не кажется невероятным, что летописный Савка/Савица и Савва грамоты № 724 — это один человек, ходивший за данью в Заволочье на протяжении нескольких десятков лет; в середине 1160-х гг. ему могло быть около тридцати пяти, а в 1193 г. — за шестьдесят лет.

почему Савва так радеет о нем: Тудор и его люди не просто не изменили Савве — именно они-то и сохранили ему верность, оставшись со своим предводителем, когда его покинула большая часть дружины, и в критический момент встав на его защиту. Предлагаемая трактовка объясняет и еще одно немаловажное обстоятельство: она позволяет думать, что именно Тудор, который никуда не бежал и находился с Саввой в момент написания им письма, и привез это письмо в Новгород, «к братии и дружине». С точки зрения прагматики грамота входит, таким образом, в круг документов, содержащих просьбу о содействии доставившему письмо лицу.

Подведем итоги. Критика предложенной В. Л. Яниным и А. А. Зализняком трактовки грамоты № 724, высказанная П. В. Петрухиным, высветила слабые стороны интерпретации и в этом смысле стала важным шагом вперед в изучении грамоты. Однако, отказавшись от отождествления Захарии и Андрея с посадником Захарией и Андреем Боголюбским, П. В. Петрухин, на мой взгляд, выплеснул ребенка вместе с водой. Это отождествление не было следствием соблазна увидеть в персонажах грамоты известных исторических лиц. Слишком много факторов, повышающих вероятность идентификации, сошлись здесь вместе: это и отождествление пары с парой; и относительная редкость имен (достаточно сказать, что в грамотах раннедревнерусского времени имя Андрей, помимо данного документа, не встретилось ни разу); и упоминание Андрея Боголюбского в новгородской летописи именно как Андрея, без отчества; и «летописный» масштаб описанных в грамоте событий. Этого кажется достаточным, чтобы в поисках непротиворечивой интерпретации грамоты не выходить, насколько возможно, за исторические рамки, заданные при ее публикации. Как я пытался показать, такая возможность существует, и ее использование позволяет избежать недостатков двух конкурирующих гипотез, синтезировав их преимущества. В этой синтетической трактовке грамота № 724 сохраняет тот исторический масштаб, какой предположили за ней издатели. В Захарии и Андрее мы продолжаем видеть новгородского посадника 1161–1167 гг. и «самодержца» Северо-Восточной Руси, однако отношения между ними предстают уже не как конфронтация, а как партнерство, что намного лучше согласуется с летописными данными. Что же касается автора грамоты Саввы, то в нем следует видеть фигуру ранга Даньслава Лазутичи или Семьюна Емина, водивших «за Волок» дружины в несколько сот человек.

№ 724 [3]. В обсуждаемой выше работе П. В. Петрухина важную роль играет тезис о различии почерков в основном тексте и в приписке грамоты № 724. Он указывает шесть палеографических признаков, по которым различаются эти две части документа: различия в буквах *о*, *т*, *ы*, *ѣ*, *а* и в наличии или отсутствии засечек и покрытий.

К сожалению, все эти наблюдения основаны лишь на опубликованной прориси и не учитывают тех громадных трудностей, на которые наталкивается всякий, кто попытается исследовать оборотную сторону грамоты № 724 в подлиннике. Трудности эти так велики, что первоначально издатели сочли вообще невозможным создание для нее удовлетворительной прориси. Позднее было принято компромиссное решение — дать прорись, отражающую то, что видно несколько лучше среднего. Об этом ясно сказано в НГБ-Х: 24:

«Внутренняя сторона берестяного листа сильно изгладилась; многие буквы читаются (часто без полной уверенности) лишь под микроскопом. На прориси буквы, ныне уже недоступные невооруженному глазу, не отражены. Соответствующие им участки берестяного листа выделены на прориси серым тоном (ранее при изготовлении прорисей этот условный прием не применялся)».

Читатель может и сам заметить, сколь многим буквам опубликованного чтения на прориси соответствует лишь серое пятно.

Понятно, что в этой ситуации обеспечить надежную передачу различных мелких элементов контура, в частности, засечек, тонких соединительных черточек и т. п. невозможно. Между тем практически весь список палеографических различий, предъявленный П. В. Петрухиным, сводится к наличию или отсутствию именно таких мелких второстепенных деталей. Примеров принципиально разных конфигураций одной и той же буквы в его списке нет вообще.

Ныне новые высококачественные фотографии позволяют увидеть, хоть и не без труда, часть того, что раньше поддавалось только микроскопу.

В частности, удается усмотреть следующее.

1) В большинстве случаев над мачтами и над остроконечными буквами верхние насечки (иногда и покрытия) либо просто имеются (так же, как в основной части), либо соответствующая часть буквы не видна. Например, видимые верхние засечки имеются при *н* и при *м* в *селечаномъ*, при *а* в *Ѹчастокѣ*, при *н* в *на ма* и др.

2) У буквы *о* в приписке так же, как и в основном тексте, в части случаев представлен несомкнутый низ; это так в *свомъ*, в *Ѹчастокѣ*, в *послале*. На прориси, ввиду ее вынужденно упрощенного характера, эта деталь не отразилась.

3) Буква *т* имеет в основной части короткую ножку, вопреки П. В. Петрухину, не «почти всегда», а лишь примерно в половине случаев. В приписке из четырех *т* у двух длинная ножка, а другие два находятся в практически «мертвой» зоне. Сам признак длины ножки совершенно неустойчив — встречаются все промежуточные варианты.

4) У буквы *ы* в *вины* перемычка, не замеченная при изготовлении прориси, в действительности есть; в слове *нынеца* разглядеть, есть ли перемычка, не удается.

5) Все яти в обеих частях документа чрезвычайно похожи друг на друга; в ятях из приписки мачта вышашается над коромыслом не больше, чем в *Аньдрѣа*; они не умещаются в строке практически так же, как в *борзѣ*. В берестяных грамотах незначительные вариации этого рода постоянно встречаются в рамках одной и той же грамоты.

6) У буквы *а* в *Ѹчастокѣ* язычок опускается ниже линии строки совершенно так же, как у букв *а* в основной части грамоты; при создании прориси его не удалось разглядеть.

В итоге мы видим, что даже те почти микроскопические различия в начертаниях, которые удалось предъ-явить после максимально тщательного поиска различий, не выдерживают критики. Одного этого было бы достаточно, чтобы признать почерк единым.

Но есть и другой аспект, который ведет к тому же заключению не менее ясно: в грамоте № 724 есть буква уникальной конфигурации, не встречающейся более ни в одной другой берестяной грамоте никакой эпохи. Это буква *к* со строго горизонтальной чертой вместо косой черты, идущей вправо вверх. И эта буква встречается в обеих частях нашей грамоты. (См. также выше, в комментарии А. А. Гиппиуса, об У-образном *ч*.)

В связи с тем, что вопрос об отождествлении Андрея с Андреем Боголюбским и Захарии с новгородским посадником стал предметом контрверзы, следует внимательнее изучить то, как датировалась бы грамота № 724 без апелляции к ее содержанию.

Обратимся к вопросу о редуцированных. Будем учитывать, как обычно, что: 1) буква *ь* (при бытовой графической системе также *е*) может быть уже мягким знаком и потому надежным элементом механизма скандирования считаться не может; 2) непоказательны примеры с сочетаниями типа *ТърТ*, поскольку в них поведение еров определяется несколько особыми правилами; 3) не являются элементами скандирования написание *во* вместо *в* (вероятно, воспринимавшееся как допустимый способ записи для [w]) и словоформа *рожи* (по-видимому, именно так и произносившаяся).

Давно установлено, что в грамоте № 724 поведение редуцированных в основном тексте и в приписке различно. Но было бы преувеличением считать, что оно полярно противоположно. Есть всё же и существенные сходства:

	Основной текст	Приписка
В сложных сочетаниях согласных	<i>състане, отъбыти</i>	<i>Мъстѣ, Ѹчастокѣ, довѣдока</i>
В простых срединных сочетаниях	<i>послати, заславъ, пришли, песца</i>	<i>послале</i>
В простых начальных сочетаниях	<i>что</i> (2×)	<i>къназь</i>

Отсюда видно, что имеющийся материал в действительности обнаруживает различие только в простых начальных сочетаниях; в прочих позициях ситуация одинакова.

Тем самым необходимо признать, что основной текст и приписка в языковом отношении отстоят друг от друга не так сильно, как казалось при первом прочтении грамоты № 724, когда сильнее всего бросались в глаза именно различия, и как это описано в ДНД.

Основная особенность приписки состоит в том, что автор по той или иной причине (ср. выше сноску 16) несколько свободнее пользовался бытовой графической системой и употреблял диалектные формы. При этом само различие графических систем основной части и приписки не очень резкое: в основной части автор всё же допустил бытовые написания *егъ*, *дане*, *покланане* (вероятно, сюда же *въ вьре*), и в приписке их столько же: *селечаномъ*, *Ѹчастокѣ*, *водаде*, *довѣдока*; разница лишь в том, что в приписке 4 строки, а в основной части 13.

Соответственно, оценивая документ в целом, мы должны при любых подсчетах учитывать материал обеих его частей.

Сравним картину поведения редуцированных (без указанных выше непоказательных случаев) в № 724 с грамотами № 235 и 550 и блоком Якима. Списки примеров подразделены на группы: а) простые сочетания согласных; б) сложные сочетания согласных.

	*СС		*СъС	
	на письме СС	СъС, СоС	на письме СС	на письме СъС, СоС
№ 724	<i>св, см, ст, спр, бр, гр, др, пр, кл</i>	нет	а) <i>послати, послале, заславъ, пришли, песца, что (2×)</i>	а) <i>къназь</i> ; б) <i>Мъстѣ, Ѹчастокѣ, довѣдока, отъбыти, състане</i>
№ 235 (60-е – 70-е гг. XII)	<i>бр, гр, зб</i>	нет	а) <i>пославъ, после, абетника, братни</i> ; б) <i>Жадкѣ</i>	а) <i>дова</i> ; б) <i>Жадъке</i>
№ 550 (сер. 60-х – сер. 90-х гг. XII)	<i>ск, гр, кл, тв</i>	нет	а) <i>мнѣ, съ мною, въжники, гривне, или</i>	б) <i>Собыславоу</i>
блок Якима (сер. 60-х – сер. 90-х гг. XII)	<i>ск, сл, ст, гр, вр, здр, тр, гл, кл, пл, нг, зн</i>	нет	а) <i>два, двѣ, за мною, вдали, на водмоль, на водмолчъ, оу Иванка, въкишь, ѿ Олькишь, гривнь и др. (всего 34×)</i>	а) <i>посоли</i>

Из таблицы видно, что грамота № 724 с точки зрения поведения редуцированных в принципе вполне сходна с несколькими грамотами 60-х – сер. 90-х гг. XII в. При этом степень приближения грамоты № 724 к позднерусскому виду даже чуть меньше, чем в трех других приведенных документах.

Разумеется, в переходный период в истории редуцированных, когда древняя система сменяется новой (ок. 1160 – ок. 1220), есть и такие грамоты, где картина редуцированных иная, а именно, она имеет еще чистый или почти чистый раннерусский вид, причем некоторые из таких грамот встречаются даже в самом конце данного периода. И в этой чересполосице в такой период нет ничего удивительного, поскольку писали и деды, и внуки и их писания попадали в землю вовсе не в порядке старшинства писавших.

При такой чересполосице нереально пытаться определить хронологическое место грамоты № 724 внутри интервала 1160–1220 на основании того, как ведут себя редуцированные: такая же картина редуцированных может встретиться в документе из любой части этого интервала. Утверждать можно лишь то, что грамота принадлежит именно к этому примерно 60-летнему переходному периоду.

Версия П. В. Петрухина совсем иная. Ее схема такова: 1) в грамоте № 724 два почерка; 2) основной текст грамоты — чисто позднерусский; 3) в приписке действует эффект скандирования (т. е. за написаниями *кнѣзь, Мѣстѣ, Ѹчастокѣ* и т. п. в произношении реально стоят *кнѣзь, Мѣстѣ, Ѹчасткѣ*), а это значит, что здесь тип языка тоже позднерусский; 4) из пунктов 2 и 3 следует, что грамота «тянет» в XIII век.

Но эта конструкция не выдерживает критики. Выше уже было показано, что пункт 1 неверен. Из этого следует, что неправомерна раздельная оценка двух половин грамоты (пункты 2 и 3). Пункт 4 неверен прежде всего просто потому, что в условиях описанной выше чересполосицы ни большая, ни малая степень приближения текста к позднерусскому типу не дает возможности отнести документ к началу или к концу переходного периода; а примеры грамот XII века, близких к позднерусскому типу, см. выше.

Особо следует отметить неправомерность пункта 3 (хотя для общего итога это уже решающей роли не играет). В приписке (как и во всей грамоте № 724 в целом) «вставные» буквы *о* и *ѣ* представлены только в точках, где в раннерусском были редуцированные. Поэтому в данном случае тезис о скандировании — это чистая гипотеза, основанная на допущении того, что все «вставные» гласные оказались именно на месте древних редуцированных (и ни разу внутри древних сочетаний согласных) случайно. Такая возможность теоретически не исключена, но ее вероятность чрезвычайно низка. И вот автор делает из этой маловероятной возможности часть всего построения, и на следующем шагу (пункт 4) она уже служит как бы одним из оснований для дальнейшего вывода. Чтобы оценить всю произвольность такой конструкции, достаточно осознать, что точно такой же ход рассуждения, если бы он был приемлем, легко привел бы желающих к выводу, что практически все раннерусские грамоты отражают язык, где редуцированных уже нет, а то, что именно на их местах (и ни на каких других) в грамотах стоит *ѣ* — это просто случайность в распределении эффектов скандирования.

Итак, попытки сузить для грамоты № 724 датировку внутри переходного периода могут опираться только на стратиграфию, палеографию или содержание документа.

К сожалению, надежных стратиграфических данных для грамоты № 724 нет.

Палеография указывает на интервал 1160–1180 как на самый вероятный; по-видимому, не исключено также некоторое его продление до 1200 (признак «Ж прямая звезда»); см. НГБ-Х: 315.

Ранним признаком является написание *отъ* (*отъ Мѣстѣ, отъ Волокѣ, отъбыти*, наряду с *ѣ* в других примерах) — до 1220, но в основном до 1160.

Отметим также, что грамота № 723, лежавшая в раскопе недалеко от № 724 и даже на 7 см выше, имеет внестратиграфическую дату 1160–1180, в частности, в ней представлено беспредложное *Кучькъву*, что дает позднюю границу около 1180; см. НГБ-Х: 396 (правда, ввиду сложной археологической ситуации уверенности в том, что одинаковая глубина означает здесь синхронность, всё же нет).

Таким образом, безотносительная к содержанию документа хронологическая оценка оказывается такова: по языку ок. 1160–1220, по палеографии вероятнее всего ок. 1160–1180.

№ 725 (кон. XII – 10-е гг. XIII в.; Б 98) [З]. Если верно, что представленная в грамоте запись $\vec{.b.}$ = *Богъ* отражает тот факт, что древнее название этой буквы было не *буки*, а *богъ*, то аналогией к такой записи можно считать, в частности, такой пример, как *много мно^жство людии преизлиха $\vec{s.}$* (= *сѣло*) (Лавр. [1231], л. 158). См. также выше, комментарий к № 515.

Для выражения *потрудитисѧ къ кому* ‘взять на себя труд добраться до кого-л.’ ср.: *И Амиратъ въ борзе шурью свою созва, и к Стратигу посла на свадьбу звати, глагола ему: «Не ленивъ буди, свату, к намъ потрудитисѧ* (Девгениево деяние); *Посла Девгений своего предстателя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудисѧ царь твой к моей худости* (там же).

№ 729 (40-е – сер. 90-х гг. XII в.; Б 132) [Г]. Имя *Гюлопа* (первоначально прочитанное как *Гюлопаѣ*) до сих пор трактовалось как финно-угорское, но убедительной этимологии для него так и не нашлось. Пред-

ложение связать его с частотной в финской антропонимике основой *holappa-* (из русск. *холопъ*) (Саарикиви 2007: 232–233) оставляет необъясненным передний гласный первого слога. Между тем, это имя может быть этимологизировано на тюркской почве, будучи разложено на элементы *гюл* и *она*, которым (с учетом варьирования глухих и звонких согласных в передаче тюркских антропонимов) может быть поставлен в соответствие ряд тюркских корней (*kül* ‘славный, мудрый’, *oba* ‘род’, *ora, ara* ‘уважительное обращение к старшему’ (см. Баскаков 1985: 52–53). Поскольку, кроме того, тюркскому *kül* может в русской передаче соответствовать *Кул-* (ср. там же об этимологии имени *Кулмби*), ничто не мешает сопоставить имя *Гюлопа* с реально засвидетельствованным половецким именем *Кулоба* (там же: 79). Другая возможность (подсказанная нам А. В. Дыбо) заключается в том, что начальное *Гюл-* может передавать тюркский корень *yul-* (*yol-*) ‘дорога’.

№ 731 (50-е – 70-е гг. XII в.; Б 83) [3]. Для фразы *а кодъ ти мнѣ хлѣбъ тѣ и тобѣ*, где хлеб выступает как символ прокормления, законного довольствия, ср.: *а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хочещи дати?* (ПВЛ [1096] по Лавр., л. 85 об.).

№ 735 (сер. – 2 пол. XII в.; Б 20) [3]. Что касается особого значения союза *любо* в обороте *любо и до Коростомля* ‘хоть и до Коростомля’, ‘хоть бы и до Коростомля’, то можно указать примеры сходного употребления весьма близкого по значению союза *или*:

тѣмъ же готовъ ѿсмъ или на смърть (‘даже и на смерть’, ‘хоть бы и на смерть’) (Житие Феодосия — Усп. сб., 58г);

сѣ же бысѣ Сѣмонъ Гиѡринъ снѣ, егѡже тогдѣ скѡсѣ люди ведѡша съ плѣнными въ приелиписъ, звѣзавше тѣмъ по шю и влекѣще и биюще по всѣмъ оудомъ, ведѡша или до трѣжища (‘даже и до торго’), *идеже законъ естъ оубѣити ѡсоужденыхъ злодѣи* (Флав., 470а).

№ 745 (кон. XI – 1 четв. XII в.; А 19) [3]. Покойный Е. А. Хелимский в свое время предложил (в письме) понимать в этой грамоте и в грамоте № 286 слово *присловье* несколько иначе, чем в ДНД. Он писал: «*Присловье* явно не ‘худая слава’, а ‘претензия’, ‘подозрение’, ср. также *присловье* ‘подозрение’ Нижегород. (СРНГ, 31: 388). В словоуказателе ДНД ‘худая слава’, ‘укоп’, что точнее, но не отражено в переводах грамот». С этим стилистическим замечанием можно согласиться.

№ 752 (1080-е – 1100-е гг.; А 11) [3]. Для фраз *ажѣ бы ти годѣнь* и *ако естъ не годѣнь* ср., в частности: *ажѣ вы годѣно а ѣдете к намъ, а паки ли не годно вы, а волни есте* (Ипат. [1193], л. 233 об.).

Для выражения *моа хоудость* ср., в частности: *Мы всѣ братья и чернорисци кланѣмса тобѣ, и хочемъ та имѣти собѣ ѡца игоумена. Попъ же Василѣи в велицѣ изоумѣньи бывѣ, поклониса противоу имъ и ре^ч: ѡци и братья, азъ чернество на срѣцѣ имѣлъ есмъ, игоуменьства же ради что мысли^{те} ѡ моѣи хоудости* (Ипат. [1182], л. 220); *Посла Девгений своего предстателя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудися царь твой к моѣи хоудости»* (Девгениево деяние).

№ 755 (вероятно, кон. XIV в.; Г 86) [Г]. Представляет интерес коммуникативная структура этого документа. Приведем его текст с современной пунктуацией, но без кавычек:

Толко за мною и словъ. Позвале мене Ѡлексъѣи на гумно, ажѣ Ѡсташька ѡвѣдѣ молоти. Ѡлексъѣи [ж]о воспроси: Цому молотишь безъ нашихъ сиротъ, а намъ в землѣ половина, а верьши часть? И велѣлъ ми старѣиѣи мои и сѣмана и ѣмана молотить ваша Иване.

Перевод в ДНД трактует последнюю фразу грамоты как слова автора. При этом А. А. Зализняк оговаривает также менее вероятную, по его мнению, возможность того, что «прямая речь Олексея не кончается на слове *часть*, но идет до конца грамоты (т. е. что ссылка на Ивана принадлежит Олексею, а не автору доку-

мента» (ДНД₂: 637). Ни одна из двух версий не кажется убедительной. Ссылка на распоряжение старосты Ивана звучит, конечно, странно в устах Олексея, который, как видно из содержания грамоты, сам является старостой или управляющим села, где живет автор. Однако не менее странно она звучит и в устах автора: ведь его старостой является, судя по всему, сам Алексей, а вовсе не Иван. К тому же в тексте, не являющемся письмом, но представляющем собой запись свидетельских показаний, непонятной оказывается референция местоимения *ваши* в сочетании *сѣмана и ѣмана ваша*.

Все эти недоумения снимаются, если считать, что спорная фраза представляет собой ответ Осташки на вопрос Алексея, приведенный без специального указания на то, что эти слова произносит Осташка, — это должно было быть ясно читателю из контекста грамоты²⁰. Точно так же, без эксплицитного указания на автора речи, вводятся показания свидетеля в грамоте № 154: *Вопросилѣ правицикѣ Оманта, росагалесь Филе с Ываномъ Стоикомъ. «Виделе ксмь и цюле промежи Филипомъ Иваномъ...»*. Разница между двумя документами в том, что в грамоте № 755 речь свидетеля, вводимая формулой *Только за мною и словъ*, включает пересказ слышанного им диалога, что вносит дополнительное усложнение в коммуникативную организацию текста. Ср. также грамоту № 962, в которой авторство реплик специально поясняется надписанным над строкой метатекстом: *[Попъ молвитъ]: положи грамоту по чому еси давалъ. [Олесе]: Приказали ми старѣиши и азъ давалъ*. Характерно, что вводимые таким образом слова Олесея содержат такую же ссылку на распоряжение старших, как и ответ Осташки в № 755.

№ 767 (кон. XII – нач. 10-х гг. XIII в.) [Г]. Предложенное в издании чтение ... [ос]мѣ юн[д](ѣ) ... изучением нового снимка не подтвердилось. На снимке видно, что штрих, трактованный как правая сторона *о*, сделан с ослабевающим нажимом и с большей вероятностью может интерпретироваться как засечка *с*. С другой стороны, от предполагаемого *д* виден лишь левый склон, что делает эту букву более похожей на *ь*. С дополнительными уточнениями текст приобретает вид: ... [иль] (или ... [идь]) [сѣ]м[ѣ]юн[ѣ] ..., т. е. (<...иле Сьмьюне>) (или (<...иде Сьмьюне>)). Имя *Сьмьюнь* (новгородский вариант канонического *Симеонъ*) встречается в грамотах неоднократно.

№ 771 (кон. XIII – 1 пол. XIV в.; Г 7) [Г]. Согласно Й. Схакену (2013: 158–162), угловым отчеркиванием после слов *на дѣвке* обозначена граница между двумя частями коммуникативно неоднородного документа. Первая часть, до отчеркивания, содержит сообщение, которое посыльный Офимья должен был вслух зачитать не названному по имени адресату: *Офимиа каже весте къ тебе: грѣвнѣ сѣрѣбра присли на дѣвке*. Вторая часть представляет собой инструкцию посыльному: *Дѣтатию присли весте; ажъ долго бѣде долго медлати, присли весте*.

№ 777 (посл. треть XIII в.; В 41) [Г]. Хотя размер утраченного правого края грамоты неизвестен, можно думать, что он был невелик. Сохранившиеся фрагменты текста удастся связать между собой при помощи простых конъектур:

поклонъ ѿ -----
 (къ) м[и]ха[лю не росход](оуи)ѣ
 са про село аче и пр(ода то)
 (на гр[ив]ьнѣ ѿ и бол[е] ...

Перевод: 'Не траться на село: если и продаст, то за 10 гривен и больше'. При такой реконструкции, правда, нужно предполагать, что в имени автора было не менее десяти букв. Но языческие имена типа *Доброслав*, еще вполне возможные в эту эпоху, удовлетворяют данному требованию. С другой стороны, авторов могло быть и двое.

²⁰ Излагаемая здесь трактовка предложена в работе Гиппиус, Схакен 2011. На тот момент нам оставалась неизвестной рецензия Р. Факкани на X том НГБ (Факкани 2004: 126–127), в которой автор указывал на возможность подобного понимания грамоты.

№ 799 (60-е – 80-е гг. XII в.; Б 57) [Г]. Понимание центральной фразы грамоты — *на Смолѣ (или на смолѣ) 12 оушкъ положена коуна* — целиком зависит от определения значения слова *оушкъ*. В издании оно подробно не комментируется; сказано лишь, что «это может быть, в частности, товарно-денежная единица или просто какой-то вид товара» [НГБ-Х: 28]. В контексте грамоты, посвященной финансовым операциям, первое в принципе кажется более вероятным. Упоминание «ушка» как денежной единицы могло бы стать ценным подтверждением свидетельства Герберштейна (1988: 125) о том, что москвиты «до монеты <...> употребляли мордки и ушки белок и других животных, шкуры которых ввозятся к нам, и на это, словно на деньги, покупали необходимое для жизни». Сочетание в этом контексте мордок и ушек неплохо корреспондирует с упоминанием «обеушной мордки» в московской грамоте конца XIV в. (Слов. XI–XVII, 12: 41). Однако на фоне регулярного упоминания в грамотах основных единиц меховой денежной системы (включая и мордки) уникальность данного примера, в котором «ушки» к тому же выступают в количестве, соответствующем, казалось бы, шести мордкам, не может не смущать.

В связи с этим хотелось бы указать на еще одну возможность толкования загадочных «ушек». Слово *ухо*, как показывает грамота № 25, имело в языке древнерусского права значение ‘свидетельское показание’, прозрачно связанное с обозначением свидетеля словом *послухъ*. В нашем документе «ушек» — двенадцать. Согласно краткой редакции Русской Правды (ст. 15; ПР, II: 105), ровно столько свидетелей требовалось для подтверждения истцом факта займа, отрицаемого должником. Ту же правовую норму содержит договор Новгорода с немцами 1189–1199 гг. (ГВНП, № 28: 55): *Оже емати скоть варягу на русинѣ или русину на варязѣ, а ся его заприть, то 12 мужь послухы, идеть ротѣ, възметь свое*. Не являются ли «12 ушек» обозначением показаний 12-ти послухов, которые Смола вызвался представить в подтверждение своего иска к Радяте, с которого, как утверждает последняя фраза грамоты, *не възато поль третьѣ гривнѣ*? Слова «положена куна» можно в таком случае истолковать как имеющие в виду оплату пошлины при подаче искового заявления. Аналогичная фраза употреблена и в грамоте № 252 (см. комментарий к ней в настоящем разделе), где речь идет о поездке автора в город для судебного разбирательства по делу о грабеже: *і снохою і своімъ грабьжъмъ поедъмъ в городо, к[у]н[у] н[у]п[о]к[лад]ѣ(ше)* ‘И с делом о снохе и о грабеже поедем в город, положивши куну...’.

Использование уменьшительной формы *ушко* вместо представленного в № 25 *ухо* может объясняться просто частотностью деминутивов в разговорной древнерусской речи. Возможно, однако, и более изысканное объяснение, опирающееся на следующую параллель в одной из раннесредневековых варварских правд, с которыми, как известно, правовые нормы Древней Руси имеют много общего. «Рипуарская правда», франкский свод законов VII в., содержит рекомендацию при заключении устной сделки собирать 3, 6 или 12 мальчиков (в зависимости от размера сделки) и *надирать им уши*, чтобы они, запомнив таким образом акт, свидетелями которого оказались, могли в будущем подтвердить его («... et unicuique de parvulis alapas donet et torcat auriculas ut ei in postmodum testimonium praebeant» [MGH 1954: 117]). 12 надранных «для памяти» детских ушей, как кажется, неплохо подходят на роль денотата «12 ушек». Заметим, что в латинском тексте употреблен деминутив *auricula*, в точности соответствующий др.-рус. *ушко*.

№ 805 (посл. треть XII в.; Б 80) [З]. Е. А. Хелимскому (ср. выше о № 745) принадлежит предложение понимать в этой грамоте слово *вежька* не в редком значении ‘укрепленная постройка’, ‘башенка’ (в данном случае в роли тюрьмы), а в самом обычном (‘шалаш’, ‘легкая постройка’). Он писал: «Думаю, что заключительная часть текста гласит: “А отроков (пахарей), если Шишак (их) гонит (= не пускает в жилище, которое, видимо, было им арендовано вместе с землей), посели в шалаше/легкой постройке Радка (конечно, только до окончания сезонных работ)”. С нашей точки зрения, такое решение следует признать возможным.

№ 809 (60-е – 80-е гг. XII в.; Б 62) [З]. В отношении слова *окънь* ‘как будто’ см. более полный разбор в Зализняк 2008а: 268–277.

№ 820 (60-е – 70-е гг. XII в.; Б 61) [3]. Е. А. Хелимскому (ср. выше о № 745) принадлежит предложение понимать в этой грамоте глагол *пнати* не как ‘тянуть [время]’, а как ‘принуждать’, ‘погонять’ (ср. у Даля: московское ‘погонять’, ‘нудить’). Общий смысл текста получается при этом достаточно правдоподобным: ‘Если же начнет понуждать (давить), то ведь я не давал клятвенного обещания [делать то, что ей (?)] угодно’.

№ 834 (2 четв. – сер. XII в.; Б 21) [3]. В качестве частичного вклада в изучение загадочной переходности глагола *въходити* в выражении *а въходить ма погосте ротѣ* отметим фразу из Пск. судн. грам. (ст. 27): *Тои же битъ учнетъ клепать грабежомъ, ино емѣ ходитъ* (инфинитив) *исца послѣхомъ*, где *ходити* тоже выступает в качестве переходного глагола, а именно, получает значение ‘судебно преследовать’, ‘пытаться наказать через суд’. Можно попытаться применить это значение к выражению *въходить ма* в № 834, предположив, что дополнительная приставка *въ-* здесь косвенно отражает намерение ввести («вогнать») в ситуацию принесения роты. Получившееся значение ‘а погост судебно преследует меня, заставляя принести роту’ практически равносильно значению ‘а погост заставляет меня принести роту’, предполагавшемуся уже в ДНД; но оно уже не требует гипотезы о буквенной ошибке (*въходить* вместо *въводитъ*).

№ 846 (2 четв. – сер. XII в.; Б 20) [Г]. В НГБ-ХI текст грамоты, с наиболее вероятными конъектурами, передан так: *Ѡ Дмитра мольба къ П... Попытай съчѣтъкъ слоужьб(ьнѣѣ) и коубицѣ въдаи съ кѣни(гами)*. Присутствие в документе сразу двух гапаксов — *съчѣтъка* и *кубица* — затрудняет интерпретацию. В трактовке окончания фразы издание использует наше предположение, согласно которому слово *кубицѣ* обозначает в данном случае какие-то церковные сосуды, а *кѣнигы* — относящиеся к ним записи. Такое толкование, однако, не учитывало следующего обстоятельства: памятникам древнерусского периода слово *кѣнигы* (употребляемое преимущественно как *pluralia tantum*) известно лишь применительно к сфере книжной культуры. Обозначение этим словом деловых записей, оформленных в виде тетрадей, встречается лишь начиная с XVI в., когда степень бюрократизации русского общества резко возрастает, — именно тогда складывается развитая номенклатура деловых «книг», насчитывающая несколько десятков наименований (см. Слов. XI–XVII, 7: 197). Для середины XII в. такое употребление слова было бы анахронизмом. Видеть в «кубицах» какие-то емкости для книг (вроде коробов) также не следует: эти емкости могли быть лишь округлой формы, совсем не подходящей для помещения кодексов. В этой ситуации наиболее вероятным кажется самое банальное решение — трактовать словоформу как Д. падеж личного имени *Кубица*. Действительно, слово как нельзя лучше подходит на роль прозвища для полного человека (ср. прозвище *Кубыш* и патроним *Кубышкин* в словаре Тупикова [269, 660]). От этого прозвища образовано название дер. *Кубицыно* Опочецкого района Псковской области; известны также фамилии *Кубица* и *Кубицын*. Можно думать, что посланный с грамотой Кубица должен был доставить автору богослужебные книги, а с ними — еще что-то. Что именно — зависит от трактовки сочетания *съчѣтъка слоужьбьнана*, составляющей отдельную проблему. Условно переведа *съчѣтъка* как ‘ропись’, для грамоты в целом можно предложить следующий перевод: ‘отыщи «ропись служебную» и выдай Кубице вместе с книгами’.

№ 852 (2 четв. – сер. XII в.; Б 24) [3]. Для выражения *о васѣ промыслимъ* ср. такие примеры, как:
нынѣ же да промысливѣ ѡ обою (Флав., 371а);
кѣнѣже, дѣють людѣе вѣче ночь, а хотать та ѣти, а промышляи ѡ собѣ (Ипат. [1169], л. 192);
а промышляимы ѡ собѣ, али начнуть ѡ насѣ людие промышляти (там же);
днѣ того казнилъ, а насѣ завутра, а промыслимы ѡ князѣ семь (Ипат. [1175], л. 207; здесь «забота» в отрицательном смысле — это говорят заговорщики, готовящиеся убить Андрея Боголюбского).

№ 855 (сер. XII в.; Б 25) [3]. В статье Коллинз 2012 автор выдвигает предположение, что грамота № 855 была донесением судебного исполнителя, и предлагает новые интерпретации для последней фразы грамоты. Он предполагает, что глагол *исправлоу* означал или ‘я соберу’, или ‘я расследую/рассужу’ и что при глаголе с

такой семантикой *hapaх legomenon доужебоу* может быть понят как термин, обозначающий либо денежный штраф, либо разновидность преступления. Оба значения выводятся из значения ‘сила’, которое устанавливается для корня *dug-* в результате сравнительной реконструкции. Автор показывает, что древнерусское законодательство апеллировало к понятию ‘сила’ при побоях, однако в других памятниках использовался термин *вѣкъ*. Тот факт, что и *dug-*, и *вѣк-* означали ‘сила’, позволяет интерпретировать *доужебоу* как еще один термин для ‘штрафа за силу’, платежа за нанесение ущерба ‘силе’ жертвы.

Проведенный автором анализ очень тщателен, и предложенная им интерпретация слова *доужебоу* представляется убедительной; тем самым основное предположение автора в целом должно быть признано высоковероятным.

№ 877 (2 четв.– сер. XII в.; Б 22) [3]. С не засвидетельствованным в других источниках словом *дикатыи* ‘дикий’, ‘диковатый’ (в выражении *дикати людье*) связана та трудность, что суффикс *-ат-ый* как правило присоединяется к основам существительных, а не прилагательных (ср. *усатый, рогатый* и т. п.). Примеры типа *сѣдатый*, образованные от адъективной основы, чрезвычайно редки. Поэтому полезно указать еще один пример этого рода, сверх отмеченных в ДНД₂ (с. 316): *рыжатыи* ‘рыжий’ (СРНГ, 35: 304, с пометами Новг., Вост. Прибайкалье).

№ 887 (сер. XII в.) [Г]. Вопреки сказанному в издании, фрагменты поддаются разделению на слова: на обеих сторонах берестяного листа была написана молитва: *Г(оспод)и помози рабоу своему (такому-то)*. На одной стороне сохранилось: *(помози) раб(о)у свое(моу)*, на другой: *[р](а)[в]оу с(воемоу)*.

№ 909 (кон. XI – нач. XII в.; А 9) [3]. В 3-й строке в имени *Т[е]--лтѣ* на новой фотографии видно, что от верха мачты третьей буквы вправо отходит слабая петелька, которая может принадлежать букве *р* или *в*; ср. в этой грамоте *р* с очень маленькой головкой в слове *зривны*. Тем самым должно быть признано чтение *Т[ерд]лтѣ*, которое оказывается аналогом написанию *млви* в № 952.

Ст. Р. 35 (20-е–50-е гг. [предпочт. 30-е–40-е] XII в.; Б 34) [3]. Что касается отсутствия йотации в форме *аесово*, то полезно отметить, что вариант *аице* (без йотации) отражен в Срезн. и СДРЯ (а именно, он встречается в Остромировом евангелии, в Ефремовской кормчей и др.).

Смол. 9/8 (кон. XII – нач. XIII в.; Б 137) [3]. Новая прорись грамоты Смол. 8, изготовленная Варварой Солдатенковой, показала, что в конце автор сперва написал *ажеси* (с правильным ритмом букв), а потом втиснул между *ж* и *е* букву *о* (именно *о*, а не *е*). Таким образом, следует читать: *ажо еси*.

Смол. 12 (сер. XII в.; Б 41) [3]. Для реконструкции *оже хъчеши пѣ (м)ъне* ср.: *хотѣль быхъ дати оуб(о)гымъ, но не имѣю ни злата, ни сребра, ни иного ничего же лежаща изобила, и аще бы по мнѣ, не гнѣвалса быхъ ни на кого же* (ЖАЮ, 376).

Твер. 5 (кон. XIII – нач. XIV в.; Г 41) [Г]. В работе (Гиппиус, Схакен 2011) предложена трактовка грамоты, в следующих моментах отличающаяся от принятой в ДНД₂. Во-первых, в двух случаях, для которых А. А. Зализняк оговаривает возможность альтернативного чтения, мы отдаем этой альтернативе предпочтение. Фрагмент, переданный в ДНД как *атѣ [ѣ]но сотѣсываѣте* ‘пусть даже он стесывает’, мы читаем (следуя предложению В. Л. Янина): *а тесно сотѣсываѣте*, предполагая здесь гапакс *тесно* ‘затес’. Слово *бортникъ* (записанное с ошибкой: *бортикъ*) мы, вслед за Т. В. Рождественской, переводим как ‘бортник’ (а не как ‘борть’); соответственно, *окралоса* трактуем не как пассив (‘обокрадена’), но как форму активного залога, сопоставляя этот глагол с современными *описаться, оговориться, оступиться*, обозначающими действия, совершенные

непреднамеренно, по ошибке; на этом фоне окрался может быть понято как ‘по ошибке присвоил чужое’. Как обозначение незначительной, совершенной без злого умысла кражи этот глагол выступает и в «Вопрошании Кириковом» (гл. 83): *ѡже ли ѡкрадеть(с), а то оуложат ѡтаи, то достоить* [поставить дьяконом].

Главная же поправка заключается в переосмыслении коммуникативной структуры грамоты. Слова *азо дубие ѡимаю по своей мети* и *то мои дубо, ваше бортико окралоса первы* мы предлагаем считать прямой речью Шуйги, вводимой без эксплицитного маркирования, что в берестяных грамотах — не редкость (ср. № 154, 697, 755, 962). При таком членении текста в нем выделяются три смысловые части: 1) констатация общего положения дел; 2) более подробное описание действий Шуйги, с цитированием его слов; 3) призыв к адресату вмешаться и исправить положение. Приведем текст с разделением на эти части в нормализованной орфографии:

Ѡ Илицѣ ко Илье. 1) *Шюига дубие переписывает, а бчелы ти лазиль*. 2) *«азъ, — [говорит Шуйга], — дубие ѡимаю по своей мети»*. *А тесно [он] сътесывает, [говорит]: «то мои дубъ, ваш бортикъ окрался первыи»*. 3) *А нынѣ поѣди самъ сѣмо, утверди свою борть*.

Не пересказывая деталей аргументации, обосновывающей такую трактовку, скорректируем наше понимание заключительных слов Шуйги. Слова *ваше бортико окралоса первы* мы перевели ‘ваш бортник первый своровал’. Такой перевод оставляет неясным, какому более позднему акту воровства противопоставляется эта «первая» кража. Всё становится на свои места, если понимать *первый* не как часть именного сказуемого, а как дистантно расположенное определение к *бортикъ*, имеющее значение ‘прежний’ (см. СДРЯ, 9: 273). Стесывая «тесно» Ильи, Шуйга утверждает, что дубы принадлежат ему и что прежний бортник Ильи «окрался», нанеся на них свои знаки. Перевод грамоты в целом приобретает таким образом следующий вид: ‘От Илийцы к Илье. Шуйга переделывает метки на дубах и вынимал мед из ульев. [Он говорит]: «Я отбираю дубы по своей метке». А затес стесывает, [говоря]: «Это мой дуб, [это] ваш прежний бортник своровал». Поезжай же теперь сам, утверди [владение] своей бортью’.

Звен. 2 (10-е – 30-е гг. XII в.; Б 43) [Г]. Как отметил А. П. Толочко (2008), 60 кун за ладью, которые автор грамоты собирается взыскать с адресата, соответствуют норме штрафа, установленной за кражу ладьи в Русской Правде. Отражение грамотой этой правовой коллизии исследователь считает противоречащим предложенной в Гиппиус 1991 и принятой в ДНД трактовке слов *ида на судъ* как метафоры, обозначающей состояние человека в преддверии смерти (эта трактовка, напомню, опиралась на параллель из Жития Мефодия, где формула *на соудъ градыи* использована во фразе, вводящей духовное завещание Константина). По его мнению, «в грамоте речь идет не о смерти Говена и его завещании, но о его требовании возмещения по суду стоимости ладьи (украденной или утраченной Неженцем), о чем, видимо, Неженец прежде уже был извещен (“поп писал”). Суд, на который отправился Говен, — не метафорический, но вполне реальный княжеский, чем объясняется и угроза Говеновой жены привлечь княжеского отрока: для исполнения судебного решения» (Толочко 2008: 277).

Это объяснение было бы достаточным и даже само собой разумеющимся, если бы не следующее обстоятельство, проигнорированное А. П. Толочко: денег за ладью требует от Неженца не сам Говен, а «Говеновая». Даже при самой смелой оценке степени самостоятельности женщины в домонгольской Руси вряд ли возможно вообразить ситуацию, в которой жена настолько заправляет финансовыми делами мужа, что сама угрожает явиться к должнику с судебным исполнителем. О том, что «Говеновая» выступает в тексте не как жена Говена, а как его вдова, писал уже И. К. Свешников (1990: 128) при первой публикации грамоты («Слід думати що Говен помер: борг від Нежничча хоче одержати вже не він, а його дружина Говенова»). Наша трактовка слов *ида на суд* лишь подтверждает такое понимание дела, позволяя истолковать ситуацию грамоты наиболее экономным способом. Сам И. К. Свешников, как и А. П. Толочко, полагал, что речь идет о княжеском суде, в который ранее обратился Говен и выполнения постановления которого, записанного попом, после смерти мужа требует от должника вдова. Однако поп, как следует из текста, записал то, что «поведал» Говен, а вовсе не судебное постановление; считать же, что записано было исковое заявление Говена, — значит допускать маловероятный

для начала XII в. уровень бюрократизации судебной процедуры. Согласно переводу А. П. Толочко, ‘Говен [уже] требовал, [перед тем как] идти на суд, а поп [то] писал’. Но *повѣдалъ* не может означать ‘требовал’, а поп не мог писать Неженцу — в этом случае при глаголе ожидалось бы местоимение 2-го лица.

В рамках нашей трактовки подразумеваемый общий объект при глаголах *повѣдалъ* и *писалъ* определяется без труда: это сделанное Говеном перед смертью заявление о долге (возможно — незаплаченном штрафе), который следует взыскать с Неженца. Такого рода сведения составляют неотъемлемую часть формуляра древнерусских духовных грамот, начиная с новгородского завещания Климента (...у *Хотьвита взяти Климате гривна солоныхъ коунъ, у [Т]ъчьна поль гривны, у Кыѣана поль гривны, оу Козельца с Ламлан[ы] поль гривны, на Доуранѣ 7 гривенъ...* [Тихомиров и Щепкина 1952: 9; уточнения по: Анкудинов 2013б]). Это позволяет думать, что именно духовная грамота в ее наиболее примитивной форме была документом, который со слов Говена писал поп.

Может показаться, что иносказательное понимание слов *ида на судъ* вносит в трактовку документа нежелательную двусмысленность, поскольку дальше в тексте речь идет о реальной судебной процедуре с участием княжеского отрока. Представляется, однако, что в данном случае имеет место не двусмысленность, но преднамеренная семантическая дуплановость, соответствующая разделению в формуляре средневекового акта двух типов угроз нарушителям постановления — божественной карой (*sanctio spiritualis*) и преследованием мирских властей (*sanctio temporalis*). В контексте духовной Божий суд мыслится по модели мирского суда — как место, где завещатель-кредитор сможет свести счеты с упорствующими должниками. Так, в уже упомянутой духовной Климента перечень сумм, которые названные лица должны автору, заканчивается фразой: *Или кто почнетъ сѧ заирати того, тѧ станеть со мною передъ Богомъ*. Эта фраза чрезвычайно близка по форме к угрозе княжеским и владычным судом в берестяной грамоте № 155, концовка которой, в свою очередь, сходствует с концовкой Звен. 2: *или не прислещи, а мнѣ ти стати [о](у кна)за и 8 вѣдкѣ, а больши ти протера гоши(ти)*. В свете этой двойной параллели кажется вероятным, что формула *ида на соудъ* употреблена в грамоте не просто как метафора ухода из жизни, но и как своего рода *sanctio spiritualis*: упоминание Божьего суда, на который отправился Говен, заявив о долге Неженца, видимо, уже несло в себе угрозу, предполагая, что в случае неуплаты Неженец сам будет осужден этим судом. В связи с таким «состязательным» пониманием формулы представляет интерес еще одна параллель к ней, извлекаемая из первого послания Курбского к Грозному: *А писанейце сие, слезами измоченное, во гроб с собою повелю вложити, срядущи с тобою на суд бога моего Исуса* (Переписка: 8).

В отношении данной грамоты следует также отметить, что Й. Схакен (2013) предположительно относит ее к разряду коммуникативно неоднородных документов, допуская, что после слов *а дае Луокѣ* автором речи является уже не вдова Говена, а сам Лука, который и угрожает Неженцу, в случае отказа того заплатить за ладью, явиться к нему с княжеским отроком. Эта трактовка опирается на форму *поима*, которая, при отнесении ее к автору-женщине, оказывается единственным в ранних берестяных грамотах случаем несогласования в роде краткого действительного причастия со своим агенсом. Если же речь принадлежит Луке, эта аномалия устраняется. Впрочем, как отмечает Й. Схакен, материал для выводов о динамике данного явления пока еще очень ограничен, что делает такую интерпретацию лишь одной из возможных.

Дополнение [3]: важнейшие поправки к ДНД₂, уже внесенные в соответствующие статьи настоящего тома.

№ 931: чтение *а* | *азъ* вместо *а|зъ*.

№ 932: чтение *оста|фнина* вместо *оста|фьина*.

№ 934: чтение *есмѣ* вместо *есмь*.

№ 937: чтение *послале ксемь* | *с михалькою* вместо *послале ксемь с|о михалькою*.

№ 943: чтение *са нь надъи* вместо *са не надъи* (опечатка).

№ 948: чтение *-(к)сент[и]ємо* вместо *-(к)сент[е]ємо*.

КОРРЕКТИВЫ К ТАБЛИЦАМ ВНЕСТРАТИГРАФИЧЕСКОГО ДАТИРОВАНИЯ

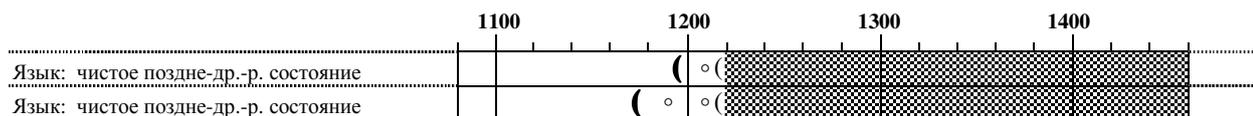
В НГБ-Х (с. 417) указывалось: «Предлагаемая процедура датирования не может быть свободна от погрешностей и ошибок. Это определяется прежде всего ограниченностью имеющегося ныне материала. Существенна также и локальная ограниченность материала — в конкретных строках или даже в их частях, соответствующих тому или иному хронологическому интервалу. Чем слабее заполнена строка, тем выше вероятность ошибки в датировках, которые опираются на показания такой строки.

В случае пополнения материала некоторые из погрешностей вскрываются и могут быть исправлены. Такая коррекция была проведена, в частности, после значительного расширения материала за счет находок 1998 и 1999 гг. Важно отметить, что эта коррекция, затронувшая около 60 клеток (из примерно 8500) в инвентаре матричных строк, лишь в весьма незначительной степени отразилась на расстановке рамок в матрицах ранее известных грамот. Это дает основания предполагать, что и дальнейшее расширение материала будет приносить частные уточнения (вероятно, весьма многочисленные), но всё же не приведет к радикальной ревизии полученных к настоящему моменту результатов».

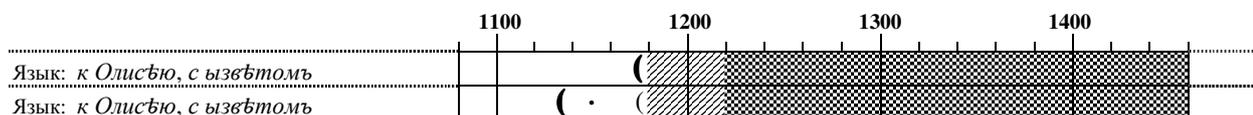
В настоящее время материал берестяных грамот расширился примерно на 16% по сравнению с тем, на основании которого были составлены таблицы внестратиграфического датирования в НГБ-Х. И действительно, это расширение материала сделало необходимым внесение некоторых новых коррективов в эти таблицы. При этом, однако, число таких коррективов оказалось весьма невелико: затронуто всего 12 клеток (из примерно 8500).

Ниже приведены эти коррективы (с краткими пояснениями того, чем они вызваны). В каждом случае первой приводится соответствующая матричная строка из таблиц X тома НГБ, а второй — та же строка в скорректированном ныне виде.

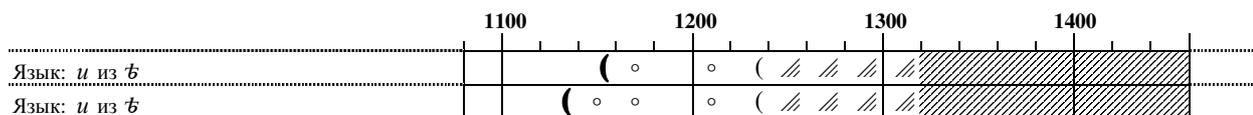
Из языка

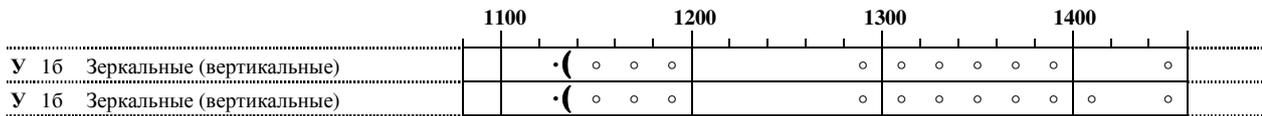
Корректировка из-за блока Якима (см. при № 1042).

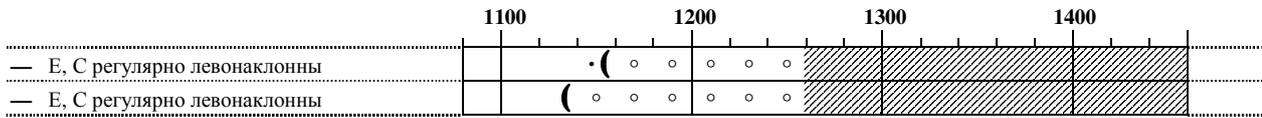
Корректировка из-за к отьцевѣ 1012 (стратиграфически 2-я четверть – середина XII в.).

Корректировка из-за трех грамот, свидетельствующих о том, что первые примеры и из ѣ появляются несколько раньше, чем позволял считать имевшийся ранее материал: про кѣни 954 (стратиграфически 1-я половина XII в.), на руци 944 (стратигр. 2-я четверть XII в.), коси Д. ед. 955 (стратигр. 30-е–40-е гг. XII в.). В уо Ньжи 980 (блок

Корректировка из-за № 933 (стратиграфически рубеж XIV/XV вв. – первая половина 1420-х гг.).

Корректировка из-за № 944 (стратиграфически 30-е – 40-е гг. XII в.).

ЛИТЕРАТУРА

- Анкудинов 2007 — *И. Ю. Анкудинов*. Предварительные итоги историко-географического изучения Ильменского Поозерья конца XV в. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007.
- Анкудинов 2013а — Акты новгородского Вяжицкого монастыря конца XV — начала XVII вв. / Подгот. И. Ю. Анкудинов. М., 2013.
- Анкудинов 2013б — *И. Ю. Анкудинов*. Новые материалы о духовной Климента XIII в. // Новгородский архивный вестник. Вып. 11. Великий Новгород, 2013. С. 3–7.
- Анкудинов 2014 — *И. Ю. Анкудинов*. «Вежники» новгородских берестяных грамот № 550 и 664 // Новгородский архивный вестник. Вып. 12. Великий Новгород, 2014. С. 3–5.
- Арх. обл. слов. — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- Баранкова 2013 — *Г. С. Баранкова*. Редкий способ сокращения слов, связанный с названиями кириллических букв // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2012–2013. М., 2013. С. 115–134.
- Баскаков 1979 — *Н. А. Баскаков*. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Баскаков 1985 — *Н. А. Баскаков*. Тюркская лексика в Слове о полку Игореве. М., 1985.
- Беляев 1927 — *Н. Т. Беляев*. О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса // *Seminarium Kontakovium*. I. Прага, 1927. С. 247–285.
- БЛДР 1 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997.
- БЛДР 4 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб., 2004.
- Бобрик 2008 — *М. А. Бобрик*. Новые сведения о берестяной грамоте 916 // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 246–256.
- Буров 1988 — *В. А. Буров*. О родословии бояр Мишиничей-Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 119–125.
- Былины Печоры — Былины Печоры и Зимнего Берега. М.; Л., 1961.
- Бэкклунд 1956 — *A. Baecklund*. Could Old Russian Feminine Names end in “-yata”? // *Slavonic and East European Review*, XXXV, 1956. P. 255–258.
- Василик 1997 — *В. В. Василик*. О древнейших богородичных песнопениях // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 1997. С. 181–183.
- Васильев 2005 — *В. Л. Васильев*. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- Васильев 2012 — *В. Л. Васильев*. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- Виз. легенды — Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. Л., 1972.
- Вопрошание Кириково — РИБ. Т. 6. СПб., 1908.
- ВЯ — Вопросы языкознания.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Герберштейн — *С. Герберштейн*. Записки о Московии // Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вступит. статья А. Л. Хорошкевич. М., 1988.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873.
- ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
- Гиппиус 1991 — *А. А. Гиппиус*. «Ида на суд...» (Комментарий к берестяной грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого) // Семиотика культуры. III Всесоюзная школа-семинар 15–20 сентября 1991 года. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1991. С. 3–5.
- Гиппиус 2003а — *А. А. Гиппиус*. Петр и Якша: К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 66–76.
- Гиппиус 2003б — *А. А. Гиппиус*. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Материалы юбилейной конференции. Великий Новгород, 21–23 сентября 2001. М., 2003. С. 45–56.
- Гиппиус 2004а — *А. А. Гиппиус*. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // НГБ-ХI. С. 183–232.

- Гиппиус 2004б — *А. А. Гиппиус*. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII в. // НГБ-ХI. С. 164–182.
- Гиппиус 2005 — *А. А. Гиппиус*. «Сисиниева легенда» в новгородской берестяной грамоте // Заговорный текст: генезис и структура. М., 2005. С. 136–142.
- Гиппиус 2006 — *А. А. Гиппиус*. Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2005. С. 114–251.
- Гиппиус 2009 — *А. А. Гиппиус*. Берестяное «хитросплетение» XII века (грамота № 88) // Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 37–43.
- Гиппиус, Зализняк, Коваль 2011 — *А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, В. Ю. Коваль*. Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия. Сб. статей. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники. М., 2011. С. 452–455.
- Гиппиус, Михеев 2011 — *А. А. Гиппиус, С. М. Михеев*. Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. III // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 37–57.
- Гиппиус, Схакен 2011 — *А. А. Gippius, J. Schaeken*. On direct speech and referential perspective in birchbark letters no. 5 from Tver' and no. 286 from Novgorod // Russian Linguistics. Vol. 35 (2011). P. 13–32.
- Гиппиус, Михеев 2013а — *А. А. Гиппиус, С. М. Михеев*. Две древнерусских загадки XII–XIII вв. из Новгорода и Новогрудка // Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 81–90.
- Гиппиус, Михеев 2013б — *А. А. Гиппиус, С. М. Михеев*. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 152–179.
- Гиппиус, Михеев 2014 — *А. А. Гиппиус, С. М. Михеев*. Надписи-граффити смоленского Собора на Протоке из фондов Новгородского музея // Вопросы эпиграфики. Вып. 7. М., 2014.
- Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь украинского языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.
- Горбань 2002 — *О. А. Горбань*. Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте. Волгоград, 2002.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–. Менск, 1982–.
- Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Девгениево деяние — по изд.: Пам. лит., XIII век.
- Деул. слов. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- ДНД₁ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- ДНД₂ (и просто ДНД) — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Добрыня и Алеша — Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и И. В. Смолицкий. М., 1974.
- Дубровин 2010 — *Г. Е. Дубровин*. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого. По изд. в кн.: *А. М. Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Живов 2006 — *В. М. Живов*. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
- ЖФП — Житие Феодосия (по Усп. сб.).
- Загребин 2006 — *В. М. Загребин*. Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. СПб., 2006.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2003 — *А. А. Зализняк*. О вероятной связи ряда персонажей берестяных грамот с несколькими историческими лицами XII и начала XIII в. // НГБ-Х. С. 182–185.
- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк 2008а — *А. А. Зализняк*. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.
- Зализняк 2014 — *А. А. Зализняк*. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.
- Зализняк, Носов, Янин 2004 — *А. А. Зализняк, Е. Н. Носов, В. Л. Янин*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 г. // ВЯ. 2004. № 3. С. 15–23.
- Зализняк, Янин 2006 — *А. А. Зализняк, В. Л. Янин*. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // ВЯ. 2006. № 3. С. 3–23.
- ИГДРЯ I — *С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько*. Множественное число именного склонения / Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I. М., 2000.
- Изуч. яз. — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // НГБ-IX. С. 191–321.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Княж. уставы — Древнерусские княжеские уставы. XI–XV вв. Л., 1976.

- Коллинз 2011 — *D. E. Collins*. Reconstructing the pragmatics of a medieval marriage negotiation (Novgorod 955) // *Russian Linguistics*. Vol. 35 (2011). P. 13–32.
- Коллинз 2012 — *D. E. Collins*. The strength of the case: interpreting the hapax legomenon *доужебою* in Novgorod birchbark 855 // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2 (24). С. 186–218.
- Колчин, Хорошев, Янин 1981 — *Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин*. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- Комар 2011 — *А. В. Комар*. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // *Хазарский альманах*. Т. 9. Киев; Харьков, 2010–2011. С. 131–184.
- Комисс. НПЛ — Комиссионный список Новгородской I летописи.
- Крысько 1994 — *В. Б. Крысько*. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Крысько 2000 — *В. Б. Крысько*. К интерпретации некоторых именных форм в берестяных грамотах // *Russian Linguistics*. 24 (2000). № 3. P. 231–264.
- Крысько 2001 — *В. Б. Крысько*. *Miscellanea palaeorossica* // *Papers in Slavic, Baltic and Balcan studies*. Helsinki, 2001. P. 101–113. (*Slavica Helsingiensia*, 21).
- Крысько 2007 — *В. Б. Крысько*. Очерки по истории русского языка. М., 2007.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский университет, кафедра русского языка и общего языкознания).
- Кунгурские акты — Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.) / Изд. А. Г. Кузнецов, ред. А. А. Титов. СПб., 1888.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- Лингв. — *А. А. Зализняк*. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // НГБ-VIII. С. 89–219.
- Майков 1911 — *В. В. Майков*. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
- Мариин. ев. (Мариинское евангелие) — *Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae Codex Marianus glagoliticus characteribus cyrillicis transcriptum*. Edidit V. Jagić. Berolini, 1883.
- Махек 1928 — *V. Machek*. [Rez.] Aleksander Brückner: Słownik etymologiczny języka polskiego // *Listy filologiczne*. 55 (1928). S. 141–152.
- Махек 1957 — *V. Machek*. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1957.
- Медынцева 1978 — *А. А. Медынцова*. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.
- Медынцева 2000 — *А. А. Медынцова*. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000.
- Нахтигал 1963 — *Р. Нахтигал*. Славянские языки. М., 1963.
- НГБ-I — *А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.
- НГБ-II — *А. В. Арциховский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
- НГБ-III — *А. В. Арциховский, В. И. Борковский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.
- НГБ-III — *А. В. Арциховский, В. И. Борковский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
- НГБ-V — *А. В. Арциховский, В. И. Борковский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.
- НГБ-VI — *А. В. Арциховский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.
- НГБ-VII — *А. В. Арциховский, В. Л. Янин*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.
- НГБ-VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ-IX — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НГБ-X — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
- НГБ XI — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
- Нимчук 2013 — *Німчук В. В.* Давньоукраїнський напис из Дорогичина // *Храм і люди. Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького*. Київ, 2013.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).
- ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
- Новг. догов. 1372 — ГВНП, № 17, 1372 г.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб., Пг., 1859–1915.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

- Ономастикон — С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Орел, Торпусман 1995 — В. Орел, Р. Торпусман. Заметки о берестяных грамотах. I // Wiener Slawistischer Almanach. 35 (1995). P. 271–279.
- Палеогр. — А. А. Зализняк. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // НГБ-Х. С. 134–429.
- ПВЛ — Повесть временных лет (цитируется, если не оговорено иное, по Лавр.).
- Переписка — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1981.
- Петрухин 2009 — П. В. Петрухин. К изучению новгородской берестяной грамоты № 724 // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 109–126.
- Писц. и перепис. книги 2003 — Писцовые и переписные книги Новгорода Великого. Сборник документов / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.
- ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540 гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 2004.
- Познанский 1912 — Познанский Н. Ф. Сисиниева легенда-оберег и сродные ей амулеты и заговоры // Живая старина. № 21. 1912. С. 95–116.
- Попконстантинов, Кронштайнер — К. Popkonstantinov, O. Kronsteiner. Старобългарски надписи = Altbulgarische Inschriften. – 1 // Die slawischen Sprachen. Bd. 36. [Wien], 1994.
- Попр.-VIII — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению берестяных грамот (= § 87 работы Лингв.) // НГБ-VIII. С. 181–217. При отсылке к этой и двум последующим работам, если прямо не указан номер грамоты, имеется в виду раздел, посвященный обсуждаемой в этот момент грамоте.
- Попр.-IX — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // НГБ-IX. С. 123–180.
- Попр.-X — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // НГБ-X. С. 82–122.
- ПР — Правда Русская. Т. 1–3. М.; Л., 1940–1963 (цитируется, если не оговорено иное, по Синодальному списку).
- Пск. лет. 2 — Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- Пск. обл. слов. — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., 1967–.
- Пск. судн. грам. — Псковская судная грамота. СПб., 1914.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Пыпин 1862 — А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах // Летопись археографической комиссии. 1861. СПб., 1862. Вып. 1.
- Расоньи, Баски 2007 — L. Rásonyi, I. Baski. Onomasticon Turcicum: Turkic Personal Names. Bloomington, Indiana, 2007.
- РГБ — Российская государственная библиотека в Москве (бывш. ГБЛ).
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.
- РЗ — Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РИБ VI — Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. [Ред. А. С. Павлов]. 2-е изд. СПб., 1908.
- РНБ — Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге (бывш. ГПБ).
- Рындина 1962 — А. В. Рындина. Суздальский змевики // Древнерусское искусство. Художественная культура Домонгольской Руси. М., 1962. С. 217–235.
- РФВ — Русский филологический вестник.
- РЭФ — Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. М., 1995.
- Саарикиви 2007 — J. Saarikivi. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Helsinki, 2007. P. 146–196 (Slavica Helsingiensia, vol. 32).
- Сахаров 1851 — И. Г. Сахаров. Торговая книга // Записки отд. Русск. и Славянск. археологии Имп. Археологическ. Общ. I. 1851.
- Свешников 1990 — I. Свешников. Звенигородські грамоти на бересті // Дзвін. 1990. № 6. С. 126–132.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
- Седова 2003 — М. Седова. Быт томичей на крестьянском дворе (программа курса). Томск, 2003.
- Синод. НПЛ — Синодальный список Новгородской 1-й летописи.
- Сичинава 2015 — Д. В. Сичинава. Письмо к Чёрту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // www.inslav.ru/zalizniak80/
- Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Спарв. — J. G. Sparwenfeld. Lexicon Slavonicum. Edited and commented by Ulla Birgegård. Vol. I–IV, Index. Uppsala, 1987–1992.

- Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- Срезневский 1882 — *И. И. Срезневский*. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение. 2-е изд. СПб., 1882.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.–Л., 1965–.
- ССМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т. Київ, 1977–1978.
- Столярова 2000 — *Л. В. Столярова*. Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. III.
- Страхов 1998 — *А. Б. Страхов*. «Беседа трех святителей» в славянских записях и маргиналиях // *Palaeoslavica*. [Cambridge-Massachusetts], 1998. Vol. 6. P. 286–290.
- Строев. — Строевский список Псковской 3-й летописи // Пск. лет. Вып. 2. С. 78–250.
- Схакен 2011 — *J. Schaeken*. Don't shoot the messenger. A pragmatophilological approach to birchbark letter no. 497 from Novgorod // *Russian Linguistics*. Vol. 35/1. P. 1–11.
- Схакен 2013 — *J. Schaeken*. Don't shoot the messenger: part two. Pragmatophilological notes on birchbark letters nos. 497 and 771 from Novgorod and no. 2 from Zvenyhorod // *Dutch Contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists, Minsk: Linguistics (series SSGL)*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2013. P. 155–156.
- Тихомиров и Щепкина 1952 — *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина*. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- Толстая 2015 — *С. М. Толстая*. Несколько русско-сербских параллелей из области народного правосудия // *С. М. Толстая*. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 473–485.
- Толстой 1995 — *Н. И. Толстой*. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толочко 2008 — *А. П. Толочко*. «Правда Русская» и звенигородская берестяная грамота № 2 // *Palaeoslavica*. [Cambridge-Massachusetts], 2008. Vol. XVI/1. P. 276–278.
- Топоров 1993 — *В. Н. Топоров*. Обиндоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 102–103.
- Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Увар. (Уваровская летопись) — Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 1949.
- Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1647.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Успенский 1982 — *Б. А. Успенский*. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Успенский 1996 — *Б. А. Успенский*. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1996.
- Устав студ. — Устав студийский церковный и монастырский. Кон. XII в. ГИМ, Син. 330. (Библиографию см.: Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984, с. 159–161, № 138; *А. М. Пентковский*. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси М., 2001, с. 306).
- Устав Ярослава — Устав князя Ярослава о церковных судах // *Княж. уставы*. С. 85–139.
- Факкани 1995 — *R. Fassani*. Inscrizioni novgorodiane su cortecchia di betulla. Udine, 1995.
- Факкани 2003 — *Р. Факкани*. Некоторые размышления об истоках древненовгородской письменности // *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. М., 2003. С. 224–234.
- Факкани 2004 — *Р. Факкани*. Рец.: В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000 // *Russian Linguistics*. 28 (2004). P. 125–130.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Фенне — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607)*. Vol. II. Copenhagen, 1970. Ссылки даются на страницы оригинала.
- Ферапонтовская кормчая — рукопись РГБ (сер. XVI в.), фонд 98, № 248.
- Филин 1949 — *Ф. П. Филин*. Лексика древнерусского языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. Л., 1949. Т. 80.
- Флав. — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.
- Фортейн 2008 — *Э. Фортейн*. Полисемия императива в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2008. № 1. С. 3–24.
- Хелимский 1986 — *Е. А. Хелимский*. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным

грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 252–259.

Хендрикс, Схакен 2006 — *Pepijn Hendriks and Jos Schaeken. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607: An electronic text edition* (<http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>).

Царевская 1999 — *Т. Ю. Царевская. Фрески церкви Благовещения на Мячине («в Аркажах»)*. Новгород, 1999.

Шведова 1974 — *Н. Ю. Шведова. О долженствовательном наклонении // Синтаксис и норма / Под ред. Г. Ю. Золотовой*. М.: Наука, 1974.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–* М., 1974–.

Юшков 1935 — *Руська Правда (Тексти на основі 7 списків та 5 редакцій). Склав та підготував до друку проф. С. Юшков*. Київ, 1935.

Янин 1962 — *В. Л. Янин. Новгородские посадники*. М., 1962.

Янин 1991 — *В. Л. Янин. Новгородские акты XII–XV вв.* М., 1991.

Янин 1994 — *В. Л. Янин. Генеалогия боярских родов Великого Новгорода // Историческая генеалогия*. Екатеринбург; Париж, 1994. № 4.

Янин 1998 — *В. Л. Янин. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков*. М., 1998.

Янин 2003 — *В. Л. Янин. Новгородские посадники*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

Янин 2007 — *В. Л. Янин. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода*. М., 2007.

LUB IV — *Liv-, Est- und Curlaendische Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. IV*. Riga, 1865.

MGH LL I, III, 2 — *Monumenta Germaniae historica. Legum sectio I: Legum nationum Germanicarum. T. III, P. II. Lex Ribuaria*. Hannover, 1954.

Protobulg — <http://protobulgarians.com>. Страница за прабългарите. Език, произход, история и религия в статии, книги и музика.

RS — *Rocznik Slawistyczny*.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>В. Л. Янин</i>).....	3
-------------------------------------	---

Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)

Новгородские берестяные грамоты № 916–1063 (<i>В. Л. Янин, А. А. Зализняк</i>).....	12
---	----

Приложение

Берестяные грамоты № 37–45 из Старой Руссы (<i>Е. В. Торопова, В. Л. Янин, А. А. Зализняк</i>)	166
---	-----

Указатели

Словоуказатель к грамотам настоящего тома (<i>А. А. Зализняк</i>)	177
Условные даты грамот настоящего тома (<i>А. А. Зализняк</i>)	192

Поправки и замечания

Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот (<i>А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк</i>)	196
Коррективы к таблицам внестратиграфического датирования (<i>А. А. Зализняк</i>).....	276
Литература	279

Научное издание

Валентин Лаврентьевич Янин,

профессор Исторического факультета Московского государственного университета,
академик РАН

Андрей Анатольевич Зализняк,

главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, академик РАН

Алексей Алексеевич Гиппиус,

профессор Школы филологии Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», чл.-корр. РАН

НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ

Том XII

Корректор М. Н. Толстая
Оригинал-макет подготовлен М. Н. Толстой
Оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 19.10.2015. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ государственной регистрации 1037739118449.
Phone: +7 (495) 624-95-32. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4